This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

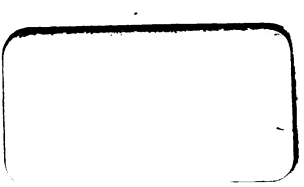
3 2044 021 941 117

Digitized by Google

P Slav 475.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

8546 11

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. М. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ V. ОКТЯБРЬ. 1886 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. Жемчужина Гвадарамы. (Впечатлѣнія и знакомства въ Сеговіи). **Василія Ив. Немировича-Данченко** 5

II. Изъ Сюлли Прюдома. Стихотворенія **О. Чюминой** 51

III. Научныя увлеченія уголовныхъ психіатровъ. **М. Г. Гребенщикова.** 53

IV. Парисъ. Историческій романъ. **Вильгельма Валлота.** 78

V. Сумашедшій. Стихотвореніе **Л. И. Пальмина** 111

VI. Исповѣдь ссыльнаго. (Изъ воспоминаній о Сибири). **Вадима Р—ова.** 113

VII. Воспоминанія префекта полиціи. **Л. Андріё.** *(Продолженіе)* . 149

VIII. Наши избирательные цензы. **А.** 185

IX. На охотѣ. Стихотвореніе **И. П. Можайскаго** 211

X. Посмертная исповѣдь. Разсказъ **Гюи де-Мопассана** 212

XI. Нильскій крокодилъ. Повѣсть **Д. Л. Мордовцева.** *(Продолж.)* . 220

XII. Дворянинъ-рабочій. (Ishmael). Романъ мистрисъ **Бреддонъ.** *(Продолженіе)* 231

XIII. Ошибки русской политики въ Болгаріи. **Гр. П. А. Кутузова.** . 329

XIV. Крестьянскія движенія въ Лифляндіи. **Е. В. Чешихина.** *(Продолж.)*.365

(см. на оборотѣ).

№ 10 «Наблюдателя» вышелъ 15-го октября 1886 года.

Digitized by Google

Современное Обозрѣніе.

стр.

XV. Политическая хроника. 1

Неизбѣжность войны и невозможность коалиціи.—Причина всеобщаго озлобленія противъ Россіи.—Двоедушіе европейской политики.—Батенбергіада, принимающая трагическій характеръ.—Англія въ поискахъ за союзниками.—Конституціонная Болгарія, отсыпающая два съ половиною милліона своему Батенбергу.—Регентство, обратившееся въ дуумвиратъ.—Расшаркиванія дипломатіи передъ Стамбуловыми и Муткуровыми.—Генералъ Каульбарсъ и его ультиматумъ.—Историческая сцена на церковной площади въ Софіи.—Отказъ регентства исполнить требованія Россіи.—Западная печать, поддерживающая сопротивленіе болгарскаго правительства.—Прокламація по поводу отъѣзда русскаго уполномоченнаго.—Рѣчь Тиссы и Черчиля.—Что дѣлать съ Болгаріей?—Груевъ и Бендеровъ.—Выборы 10-го октября въ Болгаріи.—Протесты русскаго консула.—Есть ли у насъ дипломаты?—Маневры германскіе, французскіе и австрійскіе.—Положеніе славянства.—Англія, поднимающая весь свѣтъ противъ Россіи.—Республиканское возстаніе въ Испаніи.—Судъ надъ нѣмецкими соціалистами.

XVI. Новыя книги: 1) **Всеобщая исторія Георга Вебера.** Томъ третій. Переводъ *Андреева*, Москва, 1886. 2) **Наташка.** *Максима Бѣлинскаго*. Кіевъ. 1886. Второе дополненное изданіе. 3) **Художественная энциклопедія.** Иллюстрированный словарь искусствъ и художествъ. Составилъ *Ѳ. Булгаковъ*. Томъ первый. А—І. Съ 535-ю рисунками. Спб. Изданіе А. Суворина. 4) **Изъ странныхъ разсказовъ.** *Грентъ-Аллена*. Переводъ съ англійскаго *М. В. Ватсонъ*. Спб. 1886. 5) **О поднятіи народнаго благосостоянія,** сочиненіе *Якова Янкевича*. Кіевъ. 1886 16

XVII. Наши внутреннія дѣла 24

„Сахарный вопросъ", вновь выдвинутый на сцену.—Междоусобная война сахарозаводчиковъ.—Неудавшійся проэктъ возвышенія вывозной преміи и обращенія ея въ безвозвратную.—„Нормировка" производства.—Во имя чего производятся всѣ эти набѣги на казенный сундукъ?—Благосостояніе рабочаго класса на сахарныхъ заводахъ.—Мнѣніе академика В. П. Безобразова о сокращеніи фабрично-заводскаго производства.—Рѣшеніе комитета министровъ по вопросу о нормировкѣ и его ближайшія послѣдствія.—Отмѣна этого рѣшенія и новый пересмотръ дѣла.

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

№ 10-й. ОКТЯБРЬ.

ЛЕТУЧАЯ БИБЛІОТЕКА
№
МИХАЙЛОВСКАЯ №2 С.П.Б.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., д. № 5.
1886.

Типографія и Хромолитографія А. Траншеля. Стремянная, № 12.

5 36

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1887 ГОДУ (ГОДЪ ШЕСТОЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: *Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, Ф. А. Андреевъ, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѳ. Бажинъ, В. П. Безобразовъ, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамберъ, Ш. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій* (Буква), *П. И. Вейнбергъ, Вологдинъ, Г. А. Мачтетъ*, (Г*), *д-ръ А. С. Виренiусъ, графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, М. Г. Гребенщиковъ, проф. В. П. Даневскій, И. Н. Денисовъ, баронъ А. Г. Жомини, Ю. Г. Завиенцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, А. В. Круповъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Нечуй-Левицкій, Ф. Д. Нефѣдовъ, В. Н. Никитинъ, А. И. Орловъ, Л. И. Пальминъ, Я. Л. Паперъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, Н. Флеровскій, Е. Чешихинъ, В. В. Чуйко*, и др.

„*Наблюдатель*“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25-ти до 30 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода.	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	7 р. 50.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи.	8 р.
Съ пересылкою за границу. . .	16 р.	Съ пересылкою за границу. .	9 р.

Гг. подписчики (не заграничные), высылающіе 17 р. с., получатъ, кромѣ годоваго экземпляра *Наблюдателя*: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**, изд. ред., въ которомъ помѣщены *три* романа: **Ваккалавръ**, *Жюля Валлеса*; **Фостэнъ**, *Э. Гонкура*, и **Эгоистъ**, *Вернера*. 2) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Ф. Шпильгагена* и 3) **Серапіонъ**, *Г. Эберса*. Всѣ эти романы въ отдѣльной продажѣ стоютъ **4 руб. 50 коп.**

Разсрочка платы допускается: для гг. служащихъ, за поручительствомъ казначеевъ, а для неслужащихъ по особому соглашенію съ Главною Конторою, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою.	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать три семикопѣечныя почтовыя марки за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *1 р. 50 к.*; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской *1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 20 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами*. Рукописи, принятыя *безъ назначенія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по усмотрѣнію редакціи. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 часовъ пополудни, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только два раза въ мѣсяцъ:* **5 и 20 числа, отъ часу до 2-хъ пополудни.** Если эти числа приходятся на праздники или воскресенья, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Digitized by Google

P 5 Cour 475.65 (1886/10)

ВЪ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ:

1) **Баккалавръ,** *Жюля Валлеса.*
2) **Фостэнъ,** *Э. Гонкура.*
3) **Эгоистъ,** *Вернера.*

} въ одномъ томѣ. 2 р.

4) **Гансъ-Филинъ,** *Ф. Шпильгагена.* Одинъ томъ, 1 р. 50 к.
5) **Утѣха жизни,** *Э. Золя.* Одинъ томъ. 1 р.
6) **Сераписъ,** *Георга Эберса.* Одинъ томъ. 1 р.

На пересылку каждой книги прилагается марками 21 к. Для подписчиковъ всѣ эти книги высылаются за *четыре* руб.

Кромѣ поименованныхъ романовъ, въ конторѣ имѣются на складѣ, въ небольшомъ количествѣ, слѣдующія книги, составляющія нынѣ библіографическую рѣдкость:

1) Сочиненія *Д. В. Веневитинова.* Изд. 3-е, съ біографіей и портретомъ автора. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.
2) *Князь В. Ѳ. Одоевскій.* Литературно-біографическій очеркъ, съ портретомъ. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 12 MAR 1971

Digitized by Google

ЛЕТУЧАЯ БИБЛІОТЕКА
№ .....
МИХАЙЛОВСКАЯ №2 С.П.Б.

ЖЕМЧУЖИНА ГВАДАРАМЫ.

(Впечатлѣнія и знакомства въ Сеговіи).

Какъ ни привыкъ я на испанскихъ желѣзныхъ дорогахъ ко всевозможнымъ сюрпризамъ—но сеговійская въ этомъ отношеніи превзошла всѣ ожиданія. Шестьдесятъ километровъ только отдѣляютъ Мединy-дель-Кампо отъ этого города. По расписанію слѣдовало ѣхать четыре часа,—кажется достаточно: не забывайте, что поѣздъ этотъ называется быстрымъ;—мы же катались ровно девять, т. е. опоздали на пять часовъ. Дѣло, видите ли, въ томъ, что Кастеларъ только что произнесъ свою знаменитую рѣчь противъ Пидаля; ожидалось паденіе матадоровъ, т. е. министровъ. Начальники станцій и кондукторы—представители двухъ враждебныхъ партій; матадоры въ желѣзныхъ дорогахъ имѣютъ большіе капиталы и назначаютъ первыми преимущественно своихъ людей, т. е. ультраконсерваторовъ, кондуктора же, какъ и слѣдуетъ быть, федералисты. Представьте же себѣ, что на каждой станціи начинались между федералистами и консерваторами отчаянные споры, длившіеся на нѣкоторыхъ станціяхъ, гдѣ было нѣчто въ родѣ митинга, болѣе полутора часа. На послѣднихъ станціяхъ начальство уже спало, и очень долго длилось пробужденіе, одѣваніе и наконецъ торжественный выходъ сихъ сановниковъ. Я протестовалъ, обращаясь къ мадридскому пріятелю, но дон-Луисъ только вытаращилъ на меня глаза.

— Я вамъ удивляюсь, злился вашъ покорнѣйшій слуга. У насъ въ Россіи—были бы давно записаны въ книгѣ тысячи жалобъ.

— На что именно?

— А на эти запозданія.

— Помилуйте. Это такъ пріятно, вагоны перваго класса вовсе не дурны. Ѣдешь себѣ, точно дома у себя въ креслѣ. Я бы радъ ѣхать всю ночь.

И остальные испанцы тоже улыбались одобрительно. Еще бы, чего тутъ!... Сидѣть мягко, достаточно тепло, puros курится великолѣпно. Оно, видите, еще лучше, чѣмъ позднѣе пріѣхать—потому что ночь, дождь льетъ, какъ изъ ведра, вѣтеръ съ Сомма-Сіерры такой, что

Digitized by Google

до костей пронизываетъ, такъ что когда наконецъ мы добрались божьею милостью до Сеговіи—то всѣ были этимъ очень недовольны. Выходимъ на платформу—какой-то единственный кочеро (cochero) торчитъ на улицѣ со своей колымагой. Подошли мы къ ней—болѣе жалкаго и ободраннаго экипажа доселѣ мнѣ не приходилось видѣть. Въ Испаніи только въ большихъ городахъ, какъ Мадридъ, Севилья, Барселона, есть извощики; въ такихъ же, какъ Вальядолидъ, Бургосъ—вы можете достать коляску у хозяина отеля, а въ Мединѣ, Авилѣ, Сеговіи, Кордовѣ, Толедо—ничего подобнаго. Или садитесь въ омнибусъ и пересчитывайте головой всѣ перекладины его кузова—или идите на своихъ двоихъ. Я поторопился поэтому скорѣе сѣсть въ колымагу, дон-Луисъ за мной, за нами еще и еще. Вотъ уже одинадцатый лѣзетъ. А въ открытую дверцу ломятся еще мрачные незнакомцы; куда они всѣ помѣстятся? Но въ этомъ случаѣ испанцы не церемонны. Комфортъ вѣдь не для нихъ. Не смотря на то, что отъ ливня они промокли насквозь—стали садиться другъ другу на колѣни. Какой-то дюжій парень сѣлъ ко мнѣ. Я оглянулся на дон-Луиса—у него тоже сидитъ какая-то баба-левіафанъ. Ну, думаю, значитъ это въ обычаѣ, а въ чужой монастырь и т. д. Слѣдовательно—терпи. Оселъ, сидѣвшій у меня на колѣняхъ, неимовѣрно меня безпокоилъ: то онъ лазилъ въ карманъ за сигарой, то за спичками, то за деньгами, то за платкомъ—наконецъ я не выдержалъ и поднялся, онъ упалъ прямо на моего визави. Я предложилъ ему самому занять мое мѣсто и затѣмъ, въ свою очередь сѣвъ къ нему на колѣни, постарался сдѣлать все возможное, чтобы отравить ему жизнь. Наши чемоданы были на верху. Лошади неслись, какъ сумашедшія; поминутно чемоданы валились въ грязь. Останавливались, подымали ихъ и неслись опять стремглавъ, чтобы сейчасъ же уронить другіе. Колымага летѣла внизъ по какимъ-то обрывамъ и опять подымалась на высоту; наконецъ въѣхали въ городъ и наткнулись на рѣшетку. Сталъ кричать кучеръ, заоралъ состоявшій при немъ мальчишка; въ этомъ концертѣ гласовъ, подлинно вопіющихъ въ пустынѣ, приняли участіе всѣ пассажиры, и добились только одного. Никто не явился отворить рѣшетку, зато окно верхняго этажа вдругъ раскрылось, высунулась оттуда какая-то вѣдьма и, выругавъ кучера на чемъ свѣтъ стоитъ, облила его какою-то гадостью изъ общеизвѣстной урны, не имѣющей ничего общаго съ погребальною. Бѣшенство cochero—не знало предѣловъ, но все таки ему пришлось повернуться и ѣхать въ другую улицу. Потянулись переулки такіе, что я диву давался, каимъ образомъ наша колымага можетъ въ нихъ двигаться; она пада-

Digitized by Google

ла и цѣплялась за фонарные столбы. Тутъ уже намъ пришлось заключить другъ друга въ объятія, потому что иначе нашимъ лбамъ грозила величайшая опасность. Такимъ именно образомъ сознаніе общихъ бѣдствій создаетъ братство между людьми. Меня обнялъ дюжій парень, я схватилъ за плечи даму-левіафана, она въ свою очередь держала въ объятіяхъ вспотѣвшаго отъ ужаса дон-Луиса, который держался за капеллана, а капелланъ замеръ на спинѣ у молоденькаго офицера, въ свою очередь уцѣпившагося за окошко. Мы всѣ завидовали одному звѣрообразному гидальго, въ объятіяхъ у котораго лежала прехорошенькая сеговійка, совсѣмъ аравитянка, съ прелестнымъ овалomъ лица и очаровательнѣйшими, все время нѣжно мерцавшими, длинными глазами... Нужно отдать справедливость—онъ оберегалъ ее съ величайшимъ усердіемъ, за что она, краснѣя, не переставала ему шептать „gracias, senor don Alonso, gracias". Я было хотѣлъ предложить въ этомъ отношеніи соблюденіе строгой очереди—но въ это время колымага остановилась, и аравитянка, выйдя изъ нея вмѣстѣ съ дон-Алонзо, была проглочена ночью и ея разбушевавшимися стихіями. Такимъ образомъ cochero, съ котораго ливень смылъ послѣдніе слѣды нанесеннаго ему оскорбленія—заѣзжалъ то въ одну улицу, то въ другую высаживать пассажировъ. Скоро дон-Луисъ былъ освобожденъ отъ своего левіафана, потомъ мой дюжій парень вышелъ изъ омнибуса, и наконецъ, часа черезъ полтора такихъ злоключеній, мы добрались до Posada Nueva. Она оказалась занята вся, отъ чердака до подвала. Ѣдемъ въ другую—та же исторія. Въ третьей вышелъ сонный criado (служитель) и повелъ меня по коридорамъ, на которыхъ въ самомъ живописномъ положеніи лежали прочіе criada и criado. Онъ переступалъ черезъ нихъ, точно черезъ мертвыя тѣла.

— Вотъ!..—И онъ торжественно сталъ стучаться въ двери.

— Кого чортъ принесъ! послышалось изнутри.

— Э!.. Такіе же, какъ и вы, caballero. Всѣмъ пріютъ нуженъ сегодня. Не на улицѣ же подъ дождемъ оставаться сеньорамъ!

Дверь отворилась. Съ трехъ кроватей поднялись проснувшіеся caballero и выпучили на насъ глаза. Одинъ изъ нихъ оказался до того худъ, что я уже подумалъ, не переселилась ли въ него душа Россинанта. Четвертая кровать была пуста.

— Ну, а для меня? вскипѣлъ дон-Луисъ.

— А вамъ придется или на полу, или въ другую гостинницу. А то и вмѣстѣ, на одну кровать.

По полу, разумѣется, ползали тараканы—да какіе. Испанія могла бы гордиться ими—и еслибы такіе продукты домашняго

Digitized by Google

хозяйства допускались на выставку—Кастилія побѣдила бы даже и Россію. Ужь на что, кажется!

— Пойдемъ, посмотримъ еще что нибудь, предложилъ я пріятелю.

Добрались мы еще до одной „фонды"—оказался кабакъ неимовѣрный. Наконецъ дон-Луисъ вспомнилъ, что на plaza Constitucion—есть casa de Huespedes. Небо справедливо—и усталымъ путникамъ оно всегда посылаетъ dulcis in fundo. Этою сладостью явилась длинная, большая комната съ двумя чистыми кроватями. Другой мебели не полагалось—но зато ни одного таракана на стѣнѣ, ни одной блохи, ни одного клопа. Да ужь въ Кастиліи ли мы? изумился я, поднимая простыни и тюфяки, но criado точно понялъ меня. „Будьте спокойны, у насъ этого нѣтъ!" не безъ сожалѣнія заявилъ онъ. Самыя кровати были громадны—точно два большихъ жертвенника стояли здѣсь.—Что стоитъ? спрашиваю я.

— Двадцать четыре реала съ каждаго.

— За все, за завтракъ, обѣдъ, за свѣчи?

— За все!

Двадцать четыре реала—это шесть франковъ. Совсѣмъ благодать! На другой день оказалось, что постоянные жильцы этого рая платятъ по 20 и 16 реаловъ. Первый разъ въ Испаніи я наткнулся на такую дешевизну. Очевидно, сюда еще не стали ѣздить путешественники.

Сеговійскіе звонари, должно быть, принимаютъ городъ—за страдающаго безсонницей ребенка, а себя—за нянекъ и всю ночь до утра убаюкиваютъ его поперемѣннымъ звономъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ этому здѣсь надо привыкнуть. То „серено" подъ окномъ кричитъ: „шесть часовъ, идетъ дождь и дуетъ вѣтеръ, да возвеличится и возсіяетъ надъ нами Maria purissima!" То вдругъ на сосѣдней колокольнѣ послышится звонъ; а тамъ зазвонитъ другая. Третья, необыкновенно мелодическая, съ полчаса покрываетъ ихъ всѣхъ своимъ звономъ, за ней четвертая, такъ что когда я заснулъ, то мнѣ приснилось, будто сереносы со всего города собрались сюда и стали вѣшать колокола въ моей головѣ, груди, а потомъ меня самого заставили бѣгать—чтобы эти колокола звонили. Я проснулся весь въ поту—смотрю, надо мной стоитъ дон-Луисъ.

— Что съ вами?

— Плохо звоню что ли? съ ужасомъ спросилъ я, принимая его за серено.

— Нѣтъ, вы все время кричали. Пора вставать; посмотрите— и онъ показалъ въ окно.

Digitized by Google

Солнце уже ярко свѣтило. Отъ вчерашняго дождя не оставалось ничего. На небѣ ни облачка, прямо передъ моими окнами, вся точно изъ густаго индиго, высилась Сомма-Сіерра, голая отъ подножія до засыпанныхъ снѣгами вершинъ. Это самая высокая часть Гвадарамы. Теперь она „дышетъ", должно быть, въ другую сторону, на Мадридъ, потому-то такъ хорошо и тепло здѣсь. Casa de Huespedes оказалась расположенною довольно высоко—и подъ моимъ окномъ во всѣ стороны разстилалось цѣлое море крышъ—вплоть до глубины долины, гдѣ извивалась красивая рѣка. Но какъ хороша отсюда эта грозная и величавая Сіерра!..

— Кто это пріѣхалъ ночью? слышится въ комнатѣ рядомъ. Очевидно, дѣло идетъ обо мнѣ.

— Вѣрно англичанинъ—не торговался.

— Ого? Въ Сеговіи уже показались они. Только этого не доставало.

— Вы знаете,—слышу я,—у этихъ рыжихъословъ очень много денегъ и всегда мало времени; они такъ спѣшатъ, точно въ рай торопятся скорѣе.

Сеговійцы на путешественниковъ смотрятъ, какъ на чудо господне. Ихъ здѣсь не бываетъ почти вовсе, а жаль—городъ интересный и самъ, и по своимъ историческимъ воспоминаніямъ. Ни одинъ изъ городовъ сѣверной половины иберійскаго полуострова не сохранилъ настолько свой оригинальный, мавританскій характеръ, какъ Сеговія. Она, впрочемъ, и до мавровъ была уже большимъ и замѣтнымъ городомъ. Не шутите! ее основалъ Геркулесъ, проходившій мимо за золотыми яблоками Гесперидскихъ садовъ—въ нынѣшнемъ Марокко. Потомъ—ее оцѣнили по достоинству римляне и надолго осѣли здѣсь, такъ что когда готы смѣнили ихъ, то новымъ властителямъ было даже жутко среди величавыхъ сооруженій, оставленныхъ Римомъ. Готовъ выгнали отсюда арабы, создавшіе изъ Сеговіи—жемчужину Испаніи, какъ они называли ее, такъ что когда кастильцы отняли у нихъ городъ—мавры плакали о немъ почти столько же, сколько о Кордовѣ. Альфонсъ Мудрый составилъ здѣсь свои знаменитыя астрономическія таблицы. Его наслѣдники—далеко, надо правду сказать, не мудрые—жили тутъ же. Въ испанской исторіи XIII, XIV и XV вѣка Сеговія играла очень важную роль. Каждая изъ расъ, владѣвшихъ городомъ, оставила здѣсь что нибудь по себѣ, противъ чего безсильно было время: Римъ—акведуки, колоссальное сооруженіе, равное Колизею, готы—соборы и другіе религіозные памятники, арабы—Альказаръ. Сверхъ того, арабы развили было здѣсь громадное суконное производство. Арбонеда свидѣтельствуетъ, что въ годъ

Digitized by Google

занятія Сеговіи кастильцами—здѣшніе суконщики славились на весь міръ и продавали самыя драгоцѣнныя матеріи посланнымъ остальными халифами комисіонерамъ, развозившимъ эти товары въ Африкѣ—по всѣмъ варварійскимъ владѣніямъ. Горы Гвадарамы, которыми я еще продолжалъ любоваться изъ своего окна, сравнивались мавританскими поэтами съ полумѣсяцемъ, посреди нѣ котораго блеститъ окаймленная имъ звѣзда Сеговія. Сегодня особенно хороши эти горы. Синія массы ихъ такъ воздушны, чуть-чуть темнѣе небесъ, и только снѣга ихъ горятъ подъ солнцемъ, ослѣпляя глаза. Снѣга эти по глубокимъ лощинамъ сползаютъ внизъ, рѣки расплавленнаго серебра падаютъ оттуда въ долины. Горя вся въ этой пышной ризѣ... А за ними, за этими вершинами, видны другія, и конца имъ нѣтъ. Заднія кажутся еще причудливѣе переднихъ. Спокойны и величавы всѣ онѣ. Нѣтъ хаоса швейцарскихъ горъ, которымъ точно было негдѣ раскинуться, и онѣ спутались и скучились надъ своими безднами. Здѣсь—на привольѣ кастильскихъ степей — Сіерра-Гвадарама вытянулась во всю; какъ ей хотѣлось, такъ она и разбросала свои отроги и, закрывшись снѣжною пеленой, заснула себѣ подъ испанскимъ солнцемъ.

Когда я вышелъ изъ дому, передо мною была—площадь Конституціи. Такой грандіозной и величавой площади я до сихъ поръ еще не видѣлъ. Прямо впереди—громадный, желтый соборъ, весь въ мраморныхъ щитахъ и гербахъ. Его желтизна—дана не краской. Это испанское солнце позолотило мраморъ, придавъ ему неподражаемую красоту и изящество. И не только красоту—но жизненность. Это матовое золото старыхъ мраморовъ живетъ, они точно согрѣты изнутри, кажутся теплыми, какъ теплы такія же золотистыя щоки южныхъ красавицъ. Уже снаружи передъ этою громадою васъ охватываетъ благоговѣйное чувство. Эти гербы—точно послужной списокъ собора. Здѣсь молились представители этихъ давно угасшихъ родовъ, здѣсь мольба ихъ была услышана—и въ благодарность они прибили щиты со своими гербами къ этой каменной массѣ. И какихъ только гербовъ тутъ нѣтъ! Въ ихъ бронѣ весь соборъ производитъ невыразимое впечатлѣніе. Онъ именно удивителенъ своею стройностью, простотой, соразмѣрностью. Бургосскій, севильскій и толедскій больше его, базилика Леона и Хаэна великолѣпнѣе, но нигдѣ поэтическій замыселъ архитектора не былъ выполненъ такъ художественно-цѣльно, какъ въ Сеговіи. Соборъ имѣетъ въ длину 115 метровъ при 57 ширины. Куполъ его возвышается на 67 метровъ, но онъ удивительно величавъ и, въ то же время, легокъ. Какъ хорошо рисуются на верху зубцы собора, всѣ эти

Digitized by Google

шпили,—точно мраморъ пустилъ отъ себя стройные отростки... А эти колонны впереди, на которыхъ геральдическіе львы гордо держатъ въ лапахъ щиты кастильскаго рыцарства. Войдите внутрь черезъ этого нищаго—переступайте смѣло. Онъ не проснется. Онъ нарочно легъ въ дверяхъ, потому что здѣсь до него не доберется солнце. Какъ царственно хорошъ этотъ соборъ внутри! Наверху, сквозь богато расписанныя окна, широко льются радужные лучи въ его сумракъ и тонутъ тамъ со всѣми своими розовыми, голубыми и желтыми тонами. Своды, кажется, уходятъ въ необъятную вышину, гдѣ встрѣчаются и развѣтвляются продолженія колоннъ такими изящными узорами, что вы невольно слѣдуете за ними, вамъ хочется не упустить ни малѣйшей подробности. А эти многочисленныя капеллы! Каждая изъ нихъ сама по себѣ величиною въ любую церковь. Золото алтарей тускло блеститъ въ ихъ сумракѣ, мягко обрисовываются очертанія барельефовъ, густо ложатся тѣни въ углахъ за рыцарскими памятниками и изваяніями. Полъ весь—изъ бѣлыхъ, сѣрыхъ и красныхъ мраморныхъ квадратовъ. Массивныя и толстыя колонны, когда отъ нихъ отойдешь на нѣсколько шаговъ, кажутся тонкими, до того онѣ поднялись высоко, чтобы, подобно стройнымъ пальмамъ, раскинуться вверху своими величавыми коронками. Все это такъ охватываетъ васъ именно своимъ цѣлымъ, общностью впечатлѣній, что вы перестаете замѣчать видѣнныя детали, эти богатства Capella mayor и trascoro, эти статуи и рѣшетки, и только передъ чудесною картиною Хуана-де-Хуни, написанною триста лѣтъ тому назадъ, невольно останавливаетесь, пораженные, въ нѣмомъ благоговѣйномъ изумленіи. Собственно это не картина. Она вся вырѣзана изъ дерева, но ее называютъ такъ. Все, что я видѣлъ до тѣхъ поръ въ Испаніи въ этомъ родѣ, вызывало только отвращеніе грубостью отдѣлки, преувеличеніемъ всякаго рода ужасовъ, подчеркиваніемъ мученичества и выставкою всяческихъ язвъ. Тутъ напротивъ — все въ мѣру, все дышетъ тихою печалью восторженнаго автора. На первомъ планѣ — тѣло Христа. Вы замѣтите на мертвомъ тѣлѣ слѣды пережитыхъ имъ страданій, но это не Рибейровская манера, не манера мясника. Вы видите, что человѣческую муку здѣсь выносилъ Богъ, и сквозь ощущеніе боли, застывшее на немъ, льется какая-то чудная кротость, свѣтится въ этомъ лицѣ что-то не отъ міра сего. Посмотрите на глубоко потрясеннаго Іосифа, поддерживающаго голову и плечи Распятаго. Сколько грусти на этомъ лицѣ,—не тоски, не отчаянія, а именно грусти. Онъ уже научился у Христа любить враговъ и прощать ихъ... А Марія—склонившаяся на одно колѣно, покоя на другомъ тѣло своего божествен-

Digitized by Google

наго Сына... Сколько красоты и величія въ ея лицѣ, сколько внутренней боли во взглядѣ неотступно устремленномъ на раны Христа. Вы видите, что горло ея сдавило, что она не можетъ даже рыдать надъ бездыханнымъ тѣломъ. Блѣдная и печальная Саломея опустила глаза: ей страшно встрѣтить полный отчаянія взглядъ Маріи. Любимый ученикъ готовъ поддержать Богородицу, ожидая каждое мгновеніе, что она упадетъ на его руки. А дальше—какъ хороша эта Магдалина, этотъ Никодимъ. И сколько человѣчности во всемъ... Авторъ не создалъ ни одного злодѣя, ни одного Рибейровскаго эффекта. Даже на лицахъ солдатъ—замѣтенъ отблескъ сочувственной печали!.. А какъ хороши статуи евангелистовъ, далѣе—какъ изящны эти мраморы, которыми отдѣланы наружныя стѣны собора. Золота здѣсь столько, сколько нѣтъ теперь у взятыхъ вмѣстѣ благородныхъ caballeros Испаніи. Все это создавалось еще въ тѣ времена, когда изъ Америки возили его сюда цѣлыми флотиліями. Разумѣется, какъ во всѣхъ испанскихъ соборахъ, и сеговійскій не обошелся безъ курьезовъ. Вотъ, напримѣръ, картина, передъ которою, какъ говорятъ, особенно застаиваются богомольцы. Дерево подрублено. Верхняя часть его, невѣдомо по какимъ законамъ жизни, стоитъ на заостренномъ концѣ ствола, упирающемся въ плоскость обрѣзаннаго горизонтально пня.На вершинѣ—широко и плоско развѣтвившейся,—столъ, за которымъ весело пируютъ легкомысленные дамы и кавалеры. Подъ вершиною, къ одному изъ ея столбовъ привязанъ колокольчикъ. Христосъ стоитъ около съ молоткомъ, готовясь ударить имъ въ колокольчикъ. Съ другой стороны—двѣ фигуры: смерть съ косою и дьяволъ, который натянулъ веревку, захлеснувшую стволъ дерева сверху, чтобы по третьему, должно быть, звонку Спасителя опрокинуть все это пирующее societé прямо въ пылающую адскимъ пламенемъ пасть змія погибельнаго, разверстую такъ широко, что, разумѣется, ни одинъ изъ этихъ милыхъ людей навѣрно ея не избѣгнетъ. Ну, чѣмъ не нашъ Суздаль? Въ виду всей этой роскоши собора—вполнѣ начинаешь понимать, какою громадною силой еще недавно былъ здѣсь католицизмъ—католицизмъ испанскій, съ его кострами и темницами, безповоротный, не вѣдавшій ни прощенія, ни забвенія. Теперь только нѣсколько старушекъ по старой памяти молятся въ этомъ пышномъ соборѣ!.. Выйдя сквозь какую-то боковую дверь—я попалъ во дворъ собора. Кругомъ—мраморныя галлереи. Солнце бьетъ въ ихъ кружево и барельефы; за мраморными рѣзными колоннами—пышные мирты. Раннія розы льютъ свое благоуханіе. Тишина и покой царятъ невозмутимые. Весь полъ этой галлереи состоитъ изъ громадныхъ надгробныхъ

Digitized by Google

плитъ съ изваяніями, и какими изваяніями—нужно ихъ видѣть! Не рѣшаешься попирать ногами всѣхъ этихъ выпуклыхъ рыцарей, прелатовъ, инфантовъ, герцогинь и монахинь. Вотъ цѣлый рядъ сеговійскихъ епископовъ—одинъ мрачнѣе другаго. Черты ихъ полустерлись—и въ нихъ все таки читаешь суровую повѣсть давно минувшихъ дней; — дай Богъ только, чтобы, вмѣсто костровъ инквизиціи — неугомонное человѣчество снова въ отплату не стало строить здѣсь гильотинъ, висѣлицъ и отвратительныхъ столбовъ для гарроты. Здѣсь же похороненъ сынъ дон-Энрика Молчаливаго—Педро. Ребенокъ, играя, упалъ изъ окна Альказара, со страшной высоты. Вслѣдъ за нимъ, въ порывѣ отчаянія, кинулась его кормилица. Подъ однимъ изъ мраморныхъ кружевъ этой галлереи... лежитъ Марія Сальтосъ или Марія del Salto. Красавица-еврейка, воспитанная въ правилахъ своей вѣры, была оклеветана ревнивою соперницей, влюбленною въ ея мужа—богатаго и славнаго раввина, мудрость котораго доставила ему имя „Глубокаго“. Обвиненная „въ прелюбодѣяніи“—несчастная была приведена къ обрыву скалы las Grageras. „Глубокій“ поднялъ руку надъ нею и спросилъ:

— Во имя Бога Авраама, Исаака и Іакова—каешься ли ты?...

— Я невинна! только и могла повторить она.

„Глубокій“ толкнулъ ее въ спину, и красавица низринулась въ страшную бездну. Но, въ самый моментъ паденія, передъ ея глазами мелькнуло кроткое, полное состраданія лицо, на которое она часто заглядывалась, проходя мимо собора. Лицо это принадлежало Дѣвѣ Маріи и было написано на наружной стѣнѣ базилики. И вотъ, уже въ когтяхъ у смерти, еврейка восклицаетъ:

— Дѣва Марія, ты, спасающая христіанокъ, спаси еврейку!

Моментально она остановилась въ своемъ полетѣ внизъ. Чьи-то невидимыя крылья стали между нею и бездною. На нихъ она, въ виду собравшейся массы народа, медленно опустилась на камни и скалы... Спасенная Богородицею еврейка крестилась и, получивъ имя Маріи, стала вести святую жизнь...

А вотъ и другое чудо, совершившееся здѣсь же, герой котораго похороненъ подъ одной изъ плитъ собора.

Мавры окружили благороднаго рыцаря дон-Гусмана де-Эскальдаго. Бѣшеная храбрость его была такъ замѣчательна, что халифъ приказалъ своимъ воинамъ взять его живымъ... Щитъ рыцаря уже разлетѣлся вдребезги, мечъ тоже. Онъ защищался однимъ его обломкомъ, наконецъ и тотъ былъ у него выбитъ изъ рукъ. Но на шлемѣ Гусмана была изображена Богородица... Онъ, моментально сорвавъ шлемъ съ головы, подставилъ его ударамъ мавровъ. Одинъ.

Digitized by Google

изъ нихъ попалъ мечемъ въ лицо Пречистой—вдругъ изъ-подъ меча брызнула молнія, опалившая воиновъ халифа. Донъ-Гусманъ воспользовался этимъ и бѣжалъ, но — впопыхахъ забылъ оброненный имъ шлемъ. Куда ни направлялся онъ—всюду бездны разверзались подъ его ногами. Во всѣ стороны бросался рыцарь—то же самое. Наконецъ рыцарь понялъ, что небо его наказываетъ за потерю шлема съ чудотворнымъ изображеніемъ Маріи. Эскальдаго бѣжитъ назадъ, одушевляемъ нечеловѣческой силой. Выхвативъ у одного умиравшаго воина мечъ изъ рукъ, онъ бросается въ сплошную массу враговъ и такимъ образомъ опять попадаетъ на то мѣсто, гдѣ онъ только что дрался. Вотъ его шлемъ, но передъ нимъ стоитъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ воиновъ халифа. Рыцарь уже умираетъ отъ усталости. Въ эту минуту онъ видитъ, что со всѣхъ сторонъ боеваго поля бѣгутъ къ нему другіе мавры. „Святая Дѣва—спаси меня!“ воскликнулъ донъ-Гусманъ и потерялъ сознаніе... Очнулся онъ уже поздно вечеромъ. Вдали заходило солнце, кругомъ была совершенно незнакомая мѣстность. Гусманъ оглянулся—Сеговія лежала далеко внизу... Вотъ Альказаръ... Вотъ грандіозныя линіи римскаго водопровода. Внизъ идутъ обрывы... Невидимая сила перенесла его на вершину горы Нальдасъ. Шлемъ былъ около. Битва кипѣла уже далече, такъ что звонъ мечей не достигалъ сюда вовсе.

Башня собора—одна изъ лучшихъ въ Испаніи. Мощная и стройная, въ самое небо подымаетъ она свой куполъ, съ котораго видна страна вплоть до Вальядолида въ одну и Саламанки—въ другую сторону, если вѣрить дон-Луису, подымавшемуся сюда. Меня не пустили, потому что лѣстница внутри чинилась, и звонарь, находившійся наверху, поддерживалъ сношеніе съ міромъ только посредствомъ корзинки, опускаемой имъ на веревкѣ. Въ эту корзину мальчишка сынъ его положилъ при мнѣ тарелку съ завтракомъ и бутылку вина... Войдя въ соборъ съ площади Конституціи, я вышелъ въ противоположный входъ на другую небольшую plaza, которая оказалась вся вымощенной плитами, съ гербами похороненныхъ здѣсь рыцарей, которымъ не нашлось мѣста въ галлереяхъ, или они не были настолько знатны—не знаю. Подслѣповатые и жалкіе дома кругомъ. Все пусто, молчаливо, уныло—точно въ домѣ хозяина, котораго только что похоронили, а семья забилась по угламъ и въ безмолвномъ отчаяніи переживаетъ свое горе. Отсюда тѣсныя улицы, не измѣнившіяся со времени мавровъ, разбѣгаются во всѣ стороны. Я пошелъ наудачу—балконъ съ балкономъ точно цѣлуются. Мирадоры сошлись такъ, что стоящій въ одномъ можетъ пожать руку тому, кто сидитъ въ другомъ, противоположномъ.

Digitized by Google

Въ дома вдѣланы то изящная арка арабскаго рисунка съ восточнымъ разрѣзомъ наверху въ видѣ трилистника, то колонна, очевидно, добытая изъ развалинъ старыхъ римскихъ построекъ; то маленькій домикъ прячется за громаднымъ щитомъ одного изъ конквистадоровъ (conquistadores), завоевателей города. Должно быть, у рыцаря, участвовавшаго во взятіи Сеговіи, средствъ хватило только на постройку этого щита со своимъ гербомъ, а дома было уже возводить не на что,—онъ и пристроилъ къ щиту лачужку. Я блуждалъ-блуждалъ по этимъ улицамъ и наконецъ совершенно запутался. Какъ въ восточныхъ городахъ, здѣсь безъ извощиковъ вы проходите цѣлый день и не найдете все таки пути домой. Да и немудрено мнѣ было потеряться—до того новъ и интересенъ былъ этотъ молчаливый міръ старыхъ построекъ. Какъ были хороши эти башни, подымавшіяся посреди улицъ, эти колоннады, сохранившіяся Богъ знаетъ отъ какихъ зданій. Вотъ, напримѣръ, два домика соединены римскою аркою. Какъ она попала сюда? Или—лучше—какъ они прилѣпились къ ней? А то—жалкій домишка и въ немъ такія великолѣпныя ворота, которыми могъ бы гордиться любой соборъ. Монументальныя двери ведутъ во дворикъ, гдѣ все вымерло. Входишь, смотришь-смотришь, и только минуту спустя замѣтишь, что вонъ въ томъ окнѣ, надъ которымъ еще уцѣлѣли грубые и наивные барельефы XIII вѣка—шевелится занавѣска и чей то любопытный глазъ слѣдуетъ за вами... Заблудившись окончательно, я обратился къ встрѣчному гидальго.

— Caballero!..

— Besos uste la mana!.. (Цѣлую вамъ руку!) вѣжливо приподымаетъ онъ шляпу.

— Нѣтъ, сеньоръ, это я вамъ цѣлую руки...

Такимъ образомъ, исполнивъ обязательный церемоніалъ вѣжливости, спрашиваю, какъ мнѣ выбраться отсюда?

— А куда хочетъ выйти сеньоръ?

Въ самомъ дѣлѣ, куда же я хочу выйти? Какая досада, что дон-Луисъ ушелъ искать своихъ знакомыхъ. Къ счастію, я вспоминаю, что мимо Сеговіи течетъ прекрасная рѣка Эресма. Называю ее. Встрѣтившій меня гидальго оборачивается и ведетъ меня самъ.

— Я живу здѣсь около, и если сеньору будетъ интересно, какъ иностранцу, взглянуть наши дома, я весь къ его услугамъ.

Разумѣется, я жадно схватился за это. Caballero, улыбаясь, вошелъ въ переулокъ налѣво и остановился противъ мрачнаго сѣ-

Digitized by Google

раго дома, на которомъ красовалось шесть мраморныхъ щитовъ съ разными гербами.

— Мои предки—обернулся онъ ко мнѣ—были въ числѣ конквистадоровъ Сеговіи.

На щитахъ—лиліи, мечи, змѣи и прочія геральдическія прелести. Дверь, маленькая и низкая, пробита въ замурованной аркѣ краснаго мрамора, украшеннаго барельефами, въ которыхъ едва можно разобрать коней и ихъ всадниковъ. Направо въ стѣну вдѣлана колонна со знакомъ креста на ея капители.

— Наши предки были наивны. Что находили, то и вдѣлывали въ свои стѣны.

Онъ ударилъ молоткомъ, висѣвшимъ у двери... Свѣжій молодой голосокъ послышался тамъ, и когда щитъ открылся, я увидѣлъ за нимъ такую прелестную дѣвушку, что она и до сихъ поръ еще грезится мнѣ, когда я вспоминаю поэтическую Сеговію.

— Инеса, вотъ чужеземецъ, который желалъ узнать, какъ живутъ въ Сеговіи.

— Besos uste la mana!.. вспыхнувъ, проговорила она — по обычному въ этой провинціи церемоніалу.

Я бы съ удовольствіемъ самъ сдѣлалъ это, но долженъ былъ удовольствоваться поклономъ.

— Этотъ домъ вашъ, сеньоръ, и мы сами ваши преданнѣйшіе слуги,—проговорилъ хозяинъ стереотипную фразу.

Дворикъ весь въ зелени. Посреди него колодезь, для котораго, очевидно, воспользовались капителью старой колонны и, просверливъ ее, утвердили надъ колодцемъ. Каменная лѣстница; по одну сторону ея—гранитный рыцарь, весь сѣрый и стертый, а по другую — утверждена стоймя плита съ какимъ-то отжившимъ вѣкъ прелатомъ. Очевидно, она когда-то была надъ могилою мѣстнаго епископа. Вверху надъ лѣстницею громадный щитъ съ гербами Леона и Кастиліи. Мы поднялись по ступенямъ. Направо и налѣво надъ ступенями были вдѣланы въ стѣны то барельефы, то куски чудесной мозаики, украшавшей древнія церкви, то четыреугольники мрамора съ арабесками, которыя судя по исполненію, сдѣланы искусными маврами въ Кордовѣ, присланы ими въ сеговійскую мечеть и взяты оттуда конквистадоромъ при разграбленіи города себѣ, въ будущій свой palacio, какъ они величали свои домики.

— Почему вы называете эту лачугу—дворцомъ? спросилъ у одного бѣднаго гидальго путешественникъ прошлаго вѣка.

— Потому что въ ней—я король! гордо отвѣтилъ тотъ.

Digitized by Google

Комнаты вверху были голы. Облупившаяся штукатурка стѣнъ обнаруживала очень любопытныя фрески и арабески. Вотъ изображеніе какого-то халифа. Очевидно, мавры здѣсь позволяли себѣ отступать отъ корана, рисуя живыя существа на стѣнѣ.

— Отчего вы не очистите ея совсѣмъ?

— Для этого нужно пригласить спеціалиста, что̀ требуетъ денегъ!.. улыбнулся хозяинъ.—А у насъ, у современныхъ испанцевъ, есть все, кромѣ денегъ!.. И такъ будетъ долго, потому что у насъ никто не хочетъ работать. Американское золото развратило насъ.

Минуту спустя, сеньорита Инеса внесла на подносѣ стаканъ съ лимонадомъ, предназначавшимся мнѣ, и скромно сѣла въ сторонѣ. Я, слушая ея брата, „косвенно“ посматривалъ на нее. Хозяинъ замѣтилъ это.

— Какъ вамъ нравятся наши сеговійки? тонко улыбнулся онъ.

— До такой степени, что я сожалѣю, отчего мнѣ не двадцать пять лѣтъ.

— А что̀ бы тогда было?

— Я бы, разумѣется, не одинъ уѣхалъ отсюда!

Инеса засмѣялась, окидывая меня лучезарнымъ взглядомъ своихъ великолѣпныхъ глазъ.

— И, разумѣется, сеньоръ обратилъ бы вниманіе тогда на ту толстую даму, которая вчера сидѣла на колѣняхъ у его друга,— лукаво проговорила она, намекая на вчерашняго левіафана.

— Какъ, развѣ эта мавританка въ омнибусѣ были вы? Вы!

— Да. Я ѣхала домой... Я гостила у тетки въ Саламанкѣ и возвращалась на одномъ съ вами поѣздѣ. Мнѣ было душевно жаль вашего друга. Я думаю, у него до сихъ поръ болятъ колѣни.

— Зато я отъ души завидовалъ тому зловѣщему бандиту, который все время такъ старательно оберегалъ васъ и отъ нашихъ взглядовъ, и...

Инеса не выдержала и расхохоталась.

— Хотите видѣть его?

— Да.

— Дон-Алонзо, дон-Алонзо! крикнула она въ другую сторону.

Звѣрообразный ночью бандитъ—оказался очень красивымъ молодымъ человѣкомъ днемъ. Онъ вышелъ на зовъ. Это оказался ея двоюродный братъ—младшій, очень похожій на нее.

— Отчего вчера вы показались мнѣ такимъ... такимъ... смѣшался я.

Digitized by Google

— Зловѣщимъ бандитомъ, выстрѣлила Инеса.—Я знаю—почему, потому что вамъ было досадно...

И всѣ кругомъ расхохотались... Милые люди вышли со мною показать мнѣ Эресму. Вотъ громадный обрывъ ея. За нею, за этою поэтическою рѣкою—вся въ теплыхъ своихъ узорахъ раскидывается Гвадарама. Сколько ея ни видишь—никогда не наглядишься достаточно на эту Сіерру.

— Вы знаете стихи Агвирато о Гвадарамѣ? Хотите, я вамъ прочту ихъ? Да только, можетъ быть, вы уже слышали.

— Нѣтъ, сеньорита, если они также прекрасны, какъ уста, которыя будутъ читать ихъ... началъ было я.

— Однако, сеньоръ дон-Basilio... Вы быстро усвоили себѣ испанскіе обычаи, замѣтилъ одинъ изъ братьевъ.

— О, сеньоръ. Ваши обычаи также прекрасны, какъ очи вашихъ женщинъ. Я нахожу ненавистнымъ только одинъ изъ нихъ.

— Какой именно?

— Обычай придѣлывать къ окнамъ вашихъ красавицъ желѣзные рѣшетчатые мирадоры.

— Да развѣ вы не знаете, сеньоръ estrangero, что у каждаго мирадора здѣсь есть ключъ? совершенно неожиданно пояснила сеньорита Инеса.

— Да!.. Ну, значитъ, зло еще не столь большой руки.

— Какъ же, подтвердилъ и братъ ея.— Эти ключи часто бросаются тѣмъ, кто ощипываетъ павлина.

— Что такое?

— Pelar la pava? Развѣ вы не знаете: вздыхать у окна своей красавицы, проводить подъ нимъ цѣлыя ночи, бесѣдуя черезъ мирадоры, называется ощипывать павлина, pelar la pava.

— Чѣмъ больше я узнаю Испанію, тѣмъ больше жалѣю, что не попалъ сюда лѣтъ десять назадъ.

— А вы попробуйте теперь, предложила сеньорита.

— Не гожусь—увы!—ощипывать павлиновъ,—куда ужь мнѣ.

— Почему? смѣялась она.

— Во-первыхъ, потому что такого павлина для меня не найдется, а, во-вторыхъ, потому что по ночамъ постель пріятнѣе всего, и потому, наконецъ, что я боюсь ревматизма. Сеньорита Инеса, а обѣщанные вами стихи?

— О Гвадарамѣ? Слушайте:

„Возвышенная мысль Творца—васъ создала, вершины Гвадарамы, чтобы взглядъ его отвращался отъ ужасовъ земли, покоился и отдыхалъ на вашемъ чистомъ бѣлоснѣжномъ покровѣ.

„Между Сеговіей страстно раскинувшейся, какъ женщина,

Digitized by Google

жаждущая ласки, и мрачнымъ монахомъ Эскуріала—стали вы голубою, какъ небо, грядою, находя улыбку для одного и молитву для другаго...

„Когда я уѣзжалъ изъ своей родины на непривѣтливую чужбину, ваши скалы и вершины далеко еще провожали меня, какъ мать, не имѣющая силы разстаться со своимъ сыномъ.

„Когда я возвращался назадъ и благоуханныя сеговійскія долины были еще далеко—вы первыя вышли на встрѣчу мнѣ, какъ любящая дѣвушка, выбѣгающая къ своему избраннику...

„Каждый день я вижу васъ въ серебрѣ, каждый вечеръ—въ золотѣ... Ночью просыпаюсь и подхожу къ окну, чтобы посмотрѣть, какъ прекрасная луна—печальная красавица кастильской ночи—цѣлуетъ ваши снѣга, цѣлуетъ долго и страстно... Но—увы!—не ей растопить ихъ... Холодная и гордая стоишь ты, Гвадарама...

„Ты не измѣнишь своему возлюбленному солнцу:—только отъ его поцѣлуевъ таютъ твои снѣга, и слезы восторга бѣгутъ по твоему лицу—горными ручьями.

„Стой же, великолѣпная, и красуйся на равнинахъ Кастиліи, какъ на золотой парчѣ стоитъ и красуется драгоцѣнный вѣнецъ могущественнаго повелителя земли“.

— Ну, что, какъ нравятся вамъ стихи?

— Очень... Странно только соединеніе мысли о Богѣ, взглядъ котораго отдыхаетъ на вершинахъ Гвадарамы, и сравненіе этой Сіерры съ любовницей, выбѣгающей на встрѣчу своему возлюбленному.

— А развѣ наша кроткая Эресма, ласковая, какъ женщина, и тихая, какъ спящій ребенокъ въ колыбели, не бѣжитъ у подножія мрачной и величавой Гвадарамы?

— Сеньорита! Вы убѣдите хоть кого угодно.

— У васъ, у сѣверянъ,—вступился ея братъ, дон-Пачеко:—слишкомъ стѣснена фантазія человѣка. Мы беремъ свои сравненія, гдѣ хотимъ и гдѣ можемъ, а вы должны ограничиваться только заключающимися въ одной сферѣ явленій и понятій. Оттого такъ блѣдны произведенія, напримѣръ, французскихъ поэтовъ сравнительно съ нашими. Одинъ Викторъ Гюго съумѣлъ сбросить съ себя эти оковы „здраваго смысла“, какъ говорятъ на сѣверѣ и осмѣлился быть свободнымъ, т. е., по вашему, сумашедшимъ.

На противоположномъ берегу Эль-Эресмы прилѣпился къ крутому склону монастырь Эль-Парраль. Солнце теперь било въ него, своими лучами и онъ стоялъ тамъ, точно вычеканенный изъ одного куска золота. За нимъ вдали—красивая деревушка Пеньяско; еще одна обитель Фран-Дескальзасъ Сан-Карменъ и нѣсколько

Digitized by Google

другихъ. Вонъ старая готическая церковь Vera-Cruz, принадлежавшая во времена оны ордену тампліеровъ. Она построена по образцу Іерусалимскаго храма надъ гробомъ Христа. Съ 1208 года она стоитъ нетронутой. Мавры на нѣкоторое время обращали ее въ мечеть, но потомъ оставили и заперли, потому что,—какъ разсказываетъ кастильская легенда,—старшему муллѣ этого храма ночью во снѣ явился Магометъ, испуганный и дрожащій, и приказалъ ему оставить церковь и больше въ нее не возвращаться. Мулла, проснувшись, не обратилъ на это никакого вниманія и продолжалъ служить въ Vera-Cruz.. На слѣдующую ночь, Магометъ явился уже со слѣдами бичей на рукахъ и плечахъ и, показавъ ихъ муллѣ, прибавилъ: „вотъ до чего ты довелъ меня!“.. И на сей разъ мулла не придалъ никакого значенія сну; тогда явились ангелы и высѣкли его самого. Столь ощутительные аргументы уже нельзя было оставить безъ вниманія, и, проснувшись утромъ, мулла прежде всего убѣдился въ томъ, что это не было видѣніемъ, и что его пороли дѣйствительно. Затѣмъ онъ отправился къ халифу и разсказалъ ему свои сны.

— Великъ Аллахъ и Магометъ пророкъ его! Представь себѣ, Хадумъ, и я видѣлъ уже первые два сна; слѣдовательно, сегодня и ко мнѣ явились бы ангелы христіанскаго Бога и со мною поступили бы также нехорошо.

Церковь была закрыта и оставалась такъ вплоть до завоеванія Сеговіи кастильцами.

Золотой дель-Парраль былъ основанъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ маркизами де-Вильена, мраморные памятники которыхъ стоятъ до сихъ поръ подъ величавыми сводами храма. Особенно покровительствовалъ дель-Парралю король донъ-Хуанъ II. Онъ передалъ даже монастырю, между другими многочисленными реликвіями, плечо св. Ѳомы Аквинскаго, торжественно поднесенное ему доминиканскими монахами изъ Тулузы. Фердинандъ и Изабелла подарили ему домэнъ Санъ-Ильданго и, нынѣ королевскую резиденцію, Ла-Гранха. Теперь въ монастырѣ не осталось ничего. Онъ давно уже упраздненъ, и только по вечерамъ на страстную пятницу, въ тотъ годъ, когда долженъ умереть король, внезапно освѣщаются окна собора, а старый и ржавый колоколъ его издаетъ три глухихъ и загадочныхъ удара. Въ самомъ храмѣ, всѣ когда либо бывшіе здѣсь иноки, схороненные подъ его плитами, встаютъ и совершаютъ службы у затканнаго паутиною престола, причемъ сами собою начинаютъ звонить колокола Вера-Крусъ, и оттуда показываются верхомъ, въ черныхъ латахъ и бѣлыхъ плащахъ своихъ, воскресшіе на нѣсколько мгновеній тампліеры. Они мед-

Digitized by Google

ленно подъѣзжаютъ къ del Parral'ю и присоединяются къ монахамъ. О томъ, что все это вѣрно, свидѣтельствуетъ садовникъ этого монастыря, особа, во всякомъ случаѣ достойная полнаго уваженія, потому что онъ содержитъ сады здѣсь удивительно. Я до сихъ поръ ничего не видѣлъ въ Испаніи подобнаго, что̀, разумѣется, дало полное право сеговійцамъ говорить:

Las huertas del Parral
Paraiso terrenal—

сады Парраля—рай земной.

Я посѣщалъ ихъ потомъ вмѣстѣ съ Инесою и ея братомъ; чудная ли сеговійская весна, присутствіе ли красавицы дѣвушки, панорама ли величавой Гвадарамы, или все это вмѣстѣ, только я долго не забуду радостнаго ощущенія этого дня. Ручьи бѣжали подъ густыми платанами, тысячи цвѣтовъ наполняли воздухъ,—прохладный воздухъ Эресмы,—своимъ благоуханіемъ, а старикъ садовникъ разсказывалъ намъ одну легенду за другою.

— Можетъ ли быть на свѣтѣ что нибудь лучше Испаніи? восклицала съ неудержимымъ порывомъ Инеса.

— Во всякомъ случаѣ, лучше испанокъ нѣтъ ничего, съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣчалъ я.

А арабская башня сеговійскаго Альказара!..

Нѣсколько шаговъ налѣво, и она вдругъ открывается передъ вами надъ обрывомъ, точно корабль, распустившій грудью свои паруса, или величавый призракъ давно пережитаго прошлаго. Я такъ и приросъ къ мѣсту, когда увидѣлъ это диво мавританскаго искусства. Даже Инеса была позабыта въ эту минуту. Что-то радостное и свѣтлое прокрадывалось въ сердце. А башня этого чуднаго Альказара, казалось, плыла на встрѣчу мнѣ по воздуху. Она виситъ надъ бездною со своими маленькими туреллями, башенками, куполами и колоннами галлерей. Нѣтъ ничего болѣе изящнаго и, въ то же время, величаваго. Это не строгая молитвенная торжественность готическихъ зданій,—нѣтъ. Здѣсь, вмѣстѣ съ царственностью великолѣпныхъ башень, соединяется столько прелести чисто восточной, столько деталей, смягчающихъ прямыя линіи остова; онъ весь обведенъ такими арабесками, мраморными кружевами; карнизы его, сквозные и отдѣланные чисто ювелирными рисунками—такъ легки; галлереи и балконы такъ воздушны, ихъ колонны до такой степени тонки, причудливы, фантастичны, что смотришь-смотришь и, кажется, дунетъ вѣтеръ и вся эта полупрозрачная громада унесется отъ васъ въ высоту или въ даль. Когда я подошелъ ближе къ сеговійскому Альказару, за главной башней его, нависшей надъ сліяніемъ el Clamores

Digitized by Google

и el Eresma, двухъ поэтическихъ рѣкъ, хранящихъ еще свои звучныя арабскія имена,—башней съ цѣлымъ городкомъ мелкихъ, пріютившихся къ ней, башенокъ, фонариковъ, галлерей,—оказалась выдвинутая массивная стѣна съ разнообразными пробитыми въ ней окнами, и за ними, по другую сторону, еще громадная четырехугольная башня съ плоскими кровлями и какими-то минаретами по угламъ, со сторожевой стѣною, надъ которой торчатъ красивые шпили. Невольно останавливаешься съ каждымъ шагомъ, потому что ежеминутно во всей этой чудной постройкѣ открываются все новыя и новыя прелести. Энергія строгаго архитектора соединилась здѣсь съ капризной фантазіей лирическаго поэта. Благородныя арки были бы слишкомъ суровы, еслибы ваятель не покрылъ ихъ такою паутиною легкихъ, какъ пухъ, арабесокъ. Все это прозрачно, ясно. Кажется, сами лучи струятся сквозь этотъ мраморъ; въ сквозную анфиладу арокъ вы видите далеко внутрь, и тамъ уже неопредѣленно, одними намеками, представляются вамъ какіе-то манящіе контуры, колонны, галлереи... И опять, забывая частности, вы неотступно любуетесь общимъ—этимъ гордымъ и прекраснымъ арабскимъ профилемъ всего Альказара. Онъ, съ этой громадной и стройной башней, окутанной кругомъ сквозною прелестью своихъ наружныхъ деталей, съ пьедесталомъ гигантской скалы, на которой онъ построенъ, составляя какъ бы продолженіе ея къ верху, скоро заставляетъ васъ забывать здѣсь все. Какъ онъ рисуется на этомъ чисто восточномъ небѣ, на его густой и теплой синевѣ, своимъ бѣлымъ художественнымъ силуэтомъ, стройно и величаво, и изящно въ одно и то же время. Башенки, прилѣпившіяся сверху къ плоскокровельной большой башнѣ, подымаютъ надъ нею высоко свои верхушки, окаймленныя легкими карнизами съ элегантными мавританскими зубцами....

Только подойдя къ самому Альказару, вы видите, что хотя время пощадило его изумительную красоту, но варвары-испанцы ухитрились было уничтожить ее. Въ Альказарѣ они вздумали помѣстить кадетскій корпусъ. А кадеты или кантонисты, что ли, ухитрились произвести здѣсь большой пожаръ, который чуть было не истребилъ дворца сеговійскихъ халифовъ. Теперь правительство взялось за умъ и возстановляетъ Альказаръ въ его прежнемъ видѣ. Въ Испаніи водится комисія поддержки старыхъ историческихъ зданій, за которыя она, вѣроятно, считаетъ дома своихъ членовъ, потому что только ихъ она и поддерживаетъ. Но въ судьбахъ Альказара приняла участіе пресса, и комисія вынуждена была начать тутъ работы. Къ чести ис-

Digitized by Google

панцевъ, нужно думать, что вторично они не помѣстятъ здѣсь своихъ кантонистовъ, ибо пускать военщину въ такіе чудесные дворцы—все равно, что ставить лошадей въ готическіе соборы. Ничего, кромѣ мерзости, отъ этого произойти не можетъ!

Когда мы вошли во дворъ Альказара, онъ весь оказался заваленнымъ мусоромъ—громадными камнями, между которыми возились черномазые работники совсѣмъ арабскаго типа; такихъ именно впослѣдствіи я видѣлъ въ Марокко, въ Альказаръ-эль-Кебирѣ и Робатѣ.

— Неужели это мавры? спрашиваю у дон-Пачеко.

— Нѣтъ, это изъ окрестныхъ селъ, гдѣ арабскій типъ сохранился удивительно.

— Значитъ, св. Германдада сожгла и выгнала отсюда не всѣхъ мавровъ?

— Ну, св. Германдада тутъ не причемъ. А вы знаете, на первыхъ порахъ кастильскіе рыцари все воевали и оставляли своихъ жонъ однихъ. Тѣмъ, разумѣется, было скучно. А мавры, только что покоренные, оставались еще на мѣстахъ. Впослѣдствіи, когда св. Германдада нашла нужнымъ приняться за нихъ, молодое христіанское поколѣніе уже усвоило себѣ типъ побѣжденныхъ.

— Что же конквистадоры? засмѣялся я.

— А конквистадорамъ было не до того. Они уже осаждали Толедо, за Толедо настала очередь Кордовы, Севильи, Гренады и т. д.

И онъ круто оборвалъ свой разсказъ, потому что къ намъ подошла Инеса со своимъ двоюроднымъ братомъ.

Уже на этомъ внутреннемъ дворѣ, тамъ, гдѣ его пощадило пламя, вы залюбуетесь арабесками. Стѣсненный въ предѣлахъ ихъ, геній арабскихъ художниковъ создалъ, дѣйствительно, цѣлое искусство. Это работа ювелировъ, эмальировка, если хотите, съ тѣмъ различіемъ, что нынѣшнимъ ювелирамъ далеко до этого изящества. Тутъ, на этомъ дворѣ, я, кажется, остался бы цѣлую вѣчность, еслибы сквозь пролетъ арокъ, выходившихъ на наружную галлерею, не улыбалась мнѣ поэтическая даль, съ бездоннымъ небомъ и снѣговыми вершинами Гвадарамы. Вотъ первыя залы дон-Энрика. Голубые изразцы на стѣнахъ; голубыми же изразцами покрытъ полъ. По голубому потолку золотыя звѣзды, кое-гдѣ потолки, какъ въ куполѣ, висятъ надъ вами величавыми сводами; тонкія колонны, соединяющіяся арками въ видѣ подковъ, сквозными отъ вырѣзанныхъ въ нихъ узоровъ, еще хранятъ кое-гдѣ краски, наложенныя на нихъ причудливымъ воображеніемъ первыхъ строителей. Къ сожалѣнію,

Digitized by Google

провалившіяся крыши, рушившіяся стѣны придаютъ всему этому видъ страшнаго запустѣнія. Но еще недавно онъ былъ величавый, спокойный и гордый, женственно гордый,—этотъ прелестный дворецъ, ранѣе чѣмъ мадридскіе Скалозубы надумались поселить здѣсь глупыхъ мальчишекъ съ ихъ мѣднолобыми фельдфебелями. Всѣ галлереи повисли надъ бездной. Внизу шумитъ Эресма дико и ласково, за нею берега съ деревнями, монастырями, съ Гвадарамою вдали... Тронная зала, зала совѣта, зала Лас-Пиньясъ и десятки другихъ, одна другой лучше, одна другой изящнѣе. Уцѣлѣвшая часть старыхъ арабесокъ—такъ хороша, что ее изъ Италіи пріѣзжаютъ сюда срисовывать молодые художники. Вотъ капелла; крыша ея обвалилась, осталась только сквозная сѣтка развѣтвленной колонны наверху—бѣлая на темно-синемъ небѣ. Эта чудная лазурь смотритъ сюда, придавая бирюзовый отсвѣтъ освѣщеннымъ стѣнамъ и точно окрашивая въ индиго всюду ложащіяся тѣни.

— Сюда, сюда! показала мнѣ Инеса на легкую мраморную галлерею.—Тысячу лѣтъ проживете—ничего подобнаго не увидите, смѣялась она, счастливая и прекрасная, уже стоя у мраморныхъ колонокъ балкона, къ которымъ такъ шла она, также какъ онѣ шли къ лицу ей. Когда нибудь, пришло мнѣ въ голову, стояла здѣсь также прекрасная Зейнебъ, высматривая въ этой безконечной дали возвращеніе своего халифа...

— Отчего на васъ не мавританскій костюмъ? вырвалось у меня невольно.

— Да, прежде всего, вамъ было бы невыгодно, засмѣялась она.

— Какъ это?

— Очень просто. Вы бы тогда меня не водили. Я бы должна была закутаться въ бѣлое покрывало и показать вамъ только кончикъ носа.

— И глаза, а развѣ этого мало?

— А развѣ на остальное у меня—не стоитъ и смотрѣть?

— Пожалуйста, не слушайте ея, улыбался донъ-Пачеко.—Севіліская молодежь избаловала совсѣмъ Инесу.

Внизу, тихая и ласковая Эль-Эресма встрѣчается съ шумнымъ и кипучимъ, блещущимъ бѣлой пѣной и веселымъ Эль-Кламоресомъ, который, кажется, даже до выросшихъ надъ нимъ тополей хочетъ добраться и, не достигнувъ ихъ зелени, брыжжетъ на нихъ брилліантовыми брызгами. Тамъ, гдѣ двѣ эти рѣки встрѣчаются, поднялась громадная скала. Она вся отразилась внизу въ прозрачныхъ и чистыхъ водахъ Эресмы. Я было сталъ даже зарисовывать ее въ книжку, какъ вдругъ тихо послышалось робкое: „Не

Digitized by Google

кажется ли вамъ, что Эресма тихо плачетъ, въ то время какъ Кламорес смѣется?

—О Инеса!, только и могъ проговорить я:—вы созданы писать стихи!..

На скалѣ — отвѣсной—поднялась къ верху, точно продолженіе ея, главная башня Альказара. Голова кружится смотрѣть съ нависшаго надъ бездною балкона, легкаго и воздушнаго, какъ кружевная мантилья, наброшенная на головку моей спутницы. На противоположной сторонѣ, за рѣкою—скалистые обрывы. Они изрыты гротами и пещерами. Говорятъ, что тамъ изъ одной пещеры можно подземными жилами пройти въ другія и когда разложишь костеръ въ одной, то—вѣтеръ выгоняетъ дымъ его черезъ другія. За этими скалами—счастливыя долины съ зелеными облаками садовъ, точно вы не въ пустынной Кастиліи. По другую сторону, налѣво — равнины съ дорогами обсаженными тополями, съ голубою линіей далекихъ холмовъ и съ безконечнымъ горизонтомъ зелени... Воображаю, какъ отсюда, во времена оны—въ эпоху своего величія—халифы любовались красотою своихъ владѣній. Особенно весною, какъ теперь, когда вѣтеръ несетъ намъ въ лицо прохладную волну нѣжныхъ благоуханій, точно насъ привѣтствуютъ поля и лѣса и рощи поэтическаго края. Да, такая прелесть стоила и битвъ и крови! Птицы распѣлись внизу, чисто африканское, по своему колориту, небо обнимаетъ полную нѣги и весенней страсти землю!..

— Однако, намъ пора. Вѣдь, еще много смотрѣть...

— Какъ тяжело уходить отсюда. Все равно, что оторваться отъ перваго поцѣлуя любимой женщины, котораго добивался столько времени, и оставить ее... Вы знаете, на сколько времени.

— О, вспыхнула Инеса и улыбнулась:—да не я одна способна писать стихи...

— Я и пишу ихъ, только скверные! признался я.

— Какъ, вы поэтъ!

— То есть, стихотворецъ!.. Сеньорита, не всѣ тѣ, кто пишетъ стихи—поэты.

— Вы пишите для себя или печатаете?

— Печаталъ!.. только никто ихъ не читаетъ.

— Знаете, я люблю стихи... только... нѣсколько сконфузилась она:—съ длинными строчками, потому что въ короткихъ мало музыки. Короткія—веселы и блестящи, какъ этотъ Кламорес, а длинныя поютъ и плачутъ—точно наша Эресма!.. Подождемте еще здѣсь —посмотримъ на нее.

Вотъ Гвадарама... Солнце свѣтитъ прямо въ ея снѣговыя

Digitized by Google

вершины. Вотъ гдѣ хороша Испанія. Это—оазисъ посреди кастильскихъ пустынь... Отъ тихо и медлительно струящейся Эресмы не оторвешься... за нею по пыльной дорогѣ—несется кавалькада завернувшихся въ плащи поселянъ... Облако пыли—золотое совсѣмъ отъ пронизавшихъ его солнечныхъ лучей. Какой-то пѣтухъ оретъ неистово!.. Оскорбленныя птицы внизу—на мгновеніе смолкли, но затѣмъ подняли концертъ еще оглушительнѣе.

— Пора, пора... Инеса! Идемъ! позвалъ ее братъ.

Мы поднялись на одну изъ башенъ. Съ ея плоской кровли, сліяніе Кламореса и Эресмы видно, какъ на ладони. У меня начинаетъ голова кружиться, стоя на высотѣ. Страшно за Инесу. Она чуть не перекинулась за барьеръ этой кровли и смотритъ внизъ. Гвадарама точно плыветъ куда-то среди голубаго простора, и мы плывемъ за нею также съ этою башней, съ этими поэтическими рѣками. „Короткія строчки“ Кламореса и „длинныя“ Эресмы еще лучше слышатся здѣсь, на высотѣ. На золотыхъ склонахъ глинистыхъ обрывовъ зелень тополей кажется еще ярче... Спускаемся внизъ, проходимъ опять дворами, двориками, залами, галлерейками; то и дѣло сквозь окна стѣнъ улыбается намъ голубое небо, сквозь арки — зеленая даль. Воздухъ ароматно и свѣжо струится отовсюду. Хочется не то пѣть, не то смѣяться. Вотъ самый большой внутренній дворъ—на немъ торчатъ остатки колоннъ, стоявшихъ здѣсь до пожара. Главная лѣстница изящно и величаво подымается отсюда на верхъ большой, главной башни. Вотъ галлерея мавровъ (de los moros). Отсюда великолѣпно видна вся Сеговія. Она вся, какъ на пьедесталѣ, построилась на скалѣ, занимающей уголъ между Эресмой и Кламоресомъ. Въ вершинѣ этого угла — Альказаръ, на башнѣ котораго и прилѣпилась воздушная галлерейка; съ нея мы и любуемся теперь этимъ дивнымъ зрѣлищемъ. Вотъ величавая, великолѣпная масса собора, его могучая и тяжелая колокольня со своими шпилями; кругомъ цѣлое море кровель, то плоскихъ, то покрытыхъ пожелтѣвшими отъ времени черепицами. Словно трещины, разбѣгаются во всѣ стороны переулки; зелеными облаками по окраинамъ обогнули полувосточный городъ сады — и какіе сады! Многія изъ этихъ деревьевъ были еще посажены и выращены маврами, другія помнятъ времена конквистадоровъ кастильскихъ. Посреди цѣлаго моря этихъ крышъ и тихихъ площадей, поднимаются круглыя и четыреугольныя башни съ крышами плоскими, съ крышами конусообразными, съ крышами въ родѣ террасъ. Вокругъ города—ломаная линія стѣнъ, воздвигнутыхъ еще халифами; отъ самаго Альказара тянутся онѣ. То пропадутъ въ садахъ; то опять выдвинутся;

Digitized by Google

подставляя сбоку свои зубцы. Городскія слободы выстроились внизу, у самой Эресмы. Подъ ногами моими пропасть, черезъ которую переброшена смѣлая арка; обрывы пропасти сверху обшиты кирпичемъ и гранитомъ. Плющъ, виноградъ и всякая цѣпкая поросль перекинулась волнами черезъ карнизъ и почти закрыла его совсѣмъ. При малѣйшемъ вѣтрѣ, зеленыя струи эти, падающія внизъ, колышутся и шуршатъ о каменныя стѣны, и опять вдали,—тамъ, за этими поэтическими домиками и холмами,—силуэтъ Гвадарамы. Знаю, что на самую верхушку башни дон-Хуана II еще нельзя всходить: не кончены работы. Она поправлена лишь снаружи, зато мы взобрались на правую башню Ле-Менахе. Шумъ Кламореса тутъ просто оглушаетъ васъ, къ тому же еще въ Эрасму сверху падаетъ небольшой водопадъ, вырывающійся подъ самымъ Альказаромъ изъ какой-то подземной Этны. Что ни шагъ, то новая прелесть, новая картина. Только на другой день мнѣ удалось улучить время, когда около никого не было, и взобраться на вершину башни Хуана Сегундо. Она потрескалась такъ, что когда подымаешься, то сквозь трещины ея видно небо. Передъ самымъ отѣздомъ моимъ изъ Сеговіи—я улучилъ минуту проститься еще разъ съ Альказаромъ. Какъ нарочно, заходило солнце, и на потемнѣвшемъ востокѣ онъ вырѣзывался, весь розовый, подъ прощальными лучами заката... Неужели я не увижу его никогда? невольно прорывались сантиментальныя фразы, хотя кругомъ никого не было. Чувствовалось желаніе говорить вслухъ—передъ арабскимъ профилемъ чуднаго дворца. Въ послѣдній разъ передо мною развернулся чудный фасадъ его, эти башни, арки съ такими колонками, балконъ, галлерейки, прилѣпившіяся на его отвѣсахъ и стремнинахъ!... Вотъ окно, изъ котораго упалъ маленькій инфантъ дон-Педро, и за нимъ выбросилась въ Кламорес его кормилица; вотъ на верху та кровля, съ которой несчастная донна Инезилья слѣдила долго за своимъ невѣрнымъ рыцаремъ Алонзо—и когда конь его и самъ всадникъ исчезли за поворотомъ дороги, она кинулась внизъ на арку, переброшенную черезъ пропасть... Несчастная инфанта повисла, зацѣпясь платьемъ за выступъ камня. Такъ она висѣла до вечера—пока плотная парча не оборвалась окончательно и донна не разбилась объ острые выступы скалъ внизу. Я до сихъ поръ вспоминаю видѣнное съ высокихъ башенъ сеговійскаго Альказара—этотъ изящный и оригинальный городъ, эту стѣну, окружившую его, восемдесятъ три башни этой стѣны.

О постройкѣ этого Альказара существуютъ два мнѣнія.

Одни говорятъ (Пи-и-Маргаль и Арміеро), что Альфонсъ VI,

Digitized by Google

жившій въ концѣ XI вѣка и больше славный подвигами своего подданнаго Сида, чѣмъ собственными, будучи изгнанъ своимъ братомъ дон-Санчо Сильнымъ, нашелъ убѣжище у мавровъ и въ Толедо у халифа изучилъ постройку и всѣ детали мѣстнаго Альказара. Вернувшись въ Кастилію, онъ построилъ такой же въ Сеговіи. Альказаръ этотъ былъ не только дворцомъ, но и порядочною цитаделью. Потомъ онъ служилъ государственной тюрьмой. По мнѣнію другихъ, а именно Аларкона и Луиса Оротава—Альказаръ былъ построенъ мавританскими завоевателями Сеговіи. Къ этому склоняетъ еще то обстоятельство, что именно на толедскій, яко бы послужившій Альфонсу VI оригиналомъ—сеговійскій Альказаръ совсѣмъ не похожъ. Онъ скорѣе имѣетъ нѣчто общее съ севильскимъ и гренадскимъ.

Отсюда неугомонная Инеса потащила насъ всѣхъ новыми, т. е. еще мною невидѣнными улицами. Востокъ въ полномъ смыслѣ слова! Иллюзія такъ велика, что ищешь минарета; думаешь, что онъ тутъ, гдѣ нибудь близко; ждешь медлительнаго и печальнаго призыва муэззина съ его высоты. Узенькія улицы, маленькіе дома съ арками вмѣсто входа, съ витыми спиралью мавританскими колоннами; часто съ одной стороны улицы на другую перекинуты своды, выдвинувшіеся впередъ вторые этажи, касающіеся другъ друга балконы, съ окнами, изъ-за которыхъ совершенно по турецки выглядываютъ и опять робко прячутся чернокудрыя головки съ великолѣпными глазами. Кое-гдѣ улица тянется вдоль обрыва, причемъ одинъ рядъ домовъ вверху, а другой—внизу. Спускъ весь охваченъ зеленью. Тамъ, подъ обрывомъ, я вижу маленькія плацуэллы (площадки), до того маленькія, что сверху, кажется, возможно прикрыть ихъ ладонью. Изрѣдка проѣдетъ на ослѣ или на мулѣ толстый и самодовольный кура (священникъ) и на лошади франтоватый офицеръ. Всмотритесь во всѣ эти лица. Оставшіеся съ жонами конквистадоровъ, мавры не теряли времени. Арабскій типъ здѣсь выражается рѣзко, особенно на крестьянкахъ и крестьянахъ,—также рѣзко, какъ въ Таррагонѣ типъ римскій. Когда мы проходили по одной крошечной плацуэллѣ, занятой башней, выдвинувшейся на самую ея середину, изъ мрачнаго, покрытаго толстыми и ржавыми рѣшетками, окна этой башни—вдругъ раздался меланхолическій звонъ гитары... Дальше такая же площадка—на ней тихо, словно засыпая, лепечетъ фонтанъ. Арабская вязь еще цѣла на мраморной доскѣ его, вдѣланной въ стѣну. На слѣдующей площади — опять вся точно изъ матоваго золота церковь, очевидно, бывшая мечеть. Надъ ней мавританская башня, еще цѣлы въ ея стѣнѣ голубые и зеленые

Digitized by Google

изразцы. Арки, подковами, на тонкихъ колоннахъ замѣняютъ окна; снаружи—галлерейки, покоющіяся на такихъ же колоннахъ; внутри видны такія же арки, только крупнѣе... Съ этой площади во всѣ стороны разбѣгаются щели—переулки. Изъ одного оретъ оселъ, на толстаго „куру" лаетъ непочтительный песъ, и кура останавливается въ недоумѣніи, точно думая: что это за времена пришли такія, псы—и тѣ не уважаютъ его священнаго сана; но судьба справедлива! Его утѣшаетъ старуха, подошедшая къ нему подъ благословеніе. Старуха типичная—кончикъ носа точно хочетъ зачѣмъ-то постучаться въ подбородокъ, сѣдыя брови торчатъ, точно щетина; на губахъ усы выросли, точно у небрившагося солдата. Зато, на плечѣ у нея яркій желтый платокъ съ зелеными и красными цвѣтами, юбка падаетъ тысячами складокъ внизъ, оканчиваясь пестрой бахромой. Старуха привѣтливо кланяется Инесѣ и шепчетъ про себя что-то.

Львы передъ воротами. У львовъ, подъ приподнятыми лапами, щиты съ гербами. Вотъ на другихъ воротахъ высѣчены изъ камня луна и звѣзды. Жалкая избушка оперлась на великолѣпную старинную колонну, по тонкому цоколю которой обвилась змѣя изъ темнаго мрамора, и тутъ же на углу у него—громадный щитъ съ восьмью соединенными гербами. Точно рыцарь—больной и дряхлый, вышедшій на солнце въ своей разбитой бронѣ; въ одной рукѣ у него щитъ, а въ другой палица — колонна. Старый рыцарь, пожалуй, скоро уляжется на покой—грудой каменьевъ, и только останутся торчать этотъ мраморный щитъ и эта изящная колонна. Изъ-подъ арки одного дома веселитъ глазъ масса удивительно изящныхъ арабесокъ на стѣнахъ и тамъ же цѣлая толпа оборванныхъ малышей съ визгомъ и крикомъ дерется, пользуясь, вѣроятно, тѣмъ, что мать пошла въ сосѣднюю церковь, которую, какъ семьсотъ лѣтъ тому назадъ выстроили и не покрыли мраморной обшивкой, такъ она и осталась съ неровными выступами стараго камня и вывѣтрившимся цементомъ; изъ скважинъ зато поднялась зелень; какія-то, словно змѣи, вѣтви перебросились съ одного кирпича на другой, подставляя солнечнымъ лучамъ жадно раскрытыя губки алыхъ и пышныхъ цвѣтовъ. Вонъ домики съ изразцовыми стѣнами—какіе теперь вы увидите въ Тангерѣ и Фецѣ. Они почти слѣпы—эти дома, только наверху одно окно; за рѣшеткой его желтая шолковая занавѣсь, точно золото горитъ подъ солнцемъ, а за занавѣсью мелькаетъ красное платье. Какое богатство колорита и освѣщенія. Вотъ бы гдѣ работать акварелисту...

Избави Богъ, чтобы въ эту поэтическую Сеговію повадились

Digitized by Google

ѣздить путешественники. Спаси ее Аллахъ отъ этого. Сейчасъ же понастроютъ отелей съ ихъ мѣщанскими плоскими фасадами, испортятъ эти улицы, и вѣрно тѣ испанки съ миндалевидными глазами и граціозныя, — простите за старое сравненіе! — какъ серны, вмѣсто своего живописнаго костюма, одѣнутся на манеръ парижскихъ горничныхъ и шлюхъ латинскаго квартала. Нивелировать—портить Испанію.

Инеса съ братьями довели меня до plaza Mayor или, по нынѣшней номенклатурѣ испанской, площади Конституціи.

— Тутъ я васъ оставлю... улыбнулась мнѣ она весьма привѣтливо.—Помните, что нашъ домъ принадлежитъ вамъ. Сегодня сеньоръ estranjero свободенъ вечеромъ или нѣтъ?

— Да. Я здѣсь со своимъ мадридскимъ пріятелемъ—и по вечерамъ мы по неволѣ сидимъ дома.

— Тогда вы насъ очень осчастливите, если зайдете къ намъ часовъ въ семь. У насъ будетъ tertullia. Соберутся сеговійскія красавицы, и авось одна изъ нихъ заставитъ estranjero пожалѣть, отчего онъ родился не въ Испаніи.

— Я непремѣнно буду...

— А чтобы вы не заблудились, я пошлю за вами брата Пачеко.

Мы простились.

Осмотрѣвъ здѣсь остатки готскаго и мавританскаго владычества—мнѣ хотѣлось познакомиться съ римскими, т. е. съ акведукомъ, который считается сооруженіемъ, равнымъ даже Колизею.

Къ акведукамъ ведутъ улицы внизъ. Тутъ всюду старые дома съ башенками, съ лѣпной отдѣлкой стѣнъ; вотъ „домъ жида“ съ камнями, обдѣланными въ видѣ копій съ остріями, торчащими наружу. Таковъ весь его передній фасадъ. Вотъ вся улица идетъ подъ арками, перебрасывающимися отъ одного дома къ противоположному. Часто улицы запираетъ башня, и всѣ проходятъ подъ нею, потому что сквозь нее проходитъ арка, гдѣ наверху виситъ образъ Богородицы. Часто такія иконы находятся на углахъ стѣнъ и въ нишахъ. Сотни и сотни галлереекъ прилѣпились подъ самыя крыши домовъ. Тамъ, на самомъ верху, обогнула стѣну изящная галлерея на мраморныхъ колоннахъ. Балконъ — одинъ красивѣе другаго; тутъ уже въ рисункахъ сказалась чисто испанская изобрѣтательность. На всѣхъ—очевидно, здѣсь болѣе оживленные кварталы—сидятъ женщины и дѣти. Пестрые лоскутья висятъ оттуда, точно флаги, и легкій вѣтерокъ, пробѣгая мимо, встряхиваетъ ихъ. Лѣстницы довольно круто ведутъ на крыши, гдѣ тоже сидятъ цѣлыя семьи. Улица чуть не отвѣсно идетъ внизъ,

Digitized by Google

такъ что я вижу кровли подъ собой. Кажется, стоитъ только прыгнуть, чтобы очутиться вотъ на той, гдѣ такъ красиво расположились три сеговійки въ желтыхъ платкахъ и красныхъ юбкахъ. Точно Подолъ въ Кіевѣ—подъ скалой разбросана цѣлая треть города, откуда несется шумъ и гамъ. Тамъ у рѣки десятки муловъ иословъ, привязанные одинъ къ другому, вереницей проходятъ по улицамъ. Другія животныя стоятъ въ тѣни домовъ, только изрѣдка взмахивая головой, причемъ колокольчики, подвѣшенные къ ихъ шеямъ, звенятъ мелодическимъ „переборомъ", какъ говорятъ у насъ въ Россіи. Южная толпа, не сумрачная и молчаливая — а веселая, оживленная, яркая, черноглазая и красивая, сплошь заняла довольно большую площадь... Я добираюсь до нея, — поднимаю глаза на массивныя, словно руками титановъ сложенныя колонны,—я бы имъ присвоилъ названіе „первозданныхъ", до того онѣ громадны—и останавливаюсь пораженный... Дѣйствительно, только одинъ Колизей Рима можетъ стать рядомъ съ этой циклопической постройкой сеговійскаго водопровода.

Это, несомнѣнно, не только одинъ изъ величайшихъ, но и наиболѣе сохранившихся памятниковъ древности. Почти два тысячелѣтія онъ работаетъ на всю Сеговію. Четыре раза смѣнились ея властители, видоизмѣнилась даже форма громаднаго водопровода, нѣсколько разъ Эресма уходила изъ своего ложа и возвращалась въ него опять—а римскій водопроводъ незыблемо стоитъ себѣ и исполняетъ свое дѣло. Ни одинъ день онъ не переставалъ снабжать городъ водою, и съ того времени, какъ его построили римляне, до сихъ поръ—не приходилось прибавить къ нему ни одного камня. Никакихъ поправокъ, никакихъ дополненій или передѣлокъ. Водопроводъ этотъ протянулся на восемнадцать съ половиною километровъ отъ города къ горѣ Фуэнфріа, гдѣ изъ нѣдръ громадной скалы бьетъ ключъ, „объемомъ равный человѣческому тѣлу", говоритъ Мендоза. Всего замѣчательнѣе въ этомъ водопроводѣ тѣ 119 арокъ, которыя на пространствѣ 888 метровъ соединяютъ городъ съ противолежащимъ склономъ ближайшей къ нему горы. Тутъ циклопическія колонны доходятъ до страшной высоты. На первомъ этажѣ этихъ колоссальныхъ арокъ покоится второй. Не знаешь, чему удивляться,—смѣлости или легкости постройки, которая издали кажется кружевомъ, и только вблизи видишь, изъ какихъ массъ вся она сооружена. Мрачный цвѣтъ этихъ камней, великолѣпно отполированныхъ римлянами, удивительно эффектенъ, когда снизу видишь два этажа этихъ арокъ, рисующихся на чистомъ фонѣ темносиняго неба. Когда сверху спускаешься

Digitized by Google

къ ихъ подножію—кажется, конца имъ нѣтъ, и вмѣстѣ съ ними точно сходишь въ какую-то бездну; когда подымаешься вверхъ, долго и онѣ еще подымаются вмѣстѣ съ вами, точно страшныя колонны эти уходятъ подъ самое небо. Суевѣрный страхъ какъ-то охватываетъ васъ здѣсь, что-то странное чудится въ этомъ могучемъ, несокрушимомъ сооруженіи. Безконечный рядъ этихъ колоннъ сливается вдали какъ будто въ плотную стѣну, такъ какъ тамъ промежутки, казалось, исчезаютъ, и арки ихъ представляются черточками еще болѣе темными, чѣмъ эти камни. Когда я стоялъ здѣсь, солнце ударяло въ эти арки вкось, и онѣ громадными черными силуэтами легли на желтый слой глинистой почвы подъ ними. Какъ жалко рядомъ съ этимъ все современное; какъ мелка кажется та башня, что̀ пріютилась вдали, у самыхъ колоннъ водопровода, не доходя и до половины ихъ высоты, а эти стѣны вокругъ Сеговіи — совсѣмъ представляются карточными. Удивительное величіе лежитъ на всемъ томъ, что̀ оставилъ по себѣ старый Римъ. И какая геніальная простота во всемъ этомъ! Тутъ не детали производятъ впечатлѣніе, а великое цѣлое. Прислонитесь къ одной изъ этихъ колоннъ внизу и взгляните вверхъ надъ собой—вамъ станетъ дѣйствительно жутко. Бросьте сверху взглядъ на стада быковъ, на муловъ, на ословъ, проходящихъ внизу подъ этими арками—они вамъ покажутся какими-то козявками, муравьями. Въ общемъ, отсюда только и видишь, что горы Гвадарамы, голубое небо и эти арки:— все остальное кажется жалкимъ и незначущимъ. Вотъ орелъ медленно пролетѣлъ въ высотѣ сквозь одну изъ арокъ втораго этажа водопровода. Въ одной изъ колоннъ сдѣлана ниша. Ея внутреннія стѣнки также черны, какъ и наружные камни. Слѣдовательно, она существовала во времена римлянъ. Здѣсь стоялъ, должно быть, бюстъ одного изъ императоровъ. Теперь—здѣсь теплится лампада передъ иконою Богородицы, считающейся покровительницей стадъ, прогоняемыхъ сквозь эту арку. Чѣмъ далѣе идемъ—обратно въ городъ, тѣмъ болѣе растутъ колонны. Ужь не только вверхъ онѣ подымаются, но вверхъ и внизъ. Сойдя на своды, вы видите склоны дальнихъ горъ зеленой долины, поэтическую Эресму съ ея прозрачными водами. Я добрался, наконецъ, до стѣнъ Сеговіи и по парапетамъ взошелъ на нихъ. Со стѣнъ видны всѣ дворы, какъ на ладони. Вся интимная жизнь города раскрывается передъ вами съ полною откровенностью. Я оперся на одинъ изъ старыхъ зубцовъ этой крѣпостной стѣны и сталъ любоваться на далекія горы. Ящерицы бѣгали рядомъ. Говорятъ, лѣтомъ тутъ то и дѣло,

Digitized by Google

что ползаютъ скорпіоны, охотящіеся за всякаго рода насѣкомыми.

— Buenos dias! послышалось за мною. Оглядываюсь—смотрю: толстый и здоровый капелланъ. Ему бы вмѣсто рясы—бархатную куртку, широкую шаль вмѣсто пояса, да цѣлую коллекцію толедскихъ навахъ туда, а въ руки бискайское ружье съ раструбомъ у конца дула, такъ называемое трабукосъ...

— Buenos dias.

— Сеньоръ—estranjero?...

— Да.

— Правда, что лучше нашей Сеговіи нѣтъ ничего въ Испаніи и прочихъ мѣстахъ?

Я охотно съ этимъ согласился.

— Вотъ римляне, они тоже были католики,—строго замѣтилъ онъ,—въ подарокъ нашему городу поставили эти сооруженія. Сами ангелы небесные помогали его строить. Они на своихъ крылахъ приносили камни вонъ изъ тѣхъ горъ.

— Я думаю, римскіе легіоны поставили все это.

— Да легіоны ангеловъ... А вы—вы тоже католикъ.

— Нѣтъ, я греческаго исповѣданія...

Капелланъ отшатнулся отъ меня, какъ отъ прокаженнаго, и, что-то шепча про себя, живо пошелъ прочь, оглядываясь поминутно. Я отъ души смѣялся ему вслѣдъ. Ну, гдѣ, кромѣ Сеговіи, еще найдутся такіе экземпляры?

Я пошелъ вверхъ уже по иному направленію. Положительно ни одной улицы не интересной. Всюду что нибудь да есть. Вотъ, напримѣръ, Calle S.-Trinidad. Громадный домъ тянется чуть не во всю улицу—и на немъ только три окна, да и тѣ за массой рѣшотокъ. Стѣны его облупились, вывалились мраморы, которыми онѣ были обшиты, но старая башня надъ нимъ и фонтанъ, вдѣланный въ него, еще цѣлы, цѣлы на нихъ гордо прибитый щитъ съ гербами и чудесныя арабески. Такой же длинный домъ безъ оконъ напротивъ, и на высотѣ чуть держится галлерейка. На кровлѣ точно крѣпостные зубцы. Вотъ palacio весь въ башенкахъ, точно въ гнѣздахъ, прилѣпившихся къ его кровлѣ, такъ что верхушки ихъ торчатъ надъ нею. На этой Санта-Тринидадъ—я черезъ нѣсколько дней искалъ содержателя лошадей и колясокъ дон-Эстебано. Мнѣ хотѣлось вернуться въ Мадридъ черезъ Гвадараму, но не въ дилижансѣ, гдѣ всегда масса народу и всѣ курятъ—а нанять себѣ подходящую колымагу, хотя временъ конквистадоровъ, лишь бы быть одному. Дон-Эстебано сидѣлъ у себя на крыльцѣ, и въ знакъ своей важности нашелъ возмож-

Digitized by Google

нымъ обойтись безъ верхняго платья. Рубашка на немъ была разстегнута, и грудь оказалась покрытой такими густыми волосами, что я былъ бы очень радъ, еслибы они перемѣстились на мою голову.

— Донъ-Эстебано?

— Онъ самый, къ вашимъ услугамъ. Радъ служить caballero.

— Можете ли вы довезти меня до Вильяльбы?

Вильяльба по ту сторону Гвадарамы. Отъ нея начинается желѣзная дорога.

— Отчего же. Вы хотите ѣхать одни?

— Да.

— Ну-съ. Дамъ я вамъ четверку buenos caballos. Хорошо?

— Очень! Значитъ, что-жъ это будетъ стоить?

Дон-Эстебано посмотрѣлъ на меня, потомъ на небо, прослѣдилъ за полетомъ ласточки и окончательно уже опустилъ глаза въ землю.

— Вы знаете, деньги нынче дешевы, а путешественники рѣдки.

— Такъ.

— Я съ васъ возьму только двадцать пять дуросовъ.

— Что? даже не повѣрилъ я ушамъ.

— Двадцать пять дуросовъ!

— Это значитъ 125 франковъ? пугалъ я его.

— Да-съ, вѣрно.

— Или 600 реаловъ?

— Сеньоръ считать умѣетъ хорошо. Его милости извѣстно, что въ дуросѣ пять пезетъ, а въ пезетѣ четыре реала.

— Да вѣдь въ дилижансѣ мѣсто стоитъ всего сорокъ реаловъ!

— Отчего-жъ синьоръ не ѣдетъ въ дилижансѣ?

— Это дорого!

— Если сеньоръ estranjero нарочно пріѣхалъ изъ далекой-далекой земли въ нашу Сеговію — значитъ, у него есть деньги, значитъ, онъ можетъ ихъ истратить. Санта Мадонна purissima! Да еслибы мы не разводили свиней и не пользовались отъ путешественниковъ, чѣмъ бы мы жить стали!...

— Этого я вамъ не дамъ.

— Значитъ, вы поѣдете въ дилижансѣ.

— Нѣтъ, я найму лошадей у другихъ.

— Попробуйте.

— Addios!

— Черезъ часъ придете,—я спрошу еще дороже!...

Но въ этотъ первый день, проходя изъ Санта-Тринидадъ на

Digitized by Google

маленькую площадку, я наткнулся на пляску полунагихъ женщинъ. Должно быть, это были гитаны. Двѣ, старуха и прехорошенькая дочь ея съ большими и печальными черными глазами, стали одна противъ другой. И у старухи, и у молодой были открыты правое плечо съ рукой и босыя ноги видны чуть не до колѣнъ. Весь даже не черный, а какой-то синій разбойникъ сидѣлъ на старой, упавшей давно, колоннѣ съ удивительно изящной коронкой и бренчалъ на гитарѣ. Сначала и старуха, и ея дочь шевелили только бедрами да какъ-то дергали головой вверхъ, но вотъ костлявая вѣдьма выдвинула ногу впередъ, къ ея ногѣ— молодая поставила въ упоръ палецъ въ палецъ свою, не смотря на черноту, удивительно сформированную ногу. Гитара зазвенѣла громче. Разбойникъ затянулъ унылую пѣсню и, не двигая ногъ ни на вершокъ, женщины начали выгибаться въ тактъ, опрокидываясь назадъ, причемъ обрисовывались дивныя формы тѣла у дочери, колебавшейся направо и налѣво, а по ней точно бѣжали страстныя судороги... Подъ конецъ, струны гитары чуть не рвались, и, воодушевленный зрѣлищемъ пляски, синій дьяволъ не только оралъ какую-то бѣшеную пѣсню, но и билъ колѣномъ въ дно гитары, стукалъ головою въ стѣну дома. Его самого точно поводили какія-то конвульсіи, глаза налились кровью, со лба капалъ потъ, брови ходуномъ ходили, и вдругъ пѣсня оборвалась какъ разъ вслѣдъ за послѣднимъ ударомъ крючковатыхъ пальцовъ его по струнамъ. Старуха съ дочкой остановились. Она тихо подошла ко мнѣ и протянула руку. Я положилъ пезету. Очевидно, такихъ подачекъ имъ давно не приходилось видѣть, потому что синій разбойникъ опрокинулъ на мою голову столько благословеній и пожеланій, что еслибы только сотая доля ихъ исполнилась, то я бы сталъ ужь, по крайней мѣрѣ, китайскимъ богдыханомъ, никакъ не менѣе. Дочка тоже по своему выразила свою благодарность. Не успѣлъ я опомниться, какъ она схватила мою руку и поцѣловала ее.

— Ingles, ingles... шопотомъ говорила ей мать.

— Нѣтъ, какой ingles... англичане только смотрятъ и слушаютъ, а когда добрые люди къ нимъ подходятъ съ протянутой рукой, ingles говорятъ: — не понимаю — и уходятъ совсѣмъ. Это, это, должно быть....

Я уже не дослушалъ и шелъ впередъ по улицѣ. Потомъ жалѣлъ: интересно, какія еще націи, по ихъ мнѣнію, существуютъ на бѣломъ свѣтѣ. Потянула меня къ себѣ замѣченная издали Posada del Caballeros, откуда доносился шумъ и говоръ. Вхожу— изъ двери прямо конюшня съ ослами, мулами и лошадьми. По-

Digitized by Google

среди конюшни — коверъ, на которомъ играютъ въ карты погонщикиословъ съ продранными штанами — во всѣхъ направленіяхъ, монахъ въ своей шапочкѣ, похожей на верхъ польской конфедератки, только съ загнутыми углами, и какой-то кабаллеро съ такимъ дикимъ, взъерошеннымъ, краснымъ и толстымъ лицомъ, что, когда онъ заговорилъ тоненькимъ дискантомъ, я невольно расхохотался. Рядомъ ослы орутъ, поднимая каждый разъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ свои хвосты, маленькій песъ съ громкимъ лаемъ кидается на флегматическаго мула. Наконецъ къ игравшимъ подошелъ необыкновенно степенный козелъ и уставился въ карты монаха, точно интересовался узнать, какая пришла къ нему игра. Такую степенность я замѣчалъ до тѣхъ поръ только у московскихъ купцовъ съ Таганки—послѣ долгаго запоя. Сидѣвшій рядомъ поселянинъ подставилъ козлу ладонь. Козелъ по привычкѣ ткнулся въ нее лбомъ и опять засмотрѣлся въ карты. Такъ и казалось, что онъ скажетъ святому отцу: „Ходите, ваше преподобіе, съ бубенъ!“ Козелъ положительно понималъ игру. Онъ даже неодобрительно потрясъ бородкой, когда монахъ сплоховалъ и былъ разбитъ красномордымъ дискантомъ и погонщикомъ съ продранными штанами. Въ коридорѣ, за столиками, сидѣли и пили свое неизбѣжное tinto погонщики, нищіе, монахъ и контадоръ. Вы еще не знаете, что̀ значитъ contador въ Испаніи. Я убѣдился, что чѣмъ ниже здѣсь общественное положеніе субъекта, тѣмъ его профессіональное имя величественнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите—contador, aguador, тогда какъ, напримѣръ, судья именуется просто хуэсъ—(juez), и только церковные судьи носятъ болѣе внушительное имя—хуэсъ-консервадоръ (juez conservador). Посмотрите на этого старика, растрепаннаго, но съ вдохновеннымъ видомъ нараспѣвъ читающаго посрединѣ коридора какую-то еще болѣе растрепанную, чѣмъ онъ самъ, книгу. Это и есть „contador“, онъ читаетъ или разсказываетъ сказки, причемъ голосъ его въ патетическихъ мѣстахъ дѣлается громовымъ, а въ жалобныхъ—плачущимъ. Сегодня контадоръ читаетъ о страданіяхъ королевы Урраки и вѣрнаго пажа ея Купидо. Дойдя до того мѣста, когда сей Купидонъ, уйдя въ лѣсную чащу, сталъ призывать дикихъ звѣрей, предлагая имъ себя на съѣденіе, contador вскочилъ, обѣжалъ одинъ изъ столовъ кругомъ и началъ бить себя въ грудь кулакомъ, такъ что она гудѣла въ родѣ барабана. „О, лютые волки (o lobo feroz) — и онъ обращалъ свой взглядъ на толстаго Санчо-Пансу, уписывавшаго громадную тарелку пучеро:—о ядовитые, гады —и блуждающіе глаза его остановились на разинувшемъ ротъ ослятникѣ:—„о,

Digitized by Google

дьяволы всѣхъ четырехъ странъ свѣта"—и contador обвелъ уже всю компанію глазами:—„придите—рвите это тѣло!"—и онъ разорвалъ на себѣ рубашку:—„ѣшьте это мясо!..." Онъ зацѣпилъ было крючковатыми пальцами собственную свою шкуру и дѣлалъ видъ, что отрываетъ ее и бросаетъ передъ собою... Плачъ королевы Урраки онъ изобразилъ такимъ отчаяннымъ воемъ, что изъ конюшни явился слѣдившій за игрою козелъ и сталъ точно для порядка въ дверяхъ коридора... Въ заключеніе, пажъ Купидонъ и королева Уррака сочетались благополучно бракомъ, причемъ первый побѣдилъ всевозможныхъ чудовищъ и рыцарей, а Уррака счастливо избѣгла всѣхъ опасностей, которыя устраивалъ ей злой и хитрый колдунъ Зеферино, что̀ дало контадору предлогъ отправиться отъ стола къ столу, собирая куартосы и выпивая до дна предлагаемые ему стаканы съ виномъ.

Я спросилъ у сосѣда, какъ зовутъ contador'a, и оказалось, что онъ носитъ имя знаменитаго баснописца.

— О этотъ contador Esopo могъ бы даже занять короля! восклицали рядомъ.

— Короля, великая важность вашъ король! вмѣшался капелланъ.—Эзопо разъ удостоился даже читать самому епископу Хусто (Justo)... И, разумѣется, тотъ отблагодарилъ его, какъ слѣдуетъ. Эй, Эзопо, что̀ тебѣ далъ епископъ Хусто?

— Свое благословеніе...

— Ну... ну, что-жъ, и благословеніе тоже вещь не вредная!.. Епископское благословеніе освобождаетъ отъ ста семидесяти пяти грѣховъ. Вотъ какъ...

— Эге, Эзопо—я думаю, тебѣ бы серебряные дуросы были тогда полезнѣе, подмигнулъ ему ослятникъ.

Но Эзопо тотчасъ же воспользовался случаемъ положить конецъ фамильярному обращенію невѣжественной толпы.

— Сеньоры и кабаллеро! Контадоръ Эзопо—и онъ ударилъ себя въ грудь кулакомъ,—зналъ когда-то лучшія времена. Дуросы водились въ этомъ карманѣ (онъ было полѣзъ въ него—но кармана не указалъ), а за щекой я даже держалъ дублоны. Сеньоры и кабаллеро—контадоръ Эзопо могъ бы самъ сочинять разныя хорошія книги, и если онъ этого не дѣлаетъ, то только потому, что думаетъ: кто же станетъ читать ихъ вамъ... Addios—сеньоры и кабаллеро!

И, бросивъ за плечо ободранную полу своего плаща, представлявшаго собой ветшайшую коллекцію лохмотьевъ, всѣхъ цвѣтовъ, временъ и народовъ, онъ съ гордымъ видомъ вышелъ изъ коридора.

Digitized by Google

За нимъ послѣдовалъ и я.

Дома, ужасно утомившись, я хотѣлъ было до вечера заснуть, но подошелъ къ окну—да тамъ и остался.

Каза „Бургалеза", какъ назывались эти меблированныя комнаты—помѣщалась на высотѣ, господствующей надъ Сеговіей, городъ подъ нею. Цѣлое марево черепичныхъ кровель и старыхъ стѣнъ, галлерей, арокъ, башенъ съ башенками, колоколенъ со шпилями, какіе-то обрывки крѣпостныхъ бастіоновъ и прилѣпившіяся къ нимъ лачуги, словно лишаи на старыхъ деревьяхъ; на страшной высотѣ построенные балконы, вышки, оканчивающіяся щитами—все это сливалось подо мною въ одну пеструю картину съ тысячами оттѣнковъ, съ яркими бликами солнечнаго свѣта, съ густою синею тѣнью... Вотъ на одномъ балконѣ, у самой крыши громаднаго дома, засѣла цѣлая вереница семинаристовъ въ черныхъ сутанахъ и черныхъ шляпахъ à la don Basilio... Совсѣмъ будто рядъ воронъ на карнизѣ. Вотъ на другомъ балконѣ какой-то кабаллеро, завернувшись по горло въ плащъ, танцуетъ, а другой такой же подъигрываетъ ему на гитарѣ. Вотъ на одной крышѣ собралась цѣлая толпа дѣвушекъ. Очевидно, эти мучачи—хотятъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ сдѣлаться мухерами (женщинами), потому что онѣ неистово заигрываютъ съ нѣсколькими юношами, взмостившимися на сосѣднюю крышу. Выползла точно изъ трубы старая дуэнья, и мучачи, словно вспугнутыя ласточки, разсыпались, сбѣжали внизъ. Дуэнья подошла къ самому карнизу и что-то, должно быть, кричитъ, грозя молодежи. Веселые macho (мачо) и ухомъ не ведутъ, отвѣчая ей воздушными поцѣлуями. Дуэнья плюетъ внизъ съ негодованіемъ, указываетъ имъ на крестъ ближайшаго монастыря и уходитъ—должно быть, опять въ трубу. Проходитъ нѣсколько минутъ, на крышѣ показывается одна мучача, робко, съ оглядкой, за ней другая, третья—и скоро всѣ въ сборѣ, и продолжается прежняя игра. Очевидно, любовь въ ходу. Вонъ на дворѣ большаго дома толстый гишпанецъ, въ курткѣ и штанахъ въ обтяжку, заигрываетъ съ горничной; та, очевидно, не прочь и тоже указываетъ ему на крестъ монастыря, но испанецъ, улыбаясь, объясняетъ ей что-то и цѣлуетъ. Значитъ, дѣло оканчивается къ обоюдному удовольствію.

Да, тутъ все полно любовью и... запахомъ скверная оливковаго масла, знаменитаго испанскаго „aceiten".

Прибавьте ко всей этой картинѣ Гвадараму съ солнечными пожарами на ея снѣгахъ, голубое небо, бѣлыя звѣзды на немъ и торжественный звонъ колоколовъ надъ городомъ, и вы поймете, почему я до самаго вечера оставался, глядя въ окно.

Digitized by Google

Только къ шести часамъ, когда я уже собирался идти внизъ обѣдать, явился дон-Луисъ—мой мадридскій пріятель.

— Неужели вы станете терять время на обѣдъ?

— А что?

— Въ Испаніи, я думаю, только король да его матадоры (министры) имѣютъ эту дурную привычку. Я вамъ не совѣтую ѣсть сегодня.

— Почему это?

— Потому что вы не будете ужинать, а ужинать я вамъ предлагаю со мною и съ моими друзьями, саламанкскими студентами, въ одномъ кабачкѣ подъ городомъ.

— Не знаю, какъ это сдѣлать. Я приглашенъ на tertulia.

— Уже! когда же вы успѣли здѣсь познакомиться!

— Я тоже времени не терялъ даромъ.

— Ну, что же, тертуліа окончится въ десять часовъ—а ужинать мы будемъ въ одиннадцать.

Такъ мы и порѣшили. Дон-Луисъ увлекъ меня смотрѣть старую церковь св. Хуана. Она на краю города. Какая глубокая старина! Уединенная площадь кругомъ обставлена тоже домами, помнящими первыхъ конквистадоровъ Сеговіи. На нихъ, какъ и на церкви, выросли цѣлыя деревья. Не только на кровлѣ —даже въ стѣнахъ развѣтвляются ихъ пышныя вѣтви. Въ нишахъ наивныя изваянія въ видѣ... Но я прошу уволить меня отъ опредѣленія. Его все равно вычеркнула бы редакція, блюдущая строгость нравовъ и приличіе выраженій. Мавританскія арки кругомъ задѣланы кирпичами, очевидно, впослѣдствіи. Вѣтеръ уныло шумитъ въ деревьяхъ, покрывшихъ кровли. Дряхлой башнѣ св. Хуана, очевидно, стоять надоѣло. Она треснула, осѣла и точно думаетъ, на какой бокъ ей упасть удобнѣе. Мы идемъ отъ этого храма по старой-старой улицѣ. Нарочно кругомъ точно все вымерло. Вотъ—другая, поживѣе... третья. Здѣсь ветхій домъ и на немъ надпись.

— Посмотрите, какъ мы цѣнимъ своихъ мучениковъ, прочтите, предложилъ мнѣ дон-Луисъ.

— Что это такое?

„Здѣсь жилъ знаменитый гражданинъ Сеговіи
„Донъ-Хуанъ Браво,
„обезглавленный въ Вильяларѣ
„24 апрѣля 1521 года.
„Сооружено по подпискѣ между его почитателями (admiradores).“

Наверху черная мраморная доска съ портретомъ. Самъ домъ старъ и теменъ. Теменъ и прибитый къ нему щитъ съ мра-

Digitized by Google

морнымъ гербомъ, давно уже стершимся. Легендой вѣетъ отъ этихъ полуобвалившихся галлерей и—словно бойницъ—оконъ. Чувствуется, что здѣсь совершилась какая-то драма, при Карлѣ V, когда провинціи Кастилія и Арагонъ возстали на защиту своего права. И кругомъ все такіе же дома, старые, съ гербами, каждый со своей легендой, со своею исторіею, съ своею геральдикой. По крайней мѣрѣ, въ одномъ, выстроенномъ, точно башня (въ немъ нѣсколько залъ, одна надъ другой, и въ каждой залѣ по два окна только), во времена оны, вверху, на галлереѣ собирались заговорщики противъ св. Германдады. Были и такіе! Они задумали ни больше, ни меньше, какъ сжечь самого великаго инквизитора Торквемаду. Между ними оказались шпіоны. Тайна была выдана, и во время одного изъ собраній внизу показалась стража св. Германдады и солдаты. Заговорщики сообразили, что въ пыткѣ, пожалуй, слабые люди могутъ раскрыть все, что было задумано ими, и замѣшаютъ тѣхъ, которые сегодня не присутствовали здѣсь. Они рѣшили поэтому кончить героически. Башня высока;—они всѣ становились на краю ея кровли, ударяли себя ножами въ сердце и падали съ высоты внизъ. Осталось только двое шпіоновъ. Ихъ привели—въ инквизиціонную тюрьму, и поелику нельзя было оставить безъ наказанія такого ужаснаго дѣла, какъ заговоръ противъ Торквемады, то св. Германдада и рѣшила, для примѣра сеговійцамъ, сжечь этихъ шпіоновъ. Ведя на костеръ, инквизиторы утѣшали ихъ, говоря, что они погибаютъ за святое дѣло и не позже, какъ черезъ полчаса, будутъ въ раю; что ангелы, посланные за ихъ душами, уже сидятъ и ждутъ ихъ, отдыхая на башенкахъ и стрѣлкахъ собора; что они сами, инквизиторы, завидуютъ ихъ участи. Сеговійцы вообще не отличались фанатизмомъ и не жаловали черное братство, что не мѣшало послѣднему соорудить въ окрестности болѣе двадцати монастырей. А вотъ — развалины другой старой башни. На ея стѣнѣ грубо вылѣплена львица съ головой женщины. Тутъ тоже своя легенда. Было тутъ волшебное существо — голова женщины съ туловищемъ львицы; оно обитало въ этой башнѣ, гдѣ по вечерамъ слышались звуки музыки, и чудный голосъ порой пѣлъ о любви, причемъ ему страстно акомпанировала томно вздыхавшая лютня. Неосторожные слушали—потомъ подходили къ дверямъ, влекомые таинственною силой. Двери отворялись сами собою. На лѣстницахъ горѣли огни, дивное благоуханіе носилось въ воздухѣ. Въ большой залѣ лежала женщина-львица, ожидавшая пришельца. Ни одного другаго живаго существа здѣсь не было. Пришелецъ не успѣвалъ даже испугаться, потому что женщина-львица зачаровывала его своими ласками. Она давала не-

Digitized by Google

счастному какого-то напитка—и онъ забывался съ нею въ страсти и безумной оргіи. Въ самый блаженный моментъ задыхаясь отъ наслажденія, она раздирала гостя на части своими когтями. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока какой-то рыцарь Куиронъ не получилъ благословенія въ церкви св. Мартина. Ему дали часть отъ мощей—и онъ смѣло пошелъ въ башню. Тамъ онъ отрубилъ львицѣ голову. Но такъ какъ онъ все таки осквернилъ себя прикосновеніемъ къ ней, то святые отцы приказали ему пѣшкомъ и босикомъ пойти въ Римъ. Рыцарь Куиронъ исполнилъ это и принялъ въ священномъ городѣ постриженіе подъ именемъ Льва.

Вообще, благодаря близости Гвадарамы, злые духи посѣщали часто Сеговію. Одинъ изъ нихъ вселился даже въ инквизитора Мартинеса де-ла-Гарсіа и онъ сталъ на площади собора проповѣдывать вдругъ жителямъ милосердіе къ жидамъ и маврамъ. Но небо не попустило злаго духа торжествовать надъ грѣшнымъ монахомъ. По приказанію капитула ордена, его привязали къ деревянному столбу на plaza Màйоръ и стали бичевать—но и подъ бичами, обливаясь кровью, Гарсіа продолжалъ проповѣдывать то же. Что было дѣлать съ чортомъ? Сжечь монаха—значило доставить дьяволу удовольствіе, ибо огонь былъ его стихіей. Все равно, что рыбу выпустить въ воду. Тогда надумался великій инквизиторъ. Онъ приказалъ вырыть въ землѣ яму, обложить ее каменьями, освятить, поставить туда сосудъ со святой водой, деревянный крестъ и опустить въ этотъ склепъ проповѣдника. Мартинеса де-ла-Гарсію замуровали такимъ образомъ, какъ согрѣшившую весталку. Черезъ семь дней чортъ, въ видѣ огненнаго змѣя, вырвался оттуда и, разсыпая повсюду искры, съ шипѣніемъ и свистомъ ужасныхъ крылъ своихъ понесся по направленію къ Гвадарамѣ. Изъ сего слѣдовало: дабы не доставить вящаго торжества дьяволу — казнить сколько возможно болѣе жидовъ и мавровъ.

Слышали ли вы что нибудь объ ослѣ, пользовавшемся правами caballero и гидальго? Этимъ животнымъ вообще везло у испанскихъ монарховъ и у инквизиціи.

Мавру Амру эль-Беніогу удалось какимъ-то чудомъ бѣжать съ мѣста казни. Не успѣлъ онъ еще выбраться изъ города, гдѣ его не могли догнать, какъ вдругъ путь ему преградилъ оселъ. Какъ Беніогу ни старался одолѣть его—не могъ. Оселъ ударами копытъ повалилъ его на землю, и только такимъ образомъ служители св. Германдады могли его поймать и благополучно сжечь. Когда объ этомъ было доложено великому инквизитору и королю, то первый приказалъ считать осла „одушевленнымъ“, а король пожаловалъ ему дворянское достоинство. Ослу-гидальго ежедневно

Digitized by Google

отпускали пшена, рису и зелени на счетъ кассы ордена Калатравы. Новопожалованному гидальго вмѣнено было въ обязанность участвовать во всѣхъ торжественныхъ процессіяхъ. Самъ великій инквизиторъ удостоилъ его чести въѣхать на немъ въ городъ, причемъ оселъ велъ себя такъ разсудительно, что ему, пожалуй, открылась бы перспектива дальнѣйшихъ повышеній. Инквизиторъ уже хотѣлъ было сдѣлать его каноникомъ, но оселъ увлекся какъ-то ослицей и погибъ. Крестьяне деревни Пентаньое—убили его.

„Такъ дьяволъ подстерегаетъ насъ на каждомъ шагу и пользуется малѣйшею страстью, чтобы раздуть ее въ пожаръ, въ коемъ и гибнутъ душа и тѣло грѣшника!“ краснорѣчиво заканчиваетъ лѣтописецъ Хозе Миранда.

Къ числу замѣчательныхъ особенностей Сеговіи необходимо причислить ея нищихъ. Такихъ я еще нигдѣ не видалъ до тѣхъ поръ. Оборванцы Мадрида—джентльмены въ сравненіи съ этими. Они точно изъ земли выростаютъ передъ вами; кажется, и площадь была пуста, а только что вы показались—отъ старыхъ и дряхлыхъ стѣнъ вдругъ отдѣлились какіе-то невозможные калѣки, слѣпцы, старики. Случалось ли вамъ видѣть гдѣ нибудь крысъ, живущихъ въ водосточныхъ трубахъ — крысъ рыжихъ, какихъ-то плѣшинахъ, ободранныхъ, искусанныхъ? Сеговійскій нищій совершенно напомнилъ мнѣ эти встрѣчи. Ихъ плащи и сомбреро несомнѣнно были свидѣтелями побѣдъ Альфонса XI и Изабеллы-Католички; сами лица обладателей этихъ сомбреро облѣзлыя, въ зеленыхъ пятнахъ. Вотъ отправляется дилижансъ въ Мадридъ. Отъѣзжающихъ собрались проводить сеговійцы. Родственники и знакомые только что обступили ихъ, какъ повалила толпа этихъ водосточныхъ крысъ, живо растолкала провожающихъ и стала лѣзть въ окна и двери, выпрашивая par Dios. Къ вамъ протягивается для пожатія рука друга—какъ ни съ того, ни съ сего ее отталкиваетъ вся покрытая язвами рука нищаго, въ которую благополучно и попадаетъ ваша рука. А съ другой стороны тянется къ вамъ громадная шляпа новаго нищаго, которую вы можете принять за что вамъ угодно—за сѣтку для ловли раковъ, за какое нибудь морское животное, растеніе, за чудовищнаго слизняка, но не за сомбреро, долженствующее украшать человѣческую голову. Отправленіе дилижансовъ—здѣсь цѣлое событіе. Plaza Конституціи наполняется вся гуляющими и нищими. Для порядка даже являются жандармы парочками. Я вамъ еще ничего не говорилъ о сихъ послѣднихъ, такъ какъ жандармъ въ Испаніи, куда бы вы ни пріѣзжали, составляетъ неотъемлемую часть пейзажа. Безъ жандарма—онъ не полонъ: чего-то ему не-

Digitized by Google

хватаетъ. Трудно себѣ представить что нибудь уморительнѣе этихъ субъектовъ, когда они подымутъ красные воротники своихъ канъ, широкіе и высокіе, и такимъ образомъ заключатъ всю свою голову какъ бы въ футляръ. На голову вплоть до воротника каппы надвинута трехуголка съ поднятымъ вверхъ околышемъ надъ затылкомъ. Именно такимъ образомъ удивленные цыплята любятъ подымать хвосты. Такъ изъ футляра и изъ-подъ крышки только и торчитъ, что громадный и сухой носъ, обладающій способностью самопроизвольно двигаться, громадные усы и французская бородка, въ видѣ запятой хвостикомъ впередъ. У нихъ въ рукахъ заряженныя ружья. Особенно торжественны они на платформахъ станцій. Нужно видѣть, съ какою важностью мѣрятъ они тамъ медленнымъ шагомъ разстояніе отъ фонаря до фонаря. Изрѣдка только (вѣдь и жандармское сердце не камень) перемигнутся они съ какою нибудь красоткой, грозя пальцемъ, усами и запятою.

Когда я вернулся домой, дон-Пачеко меня уже ждалъ, спокойно покуривая сигару и прислонясь у колонны при входѣ въ мою „Бургалеза". Я извинился, онъ даже и не понялъ—за что.

— Это такъ пріятно—стоять и ничего не дѣлать и ни о чемъ не думать!..

Мы пошли быстро къ дому его брата, гдѣ уже собралось небольшое общество: нѣсколько прехорошенькихъ сеговіекъ, два или три офицера, пожилая дама, такая толстая, что, хорошенько присѣвъ, она бы могла свободно прикрыть обѣ Кастиліи, мѣстная jeunesse dorée. Старая дѣва съ длиннымъ носомъ и флюсомъ (что за причина?—у всѣхъ старыхъ дѣвъ въ цѣломъ свѣтѣ, гдѣ бы онѣ ни жили, въ Гренландіи или въ Испаніи—непремѣнно слезящіеся глаза и флюсъ) сѣла за фортепіано. Инеса подошла ко мнѣ спросить, танцую ли я, и когда узнала, что нѣтъ, надулась.

— Вы это изъ важности, думаете, что—estranjero, потому!

— Я никогда не танцовалъ во всю свою жизнь. И не умѣю.

— У нихъ на востокѣ, объяснилъ молодой человѣкъ, съ авторитетнымъ видомъ только что получившаго атестатъ зрѣлости гимназиста:—танцуютъ по ремеслу, а общество смотритъ и платитъ за это деньги. Не правда ли?

— Нѣтъ, не правда! расхохотался я.

— Я это читалъ, сконфузился юноша.—Есть такая, знаете, толстая книга; тамъ говорятъ о Rusia и о China. Вы вѣдь знаете, что Русія и Чина (Чина—Китай) два самыхъ большихъ государства на свѣтѣ; они почти также велики, какъ Испанія.

Когда я спросилъ, какъ онъ мѣритъ Испанію, оказалось, что онъ считаетъ ея длину отъ Пиренеевъ до острова Кубы, а шири-

Digitized by Google

ну—отъ Бискайскаго залива до Асорскихъ острововъ. Узнавъ, что я не танцую вовсе, Инеса оставила меня въ покоѣ и занялась съ юными офицерами, дразня ихъ обоихъ и натравливая другъ на друга. Очевидно, въ этомъ отношеніи она была въ достаточной степени опытна. Офицеры скоро начали зловѣще крутить усы и посматривать одинъ на другаго пѣтухами. Угощенія на tertulias не полагается никакого. Не подадутъ ни чаю, ни кофе, ни рюмки вина. На столѣ въ другой комнатѣ стоялъ большой кувшинъ съ водою и стаканы. Около, на крошечной чашечкѣ, кусокъ асукарильоса—ноздреватаго сахара. Выпить воды можете—но дотронутся до azucarillos'a считается верхомъ неприличія.

На tertulias въ Мадридѣ и другихъ желѣзнодорожныхъ центрахъ—вы никогда не увидите національныхъ танцевъ, которыхъ стыдится хорошее общество. Танцуютъ кадрили, вальсы съ такою важностью, точно все это королевы Изабеллы-Католички и великіе инквизиторы. Боятся улыбнуться даже... И въ Сеговіи началось также, но потомъ неугомонная Инеса, къ ужасу толстой дамы, ея тетки, вдругъ посреди кадрили — спутала всѣхъ, подбѣжала къ старой дѣвѣ и, отнявъ ея руки отъ клавишей, начала кричать:

— Парадосъ, парадосъ! Дон-Мигуель—я начинаю съ вами.

Толстая дама покраснѣла; я думалъ, что вотъ-вотъ лопнетъ, какъ слишкомъ надутый резиновый шаръ.

Дон-Мигуэль, молодой красавецъ, вышелъ изъ толпы, стоявшей въ углу. Старая дѣва хотѣла начать играть парадосъ, но тетка Инесы ей помѣшала.

— На фортепіано нельзя! Недостаточно живо выйдетъ!.. Этакъ только мертвымъ танцовать можно. Гитары, Пачеко; скорѣе гитары.

Нѣсколько гитаръ явилось на сцену, и парадосъ начался сладкою и нѣжною мелодіей, которая то гасла, то снова вспыхивала, чтобы тотчасъ же замереть опять. Но вотъ Пачеко сильнѣе ударилъ по струнамъ—точно вихрь ворвался въ тихій шелестъ вѣтвей и меланхолическій ропотъ ключа. Дон-Мигуэль сталъ посреди комнаты, Инеса противъ него. Она стала мѣрить его глазами, онъ тоже. Грудь дѣвушки высоко поднималась—она, видимо, едва сдерживала свое волненіе. Яркій румянецъ заливалъ все ея лицо. Всѣ притихли и смотрѣли на молодую пару, даже толстая дама и та заинтересовалась. Какъ ни важны сами господа офицеры—но и они не выдержали, у одного изъ нихъ оказались въ карманѣ даже кастаньеты. Съ первымъ жестомъ танцующихъ все оживилось, взгляды загорѣлись, изъ другой комнаты появились

Digitized by Google

важные и солидные сеговійцы съ большими брюхами и кадыками, которымъ могли бы позавидовать даже наши бессарабскіе помѣщики. Все это столпилось вдоль стѣнъ—а молодая пара уже носилась въ граціозномъ парадосѣ. Онъ весь состоитъ изъ того, что женщина и мужчина вьются одинъ около другой. Но съ какимъ изяществомъ и граціозностью, сколько страсти и огня вкладывали они въ каждое движеніе, въ каждый жестъ! Вся гибкость стройнаго и тонкаго стана Инесы обнаружилась въ эти минуты. Казалось, что она хотѣла совсѣмъ обвиться вокругъ дон-Мигуэля, заглядывая ему въ то же время въ глаза, къ самымъ губамъ его подставляя свою смуглую щечку... Гитары пѣли во всю, кастаньеты звучали, и когда пляска окончилась разомъ—всѣ точно проснулись...

— Bonito, bonito, mui bonito!.. только и могла проговорить толстая особа.

— У стариковъ все лучше было, замѣтилъ Пачеко:—они и чувствовали, и дѣйствовали, и плясали лучше!...

— Ну, а у васъ есть что нибудь подобное? еще вся возбужденная страстью, едва дышащая — прошла мимо Инеса, окидывая меня властнымъ взглядомъ. Что за чудесная дѣвушка! Подъ конецъ вечера я улучилъ время поболтать съ нею.

— Какъ хорошъ дон-Мигуэль! замѣтилъ я совершенно безкорыстно.—Вотъ настоящій мужъ для васъ.

— Кто? Мигуэль!—И она презрительно сжала губы.—Мигуэль хорошъ для танцевъ и для ощипыванія павлиновъ подъ мирадорами по ночамъ. Ни на что другое этотъ мучачо не годится. Какой онъ мужъ!.. Съ нимъ пріятно поболтать, повеселиться, но жить вмѣстѣ въ одномъ домѣ—да избавитъ меня Madonna santissima!

Въ тотъ же вечеръ, въ подгородномъ кабачкѣ Санхеса—я попалъ, вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ дон-Луисомъ, въ компанію саламанкскихъ студентовъ, жившихъ здѣсь на праздникахъ. Что это за безшабашно-веселый народъ. Они пѣли пѣсни, изъ которыхъ одна, хотя немножко фривольная, записана и переведена мною. Прошу и у читателей позволенія привести ее здѣсь.

На скалѣ, въ пещерѣ дикой,
Въ облакахъ, среди орловъ,
Жилъ пустынникъ—мужъ великій,
Нищъ, безмолвенъ и суровъ.
Онъ, въ своей звѣриной шкурѣ,
Былъ добычей жадныхъ блохъ.
Не случалось горной бурѣ
Заставать его врасплохъ.
Сильный духомъ, твердый въ вѣрѣ,

Digitized by Google

Слушалъ онъ, какъ громъ гремѣлъ,
И—лежалъ себѣ въ пещерѣ,
И псалмы тихонько пѣлъ.
Въ разныхъ случаяхъ печальныхъ,
По скалѣ его крутой—
Изо всѣхъ селеній дальныхъ
Шелъ народъ къ нему толпой.
Онъ творилъ за чудомъ чудо;
Но однимъ былъ славенъ онъ:
Пьянства бичъ, гонитель блуда—
Исцѣлялъ неплодныхъ жонъ.
Да, горами движетъ вѣра,
Онъ молитвою своей
Какъ-то даже, для примѣра,
Двумъ дѣвицамъ далъ дѣтей!
Освятила благость неба
Столь великіе труды:
Онъ жирѣлъ... отъ корки хлѣба,
Часто пьянъ былъ—отъ воды.
Наконецъ его высокій
Духъ пріяли небеса,
И въ пещерѣ одинокой—
Совершились чудеса.
Въ бозѣ ревностью палимы,
Приходя издалека,
Находили пилигримы
Бочки винъ, окорока...
Пуховикъ былъ къ тому здѣсь же:
Камень сталъ вдругъ мягче розъ!..
Такъ Господь святаго мужа
И прославилъ, и вознесъ!..

Студентъ, пѣвшій это, былъ награжденъ общими восторженными криками: „Олей, Аделанте, Иниго!... Валіенте!“... чѣмъ публика здѣсь выражаетъ свое удовольствіе пѣвцу, называемому Иниго. Это вдохновило одного капеллана, сидѣвшаго въ компаніи чернорясцевъ. Чернорясцы аплодировали пѣвцу больше всѣхъ и затѣмъ пристали къ толстому капеллану, чтобы и тотъ спѣлъ. Саламанкская молодежь тоже заявила, что не выпуститъ его преподобія безъ пѣсни. Привожу кстати и пѣсню капеллана, владѣвшаго превосходнымъ теноромъ:

Ночь темна. У Санта-Клари,
Точно сердцу говоря,
До утра звенятъ гитары
Подъ стѣной монастыря.
Слышны жаркихъ пѣсень звуки:
Въ нихъ чарующая власть,

Digitized by Google

Радость встрѣчи, боль разлуки
И признаній робкихъ страсть,
Лютой ревности мученья,
Крики мести огневой
И восторги примиренья,
И признаній рай земной.

— Олей! закричали студенты... Ай да капелланъ. Непремѣнно будемъ у тебя исповѣдываться.

— Валіенте, падре... Аделанте!

Капелланъ, передохнувъ, продолжалъ:

Нашимъ женщинамъ не спится—
Въ жилахъ пламя, а не кровь...
Сердце бьется. Мать бранится,
Мужъ ревнивый хмуритъ бровь.
Что за нравы, просто страхи!
Кто-бъ, вы думали,—пѣвцы?
Францисканскіе монахи,
Босоногіе отцы.
Оттого изъ Санта-Клары
Не берутъ у насъ невѣстъ:
Чуть монахъ, да звонъ гитары,—
Ну—и ставь на бабу крестъ!

— Ха-ха-ха! смѣялись кругомъ... Ай да „кура"!.. Ай да пѣвецъ!

— Здоровье падре!...

— Падре! Жаль, что ты не студентъ, мы бы тебя сейчасъ выбрали своимъ старшиною.

— Бѣдный Иниго, куда тебѣ соперничать съ падре Консепсіономъ.

— Падре! тысячу лѣтъ тебѣ жить!...

— Хорошенькихъ прихожанокъ!

— Дураковъ мужей.

— Вотъ я подожду, когда вы кончите Саламанку, да переженитесь! смѣялся капелланъ, поддерживая брюхо.

— Безъ твоего совѣта не женимся, падре—будь спокоенъ.

Что-то такое во вкусѣ Рабле было въ этомъ ночномъ кутежѣ!.. Прибавьте къ этому сеговійскую ночь съ яркими звѣздами, шумящій въ крутыхъ берегахъ своихъ El Clamores, дальній звонъ гитаръ, доносившійся нивѣсть откуда, и красавицу-жену Санхеса, не забывавшую смѣнять бутылки съ мандзанилой и вальдепеньясомъ съ быстротой совершенно непонятной, принимая въ соображеніе, что въ то же время она вела бесѣду съ капелланомъ, перемигивалась со студентами, пожимавшими ей руку, летала въ

Digitized by Google

кухню, откуда подымались удушливые пары асейзука. Самъ caballero, то есть счастливый обладатель венты и жены Изабеллы, едва дышалъ, одержимый жиромъ... Онъ принимался хохотать только тогда, когда другіе переставали. Очевидно, всякое впечатлѣніе съ трудомъ доходило до его заплывшаго мозга...

Съ веселыми студентами я сошелся еще разъ.

Черезъ семь дней, когда я возвращался въ Мадридъ на Мадину-дель-Кампо и, чтобы добраться на станцію, занялъ мѣсто на имперіалѣ дилижанса, всѣ они оказались моими спутниками. Тѣсная дружба связала ихъ, съ той достопамятной ночи, съ капелланомъ. Онъ явился провожать ихъ. Молодежь чуть не плакала, прощаясь со святымъ отцомъ. „Кланяйтесь Изабеллѣ, кричали они ему.—Не забывайте безъ насъ венту толтяка Санхеса!“ Отходъ нашего дилижанса—цѣлое событіе. Нашъ имперіалъ почти вровень съ крышами домовъ, прилѣпившихся, какъ гнѣзда, къ стѣнѣ монастыря. Когда мы двинулись, студенты начали уцѣпляться за мелькавшіе мимо балконы, вырывать цвѣты изъ рукъ красавицъ, сидѣвшихъ на нихъ, посылать имъ воздушные поцѣлуи. Изъ крошечныхъ дверей, похожихъ на какую-то червоточину, выглядывали любопытныя головки: дѣти орали во все горло, срывая съ себя шапки, похожія на большіе красные блины; чичи и мучачи махали намъ платками. Оно и понятно: вся эта студенческая молодежь—красавецъ къ красавцу—на подборъ. Семь муловъ, запряженныхъ въ нашъ дилижансъ—несутся, точно имъ обѣщали за это орденъ Калатравы. Погонщики бѣгутъ рядомъ, кучеръ сверху кричитъ благимъ матомъ, бубенчики и колокольчики звенятъ, сама колымага дребезжитъ — вотъ-вотъ разсыплется... Толпы нищихъ въ узкихъ улицахъ при нашемъ приближеніи разбѣгаются, прячась въ двери, въ переулки—посылаютъ намъ вслѣдъ всевозможныя пожеланія, студенты сверху отвѣчаютъ имъ тоже смѣхомъ, криками, свистомъ. Кое-гдѣ на балконѣ стоитъ дѣвушка, вся въ слезахъ, и еще издали машетъ платкомъ. „Эй, предупреждаетъ кто-то: — Альфонсо, твоя „maja“ — (иносказательно:—собственно „маха“ значитъ: выбивальщица зеренъ) или: твоя „сеньорита“... Альфонсо на минуту смолкаетъ, старается сдѣлать серьезное лицо и, почтительно кланяясь, проѣзжаетъ мимо и долго не отрываетъ отъ балкона взглядовъ.

— Ну, что? оборачивается къ нему сосѣдъ.

— Славная дѣвица! Вернусь домой — женюсь!... Но, минуту спустя, все его мечтательное, грустное направленіе исчезаетъ. Онъ вскакиваетъ, дѣлаетъ кому-то, проходящему по улицѣ, носъ и хохочетъ.

Digitized by Google

— Чего ты?

— Эге, да вѣдь это кабаллеро Діего-дель-Фуэнтосъ... Кредиторъ мой. Теперь я туда, показываетъ онъ въ сторону Саламанки,— а долги мои туда! машетъ онъ въ противоположную сторону.

— Addios, caballero! кричатъ ему уже всѣ студенты, приставляя пальцы къ носу:—Приготовляйте, сеньоръ Діего, побольше денежекъ, когда мы вернемся!.. Addios... Діего-душка, до свиданія!... Совѣтуемъ тебѣ жениться, мы и жену, пожалуй, займемъ у тебя!... Проценты — твои...

Вонъ какая-то приказная крыса сидитъ и корпитъ въ открытомъ окнѣ. Господи, какой кавардакъ поднялся. Студенты даже визжать начали...

— А визо!.. (долой), долой чиновниковъ!.. къ чорту... Окурки сигаръ полетѣли въ окна. Совиное лицо empleados'a поднялось съ недоумѣніемъ, но въ эту самую минуту скомканная газета попала ему прямо въ носъ.

— Эй, empleados—это тебѣ вмѣсто носоваго платка.

— Подари своей возлюбленной...

Также стремглавъ мулы спустились въ лощину мимо знаменитаго водопровода; около насъ мелькнули его монументальныя арки... На встрѣчу также стремглавъ несутся мулы. Дилижансъ встрѣчается съ дилижансомъ, шумъ становится адскимъ. Мулы падаютъ. Ослы, не желая отстать, орутъ подъ арками водопровода, толпы погонщиковъ и поселянъ—тоже; какъ нарочно въ эту минуту изъ церкви вышли было въ добромъ порядкѣ школьники въ мундирчикахъ, сопровождаемые своими надзирателями. Увидѣвъ студентовъ наверху—они немедленно разсыпались и произвели „пронунсіаменто", визжа, крича, свища, кидая вверхъ шапки.

— Браво, pequeno (пекуеньо—маленькое). Олей, hignelo (крошка). Уважайте мамашъ и бойтесь вашихъ наставниковъ,—одобряли ихъ студенты сверху. Мальчики старались во всю. Они срывали съ себя плащи и краснѣли отъ натуги, размахивая ими во всѣ стороны.

— Эй, hermano (братъ), оретъ одинъ изъ студентовъ:—кланяйся своей сестрицѣ и поцѣлуй ее за меня.

А городъ заключался въ свои старыя стѣны, все дальше и дальше отходя отъ насъ, все больше въ высь, такъ какъ мы спускаемся ниже и ниже. Величавыя башни и колокольни стоятъ надъ этими стѣнами. Двѣ массы—собора и Альказара. Разстояніе между ними все уменьшается, наконецъ онѣ сливаются, и теперь эта смугло-золотистая красавица Сеговія кажется до такой степени закопченной, художественно цѣльной, что нѣтъ силы отор-

Digitized by Google

вать отъ нея взглядовъ, и поневолѣ проклинаешь подлое ремесло путешественника. Только что̀ привяжешься сердцемъ къ чему нибудь, какъ по третьему звонку бросай и уходи прочь. Какъ хороши эти стройныя башни, что тонутъ теперь въ золотистомъ закатѣ! Черные силуэты ихъ на золотомъ небосклонѣ вырѣзываются какимъ-то волшебнымъ зрѣлищемъ. Вотъ вся уже Сеговія съ углами башенъ кажется однимъ чернымъ силуэтомъ на вершинѣ своего утеса, точно она вырѣзана изъ агата. Я вмѣстѣ со студентами кричу: addios, Segovia! Прощай, Эресма и Кламорес, прощайте, старыя улицы, Альказаръ и ты, красавица Инеса, еще вчера такъ грустно глядѣвшая на меня, точно и ей было жаль бѣднаго бродягу, скитающагося по свѣту. Прощай, Сеговія...

— Adios, Segovia hermosa! (Прощай, прекрасная Сеговія).

— Adios, Segovia soberbia! (Прощай, гордая Сеговія).

И я замѣчаю, что у меня голосъ также вздрагиваетъ, какъ и у моихъ веселыхъ спутниковъ. Вонъ одинъ изъ нихъ любовно слѣдуетъ отуманеннымъ отъ слезъ взглядомъ за послѣднимъ призракомъ уходящаго отъ насъ города.

Василій Немировичъ-Данченко.

Digitized by Google

Научныя увлеченія уголовныхъ психіатровъ.

I.

Наука, не смотря на то, что самое ея имя соединено съ понятіемъ точности, строгости и серьезности, не избѣгла участи всего, что связано съ существомъ человѣка, и въ этой области старинныхъ фоліантовъ, математическихъ выкладокъ, скальпелей и ретортъ—также часты увлеченія, какъ и въ другихъ областяхъ. Пускай ученый съ наморщеннымъ лбомъ, посѣдѣлый въ своихъ изысканіяхъ, съ презрѣніемъ смотритъ на остальныхъ людей; эти остальные могутъ смѣло сказать: ты такой же, какъ и мы; твои морщины не гарантируютъ тебя отъ увлеченій и соединенныхъ съ ними ошибокъ. Одно изъ такихъ увлеченій въ послѣдніе годы охватило, между прочимъ, область уголовной психіатріи и грозитъ вторгнуться въ самую науку уголовнаго права, съ которою первая тѣсно связана и которая невольно должна у нея многое почерпать. Это увлеченіе тѣмъ печальнѣе, что уголовное право, если оно не возьметъ за свое основаніе естественныхъ наукъ, физіологіи, уголовной антропологіи и психіатріи, должно обречь себя метафизикѣ и вѣчному блужданію въ потемкахъ. Между тѣмъ психіатрія вдалась въ такія крайности, которыя, будучи приняты наукой уголовнаго права, грозятъ уничтоженіемъ послѣдней и уже почти открыто клонятся къ отрицанію самой уголовной политики. Юриспруденція, волей-неволей, должна пребывать изолированной и ждать, когда уголовная психіатрія и антропологія переживутъ періодъ увлеченія и сдѣлаются источникомъ дѣйствительной науки. Нѣтъ преступленія, кричатъ психіатры: есть болѣзни воли, вырожденіе, психопатія и нервный вѣкъ. Юристамъ остается ждать, когда эти крики смолкнутъ, когда психіатры поостынутъ и взглянутъ на вопросъ объективно, настолько объективно, что признаютъ, что какую бы кличку ни давала ихъ наука преступленію,—съ точки зрѣнія общественнаго порядка преступленіе останется всегда нарушеніемъ этого порядка.

Уже Ансельмъ Фейербахъ, Гомель, Іохъ, Вокль, Кетле и многіе дру-

Digitized by Google

гіе стали проводить ту мысль, что преступленіе не есть явленіе человѣческаго произвола, а, подобно прочимъ дѣйствіямъ человѣка, обусловливается, какъ и самая воля, различными вліяніями извѣстной среды, и, рѣшительно отвергнувъ нравственное вмѣненіе, признали преступленье результатомъ естественныхъ причинъ. Ортодоксальные криминалисты старыхъ школъ съ ужасомъ услышали такое новое опредѣленіе и даже дали новой теоріи кличку—„отвергающей наказаніе". Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ не было, такъ какъ преступленіе и при новомъ его объясненіи, какъ справедливо замѣчаетъ Кистяковскій, „все же есть вредное дѣйствіе, такъ какъ преступникъ, коего злая воля сложилась не по его желанію, все же остается членомъ опаснымъ для общества", и, слѣдовательно, противъ него „слѣдуетъ употреблять извѣстныя мѣры, называемыя наказаніемъ" *). И Фейербахъ, и Гомель, и Іохъ признавали наказаніе, какъ необходимую мѣру безопасности, какъ средство отвращать и преступника, и другихъ, путемъ нравственнаго давленія, отъ будущихъ преступленій.

Но ортодоксы были отчасти правы въ своемъ ужасѣ: они какъ бы предвидѣли, что, отвергнувъ нравственное вмѣненіе, легко пойти дальше и отринуть самое наказаніе, отринуть всю уголовную политику. Отрицаніе это было не за горами. Успѣхи психіатріи и антропологіи внесли новый свѣтъ въ область нравственныхъ и психическихъ явленій. Психіатрія установила тотъ фактъ, что нельзя положить строгой границы между душевною болѣзнью и здоровьемъ, какъ нѣтъ ея и въ области чисто соматической—между болѣзнью и здоровьемъ вообще; что тутъ и тамъ объ извѣстныхъ явленіяхъ нельзя сказать: болѣзненныя ли они, или представляютъ проблески здоровья **). Это было побѣдою надъ старою психіатріею, признававшею лишь рѣзко выраженныя формы душевныхъ болѣзней, но, въ то же время, и опаснымъ шагомъ впередъ. Разъ было признано, что нѣтъ строгой границы между психическимъ здоровьемъ и душевною болѣзнью,—терялся критерій для опредѣленія умственнаго состоянія огромнаго количества людей; изслѣдуемые отдавались на произволъ врача, который могъ, на основаніи однихъ и тѣхъ же данныхъ, признать ихъ и здоровыми, и душевно-больными. Далѣе, мы укажемъ нѣсколько подробнѣе, на какихъ шаткихъ данныхъ основывается психіатрическая экспертиза въ силу отсутствія упомянутой границы.

Крафтъ-Эбингъ, одинъ изъ выдающихся и ученѣйшихъ психіатровъ, дошелъ до того, что окрестилъ все современное общество нервно-больнымъ. Лихорадочная дѣятельность американцевъ и жителей большихъ городовъ,

---

*) *А. Ѳ. Кистяковскій.* „Элементарный учебн. общ. уголов. права". Кіевъ, 1875 г., стр. 27.

**) *Скржечки.* „Душевныя болѣзни". Перев. В. Лицкаго. Спб. 1873 г., стр. 9.

Digitized by Google

даже боязнь эпидемій, войнъ и революцій, боязнь далеко небезосновательная,—все въ его глазахъ является признакомъ нервности, т. е. душевной болѣзни *). Если всѣ нервны, всѣ больны, то гдѣ же критерій для того, чтобы сказать, что такой-то нормаленъ, что онъ не психопатъ? Нѣтъ этого критерія. И одинъ изъ психіатровъ самъ сознаётся, что, благодаря современной психіатрической терминологіи, „отъ правосудія нерѣдко ускользали дѣйствительные преступники, люди умственно нимало не разстроенные“ **).

Психіатры въ своихъ выводахъ отнюдь не имѣли въ виду юридической стороны дѣла и уголовной политики; вопросъ о вмѣняемости игралъ для нихъ второстепенную роль. Но, вслѣдъ за чистыми психіатрами, на сцену выступили уголовные психіатры и антропологи.

Въ 1876 году, въ „Atti dell' Istituto Lombardo“ окончилось печатаніемъ сочиненіе итальянскаго психіатра Ломброзо: „Преступникъ“. Трудъ этотъ имѣлъ цѣлью доказать, что преступленіе есть послѣдствіе анатомическихъ и физіологическихъ свойствъ преступника, что оно заранѣе и необходимо обусловлено. Ломброзо призналъ преступниковъ антропологическою разновидностью, обладающею свойствами низшихъ расъ. Такой категорическій приговоръ какъ бы уничтожалъ совершенно и науку уголовнаго права, и всю уголовную политику, сводя ея задачи, по весьма мѣткому замѣчанію одного русскаго критика Ломброзо, къ тому, чтобы „слѣдить за такими дѣяніями, которыя представляются преступными; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ виновникъ будетъ или сумашедшимъ—и тогда необходимо помѣстить его въ лѣчебницу,—или будетъ представлять признаки особаго антропологическаго типа, и тогда его необходимо заключить на опредѣленное время въ особое учрежденіе, такъ какъ это—единственное средство избавить общество отъ повторенія его преступныхъ дѣяній“ ***).

Ломброзо не остался безъ послѣдователей, и даже его строгій критикъ Ферри вначалѣ довольно долго колебался: возможна ли наука уголовнаго права и не произнесено ли уже ей „надгробное слово“. Во французской литературѣ его взгляды принялся весьма горячо проповѣдывать профессоръ судебной медицины Лакассань, а въ Италіи нѣкто Гарофало прямо сталъ требовать, чтобы суды юристовъ были замѣнены медицинскими комитетами психіатровъ. Конечно, не всѣ были такъ радикальны въ своихъ воззрѣніяхъ, какъ Ломброзо, Лакассань и Гарофало,

---

*) „Нашъ нервный вѣкъ“. Спб. 1885 г., стр. 1—15.

**) *Скржечки*, ib., стр. 20.

***) *А. Лихачевъ*. „Новыя работы въ области уголовной статистики и антропологіи“. „Журн. граж. и угол. права“ 1883 г., № 3, стр. 10.

Digitized by Google

но ихъ ученіе не могло не отразиться на судебныхъ психіатрахъ, начавшихъ искать въ каждомъ преступленіи, прежде всего, или проявленія душевной болѣзни, или признаковъ такъ называемаго вырожденія. Если, вообще, слишкомъ широкое примѣненіе терминовъ психіатріи влекло за собою частое уклоненіе отъ правосудія, то эта теорія грозитъ еще большею опасностью послѣднему: уклоненіе въ строеніи черепа, нѣкоторая эксцентричность или такъ называемая меланхоличность,—и l'uomo delinquente превращается въ несчастнаго психопата. Эта опасность тѣмъ болѣе велика, что всѣ психическія теоріи слишкомъ далеки отъ того, чтобы назвать ихъ точными, не говоря уже о такихъ ученіяхъ, какъ Ломброзо. И краніологія, и антропологія, и психіатрія имѣютъ цѣлую массу спорныхъ вопросовъ: умственно-нравственная сторона человѣка плохо поддается наблюденіямъ, а одни и тѣ же признаки иногда свойственны и геніямъ, и помѣшаннымъ.

II.

Мы видѣли, что самымъ рѣзкимъ выразителемъ увлеченій въ области уголовной психіатріи является Ломброзо. Поэтому, съ него и слѣдуетъ начать подробный разборъ этихъ увлеченій. Отправной его пунктъ,—что проступки какъ и вся вообще умственно-нравственная физіономія человѣка, неизбѣжно и неразрывно связаны со свойствами его организма. Это несомнѣнно и признавалось еще древними. Но, хотя и говорятъ, что лицо есть зеркало души, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ нѣтъ данныхъ для безошибочнаго и точнаго критерія въ опредѣленіи умственныхъ способностей человѣка на основаніи строенія его тѣла или состоянія его здоровья. Правда, черепъ дикаря или кретина рѣзко отличается отъ черепа европейца или человѣка, одареннаго высшими умственными способностями, но и только. Различныя небольшія уклоненія череповъ отъ господствующаго типа могутъ быть свойственны людямъ самыхъ разнообразныхъ способностей, а строеніе скелета и здоровье организма окончательно ничего собою не выражаютъ. И Байронъ, и Ричардъ III были хромоногими. Среди больныхъ, тщедушныхъ людей встрѣчаются сотни геніевъ и талантовъ. Между тѣмъ Ломброзо основываетъ свою теорію главнымъ образомъ на изученіи череповъ. Изслѣдуя черепа дикихъ расъ и преступниковъ, онъ замѣтилъ, что извѣстный процентъ аномалій почти одинаковъ у тѣхъ и другихъ. То же явленіе онъ замѣтилъ и при изслѣдованіяхъ надъ лѣвшами. Все это не лишено значенія и можетъ пролить въ будущемъ много свѣта въ область психіатріи и уголовной политики. Но, пока, обосновывать что либо на этомъ весьма рискованно. Какую бы массу череповъ ни изслѣдовалъ Ломброзо, всѣ его изслѣдованія—капля въ морѣ. Допустимъ, впрочемъ, что его наблюденія относительно „затылочныхъ гребешковъ“ точны, и что дѣйстви-

Digitized by Google

только процентъ череповъ со впадинками вмѣсто возвышеній у преступниковъ превышаетъ, болѣе чѣмъ въ три раза, процентъ такихъ же череповъ у людей не преступныхъ, и что такая аномалія есть признакъ атавизма, возвращенія къ низшему типу. Что же изъ этого? Допустимъ, что между преступниками больше людей низшаго типа, людей слабоумныхъ, страдающихъ помѣшательствомъ. Не доказываетъ ли это, что всѣ преступники—вырождающіеся субъекты, слабоумные и сумасшедшіе? Полагаемъ, что нѣтъ. Вѣдь большинство преступниковъ все таки люди, не страдающіе признаками атавизма, слѣдовательно, связь между преступностью и атавизмомъ представляется крайне слабою или, по крайней мѣрѣ, далеко не такой, какою исповѣдуетъ ее итальянскій психіатръ. Пойдемъ дальше. Человѣкъ низшаго типа неспособенъ усвоить себѣ высшихъ нравственныхъ понятій, господствующихъ въ обществѣ. Иногда, подъ вліяніемъ образованія, онъ способенъ свыкаться съ обыденными явленіями жизни и понимать ихъ значеніе, но неспособенъ оцѣнивать отношенія, выдающіяся изъ обыкновеннаго уровня.. Иногда это человѣкъ просто съ уклоненіемъ въ нравственномъ чувствѣ, человѣкъ, по которому нравственные принципы скользятъ, не оставляя слѣда *). Психіатрія признаетъ такихъ людей невмѣняемыми и усматриваетъ въ нихъ признаки вырожденія. Но есть ли каждое преступленіе результатъ такой неспособности къ усвоенію высшихъ принциповъ общежитія? Откинувъ цѣлую массу политическихъ преступленій, мы увидимъ, что самое понятіе преступленія не только измѣнчиво во времени, но и не одинаково въ пространствѣ. Такова, напримѣръ, педерастія, убійство изъ мести, гетеризмъ, дуэли, контрабанда, порубка лѣса, конокрадство. Нѣкогда месть была священнымъ институтомъ,—не только нравомъ, но и обязанностью, и притомъ у народовъ, стоявшихъ въ культурномъ отношеніи довольно высоко. Было время, когда все, по выраженію Гамлета, говорило: „проснись, лѣнивый мститель“. Институтъ мести у цивилизованныхъ народовъ палъ, изгнанъ и изъ законодательства, и изъ обычаевъ. Но обычай дуэли, ставъ изъ права преступленіемъ, еще живетъ въ извѣстныхъ слояхъ общества, и притомъ въ самыхъ культурныхъ. Да и слѣды мести еще живутъ и въ уголовныхъ кодексахъ, и въ теоріяхъ криминалистовъ, и въ нравахъ общества. И можно сказать почти съ увѣренностью, что если дѣйствительно масса преступленій совершается вслѣдствіе нравственнаго помѣшательства, то еще больше ихъ совершается во имя вкоренившагося въ обществѣ понятія о мести. Наше уложеніе о наказаніяхъ признаетъ месть настолько смягчающимъ вину стимуломъ, что допускаетъ пониженіе наказанія съ пятнадцати лѣтъ ка-

*) *В. Шмолинъ.* „Руководство къ изученію судебной медицины“. Спб. 1885 г., стр. 421 и 433.

Digitized by Google

торжныхъ работъ до простой ссылки въ Сибирь на поселеніе *). Правда, оно ограничиваетъ месть весьма тѣснымъ понятіемъ раздраженія, произведеннаго обидами и оскорбленіями, но уже и въ этомъ сказывается признаніе закономъ за местью извѣстныхъ правъ. Подобную же снисходительность мы встрѣчаемъ и въ кодексахъ: гессенскомъ, баденскомъ, нассаускомъ и тюрингенскомъ **).

Ломброзо, какъ не юристъ, упустилъ изъ виду весьма важное обстоятельство: что въ преступленіяхъ весьма важную роль играютъ юридическія понятія человѣка, въ образованіи которыхъ, помимо психической организаціи, играютъ весьма важную роль и другія субъективныя вліянія —свойства общества, внѣшняя обстановка, среди которой течетъ жизнь личности и общества ***). Еслибы въ интеллигентномъ обществѣ кто нибудь надѣлъ на дѣвушку, потерявшую невинность, соломенный хомутъ и водилъ ее по улицамъ, то такого субъекта можно было бы признать за сумашедшаго. Но въ Малороссіи публичное посрамленіе среди крестьянъ признаётся столь же естественнымъ правомъ, какъ у насъ подача жалобы на оскорбителя. Нельзя на человѣка навѣсить ярлыкъ „l'uomo delinquente“ и затѣмъ, ощупавъ его черепъ и не найдя извѣстной пропорціальности костей или какого нибудь затылочнаго гребешка, прилѣпить ему еще другой ярлыкъ—„человѣкъ выродившійся или душевно-больной“.

Ломброзо, подмѣтивъ извѣстныя явленія, слишкомъ увлекся ими и поторопился ихъ обобщить. Онъ принялъ за аксіомы то, что въ самой наукѣ еще представляется спорнымъ и гипотетическимъ. Психологія и психіатрія далеки отъ того, что называется математическою точностью:—въ нихъ цѣлая область фактовъ совершенно не изслѣдована, а остальныя явленія изслѣдованы въ недостаточной степени. Нѣтъ надобности быть врачемъ или психіатромъ для того, чтобы сказать, что вопросъ о преступленіи, при современномъ состояніи названныхъ наукъ, рѣшенъ быть не можетъ. Тотъ, кто не желаетъ впасть въ грубыя ошибки, тотъ долженъ, волей-неволей, остановиться на ученіи юристовъ о преступленіи.

Разъ признавъ, что преступленіе есть видъ душевной болѣзни, Ломброзо eo ipso долженъ былъ признать, что судьями преступника могутъ быть лишь психіатры. Мысль эта не нова. Еще Кантъ въ своей антропологіи старался доказать, что вопросъ о вмѣняемости душевно-больнаго можетъ рѣшить только философскій факультетъ. Послѣдователи Ломброзо, какъ Гарофало, ставятъ этотъ вопросъ весьма категорично. Гарофало требуетъ, чтобы мнѣніе экспертовъ было обязательно для судей, и чтобы

---

*) Ibid. Ст. 1455.

**) *Кистяковскій*, стр. 146.

***) *С. Муромцевъ*. „Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи“. Москва, 1886 г., стр. 42.

Digitized by Google

послѣдніе состояли *не* изъ юристовъ, привыкшихъ разсматривать дѣло независимо отъ личности. Уголовному судьѣ, по его мнѣнію, знаніе римскаго права ничего не даетъ: ему необходимы свѣдѣнія по статистикѣ, уголовной антропологіи и тюрьмовѣдѣнію.

Тутъ опять сказывается увлеченіе предвзятой идеей и незнакомство съ чуждою спеціальностью. Еслибы на уголовномъ судѣ шла рѣчь объ одной психической вмѣняемости преступника, то Ломброзо и его послѣдователи, можетъ быть, и были бы правы. Но на судѣ обсуждаются вопросы о силѣ и достовѣрности уликъ, разбираются доказательства, имѣющія большое сходство съ таковыми же въ процессѣ гражданскомъ; разбирается чисто юридическій характеръ проступка, его соотношеніе къ закону и масса другихъ же вопросовъ, не имѣющихъ ничего общаго ни со статистикой, ни съ уголовной антропологіей, ни съ психіатріей и тюрьмовѣдѣніемъ. Гарофало возстаетъ и противъ суда присяжныхъ. При этомъ онъ совершенно забываетъ, что уголовная политика имѣетъ своею задачею общественный порядокъ и охрану его отъ посягательствъ отдѣльныхъ лицъ, что, слѣдовательно, никто не компетентнѣе въ разрѣшеніи вопроса о томъ, необходима или нѣтъ такая охрана въ данномъ случаѣ, какъ само же общество въ лицѣ своихъ представителей. Въ вердиктѣ присяжныхъ, рядомъ со взглядомъ на обвиняемаго, высказывается и взглядъ на юридическій порядокъ вообще. Общество живетъ быстрѣе, развивается скорѣе писаннаго права; оно иногда опережаетъ и перерастаетъ законъ. Въ этомъ-то несоотвѣтствіи между закономъ и правосознаніемъ общества и лежитъ иногда причина оправданій въ одномъ случаѣ и обвиненій— въ другомъ. Судъ, основанный на общественномъ правосознаніи, гораздо болѣе гарантируетъ справедливость приговоровъ, нежели всякія познанія въ области краніологіи и статистики.

Вопросъ о томъ, кто компетентнѣе въ душевныхъ болѣзняхъ—судья или врачъ, рѣшенъ давно и достаточно выясненъ. Если его и вытащили на свѣтъ итальянскіе уголовные антропологи, то только въ силу своего чрезмѣрнаго увлеченія новыми теоріями. Не подлежитъ сомнѣнію, что главная роль, при изслѣдованіи вопроса объ умственномъ здоровьѣ подсудимаго, принадлежитъ психіатру. Что же касается до вопроса о вмѣненіи, о признаніи подсудимаго подлежащимъ или неподлежащимъ наказанію, то этотъ вопросъ, какъ чисто юридическій, составляетъ всецѣло достояніе суда. Это мнѣніе раздѣляютъ не одни юристы, но и лучшіе психіатры, чуждые увлеченій и претензій на вторженіе въ постороннюю область, какъ, напримѣръ, извѣстный Гризингеръ, который говоритъ, что врачъ не долженъ судить о вмѣняемости и, если даже судъ ему поставитъ вопросъ о послѣдней, долженъ уклониться отъ отвѣта *).

*) „Душевныя болѣзни". Перев. подъ ред. Овсянникова. Спб. 1866 г., стр. 44.

Digitized by Google

Къ сожалѣнію, большинство нашихъ экспертовъ изъ врачей не внимаютъ мудрому совѣту представителя медицинской науки, увлекаясь модными теоріями. Желая проявить съ наибольшею силою свою авторитетность, они пускаются въ разрѣшеніе не только вопроса о вмѣняемости, но и въ обсужденіе уликъ, какъ это было, напримѣръ, въ процессахъ Островлевой и Мироновича. Такая экспертиза, какъ и все, гдѣ проявляется увлеченіе, вмѣсто того, чтобы пролить свѣтъ на извѣстное обстоятельство, лишь затемняетъ и запутываетъ самое дѣло, о чемъ, въ свое время, говорилось уже довольно подробно во внутреннемъ обозрѣніи „Наблюдателя“ (№ 10, 1885 г.)

Теорія Ломброзо подверглась жестокой критикѣ отъ его же послѣдователя, криминалиста Ферри, который, прежде чѣмъ начать разработку уголовнаго права на основаніи антропологіи и психіатріи, даже долго колебался: возможна ли самая наука уголовнаго права, и не произнесено ли уже ей „надгробное слово“. Но въ силу того, что всѣ новыя теоріи способствуютъ увлеченію, и Ферри не ушелъ отъ увлеченій своего учителя. Правда, онъ допускаетъ три разряда преступниковъ не душевнобольныхъ: привычныхъ, преступниковъ подъ вліяніемъ страсти и случайныхъ. Преступники привычные, по его мнѣнію, не представляютъ антропологическихъ особенностей—это, такъ сказать, жертвы общественной среды. Они, по печальному случаю, совершили свое первое преступленіе, по большей части еще въ раннемъ возрастѣ, и затѣмъ пріобрѣли привычку къ преступленію. Преступники подъ вліяніемъ страсти, по словамъ Ферри, довольно рѣдки и совершаютъ преступленія обыкновенно противъ личности. Наказаніе для нихъ, по его мнѣнію, почти всегда безполезно, такъ какъ угроза закона забывается подъ наплывомъ страсти. Преступники случайные—тѣ, которые соблазняются къ нарушенію нормъ закона условіями своей жизни или окружающей среды. Затѣмъ Ферри раздѣляетъ двѣ категоріи: душевно-больныхъ или полубольныхъ, и природно-неисправимыхъ. Къ первому разряду принадлежатъ сумашедшіе, маньяки и страдающіе слабоуміемъ, т. е. лица, признаваемыя и уголовнымъ законодательствомъ невмѣняемыми. Ко второй категоріи принадлежатъ тѣ, которыхъ атавистическая и преступная организація отмѣчена профессоромъ Ломброзо. Они, по мнѣнію Ферри, не видятъ и не могутъ видѣть разницы между убійствомъ или кражею и какимъ нибудь честнымъ трудомъ, не въ состояніи усвоить себѣ велѣній закона и понятій о справедливости. Къ преступникамъ душевно-больнымъ, прирожденнымъ и къ преступникамъ по привычкѣ,—т. е., по вычисленіямъ Ферри, къ сорока процентамъ всѣхъ преступниковъ,—не приложимы, по его теоріи, положенія современнаго уголовнаго права, и послѣднія могутъ примѣняться

Digitized by Google

въ полномъ объемѣ лишь къ „преступникамъ подъ вліяніемъ страсти“ и „случайнымъ“ *).

Но гдѣ же данныя для отнесенія къ той или другой категоріи преступника, притомъ же не рецидивиста? На первомъ планѣ у Ферри, какъ у Ломброзо и у многихъ новѣйшихъ психіатровъ, стоятъ особенности сложенія и формы черепа. Допустимъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ это признакъ совершенно безусловный, хотя при особенностяхъ, слабо выраженныхъ, эти признаки врядъ ли могутъ играть важную роль и скорѣе могутъ привести и экспертовъ, и судей къ ошибочному заключенію. Но затѣмъ Ферри причисляетъ къ числу подобныхъ признаковъ и такіе, какъ, напримѣръ, пристрастіе къ татуировкѣ. Извѣстно, что эта наклонность существуетъ у моряковъ всѣхъ странъ, и не только у простыхъ матросовъ, но и у офицеровъ.

Далѣе Ферри въ число преступленій, совершаемыхъ преступниками, къ которымъ не приложимы положенія уголовнаго права, включаетъ мошенничество и подлогъ. Это, намъ кажется, уже совершенно рискованно. Понятія объ уголовно-наказуемыхъ обманахъ и подлогахъ такъ измѣнчивы въ законодательствѣ и въ обществѣ, что вѣрнѣе всего искать причину этихъ преступленій въ умственномъ и нравственномъ состояніи какъ цѣлаго общества, такъ и его извѣстныхъ слоевъ. Люди того типа, который выведенъ Гоголемъ въ лицѣ Сквозника-Дмухановскаго, очевидно, не могутъ быть причислены ни къ одному изъ тѣхъ трехъ разрядовъ преступниковъ, къ которымъ непримѣнимы положенія уголовнаго права, а между тѣмъ лихоимство и мздоимство близко подходятъ къ разряду преступленій, основанныхъ на обманѣ. Сквозникъ-Дмухановскій и Ляпкинъ-Тяпкинъ берутъ взятки не потому, что они „mattoidi“—придурковаты, не потому, что они отъ природы не могутъ усвоить себѣ велѣній закона и понятій о справедливости, а потому, что имъ никогда и никто не прививалъ этихъ велѣній и понятій. Тридцать лѣтъ тому назадъ, въ Россіи взятка и казнокрадство считались такими же обыденными вещами, какъ теперь карточная игра, неплатежъ долга или посѣщеніе оперетки. Торговый обманъ и теперь еще считается у большинства необразованнаго купечества необходимымъ коммерческимъ оборотомъ. Припомните, какъ у Островскаго Большовъ и Подхалюзинъ смотрятъ на злостное банкротство—этотъ видъ мошенничества. Типы эти многими разсматривались въ литературѣ, но никто ихъ не причислялъ къ душевно-больнымъ или къ „преступникамъ по привычкѣ“, напротивъ, всегда и всѣ видѣли въ нихъ выразителей господствовавшаго въ извѣстной средѣ взгляда на то, что нравственно и что

*) „Nuovi orizonti del diritto e della procedura penale“. 1884 г., стр. 427 и сл. д., 86 и слѣд.

Digitized by Google

безнравственно. Будь Подхалюзинъ церковнымъ старостой или головой, онъ, пожалуй, не растратилъ бы денегъ, но участвовать въ сокрытіи имущества отъ кредиторовъ—это такъ обыкновенно, такъ общепринято въ его средѣ. Тутъ даже не можетъ быть рѣчи и о той психопатіи, которая будто бы является результатомъ цивилизаціи, такъ какъ и Сквозникъ-Дмухановскій, и Ляпкинъ-Тяпкинъ, и Большовъ, и Подхалюзинъ—люди, почти нетронутые цивилизаціей и психически и физически совершенно здоровые.

„Преступники подъ вліяніемъ страсти" по большей части не исправляются наказаніемъ, такъ какъ угроза его забывается ими подъ наплывомъ страсти, помрачающей разсудокъ. Изъ ихъ разряда нужно выключить лишь совершающихъ такъ называемыя *вызванныя* преступленія, каковы: убійство изъ ненависти, изъ мести, для возстановленія чести, по подозрѣнію въ невѣрности. По отношенію къ такимъ лицамъ, тяжелыя наказанія, возвышающія цѣну чужой жизни, могутъ-де имѣть дѣйствительное значеніе. Мы не видимъ въ этомъ дѣленіи никакихъ точныхъ признаковъ. Остановимся, напримѣръ, на такомъ преступленіи, какъ дуэль, направленномъ противъ жизни частныхъ лицъ и совершаемомъ для возстановленія чести или изъ мести. Примѣръ такъ называемыхъ бретёровъ показываетъ, что между дуэлистами встрѣчаются лица, посягающія на чужую жизнь исключительно изъ страсти къ этому и къ риску собственной шкурой. Какъ ничтожны бываютъ иногда поводы дуэлей, показываетъ примѣръ извѣстной дуэли, окончившейся смертью поэта Лермонтова.

Но, во всякомъ случаѣ, какъ совершенно вѣрно разсуждали составители проэкта нашего новаго уголовнаго уложенія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ дуэль есть не столько актъ свободной воли, сколько подчиненіе могущественному предразсудку. Даже вызовы, дѣлаемые въ минуту раздраженія, имѣютъ главнымъ своимъ источникомъ именно этотъ предразсудокъ. Въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ указывали, между прочимъ, на то, что въ настоящее время, не смотря на уменьшеніе отвѣтственности за дуэль, случаи ее гораздо рѣже, чѣмъ въ концѣ царствованія императора Александра I, въ царствованіе Николая I и въ началѣ царствованія Александра II. Этимъ доказывается что „частая повторяемость дуэли зависитъ не отъ опредѣленій уголовныхъ законовъ, а отъ характера общественныхъ обычаевъ, привычекъ и понятій, господствующихъ въ данный періодъ" *). Это подтверждается и тѣмъ, что, напримѣръ, во французскомъ обществѣ литературныя оскорбленія обыкновенно смываются дуэлью, тогда какъ у насъ прибѣгаютъ или къ судебной защитѣ, или къ кулачной расправѣ. Даже отнеся дуэлистовъ къ категоріи преступниковъ случайныхъ, мы получимъ, что соображенія Ферри не

*) *Протоколы*, помѣщ. въ „Журн. гр. и уг. права", 1885 г., № 7, стр. 92 и 93.

Digitized by Google

выдерживаютъ критики, такъ какъ онъ считаетъ положенія современнаго уголовнаго права наиболѣе примѣнимыми именно къ этой категоріи, практика же и исторія показываютъ, что борьба съ дуэлью безцѣльна и безплодна.

Перейдемъ къ другому преступленію—женоубійству. Ферри долженъ его отнести или къ преступленіямъ вынужденнымъ, или къ преступленіямъ, совершаемымъ душевно-больными. Но и тутъ первенствующая роль остается за характеромъ общественныхъ обычаевъ, привычекъ и понятій, господствующихъ въ данномъ обществѣ. Французскій кодексъ считаетъ извиняемымъ (excusable) убійство, когда мужъ засталъ жену на мѣстѣ прелюбодѣянія и убилъ ее и любовника тутъ же. Наше законодательство ничего подобнаго не знаетъ и признаётъ лишь смягчающимъ обстоятельствомъ всякое вообще раздраженіе или запальчивость. Извѣстно, что у насъ преступленіе женоубійства встрѣчается чаще въ классахъ необразованныхъ и малообразованныхъ, нежели среди интеллигенціи. И не потому, чтобы въ первыхъ была развита болѣе страстность или они были нравственно болѣе испорчены и давали бо̀льшій процентъ преступниковъ неисправимыхъ; а въ силу тѣхъ воззрѣній на власть мужа, на женщину и прелюбодѣяніе, которыя господствуютъ среди крестьянства и мѣщанства. По древнему русскому праву, убійство мужемъ жены считалось преступленіемъ маловажнымъ, а измѣна жены наказывалась смертною казнью. Нѣкоторыя сельскія общества до сихъ поръ за прелюбодѣянія наказываютъ такими жестокими и позорными средствами, которыя прямо подходятъ подъ истязанія *). Если ревность и есть страсть, то она тѣмъ чаще и сильнѣе проявляется, тѣмъ болѣе преодолѣваетъ страхъ наказанія, чѣмъ болѣе культивируется въ человѣкѣ окружающею средою. Тамъ, гдѣ существуетъ поговорка: „грѣхъ мужа на сторонѣ, грѣхъ жены на дому“, гдѣ мужъ хлещетъ жену черезсѣдельникомъ, въ которомъ вдѣто желѣзное кольцо, пока она не впадетъ въ безпамятство; гдѣ онъ отбиваетъ ей печень и доводитъ до сухотки или щиплетъ ее и затѣмъ чуть не удавливаетъ на возжахъ, а окружающее общество говоритъ: „какое намъ дѣло, что мужъ жену бьетъ?“ а иногда даже само поручаетъ мужу запрячь жену, вмѣсто лошади, въ телѣгу и возить на ней навозъ **),— тамъ не въ особенностяхъ черепа и тѣлосложенія, не въ силѣ страсти, не въ случаѣ надо искать объясненія преступленій, а въ грубости и жестокости общества.

---

*) „Труды комисіи по преобр. вол. судовъ“. Т. IV, стр. 28, т. V, стр. 120 и 399. „Москов. Вѣд.“ 1874, № 50, „Бессарабск. Обл. Вѣд.“ 1869 г. № 12.

**) *Джанціевъ*. „Бабьи стоны и новое уложеніе“. „Журн. гр. и уг. права“, 1885 г., № 3, стр. 62 и 63. *Е. Якушкинъ*. „Обычное право“. Ярославль, 1875 г. стр. XXXIII.

Digitized by Google

Самъ же Ферри придаетъ огромное значеніе общественной средѣ и такимъ ея условіямъ, какъ нравы и общественное мнѣніе, состояніе земледѣлія и винодѣлія, раса, климатъ и температура. Статистика показываетъ, что корыстныя преступленія совершаются преимущественно зимою, что холостые склонны къ извѣстнымъ преступленіямъ, женатые—къ другимъ, а вдовые къ—третьимъ. Выходитъ, что на психозъ, психопатію и атавизмъ приходится весьма незначительная доля вліянія, и они играютъ самую слабую роль въ преступленіяхъ. Вотъ почему Ферри и впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, и то требуетъ для „преступниковъ по страсти" повышенія наказаній, то говоритъ, что возрастаніе, уменьшеніе числа преступленій и ихъ исчезновеніе зависятъ не отъ строгости каръ, а отъ совершенно иныхъ условій; придаетъ значеніе нравамъ и утверждаетъ, что наказаніе не вліяетъ на такіе факторы, какъ анормальное строеніе черепа и разныя степени извращенной или уменьшенной чувствительности (анестезіи).

Признавая за уголовною антропологіею, что она можетъ въ будущемъ оказать огромныя услуги правосудію и уголовной политикѣ, мы думаемъ, что при теперешнемъ положеніи ея теорій все таки было бы опасно рѣшать юридическіе вопросы на ея основаніи. Ломброзо объявляетъ, что всѣ преступники—душевно-больные; Ферри, его послѣдователь, уже выгораживаетъ изъ числа послѣднихъ большой процентъ наказуемыхъ преступниковъ, устанавливаетъ новыя категоріи послѣднихъ; а кто знаетъ, какое значеніе въ области преступности удѣлятъ такъ называемой преступной организаціи тѣ уголовные антропологи и статистики, которые будутъ имѣть въ рукахъ болѣе научныхъ данныхъ, нежели основатели итальянской науки о преступленіи?

III.

Разсмотрѣвъ теоріи или, вѣрнѣе, научныя увлеченія, стремящіяся объяснить всѣ преступленія или значительную часть благопріобрѣтенною или прирожденною анормальною организаціею преступниковъ,—разсмотримъ теперь воззрѣнія на невмѣняемость обыкновенныхъ психіатровъ, съ которыми юристамъ приходится имѣть дѣло уже не въ литературѣ, а и *на практикѣ*. Среди нихъ первое мѣсто занимаетъ нѣмецкій ученый Крафтъ-Эбингъ, на которомъ мы преимущественно и остановимся. Не смѣя вторгаться въ область чистой медицины, мы не станемъ, конечно, разбирать его научныхъ положеній, а посмотримъ лишь, насколько нѣкоторыя изъ нихъ примѣнимы въ дѣлѣ уголовнаго правосудія и не возможны ли увлеченія со стороны его послѣдователей, притомъ такія, которыя бы вредили этому правосудію.

Мы уже говорили, что со стороны экспертовъ-врачей замѣчено же-

Digitized by Google

ланіе вступать въ рѣшеніе чисто юридическихъ вопросовъ и объяснять преступленія чаще, чѣмъ это слѣдовало бы, душевными болѣзнями. Это происходитъ отъ свойства профессіи. Прокуратура склонна искать въ каждомъ преступномъ дѣяніи, такъ называемую, *злую волю*. Защита, наоборотъ, всегда ищетъ,—и не только наружно, на судѣ, по своимъ задачамъ, а и дѣйствительно, внѣ суда,—мотивовъ смягчающихъ или уничтожающихъ виновность. Психіатръ привыкъ объяснять всѣ анормальные поступки скорѣе всего болѣзнями воли или сознанія, какъ сапожникъ смотритъ прежде всего, какіе у васъ сапоги и какъ они сшиты. Винить за это психіатровъ невозможно; слѣдуетъ лишь осторожнѣе относиться къ ихъ заключеніямъ.

Самъ Крафтъ-Эбингъ говоритъ, что психіатрія не обладаетъ еще достаточными средствами, что изслѣдованіе нормальныхъ гистологическихъ деталей еще очень неполно, что аномаліи сосудныхъ инерваціи, обусловливающихъ анемію и отекъ мозга, исчезаютъ послѣ смерти, что причиною душевной болѣзни можетъ быть и химическое измѣненіе мозга,—между тѣмъ нормальная химія мозга снабжаетъ насъ весьма скудными свѣдѣніями, а патологическая еще и не начата *); что не всегда даже и мозговыя болѣзни вызываютъ помѣшательство **). Не нужно быть врачемъ и психіаторомъ, чтобы сказать, что наука о душевныхъ болѣзняхъ, уже на основаніи словъ ея представителя, далеко не такъ точна, чтобы за всѣми ея положеніями признавать значеніе аксіомъ.

Но за наружными проявленіями Крафтъ-Эбингъ уже признаётъ извѣстную устойчивость и неоспоримость. И у здоровыхъ людей бываютъ такія состоянія аффектовъ, въ которыхъ они совершенно напоминаютъ собою маньяковъ: дѣлаютъ странные прыжки, пляшутъ, безумно ликуютъ и доходятъ до замѣтнаго безпорядка въ мысляхъ, отрывистыхъ возгласовъ и безсвязности представленій. Но у здоровыхъ такое состояніе быстро проходитъ, а у маньяковъ длится недѣли, мѣсяцы, даже до полнаго истощенія силъ. Понятно, что при такихъ рѣзко выраженныхъ явленіяхъ нетрудно и безъ экспертизы сказать, что такой-то помѣшанъ, хотя рядомъ съ этимъ возможна и искусная симуляція. Но психіатрія признаётъ, что границы между умственнымъ здоровьемъ и болѣзнью иногда бываютъ такъ неясны и шатки, что существуетъ огромная категорія людей, мнѣніе о которыхъ чрезвычайно различно и колеблется даже между крайностями: одни ихъ считаютъ *геніями*, другіе—*глупцами*. Человѣкъ иногда начинаетъ слыть за глупца или чудака только потому, что онъ чувствуетъ и поступаетъ не такъ, какъ другіе. Крафтъ-Эбингъ

*) „Учебникъ психіатріи". Пер. Черемшанскаго. Спб., 1881 г., т. I, стр. 12.
**) Ib. стр. 14.

Digitized by Google

не считаетъ такихъ людей строго помѣшанными, но не считаетъ и нормальными, а ставитъ ихъ на границѣ помѣшательства. „Изъ ихъ среды, по его словамъ, выходятъ изобрѣтатели, тѣ безпокойныя головы и перестроители міра, революціонные герои и основатели новыхъ сектъ, къ планамъ которыхъ въ смутное время общество охотно прислушивается, но дѣло которыхъ всегда оказывается непрочнымъ“ *). Мнѣніе это было высказано еще раньше Крафтъ-Эбинга профессоромъ Маудсли **). Но оцѣнка человѣка возможна иногда лишь черезъ многіе вѣка; иногда человѣка считаютъ чудакомъ, безумцемъ лишь потому, что его современники неспособны понять его личности, что его умъ слишкомъ опередилъ вѣкъ. Отъ такой узкости не гарантированы и господа психіатры, берущіе на себя смѣлость ставить генія на границу помѣшательства, особенно если онъ кончаетъ жизнь душевною болѣзнью или впадаетъ въ нее временно, какъ, напримѣръ, Ньютонъ, Огюстъ Контъ, Кинъ. Мы увидимъ далѣе, что иногда на чудачествѣ и оригинальности строится и прямое зачисленіе людей въ разрядъ душевно-больныхъ, такъ какъ не всѣ чудаки геніальны.

Дѣйствующее русское законодательство знаетъ два вида душевныхъ болѣзней, влекущихъ невмѣняемость: безуміе или сумашествіе, и состояніе умоизступленія или безпамятства. При обсужденіи проэкта новаго уложенія въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ, психіатры предлагали установить слѣдующую статью: „не вмѣняется въ вину дѣяніе, учиненное лицомъ, которое страдаетъ съ малолѣтства недостаточностью умственныхъ способностей или во время учиненія дѣянія страдало душевною болѣзнью или кратковременнымъ безпамятствомъ“. Когда возникли по этому поводу дебаты, г. Кони, одинъ изъ выдающихся нашихъ юристовъ-практиковъ, предлагалъ менѣе широкую постановку закона, такъ какъ идіотизмъ, напримѣръ, бываетъ разный: иногда полный, когда совершенно отсутствуютъ познавательныя способности, иногда неполный, выражающійся лишь въ извѣстной степени легкомыслія или глупости. Его редакція заключалась въ слѣдующемъ: „не вмѣняется въ вину обстоятельство, учиненное лицомъ, которое, по недостаточности или болѣзненному разстройству душевной дѣятельности или по болѣзненному состоянію, не могло, во время учиненія, понимать ближайшія послѣдствія и наказуемость совершаемаго, или руководствовать своими поступками“ ***).

Такая редакція устраняетъ излюбленное экспертизою опредѣленіе сумашедшими или психопатами поголовно тѣхъ, у кого есть всѣ или часть признаковъ того, что̀ новѣйшая психіатрія признаетъ душевною болѣзнью. На-

*) Ib., стр. 35—37.

**) „Физіологія и патологія души“. Пер. Исаина, стр. 351.

***) *Протоколы*. „Жур. гр. и уг. права“, 1883 г., № 6, стр. 55—58.

Digitized by Google

сколько врачи склонны устанавливать послѣднюю, видно изъ того, какъ объясняетъ Крафтъ-Эбингъ такъ называемое психическое вырожденіе. Люди, страдающіе этою болѣзнью, по его словамъ, способны не только къ художественнымъ, но и научнымъ занятіямъ, могутъ обладать даже извѣстною геніальностью. Такого рода субъекты не всегда отличаются анатомическими особенностями, по которымъ, хотя съ приблизительною точностью, можно опредѣлить ихъ умственную болѣзненность, и психіатры берутся опредѣлять послѣднюю на основаніи внѣшнихъ признаковъ. Въ число этихъ признаковъ входятъ безпокойность, непостоянство и прихотливость характера, недостатокъ нравственныхъ убѣжденій, неспособность внести правильность и порядокъ въ собственную жизнь, чудачество, мечтательность, слабохарактерность и недостаточность энергіи, чрезмѣрное преобладаніе фантазіи, подвижность и легкая возбудимость чувствъ. Если начать разсматривать характеры людей, то по этимъ признакамъ можно весьма многихъ зачислить въ разрядъ „психопатовъ“. Надо прибавить къ этому, что такъ называемыя психопатическія личности весьма разнообразны по своимъ индивидуальнымъ признакамъ *).

Мы не споримъ, что ученіе о психическихъ вырожденіяхъ можетъ пролить свѣтъ на распознаваніе извѣстныхъ видовъ душевныхъ болѣзней, служить руководствомъ для ихъ лѣченія и давать поводъ полагать, что при извѣстныхъ условіяхъ тотъ или другой поступокъ совершонъ безсознательно. Все это вопросы чисто медицинскіе, до юристовъ не относящіеся, о которыхъ спорить могутъ лишь медики. Но въ глазахъ юристовъ теоріи такого рода не могутъ и не должны играть никакой роли. Наука переполнена гипотезами; въ самой юриспруденціи, какъ уже было сказано, высказываются взгляды, что свободной воли не существуетъ, что каждый поступокъ въ большей или меньшей степени зависитъ отъ причинъ, внѣ человѣка лежащихъ. Можно допустить, что извѣстные субъекты болѣе склонны подчиняться аффектамъ и инстинктивнымъ побужденіямъ, иногда даже извращеннымъ наклонностямъ. Но каждый знаетъ изъ наблюденій надъ самимъ собою и окружающими, что какъ бы человѣкъ ни былъ слабохарактеренъ, онъ часто преодолѣваетъ дурныя наклонности при помощи усвоенія извѣстныхъ принциповъ, изъ страха наказанія или общественнаго мнѣнія.

Нѣтъ сомнѣнія, что всякаго рода оскорбленія вытекаютъ изъ неумѣнія владѣть собой; такое неумѣніе всего болѣе присуще людямъ слабохарактернымъ или, какъ ихъ называетъ Морель, а за нимъ и Крафтъ-Эбингъ, „инстинктивнымъ“. Число такихъ людей, по ученію новѣйшихъ психіатровъ, но только не уменьшается, но должно увеличиваться. Упо-

*) *Крафтъ-Эбингъ*, ч. II, стр. 68—72.

Digitized by Google

требленіе алкоголя, чаю и кофе, куреніе табаку увеличиваются, а все это, по мнѣнію Крафта-Эбинга и его послѣдователей, способствуетъ нервности и вырожденію. Цивилизація, расширеніе образованія, жизнь въ городахъ—все способствуетъ сумашествію, психопатіи и нервозу. Между тѣмъ замѣчено, что со введеніемъ мировыхъ учрежденій, число оскорбленій словами и дѣйствіемъ уменьшилось, что нервныя барыни уже не бьютъ по щекамъ своихъ кухарокъ (хотя, въ послѣднее время, кухарки бранятъ, если не бьютъ своихъ барынь), „инстинктивные люди" не выражаютъ открыто обуревающаго ихъ гнѣва. Даже въ купеческой средѣ почти вывелись самодуры, рисуемые Островскимъ въ видѣ Тита Титыча и Дикаго въ „Темномъ царствѣ". Допустимъ, что нервность людей увеличивается качественно и количественно, но нравы смягчаются несомнѣнно; самыя преступленія теряютъ характеръ грубаго насилія. Нѣтъ сомнѣнія, что жители Царства Польскаго культурнѣе жителей Россіи, и по статистическимъ свѣдѣніямъ процентъ наиболѣе тяжкихъ преступленій въ Варшавскомъ округѣ значительно ниже, чѣмъ въ округахъ остальныхъ палатъ *)

Очевидно, что психіатры, увлекшись одной излюбленной стороной дѣла, упустили изъ виду всѣ остальныя. А между тѣмъ каждый разъ, когда они имѣютъ дѣло съ преступниками нервно-психопатическаго характера, они высказываютъ большую склонность къ квалификаціи дѣянія безсознательнымъ. Но пока доказано лишь то, что наказаніе психически воздѣйствуетъ не столько своею строгостью, сколько неизбѣжностью, и нѣтъ никакихъ данныхъ полагать, чтобы оно не оказывало никакого вліянія на личности, хотя и склонныя поддаваться инстинктамъ или впадать въ душевныя болѣзни, но все же обладающія примитивною способностью отличать добро отъ зла и преступное отъ дозволеннаго закономъ. Галлюцинатъ и меланхоликъ Гамлетъ,—у котораго всепоглощающая мрачность и равнодушіе къ самымъ дорогимъ жизненнымъ отношеніямъ очень близки къ психологическимъ симптомамъ душевной болѣзни,—однако же далекъ отъ невмѣняемости; напротивъ, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ нѣмецкій ученый д-ръ Колеръ **), онъ былъ способенъ усвоить себѣ новыя культурно-правовыя идеи, столкновеніе которыхъ со старыми, всосанными съ молокомъ матери идеями, какъ правовое значеніе мести, породило ужасную драму, развитую Шекспиромъ. Такихъ примѣровъ можно много найти и въ судебной практикѣ, и въ исторіи, и въ литературѣ.

На упомянутыхъ выше преніяхъ петербургскаго юридическаго общества докторъ Б. В. Томашевскій утверждалъ, что „существованію душевной болѣзни нисколько не противорѣчитъ то, что данный субъектъ

*) Ц. Я. „Наша уголовная статистика". „Журн". гр. и уг. права", 1885 г., № 3.
**) Shakespeare vor dem Forum der Jurisprudenz, стр. 131—183.

Digitized by Google

въ состояніи предвидѣть послѣдствія своего дѣянія и, по отношенію къ совершаемому поступку, различать законное отъ незаконнаго; что онъ въ состояніи даже чувствовать раскаяніе въ совершонномъ; но что у даннаго субъекта нельзя открыть связи между его стремленіями". Еще категоричнѣе ставилъ вопросъ докторъ Чечотъ, утверждавшій, что „не каждый помѣшанный есть лицо неотвѣтственное, неправоспособное. Какъ это ни парадоксальнымъ можетъ казаться на первый взглядъ, однако это вполнѣ согласно съ дѣйствительностью. И въ самомъ дѣлѣ, подъ общимъ выраженіемъ: *помѣшанный, душевно-больной*— въ наукѣ подразумѣваются весьма различныя состоянія. Они различны по самому свойству психическаго разстройства, по степени и стадіи своего развитія и проявленія. Всѣ эти состоянія, съ чисто теоретической, научной точки зрѣнія, безъ приложенія ея къ опредѣленному практическому вопросу, разсматриваются, какъ психическія заболѣванія, и притомъ постоянно длящіяся, въ смыслѣ постоянства или длительности патологическаго процесса, лежащаго въ ихъ основаніи. Но если обратиться къ анализу умственныхъ способностей данныхъ лицъ, проявленія ихъ воли, въ различные моменты и при различныхъ условіяхъ, то, конечно, нельзя сказать, что такіе больные никогда не обладаютъ правоспособностью и не отвѣтственны за свои дѣйствія. Понимать иначе—значило бы расходиться съ ежедневною дѣйствительностью, поступать въ отношеніи этихъ лицъ и самого общества совершенно несправедливо" *)

Такимъ образомъ, наша точка зрѣнія отнюдь не расходится съ мнѣніемъ даже многихъ представителей психіатріи, которые и сами говорятъ, что не слѣдуетъ увлекаться признаками извѣстнаго душевнаго разстройства и приносить въ жертву этимъ признакамъ уголовное правосудіе.

IV.

Послѣдователи теорій Ферри Ломброзо и другихъ представителей школы уголовныхъ психіатровъ могутъ сказать, что они отнюдь не желаютъ безнаказанности преступниковъ душевно-больныхъ, что они желаютъ еще болѣе энергичной борьбы съ преступленіемъ и преступными натурами. Ломброзо, напримѣръ, требуетъ установленія репрессій сообразно климатическимъ условіямъ, а Ферри колеблется даже относительно смертной казни. „Смертная казнь,—по словамъ послѣдняго,—начертана на каждомъ углу вселенной и въ каждомъ моментѣ міровой жизни. Она не безусловно противорѣчитъ праву, ибо, когда она положительно необходима, она совер-

*) *Протоколы.* „Ж. гр. и уг. пр." 1873 г., № 6, стр. 66—69.

Digitized by Google

шенно справедлива... Прогрессъ всякаго живаго вида совершается, благодаря постоянному подбору, происходящему путемъ смерти слабѣйшихъ въ борьбѣ за существованіе. Поэтому искусственный подборъ, совершаемый обществомъ въ своей средѣ, посредствомъ истребленія элементовъ, вредныхъ для его существованія, былъ бы согласенъ не только съ правомъ, но и съ естественнымъ закономъ".*). Но, вслѣдъ за этимъ, самъ же Ферри высказываетъ сомнѣніе въ цѣлесообразности смертной казни, въ вопросѣ о которой, по его мнѣнію, надо выбирать одно изъ двухъ: или ожидать отъ нея пользы и *тогда казнить тысячи* (!) или отмѣнить совершенно, какъ безполезное страшилище. Эта сбивчивость въ воззрѣніяхъ на формы наказанія составляетъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ новой школы криминалистовъ. Нужно ли заключать преступниковъ въ больницы или въ тюрьмы—на это они сами не могутъ дать отвѣта, хотя и толкуютъ о нравственномъ помѣшательствѣ и психопатичности организма, и о прирожденныхъ и благопріобрѣтенныхъ дефектахъ. Одинъ изъ нихъ (г. Минцловъ) совѣтуетъ всѣхъ преступниковъ сажать въ лѣчебницы. Другой, Гарофало, говоритъ, что такое помѣщеніе—есть болѣе дѣло названія, чѣмъ существа, такъ какъ истинная природа преступности еще не опредѣлена, а медики въ девяти случаяхъ изъ десяти пришли бы въ большое затрудненіе относительно лѣченія людей, совершенно здоровыхъ съ точки зрѣнія патологіи. Надо, по его словамъ, принять во вниманіе и соціальныя причины преступности, неизлѣчиваемыя медициною и больницами **). Хорошіе душевно-больные не представляютъ никакихъ патологическихъ измѣненій, никакихъ клиническихъ явленій помѣшательства, на основаніи которыхъ врачи опредѣляютъ наличность послѣдняго ***). Слѣдовательно, по мнѣнію Гарофало, одного изъ самыхъ горячихъ послѣдователей Ломброзо, наилучшимъ средствомъ остаются все таки тюрьмы, а лѣчебницы пригодны лишь для тѣхъ преступниковъ, которые одержимы какой либо психопатической формой болѣзни.

Но если такъ, о чемъ же и разговоръ? Душевно-больныхъ и теперь никто въ тюрьмы не сажаетъ, а если помѣшанные преступники, выходя изъ суда оправданными, не всегда попадаютъ въ дома умалишенныхъ, то это ужь никакъ не вина правосудія или уголовнаго права. Всякій преступникъ въ моментъ преступленія—„болѣе или менѣе устойчиво-порочный организмъ", говоритъ новая школа, но сама же, въ лицѣ Ферри и Гарофало, какъ мы только что видѣли, признаётъ, что такой устойчиво-

*) „Nuovi orizonti", стр. 39—40.

**) „Di una nuova scuola penale in Russia". „Archivio di psichiatria". 1885 г., стр. 322—330.

***) Крафтъ-Эбингъ, Учебникъ, т. I, стр. 14.

Digitized by Google

порочный организмъ ни въ какихъ особыхъ воздѣйствіяхъ, ни въ какомъ лѣченіи медицинскомъ не нуждается. Послѣ этого, рѣшительно становятся непонятными разсужденія русскаго послѣдователя Ломброзо, г. Дриля, о томъ, чтобы не преступленіе было предметомъ карательной дѣятельности, а преступность человѣка *). Преступленіе можетъ быть симптомомъ извѣстныхъ анормальностей, симптомомъ преступности или, какъ выражается г. Дриль, порочности психофизической организаціи **), но какъ въ каждомъ болѣзненномъ состояніи врачъ прежде всего имѣетъ дѣло съ его симптомами или, выражаясь медицински, съ клиническими явленіями болѣзни, такъ и юристъ долженъ обращать вниманіе преимущественно на реальное выраженіе преступности, въ томъ или другомъ видѣ посягательства на норму закона,—т. е. на преступленіе. Назовемъ ли мы причину преступленія „злою волею“ или „преступностью и порочностью психофизической организаціи“—дѣло не измѣнится. Современный криминалистъ говоритъ, что для убійства матери нужно болѣе злой воли, чѣмъ для убійства стороннаго мужчины. Г. Дриль и его сопослѣдователи скажутъ, что для перваго преступленія нуженъ болѣе устойчиво-порочный организмъ. Современный криминалистъ, принявъ во вниманіе характеръ преступленія, старается дѣйствовать на злую волю преступника. Г. Дриль предлагаетъ дѣйствовать на преступность. Но вѣдь самый способъ воздѣйствія остается и у того, и у другаго одинъ и тотъ же, и все дѣло, если вѣрить Гарофало, заключается въ названіи, а не въ сущности. За что же такое гоненіе на современное уголовное право со стороны именующей себя позитивною школы криминалистовъ; за что упреки, что будто бы первая дѣйствуетъ не на то, на что слѣдуетъ!

Новая школа пришла къ совершенно справедливому выводу, что антропологія можетъ и должна пролить свѣтъ на науку уголовнаго права: но такъ увлеклась этимъ выводомъ, что „желаемое и ожидаемое“ приняла за существующее. Измѣривъ черепа убійцъ и воровъ, послѣдователи новой школы подмѣтили, что большинство этихъ череповъ ближе къ черепамъ дикарей, нежели къ черепамъ Ньютона, Лейбница или Гамбетты. Прекрасно. Но,—по словамъ самого г. Дриля, а не сторонника старыхъ ученій,—тщательное изученіе пауперизма показываетъ, что и значительная доля непреступной части общества имѣетъ такіе же черепа, какъ преступники, а не такіе, какъ лучшіе представители интеллигенціи. Психіатрія утверждаетъ, что психопатическія натуры обыкновенно кончаютъ жизнь форменнымъ помѣшательствомъ. Школа Ломброзо замѣтила, что многіе преступники сходятъ съ ума, и сблизила этотъ фактъ съ предшествовавшимъ.

---

*) „Малолѣтніе преступники“. Т. I. Москва. 1884 г., стр. 15—17.
**) Іb. II, стр. 2—5.

Digitized by Google

Но оказывается, что преступники случайные, т. е. тѣ, которыхъ Ферри душевно-больными не считаетъ, сходятъ съ ума чаще, чѣмъ рецидивисты, т. е. неисправимые, соотвѣтствующіе „людямъ преступной организаціи“ Ломброзо. Затѣмъ новая школа совершенно не приняла въ разсчетъ вліянія на помѣшательство такихъ факторовъ, какъ одиночное заключеніе и вообще тюремныя системы.

Само „нравственное помѣшательство“, за которое такъ крѣпко ухватились послѣдователи Ломброзо, хотя и признаваемое современной психіатріей, оказывается ужасно шаткимъ понятіемъ. „Особенно рѣзко выраженную форму психическаго вырожденія (нравственнаго помѣшательства), — говоритъ Крафтъ-Эбингъ,—представляютъ тѣ состоянія, при которыхъ индивидуумъ, не смотря на доставшіяся ему въ удѣлъ блага цивилизаціи и воспитанія, остается все таки лишеннымъ самой высокой способности, присущей всякому просвѣщенному человѣку, а именно—способности пріобрѣтать этическія представленія (о добрѣ, прекрасномъ, о религіи и проч.), образовывать изъ нихъ извѣстныя нравственныя сужденія и понятія, и употреблять эти послѣднія въ дѣло, какъ побуждающіе или задерживающіе мотивы поступковъ“. Но—по словамъ того же ученаго—у такихъ нравственно-больныхъ возможны совершенно правильные процессы логическаго сужденія и умозаключенія, а, по поступкамъ, съ ними совершенно схожи „люди безнравственные въ обыкновенномъ смыслѣ слова“ и душевно-здоровые преступники *).

Но представьте себѣ, что попадается преступникъ, который совершенно не имѣлъ нравственныхъ представленій, такихъ, которыя свойственны всѣмъ. Англійскіе слѣдственные комисары встрѣчали рабочихъ, не знавшихъ, что они живутъ въ Англіи, считавшихъ королеву мужчиной, а Христа—злымъ человѣкомъ **). Куда отнесетъ преступника съ такими нравственными представленіями Ферри? Конечно, къ „неисправимымъ“, къ „преступникамъ прирожденнымъ“, къ „нравственно-помѣшаннымъ“, къ „выродившимся“. А между тѣмъ, въ сущности, здѣсь нѣтъ никакого нравственнаго помѣшательства, а только отсутствіе всякаго образованія.

Не менѣе шатки и клиническія явленія нравственнаго помѣшательства, выражающагося, по Крафту-Эбингу, въ „нравственной нечувствительности, въ отсутствіи нравственныхъ сужденій и этическихъ понятій, мѣсто которыхъ замѣняютъ, выводимыя единственно путемъ логическихъ процессовъ, сужденія о полезномъ и вредномъ“ ***). Но вѣдь это—симптомы чуть ли не всего современнаго общества, въ которомъ юноша

*) „Учебникъ психіатріи“, т. II, стр. 76—77.
**) *Карлъ Марксъ*. „Капиталъ“. Т. I, Спб. 1872 г., стр. 206.
***) Ibid. стр. 78.

Digitized by Google

еще на гимназической скамьѣ мечтаетъ о карьерѣ, богатствѣ, выгодной женитьбѣ. А вѣдь нравственно-помѣшанный и устойчиво-порочный — это люди, выходящіе изъ общаго уровня, не приноровленные именно къ современному строю, къ современной нравственности... Неужели всѣ инженеры, строющіе „кукуевскія насыпи“, адвокаты, не стѣсняющіеся выборомъ дѣлъ, банковскіе дѣльцы, публицисты, живущіе пасквилемъ, шантажемъ и клеветой—все это нравственно-помѣшанные? По Крафту-Эбингу—да.

Самъ Ломброзо понялъ шаткость ученія о нравственномъ помѣшательствѣ и въ концѣ концовъ объявилъ, что въ прирожденныхъ преступникахъ къ этой болѣзни присоединяется еще эпилепсія. Широкій циклъ неисправимыхъ и неизлѣчимыхъ, значитъ, съузился даже по ученію изобрѣтателя „преступной организаціи“.

Но можно ли послѣ этого довѣрять школѣ, глава которой колеблется и отступаетъ отъ своихъ основныхъ положеній? Значитъ, эти положенія далеки отъ того, чтобы называться аксіомами, съ точки зрѣнія самой школы. Мы понимаемъ, что возможны колебанія убѣжденій у политическихъ дѣятелей, публицистовъ, людей, дѣлающихъ первые шаги въ наукѣ; но измѣна положеній со стороны основателя цѣлой школы, горделиво отвергающей все прошлое цѣлой науки, — доказываетъ, что эта школа не нашла еще истины, что она ходитъ пока въ потемкахъ и, хотя намѣтила свой путь, но идти по нему, не сбиваясь, еще не въ состояніи. Не отрицая заслугъ Ломброзо и Ферри, которыя несомнѣнны, если отбросить ихъ увлеченія,—нельзя не сказать, что еще опасно объявлять себя ихъ послѣдователемъ, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, г. Дриль, являющійся нынѣ самымъ безпощаднымъ ихъ критикомъ. Насколько школа еще и сама не уяснила сущности своего ученія, показываетъ то, что ея представители не въ состояніи даже отличать своихъ отъ чужихъ. Такъ, напримѣръ, Гарофало относитъ къ научному теченію, параллельному съ итальянскимъ, такихъ русскихъ юристовъ, какъ гг. Таганцевъ и Сергіевскій, не смотря на то, что послѣдній стоитъ за абсолютную теорію наказанія, совершенно чуждую послѣдователямъ Ломброзо.

Среди русскихъ юристовъ хотя и замѣчается наклонность къ позитивизму, но ученіе итальянской школы пока не нашло другихъ послѣдователей, кромѣ гг. Дриля и Минцлова. Да и серьезнаго юриста трудно сбить модными названіями и естественно-медицинской терминологіей, которою пока лишь и можетъ хвастаться школа Ломброзо, считающая себя позитивною потому, что она исходитъ изъ разныхъ антропологическихъ гипотезъ, еще далеко не нашедшихъ себѣ неоспоримыхъ подтвержденій. Одинъ изъ критиковъ г. Дриля совершенно вѣрно замѣчаетъ, что его

Digitized by Google

книга „не вноситъ въ капиталъ науки никакихъ пріобрѣтеній“ *). Отрицая современную науку, по примѣру итальянской школы, самъ онъ ничего не говоритъ новаго. Отрицаніе злой воли—вещь старая, и оно совершенно не нуждается въ гипотезахъ преступныхъ организацій. Отрицаніе злой воли, въ смыслѣ свободнаго хотѣнія зла, гораздо позитивнѣе находитъ себѣ основанія въ отрицаніи свободной воли вообще, въ смыслѣ хотѣнія одного, а не другаго. Мы не отвергаемъ, что тѣ или другія хотѣнія могутъ зависѣть отъ организаціи человѣка; но утверждать, что такой-то имѣетъ злыя хотѣнія только въ силу своей организаціи — болѣе чѣмъ рискованно. Какъ бы человѣкъ ни былъ умственно ограниченъ или мало развитъ, его хотѣнія зависятъ не только отъ физическихъ причинъ и раздраженій, въ которыхъ главная роль принадлежитъ его организаціи, но и отъ мотивовъ **). Въ числѣ этихъ мотивовъ находится и страхъ наказанія, наравнѣ со страхомъ смерти, боли, общественнаго мнѣнія. Въ сущности, все сводится къ страху смерти и страданія. Чѣмъ сильнѣе страданіе, тѣмъ болѣе оно противодѣйствуетъ всѣмъ другимъ мотивамъ. Человѣкъ, склонный къ франтовству, ради красоты ноги можетъ, напримѣръ, переносить боль отъ тѣсной обуви; но стоитъ усилить эту боль появленіемъ мозоли,—и онъ откажется отъ желанія имѣть маленькую ногу. Можно очень любить дыни и ѣсть ихъ, не смотря на вредное вліяніе на слабый желудокъ, но страхъ смерти во время холеры можетъ уже заставить отказаться отъ дынь самаго страстнаго ихъ любителя. Можно не бояться тюрьмы, но бояться каторги, и понятно, что въ такомъ случаѣ первая останется безъ вліянія на появленіе хотѣнія, а вторая можетъ играть значительную роль на образованіе хотѣнія, какъ непосредственной причины дѣянія. Такъ, напримѣръ, мы думаемъ, что каторга, обѣщанная въ проэктѣ новаго уголовнаго кодекса расхитителямъ общественнаго достоянія, поубавитъ число Рыковыхъ и Юханцевыхъ. Для человѣка нравственно развитаго, можетъ быть, эта боязнь и не играетъ большой роли: его могутъ сдерживать другіе мотивы; но человѣкъ, нравственно неразвитый или неспособный въ силу своей натуры усвоивать нравственныя понятія, обязательно подпадетъ этому страху при окончательномъ выборѣ двухъ хотѣній, возникшихъ въ немъ,—совершить преступленіе или воздержаться отъ него.

Наказанія, при нынѣшней уголовной политикѣ, никогда не имѣютъ дѣла съ массами. И судъ, рѣшающій вопросъ факта, и судъ, рѣшающій

---

*) *А. Вульфертъ*. „Русскіе позитивисты въ уголовномъ правѣ“. „Журн. гр. и уг. права“, 1886 г. № 4, стр. 149.

**) *Шопенгауеръ*. „Свобода воли и основы морали“. Пер. Ф. В. Черниговца. Спб. 1886 г., стр. 34 и слѣд.

Digitized by Google

вопросъ права, принимаютъ во вниманіе всѣ особенности преступника и всѣ особенности преступленія. Поэтому вліяніе наказанія нельзя разсматривать на массахъ, а только на отдѣльныхъ лицахъ, какъ и вліяніе лѣкарства или яда.

„Страданіе, какъ результатъ перераздраженія, *лишь усиливаетъ* существующую порочность“ — говоритъ г. Дриль. Но мы знаемъ также, что, перейдя извѣстную степень раздраженія, можно не только не вызвать указанныхъ послѣдствій, но *убить* окончательно извѣстную способность. „При помощи вина или опіума, можно напрячь и значительно поднять наши духовныя силы,—говоритъ Шопенгауеръ, — но если переступить истинную мѣру раздраженія, то результатъ получится какъ разъ противоположный“ *). Если иногда наказаніе, причиняемое страданіемъ, способно не только не умиротворить преступника, но раздражить и этимъ усилить его порочность, то пусть докажетъ г. Дриль, что, въ силу свойствъ каждаго раздраженія, оно не можетъ и окончательно убить этой порочности. Порокъ, какъ и добродѣтель, для своего реальнаго проявленія нуждаются въ извѣстной энергіи. Если можно убить энергію къ добру, то отчего же нельзя убить энергію къ злу?

Медицина утверждаетъ, что отъ долгаго бездѣйствія атрофируются не только извѣстныя способности, но и извѣстные органы. Если житель города теряетъ способность дальнозоркости, изнѣженная аристократка или буржуазка—способность къ физическому труду, а курильщикъ, лишенный во время долгой болѣзни табаку,—свою страсть къ куренію, то отчего не можетъ потерять и преступникъ своихъ дурныхъ наклонностей во время долгаго тюремнаго заключенія?

Лѣность и страсть къ разгулу признаются особенностями организма. Однако извѣстенъ случай, когда студентъ, сидя въ карцерѣ, отъ скуки занялся изученіемъ древнихъ языковъ, и такъ пристрастился къ научнымъ занятіямъ, что, и выйдя на свободу, продолжалъ ихъ, и изъ лѣнтяя превратился въ прилежнаго, сталъ лучшимъ ученикомъ и достигъ профессуры. Г. Дриль, напримѣръ, не смотря на свою принадлежность въ школѣ Ломброзо, не отрицаетъ возможности исправленія — путемъ устраненія или ослабленія порочности психофизической организаціи.

Такимъ образомъ, если существуютъ факты, что ни устрашеніе, ни наказаніе не дѣйствуютъ на человѣка, то не меньше фактовъ, доказывающихъ и противное. Отсюда возникаютъ всѣ самопротиворѣчія уголовныхъ антропологовъ, которые то наталкиваются на одни факты, то на другіе, и—какъ „позитивисты“—считаютъ долгомъ считаться съ тѣми и другими. Объявивъ современную науку уголовнаго права негоднымъ сред-

*) Ibid. стр. 36.

Digitized by Google

ствомъ для борьбы съ преступленіемъ, они не даютъ ничего новаго и неопровержимаго, а лишь берутъ тѣ истины, которыхъ не отрицаетъ и унижаемая ими наука, но возводятъ отдѣльные случаи въ общее правило, увлекаются ихъ новизною и, вмѣсто аксіомъ, даютъ цѣлый рядъ гипотезъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ въ настоящемъ.

Какъ мы уже сказали, на серьезныхъ юристовъ эти крайности вліять не могутъ; это видно отчасти изъ примѣра Ферри и г. Дриля, которые, не смотря на свои увлеченія новымъ ученьемъ, все таки вѣрны во многомъ той юриспруденціи, которая ихъ воспитала и которой прахъ они отрясаютъ отъ ногъ своихъ. Но врачебная экспертиза на судѣ часто склонна вполнѣ поддаваться увлеченіямъ уголовныхъ антропологовъ, какъ собратій по наукѣ, и бросать сомнѣнія въ умы судей и присяжныхъ. Значенію „аффектовъ", „психопатическихъ организацій" экспертиза все чаще и чаще удѣляетъ не то мѣсто, которое-бы слѣдовало, и сторонній зритель съ недоумѣніемъ видитъ, какъ появляется цѣлый разрядъ лицъ, которыя недостаточно душевно-больны для того, чтобы ихъ сажать въ дома умалишенныхъ, и недостаточно здоровы, чтобы отвѣчать за свои злыя хотѣнія. Но тогда нужно отринуть совершенно уголовную политику, потому что никто не виноватъ, что онъ пороченъ, какъ никто не можетъ гордиться, что онъ уменъ, талантливъ, благороденъ. Не родись Кай Калигула цезаремъ, онъ былъ бы простымъ убійцей; не сдѣлайся Мессалина женою Клавдія, она была бы безъизвѣстной распутницей, какихъ тысячи были въ Римѣ временъ упадка; родись Глинка въ крестьянской семьѣ, онъ игралъ бы на гармоникѣ, а не писалъ геніальныхъ оперъ. Но если наша натура, наша воля не зависятъ, строго говоря, отъ насъ самихъ, а нуждаются въ извѣстныхъ условіяхъ, ихъ создающихъ, то общество все таки можетъ и должно на нихъ вліять. На этомъ основано значеніе воспитанія, на этомъ же основано и наказаніе, какъ исправленіе и какъ устрашеніе. Мы видѣли, что трудно сказать, какъ и на кого наказаніе дѣйствуетъ. Умственно развитой Орсини не остановится въ своемъ замыслѣ и передъ гильотиной. Но испорченный, атавистическій субъектъ не рѣшится на преступленіе изъ страха тюрьмы,—какъ собака, изъ страха хлыста, не рѣшится съѣсть кусокъ мяса, когда хозяинъ сказалъ: „не трогай". Иногда человѣкъ рѣшается украсть, хотя и знаетъ, что ему грозитъ тюрьма, въ надеждѣ избѣжать кары закона или по пословицѣ: „не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ", но не рѣшится на рецидивъ, испытавъ тюремное заключеніе, столкнувшись съ нестрашнымъ чортомъ лицомъ къ лицу. Слабоумный не можетъ понять, отчего красть дурно, но побоится украсть, зная, что за это сажаютъ въ тюрьму; а самъ судья вызоветъ на дуэль и убьетъ,—сознавая и преступность своего поступка, и грозящую кару,—въ силу предразсудка, что обида должна быть смыта кровью.

Пускай каторга исправляетъ лишь одного изъ ста, но пусть господа

Digitized by Google

уголовные антропологи докажутъ, что она не останавливаетъ сотни прирожденныхъ преступниковъ отъ убійства. Ломброзо, да и всѣ имѣютъ дѣло съ преступными натурами, уже проявившимися, а сколько устойчивопорочныхъ натуръ умираетъ, не совершивъ ни одного преступленія, хотя о нихъ и говорятъ, что они способны и убить, и поджечь, и ограбить. Кто знаетъ, какіе мотивы удерживали ихъ злую волю и направляли ихъ хотѣніе къ воздержанію отъ преступленія? Кто скажетъ, что уличенный въ троекратномъ совершеніи кражи, хотя бы онъ былъ сынъ каторжника и проститутки, совершитъ кражу еще въ четвертый разъ?

Некрасовскій „дядя Власъ"—не исключеніе и не плодъ фантазіи поэта. Грубый, необузданный деспотъ, уморившій двухъ женъ, вдругъ становится тихимъ, покорнымъ рабомъ третьей. Иванъ Грозный изъ деспота превратился въ мудраго правителя, а потомъ сталъ совсѣмъ звѣремъ. Дантонъ изъ кроваваго дѣятеля революціи превратился въ нѣжнаго новобрачнаго и промѣнялъ политическую карьеру на семейный очагъ. Подойдите ко всѣмъ общественнымъ дѣятелямъ съ измѣрительными приборами антропологовъ, съ клиническимъ запасомъ наблюденій надъ преступниками и душевно больными, и какой сумбуръ получится отъ этой экспертизы! Въ разрядѣ душевно-больныхъ, по признакамъ учебниковъ психіатріи, очутятся и Жанъ-Жакъ Руссо, и Байронъ, и Ньютонъ, и многіе другіе, имена которыхъ можно промѣнять на десятки Ломброзо, Крафтъ-Эбинговъ и ихъ послѣдователей.

Заканчивая нашъ настоящій очеркъ, мы можемъ сказать одно, что новыя антропологическія теоріи могутъ и должны пролить свѣтъ на многія стороны ученія о преступленіи и наказаніи. Но не увлеченіямъ, хотя бы научнымъ, разрушить науку, создававшуюся вѣками. Новая итальянская школа лишь тогда получитъ видную роль, когда ея послѣдователи откажутся отъ своихъ увлеченій, посвятятъ свои силы разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ и бросятъ всякія попытки разрушенія. Лучшій и непогрѣшимый реформаторъ—время. Вопросъ же преступности—не столько вопросъ медицинскій, сколько соціальный, какъ это признаётъ, напримѣръ, Ферри, предлагающій цѣлый рядъ полицейскихъ мѣръ для борьбы съ преступленіемъ. Но и въ области медицины признаётся роль не за одной гигіеной, а также за хирургіей и терапіей, и если послѣдняя пока несовершенна, то изъ этого не слѣдуетъ, что терапевты должны уступить мѣсто гигіенистамъ. Равно и въ уголовной политикѣ еще не настало, да, вѣроятно, и не настанетъ время юристамъ—уступить свое мѣсто антропологамъ, психіатрамъ и полиціантамъ. По крайней мѣрѣ, еще нѣтъ достаточныхъ основаній, даже въ ученіи итальянской школы, утверждать противное.

М. Гребенщиковъ.

Digitized by Google

ПАРИСЪ.

Историческій романъ изъ временъ Домиціана.

Вильгельма Валлота.

I.

— Отворите, именемъ императора!

Этотъ грозный окликъ раздался среди ночной тишины у входа въ уединенную виллу, расположенную недалеко отъ фламинійской дороги, близъ Рима. Но красивый загородный домъ, утонувшій въ зелени миртовъ, оставался по прежнему безмолвнымъ; онъ какъ будто дремалъ, купаясь въ фосфорическомъ сіяніи мѣсяца со своимъ высокимъ порталомъ, обвитымъ виноградной лозой.

— Именемъ императора! крикнулъ вторично чей-то повелительный голосъ, и крѣпко запертыя ворота задрожали подъ ударами оружія.

Снова никакого отвѣта. Казалось, за мраморными стѣнами виллы не было живой души; только легкій вѣтерокъ пробѣгалъ по вѣтвямъ кипарисовъ. Наконецъ, на песчаной дорожкѣ сада послышались тяжелые шаги, и въ одномъ изъ оконъ мелькнулъ яркій свѣтъ. Владѣлецъ виллы, мимическій актеръ Парисъ, вернувшись домой съ вечерняго пира, только что легъ въ постель, чтобы дать отдыхъ усталымъ членамъ и головѣ, разгоряченной виномъ. Все населеніе Рима восхищалось Парисомъ; онъ былъ кумиромъ женщинъ и любимымъ собесѣдникомъ мужчинъ. Поэтъ Марціалъ воспѣлъ его въ стихахъ, императоръ Домиціанъ нерѣдко отличалъ молодаго актера передъ другими. Нѣсколько дней назадъ, по городу даже стали носиться слухи, будто бы Парисъ послужилъ причиной размолвки между царственною четою. Исполняя въ театрѣ женскую роль, онъ обнаружилъ въ танцахъ столько обаятельной граціи, что императрица Домиція сказала присутствующимъ:—„Этотъ юноша опасный человѣкъ: ему открыты всѣ тайны женскаго кокетства“.

Digitized by Google

Слова жены, очевидно, разсердили императора. Дѣйствительно, Парисъ особенно тонко изучилъ натуру женщины, и зрители постоянно поражались его умѣньемъ заставить забыть свой настоящій полъ. Оригинальное дарованіе молодаго артиста, изумляя мужчинъ, восхищало римскихъ красавицъ, которыя видѣли въ игрѣ Париса яркое отраженіе собственныхъ совершенствъ и маленькихъ слабостей, нерѣдко придающихъ хорошенькимъ женщинамъ своеобразную, чарующую прелесть. Немудрено, что всеобщее поклоненіе избаловало юношу, одареннаго фигурою Гермеса. Постоянно окруженный соблазнами, онъ пристрастился наконецъ къ вину и любовнымъ интригамъ. Каждое утро заставало его въ постели, измученнаго оргіей предшествовавшей ночи. Когда солдаты императора постучались у воротъ уединенной виллы, ея владѣлецъ спалъ тяжелымъ сномъ, разметавшись въ томительномъ бреду на своемъ ложѣ. Такъ засталъ его невольникъ Маркъ, миловидный мальчикъ-подростокъ, съ испугомъ вбѣжавшій въ спальню, чтобы разбудить своего молодаго господина. Яркое пламя свѣтильника, озарившее комнату, дѣйствительно заставило Париса немедленно проснуться. Онъ вскочилъ съ подушекъ и сѣлъ, съ недоумѣніемъ озираясь по сторонамъ.

— Да, конечно! Сейчасъ... безсвязно бормоталъ юноша, одолѣваемый дремотой. Онъ протиралъ рукою глаза и ощупывалъ мучительно болѣвшую голову.

— Развѣ уже такъ поздно?... Я сознаюсь, что виноватъ передъ тобою... продолжалъ актеръ, смущенно улыбаясь и, очевидно, не понимая, гдѣ онъ находится.

Не получивъ отвѣта, Парисъ наконецъ опомнился, широко открылъ глаза, посмотрѣлъ вокругъ встревоженнымъ взглядомъ и схватилъ невольника за плечо.

— Вѣрно, меня требуетъ къ себѣ матушка? Что съ нею?

— Нѣтъ, господинъ; она спитъ, сколько мнѣ извѣстно,—возразилъ поблѣднѣвшій мальчикъ.

Языкъ отказывался ему служить, лицо было искажено испугомъ, и онъ только молча указалъ рукой въ окошко. Актеръ повернулъ голову по тому направленію и сталъ прислушиваться.

— Отворите, именемъ императора! снова раздалось въ ночной тишинѣ.

Парисъ не двигался съ мѣста, какъ будто не вѣря ушамъ, но грозный окликъ прозвучалъ опять, и раскатистое эхо повторило его на ближнемъ холмѣ, позади загороднаго дома.

— О, господинъ! ты слышишь: именемъ императора! простоналъ мальчикъ, всплеснувъ руками.

Digitized by Google

Между тѣмъ хозяинъ виллы вскочилъ съ постели и бросился къ окну. Сквозь вѣтви садовыхъ кустарниковъ онъ разсмотрѣлъ мѣдные шлемы императорскихъ солдатъ, блестѣвшіе при свѣтѣ факеловъ, точно блуждающіе болотные огоньки.

— Неужели это за мной? пробормоталъ молодой человѣкъ, спѣша одѣться и опрокинувъ впопыхахъ жаровню съ угольями, которые не успѣли еще потухнуть. Разсыпавшись по полу, они попали подъ ноги Париса, что̀ заставило его вскрикнуть отъ боли.

Испуганный Маркъ принялся плакать, но его господинъ, освѣжая водою лицо, сердито приказалъ ему замолчать и отворить ворота посланнымъ Домиціана.

— Отворить? нерѣшительно переспросилъ невольникъ.

— Ну, конечно! Сколько разъ повторять тебѣ одно и то же? Говоря такимъ образомъ, молодой актеръ напрасно старался закрѣпить сандаліи: ремни выскальзывали у него изъ рукъ. По уходѣ Марка, юноша принялся бормотать неясныя слова и сказалъ вошедшему къ нему престарѣлому рабу, чтобы тотъ скрылъ отъ его матери все случившееся.

— Кажется, госпожа успѣла уже проснуться, прошамкалъ лысый Руфусъ:—по крайней мѣрѣ, я видѣлъ свѣтъ на ея половинѣ. Не торопись, дитя мое, прибавилъ онъ, заботливо затягивая Парису ремни сандалій и надѣвая на него лацерну.—Вотъ твой хитонъ; сегодня ночью довольно холодно, какъ бы тебѣ не простудиться... О, Зевсъ, твои сандаліи не держатся... Не подать ли воды для умыванья?.. Не хочешь ли лучше надѣть свою тогу? Кто знаетъ, можетъ быть, Домиціанъ потребуетъ тебя во дворецъ. Вотъ бѣда! Вотъ нежданная напасть! Не къ добру все это!

Парисъ по прежнему боролся съ дремотой, сидя на стулѣ и склонивъ на грудь отяжелѣвшую голову. Руфусу показалось, что его господинъ погруженъ въ глубокую задумчивость и потому сосредоточенно молчитъ, не отвѣчая на вопросы.

— Но, ради всемогущаго Зевса, дитя мое, скажи наконецъ, что̀ ты такое сдѣлалъ? Что̀ значитъ этотъ ночной обыскъ? жалобно повторялъ преданный невольникъ, выростившій своего молодаго господина.—Тебя заставляютъ встать съ постели среди ночи, а между тѣмъ ты такъ любимъ въ цѣломъ Римѣ. Чего желаетъ отъ тебя Домиціанъ? Ахъ, я боюсь, что дѣло кончится плохо: благоволенію сильнаго нельзя довѣрять!

Приблизившись къ Парису съ тогой въ рукахъ, Руфусъ только теперь замѣтилъ странное состояніе молодаго человѣка.

— Боги! ты сейчасъ упадешь со стула! Ты опять заснулъ! воскликнулъ вѣрный слуга.

Digitized by Google

Танцоръ, зѣвая, поднялъ голову, протеръ глаза и пробормоталъ проклятіе. Теперь въ немъ, очевидно, заговорила гордость артиста, любимца публики, привыкшаго къ поклоненію, къ восторженнымъ овацiямъ на театральныхъ подмосткахъ.

— Готовъ ли ты? спросилъ онъ со вздохомъ, посмотрѣвъ на раба, склонившагося къ его ногамъ.—Оставь обуванье; мнѣ такъ хочется спать; какая досада, что меня разбудили!

— Да, дорогой господинъ, это болѣе чѣмъ досадно, грустно замѣтилъ Руфусъ:—здѣсь дѣло не спроста... Очень сомнительная исторія! Подумай только: ночью... стража... Развѣ у тебя не замираетъ сердце, милое дитя?

— Ахъ, какъ мнѣ не хочется съ ними идти! капризнымъ тономъ сказалъ полусонный Парисъ.

Эти слова поразили недоумѣніемъ престарѣлаго невольника. Онъ пристально взглянулъ на юношу, который между тѣмъ продолжалъ твердить дѣтски-плаксивымъ тономъ, сжимая кулаки и упрямо встряхивая головой:

— Вотъ, не захочу и не пойду, не пойду! Публика приметъ мою сторону, я обращусь къ ея заступничеству!

Упорство молодаго человѣка наконецъ не на шутку встревожило Руфуса.

— Что ты говоришь, опомнись! увѣщевалъ онъ Париса.

— Неужели ты думаешь, что я струшу передъ вооруженной силой? съ возраставшимъ задоромъ спросилъ актеръ.—Посмотримъ, посмѣетъ ли императоръ употребить со мной насиліе?

Въ Парисѣ проснулся артистъ, сильный сознаніемъ своего превосходства надъ толпою, хотя мужество невольно измѣняло ему при мысли о сопротивленіи Домиціану. Но онъ боялся уронить свое достоинство и бравировалъ опасностью.

Руфусъ въ отчаяніи всплеснулъ руками.

— Вѣчные боги! простоналъ онъ:—въ своемъ ли ты умѣ, господинъ? Противиться Домиціану, не исполнить его приказа? Невозможно, немыслимо! Вспомни, что ты такое въ сравненіи съ нимъ? Мимическій актеръ, танцующій на сценѣ! Публика! ха-ха-ха!... публика! засмѣялся старикъ горькимъ, презрительнымъ смѣхомъ.

Парисъ съ удивленіемъ взглянулъ на невольника.

— Развѣ ты не знаешь, прервалъ онъ самоувѣреннымъ тономъ:—что Римъ боготворитъ меня?

Старикъ тотчасъ пересталъ смѣяться, сдѣлалъ серьезную мину и съ ироническимъ благоговѣніемъ поклонился.

— Боготворитъ! Но тѣ же римляне, которые сегодня рукопле-

Digitized by Google

щутъ своему любимцу, могутъ осмѣять его завтра, если у него нечаянно поскользнется нога.

Въ словахъ раба звучало состраданіе.

— Замолчи! крикнулъ Парисъ, вскакивая съ мѣста и опираясь рукой на спинку стула.—Я дѣйствительно рѣшился испытать, кого больше почитаетъ Римъ: своего императора или знаменитаго танцора,—добавилъ юноша съ театральнымъ паѳосомъ.

Онъ принялъ трагически-вызывающую позу, выставивъ впередъ правую ногу и слегка откинувъ назадъ свой стройный корпусъ; однако полусострадательный взглядъ взволнованнаго старика заставилъ его невольно покраснѣть.

— Я слышу стукъ оружія въ сѣняхъ, прошепталъ Руфусъ:—они идутъ!

Парисъ не двинулся съ мѣста. Онъ по прежнему стоялъ съ высокомѣрнымъ видомъ, повернувъ только свое поблѣднѣвшее лицо къ завѣшаннымъ дверямъ. Въ ту же минуту, чья-то невидимая рука рѣзкимъ движеніемъ раздвинула складки занавѣси, и въ комнату вошелъ загорѣлый воинъ съ черной бородой. То былъ центуріонъ имперскаго войска, Силій. Вызывающій взглядъ Париса заставилъ его презрительно усмѣхнуться. Сдѣлавъ легкій поклонъ, начальникъ отряда пригласилъ артиста слѣдовать за нимъ.

— Куда? спросилъ хозяинъ виллы, чувствительно задѣтый небрежнымъ тономъ Силія.

— Куда? съ удивленіемъ сказалъ тотъ:—но кто же объ этомъ спрашиваетъ? Впрочемъ, сколько мнѣ извѣстно, тебя требуютъ прямо къ императору.

— Ночью? Въ такой часъ, когда всякій гражданинъ имѣетъ право гнать отъ дверей нарушителей своего спокойствія? возразилъ мимическій актеръ.

Безумная отвага юноши поразила центуріона.

— Зачѣмъ, спрашивается, заставили меня встать съ постели, когда я утомленъ и желаю отдыхать? возвысилъ голосъ Парисъ.

Черты имперскаго воина омрачились, слова гнѣва и раздраженія были готовы сорваться съ его губъ, но онъ овладѣлъ собою и, откидывая дверную занавѣсь, только замѣтилъ съ саркастическимъ смѣхомъ:

— Клянусь Юпитеромъ, ты меня забавляешь!

Центуріонъ кивнулъ двоимъ солдатамъ, стоявшимъ за дверями.

— Берите его подъ руки, хладнокровно распорядился онъ, указывая на актера и направляясь къ выходу.

Артистъ, проникнутый сознаніемъ своего достоинства, герой

Digitized by Google

каждаго пира, баловень римскихъ сановниковъ, кумиръ женщинъ, любимецъ самой императрицы, подвергался неслыханному позору!

Онъ гордо выпрямилъ свой юношески-стройный станъ и крикнулъ воину съ угрозой:

— Ты вѣрно не знаешь, что я Парисъ!

Начальникъ стражи, выходившій изъ комнаты, надменно взглянулъ на него черезъ плечо.

— Вотъ какъ! Ну, и прекрасно! замѣтилъ суровый воинъ.—Ты—Парисъ, а я—Силій, центуріонъ... Возьмите его! повторилъ онъ солдатамъ съ прежнимъ хладнокровнымъ высокомѣріемъ.

— Ты раскаешься въ своей дерзости! возразилъ актеръ, сдерживая гнѣвъ въ виду вооруженной стражи.

— Берегись, чтобы тебѣ самому не пришлось раскаяться,—отвѣчалъ Силій, сдвигая брови. Онъ снова повернулся къ дверямъ, между тѣмъ какъ старый невольникъ, дрожа отъ страха, дѣлалъ знаки своему господину, умоляя его покориться.

Но едва только воины подошли къ Парису, какъ юноша бросился къ своему туалетному столу, рванулъ выдвижной ящикъ и, торопливо разрывши въ немъ гребенки, щеточки, склянки съ притираньями и головныя шпильки, вынулъ наконецъ оттуда какой-то блестящій предметъ, который съ торжествомъ показалъ центуріону.

— Узнаёшь ли ты этотъ перстень? спросилъ актеръ взволнованнымъ тономъ.—Чье это изображеніе, чье имя?

При первомъ взглядѣ на рѣзной драгоцѣнный камень, вдѣланный въ кольцо, начальникъ отряда остолбенѣлъ. Въ его чертахъ отразился испугъ, но Силій поспѣшилъ скрыть свои чувства подъ суровой миной. Онъ кивнулъ подчиненнымъ, чтобы они оставили арестованнаго, и невольно поднесъ руку къ шлему въ знакъ почтенія.

— Это камея и вензель императрицы,—прошепталъ въ замѣшательствѣ центуріонъ, сознавая, что ему пришлось имѣть дѣло съ человѣкомъ, несравненно болѣе вліятельнымъ, чѣмъ онъ предполагалъ.

— Драгоцѣнный перстень полученъ мною изъ рукъ Домиціи, замѣтилъ Парисъ.—Какъ видишь, она мнѣ покровительствуетъ, а потому я надѣюсь, что ты не позволишь себѣ больше забываться передо мною.

Дѣйствительно, обращеніе начальника отряда рѣзко измѣнилось. Хотя Силій не могъ совершенно оставить повелительнаго тона, боясь уронить свое достоинство, однако онъ посмотрѣлъ на молодаго актера менѣе строго и съ ледяною вѣжливостью извинил-

Digitized by Google

ся передъ нимъ за причиненное безпокойство. По словамъ центуріона, онъ повиновался высшей власти и не могъ не исполнить приказа, хотя это было ему очень непріятно. Императоръ, проснувшись ночью, неожиданно потребовалъ къ себѣ Париса, но Силію неизвѣстны дальнѣйшія намѣренія Домиціана, который не любитъ объяснять причины своихъ дѣйствій, строго наказывая непрошенное любопытство приближенныхъ.

— Я пойду съ тобою, спокойно замѣтилъ Парисъ и, увидѣвъ вошедшую служанку, спросилъ, можетъ ли онъ наскоро проститься съ матерью.

Начальникъ стражи былъ въ нерѣшительности, но все таки исполнилъ просьбу молодаго актера, посовѣтовавъ ему, между прочимъ, надѣть тогу, такъ какъ императоръ не любитъ отступленій отъ предворнаго этикета, требуя, чтобы ему всегда воздавали должный почетъ. Парисъ пошелъ черезъ перистиль въ комнату Юліи, своей матери. Почтенная матрона полусидѣла на постели, сохраняя величественную осанку царицы. При появленіи сына, она отложила въ сторону свитокъ, который читала, и молча взглянула на Париса. Въ ея большихъ глазахъ выражалась тревога, но Юлія сдѣлала надъ собою усиліе, чтобы казаться хладнокровной. Молодой актеръ, благоговѣвшій, не смотря на свое легкомысліе, передъ благороднымъ характеромъ матери, почтительно опустился на колѣни передъ ея постелью и съ волненіемъ поцѣловалъ нѣжную руку матроны. Онъ не понялъ, что наружное спокойствіе Юліи было притворно; ему хотѣлось бы встрѣтить съ ея стороны больше сочувствія, больше горячей ласки.

— Мнѣ очень жаль, что тебя побезпокоили среди ночи, дорогая матушка, прошепталъ Парисъ.—Крѣпкій сонъ такъ нуженъ въ твои годы!

Юлія склонила къ сыну свое довольно полное лицо съ правильными и строгими чертами. Ея рѣзко очерченныя брови были нахмурены.

— Не говори обо мнѣ,—отвѣчала она низкимъ, почти не женственнымъ голосомъ, стараясь овладѣть собою и, очевидно, избѣгая намекать на невѣдомую опасность, грозившую сыну.

Отославъ отъ себя служанку, римлянка долго всматривалась въ блѣдное лицо Париса, ярко освѣщенное канделябромъ. Юноша не вынесъ пристальнаго взгляда матери; яркая краска залила его щеки. Юлія провела рукой по темнымъ кудрямъ молодаго человѣка и не могла не сознаться, что невоздержная жизнь, какую велъ ея сынъ, успѣла наложить свой отпечатокъ на эти прекрасныя

Digitized by Google

черты. Излишекъ наслажденій иногда еще быстрѣе изнуряетъ человѣческій организмъ, чѣмъ тяжелый трудъ, болѣзнь и забота.

Въ глазахъ юноши ясно читалась апатія, его движенія были вялы, лихорадочный румянецъ выступалъ неровными пятнами, то пропадая, то сгущаясь.

— Ты недолго протянешь, если не остановишься на пути порока,—чуть слышно прошептала Юлія, подавленная тяжелой мыслью. Парисъ, хотѣвшій улыбнуться, вздрогнулъ при ея словахъ.

— Прости меня! также тихо отвѣчалъ онъ, и по его красиво очерченнымъ губамъ скользнула грустная усмѣшка.

Такъ усмѣхаются только пресыщенные жизнью люди, потерявшіе вѣру въ себя и свои идеалы. Странное замѣшательство овладѣло почтенной матроной. Сознавая, что теперь наступилъ благопріятный моментъ образумить заблуждавшагося сына, она не могла найти словъ для порицанія его поступковъ. Прошло нѣсколько сѣкундъ томительнаго молчанія.

— Тебя требуютъ въ такую необычную пору къ императору, съ усиліемъ произнесла наконецъ Юлія:—не сдѣлалъ ли ты чего нибудь дурнаго, что могло возбудить гнѣвъ Домиціана.

— Я не знаю за собой никакой вины, отвѣчалъ Парисъ:—но все таки мнѣ не хотѣлось уйти, не простившись съ тобою. Хотя моя совѣсть совершенно чиста, но едва ли ночное посѣщеніе центуріона приведетъ къ добру. Домиціанъ извѣстенъ своимъ коварствомъ, своими жестокими затѣями.

Юноша нарочно сдѣлалъ особенно сильное удареніе на послѣднихъ словахъ.

— Что бы съ тобою ни случилось, возразила Юлія: — веди себя, какъ прилично моему сыну.

— Я всегда гордился такою матерью! съ жаромъ воскликнулъ Парисъ, вскакивая съ ковра изъ львиной шкуры, лежавшаго передъ постелью.

Молодой человѣкъ хотѣлъ обнять Юлію, но та отстранила его. Въ ея робкомъ, печальномъ взглядѣ выражалось слишкомъ много разнородныхъ чувствъ, и сынъ не понялъ душевной борьбы сдержанной, гордой матроны. Его руки безсильно опустились. Склонивъ голову и закусивъ губы, Парисъ замолчалъ, не трогаясь съ мѣста. Встревоженная Юлія хотѣла ободрить его ласковыми словами, но юноша отвѣчалъ ей односложно и натянуто. Наконецъ центуріонъ Силій прислалъ служанку сказать, что онъ не можетъ долѣе медлить.

— Мой сынъ сейчасъ придетъ, отвѣчала Юлія, вздрогнувъ,

Digitized by Google

какъ отъ электрическаго удара. Но ей снова удалось овладѣть собою, хотя ея грудь высоко поднималась и члены дрожали, точно въ лихорадкѣ.

— Ты знаешь, какъ слѣдуетъ держать себя передъ земными владыками, сказала римлянка, протягивая руку сыну:—надѣюсь, что тебя отпустятъ еще до восхода солнца!

Парисъ молча удалился, а Юлія жадно смотрѣла ему вслѣдъ, пока его фигура не исчезла за дверью, послѣ чего по всему дому раздалась громкая команда центуріона.

По дорогѣ въ городъ, молодой актеръ съ грустью припоминалъ эту сцену прощанья, удивляясь тому, что родная мать могла, какъ ему казалось, такъ безучастно отнестись къ постигшей его бѣдѣ. Хотя между ними возникли натянутыя отношенія, благодаря разсѣянной жизни Париса, но въ такую минуту матери слѣдовало забыть всякій гнѣвъ, помня только одно, что сыну грозитъ смертельная опасность. Какъ знать, что̀ случится съ нимъ въ ту же ночь? Даже высокопоставленныя лица иногда предавались казни безъ всякаго суда. Намѣтивъ свою жертву, Домиціанъ сначала осыпа̀лъ ее милостями, чтобы удалить всякое подозрѣніе, а потомъ негласно спровадить ненавистнаго человѣка на тотъ свѣтъ. Странный капризъ императора потребовать къ себѣ Париса ночью предвѣщалъ мало хорошаго. Правда, грозный повелитель до сихъ поръ высказывалъ свое одобреніе молодому актеру, только черезъ другихъ и ни разу не говорилъ съ нимъ лично, такъ что Парису нечего было особенно опасаться; но тайный голосъ нашептывалъ юношѣ, что Домиціанъ питаетъ къ нему враждебныя чувства. Хотя Парисъ не совершилъ ничего преступнаго, однако онъ сознавалъ, что въ его жизни было одно обстоятельство, способное возбудить жажду кровавой мести въ душѣ жестокаго деспота. Юный танцоръ сдѣлался предметомъ вниманія одной слишкомъ высокопоставленной и потому опасной женщины. Она хотѣла опутать Париса своими сѣтями; онъ искусно уклонился отъ нихъ, но между тѣмъ онѣ все таки его задѣли. Огонь бѣшеной страсти, которую питала къ нему эта блестящая звѣзда, если и не сжегъ Париса, то все же ослѣпилъ его. Онъ едва смѣлъ подумать о случившемся, нарочно избѣгая страшной мысли, какъ осужденный, выведенный въ циркъ на растерзаніе звѣрямъ, невольно пятится назадъ, завидѣвъ клѣтку льва.

Танцуя на сценѣ, Парисъ нерѣдко ощущалъ на себѣ жгучій взглядъ, направленный на него изъ нижняго ряда мѣстъ для зрителей. Онъ невольно оборачивался въ ту сторону и видѣлъ величаво-благосклонную улыбку, слышалъ взволнованный гармо-

Digitized by Google

ническій голосъ, когда его вызывали на подмостки, замѣчалъ и яркій румянецъ, и блѣдность, быстро смѣнявшіеся на нѣжномъ лицѣ. И рядомъ съ этой роскошной женской головкой виднѣлись строгія черты мужчины, отъ наблюдательности котораго не ускользало ничего. Когда Парисъ понялъ, наконецъ, настоящее значеніе этой улыбки, этой нервной дрожи въ знакомомъ женскомъ голосѣ, ему стало страшно. „Любить ее—для меня равносильно смерти! подумалъ юноша;—но и отвергнуть такую любовь—тоже значитъ погибнуть". Опасная поклонница его таланта сдѣлалась почти ненавистной Парису, не смотря на ея подарки, не смотря на чудную красоту. Молодаго артиста пугало не только зловѣщее лицо мужчины, сидѣвшаго съ нею рядомъ, съ мрачнымъ видомъ неумолимаго палача. Та изумительная легкость, съ которою влюбленная красавица переходила отъ страстнаго пыла къ полнѣйшему спокойствію, казалась юношѣ отталкивающимъ лицемѣріемъ. Хотя онъ сознавалъ свою правоту, потому что не оказывалъ той женщинѣ ничего, кромѣ холодной вѣжливости, но Римъ, какъ извѣстно, мало довѣряетъ добродѣтели и гораздо охотнѣе потворствуетъ пороку, въ особенности, когда этотъ порокъ увѣнчанъ царской діадемой. Парисъ былъ виновенъ уже тѣмъ, что зажегъ преступное желаніе въ женщинѣ, которая была поставлена выше всѣхъ остальныхъ въ великой римской имперіи. Кто повѣритъ, чтобы этотъ легкомысленный юноша, участникъ всѣхъ пировъ и оргій, могъ устоять противъ явныхъ знаковъ вниманія со стороны супруги Домиціана? Думая такимъ образомъ, молодой актеръ заранѣе считалъ себя погибшимъ. Нервная дрожь заставляла его плотнѣе закутываться въ плащъ, когда онъ пробирался по римскимъ улицамъ въ сопровожденіи центуріона. Силій заговаривалъ съ нимъ не разъ крайне вѣжливымъ тономъ, но Парисъ едва отвѣчалъ на вопросы спутника.

Ночная прохлада освѣжила его, и онъ бодро шелъ впередъ, испытывая только по временамъ мучительное замираніе сердца. Тяжелые шаги солдатъ гулко отдавались на мостовой, между тѣмъ какъ по стѣнамъ домовъ, облитыхъ красноватымъ свѣтомъ факеловъ, мелькали гигантскія тѣни стражниковъ въ шлемахъ и съ длинными копьями. Юноша старался разсѣять мрачныя предчувствія, наблюдая за этими движущимися фантастическими силуэтами. На улицахъ и площадяхъ попадались прохожіе, потому что жизнь въ громадной столицѣ несовсѣмъ утихала даже ночью. Но чѣмъ больше отдалялъ отъ себя Парисъ тяжелыя думы, тѣмъ настойчивѣе начинали онѣ осаждать его голову; теперь онъ почти желалъ ускорить рѣшеніе своей участи, потому что неизвѣстность

Digitized by Google

становилась невыносимой. Молодой актеръ вспомнилъ, какъ плакали слуги, отпуская своего хозяина; престарѣлый Руфусъ обнималъ его, нашептывая отеческія наставленія; а горе маленькаго Марка было такъ велико, что онъ уцѣпился за одежду Париса, желая силой удержать любимаго господина. Это воспоминаніе нѣсколько утѣшило юношу.

„Но развѣ мнѣ поможетъ ихъ участіе? думалъ онъ съ глубокимъ унынiемъ.—Что такое вѣрность слуги? Люди плачутъ, зная, что безъ меня они пропадутъ съ голоду. Кѣмъ я, дѣйствительно, искренно любимъ? Развѣ своей собакой, которую самъ люблю приблизительно такъ, какъ любятъ меня мои многочисленныя почитательницы, т. е. какъ предметъ забавы. Всѣ возвышенныя чувства—химера".

Парисъ не разсуждалъ бы такимъ образомъ, еслибы могъ заглянуть, въ настоящую минуту, въ свою покинутую виллу. Юлія, по уходѣ сына, встала съ постели и одѣлась, чтобы дождаться его возвращенія. Она заставила рабыню читать себѣ вслухъ, но была не въ силахъ сосредоточиться на чтеніи. Встревоженная матрона то безцѣльно смотрѣла на пламя горѣвшей передъ нею лампы, то бродила изъ угла въ уголъ по своей спальнѣ, поджидая извѣстій о юношѣ. Между тѣмъ сынъ, оскорбленный ея холодностью, гналъ отъ себя всякую мысль о матери. „Интересно знать, смягчится ли она хоть надъ моимъ трупомъ, если я буду убитъ?" раза два мелькнуло у него въ головѣ во время дороги. Но вдругъ настроеніе Париса быстро измѣнилось. При яркомъ заревѣ факеловъ, онъ увидѣлъ захмѣлѣвшаго человѣка, который стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, и, провожая глазами шествіе, улыбался безсмысленной, сонной улыбкой. Эта встрѣча неожиданно разсмѣшила арестованнаго. На него нашелъ припадокъ нервной веселости, изумившій центуріона. Однако, нѣсколько минутъ спустя, Парисъ снова сдѣлался молчаливъ и апатиченъ.

— Что съ тобою? спросилъ начальникъ отряда.—Ты, должно быть, встревоженъ предстоящимъ свиданіемъ съ императоромъ?

— О, нѣтъ! равнодушно замѣтилъ Парисъ.—О чемъ мнѣ безпокоиться? пусть дѣлаютъ со мной, что хотятъ. Въ худшемъ случаѣ, Домиціанъ можетъ только отправить меня на тотъ свѣтъ.

— Ну, тамъ едва ли тебѣ понравится, замѣтилъ Силій:—въ преисподней навѣрно не очень весело.

— Но вѣдь въ царствѣ тѣней меня, по крайней мѣрѣ, не будутъ тревожить по ночамъ и дадутъ хоть выспаться.

— А танцы и любовь?

— Крѣпкій сонъ лучше всего!

Digitized by Google

Чѣмъ ближе подходили они къ императорскому дворцу, тѣмъ сильнѣе овладѣвало Парисомъ тупое равнодушіе, которое, какъ осенній туманъ, отнимаетъ красоту у всего прекраснаго и, въ то же время, дѣлаетъ менѣе замѣтнымъ все безобразное, примиряетъ съ каждой печалью. Молодой актеръ уже нѣсколько мѣсяцевъ испытывалъ такіе приступы жестокой апатіи, какъ естественное слѣдствіе пресыщенія. Это состояніе духа изумляло Париса, хотя въ немъ собственно не было ничего непріятнаго. Оно убаюкивало умъ, погружая его въ сладкое забытье, причемъ всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра облекались въ форму сонныхъ грёзъ. Какую скуку наводили теперь на юнаго актера видъ встрѣчавшихся домовъ, солдаты и неожиданное ночное путешествіе! Вся жизнь стала казаться ему только цѣпью скучнѣйшихъ событій, и если онъ долженъ умереть, не дождавшись солнечнаго восхода, то тѣмъ лучше, лишь бы поскорѣе!

Парисъ не разъ принимался зѣвать, и даже долетавшіе до него толки солдатъ о томъ, что ему, вѣроятно, придется плохо, не производили на юношу никакого дѣйствія. „Не знаю, что со мною, думалъ онъ про себя:—но мнѣ рѣшительно ничего не жаль. Конечно, это къ лучшему, лишь бы поскорѣе!“ Когда шествіе поравнялось съ Капитоліемъ, храмъ котораго вмѣстѣ съ бѣлыми изваяніями олимпійскихъ боговъ выдѣлялся на фонѣ ночнаго неба, въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ хлопнуло окно, и кто-то швырнулъ оттуда черепки разбитаго глинянаго сосуда. Они пролетѣли какъ разъ надъ головой Париса, звонко ударившись о камни мостовой. Актеръ засмѣялся и спросилъ центуріона: что бы сдѣлалъ тотъ, еслибы черепокъ раскроилъ голову его арестанту и такимъ образомъ лишилъ Домиціана удовольствія насладиться предсмертными муками своей жертвы?

— Конечно, ты пронзилъ бы себя собственнымъ мечемъ, прибавилъ молодой человѣкъ;—но успокойся: при моей ловкости, я могъ бы давно отнять у тебя это оружіе и покончить съ собою на твоихъ глазахъ, однако я не хочу дѣлать зла такому храброму воину, какъ ты.

— Кто знаетъ, замѣтилъ одинъ изъ солдатъ:—можетъ быть, императору было бы очень пріятно угомонить навѣки рѣзваго плясуна, который сводитъ съ ума римскихъ женщинъ.

Стража принялась повторять ходившіе по городу слухи о любовныхъ исторіяхъ Париса. Силій велѣлъ прекратить пустую болтовню, однако воины продолжали перешептываться.

„Жена сенатора Юліана также любила его“, долетѣло до слуха

Digitized by Google

Париса, и юноша не зналъ, смѣяться ему или краснѣть, слыша грубые пересуды солдатъ.

Наконецъ, передъ его глазами выступила темная громада императорскаго дворца. Роскошная архитектура зданія, широкій портикъ, золоченые ряды колоннъ напомнили бѣдному артисту о страшномъ могуществѣ и мрачномъ эгоизмѣ царившаго здѣсь властелина. Юноша ощутилъ невольную тревогу, которая еще усилилась, когда его повели вдоль пустынныхъ нескончаемыхъ коридоровъ. Раскрашенныя стѣны, освѣщенныя отблескомъ факеловъ, глухо отражали мѣрные шаги солдатъ. Дворецъ былъ погруженъ въ таинственное безмолвіе. Отъ дверныхъ занавѣсей съ пестрымъ рисункомъ, отъ золоченыхъ мраморныхъ лѣстницъ, отъ причудливо расписанныхъ потолковъ вѣяло подавляющей могильной тишиной. Казалось, будто бы даже неодушевленные предметы—статуи, урны, колонны—чувствовали на себѣ гнетъ жестокаго деспотизма Домиціана и стояли, погруженныя въ нѣмое отчаяніе. Наконецъ Париса привели въ обширный атріумъ, гдѣ онъ опустился на скамью и задремалъ отъ утомленія, кутаясь въ тогу.

II.

Въ то время, когда Парисъ, не смотря на душевную тревогу, задремалъ отъ изнеможенія, Домиціанъ, владыка Рима, сидѣлъ на своемъ роскошномъ ложѣ, страдая мучительной безсонницей. Уже не разъ подносилъ онъ къ губамъ сонное питье, стоявшее на столикѣ подъ тяжелымъ пурпурнымъ балдахиномъ кровати, но цѣлебный напитокъ не дѣйствовалъ, и раздосадованный императоръ выплеснулъ лѣкарство на львиную шкуру, лежавшую у его ногъ на мозаичномъ полу. Въ спальнѣ горѣлъ одинокій свѣтильникъ, скудно освѣщая окружающее великолѣпіе обстановки. Глаза Домиціана были задумчиво устремлены на красноватое пламя, надъ которымъ вилась легкая струйка дыма, тянувшаяся къ отворенному окну. Оконная занавѣсь по временамъ шевелилась отъ вѣтра, и тогда недовѣрчивый взглядъ императора останавливался на ней; цезарю казалось, что тамъ притаился убійца, подстерегающій свою жертву. Но въ комнатѣ все было тихо: невольники спали въ своихъ каморкахъ, и глубокая тишина, царившая вокругъ, нарушалась только монотонными шагами часовыхъ и отдаленнымъ журчаньемъ фонтана. Изо всѣхъ обитателей громаднаго дворца бодрствовалъ только обладатель этого нѣмаго, мертваго великолѣпія, равнодушно смотрѣвшаго со стѣнъ и потолковъ на мученья

Digitized by Google

грознаго властелина. Изъ небольшаго отвореннаго окна виднѣлись крыши домовъ, блестѣвшія при лунномъ свѣтѣ, а вдали надъ ними выступалъ Капитолій. Императоръ закутался въ узорный плащъ, надѣлъ обувь и подошелъ своей тяжелой походкой къ окну. Нѣсколько минутъ онъ молча смотрѣлъ на мерцавшія звѣзды, на заснувшій гигантскій городъ, окутанный воздушной фіолетовой дымкой, и глаза Домиціана закрылись, его дыханіе сдѣлалось ровнѣе, какъ будто онъ наслаждался во снѣ ночною прохладой, видомъ звѣзднаго неба и панорамой Рима въ серебристомъ туманѣ.

Но вдругъ рѣзкій потокъ воздуха коснулся его лица; императоръ вздрогнулъ, нахмурился и, отвернувшись отъ окна, пошелъ къ дверямъ: довольно жидкія ноги и тяжеловѣсный корпусъ мѣшали быстротѣ его движеній.

— Антоній! крикнулъ онъ, заглядывая въ сосѣднюю комнату.

Тамъ послышался скрипъ кровати, и когда Домиціанъ повторилъ свой зовъ, чей-то пронзительный тонкій голосокъ отвѣчалъ:— Что тебѣ угодно, государь?"

— Угодно, чтобы ты всталъ!

— Но вѣдь теперь глубокая ночь! пропищалъ тотъ же голосъ.

— А къ чему прежде всего служитъ ночь? ворчливо произнесъ Домиціанъ съ загадочной миной. —Можешь ли ты объяснить мнѣ это, Антоній?

— Говорятъ, что ночь служитъ для отдыха бѣднякамъ и всѣмъ утомленнымъ, которые нуждаются въ покоѣ.

Съ этими словами въ спальню прошмыгнулъ карликъ; онъ остановился у дверей, зѣвая, почесывая курчавую голову и сердито протирая заспанные глаза. Домиціанъ снова сѣлъ на постель и подозвалъ къ себѣ уродца.

— Сонъ не повинуется даже властителю Рима! замѣтилъ императоръ слегка смягченнымъ тономъ:—онъ приходитъ или бѣжитъ отъ человѣка по своей собственной прихоти. Сегодня я спалъ не болѣе трехъ часовъ; боги немилостивы къ твоему государю, Антоній; тебѣ слѣдуетъ хоть немного развлечь меня.

— Чѣмъ можетъ угодить тебѣ жалкій горбунъ, великій государь? возразилъ карликъ, свернувшись на львиной шкурѣ у ногъ цезаря. Домиціанъ провелъ рукою по его курчавымъ волосамъ, потрепалъ морщинистыя щоки своего любимца и опять погрузился въ мрачную задумчивость. Немного спустя, онъ съ грустной улыбкой замѣтилъ карлику:

— Мы какъ разъ съ тобой пара: ты калѣка, а я страдаю безсонницей—то и другое происходитъ отъ нездоровья.

Digitized by Google

— Да, господинъ, я ношу горбъ, а ты корону; то и другое— безобразіе, возразилъ, вздыхая, Антоній. Онъ положилъ голову на колѣни Домиціана и прибавилъ плаксивымъ тономъ:—какъ бы я хотѣлъ еще уснуть: *мое* убожество не препятствуетъ этому!

Но императоръ не отпускалъ отъ себя усталаго карлика, обѣщая дать ему лакомствъ.

— Если тебѣ скучно, то можешь прибѣгнуть къ своей обычной забавѣ, замѣтилъ, смѣясь, Антоній.—Вотъ твой грифель, а здѣсь—видишь?—притаилась муха.

Домиціанъ, который дѣйствительно съ увлеченіемъ охотился за мухами, засмѣялся про себя и, ероша обѣими руками волосы уродца, шутливо отвѣчалъ:

— А не хочешь ли, я вырву тебѣ, ради забавы, всѣ твои волосы по одиночкѣ?... Но не бойся однако: сегодня мнѣ не до мухъ, а тѣмъ болѣе я не сталъ бы мучить своего вѣрнаго слугу. На кого можно такъ положиться, какъ на тебя, Антоній? прибавилъ ласково императоръ.

— Ого! недовѣрчиво отозвался карликъ.

— Ты не вѣришь? спросилъ Домиціанъ.—Развѣ тебѣ неизвѣстно, что могущественный владыка всегда окруженъ обманщиками? Да, мой милый, положеніе государей очень грустно: они настоящія жертвы людскаго вѣроломства.

— Итакъ, я твой единственный другъ? спросилъ карликъ, рѣшаясь побѣсить своего господина.

— Единственный, которому я довѣряю.

— Но у тебя есть Домиція, твоя супруга.

При этихъ словахъ, Домиціанъ сдѣлалъ невольное движеніе колѣнями; голова уродца соскользнула съ нихъ и ударилась о металлическій бортъ кровати. Прижавъ ладони къ ушибленной щекѣ, уродецъ принялся громко стонать, жалобно посматривая на императора. Но, едва замѣтивъ пристальный, зловѣщій взглядъ и крѣпко сжатыя губы цезаря, Антоній замолчалъ. Онъ отнялъ руки отъ лица и низко опустилъ голову. Теперь ему стало ясно, отчего владыка Рима страдалъ безсонницей. Этотъ взглядъ, это невольное движеніе служили яснымъ доказательствомъ того, что городскіе пересуды дошли до слуха Домиціана.

Страшное сомнѣніе въ вѣрности Домиціи лишало императора сна, заставляя его искать утѣшенія въ обществѣ уродца-шута. Злорадный карликъ нашелъ вѣрное средство отмстить своему государю за ночное безпокойство. Когда Домиціанъ съ трудомъ поднялся на ноги и сталъ прохаживаться взадъ и впередъ медленнымъ, неровнымъ шагомъ, Антоній растянулся на коврѣ.

Digitized by Google

— Ты разгнѣвался на меня, государь? спросилъ онъ, немного струсивъ передъ гнѣвомъ повелителя.

— Кто позволилъ тебѣ говорить о Домиціи? спросилъ императоръ, судорожно схвативъ рукою занавѣсь надъ своей постелью.

Карликъ лукаво захихикалъ.

— Говорить о Домиціи! Ну, государь, тебѣ было бы немало хлопотъ, еслибы ты приказалъ молчать о ней всѣмъ посѣтителямъ римскихъ кабачковъ. Согласись самъ, что тайны очень легко становятся общимъ достояніемъ.

Домиціанъ, стоявшій у канделябра, почти со страхомъ взглянулъ на карлика, между тѣмъ какъ Антоній валялся по ковру, какъ обезьяна, строя отвратительныя гримасы.

— Общимъ достояніемъ? повторилъ императоръ почти беззвучнымъ, прерывающимся голосомъ.—Что ты хотѣлъ этимъ сказать?.. Я думалъ...

— Видишь ли, государь, отвѣчалъ шутъ, прикидываясь растроганнымъ:—мнѣ больно говорить о такихъ вещахъ, но я никогда не боялся высказывать правду сильному, недаромъ ты назвалъ меня истиннымъ другомъ... Карликъ запнулся и, качаясь на коврѣ туда и сюда въ сидячемъ положеніи, неожиданно добавилъ:—развѣ ты не говорилъ этого?

Домиціанъ кивнулъ головой.

— Ну, продолжалъ уродецъ, ядовито отчеканивая каждое слово:—въ такомъ случаѣ я готовъ оказать тебѣ хотя горькую, но, тѣмъ не менѣе, важную услугу. Говоря откровенно, упоминать *одно* имя и намекать на *одно* постыдное дѣло также опасно, какъ быть виновнымъ самому. Но я знаю, что ты готовъ ко всему, что я не сообщу тебѣ ничего новаго. Тебѣ извѣстно также хорошо, какъ и мнѣ, какъ цѣлому городу, какъ...

У Антонія сорвался голосъ отъ радостнаго волненія.

— Что? съ горечью крикнулъ императоръ, мучимый страшнымъ подозрѣніемъ. - Что же мнѣ извѣстно? прибавилъ онъ вслѣдъ затѣмъ, опомнившись и понижая голосъ.

Карликъ подползъ къ его къ ногамъ, началъ ихъ гладить ладонью и спросилъ съ таинственнымъ видомъ:

— Ты знаешь танцора Париса, которому римскія матроны такъ охотно дарятъ свои взгляды и улыбки? Этотъ плясунъ такъ строенъ и красивъ, что даже одна высокопоставленная особа охотно любуется имъ...

Грудь Домиціана судорожно поднималась, но онъ сдержалъ свое волненіе и съ притворнымъ равнодушіемъ попросилъ шута разсказать что нибудъ о молодомъ актерѣ.

Digitized by Google

— Во-первыхъ, это тотъ самый артистъ, которому Марціалъ посвятилъ эпиграмму, извѣстную цѣлому городу, сказалъ Антоній.

Затѣмъ послѣдовало описаніе красоты Париса, причемъ карликъ со вздохомъ противопоставилъ ей собственное безобразіе, мѣшающее ему нравиться государынѣ. Любимецъ императора похвалилъ ловкость танцора, представилъ его пріятную манеру говорить, коснулся многочисленныхъ любовныхъ интригъ увлекательнаго юноши и намекнулъ, что ни одно женское сердце не можетъ устоять противъ его очарованія, когда онъ исполняетъ женскія роли. Жена одного римскаго сановника, по слухамъ, разорилась въ угоду Парису, другая исчахла отъ страстной любви, а нѣкоторыя влюбленныя прямо лишили себя жизни.—Говорятъ даже, прибавилъ въ заключеніе разсказчикъ:—что одна очень, очень важная особа заинтересована имъ, но не будемъ толковать о томъ, мой добрый государь; неосторожное слово какъ-то нечаянно сорвалось у меня съ языка!

Слушая карлика, Домиціанъ задумчиво нахмурилъ брови и подошелъ къ окну; въ эту минуту у дверей появился караульный воинъ, который доложилъ императору, что Парисъ ожидаетъ въ атріумѣ его дальнѣйшихъ распоряженій.

Антоній вскрикнулъ отъ неожиданности. Артеріи на лбу Домиціана раздулись, лицо побагровѣло, однако онъ сохранилъ наружное хладнокровіе и спокойно потребовалъ къ себѣ центуріона Силія, распорядившись, сверхъ того, чтобы стража стояла наготовѣ.

Императоръ, не говоря ни слова, такъ долго смотрѣлъ въ упоръ на стоявшаго передъ нимъ въ смиренной позѣ начальника отряда, что тому стало наконецъ не по себѣ; увидавъ замѣшательство бѣднаго воина, Домиціанъ произнесъ:

— Могу ли я на тебя положиться?

— Я солдатъ римской имперіи! съ гордостью отвѣчалъ Силій.

— Прекрасно, возразилъ императоръ.

Онъ прошелся по спальнѣ и, остановившись противъ центуріона, сказалъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ:

— Спрячься здѣсь, въ сосѣдней комнатѣ! Если я отпущу Париса со словами: „Я доволенъ тобою!“ то отведи его немедленно въ клѣтку львовъ, назначенныхъ для представленія въ циркѣ, понимаешь?

Императоръ запнулся, но, замѣтивъ полное безстрастіе въ лицѣ Силія, прибавилъ, стараясь сохранить царственное величіе въ осанкѣ:

Digitized by Google

— До меня дошли слухи, что этотъ актеръ бунтуетъ народъ, подстрекая римлянъ къ возстанію.

Центуріонъ по прежнему молчалъ. Это какъ будто смутило Домиціана, который нерѣшительно замѣтилъ:

— Если же я скажу, отпуская Париса: „берегись въ другой разъ возбуждать гнѣвъ твоего государя", это будетъ означать помилованіе, и ты отведешь арестанта въ его жилище.

— Хорошо, великій государь, отвѣчалъ сотникъ:—но въ первомъ случаѣ плѣннаго слѣдуетъ отвести въ circus maximus или въ какой нибудь другой?

— Это безразлично; исполни въ точности мой приказъ! крикнулъ императоръ Силію, послѣ чего велѣлъ другому воину ввести Париса въ спальню.

Оставшись наединѣ съ Антоніемъ, Домиціанъ неподвижно прислонился къ нишѣ окна и, слегка наклонивъ голову, пожиралъ глазами занавѣсь на дверяхъ, откуда съ минуты на минуту могъ появиться ненавистный соперникъ.

Шуту страстно хотѣлось разспросить императора о многомъ, но неподвижныя черты повелителя и мрачный взглядъ исподлобья внушали карлику невольный страхъ. Однако онъ все таки съ любопытствомъ ожидалъ прихода Париса, какъ будто дѣло шло объ интересномъ представленіи на аренѣ цирка, гдѣ передъ зрителями является беззащитный заяцъ, который не чувствуетъ, что къ нему неслышной поступью подкрадывается тигръ.

Недовѣрчивый, суровый Домиціанъ, послѣ Антонія, служившаго ему игрушкой, дорожилъ еще только однимъ существомъ въ цѣломъ мірѣ. То была его жена Домиція. Цезарь любилъ ее искренно, съ упорнымъ постоянствомъ человѣка, сознающаго, что онъ не могъ внушать благороднымъ людямъ ничего, кромѣ презрѣнія, и ничего, кромѣ страха, болѣе трусливымъ натурамъ. Въ противоположность другимъ деспотамъ, которые дѣлаютъ зло безсознательно, инстинктивно, этотъ проницательный правитель всегда отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ какъ легкомысленные тираны слѣдуютъ своимъ дурнымъ наклонностямъ совершенно слѣпо и, такъ сказать, въ простотѣ души, Домиціанъ зрѣло обдумывалъ каждый шагъ, когда ему приходилось выбирать между добромъ и зломъ, и если капризъ или ожесточеніе наталкивали его на убійство, онъ долго мучился потомъ упреками совѣсти и становился все недовѣрчивѣе и скрытнѣе. Это недовѣріе, свойственное малодушнымъ злодѣямъ только въ слабой степени, именно и было причиной того, что Домиціанъ упорно искалъ уединенія, чуждаясь человѣческаго общества. Но

Digitized by Google

постоянное одиночество было ему въ тягость, и, по необъяснимому противорѣчію своей натуры, онъ всю свою жизнь настойчиво стремился окружить себя преданными людьми.

Если кто нибудь изъ приближенныхъ казался ему болѣе надежнымъ человѣкомъ, Домиціанъ начиналъ осыпàть новаго любимца милостями. Но стоило императору замѣтить въ этой личности малѣйшую непріятную черту, какъ недавній избранникъ попадалъ въ жестокую опалу, а подозрительность монарха возрастала еще больше. Уродца Антонія Домиціанъ ставилъ не многимъ выше безсловеснаго животнаго и потому не приписывалъ ему никакихъ злонамѣренныхъ плановъ. Кромѣ этого шута, какъ мы сказали уже, онъ дорожилъ еще одной Домиціей, съумѣвшей надолго подчинить себѣ сердце суроваго властелина. Плѣнившись ея красотой на представленіи въ циркѣ, Домиціанъ отнялъ молодую женщину у законнаго мужа, Элія Ламіи, и такимъ образомъ она сдѣлалась императрицей Рима. Императоръ ревниво оберегалъ Домицію отъ соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, какъ драгоцѣнное произведеніе искусства, которое опасно подвергать дѣйствію солнца и вѣтра. По его мнѣнію, жена должна была любить этотъ затворническій образъ жизни и довольствоваться обществомъ своего царственнаго супруга. Между тѣмъ, подъ внѣшнимъ равнодушіемъ Домиціи скрывалась необузданная, пылкая натура; она не могла примириться съ неволей въ золотой клѣткѣ. Одинокія упражненія императора въ метаніи диска, въ гимнастикѣ и охота за мухами вскорѣ сдѣлались для нея невыносимыми, хотя молодая женщина сначала потворствовала всѣмъ прихотямъ Домиціана и только понемногу начала обнаруживать свое пристрастіе къ удовольствіямъ. Цезарь пошелъ на уступки, позволивъ женѣ изрѣдка посѣщать театръ, но при этомъ онъ подсылалъ шпіоновъ, которые вскорѣ стали порицать поведеніе императрицы. Смертельно оскорбленный, мучимый ревностью, Домиціанъ рѣшился слѣдить за любимой женщиной, бывая вмѣстѣ съ нею въ театрѣ въ тѣ дни, когда на сценѣ танцовалъ Парисъ. Скрытный по природѣ, императоръ легко угадывалъ чужія хитрости, и его было невозможно провести. Онъ тотчасъ замѣтилъ, что Домиція вспыхивала румянцемъ при одномъ появленіи молодаго актера. Но съ этой минуты цезарь началъ жестоко страдать, по привычкѣ скрывая сердечныя муки; юношеская мечтательность страннымъ образомъ уживалась въ его суровой душѣ съ жесткимъ скептицизмомъ. Единственное существо, которымъ дорожилъ Домиціанъ, къ которому онъ опрометчиво привязался, не отвѣчало ему взаимностью, и униженный деспотъ упрекалъ самъ себя за не-

Digitized by Google

достойную страсть ъ вѣроломной женѣ. Но, между тѣмъ, это чувство оказалось гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ думалъ; ему было трудно побороть любовь къ Домиціи,—любовь, заслонявшую собою всѣ политическіе планы и холодные разсчеты, внушенные властолюбіемъ. Гордость неограниченнаго владыки жестоко возмущалась тѣмъ, что здѣсь онъ совершенно безсиленъ отвратить неизбѣжное. Сердце не терпитъ насилія, а вынужденное повиновеніе не можетъ внушить ничего, кромѣ ненависти. Вотъ почему императоръ вздумалъ вернуть себѣ расположеніе Домиціи не суровостью, а снисхожденіемъ, и съ этою цѣлью рѣшился хорошенько узнать соперника, пожалуй, даже приблизить его къ себѣ. Не откладывая исполненія своего плана, императоръ въ ту же ночь послалъ за Парисомъ, хотя ожидаемое свиданіе заставляло глубоко страдать обманутаго мужа. Онъ жаждалъ увидѣть этого юношу, изучить тайну его очарованія, позаимствоваться у него умѣньемъ плѣнять женскія сердца. При этомъ Домиціана поддерживала мысль, что жена еще не измѣнила ему на дѣлѣ, и потому онъ не имѣлъ повода къ гнѣву и мщенію.

Заслышавъ въ галлереѣ приближающіеся шаги, взволнованный императоръ почувствовалъ необыкновенное замѣшательство, сильно уязвившее его врожденную гордость и высокомѣріе. Онъ самъ не зналъ, съ чего начать разговоръ съ Парисомъ, что̀ слѣдуетъ вывѣдать отъ молодаго актера. Какъ далеко могутъ идти эти разспросы, не унижая царскаго достоинства, какъ отнесется къ нимъ Парисъ, что̀ онъ подумаетъ о странной прихоти императора потребовать его во̀ дворецъ въ глухую ночь? Не было ли глупостью позвать его сюда? Но сдѣланнаго не поправишь, и теперь Домиціану предстоитъ унизить себя передъ жалкимъ плясуномъ. Когда шаги приближающихся людей стали слышны въ сосѣдней комнатѣ, цезарю такъ сильно ударила въ голову кровь, что у него потемнѣло въ глазахъ; а когда изъ-за складокъ дверной занавѣси выступила граціозная фигура Париса, несчастный Домиціанъ подумалъ, что онъ самъ, со своимъ расплывшимся корпусомъ и плѣшивой головой, играетъ здѣсь роль подсудимаго передъ лицомъ обворожительнаго Адониса. Лучъ благоволенія Домиціи коснулся этого юноши, возвысивъ его и сдѣлавъ неприкосновеннымъ въ глазахъ императора. Парисъ, не смотря на свою тревогу, старался держать себя непринужденно; онъ принялъ изящную позу, осмотрѣлся вокругъ, и такъ какъ Домиціанъ молчалъ, то актеръ замѣтилъ, что онъ явился на зовъ государя. Его слова отзывались благородною сдержанностью; въ нихъ не было ни гнѣва, ни самоуничиженія. Однако Парисъ не могъ придумать ничего луч-

Digitized by Google

шаго, чтобы еще болѣе усилить неловкое положеніе противника Странно было видѣть краску замѣшательства на лицѣ человѣка, привыкшаго спокойно отдавать самыя безчеловѣчныя приказанія. Соперникъ Домиціана, по свойственной ему чуткости, тотчасъ отгадалъ душевную борьбу владыки Рима; онъ скромно опустилъ голову, зардѣвшись въ свою очередь яркимъ румянцемъ.

Цезарю стало ясно, что Парисъ щадитъ его, и, оскорбленный такимъ снисхожденіемъ, онъ рѣшился показать врагу, какая неизмѣримая бездна отдѣляетъ наемнаго плясуна отъ вѣнценосца. Домиціанъ опустился на свое ложе и сказалъ, презрительно улыбаясь:

— У меня безсонница—пляши!

— Что такое, великій государь? спросилъ Парисъ, встрепенувшись.

— Позабавь меня, мнѣ скучно—пляши! грубо отвѣтилъ императоръ, между тѣмъ какъ шутъ, наблюдавшій съ хихиканьемъ эту сцену, злорадно прищелкнулъ пальцами, что̀ вызвало однако неодобрительный взглядъ со стороны Домиціана.

— Танцовать? въ такую пору? возразилъ задѣтый за живое артистъ, не вѣря своимъ ушамъ.

Наступило молчаніе. Императоръ въ раздумьѣ смотрѣлъ себѣ подъ ноги, но потомъ, какъ будто очнувшись, устремилъ сверкающій взглядъ на соперника.

— Почему же и нѣтъ? ледянымъ тономъ спросилъ онъ.—Мнѣ часто хвалили твое искусство, но я не имѣлъ еще случая полюбоваться имъ вблизи. Какъ тебѣ извѣстно, я близорукъ и не могу хорошенько слѣдить за театральнымъ представленіемъ. Можетъ быть, мы сдѣлаемся друзьями, если ты мнѣ угодишь. Танцуй же! предоставляю тебѣ выбрать какой угодно танецъ: для меня это безразлично.

Парисъ, неожиданно низведенный на степень раба, тяжело почувствовалъ, сколько было унизительнаго въ положеніи актера. Онъ поднялъ зардѣвшееся лицо, и его губы сжались съ выраженіемъ горечи.

— Ты шутишь, повелитель, замѣтилъ юноша тихимъ, сдавленнымъ голосомъ:—тебѣ хочется посмѣяться надо мною!

Домиціанъ непринужденно расположился на подушкахъ своего пышнаго ложа, какъ бы готовясь къ ожидаемому зрѣлищу.

— Шучу? возразилъ онъ, тонко улыбнувшись и наслаждаясь униженіемъ своей жертвы.—А еслибы я даже шутилъ, что̀ тебѣ до этого? Но я не шучу! Мнѣ хочется изучить по твоимъ движеніямъ искусство нравиться женщинамъ. Говорятъ, будто бы ты

Digitized by Google

сдѣлалъ рогоносцами всѣхъ римскихъ мужей. Покажи мнѣ свой талантъ съ самой выгодной стороны, исполни въ танцахъ женскую роль.

Послѣднія слова, произнесенныя съ особенной небрежностью, поразили Париса, какъ ударъ ножа.

Судорожно держась за спинку стула, молодой человѣкъ стоялъ совершенно уничтоженный, и его поблѣднѣвшія губы дрожали.

Хотя онъ привыкъ танцовать передъ народомъ, и рукоплесканія зрителей были ему пріятны, однако профессія танцора отчасти оскорбляла его гордость. Нерѣдко, послѣ особенно шумныхъ овацій, Парисъ возвращался домой съ унынiемъ въ душѣ, начиналъ тосковать, слезы раскаянія и стыда выступали у него на глазахъ, и самымъ близкимъ друзьямъ не удавалось разогнать овладѣвавшей имъ мрачной меланхоліи. Надменный тонъ царскаго приказанія заставилъ юношу опомниться.

— Я не стану танцовать! произнесъ онъ глухимъ голосомъ, рѣшительно тряхнувъ головою.

Домиціанъ въ изумленіи вскочилъ съ кровати и долго смотрѣлъ на смертельно блѣднаго артиста.

— Ты не хочешь повиноваться? спросилъ сквозь зубы императоръ. Теперь онъ говорилъ тихо, безъ гнѣва, уставившись глазами въ полъ. Парисъ, готовый ко всему, неподвижно стоялъ, опустивъ голову и думая, что настала его послѣдняя минута. Но, не смотря на страхъ, наполнявшій его душу, упорство юноши не поколебалось ни на минуту. Чтобы не потерять бодрости, онъ старался разсѣяться, прислушиваясь къ треску пламени, къ шелесту тяжелыхъ занавѣсокъ. Его взглядъ упалъ при этомъ на хихикающаго карлика, но актеръ отвернулся отъ уродца, переведя глаза на открытое окно, откуда виднѣлось звѣздное небо. Тамъ, за стѣнами дворца, была желанная свобода, тишина и покой! Парису страстно захотѣлось вырваться на просторъ, и онъ пожалѣлъ, что у него нѣтъ крыльевъ.

Послѣ продолжительной паузы, императоръ позвалъ раба, которому велѣлъ поправить пламя канделябра, а самъ перешелъ съ постели въ кресло. Невольникъ удалился. Домиціанъ впалъ въ задумчивость, какъ будто совершенно забывъ о присутствіи танцора. Наконецъ онъ съ разстановкой произнесъ:

— Ты слишкомъ гордъ, Парисъ.

Актеръ, успѣвшій понемногу оправиться, былъ удивленъ милостивымъ тономъ повелителя и съ облегченіемъ вздохнулъ.

— Великій государь, что будетъ съ человѣкомъ, если отнять

Digitized by Google

у него самоуваженіе? Вѣдь онъ тогда уподобится животному! замѣтилъ танцоръ.

Домиціанъ кивнулъ головой. Рѣчь артиста внушала ему невольное почтеніе. Императоръ понималъ, что здѣсь онъ имѣетъ дѣло не съ презрѣннымъ плясуномъ и комедіантомъ, но съ человѣкомъ, который вполнѣ сознаётъ свое достоинство и не позволитъ запугать себя угрозами. Это соединеніе почтительности и непоколебимой твердости импонировало суровому, нелюдимому монарху.

— Я не сержусь на твой отказъ, спокойно замѣтилъ Домиціанъ, сохраняя въ лицѣ какое-то мечтательное выраженіе:—не могу не сознаться, что мнѣ нравится въ тебѣ извѣстная стойкость. Ремесло плясуна презрѣнно, но самъ ты, повидимому, человѣкъ честный.

Послѣ этого цезарь всталъ и вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ прятался центуріонъ. Въ головѣ императора созрѣлъ новый планъ.

— Силій! прошепталъ онъ.

Начальникъ стражи тихо приблизился къ императору.

— Надѣюсь, что ты не проболтаешься? не безъ тревоги замѣтилъ тотъ.

Центуріонъ приложилъ руку къ сердцу и хотѣлъ поклясться въ своемъ молчаніи, но Домиціанъ перебилъ его.

— Ступай въ лѣвый флигель дворца и прикажи немедленно разбудить Домицію, сказалъ онъ едва слышно, наклоняясь къ уху удивленнаго Силія.—Никакихъ объясненій! Императрица должна немедленно прійти ко мнѣ.

Начальникъ стражи торопливо ушелъ, а Домиціанъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вслѣдъ за нимъ. Между тѣмъ, пользуясь отсутствіемъ императора, карликъ Антоній старался завязать бесѣду съ Парисомъ. Неожиданно выведенный изъ своей задумчивости, молодой актеръ почти со страхомъ взглянулъ на уродца, который приползъ къ нему и началъ шептать о чемъ-то; но юноша не слушалъ карлика, отвѣчая на его слова только разсѣяннымъ наклоненіемъ головы.

При входѣ Домиціана, Антоній отошелъ прочь, между тѣмъ какъ Парисъ раздумывалъ о томъ: что могло означать перешептыванье въ сосѣдней комнатѣ. „Желаетъ ли императоръ мнѣ добра, или ненавидитъ меня? размышлялъ актеръ.—Объяснитъ ли онъ наконецъ, зачѣмъ посылалъ за мною въ полночь?“

Предугадывая заранѣе, какой оборотъ приметъ теперь странный разговоръ между нимъ и Домиціаномъ, юноша рѣшился да-

Digitized by Google

вать уклончивые отвѣты и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ разспросовъ, слѣдилъ за неповоротливой фигурой цезаря, ходившаго по комнатѣ, заложивъ за спину руки.

— Скажи мнѣ откровенно, правда ли, что ты такъ опасенъ женщинамъ? началъ императоръ, стараясь придать беззаботный тонъ своей рѣчи.

„Наконецъ-то!“ подумалъ Парисъ, приготовляясь къ отпору.

— Я полагаю, великій государь, возразилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ:—что, напротивъ, женщины опасны для меня...

Домиціанъ взглянулъ на него вскользь и провелъ рукой по своему обнаженному, черепу.

— Клянусь Юпитеромъ, твой отвѣтъ какъ нельзя болѣе удаченъ! со смѣхомъ сказалъ императоръ.—Но скажи мнѣ, по скольку любовныхъ интригъ завязывается у тебя каждый мѣсяцъ?

Парисъ, отгадывавшій, подъ прикрытіемъ юмора, настоящія чувства противника, задумался.

— Государь, отвѣчалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы, невольно уступая порыву тщеславія:—еслибы мнѣ отвѣчать на всѣ любезности со стороны женскаго пола, то у меня не хватило бы ни времени, ни силъ: вѣдь я не божество, а слабый смертный; но, кромѣ того, знай, что я не только презираю женщинъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и боюсь ихъ.

— Однако онѣ всѣ сходятъ по тебѣ съ ума! перебилъ императоръ.—Зачѣмъ же тебѣ ихъ бояться?

— О, великій государь, отвѣчалъ Парисъ, стараясь сохранить свою непринужденность:—благоразуміе часто перевѣшиваетъ любовь. Артисты—не герои; оружіемъ служатъ намъ: слово, музыкальный звукъ, кисть, рѣзецъ, но мы не привыкли носить меча и, если захотимъ наслаждаться любовью, то избѣгаемъ опасности, тогда какъ для другихъ, болѣе воинственныхъ людей, опасность играетъ роль лучшей приправы къ любовнымъ похожденіямъ. Но художники избѣгаютъ излишнихъ безпокойствъ. Неужели ты полагаешь, что я рѣшился бы подвергнуться гнѣву всѣхъ тѣхъ мужей, жены которыхъ выказываютъ мнѣ вниманіе?

— Такъ тебѣ приходится иногда отклонять отъ себя лестныя предложенія? спросилъ Домиціанъ, сопровождая свои слова пронизывающимъ взглядомъ.

— Я не могу любить женщину, уже любимую другимъ мужчиной!

Домиціанъ понялъ намекъ Париса; онъ слегка покраснѣлъ, благосклонно любуясь изящной, гордой осанкой актера, такъ мало напоминавшей театральные подмостки.

Digitized by Google

— А что ты будешь дѣлать, если тебя полюбитъ чужая жена и станетъ добиваться твоей взаимности? тихо, почти робко спросилъ Домиціанъ, тяжело опускаясь на стулъ.

— Гораздо легче уклониться отъ любви женщины, чѣмъ отъ ненависти мужчины,—въ раздумьѣ отвѣчалъ танцоръ.

Въ первый разъ въ жизни Домиціанъ былъ въ недоразумѣніи, довѣрять ли, или не довѣрять слышаннымъ рѣчамъ; въ первый разъ онъ видѣлъ передъ собой человѣка, говорившаго такъ откровенно, что ему невольно хотѣлось вѣрить.

— На твоемъ мѣстѣ я постоянно руководствовался бы этимъ меткимъ изрѣченіемъ,—серьезнымъ, но ласковымъ тономъ замѣтилъ императоръ.—Мнѣ самому было бы жаль, еслибы ты сдѣлался жертвою обманутаго мужа. Избѣгай сластолюбивыхъ римскихъ матронъ! Наемный убійца за два динарія можетъ зарѣзать тебя изъ-за угла. Улыбка женщины оплачивается иногда цѣною жизни.

Парисъ хорошо понялъ скрытый смыслъ этихъ словъ.

— Но и мужья въ свою очередь, отвѣчалъ онъ:—должны способствовать охраненію своей чести.

— Понимаю, пробормоталъ Домиціанъ:—значитъ, въ Римѣ есть неблагоразумные супруги, которые не хотятъ оказать тебѣ поддержки въ твоихъ благородныхъ стремленіяхъ?

— Гнѣвъ отвергнутой женщины также опасенъ... прошепталъ актеръ, какъ будто про себя, полузакрывая вздрагивающія вѣки.

Недовѣрчивая душа Домиціана смягчилась, онъ вздохнулъ свободнѣе; тяжелый камень скатился съ его сердца: ему стало ясно, что Домиція не нарушала супружескаго долга ради любви къ Парису. Никто не осмѣливался оспаривать у императора обладанія любимой женщиной, она безраздѣльно принадлежала только своему царственному любовнику! Человѣкъ, подозрѣваемый Домиціаномъ въ вѣроломствѣ, былъ далекъ отъ преступныхъ замысловъ. Это сознаніе на минуту преобразило владыку Рима. Человѣчество показалось ему вдругъ менѣе ненавистнымъ; еслибы онъ могъ найти хотя одну неподкупную душу, то охотно приблизилъ бы такого подданнаго къ своему трону, чтобы замкнуться въ тѣсномъ общеніи съ преданнымъ существомъ, презирая всѣхъ остальныхъ.

Подъ вліяніемъ такого благопріятнаго момента, императоръ подошелъ къ юношѣ и взялъ его за руку, говоря:

— Твои правила мнѣ нравятся. Еслибы ты могъ заглянуть въ мое сердце, то убѣдился бы, что я начинаю чувствовать къ тебѣ довѣріе.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ, инстинктивно отнимая свою руку;

Digitized by Google

подъ мнимый благосклонностью цезаря ему почудилось скрытое вѣроломство. Испуганная мина Париса дала понять Домиціану, какъ мало цѣнитъ юноша милостивую привѣтливость своего монарха. Императоръ съ неудовольствіемъ отошелъ прочь. Актеръ пролепеталъ нѣсколько словъ благодарности, раздумывая про себя, была ли его гибель дѣломъ рѣшеннымъ, или онъ могъ на этотъ разъ повѣрить благосклонности человѣка, изумлявшаго всѣхъ загадочностью своего характера. Между тѣмъ Домиціанъ, разгнѣванный тѣмъ, что онъ такъ поспѣшно высказался и что его великодушный порывъ былъ встрѣченъ недовѣріемъ, погрузился въ молчаніе. Ядовитыя сомнѣнія снова закрались ему въ душу. Если Парисъ былъ невиновенъ, то Домиція могла питать къ нему преступную любовь. Для Домиціана было плохимъ утѣшеніемъ, что красивый танцоръ отвергалъ пылкое чувство царицы, страсть которой, пожалуй, еще сильнѣе разжигалась препятствіями. О, въ такомъ случаѣ владыка Рима былъ жалкимъ нищимъ въ сравненіи съ плѣнительнымъ юношей, добровольно отталкивающимъ отъ себя то, чего напрасно жаждалъ несчастный Домиціанъ!

Императоръ бросилъ озлобленный взглядъ на Париса, въ его душѣ клокотала ненависть, въ глазахъ разстилался туманъ. „Смерть сопернику!“ нашептывалъ внутренній голосъ. Повелителю мерещилось почему-то, что въ его ушахъ отдаются слова коварнаго Антонія; но карликъ храпѣлъ на львиной шкурѣ, запрокинувъ свою безобразную голову. „Зачѣмъ щадить противника, когда онъ самъ отталкиваетъ меня? Стереть его съ лица земли—лучшее средство сохранить любовь жены“, продолжалъ размышлять Домиціанъ.—„Когда она не будетъ больше видѣть передъ собою этой прелестной фигуры, этихъ томныхъ глазъ, то ослѣпленная женщина излѣчится отъ своей страсти. Теперь еще не поздно; не поспѣшить ли исполненіемъ задуманнаго плана? Стоитъ подать условный сигналъ цейтуріону, и дѣло будетъ сдѣлано. Силій съумѣетъ исполнить царское приказаніе, и тогда императоръ сброситъ съ души тяжелый гнетъ“... Но могущественный властелинъ не могъ не сознаться, что ему было трудно устоять противъ прямодушія Париса, противъ очарованія этого нѣжнаго, фантастическаго образа, гдѣ подъ женоподобной внѣшностью скрывалась однако твердая воля мужчины. Домиціану казалось даже, что, рѣшаясь умертвить своего соперника, онъ посягалъ на что-то неприступное и священное.

Можетъ быть, въ немъ говорило невольное уваженіе передъ сознательной, гордой красотою артиста, которая обезоруживала ненависть деспота, умиляла его черствое сердце. Въ душѣ Домиціана происходила жестокая борьба: онъ внутренно восхищался

Digitized by Google

рѣдкими качествами юноши и, въ то же время, жаждалъ его крови. Парисъ страннымъ образомъ былъ ему и дорогъ, и ненавистенъ.

Эта нѣмая сцена между противниками продолжалась до появленія императрицы, вошедшей въ комнату легкой поступью, съ веселой улыбкой на свѣжемъ лицѣ. Молодая женщина приблизилась къ мужу, ласково прошептавъ ему привѣтствіе и протягивая руку, которую тотъ взялъ послѣ минутнаго колебанія. Домиція держала себя со свойственнымъ ей спокойнымъ достоинствомъ.

Стыдливо опустивъ рѣсницы, она съ притворнымъ замѣшательствомъ подставила императору для поцѣлуя свой бѣлый лобъ и удивленно вскинула глаза, когда Домиціанъ отстранилъ ее рукою. Только тутъ императрица замѣтила присутствіе посторонняго лица, стоявшаго въ тѣни. Едва уловимое подергиванье губъ обнаружило ея волненіе; она узнала черты Париса. Однако ловкая женщина не потерялась; спокойно и весело обратившись къ мужу, Домиція сдѣлала видъ, что она глубоко тронута его любезностью.

— Вотъ пріятная неожиданность, милый другъ!

Молодой актеръ, пораженный сначала ея приходомъ, также вскорѣ оправился; онъ понялъ, что ему разставлена ловушка, и рѣшилъ держать себя настороже. Съ этою цѣлью Парисъ началъ смотрѣть въ сторону, какъ будто все происходившее нисколько не касалось его.

Пока Домиція обнимала мужа, нашептывая слова любви, императоръ, опустивъ голову къ ней на грудь, наблюдалъ исподтишка за Парисомъ, стараясь подмѣтить въ немъ или въ женѣ проблескъ скрытаго гнѣва. Онъ жаждалъ и боялся такого открытія.

— Ты, конечно, вздумалъ развлечь меня, шептала императрица:—мой супругъ знаетъ, какъ я люблю танцовальное искусство!

Тутъ она притворно зѣвнула, замѣтивъ вскользь, что теперь ей было бы пріятнѣе спать, чѣмъ любоваться исполненіемъ плясокъ. Сознавая всю важность настоящаго момента, Домиція пускала въ ходъ всѣ средства, съ цѣлью усыпить ревнивую подозрительность мужа, и предложила ему отпустить танцора.

Парисъ также не скрывалъ своего неудовольствія подъ пристальнымъ взглядомъ врага, и когда императоръ въ нерѣшительности замолчалъ, юноша осмѣлился даже просить, чтобы его отпустили, потому что онъ смертельно усталъ.

Императоръ, видя, какъ ускользаетъ отъ него роковая тайна, обратился къ Домиціи.

— Попытай счастія, дорогая, сказалъ онъ по возможности непринужденнымъ тономъ:—страдая безсонницей, я позвалъ къ себѣ этого юношу, чтобы онъ развлекъ меня, но Парисъ отказывает-

Digitized by Google

ся танцовать; попроси его ты; можетъ быть, онъ скорѣе исполнитъ твое желаніе.

Молодой актеръ закусилъ губы, и когда Домиція, съ величественнымъ и благосклоннымъ видомъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ въ его сторону, онъ отступилъ назадъ, бросая на императора умоляющіе и недовольные взгляды. Дѣйствительно, видъ Домиціи, которая съ притворной робостью и вкрадчивой лаской просила Париса доставить ей удовольствіе своимъ искусствомъ, внушалъ артисту такое отвращеніе, что оно ясно читалось въ его чертахъ. Лицемѣрная привѣтливость императрицы, ея усилія казаться наивной дѣвочкой смѣшили и возмущали молодаго актера.

Императоръ, повидимому, безучастно наблюдавшій эту сцену, держался въ отдаленіи, у оконной ниши. Теперь у него не оставалось больше сомнѣній въ искренности Париса, между тѣмъ какъ поступки жены по прежнему казались ему подозрительными.

Такъ какъ танцоръ продолжалъ извиняться передъ Домиціей, отговариваясь утомленіемъ, то императоръ подошелъ наконецъ къ нимъ.

— Оставь его, милое дитя, сказалъ онъ женѣ:—я вижу, бѣдному юношѣ нуженъ отдыхъ.

Затѣмъ, обратившись къ Парису, Домиціанъ позволилъ ему удалиться.

Когда въ спальню вошли слуги, которымъ предстояло проводить актера, цезарь еще разъ обернулся къ нему и, поглядывая на дверь той комнаты, гдѣ скрывался центуріонъ, пробормоталъ вполголоса:

— Остерегайся навлечь на себя гнѣвъ своего государя!

Парисъ вышелъ, почтительно поклонившись. Императоръ хотѣлъ отпустить также и Домицію, но та пожелала остаться, осыпая мужа знаками вниманія.

Домиціанъ, сидя на постели, молча слушалъ ея болтовню, кивая только по временамъ головою, когда жена передавала ему городскія новости или совѣтовала развлечься любимыми занятіями: игрой въ шашки и стрѣльбой изъ лука. Наконецъ молодая женщина со смѣхомъ указала на храпѣвшаго Антонія.

— Не ущипнуть ли его за ухо? спросила она, улыбаясь.—Или лучше капнуть ему на носъ горячей смолой изъ свѣтильника? Ты увидишь, какую гримасу состроитъ этотъ уродъ!

Домиція дѣйствительно хотѣла исполнить свое жестокое намѣреніе и съ этою цѣлью наклонила тяжелый металлическій канделябръ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ храпѣлъ безобразный карликъ. Однако императоръ помѣшалъ безчеловѣчной выходкѣ.

Digitized by Google

— Клянусь всѣми богами, возразила она, смѣясь:—я выдумываю проказы, чтобы только развеселить тебя. Посмотри, что я теперь сдѣлаю!

Съ этими словами, вполнѣ сознавая чары своей красоты, императрица распустила волосы, которые разсыпались густыми волнами по ея плечамъ. Потомъ она дòкрасна накалила на огнѣ конецъ длинной шпильки и взяла ее въ зубы, такъ что лицо молодой женщины эффектно освѣтилось изнутри пурпурнымъ пламенемъ. Но недовольный Домиціанъ отвернулся въ сторону и велѣлъ ей прекратить свои шалости.

— Я хотѣла показаться передъ тобой въ видѣ финикійскаго кумира! оправдывалась красавица.

Видя, что ея хитрости не достигаютъ цѣли, она рѣшилась на послѣднее средство.

Утренняя заря занималась уже надъ колоссальнымъ городомъ, и ея блѣдный сѣровато-желтый отблескъ заигралъ на мозаикѣ мраморнаго пола въ спальнѣ императора. Тогда Домиція, прервавъ тягостное молчаніе, наступившее между супругами, схватила руку императора, порывисто прижала ее къ своей груди и, съ горечью прошептавъ: „прощай!“ поднялась съ мѣста, чтобы удалиться. Домиціанъ, удивленный волненіемъ жены, испуганно поднялъ глаза. Лицо молодой женщины выражало отчаянную рѣшимость.

— Что ты хочешь дѣлать? разсѣянно спросилъ мужъ.

Домиція, съ трудомъ подавляя свой гнѣвъ, торопливо закутала обнаженныя плечи покрываломъ изъ чернаго газа, склонила голову и прошептала притворно-печальнымъ тономъ:

— Если я наскучила моему супругу, то не хочу надоѣдать ему своимъ присутствіемъ.

Печальное выраженіе въ чертахъ все еще любимой женщины растрогало Домиціана; онъ пробормоталъ нѣсколько словъ въ извиненіе, но императрица меланхолически покачала головой, отвернулась въ сторону и воскликнула:

— Боги, чѣмъ я заслужила его недовѣріе!

Императоръ вздрогнулъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почувствовалъ облегченіе. Домиція первая произнесла роковое слово. Нахмуривъ покраснѣвшій лобъ и стараясь не смотрѣть ей въ глаза, Домиціанъ прошепталъ:

— А развѣ у меня нѣтъ причины сомнѣваться въ твоей искренности?

— Сомнѣваться—во мнѣ?! воскликнула молодая женщина.

Она подняла глаза къ небу, какъ бы призывая его въ свидѣ-

Digitized by Google

тели своей невиновности, а потомъ перевела ихъ на мужа. Этотъ взглядъ обезоружилъ его.

— Да, продолжалъ онъ уже несравненно мягче:—развѣ у меня нѣтъ причины не довѣрять?..

Домиція колебалась, не зная, слѣдуетъ ли ей заплакать, или засмѣяться, чтобы произвести желанное дѣйствіе на влюбленнаго. Наконецъ она рѣшилась, для бо̀льшаго успѣха, соединить одно съ другимъ. Съ видомъ оскорбленнаго достоинства, императрица выпрямилась, заломила руки и стояла нѣсколько секундъ, не говоря ни слова, точно душевное волненіе отняло у нея голосъ.

— Я давно догадывалась объ этомъ, начала она едва слышно, какъ будто пересиливая себя:—я чувствовала, когда мы сидѣли въ циркѣ, что мой супругъ наблюдаетъ за мною...

Здѣсь голосъ Домиціи началъ замѣтно дрожать.

— Однако я не говорила ничего, продолжала она:—я не смѣла оправдываться, изъ опасенія, чтобы мои слова не были перетолкованы въ дурную сторону...

Истерическіе вздохи, прервавшіе рѣчь царицы, предвѣщали близкія слезы.

— Такъ вотъ благодарность за то, что я покинула своего мужа, Ламію, что изъ любви къ императору я лишилась добраго имени, навлекла на себя вѣчный позоръ! Меня подозрѣваютъ въ преступной любви—и къ кому же?.. О, я догадываюсь обо всемъ!.. Въ любви къ плясуну на публичной аренѣ! Клевета осмѣливается соединять мое имя съ именемъ презрѣннаго актера!

Домиція зашаталась и, закрывъ руками лицо, судорожно рыдая, направилась къ дверямъ, въ надеждѣ, что императоръ схватитъ ее въ объятія и привлечетъ къ себѣ. Однако онъ благоразумно воздержался отъ этого, хотя ему было тяжело видѣть слезы жены, которая съумѣла отчасти обмануть его своимъ притворствомъ. Дѣйствительно, не смотря на глубокую ненависть къ Домиціану, ловкая женщина вполнѣ вошла въ свою роль, и сердце оскорбленнаго мужа смягчилось.

Каждый жестъ красавицы отличался такой утонченной граціей, былъ такъ вѣрно разсчитанъ; въ ея легкой походкѣ, въ голосѣ, въ манерѣ поднимать и опускать рѣсницы таилось столько опасныхъ чаръ, что она могла по своей прихоти играть людскими сердцами. Отпечатокъ поэзіи, которой было проникнуто все существо супруги Домиціана, облагораживалъ ея искусное лицемѣріе, тогда какъ въ другой, болѣе заурядной натурѣ оно дѣйствовало бы отталкивающимъ образомъ.

Digitized by Google

— Ты говоришь объ актерѣ? крикнулъ императоръ вслѣдъ уходящей женѣ.

— Да, отвѣчала она, не оборачиваясь и продолжая плакать.

— Актеры, особенно танцующіе, обыкновенно нравятся женщинамъ,—возразилъ Домиціанъ, не обращая вниманія на ея слезы.

— Это не правда! прервала царица, по прежнему отвернувшись отъ мужа.

— Вотъ какъ! произнесъ тотъ сквозь зубы:—но танцоры вообще народъ красивый. Этого ты, конечно, не станешь отрицать?

Домиція медленно повернулась и подошла къ цезарю. Ея лицо было озарено улыбкой, хотя въ душѣ клокотала буря ненависти.

— Что̀ значитъ красота въ сравненіи съ могуществомъ? прошептала молодая женщина задушевнымъ, ласковымъ тономъ.

Съ этими словами она погладила рукою обнаженный лобъ императора, желая наглядно показать, что ей пріятнѣе быть любимой некрасивымъ, но могущественнымъ человѣкомъ.

— Во всякомъ случаѣ, замѣтилъ Домиціанъ, надменно сжимая губы:—ты права, потому что сильный имѣетъ возможность парализовать эту красоту, стереть ее съ лица земли! прибавилъ онъ чуть слышно.

Выраженіе гнѣва и страха промелькнуло въ лицѣ Домиціи, однако она овладѣла собою.

— Красота! красота! прошептала императрица презрительнымъ тономъ, рѣшаясь, подъ вліяніемъ бѣшенства и испуга, какъ можно чувствительнѣе отомстить своему палачу.

Она быстро наклонилась и, какъ будто въ порывѣ глубокаго чувства, горячо поцѣловала голову мужа—въ самую плѣшь. Между тѣмъ Домиціанъ былъ особенно щекотливъ на этотъ счетъ. Малѣйшій намекъ на лысину выводилъ его изъ себя. Онъ понялъ, что ласка жены была глумленіемъ, но ничего не сказалъ. Между тѣмъ, подстрекаемая скрытымъ гнѣвомъ, Домиція дошла до дѣтской наивности.

— Ну, что̀ тебѣ за охота вѣчно толковать объ этомъ несчастномъ плясунѣ? лепетала она.—Не смѣй больше произносить его имени! Парисомъ можно любоваться на сценѣ; его живописныя позы, воздушные прыжки, пожалуй, очень искусны: онъ талантливый танцоръ и потому вызываетъ у публики аплодисменты, благосклонныя улыбки; но отъ нихъ до любви—слишкомъ далеко! Развѣ можно полюбить плясуна? Какая нелѣпая идея! Да я лучше увлеклась бы гладіаторомъ, который, по крайней мѣрѣ, рискуетъ своею жизнью на аренѣ цирка.

Присѣвъ на край постели, Домиція ласкалась къ мужу, увѣ

Digitized by Google

ряя его, что она вовсе не цѣнитъ наружной красоты. Императоръ, обольщенный дѣтски-наивными рѣчами, въ которыхъ однако сквозила аффектація, поддался наконецъ обаянію жены. Положивъ голову къ ней на грудь, онъ позволилъ красавицѣ проводить крошечной ручкой по своимъ морщинистымъ щекамъ. Едва только Домиціанъ съ шутливой серьезностью начиналъ говорить о своихъ немолодыхъ лѣтахъ, какъ императрица зажимала ему поцѣлуями ротъ, говоря, что онъ стыдитъ ее, какъ будто она какая нибудь греческая цвѣточница или плясунья, прельщающая собою посѣтителей цирка.

Императоръ, хотя ненадолго, но все таки поддался власти жены; ея тонкое кокетство отуманило ему голову, и Домиція пользовалась своимъ минутнымъ вліяніемъ. Пока императоръ говорилъ о своемъ одиночествѣ на римскомъ тронѣ, сравнивая себя съ гребцомъ, прикованнымъ къ сидѣнью въ лодкѣ, жена по временамъ перебивала его просьбой купить ей новое украшеніе, заказать носилки, привести новую невольницу, и Домиціанъ обѣщалъ исполнить всѣ ея прихоти. При этомъ взглядъ красавицы, обращенный къ окну, задумчиво блуждалъ по склонамъ холма, на которомъ развертывалась панорама исполинскаго города, пробуждавшагося подъ румяными лучами зари. Наконецъ императоръ задремалъ на груди Домиціи. Тогда ея губы полураскрылись, какъ будто она изнемогала подъ гнетомъ страданія, и на прекрасныхъ глазахъ, устремленныхъ въ окно, навернулись слезы. Царица была увѣрена, что ее никто не видитъ, а между тѣмъ Антоній, притворяясь спящимъ, исподтишка внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Домиціи.

Вдругъ императоръ прервалъ молчаніе. Повернувъ голову къ свѣту, онъ сказалъ небрежно-высокомѣрнымъ тономъ:

— Однако ты прекрасно съиграла свою роль!

— Роль?.. Какую роль?.. тревожно спросила Домиція, которой стало ясно, что ея ловкое лицемѣріе было разгадано.

— Неужели ты думаешь, что я настолько недальновиденъ, и готовъ повѣрить женскому лукавству? съ горькимъ смѣхомъ возразилъ цезарь.

— Но, милый другъ... начала Домиція.

— Нѣтъ, скажи, неужели ты считаешь меня такимъ глупцомъ? перебилъ мужъ.

— Дорогой Домиціанъ...

— Прошу тебя, замолчи! презрительно замѣтилъ тотъ.—Ты видишь, я отдаю справедливую дань твоему искусству притворяться. Вѣдь я не сержусь; ты отлично меня позабавила. Наконецъ это

Digitized by Google

рѣшительно все равно: искренни ли твои рѣчи, или нѣтъ. Ты прекрасна, и лицемѣріе, въ моихъ глазахъ, не отнимаетъ у тебя красоты.

Смущенная и обиженная, императрица начала приводить различные доводы, но мужъ сердито остановилъ ее.

— Не раздражай меня! съ гнѣвомъ воскликнулъ онъ.—Я не могу допустить, чтобы ты считала меня простоватымъ человѣкомъ, не умѣющимъ отличить добро отъ зла. Помни: я всѣхъ васъ вижу насквозь. Хорошо еще, что мнѣ нетрудно отмстить за ваши глумленія, что мнѣ ничего не стоитъ...

Домиціанъ хотѣлъ сказать: „ничего не стоитъ уничтожить моихъ враговъ". Однако онъ запнулся и не договорилъ, а только вздохнулъ и добавилъ вкрадчивымъ шопотомъ:

— Сколько въ тебѣ женственной прелести, Домиція! какіе роскошныя плечи, какой стройный станъ, какое очаровательное, невинное личико! Нѣтъ, съ моей стороны было бы несправедливо оскорбить тебя недовѣріемъ, не такъ ли? Такому прелестному созданію повѣрилъ бы даже богъ клеветы и обмана...

Отвратительный смѣхъ прервалъ эти слова; уничтоженная царица не знала, что сказать.

„Такова моя жизнь! И никакого исхода!" съ горечью думала она, между тѣмъ какъ Домиціанъ съ таинственной и мрачной улыбкой перебиралъ въ своихъ рукахъ ея тонкіе, нѣжные пальчики.

* * *

Нѣсколько часовъ спустя, карликъ Антоній пробрался въ спальню Домиціи, гдѣ долго сидѣлъ, притаившись за балдахиномъ кровати, пока не пришла царица. Услыхавъ ея рыданія, уродецъ вышелъ изъ своей засады. Молодая женщина лежала ничкомъ на подушкахъ, какъ будто стараясь ничего не видѣть вокругъ себя. Ея стройное тѣло вздрагивало отъ истерическаго плача. Замѣтивъ это, карликъ нарочно опрокинулъ небольшую скамеечку. Царица съ легкимъ крикомъ вскочила съ постели, испуганно смотря на непрошеннаго посѣтителя. Черезъ нѣсколько времени, Антоній ушелъ изъ спальни; разговоръ съ Домиціей привелъ его въ самое пріятное настроеніе.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

Сумашедшій.

Въ сіяньѣ утреннемъ ликующаго мая,
На тихомъ кладбищѣ, въ глуши, въ тѣни вѣтвей,
Я видѣлъ старика; ужь голова сѣдая
Была поникнута; слезящихся очей
Безумный, тусклый взоръ, озлобленно-угрюмый,
Вперилъ онъ предъ собой; но не безъ смысла,—нѣтъ!
Былъ неподвиженъ взоръ, но, словно съ чудной думой,
Какъ бы въ бреду, ловилъ скользившій въ чащѣ свѣтъ.
Такъ смотритъ мертвеца порою взоръ стеклянный,
И, мнится, будто бы онъ полонъ думой странной,
Загадочной для насъ... Но былъ старикъ—живой
И что-то бормоталъ, кивая головой.
Я сторожа спросилъ: кто это?—„Сумашедшій“...
Мнѣ тотъ сказалъ въ отвѣтъ;—„онъ тутъ зимой прошедшей
„Семью похоронилъ: дочь, сына и жену,
„И внучку малую; другъ за́ другомъ, ихъ вскорѣ
„Какая-то болѣзнь всѣхъ поразила; ну,—
„И ошалѣлъ старикъ!... Знать, сильно было горе...
„Онъ на могилкахъ ихъ совсѣмъ почти живетъ,
„Притащитъ хлѣба къ нимъ и водку тутъ же пьетъ,
„А самъ безъ умолку все говоритъ съ собою,
„То Богу молится, то дряхлою рукою
„Кому-то онъ грозитъ... Дѣтей по временамъ
„Зоветъ изъ-подъ земли... Охъ, надоѣлъ онъ намъ
„Съ тасканіемъ своимъ, безумiемъ и плáчемъ,
„Да скоро,—дастъ Господь,—и самого тутъ спрячемъ...“
Такъ сторожъ мнѣ сказалъ. Подслушать старика
Пришла охота мнѣ; онъ говорилъ съ собою
И на небо взглянулъ, кивнувши головою,
Гдѣ ярко вешнія сребрились облака.
—„Ну, что!?—кому-то онъ тамъ говорилъ ехидно,
Улыбкой злобною скрививъ беззубый ротъ,—

Digitized by Google

„Вѣдь вы насъ создали? Зачѣмъ же такъ обидно
„Вы свой же губите безъ времени народъ?
„И такъ вѣдь много мы прощаемъ небесамъ—
„Безъ спроса нашего невольное рожденье
„На этотъ глупый свѣтъ, мученія, а тамъ
„Безъ спроса нашего и смерть... Вѣдь наслажденье—
„Цѣль жизни... Для чего-жъ вы взяли всѣхъ дѣтей,
„Оставивши меня? Напрасно жду отвѣта!!
„Знать, не хотятъ на насъ потратить и рѣчей?
„Постой: поговорю ужь скоро я про это...
„Тамъ, при свиданіи“... Такъ лепеталъ старикъ,
Потомъ сталъ звать дѣтей, къ сырой землѣ приникъ.
Но тщетно отклика безумецъ ждалъ оттуда...
Лишь вѣтерокъ шепталъ съ могильною травой;
Да въ яркой зелени съ отливомъ изумруда
Дрожалъ среди цвѣтовъ лучъ солнца золотой...

Л. Пальминъ.

Digitized by Google

Исповѣдь ссыльнаго*).

(Изъ воспоминаній о Сибири).

I.

....Дождь неистово барабанилъ въ крошечныя оконца дрянной избушки, грубо и наспѣхъ срубленной изъ сыраго лѣса енисейской тайги. Не смотря на августъ мѣсяцъ, маленькая печурка, сложенная изъ плитняка и булыжниковъ, едва скрѣпленныхъ жирной глиной, ярко пылала, и тонкая труба изъ листоваго желѣза, тянувшаяся черезъ всю избушку, была мѣстами накалена до темновишневаго прозрачнаго цвѣта. Горячій сырой воздухъ крупными каплями осаждался на радужныхъ стеклахъ крошечныхъ окошницъ, и нагрѣтыя стѣны сочились прозрачными слезинками пахучей смолы. Въ избушкѣ было жарко, чадно и душно. У непривычнаго человѣка сразу разломило бы голову отъ боли, но обтерпѣвшіеся тайговые люди только поёживались и стаканъ за стаканомъ опорожняли пузатый самоваръ, который пыхтѣлъ, пищалъ и бурлилъ, вторя завываніямъ холоднаго вѣтра, потрясавшаго, временами, избушку до самаго основанія.

— Экъ развылся!—замѣтилъ одинъ изъ двухъ собесѣдниковъ, поправляя тяжелымъ ломомъ обуглившіяся головёшки.

— Надолго задулъ! сказалъ другой, срѣзывая нагорѣвшую свѣтильню съ тоненькой сальной свѣчки, которая представляла собою причудливый сталактитъ отъ массы отёку.—Не придется и заснуть, пожалуй.

— Гдѣ тутъ заснуть! Если за этой печуркой не присматривать, то, пожалуй, проснешься на томъ свѣтѣ.

---

*) Этотъ разсказъ принадлежитъ автору книги: „За Уралъ!“ и составляетъ невошедшій въ нее эпизодъ, имѣющій самостоятельный интересъ.

Ред.

Digitized by Google

— А если такъ, Андрей Николаевичъ, то отчего бы вамъ не исполнить давнишняго обѣщанія?

— Это про мою-то судьбу разсказать? Что же, если вы не соскучитесь,—пожалуй... Только начать мнѣ трудно. Чего добраго, размякну... три года ни съ кѣмъ о себѣ не говорилъ. Замкнулся. А теперь нагорѣло... Эхъ! хоть бы свѣту побольше, а то въ этомъ полумракѣ и мысли не работаютъ, думается какъ-то медленно.

— Этому горю можно помочь. У меня въ чемоданчикѣ всегда штукъ пять стеариновыхъ свѣчей положено. Я вамъ устрою иллюминацію,—и говорившій снялъ со скамьи длинный и плоскій чемоданчикъ, приспособленный къ большому сѣдлу, и, разстегнувъ ремни, досталъ изъ него свертокъ свѣчей и два, свинченныхъ коробочкой, плоскихъ томпаковыхъ подсвѣчника, тульской работы.

Избушка вдругъ освѣтилась. Пять толстыхъ каретныхъ свѣчей, вставленныхъ въ подсвѣчники и бутылки, образовали цѣлый канделябръ, и бѣлый мягкій свѣтъ озарилъ неприглядную обстановку. Большіе, блестящіе, черные тараканы замерли отъ изумленія на стѣнахъ и только тихо поводили длинными усиками, недоумѣвая, что это за непривычный свѣтъ залилъ всю избушку. Черная галка, съ красными, какъ кровь, носомъ и лапками, сидѣвшая на жердочкѣ у окна, вынула головку изъ-подъ крыла и громко застрекотала.

— Что, галочка? обратился къ ней хозяинъ избушки, котораго звали Андреемъ Николаевичемъ.—Ты такого свѣта еще не видала?

Только теперь можно было вполнѣ разсмотрѣть говорившаго. Это былъ маленькій, сутуловатый и обрюзглый человѣчекъ, съ мясистымъ, испещреннымъ мельчайшими морщинками, лицомъ. Его тусклые, подслѣповатые глаза уныло выглядывали изъ-за серебряныхъ тяжелыхъ очковъ. Небритая борода, жосткая и частая, какъ щетка, видимо отпущенная послѣ многолѣтняго и акуратнаго бритья, казалась приклеенной къ его круглому подбородку. Толстые усы и широкія брови, густо накрашенныя черной фаброй, отливали зеленоватымъ блескомъ дешевой косметики. Жидкіе волосы, обрамлявшіе круглую, какъ тонзура, лысину на головѣ, были какого-то неопредѣленнаго, грязновато-сѣраго оттѣнка, и мѣстами въ нихъ блестѣли серебристыя сѣдыя пряди. Небольшія пухлыя руки, съ миндалевидными плоскими ногтями, тоже выдавали, изъ-подъ копоти и грязи, когда-то тщательный уходъ и холу. Человѣчекъ ступалъ, какъ-то переваливаясь, какъ будто толстые сапоги, въ которые были обуты его ноги, стояли на ходу-

Digitized by Google

ляхъ. Что-то жалкое, безпомощное представляла собою его невзрачная фигурка.

— Что вы меня такъ разсматриваете? обернулся онъ къ своему собесѣднику.—А вотъ вы представьте себѣ, что эта самая фигура когда-то прельщала очень хорошенькихъ и апетитныхъ барышень! Трудно представить, а сущую правду говорю. Да! показать бы имъ теперь бывшаго Фоблаза! то-то бы открещиваться стали!

„Съ чего начать?... задумался человѣчекъ, меланхолично пуская кольца дыму и раскуривая сырую дешевую сигару, которую онъ досталъ изъ деревяннаго сундучка, замѣнявшаго и шкафъ, и комодъ.—Дѣтскіе годы мои расписывать вамъ не буду, а скажу о нихъ кратко: меня слѣдовало сѣчь раза по два въ недѣлю, а вмѣсто того меня хвалили и баловали такъ, что даже вспомнить противно. Матери я не зналъ, отецъ занимался нами мало, и всѣ мы,—шесть штукъ дѣтей,—находились въ полномъ распоряженіи тетушки... Я былъ шестой по счету и, въ то же время, единственный въ своемъ родѣ, такъ какъ остальныя были дѣвочки. Вы слыхивали о моемъ отцѣ: его блестящая карьера въ свое время надѣлала немало шуму. Не будь онъ убитъ—всѣ говорили, быть бы ему сіятельствомъ. Сказать вамъ, что я любилъ его, не рѣшусь. Теперь, анализируя безпощадно всю мою прошлую жизнь, я пришелъ къ такому заключенію, что я никогда и никого не любилъ, кромѣ своей собственной персоны, а умѣлъ лишь настраиваться на заданную тему. То настроюсь, бывало, на любовь, то на ненависть, то на разочарованіе или равнодушіе, и такъ хорошо настроюсь, что самъ себя надую. А понадобится измѣнить отношенія—я переходилъ отъ одного чувства къ другому и перевертывался ужасно легко. Точно перчатки перемѣню: были gris de perle,—смотришь: уже marron или чисто черныя. Нужно вамъ замѣтить, что отецъ видѣлъ во мнѣ продолженіе начатаго имъ новаго генеалогическаго дерева. Когда онъ овдовѣлъ, сестры мои страшно его тяготили, и онъ былъ радъ-радешенекъ сдать ихъ на руки тетушкѣ, старой, богатой и титулованной вдовѣ, сестрѣ его покойной жены, тоже обрадованной возможностью замѣнить нами надоѣвшихъ ей мосекъ и котовъ. Сестеръ моихъ тетка приняла на свое иждивеніе, а всѣ деньги, которыя присылалъ отецъ на наше содержаніе, она тратила исключительно на мои прихоти и фантазіи, и капризы мои росли съ каждымъ днемъ... Мнѣ было восемь лѣтъ, когда отецъ женился вторично. Тетушка радовалась, сознавая, что теперь мы, такъ сказать, закрѣпощены ей навѣки. Она написала отцу, что оставляетъ у себя всѣхъ дѣвочекъ и обя-

Digitized by Google

зуется дать имъ всѣмъ приданое, но лишь съ непремѣннымъ условіемъ и меня оставить на ея попеченіи. Цѣлый годъ прошелъ въ переговорахъ съ отцомъ, но когда родился мой братецъ, отъ его второй жены, онъ согласился. Не смотря на мой возрастъ,—мнѣ минуло восемь лѣтъ,—я, считавшій нужнымъ боготворить отца, счелъ необходимымъ его презирать, а моего новаго своднаго братца и мачиху глубоко ненавидѣть...

„Никогда не забуду перваго впечатлѣнія, которое произвела на меня моя мачиха. Хотя тетушка была и богатая, и титулованная, хотя она старалась поддерживать свѣтскія знакомства и связи съ mond'омъ, но и она, и ея обстановка, и всѣ ея старички показались мнѣ страшно вульгарными, когда я побывалъ у мачихи. Мачиха моя была не красавица и уже не первой молодости, но она обладала тѣмъ неоцѣненнымъ въ моихъ глазахъ качествомъ, которое дается немногимъ избраннымъ и бываетъ только прирожденнымъ. Французы называютъ это distinction innée. Это соединеніе изящества, граціи, такта, которое придаетъ каждому слову, каждому движенію какое-то чарующее обаяніе, подѣйствовало на меня, еще ребенка, неотразимо. Я не полюбилъ мою мачиху—нѣтъ! но прежде принятому рѣшенію, я все таки ее ненавидѣлъ, но тщательно скрылъ эту ненависть и старался ей понравиться; я даже поцѣловалъ моего своднаго братца. Вскорѣ отецъ мой былъ убитъ. Я втайнѣ надѣялся, что мачиха возьметъ меня къ себѣ, но этого не случилось. Она взяла мою сестру, младшую изъ пяти,—именно ту, которую я презиралъ и мучилъ болѣе остальныхъ. Затѣмъ всякія отношенія между нами, жившими у тетки въ провинціи, и моей мачихой, жившей въ столицѣ, прекратились. Изрѣдка, раза два-три въ годъ, мы обмѣнивались официальными посланіями.

„Прошло двѣнадцать лѣтъ. Съ грѣхомъ пополамъ, я кончилъ курсъ гимназіи и поступилъ въ нашъ провинціальный университетъ. Въ товарищеской средѣ я жилъ особнякомъ, уклоняясь отъ сближенія съ бѣдняками и, вообще, не любимый сверстниками. Друзей настоящихъ у меня не было вовсе. Хотя сближались со мною легко, но также легко и скоро отшатывались отъ меня, какъ бы инстинктивно чувствуя мою безсердечность и не довѣряя моимъ разглагольствованіямъ о святой истинѣ, о художественныхъ красотахъ поэзіи и искусствъ, о стремленіяхъ къ возвышеннымъ идеаламъ. Имъ претила моя способность съ паѳосомъ прочесть чисто лирическое произведеніе одного изъ поэтовъ, и немедленно записать въ мою приходо-расходную книжку:—„куплено помады и духовъ на 1 р. 20 к., дано Машѣ на шляпку 5 р; куплено

Digitized by Google

конфектъ на 80 к., истрачено на извѣстное употребленіе 20 р. и куплено томъ стихотвореній за 2 р. 20 к." Я же, напротивъ, гордился способностью соединять лиризмъ съ практичностью и изъ объятій какой нибудь обольщенной дѣвочки приходить на товарищескую бесѣду и громить развратъ. Думая только объ удовлетвореніи своихъ мелкихъ страстишекъ, своего непомѣрнаго самолюбія, я не допускалъ порицанія не только моихъ поступковъ, но даже мнѣній, считая себя исключительно одаренной натурой. Память у меня была хорошая, читалъ я хотя безъ разбору, но много, писалъ стихи довольно звучные и, ловко воруя чужія мысли и риѳмы у малоизвѣстныхъ поэтовъ, добился званія Аполлона нашего города. На второмъ курсѣ мнѣ удалось получить отпускъ отъ тетушки, которая, удовлетворяя всѣмъ моимъ прихотямъ, только въ одномъ проявляла несокрушимую волю и энергію. Она не отпускала меня отъ своей особы болѣе, какъ дня на два или на три, и если я, гостя у кого бы то ни было, просрочу, бывало, хоть одинъ день, я былъ увѣренъ, что тетушка явится за мною en personne. Отпускъ былъ мнѣ данъ на два мѣсяца, и я отправился прямо въ Петербургъ, разсчитывая, что мачиха предложитъ мнѣ погостить и введетъ въ тотъ избранный кружокъ, который собирался у нея и о которомъ говорили даже въ нашемъ провинціальномъ обществѣ. Увы! мои предчувствія меня обманули. Дѣло было лѣтомъ, и оказалось, что мачиха жила въ какомъ-то захолустьѣ, въ Финляндіи, и, кромѣ двухъ бѣдныхъ родственницъ моей сестрицы, братца и его гувернера, я никого не засталъ. Съ этого свиданія для меня началась новая эра. Я почувствовалъ приливъ, на этотъ разъ уже не дѣланной и не выдуманной, а настоящей ненависти къ моему сводному братцу. Ему было двѣнадцать лѣтъ, и онъ уже держалъ себя не мальчикомъ, а юношей. Серьезно веденный матерью и гувернеромъ-англичаниномъ, воспитаннымъ въ Парижѣ и кончившимъ образованіе въ одномъ изъ германскихъ университетовъ,—мой братецъ свободно говорилъ на трехъ языкахъ, ѣздилъ верхомъ и правилъ лошадьми, продѣлывалъ чуть не акробатическія штуки на гимнастическихъ столбахъ, плавалъ, какъ рыба, и даже ходилъ на охоту вмѣстѣ съ записными охотниками. При всѣхъ этихъ способностяхъ, онъ по временамъ былъ совершеннымъ ребенкомъ, и игралъ со своими сверстниками, отъ души раздѣляя ихъ веселость и пользуясь общимъ расположеніемъ. Онъ обожалъ свою мать, очень полюбилъ мою сестру и былъ въ самыхъ братски-дружескихъ отношеніяхъ со своимъ гувернеромъ, мистеромъ Гитосъ. Ко мнѣ онъ отнесся радушно, но безъ малѣйшей почти-

Digitized by Google

тельности, которую я считалъ себя вправѣ отъ него требовать. Его постоянное удивленіе моей неспособности къ какому бы то ни было спорту раздражало меня чуть не до бѣшенства.—„Да попробуй, братецъ, выстрѣлить:—это не отдаетъ!“—„Попробуй сѣсть на эту лошадь, на ней даже дѣвочки ѣздятъ.“—Всѣ эти и тому подобныя предложенія бѣсили меня и, какъ я ни старался владѣть собой, моя злоба не укрылась отъ мачихи. На третій день моего пріѣзда на дачу, была получена телеграмма, которой всѣ обрадовались. Братецъ мой влетѣлъ въ мою комнату, какъ вихрь. Я терпѣть не могъ, когда ко мнѣ входили безъ спросу, а въ особенности по утрамъ, когда я, по выраженію моихъ товарищей, занимался „собственнымъ культомъ“, т. е., попросту, прихорашивался. Скверную привычку—излишне заниматься своею наружностью—во мнѣ развила тетушка. Въ дѣтствѣ меня мыли какими-то особыми мылами и умащали притираньями, помадили какими-то необыкновенными снадобьями и, благодаря этому, утончали мою кожу и портили волосы. Цвѣтъ волосъ моихъ отъ природы былъ рыжевато-каштановый, а тетушка желала сдѣлать ихъ пепельными и добилась какого-то неопредѣленнаго, сѣровато-грязнаго оттѣнка. Брови и усы я началъ чуть не съ пятнадцати лѣтъ красить черной краской, что придавало моему блѣдному лицу тотъ оттѣнокъ мужественной энергіи, которой у меня не хватало. На окраску бровей, на отдѣлку ногтей и на туалетъ, вообще, мнѣ нужно было никакъ не менѣе часу полнаго уединенія, и кто пробовалъ обезпокоить меня во время этого священнодѣйствія, тотъ встрѣчалъ неласковый пріемъ.

„— Зачѣмъ ты влетаешь ко мнѣ безъ спросу? какъ ты смѣешь входить, не постучавшись!—накинулся я на брата въ самыхъ дверяхъ, не допуская его войти въ комнату и дать возможность замѣтить мои туалетныя принадлежности.

„— Чего ты такъ окрысился? удивился братъ. —Вѣдь ты не дѣвушка.

„— Мало ли чѣмъ я могу быть занятъ! Это неделикатно.

„—Извини, пожалуйста,—совершенно просто осадилъ меня мой младшій братецъ:—я хотѣлъ подѣлиться съ тобой общею радостью. Наша Таня сегодня пріѣдетъ, и мы всѣ такъ рады.

„Я зналъ, по разсказамъ, объ этой Танѣ, племянницѣ моей мачихи и любимой всѣмъ домомъ. Мнѣ говорили, что она очень похожа на свою тетушку. Новость была тѣмъ пріятнѣе, что я начиналъ скучать и сознавалъ неизбѣжную необходимость прогостить волей-неволей еще нѣсколько дней.

„— Я тоже очень радъ, отвѣтилъ я.—Только, пожалуйста, Коля, не влетай ко мнѣ такъ стремительно.

Digitized by Google

„— Какой ты смѣшной, Андрюша,—какъ-то недоумѣвая, проговорилъ онъ:—все у тебя какъ-то неестественно и tapiéré. Какіе у студента могутъ быть тайны или секреты?

„Я вновь вспыхнулъ, но удержался и только сказалъ:

„— Хорошее мнѣніе составитъ обо мнѣ m-lle Таня, если ты будешь ей разсказывать свои заключенія.

„— За кого ты меня принимаешь! обидѣлся братъ:—мало ли что можно сказать брату наединѣ. Я не то, что самъ, при другихъ, но и другимъ не позволю дурно о тебѣ отзываться. Вѣдь ты мой братъ. Тебѣ стыдно такъ обо мнѣ думать! сказалъ онъ, смѣло смотря прямо въ глаза.

„Я невольно сконфузился отъ этого честнаго упрека.

„— Я не думалъ, что ты меня любишь, сорвалось у меня.

„— А я, напротивъ, всегда думалъ, что ты мой братъ, а братья не могутъ не любить другъ друга, живо отвѣтилъ онъ.— Мнѣ мама всегда это говорила.

„— Отчего же ты никогда мнѣ не писалъ?

„— Потому что я еще мальчикъ, и мы другъ друга не знали. А я всегда думалъ, что когда мнѣ будетъ шестнадцать лѣтъ, я тебѣ напишу большое-большое письмо и предложу быть не только братомъ, но и другомъ. Развѣ можно найти друга лучше, чѣмъ друга-брата? Впрочемъ, объ этомъ мы еще поговоримъ, а теперь мнѣ нужно много-много сдѣлать..... я еще лошадей не приготовилъ..... И онъ быстро повернулся и пустился бѣгомъ по коридору.

„Этотъ коротенькій разговоръ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Я понялъ всю разницу воспитанія, полученнаго моимъ братомъ, отъ того, которое получилъ я, всю разницу нашихъ характеровъ и—главное—воззрѣній и житейскихъ правилъ. Мой братъ росъ на свободѣ, но его видимо направляли и имъ руководили любящія и твердыя руки, честный и возвышенный умъ. Мнѣ уже раньше приходилось замѣтить, что mister Гитосъ завѣдывалъ его физическимъ и научнымъ развитіемъ, но все нравственное вліяніе принадлежало моей мачихѣ. Я съ особеннымъ тщаніемъ занялся моимъ туалетомъ, стараясь отдѣлаться отъ той печати провинціализма, которая вообще лежала на мнѣ и, въ особенности, на моей наружности. Наталья Анатоліевна (такъ звали мою мачиху), замѣтившая мое желаніе быть любезнымъ и, вѣроятно, уже знавшая о моемъ разговорѣ съ братомъ, который не столько разговаривалъ съ ней, какъ, вѣрнѣе, думалъ при ней вслухъ, встрѣтила меня въ это утро—не привѣтливѣе,—она всегда и со всѣми была привѣтлива, —а дружелюбнѣе, интимнѣе. Она разсказала

Digitized by Google

мнѣ, что ея племянница Таня, круглая сирота, воспитывается у своей крёстной матери, и въ этомъ отношеніи у насъ съ ней должно быть много общаго. Крестная мать, также какъ и моя тетушка, была богатая бездѣтная вдова; она боготворила и баловала свою крестницу, почти также, какъ тетушка меня.—„Только Таня очень застѣнчива", добавила мачиха, и это сорвавшееся съ ея языка словечко „только" рѣзануло меня, какъ ножемъ. „Значитъ, во мнѣ излишекъ развязности" подумалъ я, анализируя свое поведеніе за истекшіе дни, и долженъ былъ сознаться, что я, одновременно, глупо конфузился и еще глупѣе разнуздывался. Таня пріѣхала къ обѣду; ту минуту, когда она, пристально посмотрѣвъ на меня своими чудными черными глазами, спросила:—„это ваши стихи были напечатаны въ „Звѣздочкѣ"?"—я никогда не забуду. Братъ и мачиха удивленно на меня взглянули.

„— Развѣ ты пишешь стихи? спросилъ меня братъ.

„— Иногда пишу, но это такіе пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить, небрежно отвѣтилъ я.

„— Какъ пустяки? вспыхнулъ Коля:—мой братъ пишетъ и печатаетъ стихи, и вѣрно хорошіе, разъ Таня о нихъ спрашиваетъ, а я ничего не знаю. Это просто.....

„— Nika! mon enfant, ne te fâche pas,—шепнула ему мачиха.

„— Какой вы, должно быть, самолюбивый, сказала Таня,—если даже своимъ ничего не разсказываете о себѣ.

„— Нѣтъ, Таня, онъ намъ много о себѣ разсказывалъ, но только объ авторствѣ своемъ ничего не говорилъ, отвѣтилъ ей за меня Коля, сразу, по одному слову матери, подавившій въ себѣ досаду на мою скрытность.

„Я, дѣйствительно, ни однимъ словомъ не проговорился о своемъ „авторствѣ", опасаясь, какъ-то инстинктивно, мнѣнія о немъ моей мачихи. Этотъ вечеръ, впервые за мое пребываніе на дачѣ, прошелъ для меня незамѣтно. Пріѣздъ Тани всѣхъ оживилъ, тогда какъ мой, напротивъ,—какъ я отчетливо вспомнилъ,—произвелъ въ свое время какое-то, не то удручающее, не то тоскливое настроеніе".

II.

Андрей Николаевичъ швырнулъ въ печку окурокъ своей сигары и пытливо посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Что, вамъ еще не надоѣла моя „исповѣдь"? какъ-то подозрительно спросилъ онъ, отпирая свой сундукъ.

— Вы говорите, какъ пишете.

Digitized by Google

— Жаль, что я не могу писать, какъ говорю, сказалъ ссыльный, тщательно перекладывая свои сигары и выбирая сухую.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, и слышно было, какъ дождь потоками ударялъ въ стѣны избушки, а потухающій самоваръ тянулъ тонкую, жалобно-комариную ноту.

„Такъ вотъ-съ, — началъ вновь Андрей Николаевичъ, — познакомился я съ mademoiselle Таней и порѣшилъ, почти въ первыя минуты нашего знакомства, что болѣе подходящей невѣсты я никогда въ жизни не встрѣчу. Я, въ теченіе цѣлой недѣли, старался быть любезнымъ, внимательнымъ ко всѣмъ и интереснымъ собесѣдникомъ. Чего только не перечиталъ я вслухъ, а читать вслухъ дамской аудиторіи была моя спеціальность. Я представлялъ въ лицахъ цѣлыя сцены изъ Фауста, декламировалъ Некрасова, Гюго, Шенье, Гейне, и гаэрничалъ à la Горбуновъ. Въ глазахъ мачихи я не могъ уловить ни одобренія, ни порицанія, но Таню я подкупилъ моими чтеніями, и когда минуло двѣ недѣли съ моего пріѣзда къ мачихѣ, я счелъ достаточно продолжительнымъ мой родственный визитъ и тронулся далѣе.

„Мнѣ оставалось шесть недѣль, въ теченіе которыхъ я хотѣлъ пролетѣть по главнымъ городамъ Германіи, à vol d'oiseau взглянуть на Швейцарію и пожуировать, хотя нѣсколько дней, въ Парижѣ. Эта поѣздка давала мнѣ апломбъ для разсказовъ о моихъ заграничныхъ впечатлѣніяхъ, а при моей памяти я смѣло могъ ограничить обзоръ всѣхъ музеевъ, галлерей и достопримѣчательностей однимъ лишь чтеніемъ гидовъ и путешествій. Спеціально я занимался лишь культомъ Венеры и Силена, втайнѣ сгорая отъ сознанія, что не только для Донъ-Жуана, но даже для олицетворенія Фальстафа у меня нѣтъ никакихъ данныхъ. Донъ-Жуаномъ я бывалъ въ теченіе моей жизни, но только не относительно женщинъ или взрослыхъ дѣвушекъ своего круга, а исключительно у подростковъ, у гувернантокъ и у горничныхъ. Ни разу въ жизни я не имѣлъ успѣха ни у одной взрослой дѣвушки, ни у одной настоящей дамы порядочнаго общества. Я дружески и любезно простился съ мачихой и братомъ, обѣщалъ писать сестрѣ изо всѣхъ городовъ и отправился за границу съ приращеніемъ своихъ фондовъ. На прощанье мачиха такъ просто подала мнѣ свертокъ золотыхъ, такъ привѣтливо проговорила: „покойный мужъ передалъ мнѣ свои права на ласки и баловство своихъ дѣтей", что я и подумать не успѣлъ, какъ оформить отказъ, какъ уже свертокъ оттягивалъ наружный карманъ моей визитки, а влетѣвшій въ комнату братъ передавалъ мнѣ свои и Танины порученія.

Digitized by Google

„Не буду вамъ разсказывать о своей первой поѣздкѣ въ современный Вавилонъ. Я такъ часто, еще въ молодости, разсказывалъ ее на разные лады, что и самъ не помню, что̀ въ этихъ разсказахъ правда, а что̀—сознательная или безсознательная ложь. Шесть лѣтъ пролетѣло незамѣтно. Я кончилъ университетъ съ правами на кандидата, представилъ пустѣйшую диссертацію и, не смотря на жестокое сопротивленіе тетушки,—которая полюбила меня не меньше, чѣмъ любила моего предшественника, стараго мопса, ея главнаго фаворита,—переѣхалъ въ Петербургъ. Я мечталъ было жить вмѣстѣ съ братомъ у мачихи, но она не допустила даже и разговоровъ объ этомъ предположеніи, а сама наняла мнѣ двѣ комнаты въ одномъ бѣдномъ семействѣ, которое принимало жильцовъ по рекомендаціи. Благодаря имени отца, я попалъ въ одно изъ тѣхъ, прежде многочисленныхъ, а теперь вырождающихся учрежденій, въ которыхъ можно было служить, не работая, а получать награды черезъ каждые два или три года. Скоро и въ петлицѣ, и на шеѣ у меня красовались вещественныя доказательства моихъ хорошихъ отношеній къ начальству. Не довольствуясь моимъ теплымъ гнѣздышкомъ, какъ называли наше учрежденіе, я причислился еще къ двумъ министерствамъ, и скоро за мною упрочилась слава способнаго составителя проэктовъ и предположеній. Покуда я переступалъ первыя ступеньки служебной лѣстницы, мой братецъ окончилъ домашнее образованіе и, минуя закрытыя заведенія, поступилъ въ одинъ изъ блестящихъ гвардейскихъ полковъ. Товарищи носили его на рукахъ, двери всѣхъ лучшихъ домовъ были для него открыты настежъ.

„Видѣлись мы довольно часто. Онъ подтрунивалъ надъ моими бумажными успѣхами, называлъ меня: „monsieur mon frère, le futur ministre“, но былъ всегда готовъ исполнять мои желанія, говорилъ обо мнѣ только хорошее и, самъ того не сознавая, давалъ мнѣ des coups d'épaule, вò-время заговаривая съ тузами, къ которымъ онъ, благодаря своему мундиру, относился совершенно свободно. M-lle Таня превратилась уже въ Татьяну Николаевну и блистала на балахъ, которыхъ я не посѣщалъ, не имѣя возможности попасть въ высшій свѣтъ, безъ личныхъ на то правъ или большаго состоянія. Я акуратно посѣщалъ пріемные дни у ея крёстной матери, мало по малу съумѣлъ понравиться старухѣ и получилъ свободный доступъ въ ея домъ. Частенько сидѣлъ я позднимъ вечеромъ, играя съ нею въ безикъ или читая ей что нибудь вслухъ и поджидая возвращенія Тани съ бала. Она пріѣзжала вся сіяющая, разгорѣвшаяся, нарядная и веселая, и я, встрѣчая ее комплиментами, которые она очень любила, поне-

Digitized by Google

многу, осторожно, сводилъ разговоръ на пустоту, ложь и фальшь того свѣта, въ который она такъ стремилась, и—какъ мумія на пирахъ египетскихъ фараоновъ—смущалъ ея веселое расположеніе. Она меня не любила, но привыкла ко мнѣ, ей были пріятны мои восторженныя похвалы—не красотѣ ея, о которой я никогда не говорилъ, а ея душевнымъ, скрытымъ отъ толпы, сокровищамъ, которыя, якобы, лишь я одинъ цѣнилъ и понималъ. Старушкѣ „крёстной“ мои „отчитыванія“ отъ увлеченія свѣтскими удовольствіями были по душѣ. Я подкупалъ ее моею угодливостью, почтительностью, во время нашихъ tête-à-tête; при свидѣтеляхъ я былъ сдержанъ, остороженъ и почти съ нею не говорилъ. Въ одинъ прекрасный и вѣчно памятный для меня день я узналъ въ канцеляріи министра, что представленіе о пожалованіи меня придворнымъ званіемъ за заслуги отца прошло благополучно. Когда я вошелъ въ гостинную мачихи, въ которой смѣнялись, нескончаемой вереницей, поздравители съ новымъ годомъ и новымъ счастіемъ, я былъ дѣйствительно заново счастливъ. Таня, сидѣвшая рядомъ съ хозяйкой дома, такъ радостно-изумленно вскрикнула: „какой сюрпризъ!... поздравляю васъ, André!“ что я мысленно пропѣлъ: Исаія ликуй!

„Увы! мое счастіе недолго продолжалось. Когда я, по настояніямъ Тани, началъ дѣлать визиты въ большой свѣтъ, я сразу почувствовалъ свое глупое, неловкое положеніе. По временамъ мнѣ казалось, что я превращаюсь изъ человѣка—въ автомата, что я потерялъ даръ слова, которымъ былъ такъ щедро одаренъ; что я дѣлаюсь мебелью или однимъ изъ тѣхъ альбомовъ и кипсековъ, къ которымъ прибѣгаютъ въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда рѣшительно не завязывается общій разговоръ. Всѣ эти клички, sobriquets, которыя въ такомъ ходу въ большомъ свѣтѣ, всѣ эти ссылки на tante Lise, cousin Bobo, oncle Joz и т. п., всѣ эти хитросплетенія разныхъ партій, кружковъ, различія свойства отъ кумовства, взаимность вражды и интересовъ, дѣленія на лагери и постоянныя, нескончаемыя сплетни другъ про друга, погоня за арендами, негласными пособіями, погоня за кушами для жизни выше собственныхъ средствъ, тайные займы безъ отдачи и залогъ безъ выкупа,—все это было мнѣ непонятно, темно и дико. Я чуть не ежедневно попадалъ впросакъ, желая найти нить въ этомъ лабиринтѣ, желая уяснить себѣ, кто съ кѣмъ заодно и кто предводители въ этой ежедневной борьбѣ за преобладаніе, за знаки отличія отъ остальнаго люда, составляющаго толпу, фонъ, шахматную доску, по которой двигаются эти фигуры, стоящія ближе къ тому солнцу, отъ котораго исходятъ всѣ живитель-

Digitized by Google

ные лучи, и старающіяся казаться тоже маленькими солнцами, забывая пословицу: „сегодня въ чести—завтра ступай полъ мести".

„Я скоро замѣтилъ, что всѣ меня только терпятъ, что въ ихъ глазахъ я составляю лишь trait d'union между ними и толпой, что изъ фона картины я выдѣленъ въ аксесуаръ, и что о равноправности, о фигурированіи въ свою очередь я бы не смѣлъ и думать. Я былъ своимъ лишь въ чиновничьемъ кружкѣ, въ кружкѣ карьеристовъ, и даже тотъ кругъ, который собирался у моей мачихи, не считалъ меня своимъ и не допускалъ моего участія въ серьезныхъ разговорахъ, инстинктивно чувствуя, что я не раздѣляю никакихъ идеально-честныхъ воззрѣній на судьбы отечества, на необходимость серьезныхъ мѣръ для борьбы со страстью къ наживѣ, съ грабежемъ, хищеніемъ и плутократствомъ. Напрасно старался я сдѣлаться своимъ въ заколдованномъ для меня высшемъ кругу. Меня только допускали и терпѣли, а между тѣмъ мнѣ приходилось платить немалый налогъ за право быть допущеннымъ. На благотворительныхъ базарахъ меня обирали, на увеселительныхъ прогулкахъ я получалъ всегда самое плохое мѣсто, самую невозможную даму, а тратилъ болѣе другихъ. Билеты на концерты и т. п. мнѣ навязывали десятками, и мнѣ приходилось бывать козломъ отпущенія даже за брата, который безъ церемоніи отказывался, говоря: hélas! madame, je suis sans un sou! у меня же на подобный отвѣтъ не хватало ни апломба, ни откровенности. Прошла зима, и грянулъ надо мною громовый ударъ. Таня совершенно неожиданно объявила своей крёстной матери, что она приняла предложеніе одного изъ старшихъ товарищей моего брата по полку. Я обезумѣлъ и сдѣлалъ ей, у нихъ въ домѣ, глупую, безсмысленную, безобразную сцену"...

Андрей Николаевичъ замолкъ и, вынувъ большой клѣтчатый платокъ, отеръ лицо, по которому ручьями струились непритворныя, горячія слезы. Его собесѣдника передернуло. Очень ужъ жалко было смотрѣть на эту полустарческую, безпомощную фигуру, которая плакала, какъ малый ребенокъ. Придя въ себя, ссыльный подошелъ къ стоявшему въ углу избушки маленькому, сколоченному изъ неоструганныхъ досокъ, шкафику и, отомкнувъ висячій замокъ, досталъ съ полки бутыль, вложенную въ плетушку, и двѣ толстыхъ рюмки изъ дешеваго, зеленоватаго пузырчатаго стекла. Поставивъ ихъ на столъ, онъ осторожно снялъ сургучъ съ пробки бутыли и налилъ изъ нея обѣ рюмки какой-то желтоватой жидкостью.

— Ну-съ, Иванъ Павловичъ! обратился онъ къ своему собе-

Digitized by Google

сѣднику съ натянутой развязностью:—моя хозяйка потчивала васъ поддѣльнымъ шампанскимъ, отъ котораго тошнитъ. Позвольте васъ попотчивать собственнымъ издѣліемъ.

Собесѣдникъ пригубилъ изъ рюмки и не могъ удержать невольнаго восклицанія:—„какая прелесть!“

— Полагаю-съ, что дѣйствительно прелесть! самодовольно прищелкнулъ ссыльный, смакуя медленными глотками свою рюмку.

— На чемъ это настоено?

— На облѣпихѣ! ягода невзрачная, но если вò-время собрать да умѣло настоять,—букетъ несравненный. Да вы не церемоньтесь,—замѣтилъ Андрей Николаевичъ, видя, что собесѣдникъ пьетъ крошечными глотками.—Въ кои вѣки пришлось угостить человѣка изъ былаго общества, да и приведется ли еще хоть разъ въ жизни другаго встрѣтить!

Онъ налилъ еще по рюмкѣ.

„На чемъ бишь я остановился? да! на моемъ позорѣ! Осрамился позорно. Всѣ свои тутъ были. Одна только осталась невозмутимой—моя мачиха, и одинъ только пожалѣлъ меня и вывелъ, насколько было возможно, изъ неловкаго положенія—мой братъ. Таня поблѣднѣла, какъ мертвецъ, и не отвѣтила ни однимъ словомъ на мои безумныя тирады. Что̀ я говорилъ—я не могъ вспомнить даже на другой день. Во мнѣ все клокотало отъ припадка бѣшеной, неудержимой злобы,—припадка, подобнаго тѣмъ, которые въ дѣтствѣ овладѣвали мной нерѣдко и отъ которыхъ меня никто не удерживалъ, а сестры зачастую страдали не только морально, но и физически. Я сразу увидѣлъ мой воздушный королевскій замокъ разрушеннымъ, мою царевну похищенной. И я сознавалъ, что былъ не Русланомъ, а развѣ Черноморомъ, обманутымъ самимъ собою, своими руками обрѣзавшимъ себѣ бороду и показавшимъ себя въ настоящемъ злобно-мелкомъ видѣ.

„Я выхлопоталъ себѣ командировку и поѣхалъ на югъ, тщательно избѣгая встрѣчъ со знакомыми и никуда не показываясь. Работа моя была скорѣе научнаго, нежели административнаго свойства, и я имѣлъ дѣло не съ людьми, а съ архивными, толстыми и молчаливыми дѣлами. Прошло мѣсяца три съ моего выѣзда изъ Петербурга, и однажды, пробѣгая газеты, я прочелъ извѣщеніе о кончинѣ моей мачихи. Братъ не зналъ, гдѣ я нахожусь, такъ какъ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, я не подавалъ вѣстей о себѣ. Тѣмъ болѣе должно было меня тронуть его деликатное ко мнѣ отношеніе. Онъ извѣщалъ о смерти любимой матери отъ имени насъ обоихъ. Я не могъ поспѣть къ похоронамъ:

Digitized by Google

тогда еще желѣзныхъ дорогъ съ юга не было, а мнѣ приходилось сдѣлать болѣе тысячи верстъ на лошадяхъ. Все таки я тронулся немедленно въ путь и на девятый день стоялъ на могилѣ мачихи, засыпанной цвѣтами. Помню, какъ горячо, братски обнялъ меня Николай и какъ искренно дѣлился со мною дорогими воспоминаніями. Онъ передалъ мнѣ запечатанный пакетъ, надписанный рукою покойницы. Въ немъ былъ вложенъ банковый билетъ на довольно почтенную сумму, которая была внесена еще моимъ покойникомъ отцомъ, и коротенькое письмо:

—„Cher André! писала Наталья Анатоліевна:—ради памяти вашего отца, ради всего, что̀ у васъ святаго, прошу не забывать, что Коля любитъ васъ, какъ истинный братъ, и вѣритъ въ ваше къ нему расположеніе. Постарайтесь укрѣпить и поддержать любовь его и довѣріе. Я исполняю волю вашего отца, передавая прилагаемый капиталъ, который онъ просилъ меня сохранить до достиженія вами тридцати лѣтъ. Столько же онъ оставилъ и Колѣ. Будьте братьями, а я буду за васъ молиться тамъ, гдѣ ничто не скрыто. Н.“

„Николай, еще до моего пріѣзда, разсчитался съ моими хозяйками и перевезъ всѣ мои вещи къ себѣ. Таня съ мужемъ была за границей, о моемъ скандалѣ никто изъ постороннихъ не зналъ. Я могъ начать прежнюю жизнь, но теперь она, съ потерей Тани, теряла для меня смыслъ. Я рѣшился найти во что бы то ни стало если не богатую средствами, то богатую связями и родствомъ невѣсту, и вновь началъ усердно посѣщать великосвѣтскіе салоны. Искомый кладъ не давался въ руки, или же я попадалъ на такіе маринованные фрукты, что дрожь пробирала при мысли соединить съ ними свою жизнь.

„Разъ, совершенно случайно, попалъ я въ числѣ почетныхъ гостей на свадьбу къ одному подрядчику. Въ числѣ подружекъ невѣсты я обратилъ вниманіе на одну свѣженькую и хорошенькую барышню, протанцовалъ съ нею кадриль, познакомился съ безсловесной мамашей, вдовой департаментскаго архиваріуса, и, къ ихъ великому удивленію, сдѣлалъ имъ визитъ. Какъ все дальнѣйшее случилось, я до сихъ поръ не могу понять. Точно я дѣйствовалъ непроизвольно, въ какомъ-то гипнотическомъ снѣ. Разсчитывая на благородную интрижку, во вкусѣ моихъ былыхъ провинціально-студенческихъ похожденій, я, совершенно неожиданно для самого себя, сдѣлалъ формальнѣйшее предложеніе и женился. Первое время я былъ въ какомъ-то чаду. Свадьба наша была очень скромная, гостей никого. Шафера проводили насъ прямо на желѣзную дорогу, и мы провели другъ у друга въ объятіяхъ болѣе мѣсяца

Digitized by Google

въ глуши, на маленькой дачкѣ около Луги, куда даже шарманщики не заходятъ. Я впалъ въ лиризмъ, гулялъ при лунномъ свѣтѣ, разсказывалъ о своей якобы дурной молодости, о знакомствахъ съ первыми львицами grand mond'a, о побѣдахъ въ Парижѣ надъ первыми красавицами театральнаго міра, сочинилъ цѣлую драму изъ моихъ будто бы преступныхъ сношеній съ Таней, однимъ словомъ, страшно рисовался передъ моей, въ сущности миленькой и очень неглупой отъ природы, женой.

„Но вскорѣ пришлось вернуться на старую арену. На моихъ служебныхъ дѣлахъ женитьба отразилась даже хорошо. Начальство отнеслось сочувственно къ браку по склонности, мнѣ начали давать разныя „добавочныя“ въ усиленномъ размѣрѣ. Братъ Николай отъ души полюбилъ мою жену, ухаживалъ за нею всячески, старался ее развлекать своимъ всегда веселымъ настроеніемъ. Моя belle-mère получила по наслѣдству какое-то имѣньице въ Полтавской губерніи и переселилась туда; братьевъ и сестеръ у моей жены не было и, кромѣ нѣсколькихъ институтскихъ подругъ, она въ городѣ никого не знала. Первый годъ прошелъ хорошо, и только тетушка, приславшая мнѣ, вмѣсто поздравительнаго, чуть не ругательное письмо съ упреками за mésaillance, не хотѣла насъ знать. Но когда у насъ родилась дочь, и мы назвали ее, въ честь тетушки, Агнесой, старуха смягчилась и пріѣхала на крестины. Крёстнымъ отцомъ былъ, конечно, братъ Николай, и съ этихъ крестинъ начались между нимъ и моей женой самыя дружескія отношенія“.

Андрей Николаевичъ налилъ себѣ третью рюмку, опорожнилъ ее и, не отнимая отъ губъ, какъ-то про себя промолвилъ: „почемъ знать? можетъ, и дѣйствительно ничего не было!“

III

— На чемъ бишь я остановился? проговорилъ ссыльный, очнувшись и глядя на своего собесѣдника потускнѣвшими глазами.

— Вы упомянули о рожденіи дочери,—отвѣтилъ тотъ.

„Да! о дочери... хорошая была дѣвочка, веселая, ласковая... Когда подумаешь: не будь у насъ, русскихъ, Сибири, мы могли бы, подобно французамъ, отбывать срокъ наказанія, хотя бы и съ волчьимъ паспортомъ и подъ надзоромъ, но все же вернуться назадъ и хоть издали, однимъ глазомъ, посмотрѣть, какъ живутъ тѣ, которые были близки, дороги... А то съ одного вола, за одну

Digitized by Google

вину, и сколько шкуръ сдерутъ! Сперва тюрьма и слѣдствіе,—это нескончаемое слѣдствіе, при которомъ какой нибудь юнецъ выворачиваетъ твою душу, какъ перчатку, и тянетъ, тянетъ... А тамъ этотъ новый судъ, съ массою зрителей, глаза которыхъ, точно присоски спрута, безчисленными лапами ощупываютъ тебя всего, со всѣхъ сторонъ, какъ какого нибудь диковиннаго звѣря... Этотъ ящикъ, въ которомъ сидишь, какъ въ клѣткѣ, съ часовыми по сторонамъ, съ черной спиной щегольскаго фрака говоруна-защитника передъ глазами,—защитника, который точно пріѣхалъ на первую панихиду своего кліента. А эта отходная—обвинительный актъ, въ которомъ вновь отъ *а* до *я* повторяютъ все, что и безъ того отравляло всѣ долгіе дни предварительнаго заключенія. Затѣмъ этотъ томительный часъ совѣщанія присяжныхъ... эта дурацкая надежда, которая вдругъ зарождается гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ, въ тайникахъ души, и шевелится, и растетъ, и борется съ разсудкомъ, нашептывая несбыточныя комбинаціи, невозможныя предположенія:—а если... а, можетъ быть, вонъ тотъ самый маленькій добродушный присяжный засѣдатель, который такъ переспрашивалъ свидѣтелей... если онъ теперь убѣждаетъ остальныхъ и разбиваетъ жолчную рѣчь гемороидальнаго прокурора, которому такъ плохо оппонировала эта гнусная фрачная спина?.. Минуты и тянутся, и летятъ... въ головѣ проносятся массы отрывочныхъ, не идущихъ къ дѣлу воспоминаній, мыслей, картинъ прошлаго... этотъ звонокъ, который раздается вдругъ, неожиданно-рѣзко и—какъ хлыстомъ, какъ пощечиной, рѣжетъ и ухо, и лицо... Шумъ, движеніе, говоръ, шарканье ногъ, возгласы пристава, наконецъ мертвая тишина, неумѣлое чтеніе длиннаго вопроса и наконецъ ударъ похороннаго колокола: „да, виновенъ!..“ Никакой надежды, никакого возврата! Былъ человѣкъ и есть, и живъ, и дышетъ, и чувствуетъ, и думаетъ по прежнему, какъ часъ тому назадъ, какъ еще тысячи часовъ въ будущемъ, а межъ тѣмъ его уже нѣтъ:—онъ оторванъ отъ жизни остальныхъ, заклейменъ навѣкъ, умеръ для живущихъ, похороненъ заживо, даже безъ надежды, что могильщикъ услышитъ его подземный стонъ и придетъ раскопать могилу. И вѣдь знаешь, что это не для всѣхъ одинаково, что не каждый это чувствуетъ, что другой тутъ же, на этой же позорной скамьѣ, уже строитъ предположенія, какъ онъ начнетъ жить тамъ, въ той дальней странѣ, которая, говорятъ, такъ богата и обильна. И вѣдь устраивается, и живетъ, доволенъ и счастливъ! А ты умеръ и живешь какимъ-то гальванизмомъ, и не имѣешь даже силъ и умѣнья, благодаря своей интеллигентности, своему духовному развитію, убѣжать, пройти эти тысячи верстъ,

Digitized by Google

отдѣляющія отъ дому, и хоть взглянуть на оставленныхъ и забывшихъ тебя.

„Забывшихъ?!—продолжалъ ссыльный, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.—Какъ, забывшихъ? покойника нѣтъ-нѣтъ да и вспомнятъ, панихиду отслужатъ, на молитвѣ помянутъ, а вѣдь нашего брата, лишеннаго всѣхъ правъ за позорное преступленіе, *стараются* не вспомнить, стараются забыть. Умышленно замина-ютъ разговоръ, затушевываютъ даже нечаянное упоминаніе, считаютъ позорнымъ говорить объ опозоренномъ. А еще христіане, интеллигенція, соль земли! Нѣтъ, настоящая соль земли—простой народъ; тотъ иначе къ намъ относится, тотъ зоветъ насъ „несчастными“, тотъ понимаетъ, что и безъ людскаго клейма, безъ людскаго наказанія, мы сами уже заклеймились, что одно неотступное, неотвязное воспоминаніе о сдѣланномъ и жжетъ, и тянетъ, и мучитъ нашу душу.“

Ссыльный всталъ на ноги и началъ ходить изъ угла въ уголъ, какъ бы не примѣчая своего собесѣдника и разговаривая уже не съ нимъ, а самъ съ собою. Онъ сильно жестикулировалъ, размахивая руками, качалъ головой. По временамъ онъ останавливался въ одномъ изъ угловъ избушки и начиналъ что-то нашептывать, подозрительно озираясь по сторонамъ. Иванъ Павловичъ, — какъ назвалъ ссыльный своего гостя и собесѣдника,—со страхомъ ожидалъ, что ссыльнымъ овладѣетъ припадокъ или каталепсіи, или бѣшенства, но ничего подобнаго не произошло. Походивши съ четверть часа, Андрей Николаевичъ подошелъ къ большой кадкѣ, стоявшей въ углу, зачерпнулъ ковшикомъ воды и осторожно помочилъ себѣ темя и виски, видимо не забывая окраски своихъ усовъ и бровей.

— Вы не смущайтесь, обратился онъ къ Ивану Павловичу: —это со мной часто бываетъ. Вдругъ почудится *его* голосъ, и я амечусь. Сегодня скоро прошло, и теперь до завтрашняго вечера не вернется. Можетъ, вы легли бы уснуть? я, все равно, до свѣта не усну.

— Сна у меня ни въ одномъ глазѣ нѣтъ, отвѣтилъ ему Иванъ Павловичъ.—Если только вы не устали и не очень разстроились, то я готовъ слушать васъ хоть до утра.

— Разсказа моего или—будемъ лучше говорить прямо—исповѣди моей еще надолго хватитъ, только вы меня останавливайте, когда я въ сторону уклонюсь. Въ психику ударяться мнѣ не позволяйте, а то я точно адвокатъ: отъ дѣла въ метафизику, пожалуй, углублюсь. Довольно и безъ насъ трактатовъ о движеніяхъ души исписано.

Digitized by Google

— Души человѣческія такъ разнообразны въ своихъ проявленіяхъ, что у каждаго человѣка есть и типическія черты, и собственныя, ему одному присущія, проявленія.

— Это, пожалуй, и правда, только если каждый изъ насъ могъ бы думать вслухъ, то, мнѣ кажется, повтореній было бы больше, чѣмъ собственнаго, самобытнаго. Всѣ мы и гораздо хуже, и гораздо лучше того, чѣмъ кажемся.

— Да вѣдь разница суммъ худшаго и лучшаго и составляетъ основу для опредѣленія человѣка.

— Суммы проявленій дѣломъ,—это не суммы мыслей, которыя и для самого человѣка, для его собственнаго *я*, — проходятъ по большей части безслѣдно.

— Въ этомъ вы, мнѣ кажется, неправы. Каждая мысль, особенно не обыденная, оставляетъ слѣдъ и влечетъ за собой рядъ новыхъ мыслей, отъ которыхъ недалекъ переходъ и къ дѣлу.

— Не всегда! напримѣръ, у меня и въ мысляхъ никогда не являлось предположенія о томъ дѣлѣ, за которое я сюда попалъ.

— Не думаю, Андрей Николаевичъ. Вы, быть можетъ, боялись передъ самимъ собой сформулировать эту мысль, но зародышъ, зачатокъ ея у васъ былъ, вѣроятно, давно. Вы ее знали, открещивались отъ нея, но пришла минута, и вы, не обдумавъ, не остановившись на ней, прямо привели ее въ исполненіе.

— Нѣтъ! это была не мысль. Это было, скорѣе, проявленіе злой воли, порывъ, не сдержанный мыслью. Впрочемъ, вы сами увидите изъ дальнѣйшаго. Однако здѣсь становится тяжело дышать, да и свѣчи ваши даромъ оплываютъ. Кажется, дождь пересталъ. Разъ мы рѣшаемся не спать, не лучше ли на свѣжемъ воздухѣ продолжать нашу бесѣду?

— Что-жъ! попробуемъ.

Они накинули кожаны, потушили свѣчи и вышли изъ избушки.

Дождь пересталъ, и перемѣнившійся вѣтеръ гналъ разорванныя облака, которыя, складываясь и свертываясь въ причудливыя формы и фигуры, неслись нескончаемой вереницей по темносинему небу, испещренному ярко сверкающими звѣздами. Мѣсяцъ былъ за горой, близь которой ютилась избушка Андрея Николаевича, и всѣ изломанные зубцы вершины вырѣзывались на бѣломъ молочномъ фонѣ, освѣщенной мѣсяцемъ, части неба. Передъ избушкой чернѣла зіяющая пропасть разрѣза золотопромышленныхъ работъ, а справа и слѣва виднѣлись темные силуэты пріисковыхъ построекъ. Свѣжій, но очень душистый воздухъ, пропитанный запахомъ хвои и свѣжаго сѣна, освѣжалъ и грудь, и голову послѣ

Digitized by Google

духоты и чада натопленной избушки. По другую сторону разрѣза, на берегу довольно широкой, но очень мелкой и быстрой горной рѣчки, былъ разложенъ костеръ, и его ярко-красное, постепенно разгоравшееся пламя освѣщало багровой краской темныя фигуры стреноженныхъ лошадей, которыя неправильными, неуклюжими скачками, неловко подымая переднія ноги, передвигались съ мѣста на мѣсто, то попадая въ свѣтъ костра, то скрываясь въ тѣни. На красномъ фонѣ огня рѣзко вырѣзывался неуклюжій силуэтъ пастуха, завернувшагося въ обрывокъ войлока и нахлобучившаго какую-то уродливую ушастую шапку. Ночная тишина прерывалась по временамъ храпомъ и фырканьемъ лошадей, отрывистымъ короткимъ лаемъ сторожевыхъ собакъ и дѣтски-пронзительными криками сычей, которые беззвучно бороздили воздухъ своимъ мягкимъ полетомъ, гоняясь за шмыгавшими по воздуху летучими мышами, въ изобиліи наполнявшими полуразрушенныя постройки ольшаго пріиска.

— Не будь этихъ красотъ природы, еще нетронутыхъ здѣсь рукою все нивеллирующей цивилизаціи, я, кажется, давно бы сошелъ съ ума, заговорилъ Андрей Николаевичъ, усаживаясь на низкую завалинку, подъ окнами избушки.

— Да! отозвался Иванъ Павловичъ, присаживаясь около него и стараясь умѣстить поудобнѣе свои длинныя ноги.—Природа здѣсь такъ хороша, что можетъ примирить со всѣми лишеніями.

— Кромѣ одного лишенія! перебилъ его ссыльный:—лишенія свободы.

— Но вы вѣдь свободны.

— Да, условно. Я свободенъ разъѣзжать по цѣлой губерніи. Моя клѣтка велика: ея полъ равняется сорока шести тысячамъ шестистамъ девяносто девяти квадратнымъ милямъ, ея крыша—небесный сводъ, т. е. безконечность, ея стѣнки—миѳъ, несуществующая геометрическая черта, воочію видимая только на географическихъ картахъ. Но горе мнѣ, если я вздумаю переступить эту миѳическую черту!.. А мнѣ душно въ этой клѣткѣ, также душно, какъ пенитенціару въ его одиночной кельѣ центральной тюрьмы. Вы говорите: свободенъ! Хороша свобода, когда завтра, по бездоказательному оговору моей пріисковой хозяйки, заплатившей мои городскіе долги и взявшей меня въ кабалу прикащикомъ на этотъ заброшенный пріискъ, меня могутъ вытребовать въ городъ (и какой городъ! вы знаете), обязать подпиской о невыѣздѣ, да такъ и забыть. Какъ, чѣмъ, на какія средства я буду жить, до этого никому нѣтъ ни малѣйшей заботы. Хоть съ

Digitized by Google

голоду помирай, хоть воровствомъ промышляй, да только не попадайся.

„Такъ вотъ-съ! будемъ продолжать, — вновь началъ свой прерванный разсказъ Андрей Николаевичъ.—Родилась у меня дочка, пріѣхала тетушка, я началъ мои служебныя занятія. Подошла зима, и начали меня грызть разныя мелкія неловкости и шероховатости моего новаго семейнаго положенія. Попробовалъ я ввести свою жену въ нѣкоторые салоны, но потерпѣлъ фіаско. Визитовъ намъ не отдали. Меня это оскорбило невыразимо, я срывалъ злобу и досаду на женѣ, закатывая ей такія сцены, что даже теперь, когда всѣ эти воспоминанія отошли въ давнопрошедшее, меня все еще передергиваетъ, лишь только вспомню страдальческое выраженіе ея лица. Что дальше, то хуже шла наша жизнь. Братъ Николай держалъ себя въ сторонѣ, но его упрекающіе взгляды доводили меня до бѣлаго каленія. Я шипѣлъ, какъ ужъ; разъигрывалъ изъ-за какого нибудь пустяка трагикомическія сцены съ обмираніями и истериками... Вѣдь какъ можетъ быть гадокъ интеллигентный человѣкъ, когда онъ начнетъ „изображать“ разныя „чувствія“! Я отлично помню, какъ, во время этихъ обмираній и дрыганій ногами, я зорко слѣдилъ, бывало, за тѣмъ, какъ бы мнѣ не плеснули водой въ лицо или не вздумали бы приложить компрессъ:—такъ я боялся, чтобы не проявилась воочію моя страстишка разрисовывать мою физіономію. Замѣтьте, что домашніе всѣ знали о моей раскрашенности, но я боялся страшно, чтобы какъ нибудь не осмѣлились объ этомъ упомянуть. Не смотря на массу непріятностей, которыя доставляло мнѣ мое непомѣрное самолюбіе или—вѣрнѣе—самомнѣніе, оно съ годами росло и увеличивалось. Я не допускалъ не только малѣйшаго невниманія къ своей особѣ, а если мнѣ казалось, что кто нибудь осмѣливается оказывать мнѣ недостаточно уваженія и почтенія, я записывалъ Черзновеннаго въ число злѣйшихъ враговъ и мстилъ ему всячески и непрерывно. Не было той гадости, которую я былъ бы неспособенъ ему сдѣлать, а такъ какъ у меня было лишь одно оборонительное и наступательное оружіе: мой изощренный языкъ, то я и пускалъ его въ ходъ. Я не пренебрегалъ ни клеветой, ни доносомъ, но дѣйствовалъ осторожно, постепенно. Я начиналъ съ того, что или восторгался моимъ врагомъ и къ восторгамъ примѣшивалъ разныя „но“, или вдругъ, въ порывѣ якобы благородной правдивости, разскажу какой нибудь мелкій обыденный фактъ, но такъ освѣщу его, такъ сплету съ другими соотвѣтствующими обстоятельствами, что даже ужасну слушателей. Конечно, они часто угадывал и преувеличенія, но люди такъ созданы,

Digitized by Google

что гадость, разсказанная про ближняго, доставляетъ громадному большинству гораздо больше удовольствія, чѣмъ разсказъ о хорошемъ поступкѣ. У каждаго найдутся свои мелкія и крупныя гадости, которыя онъ тщательно скрываетъ, и когда приходится слышать про дурное, слушатель какъ бы оправдываетъ свою собственную мерзость.—Не я одинъ, значитъ,—есть и много похуже меня,—и онъ спѣшитъ разсказать другому и третьему, да еще подъ секретомъ. И пошла гулять сплетня, по дорогѣ увеличиваясь и округляясь, а если одновременно, въ трехъ разныхъ кружкахъ, пустить три разныхъ разсказа, то попробуй, выпутайся!..“

У ссыльнаго оживились и даже сверкнули тусклые глаза, а губы сложились въ такую злобную улыбку, что его собесѣдникъ невольно вздрогнулъ и отшатнулся.

— „Въ немъ точно злой духъ сидитъ!“ подумалъ онъ.

— Что вы такъ на меня смотрите? сказалъ Андрей Николаевичъ:—или вамъ претятъ мои разсужденія?

— Разсужденія ваши только перифразъ аріи Дон-Базиліо.

— То есть, вы хотите сказать, что, дескать, это старо. Все на свѣтѣ старо-съ, всѣ аріи уже были когда либо и кѣмъ либо пропѣты. Дѣло лишь въ варіаціяхъ. И моя жизнь есть лишь перифразъ чьей либо другой, прежде меня бывшей; только детали другія.

— Не скажите. Я еще не знаю конца вашего разсказа, но мнѣ кажется, что конецъ долженъ быть неожиданный...

— Это вы вѣрно... я самъ меньше кого либо ожидалъ такого безконечнаго конца, который тянется для меня въ этихъ палестинахъ. Однако, скоро свѣтать начнетъ, и этакъ я вамъ моей исповѣди не кончу, а другой разъ въ жизни мы, пожалуй, и не встрѣтимся. Я далъ себѣ слово отъисповѣдаться подходящему человѣку передъ смертью.

— Какъ передъ смертью?

— Вы, пожалуй, думаете, что я намѣреваюсь на себя руку наложить?—нѣтъ-съ! коли до сихъ поръ этого не сдѣлалъ, то теперь-то ужь, конечно, дотерплю. Да и не способенъ я на это, хоть раза три въ жизни пугалъ,—и вѣрили! Нѣтъ, я просто чувствую, что въ лампѣ, называемой моимъ тѣломъ, не хватаетъ уже масла, а горѣніе очень слабое, мерцающее. Такъ буду продолжать.

Digitized by Google

IV.

„Теперь я подхожу къ тому періоду моей жизни, когда я впервые, не на словахъ, а на дѣлѣ,—и только однажды,—испыталъ чувство если не любви, то страсти. Той страсти, когда человѣкъ предается ей весь безъ остатка и перестаетъ владѣть собой, предполагать, соображать, чѣмъ либо руководиться; когда онъ не обдумываетъ, а дѣйствуетъ, не задаваясь мыслью, какъ что произойдетъ, чѣмъ окончится... Въ Петербургъ вернулась Татьяна Николаевна и первая пріѣхала къ намъ. Я былъ на службѣ и, вернувшись домой къ обѣду, совершенно неожиданно увидалъ ее, сидящую рядомъ съ моей женой. Мы встрѣтились радушно, какъ будто никогда и ничего не бывало, но я не могъ побороть чувства сильнѣйшей злобы, которая закипала во мнѣ, лишь только Татьяна Николаевна входила въ комнату, лишь только я, хотя издали, услышу ея голосъ. Съ ея пріѣзда я сталъ гораздо ласковѣе съ моей женой, чаще сидѣлъ дома по вечерамъ и началъ даже заниматься съ нашей дѣвочкой. Въ это время, къ намъ поступила одна не то бонна, не то гувернантка, особа очень бойкая, красивая собой и, какъ мнѣ казалось, съ большимъ прошедшимъ. Я, по старой привычкѣ, не могъ видѣть равнодушно этого сорта женщинъ и, незамѣтно для домашнихъ, началъ ее сондировать. Не прошло и двухъ недѣль, какъ мы свидѣлись съ этой госпожей внѣ дома, въ моемъ réduit. Еще живя у тетушки, въ нашемъ губернскомъ городѣ, я со старшихъ классовъ гимназіи всегда нанималъ комнату, гдѣ нибудь въ закоулкѣ, отъ бѣдныхъ жильцовъ, которыхъ выбиралъ тщательно изъ числа забитыхъ судьбой неудачниковъ. Держалъ я себя съ этими „хозяевами“ сухо, гордо и сдержанно, платилъ акуратно за мѣсяцъ впередъ, и не прочь былъ ссудить ихъ въ трудную минуту небольшой суммой, чтобы держать ихъ въ рукахъ. То же продѣлывалъ я и въ Петербургѣ, и хотя не заглядывалъ въ свою секретную квартиру по цѣлымъ мѣсяцамъ, но все таки держалъ ее „такъ“, на всякій случай, и случаи дѣйствительно подвертывались. Контингентъ случайныхъ подругъ почти неизмѣнно вербовался изъ числа воспитательницъ юношества, которыхъ я выслѣживалъ въ садахъ, сквэрахъ и у подъѣзда разныхъ воспитательныхъ заведеній. Съ моей новой подругой я держалъ себя, при женѣ и другихъ, чрезвычайно холодно и, бывало, по цѣлымъ днямъ не скажу ей двухъ словъ. Сходились мы въ моей секретной квартирѣ съ разныхъ сторонъ и въ разное время, а съ пріі-

Digitized by Google

ѣздомъ Татьяны Николаевны, которая зачастую увозила къ себѣ мою жену и нашу дочку на цѣлые дни, бонна была часто свободна и уходила, подъ предлогомъ навѣщать больную тетку. Но на этотъ разъ секретная квартира моя была выбрана мною неудачно. Домъ находился въ мѣстности, въ которой ютится по реимуществу бѣдный людъ, и благотворительныя барыни, развозящія разныя пожертвованія и вспомоществованія, начали появляться въ этой мѣстности. Теперь, какъ я знаю изъ газетъ, у васъ тамъ заводятся разныя общины, пріюты, школы, убѣжища; тогда же ничего этого еще не существовало, благотворительности гласной почти не было, и піонерки благотворенія дѣйствовали въ разсыпную и по секрету.

„Однажды, когда я пробирался на свиданье, на поворотѣ переулка я замѣтилъ „собственный" экипажъ и узналъ лошадей Татьяны Николаевны. Я юркнулъ въ первыя попавшіяся ворота и очутился на дворѣ стараго, длиннаго деревяннаго дома, который сплошь былъ заселенъ наибѣднѣйшимъ людомъ. Хоронили одного изъ бѣдняковъ, и его многочисленная семья, малъ-мала меньше, толпилась и ревѣла въ источный голосъ около простыхъ роспусковъ, на которые только что поставили простой желтый гробъ, одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ гробовъ, которые непремѣнно встрѣтишь на петербургскихъ улицахъ, если выйти изъ дому не позже девятаго часа утра. На меня почти наткнулся какой-то оборванецъ и, замѣтивъ мой костюмъ и золотое pince-nez, обратился ко мнѣ: „милостивый государь мой! началъ онъ (какъ теперь помню гнусную рожу этого субъекта):—войдите въ положеніе безъисходной нищеты, усугубленной нежданнымъ ударомъ судьбы! простри, о сытый! руку голоднымъ, дай имъ средства купить крестъ на могилу и устроить достойное поминовеніе усопшему рабу Алексѣю! Donnez quelques roubles!"—Оборванецъ былъ еще не пьянъ, и сквозь напускное, привычное, какъ ремесло, кривлянье слышалась дѣйствительно скорбная нота. Я терпѣть не могъ не только похоронъ, но даже упоминанія о покойникахъ, а тутъ, чуть не задѣвая меня по ногамъ, роспуски тронулись, и гробъ какъ-то заколыхался подъ плохо затянутыми веревками. Я едва успѣлъ достать изъ бумажника ассигнацію, какъ невыносимый смрадъ ошеломилъ меня, и я грохнулся почти безъ сознанія. Подскочили дворники, меня подняли и отнесли въ какую-то лавочку,—и представьте себѣ мое изумленіе, когда, придя въ себя, я увидѣлъ прелестное лицо Татьяны Николаевны, все въ слезахъ склонившееся надо мной... Обходя своихъ бѣдныхъ, она узнала о похоронахъ, зашла помочь и наткнулась на меня,

Digitized by Google

котораго несли дворники. Въ ея романтической головкѣ сейчасъ же сложилась цѣлая поэма, въ которой я представлялся какимъ-то другомъ человѣчества, тщательно скрывающимъ свое служеніе меньшой братіи. Всѣ подчасъ черствыя и безсердечныя разсужденія,—которыя я говорилъ по убѣжденію, такъ какъ признавалъ своимъ девизомъ: „la charité bien ordonnée commence par soi-même“, и въ силу этого изреченія не давалъ ни гроша никакимъ просящимъ,—она сочла за маску, за желаніе скрыть мои небывалыя благотворенія. Оборванецъ, который успѣлъ взять изъ моей руки ассигнацію (случайно очень крупную), уже передалъ ей цѣлый фантастическій разсказъ о томъ, что онъ знаетъ меня давно, часто былъ свидѣтелемъ моихъ тайныхъ благодѣяній, что я—провидѣніе бѣднаго люда, и пр. въ томъ же родѣ. Какой-то мальчишка, которому я случайно, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, какъ то далъ двугривенный на пряники, разсказалъ, что я одѣляю дѣтей лакомствами. Въ толпѣ, собравшейся на выносъ, очутился дворникъ того дома, въ которомъ я нанималъ мою секретную комнату и котораго я щедро оплачивалъ; онъ разсказалъ, что я много работаю, по цѣлымъ часамъ пишу, не разгибаясь, и для этого нанимаю комнату у бѣдныхъ людей, куда приношу свою работу, чтобы другіе не знали о ней. Однимъ словомъ, я сдѣлался какимъ-то таинственнымъ благодѣтелемъ человѣчества.

„Благодаря этому неожиданному случаю, мои отношенія къ Татьянѣ Николаевнѣ круто измѣнились. Она никому не заикнулась о нашей встрѣчѣ, не говорила о ней ни слова, но мало по малу въ ея обращеніи начало вновь проглядывать то братски-дружеское чувство, которое существовало между нами до ея замужества. Нужно при этомъ замѣтить, что она ошиблась въ своемъ мужѣ и вдругъ поняла, что въ его глазахъ она лишь красивое добавленіе къ тѣмъ имѣніямъ, которыя онъ, тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы и выйдя въ отставку, поѣхалъ осматривать и устраивать. Съ ея крёстной матерью мы скоро сошлись по старому, и это было необходимо, такъ какъ она жила у Татьяны Николаевны и шапронировала ее въ отсутствіи мужа. Я сказалъ сейчасъ: „необходимо“. Вы, можетъ быть, не догадываетесь, что лишь только мои отношенія съ Татьяной Николаевной возстановились, я тотчасъ же рѣшилъ, что она должна быть моею. Прежде я мечталъ сдѣлать изъ нея мою жену,—не потому, что я былъ въ нее влюбленъ. Этого не было:—она просто удовлетворяла во всемъ моимъ требованіямъ отъ идеала жены. Она была красива, богата, образована, имѣла большія, и родственныя,

Digitized by Google

и традиціонныя, связи въ высшихъ сферахъ, и, сдѣлавшись ея мужемъ, я смѣло могъ, какъ „свой", вступить въ тотъ заколдованный высшій кругъ, который прельщалъ и манилъ меня съ дѣтскихъ лѣтъ. Выходя замужъ не за меня, она разбивала лелѣянную много лѣтъ мечту, разрушала мой дорогой воздушный замокъ, наносила оскорбленіе моему непомѣрному самолюбію, но сердца моего не тронула, такъ какъ оно, — я былъ убѣжденъ,— было неуязвимо и не смѣло предъявлять никакихъ правъ, не смѣло спорить съ разсудкомъ, который лишь одинъ принималъ участіе въ устройствѣ моей жизни. Разсудокъ сплоховалъ, я потерялъ безграничную въ него вѣру, а о сердцѣ забылъ и думать. Я скоро разсчиталъ бонну, къ большому удивленію моей жены, которая была ею очень довольна, никакъ не подозрѣвая въ ней свою соперницу. Я началъ бояться случайностей, понимая, что разъ случай мнѣ помогъ, а въ другой разъ можетъ еще сильнѣе повредить. Старую секретную квартиру я бросилъ, уговоривъ ея хозяевъ переѣхать въ другую часть города, и даже помогъ имъ, съ непремѣннымъ условіемъ забыть обо мнѣ. Все таки я пріискалъ себѣ другое секретное помѣщеніе, но на этотъ разъ уже не въ захолустьѣ и при другой обстановкѣ. Я разъискалъ одну старую француженку, отставную гувернантку на пенсіи, и уговорилъ ее нанять квартиру не по ея средствамъ, съ условіемъ принять на себя бо́льшую половину платы и помогать ей. Эту старуху я очень быстро очаровалъ и привелъ въ полное порабощеніе. Я могъ быть твердо увѣренъ, что она исполнитъ каждое требованіе и не проговорится ни о чемъ, что́ бы я у нея ни дѣлалъ. Братъ Николай первый замѣтилъ, что между мной и Татьяной Николаевной существуютъ какіе-то секреты. Онъ обращался съ ней, какъ съ родной сестрой, говорилъ ей *ты*, цѣловалъ при всѣхъ, и это свободное братское обращеніе приводило меня въ ярость. Когда онъ, шутя и смѣясь, затѣвалъ у насъ или у Татьяны Николаевны импровизованные танцы, и носился то съ нею, то съ моей женой передъ моими глазами, ловко обхватывая ихъ стройныя таліи, меня душила накипѣвшая злоба, и слезы безсильной ярости подступали къ глазамъ. Мнѣ казалось, что онъ также легко и свободно возьметъ (или даже беретъ) любую изъ нихъ въ свои объятія, и онѣ обѣ также легко и просто отдадутся ему, какъ теперь кладутъ руку на его плечо для тура вальса. Я ревновалъ не только Татьяну Николаевну, но ревновалъ даже мою жену, къ которой уже ровно ничего не чувствовалъ и только иногда машинально язвилъ или бранилъ при случаѣ.

„Скоро вернулся Сергѣй Петровичъ, мужъ Татьяны Ни-

Digitized by Google

колаевны, и мы съ нимъ впервые познакомились. Это былъ одинъ изъ представителей только что нарождавшагося тогда типа „дѣльцовъ". Здоровый, сильный, онъ могъ безъ всякихъ дурныхъ для себя послѣдствій провести цѣлый день въ разъѣздахъ, дѣловыхъ визитахъ и свиданіяхъ, а затѣмъ цѣлую ночь напролетъ пропьянствовать въ веселой компаніи и, выпивъ непомѣрное количество вина, остаться совершенно трезвымъ. Довольно образованный, онъ при этомъ обладалъ значительною памятью и тѣ же стихи, которые я декламировалъ по книгѣ, онъ говорилъ очень звучно и умѣло наизустъ. Онъ продѣлывалъ на дѣлѣ все то, что я хотѣлъ бы продѣлывать, и успѣшно шелъ къ намѣченной имъ цѣли: сперва разбогатѣть какими бы то ни было, но лишь исполнимыми средствами, а затѣмъ уже достигнуть и „степеней извѣстныхъ". Не смотря на то, что онъ былъ моложе меня, и его личныя средства къ жизни были меньше моихъ, онъ уже съумѣлъ такъ себя поставить, что многіе его боялись и всѣ,— по крайней мѣрѣ, наружно, — относились къ нему съ большимъ почтеніемъ. Онъ первый познакомилъ меня съ биржевой игрой, со сложной механикой финансоваго и, только что возникавшаго, концессіонерскаго міра. Благодаря его совѣтамъ и указаніямъ, я тоже вошелъ въ этотъ міръ и началъ торговать моимъ перомъ, которое „котировалось" дорого. Я неожиданно получилъ новый источникъ дохода, которымъ и сталъ пользоваться, тщательно скрывая это отъ своихъ, работая и принимая новыхъ кліентовъ на моей секретной квартирѣ. Мнѣ нужны были деньги на всякій случай... Такъ прошелъ годъ. Моя страсть къ Татьянѣ Николаевнѣ росла и овладѣвала мною тѣмъ сильнѣе, чѣмъ тщательнѣе мнѣ приходилось ее скрывать. Дошло до того, что я не спалъ по цѣлымъ ночамъ, и яркія картины самаго циничнаго содержанія смѣнялись передъ моимъ распаленнымъ воображеніемъ, доводя меня до галлюцинацій. Жена и вся моя домашняя обстановка опротивѣли мнѣ окончательно. Дочка не подходила ко мнѣ по цѣлымъ днямъ, и кидалась на встрѣчу „дядѣ Колѣ", какъ къ любимому отцу; онъ возился съ нею по часамъ и находилъ удовольствіе въ ея безсмысленномъ лепетѣ. Раза два я засталъ мою жену въ слезахъ, чуть не на плечѣ у моего брата, который ни разу не заговаривалъ со мною о моихъ отношеніяхъ къ ней или къ ребенку. Меня это молчаніе злило, и разъ, когда я остался вдвоемъ съ женой, я вдругъ, неожиданно для самого себя, обратился къ ней:

„— Неужели вы, Елена Петровна, не можете понять все неприличіе вашего поведенія?

„Она подняла на меня свои большіе сѣрые глаза, отличав-

Digitized by Google

шіеся какимъ-то дѣтски-недоумѣвающимъ выраженіемъ, и тихо спросила:

„— Въ чемъ ты это находишь?

„— Въ вашей манерѣ обращаться съ вашимъ прекраснымъ beau frèr'омъ!

„— Отчего ты этого раньше не замѣчалъ? Эта манера началась съ перваго дня нашего съ нимъ знакомства.

„— Оттого-съ, что вы себѣ, наконецъ, Богъ знаетъ что позволяете. Вы цѣлуетесь чуть не при всѣхъ.

„Жена вспыхнула, посмотрѣла на меня съ глубокимъ, непритворнымъ изумленіемъ и, молча сложивъ свою работу, хотѣла выйти изъ комнаты.

„— Не смѣйте уходить, когда я съ вами говорю! завизжалъ я тѣмъ противнымъ голосомъ, который являлся у меня, когда я приходилъ въ ярость.—Извольте отвѣчать!

„—Ты не помнишь, что говоришь, тихо отвѣчала она, садясь и снова принимаясь за работу.—Не забудь, что наша дѣвочка рядомъ въ комнатѣ.

„— Какое мнѣ дѣло!—какая „наша", когда она, можетъ быть, только ваша!

„— Ты сходишь съ ума, André! вскрикнула наконецъ, не выдержавъ и вся блѣдная, жена.

„— Сойдешь съ ума, когда видишь въ тебѣ какую-то двумужницу. Ты его любовница, я это знаю!

„Она вторично встала, чтобы уйти, но я схватилъ ее за руку и ударилъ; въ то же мгновеніе, раздался звонокъ, и дочка кинулась мимо насъ въ переднюю съ крикомъ: „дядя Коля! дядя Коля! папа бьетъ маму!" Николай не вошелъ, а скорѣе вбѣжалъ въ комнату, но я уже выпустилъ изъ рукъ жену, и она сидѣла на диванѣ, судорожно вздрагивая всѣмъ тѣломъ и сдерживая подступившія рыданія. Братъ молча перевелъ глаза съ нея на меня. Взглядъ этотъ выражалъ глубокую скорбь, но въ немъ не было ни гнѣва, ни презрѣнія...

„— Ты, кажется, нездоровъ, André, сказалъ онъ:—у тебя жаръ и нѣтъ ли бреду?

„— Соня! обратилась жена къ дочери, пересиливъ ссбя:—скажи Петру, чтобы онъ сходилъ къ доктору и попросилъ его зайти къ намъ.

„Я опомнился и поддержалъ ихъ, сказавъ, что у меня ломитъ голову. Дѣйствительно я расхворался и проболѣлъ нѣсколько дней. Татьяна Николаевна,—отъ которой и братъ, и жена скрыли эту сцену и ей подобныя, часто повторявшіяся прежде, только безъ

Digitized by Google

„оскорбленія дѣйствіемъ“,—навѣщала насъ и раза два сидѣла у моей постели и читала мнѣ вслухъ. Сказать вамъ, что̀ я испытывалъ въ эти дни, я не съумѣю. Какъ я удерживался, чтобы не кинуться къ ея ногамъ,—не понимаю. Я лежалъ въ какомъ-то забытьѣ и буквально не слышалъ, а чувствовалъ ея приближеніе къ нашему дому за нѣсколько минутъ до звонка, когда она, въ разное время дня, заѣзжала къ намъ. Жена входила въ мой кабинетъ только приличія ради. Послѣ моего удара, она не приближалась ко мнѣ и разъ, когда, подавая мнѣ стаканъ, она почувствовала прикосновеніе моей руки, то вся вздрогнула и поблѣднѣла. Я какъ-то сразу понялъ и сразу же твердо убѣдился, что жены у меня больше нѣтъ.

V.

„Когда я совершенно оправился и началъ выѣзжать, Сергѣй Петровичъ, который все продолжалъ втягивать меня въ свои финансовыя аферы, собрался за границу. Уѣзжая, онъ поручилъ мнѣ свои дѣла и просилъ „наблюдать“ за своей женой.—„Вы, пожалуста, навѣщайте ее почаще,—сказалъ онъ мнѣ:—а то вашъ братецъ что-то очень съ нею коротокъ. Вы понимаете,—добавилъ онъ полу-шутя:—что я не признаю ревности, да мнѣ и некогда ревновать, но я боюсь сплетень и толковъ. Мнѣ не хочется вступать въ объясненія съ женой или съ вашимъ братомъ, а вамъ удобнѣе намекнуть имъ, что эта близость должна имѣть границы, въ особенности при постороннихъ. Я допускаю, что дружба съ дѣтскихъ лѣтъ имѣетъ свои права, но вѣдь всякому и каждому не приходится объяснять причину ихъ короткости“.—

„Я очень обрадовался возможности замѣтить моему брату неприличіе его обращенія съ Татьяной Николаевной и скоро воспользовался первымъ представившимся случаемъ. Старуха-крёстная переѣхала на дачу вблизи Ораніенбаума. Дача у нея была барская—огромный домъ съ флигелями, паркомъ, оранжереями. Она пригласила и насъ съ женою поселиться у нея, и мы зажили одной семьей. Братъ Николай пріѣзжалъ изъ лагеря каждую недѣлю и оставался на два и на три дня. Часто собирались сосѣди, и на большой лужайкѣ устраивались разныя игры, которыхъ я терпѣть не могъ еще съ юности. Я считалъ верхомъ глупости и неприличія, когда взрослые люди уподобляются дѣтямъ и съ визгомъ и криками бѣгаютъ, какъ оглашенные, гоняясь за какимъ нибудь мячемъ или другъ за другомъ. Правда, что самъ-

Digitized by Google

то я бѣгать не могъ и не умѣлъ, а отъ испарины портились мои притиранья. Однажды Николай, гоняясь за Таней, поймалъ ее за талію и, схвативъ на руки, принесъ на балконъ. Я обратился къ нему:

„— Неужели, братъ, ты не находишь этого неприличнымъ?

„— Что неприличнымъ? искренно изумился онъ.

„— Твою манеру обращаться съ кузиной.

„— Да я обращаюсь съ ней такимъ манеромъ съ тѣхъ поръ, какъ себя помню! отвѣтилъ онъ, смѣясь.

„— Ты понимаешь, конечно, что мнѣ это безразлично, но Сергѣй Петровичъ просилъ меня, при случаѣ, передать тебѣ, что ему это очень не нравится.

„Мы были на балконѣ втроемъ. Наступило неловкое молчаніе, и я помню, какъ Татьяна Николаевна вспыхнула и, прямо взглянувъ мнѣ въ глаза, довольно рѣзко проговорила:

„— На вашемъ мѣстѣ, André, я бы не взяла на себя передавать такую пошлость.

„Братъ смутился и, когда она удалилась, замѣтилъ мнѣ:

„— Странная у тебя способность отравлять самыя простыя отношенія. Теперь у меня не хватитъ духу обращаться съ Таней по старому, какъ съ сестрой, а на это обратятъ гораздо больше вниманія.

„Я скоро замѣтилъ неожиданныя послѣдствія моего вмѣшательства. Николай и Таня начали какъ-то сторониться другъ отъ друга, избѣгали оставаться наединѣ и, когда, прощаясь или здороваясь, Николай цѣловалъ ея руку, она вся вспыхивала и рѣдко дотрогивалась губами до его кудрявыхъ волосъ...

„Теперь—какъ-то искривился Андрей Николаевичъ: — я дошелъ до финала моей скорбной жизни и не знаю, съумѣю ли передать вамъ связно всѣ послѣдующія перипетіи моей драмы.. Я говорилъ уже вамъ о моихъ секретныхъ квартирахъ. За цѣлое лѣто я ни разу никого не принималъ у моей старухи-француженки и только изрѣдка назначалъ свиданія разнымъ биржевымъ зайцамъ и темнымъ гешефтмахерамъ, которые исполняли мои порученія. Прелестный будуаръ, устроенный въ одной изъ трехъ занимаемыхъ мною комнатъ, стоялъ необновленнымъ, и моя старуха все, бывало, трунитъ:

„— Eh bien, cher monsieur! quand donc allons nous pendre la crémaillère?

„Но мнѣ было не до празднованія новоселья. Я думалъ лишь о томъ, когда и какъ я рѣшусь открыться Татьянѣ Николаевнѣ и чѣмъ она мнѣ отвѣтитъ. Ея рѣзкое замѣчаніе на

Digitized by Google

мою выходку, по поводу вольностей Николая, не имѣло послѣдствій, и по временамъ она была со мною такъ ласково-довѣрчива, что мнѣ стоило немалыхъ усилій скрывать клокотавшую во мнѣ страсть. Съ женою я почти не говорилъ, и до сихъ поръ удивляюсь тому терпѣнію, съ которымъ мы переносили совмѣстную жизнь. Спальня на дачѣ у насъ была общая, и когда мы приходили въ нее на ночь, у обоихъ сразу какъ бы отнимался языкъ. Мы буквально, въ теченіе восьми часовъ, не обмѣнивались не только словомъ, но даже звукомъ. Дочь ни разу не переступила порога этой комнаты и ни разу, съ памятной сцены, когда я при ней ударилъ мать, не приласкалась ко мнѣ, а лишь утромъ и вечеромъ прикладывалась къ моей рукѣ съ неизмѣнными: bon jour или: bonne nuit, papa.

„Было получено извѣстіе о скоромъ возвращеніи Сергѣя Петровича, и мнѣ нужно было на что нибудь рѣшиться. Выждавъ минуту, когда Таня была особенно ласкова и довѣрчива со мной и повѣряла мнѣ свои задушевныя мысли и предположенія о проэктируемомъ ею дѣтскомъ пріютѣ (какъ всѣ бездѣтныя, она боготворила дѣтей), я сказалъ ей, что мнѣ необходимо многое ей передать, но что здѣсь, на дачѣ, этого сдѣлать невозможно, такъ какъ запираться намъ не приходится, а говорить съ перерывами и помѣхами я не могу.

„— Какъ же это устроить? совершенно просто спросила она.

„— У меня въ городѣ есть собственная, отдѣльная дѣловая квартира, отвѣтилъ я:—если вы не боитесь „le que dira-t-on“, то самое лучшее было бы въ ней намъ съѣхаться.

„— Кто и что могутъ сказать! вспыхнула она.— Я не маленькая и не ingénue,—могу ѣздить и бывать, гдѣ хочу.

„— Впрочемъ, есть даже предлогъ для дѣловаго посѣщенія. Сергѣй Петровичъ просилъ меня передать вамъ разныя цѣнности, которыя я купилъ по его порученію. Ихъ мнѣ доставятъ въ городѣ, а вамъ нужно будетъ отдать ихъ на храненіе въ банкъ. Только мнѣ бы не хотѣлось, чтобы всѣ наши знали о существованіи у меня отдѣльной квартиры, — добавилъ я, какъ бы вскользь.

„— Признайтесь, André, что квартира эта у васъ не для однихъ дѣловыхъ свиданій! пошутила Татьяна Николаевна.—Мнѣ очень интересно посмотрѣть вашъ „mon répos“. Гдѣ онъ находится?

„Я сказалъ адресъ, который она записала въ свою маленькую книжку. Вошедшіе въ комнату гости прервали нашу бесѣду. Какъ теперь помню этотъ и слѣдующіе дни. Во мнѣ шла

Digitized by Google

жестокая борьба страсти съ трусостью. Боязнь потерять навсегда возможность жить въ той близости къ Танѣ, которая установилась между нами, и смутная, невыясненная даже самому себѣ, надежда, что я не буду отвергнутъ, цѣлая вереница разныхъ предположеній—неустанно роились въ моей головѣ и держали меня въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи. Я объявилъ моей француженкѣ, что въ такой-то день она должна сократиться и ни подъ какимъ предлогомъ не возвращаться домой раньше сутокъ. На входныхъ дверяхъ былъ повѣшенъ билетикъ съ надписью, что до такого-то числа въ городѣ принимать никого не будутъ. Моимъ зайцамъ я объявилъ, что уѣзжаю на мѣсяцъ въ деревню. Съ этой стороны все было предусмотрѣно. Затѣмъ я взялъ заграничный паспортъ на свое имя и на имя моей жены, и приготовилъ довольно крупную сумму, на случай, если Таня согласилась бы (о чемъ я хотѣлъ ее умолять) уѣхать немедленно за границу. Со стороны начальства я уже давно заручился разрѣшеніемъ, въ случаѣ экстренной надобности, уѣхать за границу, не дожидаясь окончанія формальностей. Насталъ назначенный день свиданія. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался, я какъ-то деревенѣлъ и вмѣстѣ горѣлъ. Мысли мои, временемъ, путались. Сперва я хотѣлъ убрать всю квартиру цвѣтами, приготовить завтракъ, но потомъ сообразилъ, что Таня можетъ сразу догадаться, какого рода тайну я хочу сообщить ей. Все таки я не удержался отъ желанія физически на нее подѣйствовать и приготовилъ питье со льдомъ, рецептъ котораго привезъ изъ Парижа. Это былъ лимонадъ изъ разныхъ сортовъ вина, ликеровъ и спецій, на вкусъ очень легкій, но дѣйствующій сильно и на нервы, и на голову. День былъ жаркій, и я былъ убѣжденъ, что Таня, лишь только увидитъ ледяное питье, то нальетъ себѣ полный стаканъ, не ожидая предложенія. Въ часъ и двадцать съ половиною минутъ пополудни раздался звонокъ, и я, съ сильно бьющимся сердцемъ, чувствуя, что ноги у меня подкашиваются, повернулъ ключъ въ замкѣ и поднялъ дверной крюкъ.

„Какъ теперь ее вижу!“—оживился Андрей Николаевичъ и даже привсталъ съ завалинки. Его нескладная, толстая, сутуловатая фигура, вся облитая лучами луны, выплывшей изъ-за горъ, бросала длинную тѣнь, и это карикатурное повтореніе жестикулировало по землѣ коротенькими ручками. Иванъ Павловичъ невольно усмѣхнулся, сопоставляя разсказчика въ его настоящемъ видѣ съ героиней разсказа, одно воспоминаніе о которой его такъ воспламенило.

„Хороша была Таня въ тотъ день! продолжалъ Андрей Ни-

Digitized by Google

колаевичъ. — Черное барежевое платье съ прозрачными рукавами облегало мягкими складками ея стройный станъ, и матово-смуглое, упругое тѣло шеи и рукъ сквозило сквозь прозрачную матерію. Черные волосы выбивались изъ-подъ соломенной шляпки съ золотистыми лентами, и масса вьющихся локончиковъ, какъ ореолъ, окружала ея большой, гладкій, точно мраморный лобъ. Ярко-пунцовыя, полуоткрытыя губы прелестнаго рта еще рѣзче выдавали бѣлизну маленькихъ, точно у мышки, зубовъ, и громадные черные глаза, полузакрытые длинными, пушистыми рѣсницами, горѣли и сверкали, смѣялись и ласкали... У меня едва хватило силъ запереть дверь за влетѣвшей въ комнату гостьей. Я едва накинулъ крюкъ и, забывъ повернуть ключъ въ замкѣ, пошелъ вслѣдъ за ней. Какъ я и ожидалъ, она, увидѣвъ хрустальный кувшинъ съ кусочками льду, налила себѣ полный стаканъ питья иразомъ его выпила.

„— Что за странный вкусъ? обратилась она ко мнѣ.

„— Развѣ можно пить, не спросясь, да еще и со льдомъ, пошутилъ я, переставляя кувшинъ на этажерку.—Знаете, какъ легко схватить воспаленіе.

„— Я не боюсь, отвѣтила она, снимая шляпку и стягивая перчатки съ рукъ.—Покажите мнѣ ваши секретныя владѣнія; я хочу все осмотрѣть, чтобы имѣть понятіе о томъ, какъ вы устраиваетесь по секрету.

„Она прошла во вторую комнату. Первая была меблирована полузалой и полугостинной, вторая—кабинетомъ и третья—будуаромъ; всѣ онѣ выходили на улицу. Кромѣ нихъ, были въ квартирѣ еще двѣ комнаты, въ которыхъ жила хозяйка, и большая кухня съ выходомъ на черную лѣстницу. Комнаты хозяйки были заранѣе заперты мною, и ключи спрятаны. Когда Татьяна Николаевна переступила порогъ третьей комнаты, она вдругъ остановилась и обернулась ко мнѣ.

„— Что это? я думала, у васъ тутъ холостая спальня, а это настоящій будуаръ. Значитъ, квартира эта у васъ не для однихъ дѣловыхъ свиданій и работы, требующей уединенія? Еслибъ я знала, то никогда бы сюда не пріѣхала!

„— Клянусь вамъ, Татьяна Николаевна, что ни одна женщина, кромѣ старухи, моей хозяйки, ни разу не переступала порога этой комнаты.

„—Тогда для чего же вы ее устроили?

„— Я мечталъ, что когда нибудь настанетъ минута, въ которую вы рѣшитесь навѣстить преданнаго друга...

„— Постойте, André! перебила она меня.—Друзей принимаютъ

Digitized by Google

въ кабинетѣ, а не въ будуарѣ. Я васъ прошу запереть эту комнату, и мы вернемся въ вашу пріемную. Я, кажется, сдѣлала непростительную ошибку...

„Я вдругъ испугался, что она сейчасъ уйдетъ, уйдетъ навсегда, безвозвратно... Я кинулся къ ней и, быть можетъ, впервые въ жизни разразился искреннимъ и краснорѣчивымъ монологомъ. Живыми, яркими красками описалъ я ей мою любовь, то есть—какъ я уже говорилъ откровенно—не любовь, а страсть, которая овладѣла всѣмъ существомъ моимъ. Но, по мѣрѣ того, какъ я говорилъ, Татьяна Николаевна блѣднѣла, и ужасъ овладѣвалъ ею; когда же, дойдя до изступленія, я кинулся къ ея ногамъ, она съ громкимъ крикомъ побѣжала отъ меня. Я догналъ ее въ первой комнатѣ и схватилъ за руки; она вырвалась. Въ эту минуту раздался звонокъ; мы оба замерли. Звонокъ прозвенѣлъ еще и еще разъ,—сильная рука рванула входную дверь, крючокъ соскочилъ, и мой братъ вошелъ къ намъ. Лишь только Таня его узнала, какъ съ радостнымъ возгласомъ: „наконецъ ты! это ты!“ бросилась ему на шею. Оказалось потомъ, что безотчетно, не довѣряя мнѣ вполнѣ, она просила его заѣхать за нею. Братъ взялъ ее на руки и отнесъ на диванъ; она была въ легкомъ обморокѣ. Онъ оглядѣлся и, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія, взялъ съ этажерки кувшинъ съ питьемъ и хотѣлъ намочить платокъ, но вдругъ остановился, попробовалъ жидкость и взглянулъ на меня съ такимъ презрѣніемъ, что я разомъ пришелъ въ себя и бросился въ другую комнату къ письменному столу.

„Съ дѣтства не любя оружія вообще, а огнестрѣльнаго — въ особенности, я все таки держалъ у себя револьверъ, такъ какъ, принимая разныхъ подозрительныхъ дѣльцовъ, считалъ необходимымъ, на всякій случай, имѣть подъ рукой средство запугать. Револьверъ мнѣ зарядили еще въ магазинѣ, когда я его покупалъ, но я имѣлъ весьма смутное понятіе о томъ, какъ изъ него стрѣляютъ. Я зналъ лишь, что мой револьверъ какого-то двойнаго дѣйствія, и началъ тянуть курокъ; руки у меня тряслись, и меня била лихорадка. Моей первой мыслью было застрѣлиться. Курокъ выскочилъ изъ-подъ пальца, и раздался выстрѣлъ. Братъ и Таня вбѣжали ко мнѣ. Я стоялъ съ дымящимся револьверомъ въ рукѣ и тупо смотрѣлъ на нихъ. Они обмѣнялись взглядомъ, и нужно же было Татьянѣ Николаевнѣ усмѣхнуться и проговорить: „даже стрѣлять не умѣетъ“. Эта простая фраза, сопровождаемая усмѣшкой, сразу перевернула весь строй моихъ мыслей:—меня охватилъ страшный припадокъ безсильной, мучительной злобы; я почувствовалъ неудержимое желаніе уничтожить, растерзать

Digitized by Google

ихъ обоихъ. Я сознавалъ отчетливо, что въ ихъ глазахъ я—какой-то презрѣнный, гадкій червякъ, котораго даже не стóитъ раздавить и котораго они готовы просто отбросить со своей дороги... И тутъ почему-то я отчетливо вспомнилъ слова оружейника: „при нападеніи слѣдуетъ нацѣлить револьверъ выше головы противника и сильно потянуть собачку—револьверъ сдѣлаетъ самъ свое дѣло". Раздался еще выстрѣлъ, и дѣло было сдѣлано. Братъ какъ-то качнулся въ сторону и затѣмъ всею тяжестью упалъ на меня; я не удержался на ногахъ и тоже упалъ навзничь, ударился головой объ уголъ стола и потерялъ сознаніе. Раздирающій вопль Татьяны Николаевны показался мнѣ уже какимъ-то далекимъ, слабымъ звукомъ".

Андрей Николаевичъ опустилъ голову на руки и замолкъ. Его слушатель не могъ опредѣлить: плачетъ ли разсказчикъ, или просто закрылъ лицо. Кругомъ ихъ царила мертвая тишина; наступилъ тотъ моментъ ночи, когда все заснуло, и еще ничто не просыпается; ночныя птицы и животныя уже разлетѣлись и разбрелись по своимъ логовищамъ, мѣсяцъ скрылся, и предразсвѣтный тусклый полумракъ сизоватымъ туманомъ окутывалъ всѣ предметы. Утренній вѣтеръ еще чуть шевелилъ верхушками деревьевъ, и листья, едва замѣтно колеблясь въ воздухѣ, одни лишь вели немолчную бесѣду. Становилось свѣжо и сыро, костеръ у шалаша едва курился.

— Не пойти ли поспать въ мою клѣтушку? вдругъ поднялъ голову Андрей Николаевичъ:—еще заснуть успѣемъ.

Онъ говорилъ совершенно спокойно, какъ будто между ними воцарилось молчаніе послѣ обѣденнаго пустаго разговора.

— Я думалъ, что вы окончите вашъ разсказъ.

— А развѣ я не кончилъ? Смѣю думать, что дальнѣйшее вы сами можете дополнить. Меня судили, осудили, присудили и сослали. Восемь лѣтъ былъ я каторжникомъ, а теперь вѣчный поселенецъ—до того дня, когда получу наконецъ надѣлъ земли, который полагается каждому двуногому. А еще толкуютъ про обезземеленный пролетаріатъ! Рано ли, поздно ли, а каждый шесть квадратныхъ аршинъ земли въ надѣлъ получитъ!

— Вамъ развѣ не дали снисхожденія?

— Это присяжные-то? что̀ вы-съ! какъ мóжно? Каину снисхожденіе! Болваны такъ и остались при убѣжденіи, что я виновенъ, какъ будто̀ дѣйствительно съ моей стороны вина была.

— Да вѣдь, кажется, вы сами говорили, что вамъ слышится голосъ?..

Digitized by Google

— Это болѣзнь во мнѣ-съ! когда разсудокъ затемняется. Во-первыхъ, я никого не убилъ..

— То есть, какъ не убили?

— Такъ-съ! не убилъ, потому что мой братецъ черезъ двѣ недѣли уже былъ на ногахъ. Пуля пробороздила его по ребрамъ—очень круты они у него—и остановилась, даже не тронувъ спиннаго хребта. Слѣдовательно, было покушеніе на убійство, и не скажи Татьяна Николаевна, что я будто бы крикнулъ: „посмотрите, какъ я умѣю убивать!"—а я этого даже не помню—такъ бы и сочли за покушеніе. Развѣ *я* хотѣлъ его убить? развѣ я ожидалъ его появленія? Я себя, понимаете ли, *себя* хотѣлъ убить! А, затѣмъ-съ, я дѣйствовалъ безсознательно, подъ вліяніемъ аффекта, которому былъ подверженъ съ дѣтскихъ лѣтъ, который былъ во мнѣ развитъ, благодаря потворству тетушки. Какая мнѣ была польза отъ убійства? Ровно никакой—одинъ лишь вредъ, и моральный, и матеріальный, а въ здравомъ умѣ никто себѣ вреда не дѣлаетъ. Убійство—только тогда преступленіе, когда оно задумано съ цѣлью чего нибудь достигнуть, что нибудь пріобрѣсть.

— А съ цѣлью отомстить, сорвать злобу, отдѣлаться отъ помѣхи? перебилъ разсказчика Иванъ Павловичъ.

— Вы точно прокуроръ-съ!—злобно отозвался ссыльный.

— Я только напоминаю вамъ мотивы, о которыхъ вы не упомянули. Все таки у васъ, сколько я могъ замѣтить, слѣдя внимательно за вашимъ разсказомъ, является сожалѣніе о сдѣланномъ?

— Сожалѣніе?! это у меня-то сожалѣніе? да кого же я жалѣть буду, кромѣ себя, своей судьбы, которая такъ меня исковеркала? Вѣдь тѣмъ-то, изъ-за которыхъ я сюда попалъ, я устроилъ счастіе; я имъ такое сдѣлалъ одолженіе, что они должны были бы только объ одномъ и думать, какъ со мной расквитаться. Вѣдь вы поймите, что братъ мой дождался—о, скоро дождался!—вдовства Татьяны и женился на ней; что жена моя вошла, какъ опекунша дочери, въ полное владѣніе всѣмъ моимъ имуществомъ и, конечно, завела любовника, если не съ нимъ же, съ недобитымъ-то, живетъ! И ихъ-то я жалѣть буду! Да знаете ли, что они осмѣлились мнѣ пенсію назначить, въ отвѣтъ на мои письма,—по сторублевой бумажкѣ присылать, а когда я имъ отпѣлъ правду, такъ совсѣмъ перестали обо мнѣ думать, и третій годъ вѣстей отъ нихъ нѣтъ! Себя я жалѣю, да-съ! жалѣю, что силъ у меня нѣтъ туда пробраться и о себѣ такъ напомнить, чтобы отъ ужаса у нихъ разумъ помутился. Да нѣтъ, счастливы они! нѣтъ у меня ни силъ, ни храбрости, ни умѣнья; нѣтъ и здоровья. Я червякъ! понимаете ли, и даже не змѣя, у которой

Digitized by Google

зубъ наполненъ ядомъ, даже не удавъ, который можетъ затянуть и задавить въ своихъ кольцахъ! Червь, который сброшенъ съ дороги и долженъ, корчась и изгибаясь, безслѣдно погибнуть въ дебряхъ Сибири! О, чтобъ имъ!

Андрей Николаевичъ вскочилъ и, потрясая въ воздухѣ своими пухлыми руками, взвизгивалъ какимъ-то бабьимъ визгомъ. Его жалобы и проклятія походили на вой и причитыванье деревенскихъ бабъ.

Скоро онъ запыхался и, тяжело дыша, грузно опустился на завалинку.

— Такъ все на свѣтѣ-съ! Vae victis! горе побѣжденнымъ! И вы теперь думаете: „Каинъ, а тоже толкуетъ о своей невинности!“ А въ душу мою, которую я вамъ открылъ, заглянуть сочувственно не хотите. Я помню, съ какимъ теплымъ участіемъ, съ какой лаской обратились вы къ Ванькѣ, который жену убилъ. Вы, небось, тогда говорили о его скорбной долѣ, о его мученіяхъ, а теперь у васъ не находится ни слова участія, ни снисхожденія. Конечно, тотъ вѣдь представитель изъ народа, черноземная сила, а я...

— У того, у Ваньки, во-первыхъ, было раскаяніе; во-вторыхъ, онъ сознавалъ самъ себя вполнѣ виновнымъ, а вы....

— А я-съ не подчиняюсь никакому православному духу и говорю правду, смотрю на вещи трезво, какъ человѣкъ образованный, оправдываю себя путемъ логики и анализирую фактъ согласно современнымъ воззрѣніямъ передовыхъ людей, для которыхъ клички ничего не выражаютъ.

— Какія клички?

— Да хотя бы моя-съ. Вы ужь, конечно, ее слышали: „Каинъ“.

Да, Иванъ Павловичъ ее слышалъ, помнилъ всѣ разсказы о ссыльномъ, вспомнилъ нелестные отзывы о немъ рабочихъ, и только теперь дряблая, желчно-завистливая, злобно-эгоистичная личность ссыльнаго стала ему понятна.

— Простите, Андрей Николаевичъ, сказалъ онъ, подымаясь на встрѣчу подходившему конюху: — но вы сами вызываете меня на отвѣтъ. Вы не просто Каинъ. Тотъ былъ страшенъ, и отъ его вида даже звѣри, по преданію, въ ужасѣ разбѣгались. Вы — „современный Каинъ“. Вы играли роль, вамъ не удался дебютъ, и теперь вы клянете человѣчество. Помните предсмертную фразу Нерона:—„какой великій актеръ во мнѣ погибаетъ!“

Андрей Николаевичъ изумленно взглянулъ на своего собесѣдника, но не промолвилъ ни одного слова, покуда тотъ осѣдлывалъ свою лошадь. Они сухо простились и разстались навсегда.

Вадимъ Р—овъ.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ ПРЕФЕКТА ПОЛИЦІИ.

Л. Андріё.

Глава X.

Болѣе точныя свѣдѣнія о секретныхъ фондахъ. — Зараза.— Префектъ, желающій располагать секретными фондами.—Уничтоженіе полицейскаго надзора за общественной нравственностью.—Обманчивый маневръ.—Записныя проститутки.—„Дома свиданій".—Дѣло въ улицѣ Дюфо.

Нужно много самоотверженія и преданности отечеству, чтобы принять на себя званіе министра: такъ, по крайней мѣрѣ, выражаются офиціозныя газеты, періодически принимаясь развивать эту излюбленную тему. Поваръ Гамбетты, Тромпетъ—служившій для него офиціознымъ органомъ въ своемъ родѣ—обыкновенно говорилъ: „Мой господинъ занимаетъ свою должность только ради славы. Министерскаго жалованья не хватаетъ ему даже на столъ, потому что я одинъ расходую у него ежегодно до 60,000 франковъ и даже болѣе".

Услужливыя газеты—рекламирующія министровъ не хуже словоохотливаго повара—толкуютъ съ своей стороны: „Члены кабинета остаются на своихъ мѣстахъ единственно въ интересахъ родины: патріотизмъ стоитъ у нихъ на первомъ планѣ. Каждому изъ насъ хорошо извѣстно, что они выйдутъ изъ министерства еще бѣднѣе, чѣмъ вступили туда. На службѣ имъ приходится соблюдать строгую экономію; чтобы свести концы съ концами, министру нужно лично провѣрять счеты мясника и прачки, потому что жалованье въ 60,000 франковъ представляетъ слишкомъ скромную цифру въ виду офиціальныхъ пріемовъ и различныхъ торжественныхъ случаевъ.

„Укажемъ для примѣра на министра Вальдека-Руссо: на прошлой недѣлѣ онъ не спалъ цѣлую ночь, стараясь припомнить, на что были издержаны имъ десять сантимовъ, которыхъ онъ не досчитался вечеромъ при провѣркѣ своихъ расходовъ за истекшій день. Ошибка въ десять сантимовъ для человѣка акуратнаго и

Digitized by Google

хорошаго счетовода не менѣе важна, какъ и ошибка въ сто тысячъ франковъ. Хорошій счетоводъ не успокоится, пока не найдетъ своего баланса. Такимъ образомъ, министръ Вальдекъ-Руссо, изнемогая отъ усталости, просидѣлъ за счетами до четырехъ часовъ утра, пока наконецъ не вспомнилъ, что недостающіе десять сантимовъ были издержаны имъ на покупку нумера журнала „Лига“ въ кіоскѣ газетчика на углу предмѣстья С.-Онорэ и аллеи Мариньи. Для хорошаго счетовода обязательно привести въ извѣстность самую незначительную сумму“.

Однако офиціозные листки старательно замалчиваютъ то обстоятельство, что, сверхъ 60,000 франковъ жалованья, министръ внутреннихъ дѣлъ получаетъ ежегодную прибавку въ два милліона безъ всякаго вычета на пенсію.

Онъ можетъ располагать этими деньгами по усмотрѣнію: можетъ содержать на нихъ агентовъ или кокотокъ, подкупать чужую совѣсть или пріобрѣтать процентныя бумаги. Вообще, здѣсь открывается обширное поле для личнаго произвола. Но, впрочемъ, нѣтъ; спѣшу сдѣлать оговорку: правительство все таки нашло, что было бы слишкомъ странно довѣрить два милліона франковъ въ безотчетное распоряженіе первому встрѣчному, который сдѣлался министромъ, иногда только благодаря непредвидѣннымъ превратностямъ парламентской жизни. Поэтому администрація изобрѣла нѣкоторое подобіе контроля надъ обладателями министерскихъ портфелей, спеціально для отвода глазъ довѣрчивой публикѣ. Къ концу каждаго года министръ внутреннихъ дѣлъ подписываетъ бумагу, адресованную президенту республики, гдѣ удостовѣряетъ, что секретные фонды издержаны „согласно ихъ назначенію“.

Въ этой бумагѣ нѣтъ никакихъ дальнѣйшихъ объясненій; къ ней не приложено ни одного документа, который подтверждалъ бы заявленіе министра. При монархическомъ образѣ правленія контроль главы государства могъ представлять извѣстную гарантію, еслибы императоръ счелъ нужнымъ примѣнить его на дѣлѣ. Государь былъ лицомъ отвѣтственнымъ; онъ имѣлъ право требовать объясненій со стороны своихъ министровъ, потому что они были только его ближайшими подчиненными. Между тѣмъ настоящая конституція не допускаетъ президента республики до серьезнаго контроля. Здѣсь отвѣтственными лицами являются одни министры; президентъ не царствуетъ и не управляетъ. По смыслу конституціи, онъ существуетъ для помпы и для національнаго тщеславія, а вовсе не для контроля. Ему не присвоено законнаго права провѣрять употребленіе секретныхъ фондовъ, и пре-

Digitized by Google

зидентъ фактически не прибѣгаетъ къ этой провѣркѣ; министру достаточно заявить, что упомянутый солидный кушъ въ два милліона франковъ израсходованъ имъ „согласно назначенію", и всѣ дальнѣйшія формальности оказываются ненужными.

Достойно замѣчанія, что отъ многихъ государственныхъ суммъ, въ которыхъ администрація обязана отдавать отчетъ, бываютъ отъ времени до времени остатки, ассигнуемые для покрытія бюджета слѣдующаго года, тогда какъ секретные фонды неизмѣнно расходуются на пользу государства цѣликомъ, до послѣдняго су. Хотя, изъ остающихся суммъ, служащимъ при министерствѣ дѣйствительно назначаются награды, но не слѣдуетъ забывать, что первымъ чиновникомъ своего министерства состоитъ самъ министръ.

Мнѣ, пожалуй, возразятъ, что услуги офиціозной прессы представляютъ одну изъ самыхъ разорительныхъ статей расхода для каждаго министра, въ чемъ нетрудно убѣдиться на дѣлѣ. Все это вѣрно, однако для вознагражденія органовъ печати министру не нужно касаться завѣтныхъ двухъ милліоновъ. Онъ лично, самъ, или при посредствѣ своихъ товарищей, располагаетъ иными секретными фондами подъ видомъ казенныхъ концессій, торговъ, подрядовъ и, въ особенности, знаковъ почетнаго легіона. Если какой нибудь банкиръ пожелаетъ имѣть орденокъ, ему стоитъ только внести приличную лепту въ кассу министерской газеты. Въ подтвержденіе своихъ словъ, укажу на общеизвѣстный случай съ Вейль-Пикаромъ. Вейль-Пикаръ былъ человѣкъ достойный и заслуживалъ отличія. Но кто станетъ отрицать, что нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, приподнесенныхъ имъ министерскому органу, не играли никакой роли въ назначеніи ему награды? Что же сказать послѣ этого о многихъ другихъ лицахъ совершенно не заслуживавшихъ отличія и все таки получившихъ желанную ленточку и даже розетку!

Министръ внутреннихъ дѣлъ ежегодно выдаетъ полицейскому префекту шестьсотъ тысячъ франковъ на содержаніе политической полиціи. У него остается на свое министерство милліонъ четыреста тысячъ франковъ, и въ обыкновенные года онъ истрачиваетъ изъ нихъ согласно назначенію не болѣе пятисотъ тысячъ; слѣдовательно, остальная сумма, почти въ милліонъ, составляетъ, такъ сказать, его „карманныя деньги".

Кромѣ того, секретные фонды отпускаются правительствомъ не одному министру внутреннихъ дѣлъ; каждый изъ министерскихъ департаментовъ получаетъ особую ассигновку. Однако я воздержусь отъ дальнѣйшихъ разсужденій объ этомъ предметѣ.

Digitized by Google

Другимъ лицамъ, раньше меня, слѣдовало бы пролить нѣкоторый свѣтъ на кассу секретныхъ фондовъ. Но одни изъ нихъ были министрами, другіе состоятъ ими теперь, третьи надѣются ими сдѣлаться потомъ, и такимъ образомъ никто не хочетъ „испортить ремесло".

— Но тогда, скажете вы, казенныя суммы подвергаются разграбленію?

Успокойтесь, гражданинъ, я не сказалъ ничего подобнаго: иначе меня обвинили бы въ нарушеніи профессіональныхъ тайнъ. Избѣгая рѣзкихъ выраженій, замѣчу только, что *свободное расходованіе* секретныхъ фондовъ освящено обычаемъ. Если заинтересованныя лица распоряжаются ими теперь, повидимому, еще безцеремоннѣе, чѣмъ прежде, то ихъ образъ дѣйствій имѣетъ свою основательную причину. У насъ учреждено нѣчто въ родѣ анонимнаго общества, уставы котораго не представляютъ для администраторовъ никакой гарантіи прочности. Дѣлами подобнаго рода никогда не распоряжаются, какъ бы слѣдовало, по отечески. Пока большинство въ собраніи акціонеровъ стоитъ на ихъ сторонѣ, члены административнаго совѣта спѣшатъ этимъ воспользоваться, чтобы нагрѣть себѣ руки. Безцеремонность, съ которою высшія власти распоряжаются секретными фондами, подаетъ дурной примѣръ различнымъ агентамъ административной іерархіи. Но когда одинъ изъ нихъ не устоитъ передъ соблазномъ доктрины или традиціи *свободнаго расходованія* завѣтныхъ суммъ, министръ выказываетъ большую снисходительность, очевидно, руководствуясь мудрой пословицей древнихъ: *Homo sum, et nihil humani a me alienum puto*!

Чтобы недалеко ходить за примѣромъ, ограничусь указаніемъ на Андрэ де-Тремонтеля. Извѣстно, что преемникъ этого префекта, Деманжа, обвинилъ передъ министромъ своего предшественника въ лихоимствѣ. Разборъ дѣла затянулся надолго: тѣмъ временемъ де-Тремонтеля, состоявшаго префектомъ Корсики, повысили въ чинѣ, а Деманжа.... отставили отъ должности. Обвиненіе въ лихоимствѣ получило огласку; поэтому министръ Вальдекъ-Руссо, находя невозможнымъ оставить обезславленнаго префекта во главѣ департамента, вызвалъ его въ Парижъ и зачислилъ въ запасъ, съ сохраненіемъ содержанія.

Если Андрэ де-Тремонтель былъ невиновенъ, то отчисленіе въ запасъ представляло незаслуженную немилость; въ противномъ же случаѣ, оставить за взяточникомъ званіе префекта съ окладомъ жалованья въ 6,000 франковъ—было со стороны министра равносильно самому неизвинительному потворству. Я покорнѣйше

Digitized by Google

попросилъ Вальдека-Руссо объяснить мнѣ такой поступокъ съ трибуны.

— Дѣло передано суду, отвѣчалъ онъ:—и теперь, по моему настоянію, отъ Деманжà потребовали доказательствъ его клеветы.

Я преклонился передъ правосудіемъ, выжидая приговора магистратуры и откладывая до тѣхъ поръ повтореніе своего запроса. Однако министру не удалось отдѣлаться отъ объясненій съ палатой, прежде чѣмъ онъ не привелъ кое-какихъ, довольно неосновательныхъ, оправданій передъ лицомъ представителей страны.

Между тѣмъ интересное дѣло, по прежнему, ждало своей очереди; проходили дни за днями, а Деманжà не получалъ никакихъ извѣстій о Тремонтелѣ. Ясно, что здѣсь могло быть одно изъ двухъ: или Тремонтель былъ дѣйствительно взяточникомъ, или Деманжà оклеветалъ своего предшественника. Молчаніе запаснаго префекта говорило не въ его пользу.

Я снова публично поднялъ вопросъ. Министръ сознался, что онъ не доносилъ еще суду объ этомъ дѣлѣ, но намѣренъ въ скоромъ времени донести. Такимъ образомъ, прошедшее съ теченіемъ времени стало будущимъ. Я терпѣливо ждалъ развязки. Въ настоящее время, де-Тремонтель пропустилъ сроки давности. Онъ спрашивалъ совѣта лучшихъ законниковъ, какъ ему поступить; ему сказали, что въ сомнительныхъ случаяхъ благоразумнѣе всего прибѣгнуть къ пассивному сопротивленію; запасный префектъ такъ и сдѣлалъ.

Но какимъ образомъ министръ Вальдекъ-Руссо отнесся къ неповиновенію своего подчиненнаго? Мнѣ говорили, что Андрэ де-Тремонтель лишился жалованья, пропустивъ сроки давности для поданія жалобы. Я готовъ предположить, что послѣднимъ распоряженіемъ министръ внутреннихъ дѣлъ хотѣлъ загладить свое долгое потворство. Однако палата, пожалуй, еще не удовлетворится такимъ финаломъ любопытнаго инцидента: Въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, разскажу анекдотъ, метко характеризующій де-Тремонтеля, какъ человѣка и чиновника. Бывшій префектъ полиціи имѣлъ у себя старый бюстъ Республики, офиціальнаго типа, увѣнчанный звѣздой и колосьями. Этотъ бюстъ сопровождалъ де-Тремонтеля по всѣмъ подпрефектурамъ и префектурамъ съ самаго начала его административной карьеры и красовался въ префектовскомъ кабинетѣ въ Родезѣ. Поистершись отъ времени и пострадавъ отъ копоти газовыхъ рожковъ, гипсовая эмблема пришла въ значительную ветхость. Тогда префекту Авейрона пришла счастливая идея отдѣлаться отъ символическаго бюста насчетъ государственной казны.

Digitized by Google

Съ этою цѣлью онъ заключилъ сдѣлку съ самимъ собою, одновременно представивъ изъ себя и продавца, и покупателя. Судя по всѣмъ даннымъ, заключенный торгъ былъ выгоденъ ему въ качествѣ продавца. Дѣйствительно, Андрэ де-Тремонтель, какъ частное лицо, продалъ Андрэ де-Тремонтелю, префекту Авейрона, за 226 франковъ вышеописанный бюстъ для меблировки префектуры. Но сумма, ассигнованная на меблировку, была истрачена. Однако это вульгарное соображеніе не остановило находчиваго префекта. Онъ велѣлъ выдать талонъ въ 226 франковъ на имя обойщика префектуры изъ суммъ, отпущенныхъ на иллюминацію 14-го іюля, и поставщикъ, посвященный въ устроенную сдѣлку, добросовѣстно вручилъ префекту полученныя имъ деньги.

Еслибы мы спросили Вальдека-Руссо, въ чемъ заключается мораль приведеннаго анекдота, то онъ навѣрно сказалъ бы, что правительству необходимо увеличить цифру секретныхъ фондовъ.

Полицейскій надзоръ за нравственностью, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, служилъ поводомъ къ самымъ ожесточеннымъ нападкамъ на полицейскую префектуру. Это движеніе началось прежде всего въ Англіи, гдѣ оно было вызвано въ 1870 году по иниціативѣ порядочныхъ женщинъ. Ихъ почтенный кружокъ издавалъ еженедѣльный журналъ, требовавшій отмѣны спеціальныхъ законовъ о проституціи. Усердіе англійскихъ дамъ не замедлило перейти въ фанатизмъ; въ своемъ негодованіи противъ полицейскихъ мѣропріятій, члены новаго общества принимали на вѣру самые нелѣпые и невѣроятные слухи, распространяя ихъ со своей стороны между читающей публикой. Наконецъ смѣлыя пропагандистки основали международную лигу, чтобы достигнуть отмѣны законовъ о проституціи. Лига имѣла своихъ миссіонеровъ, ѣздившихъ по Европѣ и посѣтившихъ Парижъ, гдѣ они примкнули къ Иву Гюйо съ его кликой.

Однако въ Англіи почтенными членами федераціи даже въ самыхъ заблужденіяхъ руководили чувства человѣколюбія, уваженія къ женскому достоинству и къ личной свободѣ, тогда какъ въ Парижѣ было совершенно иначе. Здѣсь сторонники оппозиціи прежде всего преслѣдовали политическія цѣли, нимало не заботясь объ общественномъ благѣ и даже забывая всякую добросовѣстность.

Съ 1878 года фантастическіе вымыслы нѣкоторыхъ газетъ до крайности возстановили общественное мнѣніе противъ полицейскаго надзора за нравственностью. Нужно сознаться, что про-

Digitized by Google

махи агентовъ дѣйствительно подавали поводъ къ скандаламъ, что подтверждало нападки прессы на полицейскую префектуру. Но, во всякомъ случаѣ, журналамъ не слѣдовало злонамѣренно преувеличивать число этихъ грустныхъ недоразумѣній. Такъ называемой „полиціи нравовъ“ совершенно несправедливо приписывали многіе случаи, гдѣ она нисколько не была виновата. Извѣстно, что авторъ наглаго нападенія на дѣвицу Руссейль не служилъ ни въ одномъ изъ отдѣловъ префектуры, и что его подвергли суду исправительной полиціи за присвоеніе непринадлежащей ему власти. Все это не помѣшало однако газетамъ постоянно указывать на происшествіе съ г-жею Руссейль, какъ на самый выдающійся примѣръ грубыхъ ошибокъ и злоупотребленій, совершаемыхъ „полиціей нравовъ“. Передавая курьезную исторію Люси Бернажъ, я достаточно ясно доказалъ читателямъ, что артистка третьяго Французскаго театра вовсе не подвергалась оскорбленію не только со стороны полицейскаго агента, но и вообще со стороны кого бы то ни было. Тѣмъ не менѣе, если какой нибудь Плутархъ парижской прессы принимался повѣствовать о знаменитыхъ женщинахъ, жертвахъ агентовъ-блюстителей нравственности, Люси Бернажъ непремѣнно появлялась на сцену вслѣдъ за г-жей Руссейль. Если полицейскіе агенты дѣлали промахи,—къ счастію, очень рѣдкіе,—то они въ этомъ случаѣ шли по стопамъ не журналистовъ, конечно (журналисты, какъ извѣстно, народъ непогрѣшимый), но чиновниковъ по другимъ отдѣламъ администраціи, не исключая даже судебнаго вѣдомства.

При розыскахъ вора или убійцы, полиціи иногда случается арестовать совершенно невиновнаго и вполнѣ порядочнаго человѣка, основываясь на свидѣтельствѣ постороннихъ лицъ или на фактахъ, которые говорятъ не въ пользу подозрѣваемаго; но такія невольныя ошибки, конечно, не наводятъ никого на мысль объ упраздненіи охранительной полиціи.

Что же касается судебныхъ ошибокъ, то онѣ гораздо серьезнѣе промаховъ полицейскихъ агентовъ. Между тѣмъ агенты за свою оплошность нерѣдко отрѣшаются отъ должности, тогда какъ судьи не несутъ никакой отвѣтственности и не теряютъ мѣста за ту же провинность Мало того, ихъ заблужденій даже не оспариваютъ: *Res judicata pro veritate habetur.*

Промахъ полицейскаго агента влечетъ за собою только временную непріятность, но ошибка судьи непоправима, потому что окончательный судебный приговоръ не допускаетъ никакихъ возраженій. И все таки, признавая погрѣшимость судей, мы не можемъ уничтожить судовъ.

Digitized by Google

Слѣдовательно, только бѣдные полицейскіе агенты-блюстители нравственности, получающіе 1400 франковъ годоваго оклада, не имѣютъ права ошибаться. Общество не хочетъ видѣть той пользы, какую они приносятъ народному здоровью, и не признаётъ ихъ заслугъ относительно уличнаго благочинія, какъ не признаётъ непредвидѣнныхъ случайностей, чаще всего объясняющихъ промахи полицейскихъ.

На засѣданіи 28-го декабря 1880 года муниципальный совѣтъ Парижа утвердилъ такое постановленіе: „Бригада блюстителей нравственности должна быть упразднена съ 1-го января 1882 года; г. префекта покорнѣйше просятъ реорганизовать администрацію своего вѣдомства согласно указаніямъ, содержащимся въ рапортѣ бюджетной комисіи".

Я возражалъ на такое постановленіе муниципальнаго совѣта единственно ради принципа, такъ какъ, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, не разсчитывалъ остаться въ должности префекта до 1-го января 1882 года Поэтому, 9-го марта 1881 года, мною была принята слѣдующая резолюція:

„Въ виду того, что соединеніе полиціи; наблюдающей за нравственностью, съ полиціей охраны общественной безопасности, въ составъ которой она входитъ, будетъ способствовать болѣе успѣшному розыску преступниковъ и вообще виновныхъ, а также къ обнаруженію нарушеній уставовъ о проституціи.

„Въ виду того, что эта мѣра, упраздняющая должность спеціальныхъ агентовъ-блюстителей нравственности, насколько возможно соотвѣтствуетъ желаніямъ муниципальнаго совѣта города Парижа.

„Постановляется:

„Статья 1-я. Бригадиры, помощники бригадировъ и инспектора названной бригады переводятся въ бригаду общественной безопасности.

„*Депутатъ, полицейскій префектъ*
„*Андріе*".

Нѣкоторыя газеты поняли буквально текстъ моего приказа, и журналъ *Clairon* посвятилъ мнѣ статью, озаглавленную: „Свободный тротуаръ въ свободномъ государствѣ".

Но на самомъ дѣлѣ, упразднивъ непопулярное названіе бригады блюстителей нравственности, я надѣялся усилить обѣ эти отрасли полицейской службы, соединенныя съ тѣхъ поръ въ одно цѣлое и располагающія персоналомъ въ 320 человѣкъ подъ руководствомъ способнаго и опытнаго начальника. Агенты-блюстители общественной нравственности только для виду сошли со

Digitized by Google

сцены. Реформа коснулась полицейской администраціи только съ внѣшней стороны. Уставы не были измѣнены. Публичныя женщины по прежнему попадали въ полицейскіе списки и подвергались частому медицинскому освидѣтельствованію, которое обязательно записывалось на выданныхъ имъ бланкахъ; полицейская префектура имѣла надъ ними прежнюю негласную власть, подвергая проституткъ, путемъ административныхъ приговоровъ, болѣе или менѣе продолжительному аресту въ С.-Лазарской тюрьмѣ.

Общественная безопасность, какъ и общественная нравственность, требуютъ того, чтобы негодяи, промышляющіе развратомъ публичныхъ женщинъ, подлежали судебной отвѣтственности. Администрація должна имѣть оружіе противъ тайной проституціи; ей необходимо предоставить право закрывать притоны распутства, на которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, правительство не можетъ распространить своей терпимости. Однако, въ настоящее время, полицейская префектура почти утратила всякую власть наблюденія за общественной нравственностью, хотя она продолжаетъ раздавать проституткамъ при переписи нѣчто въ родѣ циркуляра такого содержанія:

„Полицейская префектура. 1-е отдѣленіе.—2-е бюро.—3-й участокъ.

Обязательства и запрещенія, налагаемыя на публичныхъ женщинъ.

„Публичныя женщины, попавшія въ списокъ, обязаны являться въ санитарное бюро для освидѣтельствованія, по крайней мѣрѣ, но два раза въ мѣсяцъ. Онѣ должны предъявлять для провѣрки свой бланкъ по первому требованію офицеровъ и агентовъ полиціи. Имъ строго запрещается зазывать къ себѣ посѣтителей днемъ; проститутки могутъ появляться на городскихъ улицахъ, бульварахъ и т. д. только полчаса спустя послѣ того, какъ будутъ зажжены фонари, однимъ словомъ, ни въ какое время года онѣ не имѣютъ права выходить на улицу раньше семи часовъ и оставаться здѣсь долѣе одиннадцати. Проститутки обязаны носить простую, приличную одежду, которая не бросалась бы въ глаза ни особенной роскошью, ни яркимъ цвѣтомъ матерій или вычурностью покроя. Головныя украшенія изъ волосъ имъ запрещены Публичнымъ женщинамъ особенно строго воспрещается приставать къ мужчинамъ, идущимъ съ женщинами или дѣтьми, предлагать свои услуги во всеуслышаніе или съ дерзкой навязчивостью. Онѣ не имѣютъ права, ни въ какое время и ни подъ какимъ предлогомъ, показываться въ окнахъ своей квартиры, которыя должны быть постоянно заперты и занавѣшены. Проституткамъ запрещается останавливаться на улицахъ, толпиться группами,

Digitized by Google

ходить гурьбой, прохаживаться туда и сюда на небольшомъ пространствѣ, позволять мужчинамъ слѣдовать за собою или идти съ ними рядомъ. Кромѣ того, имъ запрещается заманивать прохожихъ по близости церквей и храмовъ, отъ которыхъ публичныя женщины должны держаться, по крайней мѣрѣ, въ двадцати метрахъ разстоянія; равно запрещается проституткамъ гулять въ крытыхъ пассажахъ, на бульварахъ отъ Монмартрской улицы до церкви Магдалины, въ Елисейскихъ-Поляхъ, въ садахъ и у входовъ Палерояля, Тюльери, Люксембурга, а также въ Ботаническомъ саду. Это запрещеніе распространяется, между прочимъ, на эспланаду Инвалидовъ, набережныя, мосты, и вообще на пустынныя мѣстности, гдѣ нѣтъ уличныхъ фонарей. Проституткамъ особенно строго воспрещается посѣщать публичныя мѣста или частныя квартиры, служащія притономъ тайнаго разврата, посѣщать табльдоты, селиться въ домахъ, гдѣ помѣщаются пансіоны и открытыя учебныя заведенія, а также не дозволено имъ заниматься своимъ промысломъ за чертою кварталовъ, гдѣ онѣ живутъ.

„Публичныя женщины не имѣютъ права жить въ одной квартирѣ съ мужчиной-сводникомъ или съ другой проституткой, а также нанимать меблированныя комнаты безъ особаго на то разрѣшенія. Если же имъ будетъ позволено поселиться въ меблированныхъ комнатахъ, то онѣ не имѣютъ права заниматься здѣсь развратомъ. У себя на дому проститутки обязаны соблюдать приличія, не подавая повода къ жалобамъ какъ со стороны сосѣдей, такъ и прохожихъ. Тѣ изъ публичныхъ женщинъ, которыя нарушатъ настоящія предписанія, окажутъ сопротивленіе представителямъ власти, будутъ скрывать свое имя или мѣсто жительства,—подвергаются наказаніямъ, соотвѣтственно важности своихъ проступковъ.

„*Особое примѣчаніе*. Женщины, попавшія въ списокъ проститутокъ, могутъ быть, по желанію, вычеркнуты, если по справкамъ полиціи—собраннымъ съ величайшей осторожностью и безъ малѣйшей огласки—окажется, что онѣ перестали вести развратную жизнь“.

Въ этомъ предписаніи, какъ видитъ читатель, предусмотрѣно все, что можетъ болѣе или менѣе оградить общественные нравы отъ растлѣвающихъ примѣровъ; но стоитъ пройтись по улицамъ нашей столицы въ какое угодно время, и вы тотчасъ убѣдитесь, какъ мало уважаются распоряженія полицейской префектуры, касающіяся проституціи.

Число продажныхъ женщинъ, ловко маскирующихъ свой развратъ, возросло до такой степени, что административныя мѣры,

Digitized by Google

принятыя противъ проститутокъ, попавшихъ въ списки, кажутся положительнымъ притѣсненіемъ и несправедливостью.

Точно также невольно спрашиваешь себя, зачѣмъ существуютъ еще дозволенные дома терпимости, которые не пользуются больше никакимъ изъ прежнихъ преимуществъ, а состоятъ только подъ болѣе строгимъ надзоромъ полиціи, чѣмъ другіе, негласные притоны; къ этимъ заведеніямъ примѣняется во всей строгости и полицейскій уставъ, и требованія санитарнаго комитета.

Теперь во всѣхъ кварталахъ Парижа появились настоящіе лупанары, хотя и не имѣющіе патента. Они безпрепятственно совершаютъ свои операціи, какъ будто издѣваясь надъ безсиліемъ полиціи. Мнѣ помнится, что, передъ самымъ выходомъ въ отставку изъ полицейской префектуры, я запретилъ открытіе новаго дома терпимости, близъ Елисейскихъ Полей. Однако, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, хозяинъ проэктированнаго заведенія пріобрѣлъ въ той же мѣстности трактиръ, гдѣ прислуживаютъ исключительно женщины, и такимъ образомъ смѣло обошелъ законъ. Этотъ трактиръ, какъ и всякая другая торговая фирма, завелъ телѣжку съ вывѣской, которую возили по всѣмъ парижскимъ улицамъ въ видѣ рекламы. Съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько лѣтъ, и, не смотря на всѣ усилія полицейской администраціи положить конецъ такому безпорядку, заведеніе отлично ведетъ свои дѣла.

Точно также съ каждымъ днемъ увеличивается и число „домовъ свиданій“. Въ отличіе отъ домовъ терпимости, здѣсь нѣтъ ни постоянныхъ квартирантокъ, ни административнаго надзора. Въ прежнее время, притоны этого разряда хотя и не были дозволены закономъ, однако полиція находила возможнымъ ихъ терпѣть, какъ неизбѣжное зло, тѣмъ болѣе, что администрація иногда наводила здѣсь негласнымъ образомъ очень полезныя справки самаго деликатнаго свойства.

Наряду съ домами свиданій нужно поставить множество магазиновъ, гдѣ, подъ предлогомъ торговли благовонными товарами, книгами, картинами, рѣдкостями, бѣльемъ или шляпами, практикуется прилично обставленный развратъ.

Обманутыя вывѣской и заманчивыми витринами, порядочныя женщины могутъ зайти туда и подвергнуться самымъ непріятнымъ случайностямъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ цирцеи, возсѣдающія за конторкой, перестали вербовать свою кліентуру исключительно въ средѣ мужчинъ.

Такимъ образомъ проституція, прикрываясь самыми разнообразными патентами, обратилась въ какого-то Протея, ускользающаго отъ бдительности полиціи.

Digitized by Google

Мой почтенный преемникъ, Камескасъ, затратилъ немало энергіи, стараясь обуздать этотъ неудержимый потокъ разврата; однако благонамѣренному префекту не удалось восторжествовать надъ соединенными усиліями продавщицъ духовъ и перчатокъ. Разнообразныя хитрости и уловки, къ которымъ прибѣгалъ Камескасѣ, даютъ наглядное понятіе о томъ, насколько онъ былъ безпомощенъ со стороны закона въ борьбѣ съ этими вопіющими злоупотребленіями. Напрасно отъискивая въ законодательномъ арсеналѣ вѣрное оружіе противъ перчаточной торговли эротическаго характера, Камескасъ обратилъ свои преслѣдованія противъ домовладѣльцевъ.

Не желая подвергаться судебной отвѣтственности за помѣщеніе у себя неблагонадежныхъ лицъ, допускающихъ мошенничество въ торговлѣ, хозяева домовъ на Шоссе-д'Антенъ и на прилегающихъ къ нему улицахъ отказались конкурировать съ другими, болѣе извѣстными вертепами проституціи. Слѣдовательно, моему преемнику удалось только перемѣстить притоны тайнаго разврата, не добившись ихъ уничтоженія.

Но въ нѣкоторыхъ пунктахъ дѣло ограничилось „политикой топтанья на одномъ мѣстѣ", по выраженію выборныхъ комитетовъ, и всѣ усилія полицейскаго префекта привели единственно къ перемѣнѣ продуктовъ, выставленныхъ въ витринахъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря сговорчивости одного домохозяина, полиціи посчастливилось одержать значительную побѣду надъ „цинизмомъ аспазій", уничтоживъ на вывѣскѣ одного изъ элегантныхъ парфюмерныхъ магазиновъ двусмысленное слово: „Лабораторія", смущавшее химиковъ того квартала.

Во время моего пребыванія въ Бельгіи, когда мнѣ удавалось улучить свободную минутку отъ обязательнаго наблюденія за Гаттà и Сернессономъ, я спѣшилъ ознакомиться съ дѣятельностью полиціи нравовъ у бельгійцевъ. Линерсъ, главный полицейскій комисаръ въ Брюсселѣ, сообщилъ мнѣ крайне любопытныя свѣдѣнія на этотъ счетъ. Онъ жаловался, что проституція пускаетъ глубокіе корни въ бельгійской столицѣ.

„Пристрастіе къ нескромнымъ развлеченіямъ, говорилъ почтенный комисаръ:—приняло у насъ громадные размѣры, въ особенности со времени франко-прусской войны, когда въ Брюссель наѣхало ольшое число кокотокъ. Парижъ постарался отдѣлаться отъ нихъ при осадѣ, чтобы не кормить безполезныхъ людей. Въ Брюсселѣ съ незапамятныхъ временъ существовала улица, такъ называемая „Перепелиная", гдѣ исключительно помѣщались дома терпимости. Нѣсколько лѣтъ назадъ, ихъ закрыли, и съ тѣхъ поръ

Digitized by Google

начали разростаться съ удивительной быстротою дома негласной проституціи, настоящіе очаги заразы и распутства.

„Я убѣждаюсь съ каждымъ днемъ, что уничтоженіе квартала, отведеннаго подъ притоны разврата, не соотвѣтствовало нуждамъ полиціи.

„Уничтоживъ кварталъ, гдѣ гнѣздилась проституція, городскія власти не могли уничтожить самаго зла. Публичныя женщины, по словамъ Парана-Шатлэ, также неизбѣжны при скученности мужскаго населенія, какъ водосточныя канавы, живодерни и мѣста для свалки нечистотъ. Когда проституція не имѣетъ своего опредѣленнаго, привычнаго, такъ сказать, насиженнаго угла, она ютится по кофейнямъ, кабачкамъ, меблированнымъ комнатамъ, принимаетъ всевозможныя формы, маскируется, проникаетъ всюду и становится неуловимой. Вотъ когда скрытый развратъ особенно ужасенъ и гибеленъ для народнаго здоровья".

Линерсъ прибавилъ въ заключеніе, что проституція въ Брюсселѣ, изгнанная изъ отдѣльнаго квартала, пріютилась въ лавочкахъ, преимущественно табачныхъ. Однако бельгійское законодательство предоставило широкія полномочія муниципальнымъ властямъ, которыя могутъ принимать всѣ необходимыя мѣры для огражденія народной нравственности и безопасности.

Поэтому коммунальный совѣтъ утвердилъ 13-го августа 1877 года одинъ очень благоразумный уставъ. Въ немъ заключаются распоряженія касательно домовъ тайной проституціи, распоряженія, крайне поучительныя, между прочимъ, и для французскихъ законодателей: они, рано или поздно, навѣрно додумаются до того, что закону необходимо прійти на помощь полиціи нравовъ. А до тѣхъ поръ иностранецъ, посѣтившій Парижъ, можетъ воочію убѣдиться, что общественный порядокъ, который былъ предсказанъ газетой „Claigon" и о которомъ мечталъ Ивъ Гюйо, дѣйствительно осуществился въ нашей столицѣ, гдѣ теперь можно встрѣтить „свободный тротуаръ въ свободномъ государствѣ".

Разборъ спеціальныхъ вопросовъ подобнаго рода далеко не пріятенъ, но ихъ нельзя обойти въ сочиненіи, въ которомъ авторъ старался по возможности всесторонне представить дѣятельность парижской полиціи. Но если уже намъ пришлось коснуться домовъ свиданій, то читатель, конечно, пожелаетъ узнать, въ чемъ заключалось дѣло улицы Дюфо. По поводу его создалась цѣлая легенда, но полицейскій префектъ до сихъ поръ хранилъ молчаніе.

Домъ свиданій, основанный въ улицѣ Дюфо, походилъ на множество другихъ учрежденій подобнаго рода, существовавшихъ раньше и возникшихъ впослѣдствіи. Онъ отличался отъ нихъ

Digitized by Google

только болѣе аристократическими посѣтителями и дорогими цѣнами.

Во главѣ этого пріюта прикладной порнографіи стояла въ то время нѣкая Эппингеръ, занимавшаяся сводничествомъ подъ болѣе благозвучнымъ псевдонимомъ г-жи Леруа. Съ тѣхъ поръ знаменитый домъ въ улицѣ Дюфо перемѣнилъ свой штатъ: хотя онъ не сдѣлался домомъ терпимости въ техническомъ смыслѣ слова, но полиція его терпитъ и теперь, какъ терпѣла прежде.

Посѣтительницы г-жи Леруа были по большей части содержанки, имѣвшія въ виду заработать лишнюю копѣйку на сторонѣ, пользуясь слѣпымъ довѣріемъ или снисходительностью своихъ покровителей. Къ нимъ примѣшивались звѣзды разныхъ величинъ, которыя хотѣли блистать не на однихъ только театральныхъ подмосткахъ, и наконецъ, говоря откровенно, въ гостепріимный домъ въ улицѣ Дюфо заглядывали украдкой женщины большаго свѣта. Услужливая г-жа Леруа устраивала имъ нѣжныя свиданія съ ихъ поклонниками; но посѣтительницы первой категоріи, содержанки и актрисы, являлись къ ней исключительно ради спекулятивныхъ цѣлей, высматривая щедрыхъ богачей, падкихъ до женской красоты.

Домъ въ улицѣ Дюфо не имѣлъ тайнъ отъ полиціи нравовъ. Его архивы служили источникомъ самыхъ разнообразныхъ и подчасъ полезныхъ справокъ. Нельзя не удивляться привычкѣ нѣкоторыхъ людей заводить дружбу съ особами, промышляющими сводничествомъ. Они очень охотно посвящаютъ этихъ барынь не только въ тайны своего распутства, но даже въ свои домашнія дѣла и политическіе планы. Не могу скрыть, что администрація обыкновенно поощряетъ сводней къ выпытыванью профессіональныхъ тайнъ, причемъ къ женщинамъ подобнаго разряда никто не думаетъ, конечно, примѣнять въ данномъ случаѣ карательныхъ мѣръ, указанныхъ въ уложеніи о наказаніяхъ.

Въ послѣднихъ дняхъ 1880 года гарсонъ изъ кафэ, по имени Пети, привелъ къ госпожѣ Леруа несовершеннолѣтнюю дѣвушку. Молоденькая посѣтительница разсказывала, что она принадлежитъ къ почтенной семьѣ въ Брюсселѣ, что горничная матери продала ее богатому человѣку, приходившему къ ней на свиданія въ одинъ извѣстный ресторанъ. Начался скандалезный судебный процессъ, вслѣдствіе чего дѣвушку помѣстили въ пансіонъ, гдѣ ей предстояло продолжать свое воспитаніе, такъ дурно начатое дома.

Но птичка поспѣшила выпорхнуть на волю и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ проживала — конечно, не стѣсняясь выборомъ ресурсовъ — въ обширномъ, блестящемъ Парижѣ, куда ее

Digitized by Google

привели рано проснувшіеся инстинкты. Я не назову полнымъ именемъ этой героини веселыхъ похожденій, хотя ея дѣло обсуждалось въ парижскомъ и брюссельскомъ судахъ, и фамилія дѣвушки повторялась всѣми газетами. Гарсонъ изъ кофейни былъ послѣднимъ покровителемъ дѣвицы Е..., доставившимъ ей временное убѣжище; по его словамъ, онъ дѣлился съ молоденькой бельгійкой своими скромными доходами и привелъ ее къ г-жѣ Леруа въ надеждѣ получить нѣкоторую долю барыша отъ заработка своей юной подруги, въ видѣ честнаго куртажа. Но г-жа Леруа не захотѣла принять въ свой домъ дѣвицу Е..., которая отправилась оттуда въ Латинскій кварталъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, мать бѣглянки явилась въ улицу Дюфо. Она нашла свою дочь въ квартирѣ студента и, по собственному сознанію, какъ это ни кажется страннымъ, сдѣлала визитъ г-жѣ Леруа, съ цѣлью поблагодарить содержательницу дома свиданій „за добрые совѣты ея дочери".

Эта удивительная мать посвятила хозяйку вертепа въ свои планы, говоря, что она намѣрена жестоко отомстить гарсону Пети. Г-жа Леруа спохватилась, что не исполнила своей профессіональной обязанности по отношенію къ полицейской префектурѣ. Ей слѣдовало немедленно заявить о подстрекательствѣ несовершеннолѣтней къ разврату. Она поспѣшила исправить свою ошибку, препроводивъ въ полицію нравовъ доносъ на бѣднаго Пети.

Я довелъ эти факты до свѣдѣнія прокуратуры, и судебному слѣдователю поручили произвести дознаніе. Здѣсь между полицейскимъ префектомъ и почтеннымъ судьей произошло столкновеніе, о которомъ мнѣ невозможно умолчать въ виду посыпавшихся на меня обвиненій.

Я не могъ одобрить почтеннаго М***, когда тотъ приступилъ къ предварительному слѣдствію, и между нами вышло разногласіе. Прежде всего, слѣдователь пріѣхалъ въ улицу Дюфо безъ секретаря, взявъ съ собою одного квартальнаго полицейскаго комисара. Онъ заявилъ хозяйкѣ о своемъ намѣреніи произвести обыскъ и отобрать у нея бумаги, чтобы убѣдиться, по случаю дѣла Пети, не была ли она сама виновна въ подобныхъ проступкахъ. Тутъ М*** потребовалъ ключей отъ различной мебели, сложилъ въ кучу письменные документы, книги, корреспонденцію, все, что̀ попалось подъ руку, и, не составивъ протокола, унесъ трофеи своей экспедиціи, завязавъ ихъ въ салфетки, взятыя также у г-жи Леруа на подержаніе. Почтенный слѣдователь, отчасти сконфуженный своимъ приходомъ въ грязный притонъ, спѣшилъ уйти и, по словамъ очевидцевъ, при выходѣ второпяхъ разронялъ нѣкоторыя бумаги, выпавшія изъ салфетокъ. Вернувшись въ

Digitized by Google

камеру, судья занялся пересмотромъ принесеннаго. Сначала онъ остановился на книгахъ г-жи Леруа. Имена и адресы женщинъ, способствовавшихъ процвѣтанію пріюта, были записаны здѣсь безо всякой утайки; что же касается посѣтителей мужскаго пола, то въ спискахъ значились одни должники.

Въ одномъ провинціальномъ городкѣ я зналъ судью, человѣка безупречной нравственности. Этотъ почтенный господинъ съ особенной охотой брался за такія судебныя слѣдствія, гдѣ дѣло шло о покушеніяхъ на невинность, объ изнасилованіяхъ, о растлѣніи несовершеннолѣтнихъ. Такимъ образомъ, цѣломудренный судья удовлетворялъ свою страсть къ скабрезнымъ исторіямъ, не измѣняя ни на іоту собственной добродѣтели. Тогда какъ другіе познаютъ различіе между добромъ и зломъ цѣною собственнаго достоинства, ему не приходилось нисколько краснѣть за пріобрѣтенный имъ житейскій опытъ.

Онъ даже любилъ хвалиться этимъ въ женскомъ обществѣ, передавая вполголоса своимъ сосѣдкамъ на званомъ обѣдѣ или ужинѣ сальные анекдотцы, что̀ создало ему въ провинціальныхъ гостинныхъ лестную репутацію балагура, представлявшаго счастливое смѣшеніе строгости нравовъ и гривуазности. Для полноты счастія, этому судьѣ не доставало случая заняться такимъ скандальнымъ процессомъ, какіе разыгрываются въ большихъ городахъ, обнажая тайны самаго аристократическаго порока. Ахъ, еслибы онъ служилъ слѣдователемъ въ Парижѣ! Вотъ гдѣ можно встрѣтить женщинъ большаго свѣта, посѣщающихъ втихомолку дома свиданій, которые извѣстны провинціаламъ только по наслышкѣ!

Г-ну М*** было поручено произвести дознаніе по совершенно ясному дѣлу, по обвиненію нѣкоего Пети въ подстрекательствѣ несовершеннолѣтней дѣвочки къ разврату, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 334 статьею уложенія о наказаніяхъ. Между тѣмъ слѣдователь нашелъ нужнымъ усложнить свою задачу. Узнавъ изъ приказа прокурора республики, что въ Парижѣ существуютъ дома, въ родѣ пріюта Леруа, онъ по собственному произволу расширилъ свои полномочія и, повидимому, намѣревался разрѣшить юридическимъ путемъ самые щекотливые вопросы административной терпимости.

Однако полиція нравовъ была въ моихъ рукахъ, и я умѣлъ оградить свои права отъ всякаго посягательства.

Мнѣ немедленно донесли, что судебный слѣдователь самовольно принялъ мѣры, угрожавшія безопасности и семейному спокойствію многихъ лицъ, совсѣмъ неприкосновенныхъ къ дѣлу. Онъ вздумалъ обратиться къ содѣйствію инспекторовъ муници-

Digitized by Google

пальной полиціи и устроить съ ихъ помощью *западню* въ улицѣ Дюфо, чтобы арестовать здѣсь всѣхъ посѣтителей мужскаго и женскаго пола, которые придутъ къ г-жѣ Леруа между четырьмя часами вечера и девятью часами утра. Въ видѣ особаго снисхожденія къ мужчинамъ, слѣдователь, правда, позволилъ освободить тѣхъ изъ нихъ, кто назоветъ имя и укажетъ мѣсто жительства. Благодаря такому распоряженію, порядочные люди, отцы семейства и юноши хорошихъ фамилій, депутаты, судьи, пожалуй, сенаторы могли быть поставлены въ самое критическое положеніе. Имъ оставалось или не ночевать у себя, причинивъ жестокое безпокойство домашнимъ, или объявить свое имя и адресъ агентамъ муниципальной полиціи. Въ послѣднемъ случаѣ. арестованнымъ предстояла перспектива давать свидѣтельскія показанія на скандальномъ процессѣ, попасть на зубокъ журналистамъ и такимъ образомъ уронить свое достоинство народныхъ представителей и жрецовъ правосудія. Что же касается женщинъ, то пикантнымъ балеринамъ и опереточнымъ пѣвицамъ, конечно, не было большой бѣды, еслибы ихъ любовныя похожденія выплыли на свѣжую воду; но каково угодить въ западню дамамъ большаго свѣта, съ громкимъ именемъ, съ высокимъ положеніемъ въ обществѣ? Замѣтьте, что здѣсь дѣло шло вовсе не о поимкѣ виновныхъ и соучастниковъ преступленія, въ которомъ обвинялся гарсонъ Пети. Въ настоящемъ случаѣ судебная власть хотѣла захватить простыхъ свидѣтелей, чтобы удержать ихъ въ вертепѣ разврата, обращенномъ въ полицейскій постъ до тѣхъ поръ, пока слѣдователь соблаговолитъ явиться на допросъ, предварительно позавтракавъ у себя на дому. Комисаръ съ Вандомской площади своевременно увѣдомилъ меня объ этой чудовищной затѣѣ.

Допустимъ, что несмѣняемый судья—такъ какъ, въ крайнемъ случаѣ, судьямъ только запрещаютъ продолжать слѣдствіе—допустимъ, что онъ, опираясь лишь на приказъ прокурора республики, имѣетъ право, сколько угодно, расширять кругъ своихъ дознаній; произвольно и безъ всякаго ограниченія назначать обыски, требовать къ себѣ свидѣтелей, распоряжаться полицейскими агентами; при такомъ положеніи дѣлъ никакая власть не помѣшаетъ ему, смотря по надобности, обратиться къ содѣйствію центральныхъ командъ и послать подъ арестъ въ полицейское депо президента палаты и предсѣдателя совѣта министровъ,—однимъ словомъ, устроить новое „второе декабря“ въ любое число въ году. Я согласенъ съ тѣмъ, что полномочія префекта полиціи также очень велики, но зато онъ можетъ быть смѣщенъ, онъ отвѣтственъ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а тотъ, въ свою очередь, отвѣт-

Digitized by Google

ственъ передъ парламентомъ. Между тѣмъ, въ силу укоренившагося обычая, прокуратура, не колеблясь, облекаетъ перваго встрѣчнаго судью такою властью, которая показалась бы несообразной даже въ рукахъ лица, стоящаго очень высоко въ административной іерархіи.

Предвидя неизбѣжный скандалъ, я обратился съ заявленіемъ къ судебному начальству. Однако почтенный М*** по прежнему стоялъ на своемъ. Тогда я отказался дать ему своихъ агентовъ для содѣйствія въ томъ, что̀, по моему мнѣнію, не имѣло ничего общаго съ юридическимъ полномочіемъ судебнаго слѣдователя и угрожало общественной безопасности, которую я былъ обязанъ охранять.

Мой противникъ отвѣчалъ мнѣ письмомъ, гдѣ изъ-подъ вѣжливыхъ фразъ, съ оттѣнкомъ высокомѣрія, сквозила плохо скрытая досада. Но къ тому времени я успѣлъ заручиться однимъ очень полезнымъ свѣдѣніемъ; оно давало мнѣ возможность побороть упрямство слѣдователя, опираясь на свои права. Между бумагами, взятыми судьей въ улицѣ Дюфо, находились расписки, приблизительно на сумму въ 100,000 франковъ. Онѣ были выданы на имя хозяйки дома, Эппингеръ-Леруа, ея кліентами, которымъ она ссужала деньги, продавала брилліанты и дѣлала разныя поставки. На нѣкоторыхъ векселяхъ были подписи почтенныхъ лицъ. Судебный слѣдователь могъ бы не брать этихъ документовъ; по крайней мѣрѣ, когда они къ нему попали, онъ не зналъ, что̀ съ ними предпринять. Приложить ихъ къ дѣлу—значило задѣть честь многихъ высокопоставленныхъ особъ. Опрометчивый М*** пришелъ въ большое затрудненіе; однако, исходя изъ той мысли, что власть судебнаго слѣдователя представляетъ „кругъ, центръ котораго находится повсюду, а окружность нигдѣ“, онъ вздумалъ возвратить забранные имъ векселя должникамъ г-жи Леруа, прибѣгнувъ съ этою цѣлью въ совершенно новому способу, неизвѣстному въ лѣтописяхъ уголовныхъ слѣдствій.

Судья рѣшилъ передать нѣкоторые изъ документовъ своему школьному товарищу, ходатаю по дѣламъ, и затѣмъ предупредилъ многихъ должниковъ, чтобы они поспѣшили выкупить свои векселя отъ этого лица.

Я никогда не сомнѣвался въ добрыхъ намѣреніяхъ слѣдователя М***, но, какъ извѣстно, добрыми намѣреніями вымощена дорога въ преисподнюю, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и путь произвола. Упорство этого маленькаго судьи, желавшаго во что бы то ни стало дѣйствовать по своему, начинало выводить меня изъ терпѣнія.

Наконецъ я не выдержалъ и написалъ слѣдующій приказъ:

Digitized by Google

„Мы, префектъ полиціи,

„Въ виду дошедшихъ до насъ слуховъ, изъ которыхъ явствуетъ, что нѣкій Ф..., именующій себя адвокатомъ и живущій въ Парижѣ, въ улицѣ ***, скрываетъ у себя документы, взятые изъ квартиры нѣкоей Эппингеръ, по прозванію Леруа, какъ-то письма, векселя и т. п.

„Такъ какъ обладаніе названными документами можетъ быть объяснено только противозаконнымъ поступкомъ, и администрація обязана воспрепятствовать вышеупомянутому адвокату Ф... распорядиться этими бумагами къ ущербу заинтересованныхъ лицъ,

„То на основаніи статьи 10-й Свода объ уголовныхъ слѣдствіяхъ,

„Приказываемъ г-ну Клеману, полицейскому комисару, отправиться на квартиру названнаго Ф..., чтобы разъискать у него и отобрать упомянутыя бумаги, которыя будутъ препровождены въ полицейскую префектуру.

„Протоколъ объ исполненіи приказа долженъ быть немедленно доставленъ намъ вмѣстѣ съ отобранными и опечатанными документами.

„Дано въ Парижѣ, 24 февраля 1880 года.

„*Андріё.*“

Часъ спустя, Клеманъ, исполнивъ свое порученіе, принесъ мнѣ векселя и нѣсколько писемъ, которыя слѣдователь М. счелъ себя вправѣ не вносить въ слѣдственный списокъ и передать ихъ самимъ авторамъ черезъ посредство адвоката, „взимающаго проценты“. Послѣ того я объяснился письменно съ судебнымъ слѣдователемъ М***. Когда это курьезное дѣло огласилось, мои противники не замедлили распустить слухъ, будто бы полицейскій префектъ принималъ непосредственное участіе въ оргіяхъ улицы Дюфо, подъ остроумнымъ псевдонимомъ *Тайна*, и будто бы мое противодѣйствіе экстра-юридическимъ пріемамъ почтеннаго М*** вызвано самыми предосудительными соображеніями.

Прежде чѣмъ закончить мой разсказъ о дѣлѣ въ улицѣ Дюфо, позволю себѣ нѣкоторое отступленіе.

Теперь мнѣ представляется удобный случай одновременно отвѣтить на главныя нападки противъ меня, вызванныя публикаціей моихъ *Воспоминаній*. „Кто могъ бы подумать,—вопіютъ обо мнѣ офиціозныя газеты,—что бывшій префектъ полиціи, бывшій посланникъ рѣшился выдавать такимъ образомъ секреты администраціи? Это непозволительно, это скандально! Правительству слѣдуетъ положить предѣлъ подобнымъ разглашеніямъ; если примѣръ

Digitized by Google

доктора Ватлэ *) не послужилъ ему въ пользу, то пусть г. Андріё въ свою очередь посидитъ на скамьѣ подсудимыхъ въ исправительной полиціи за нарушеніе профессіональной тайны".

Объяснюсь прежде всего съ официозными газетами. Не стѣснялись раньше въ выборѣ средствъ для ниспроверженія прежнихъ правительствъ, люди, захватившіе власть, находятъ нужнымъ утвердить свое собственное владычество, основываясь на традиціяхъ ниспровергнутыхъ ими монархій. При монархическомъ образѣ правленія каждый государственный дѣятель, выйдя въ отставку и сдѣлавшись частнымъ лицомъ, продолжаетъ соблюдать долгъ вѣрноподданнаго по отношенію къ династіи, правящей страною. Но въ системѣ нашихъ учрежденій гдѣ искать того постояннаго элемента, во имя котораго я долженъ нести на себѣ тѣ же самыя обязательства?

Развѣ я обязанъ чѣмъ нибудь настоящему кабинету министровъ съ Жюлемъ Ферри во главѣ? Надо вспомнить, что онъ составленъ изъ моихъ противниковъ, что онъ идетъ въ разрѣзъ всѣмъ дорогимъ для меня идеямъ, загражданетъ дорогу надеждамъ на лучшее будущее, навязываетъ моему отечеству ненавистную политику.

Въ лицѣ моемъ, въ полицейскую префектуру призвали скорѣе депутата, чѣмъ государственнаго чиновника. Всѣмъ извѣстно, что, состоя въ должности префекта, я старался дѣйствовать согласно моимъ собственнымъ воззрѣніямъ, не подлаживаясь къ тону тѣхъ правительствъ, изъ которыхъ одно призвало меня на службу, а другое удержало во главѣ полицейской администраціи. Я постоянно враждовалъ съ министрами внутреннихъ дѣлъ, моими мнимыми начальниками. Ссылаюсь въ настоящемъ случаѣ на гг. Лепера и Констана. Ни тотъ, ни другой не скажутъ, чтобы я имъ подчинялся. Я служилъ ихъ политикѣ, когда не могъ поступить иначе, и мой выходъ въ отставку имѣлъ поводомъ столкновеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Во имя чего, какой великой идеи, передъ которой должны стушеваться наши несогласія, я долженъ умалчивать о закулисныхъ тайнахъ префектуры? Развѣ во имя отечества? Но его-то интересамъ я и служу, по мѣрѣ силъ и умѣнья, и если предпринялъ настоящую полемику, то она также не имѣетъ иной цѣли.

---

*) Докторъ Ватлэ былъ приговоренъ къ денежному штрафу за нарушеніе профессіональной тайны. Онъ разгласилъ о томъ, какая болѣзнь свела въ могилу живописца Бастіена Лепажа.

Digitized by Google

Альбертъ Вольфъ, сотрудникъ „Фигаро", защищаетъ противъ меня франмасоновъ: „Выставить на посмѣяніе честныхъ людей—небольшая заслуга", замѣчаетъ онъ.

Ужь не принадлежите ли вы сами къ союзу свободныхъ каменщиковъ, милѣйшій собратъ? Но, во всякомъ случаѣ, анекдотическое происшествіе, разсказанное съ такимъ остроуміемъ однимъ депутатомъ изъ Франшъ-Конте, случилось, конечно, не съ вами?

Дѣло происходило такъ. Непосвященному, желающему войти въ храмъ, подносятъ пистолетъ. Въ его присутствіи сыплютъ на полку порохъ, забиваютъ шомполомъ пулю и накладываютъ пистонъ.

— Непосвященный, говорятъ ему:—вамъ необходимо размозжить себѣ голову, безъ этого вы недостойны увидѣть истинный свѣтъ.

— Размозжить себѣ голову? Да ни за что! Я скорѣе умру!

— Подумайте хорошенько, непосвященный!

— Я ужь вамъ сказалъ, что несогласенъ. Лучше отказаться отъ франмасонства.

— Въ такомъ случаѣ, непосвященный, мы потребуемъ отъ васъ еше болѣе тяжелой жертвы... Застрѣлите брата, стоящаго съ вами рядомъ.

Непосвященный тотчасъ поднимаетъ руку, нажимаетъ курокъ; раздается взрывъ пистона... осѣчка. Само собою разумѣется, что порохъ въ револьверѣ былъ не настоящій.

Но Альбертъ Вольфъ не ограничивается тѣмъ, что ломаетъ копья за франмасоновъ. „Полицейскій префектъ, говоритъ онъ, есть служитель государства".

Однако не теперешняго государства, замѣчу съ вашего позволенія, милѣйшій собратъ.

Послѣ такихъ разсужденій, надо полагать, что *Фигаро* скоро будетъ гласно называть себя *республиканско-консервативнымъ органомъ*.

Шарль Лоранъ въ газетѣ „*Paris*" высказывается съ неменьшимъ негодованіемъ. Его особенно возмущаетъ, что секретные фонды тратились на поддержку журнала „*Соціальная Революція*."

— Вотъ какъ дѣйствовала полиція г-на Андріё, говоритъ онъ:— но съ тѣхъ поръ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, мы измѣнили эти порядки.

Извините, собратъ. Разоблачивъ свои тайны, я прошу позволенія, для полноты картины, обнаружить дѣянія моихъ сообщниковъ. Я дѣйствовалъ не безъ вѣдома своего начальства и ничего не скрывалъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, приверженца

Digitized by Google

Гамбетты. Почтенный Констанъ увѣрилъ меня, что онъ передалъ о происхожденіи и цѣли журнала *Соціальная Революція* Жюлю Ферри, бывшему тогда президентомъ совѣта. Потомъ я лично разговаривалъ объ этомъ съ Гамбеттой, котораго очень потѣшали ловкіе маневры полиціи.

Кромѣ того, я долженъ прибавить,—не въ свое оправданіе, конечно, такъ какъ о немъ я нимало не забочусь, но въ оправданіе гг. Констана, Гамбетты и Жюля Ферри,—что, оказавъ матеріальную поддержку издателямъ *Соціальной Революціи*, я получилъ возможность непосредственнаго наблюденія надъ анархистами, но никакъ не способствовалъ возбужденію умовъ.

Газета *Paris* заодно съ листкомъ *Cri du peuple* утверждаютъ, будто бы поддержка, оказанная революціонному органу, надѣлала немало бѣдъ, Благодаря этому, пострадали такіе люди, какъ Луиза Мишель и Кропоткинъ, бывшіе прежде завзятыми консерваторами. Однако подобная подтасовка фактовъ едва ли способна ввести въ заблужденіе здравомыслящихъ людей.

Теперь перехожу къ эпилогу дѣла въ улицѣ Дюфо. Гарсонъ Пети отбывалъ наказаніе, назначенное ему исправительнымъ судомъ, и дѣло въ улицѣ Дюфо было почти забыто, какъ вдругъ о немъ напомнилъ бракоразводный процессъ, начавшійся въ Бельгіи. Г-жа Харитова апелировала передъ брюссельскимъ судомъ, указывая на одну неточность судебнаго разбирательства, предпринятаго на основаніи поданной ею просьбы о разводѣ. Она хотѣла представить нѣкоторые документы, подкрѣплявшіе ея обвиненія противъ мужа, Евгенія Харитова, хорошо извѣстнаго въ избранномъ парижскомъ обществѣ. Но Евгеній Харитовъ не хотѣлъ допустить явки документовъ, и его адвокатъ Леженъ высказалъ по этому поводу слѣдующее: „Г-жа Харитова находилась въ Брюсселѣ въ теченіе декабря 1880 года. Ея мужъ, уѣхавъ въ Парижъ, оставилъ жену въ своей квартирѣ. Тамъ находилась шкатулка, запертая на замокъ; въ ней хранились документы двухъ различныхъ категорій: дѣловыя бумаги и крайне конфиденціальная переписка. Шкатулка была взломана, и документы изъ нея попали въ руки г-жи Харитовой, которая думаетъ воспользоваться ими къ ущербу мужа, *прибавивъ сюда два письма, будто бы написанныя г-номъ Харитовымъ къ одной личности, какъ говорятъ, занимавшейся въ Парижѣ сводничествомъ*. Г-жа Харитова не желаетъ сказать, какимъ образомъ попали къ ней эти письма. Мы утверждаемъ, что они были похищены или, вообще, добыты непозволительнымъ путемъ, а потому требуемъ, чтобы г-жа Харитова возвратила ихъ по принадлежности. Что же касается другихъ писемъ, написанныхъ г-номъ

Digitized by Google

Харитовымъ нѣкоей Леруа, проживающей въ Парижѣ, то они могли быть добыты такимъ образомъ: въ домѣ этой женщины, въ улицѣ Дюфо, производился обыскъ, и письма г-на Харитова, вѣроятно, попали въ число взятыхъ здѣсь бумагъ. Но такъ какъ г-жа Харитова владѣла ими также незаконнымъ способомъ, то я требую, чтобы ей запретили предъявлять упомянутые документы на судѣ".

Янсонъ, адвокатъ противной стороны, отвѣчалъ: „На квартирѣ г-на Харитова валялось много ненужныхъ бумагъ: протоколы описей имущества, квитанціи на сумму въ 400,000 франковъ, полученныя имъ отъ своихъ кредиторовъ, *письма, въ которыхъ онъ просилъ нѣкую Леруа дать ему взаймы немного денегъ*... Говорятъ, будто названныя бумаги были заперты въ шкатулкѣ, взломанной нами въ декабрѣ 1880 года, тогда какъ между ними находилось распоряженіе судебнаго пристава, засвидѣтельствованное только въ 1881 г. *Что же касается переписки съ г-жей Леруа*, то эта переписка можетъ быть названа, пожалуй, скандалёзной, но ужь никакъ не конфиденціальной. Г. Харитовъ просилъ у Леруа взаймы денегъ, чтобы купить благосклонность одной молодой дѣвушки, г-жи Х..., актрисы парижскаго театра, и, нѣсколько дней спустя, дѣйствительно поѣхалъ съ нею въ Ниццу, имѣя въ виду совершить прелюбодѣяніе. *Мы не обязаны отдавать вамъ отчета, какимъ образомъ попали къ намъ обличительныя письма.* Они въ нашихъ рукахъ, этого довольно... Въ данномъ случаѣ мы опираемся на авторитетъ Демоломба, который говоритъ, что въ бракоразводныхъ процессахъ одна изъ сторонъ можетъ представить въ улику другой письменный документъ, даже конфиденціальнаго характера, если онъ выясняетъ суть дѣла. Мало того, если явка документа невозможна, его существованіе можетъ быть доказано свидѣтельскими показаніями. Предлагаю вамъ вызвать въ качествѣ свидѣтельницы г-жу Леруа; не думаю, чтобы для нея существовали профессіональныя тайны. Вы говорите, что явленные нами документы конфиденціальны; но вѣдь въ дѣлѣ супружеской невѣрности все конфиденціально, все тайно. Развѣ мужу не дозволяется доказывать измѣну жены, основываясь на ея письмахъ или письмахъ любовника? Жена должна пользоваться равными правами".

Судъ призналъ, что г-жа Харитова имѣла право подкрѣплять свои обвиненія противъ мужа добытыми ею письмами, именно письмами г-жи Леруа, и просительница получила разводъ, на основаніи явки этихъ документовъ, безъ обыска.

Но какимъ же образомъ истицѣ удалось добыть письма, адресованныя своднѣ? Были ли они захвачены слѣдователемъ М*** вмѣстѣ съ другими бумагами? Чему можно повѣрить въ этихъ

Digitized by Google

обоюдныхъ наговорахъ заинтересованныхъ сторонъ? Я не допускаю мысли, чтобы почтенный слѣдственный судья могъ подслужиться въ данномъ случаѣ г-жѣ Харитовой, передавъ ей документы, которыми онъ не могъ самовольно распорядиться. Мнѣ помнится только, что, немного времени спустя послѣ обыска въ улицѣ Дюфо, пока дѣло Пети еще не было передано въ исправительный судъ, г-жа Леруа одновременно обратилась къ генеральному прокурору и полицейскому префекту, ходатайствуя о выдачѣ ей двухъ писемъ и одной квитанціи, забранныхъ слѣдователемъ М***. По словамъ содержательницы заведенія, за этими бумагами уже не разъ являлся къ ней секретарь г-на Харитова.

Какимъ же образомъ случилась эта загадочная пропажа? Здѣсь открывается широкое поле для всевозможныхъ предположеній; только никто не вправѣ заподозрить совѣсть судьи. Читатель, вѣроятно, помнитъ, что судебный слѣдователь унесъ изъ дома въ улицѣ Дюфо всѣ попавшіяся ему подъ руку бумаги, въ безпорядкѣ сложивъ ихъ въ узлы и не составивъ предварительно ни инвентаря, ни протокола.

Такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что г-ну М*** было трудно объявить впослѣдствіи, куда исчезли у него нѣкоторые документы, и онъ убѣдился по личному опыту, что осторожность, сдержанность и пунктуальное исполненіе всѣхъ юридическихъ формальностей не менѣе важны для судебнаго слѣдователя, чѣмъ находчивость и проницательность.

Нельзя не пожалѣть, что мирные обыватели до сихъ поръ такъ плохо ограждены отъ опаснаго произвола слѣдственныхъ судей. Всѣ они располагаютъ одинаковыми полномочіями, что̀ иногда, вмѣсто пользы, можетъ причинить громадный вредъ, какъ орудіе въ неосторожныхъ и неопытныхъ рукахъ. Стоитъ прокурору назначить слѣдствіе, какъ судья принимается за дѣло. Его дѣйствія не знаютъ ни преградъ, ни ограниченій. Слѣдователь можетъ производить обыскъ, дознаніе, подвергать аресту, вызывать свидѣтелей, устраивать очныя ставки и т. д. Всѣ эти полномочія служатъ легальнымъ оружіемъ въ его рукахъ; полиція и городская стража повинуются ему безпрекословно. Этотъ человѣкъ, съ грѣхомъ пополамъ выдержавшій юридическій экзаменъ года три-четыре назадъ, пользуется теперь громадными правами; онъ сильнѣе насъ всѣхъ, и каждое утро, проснувшись въ своей собственной спальнѣ, мы должны благодарить слѣдственнаго судью: еслибы онъ захотѣлъ, то заставилъ бы насъ ночевать въ тюремной камерѣ. Благословимъ же его за снисхожденіе!

Digitized by Google

XI.

Самоубійство генерала Нея.—Генералъ де-Сиссэ и баронесса де-Каулà.—Муниципальная лабораторія.—Еще нѣсколько словъ о секретныхъ фондахъ.—Злоупотребленія во время выборовъ.—Дѣло г-жи Эйбенъ.

Трагическій конецъ генерала Нея, герцога Эльхингенскаго, глубоко взволновалъ общественное мнѣніе, которое, благодаря подстрекательствамъ прессы, привыкло съ нѣкоторыхъ поръ истолковывать совершенно превратно всякое событіе парижской жизни.

Катастрофа произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Вечеромъ 21-го февраля, у квартиры Дювивье, генеральскаго адъютанта, остановился экипажъ, откуда вышелъ неизвѣстный мужчина. Онъ поднялся по лѣстницѣ и вызвалъ Дювивье, говоря, что герцогъ дожидается его у подъѣзда. Адъютантъ увидѣлъ своего начальника въ ландо съ двумя какими-то господами. „Потрудитесь передать герцогинѣ, сказалъ взволнованнымъ тономъ генералъ:—что я не вернусь домой сегодня вечеромъ, а, можетъ быть, и завтра. Служебныя обязанности удерживаютъ меня въ Версалѣ“. Ландо быстро умчалось, а Дювивье вернулся къ себѣ, удивляясь какъ озабоченности герцога Эльхингенскаго, такъ и подозрительному виду его троихъ спутниковъ. Послѣ того генералъ Ней исчезъ, точно канулъ въ воду. Дѣятельные розыски полиціи не привели ни къ чему.

Семейство герцога получило нѣсколько анонимныхъ писемъ; были приняты мѣры, чтобы задержать ихъ автора на мѣстѣ свиданія, назначеннаго имъ на площади Шато-д'О. Однако въ указанный часъ никто не явился за отвѣтомъ, котораго требовали таинственныя посланія.

Между тѣмъ догадки полицейской префектуры оказались безошибочными. Увидавъ первое изъ анонимныхъ писемъ, я тотчасъ высказалъ семейству генерала Нея свое мнѣніе, и оно вскорѣ подтвердилось на дѣлѣ. Только 23-го февраля Дювивье заявилъ, что его начальникъ нанялъ подвалъ въ одномъ домѣ въ Баньѐ, съ цѣлью упражняться тамъ въ стрѣльбѣ изъ пистолета. Тутъ мнѣ все стало ясно. Герцогъ несомнѣнно лишилъ себя жизни, отправившись въ уединенное мѣсто, гдѣ у него хранились револьверы. Дювивье немедленно поѣхалъ въ Баньѐ въ сопровожденіи начальника охранительной полиціи, Масе. Имъ какъ разъ пришлось проѣзжать мимо статуи маршала Нея, князя Московскаго. Этотъ монументъ, какъ извѣстно, воздвигнутъ близъ Обсерваторіи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ маршалъ Ней былъ разстрѣлянъ 7-го де-

Digitized by Google

кабря 1815 года. По прибытіи въ Баньё, Масе съ адьютантомъ спустились въ подвалъ съ зажженной свѣчей. Дверь оказалась запертой изнутри; герцогъ Эльхингенскій былъ несомнѣнно тамъ. Когда дверь вышибли, потокъ воздуха, вырвавшійся оттуда, потушилъ свѣчу именно въ ту минуту, когда Дювивье, пробираясь ощупью въ темнотѣ подвала, наткнулся на окровавленный трупъ.

Въ самоубійствѣ герцога не могло быть никакихъ сомнѣній, такъ какъ дверь оказалась запертой изнутри, и даже ключъ не былъ вынутъ изъ замочной скважины. Но какая необъяснимая причина заставила генерала Нея наложить на себя руки? Герцогъ Эльхингенскій дѣйствительно обнаруживалъ съ нѣкоторыхъ поръ признаки глубокой грусти. Незадолго до катастрофы ему пришлось давать показанія по дѣлу, разбиравшемуся въ исправительномъ судѣ. Здѣсь у него вырвалось неудачное выраженіе, поднятое на смѣхъ парижской прессой, и самолюбіе герцога было сильно задѣто. Съ другой стороны, поговаривали о предстоявшей ему дуэли съ однимъ журналистомъ. Желая приготовиться къ поединку, онъ нанялъ подвалъ въ Баньё и велѣлъ тщательно заколотить въ немъ всѣ отдушины, чтобы заглушить звуки выстрѣловъ. Къ сводчатому потолку были прикрѣплены длинныя нити со свинцовыми наконечниками; вертикально опускаясь къ полу, онѣ способствовали изощренію глаза, который привыкалъ безошибочно находить цѣль, когда рука по командѣ поднимала оружіе. Однако насмѣшки печати и перспектива поединка не могли еще представлять достаточнаго повода къ самоубійству. Поэтому, когда извѣстіе о смерти генерала Нея облетѣло Парижъ, газеты стали строить самыя невѣроятныя предположенія; онѣ дошли до того, что отъискали мнимую связь между этимъ трагическимъ событіемъ и скандальнымъ процессомъ въ улицѣ Дюфо, основываясь единственно на простомъ совпаденіи чиселъ. Нетрудно было положить конецъ всѣмъ этимъ оскорбительнымъ догадкамъ, обнаруживъ совершившуюся драму передъ общественнымъ мнѣніемъ въ ея настоящемъ свѣтѣ. Память герцога Эльхингенскаго нисколько не страдала бы отъ этого, а полиція была бы избавлена отъ напрасныхъ нареканій нескромной прессы, полагающей, что, при господствѣ демократіи, власти не имѣютъ права скрывать чего бы то ни было отъ любопытства публики.

Но герцогское семейство—безспорно, лучшій судья въ этомъ дѣлѣ—рѣшило хранить въ глубочайшей тайнѣ настоящія обстоятельства смерти своего главы, и потому я долженъ молчать о нихъ въ свою очередь, хотя мнѣ были извѣстны всѣ подробности печальной катастрофы. Здѣсь не было замѣшано никакой скандаль-

Digitized by Google

ной исторіи и, не смотря на кажущуюся криминальную подкладку, о вмѣшательствѣ правосудія не могло быть и рѣчи. Вечеромъ 23-го февраля, когда Дювивье и Масе сообщили мнѣ о результатѣ своихъ поисковъ въ Баньё, я отправился въ военное министерство, гдѣ въ то время былъ пріемъ. Неожиданное извѣстіе о самоубійствѣ уважаемаго человѣка поразило какъ самого министра, такъ и всѣхъ присутствующихъ, потому что генералъ Ней пользовался всеобщимъ расположеніемъ въ средѣ военныхъ. Въ то же время, еще другое высокопоставленное лицо съ нѣкоторыхъ поръ подвергалось ожесточеннымъ нападкамъ радикальной прессы. Бывшаго военнаго министра, генерала де Сиссэ, не смотря на его громкіе подвиги, обвинили въ томъ, будто бы онъ обкрадывалъ казну и выдавалъ непріятелю тайны національной обороны.

Казнокрадство и измѣна—таковы были главные пункты обвиненія, взведеннаго на отставнаго министра. Одинъ изъ депутатовъ крайней лѣвой, въ пылу слишкомъ рьянаго патріотизма, взялся доложить объ этомъ палатѣ. Палата немедленно назначила слѣдствіе и привлекла къ нему множество свидѣтелей. Обвиненіе основывалось главнымъ образомъ на отношеніяхъ генерала де-Сиссэ къ баронессѣ Каулà, о которой ходили слухи, будто бы она служитъ шпіономъ Австріи.

Со времени войны 1870 года, многихъ лицъ, нерѣдко совершенно напрасно, подозрѣвали въ шпіонствѣ. Этой участи подверглись, между прочимъ, нѣкоторыя женщины, матеріальное и общественное положеніе которыхъ, казалось, могло поставить ихъ внѣ подобныхъ подозрѣній. Баронесса Каулà, вышедшая за полковника Юнга, разошлась съ нимъ и занимала изящный маленькій отель въ Іенской аллеѣ. Ничего нѣтъ удивительнаго, если эта молодая женщина жила среди роскоши, благодаря расположенію къ ней генерала де-Сиссэ.

Слѣдственная комисія вызвала въ качествѣ свидѣтелей троихъ полицейскихъ префектовъ: двухъ отставныхъ и меня. Намъ предстояло выяснить, на какомъ счету была баронесса у полиціи, и дѣйствительно ли въ ея отелѣ, какъ утверждали нѣкоторые, производился обыскъ для подтвержденія уликъ въ ея виновности. Добросовѣстный Леонъ Рено сначала отговаривался невозможностью измѣнить профессіональной тайнѣ. Однако онъ опровергнулъ показаніе одного свидѣтеля, утверждавшаго, будто бы префектомъ было когда-то сказано, что баронесса „опасна для Франціи“. Спрошенный насчетъ обыска, на которомъ настаивали обвинители, не означая однако числа, Рено заявилъ, что пока онъ состоялъ на службѣ, префектура не производила никакихъ обыс-

Digitized by Google

ковъ у г-жи де-Каулà, и что объ этомъ даже никогда не было и рѣчи. Вуазенъ, со своей стороны, подтвердилъ то же самое и прибавилъ: „наведя тщательныя справки, я не встрѣтилъ ни малѣйшаго доказательства тому, чтобы баронесса была иностраннымъ агентомъ. Я считалъ ее просто особой, добивавшейся открыть салонъ и принимать у себя парижскихъ знаменитостей. Повторяю, я не нашелъ ничего, что̀ служило бы уликой въ шпіонствѣ г-жи де-Каулà". Призванный также въ качествѣ свидѣтеля, я собралъ самыя подробныя свѣдѣнія и долженъ былъ заявить, что ни въ спискахъ префектуры, ни въ донесеніяхъ полицейскихъ комисаровъ не было ни малѣйшаго намека на обыскъ въ домѣ фаворитки министра. Поэтому префектура не имѣла никакого повода вѣрить слухамъ, обвинявшимъ баронессу въ сообщничествѣ съ Германіей. По поводу моего показанія, нѣкоторыми членами слѣдственной комисіи былъ поднятъ споръ; они потребовали справочные списки генерала де-Сиссэ и баронессы для руководства въ разбираемомъ дѣлѣ. Я объяснилъ своимъ сотоварищамъ то, что̀ было высказано мною читателямъ въ началѣ моихъ *Воспоминаній*: именно, что справочные списки полиціи составлены не для постороннихъ лицъ, хотя бы послѣднія были даже народными представителями, такъ какъ въ подобныхъ документахъ, наряду съ вѣрными свѣдѣніями, встрѣчается немало ошибокъ и сомнительныхъ слуховъ. Вслѣдствіе этого, справочные списки могутъ только помочь полицейской администраціи при розыскахъ, но судебное вѣдомство не должно основывать на нихъ своихъ выводовъ. Комисія не стала настаивать на выдачѣ списковъ. Въ палатѣ происходили пренія по поводу назначеннаго слѣдствія, и здѣсь немедленно выяснилась вся несостоятельность клеветы, отравившей послѣдніе годы жизни генерала де-Сиссэ.

Парижскіе виноторговцы еще недавно, въ числѣ трехъ или четырехъ тысячъ человѣкъ, собрались на сходку въ Зимнемъ Циркѣ подъ предсѣдательствомъ Тони Ревильона для обсужденія вопроса о разбавкѣ винъ водою.

Сословіе виноторговцевъ, по своей многочисленности и вліянію, имѣло большой вѣсъ въ средѣ избирателей. Гамбетта сознавалъ это вполнѣ, и потому въ 1881 году, который былъ посвященъ имъ на искусную подготовку къ предстоящимъ выборамъ, великій государственный мужъ позаботился собрать въ Парижѣ путешествующихъ торговыхъ агентовъ, чтобы они могли просвѣщать въ его духѣ провинціальные города, и самъ предсѣдательствовалъ

Digitized by Google

на собраніи виноторговцевъ, обѣщая имъ выхлопотать свободу разбавки винъ, вѣроятно, взамѣнъ обѣщаннаго раньше французскому народу отдѣленія церкви отъ государства. Гамбетта всегда отличался умѣньемъ находить удачныя слова, резюмировавшія извѣстный тезисъ передъ несвѣдущими людьми. Такъ, для виноторговцевъ онъ придумалъ новый терминъ „ненатуральныя вина", въ отличіе отъ поддѣльныхъ. По мнѣнію президента палаты депутатовъ, поддѣлка винъ происходила лишь въ томъ случаѣ, если торговецъ примѣшивалъ къ нимъ красящія химическія вещества, вредныя для здоровья. Что же касается разбавки вина чистою водою, то здѣсь Гамбетта не усматривалъ ничего непозволительнаго или противозаконнаго. Такимъ образомъ, оппортюнизмъ одобрялъ не только потребленіе разбавленнаго вина въ видахъ похвальной воздержности; нѣтъ, онъ шелъ еще дальше, потворствуя разбавкѣ чужаго вина и обману публики относительно качествъ продаваемаго товара. Не соглашаясь однако съ такимъ *distinguo* Гамбетты, я счелъ своимъ долгомъ доставить потребителямъ новыя гарантіи противъ мошенничества не однихъ виноторговцевъ, но также и другихъ купцовъ.

Англія, Германія, Бельгія гораздо раньше Франціи подняли вопросъ о народной гигіенѣ и подвергли строгому контролю торговлю съѣстными припасами. Я познакомился съ организаціей этого дѣла за границей, и мнѣ удалось, безъ большихъ затратъ, устроить въ зданіи полицейской префектуры „муниципальную лабораторію". Это названіе было придумано мною въ видѣ громоотвода, чтобы привлечь симпатію парижскаго муниципалитета къ новому учрежденію. Лабораторія безспорно принесла много пользы интересамъ народнаго здравія, но результаты производимыхъ здѣсь химическихъ анализовъ навлекли на префекта массу неудовольствія и доставили ему очень мало благодарности. Въ то же время, по желанію муниципальнаго совѣта, я распорядился устройствомъ крытыхъ экипажей для перевозки больныхъ заразными болѣзнями. Шерстяная или шолковая обивка обыкновенныхъ наемныхъ каретъ легко впитываетъ въ себя заразительныя вещества, которыя вслѣдъ затѣмъ передаются здоровымъ людямъ, пользующимся экипажемъ послѣ больнаго. Такимъ образомъ, наемныя кареты сильно способствуютъ распространенію эпидемій. Во избѣжаніе этого, въ Лондонѣ и Брюсселѣ уже давно заведены спеціальные экипажи для перевозки больныхъ, приспособленные къ чисткѣ и дезинфекціи. Слѣдовательно, мнѣ оставалось только позаимствоваться полезнымъ нововведеніемъ у своихъ сосѣдей. Кромѣ того, я запретилъ варварскій способъ истреблять собакъ на живодернѣ.

Digitized by Google

Между вредными животными, отъ которыхъ люди совершенно основательно желаютъ избавиться, въ видахъ общественной безопасности, болѣе всего заслуживаютъ состраданія безпріютныя собаки. За немногими исключеніями, это—паріи собачьей породы: некрасивыя, поджарыя, грязныя, онѣ никому не могутъ понравиться и попасть на чье нибудь попеченіе. Не имѣя ни пристанища, ни хозяина, несчастное животное остается на улицѣ, не смотря ни на какую погоду; оно бѣгаетъ по задворкамъ, отъискивая пищу около мусорныхъ ямъ, и питается отвратительной гнилью до тѣхъ поръ, пока администрація не положитъ конецъ его скитальческой жизни. Но развѣ эти отверженныя существа виновны въ томъ, что природа отказала имъ въ красивой наружности, а судьба не дала ни жилища, ни отвѣтственнаго хозяина? Благодаря гуманнымъ воззрѣніямъ современнаго общества, въ печати стали появляться протесты противъ жестокаго способа истребленія собакъ, и я рѣшился въ настоящемъ случаѣ замѣнить повѣшеніе—удушеніемъ. Дѣло въ томъ, что повѣшенная собака, по причинѣ крѣпости ея шейныхъ позвонковъ, нерѣдко бьется въ предсмертныхъ судорогахъ больше получасу. Поэтому живодеры, стараясь сократить агонію своихъ жертвъ, добиваютъ ихъ ударами молотка по головѣ.

Членъ гигіеническаго совѣта, докторъ Поггіалэ, предложилъ замѣнить такой варварскій способъ умерщвленія животныхъ—другимъ. По его системѣ, собакъ, обреченныхъ на смерть, запираютъ въ герметически закупоренные ящики, куда накачиваютъ, при помощи трубки, снабженной краномъ, обыкновенный освѣтительный газъ, причиняющій удушеніе. Окошечко со стеклянной рамой, продѣланное въ передней части ящика, позволяетъ наблюдать за успѣхами анестезіи. Мозговая чувствительность исчезаетъ раньше, чѣмъ наступитъ смерть. Животное быстро отравляется, и его агонія длится всего нѣсколько минутъ, не сопровождаясь ни малѣйшими страданіями. Безболѣзненность этого рода смерти не подлежитъ сомнѣнію. Многіе рабочіе на парижскомъ газовомъ заводѣ испытали на себѣ первые симптомы асфиксіи, попавъ въ атмосферу, насыщенную освѣтительнымъ газомъ. Они разсказываютъ, что ими овладѣвало при этомъ легкое опьяненіе, какъ отъ выпитаго вина; кромѣ того, у нихъ являлся столбнякъ, сопровождавшійся радикальной инерціей мозговыхъ отправленій. Одинъ изъ рабочихъ, чуть не задохшійся отъ газа, передавалъ мнѣ слѣдующее:

— Я былъ въ такомъ состояніи, какъ будто выпилъ большое количество шампанскаго.

Digitized by Google

Очевидцы умерщвленія собакъ по способу Поггіалэ невольно приходятъ къ такому выводу: почему бы сострадательной администраціи, которая старается смягчить агонію осужденныхъ на истребленіе четвероногихъ, не распространить свою гуманность и на людей, замѣнивъ гильотину анестезіей?

Когда обсуждался служебный бюджетъ на 1885 годъ, я возсталъ противъ ассигновки суммъ, назначенныхъ для секретныхъ фондовъ, и при этомъ имѣлъ честь напомнить палатѣ, что въ наступающемъ году предстоятъ выборы, а потому двухмилліонный кредитъ, пожалуй, не будетъ употребленъ согласно назначенію, а послужитъ несовсѣмъ законнымъ орудіемъ официальной кандидатуры.

Такое недовѣріе со стороны депутата Роны возмутило моихъ почтенныхъ сотоварищей, почерпающихъ въ сознаніи собственной добродѣтели несомнѣнное ручательство неподкупности министровъ. Между тѣмъ, наканунѣ выборовъ 1881 года, произошелъ слѣдующій характерный случай. Гамбетта, не всегда умѣвшій выбирать людей, остановился на этотъ разъ очень удачно на одномъ знаменитомъ профессорѣ съ философскимъ складомъ ума, и указалъ на него, какъ на желаннаго кандидата Родезскаго округа. Этотъ счастливый избранникъ былъ почтенный Жозефъ Фабръ, авторъ замѣчательнаго сочиненія объ Іоаннѣ д'Аркъ и проэкта народнаго праздника въ патріотическомъ духѣ. Фабру была выдана изъ секретныхъ фондовъ префектомъ Авейрона необходимая сумма для покрытія расходовъ по избранію, что̀ составило около трехъ тысячъ франковъ. Спѣшу однако сдѣлать оговорку: почтенный Жозефъ Фабръ былъ не единственнымъ членомъ большинства, получившимъ при выборахъ субсидію изъ секретныхъ фондовъ, вытребованныхъ отъ казны якобы на содержаніе тайной полиціи. Я не хочу также ставить почтеннымъ сотоварищамъ въ вину пассивность, навязанную имъ „свыше“. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ винить правительственныхъ лицъ и самыя учрежденія. По этому поводу я взываю къ избирателямъ, желая открыть глаза добрымъ людямъ, наивно вѣрующимъ, что у насъ насталъ режимъ неподкупной честности, и что некрасивый фактъ официальной кандидатуры относится развѣ къ эпохѣ Меровинговъ, теряясь гдѣ-то во мракѣ временъ. Итакъ, я обращаюсь къ акціонерамъ политики, называемымъ плательщиками налоговъ, и совѣтую имъ не посылать на засѣданія административнаго совѣта такихъ людей, которыхъ свяжетъ долгъ благодарности и сдѣлаетъ ихъ неспособными къ провѣркѣ дѣйствій начальствующихъ лицъ.

Digitized by Google

Я уже сказалъ, что не имѣю ничего лично противъ уважаемаго депутата Авейрона; Жозефъ Фабръ—человѣкъ благородный, и я ни минуты не сомнѣваюсь въ правдивости его заявленія, что, принявъ денежную субсидію на покрытіе издержекъ по выборамъ въ 1881 году, онъ считалъ ее только вспомоществованіемъ изъ собственныхъ средствъ Гамбетты. Полагаю, что этого достаточно для полнаго оправданія личности Жозефа Фабра. Однако его заявленіе не измѣняетъ самой сути дѣла, съ которою онъ помирился, потому что не вникнулъ въ нее хорошенько. Фактъ официальной кандидатуры все таки существовалъ, и намѣченный Гамбеттой депутатъ сдѣлался ея первой жертвой, такъ какъ избраніе принесло ему скорѣе нравственный ущербъ, чѣмъ пользу.

Всѣ истинные граждане своего отечества должны вооружиться противъ вредной системы, искажающей смыслъ народнаго представительства. Вотъ факты, подтверждающіе мои слова: когда Жозефъ Фабръ прибылъ въ свой округъ, въ началѣ выборнаго періода, Андрэ де-Тремонтель получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ денежное письмо съ двумя билетами по тысячѣ франковъ, которые и были вручены кандидату.

Вскорѣ подвернулся новый скандалъ: арестъ г-жи Эйбенъ. Это происшествіе вызвало ожесточенныя нападки противъ полиціи нравовъ и причинило множество непріятностей префекту.

Прежде всего, предоставимъ слово самой героинѣ инцидента. Вотъ письмо, посланное ею въ одну утреннюю газету:

„Г-ну редактору газеты *Mot d'Ordre*.

„М. Г.!

„Позвольте мнѣ передать вамъ подробно ужасное происшествіе, случившееся со мною. Пять мѣсяцевъ назадъ, я опредѣлила обѣихъ моихъ дочерей-малютокъ въ частную школу въ улицѣ Валуа, и такъ какъ онѣ не могли оставаться у своей учительницы долѣе половины пятаго, то я условилась съ нею ежедневно встрѣчать ихъ въ пассажѣ Панорамъ. Въ прошедшій вторникъ, я отправилась по обыкновенію въ названный пассажъ, и такъ какъ было уже довольно поздно, то я спѣшила идти. Вдругъ ко мнѣ совершенно неожиданно подскочило трое мужчинъ, которые безцеремонно схватили меня, говоря между собою: „арестуемъ-ка эту красотку... идите съ нами въ полицейскій участокъ!“ прибавили они, обращаясь ко мнѣ. Принявъ ихъ за уличныхъ безобразниковъ, я просила оставить меня въ покоѣ, но, не смотря на сопротивленіе, грубые негодяи отвели меня на полицейскій постъ

Digitized by Google

въ улицѣ Вилледо. Я умоляла, чтобы они позволили мнѣ, по крайней мѣрѣ, войти въ пассажъ и взять дѣтей; я громко звала моихъ малютокъ по имени, такъ какъ присутствіе дочерей могло вывести меня изъ критическаго положенія, но все было напрасно, и мнѣ пришлось по неволѣ покориться. Въ участкѣ улицы Вилледо я пробыла до половины девятаго; оттуда меня препроводили на другой полицейскій постъ, въ улицу Ришельё, гдѣ я подверглась допросу со стороны секретаря, а не комисара; потомъ меня повели на третій постъ въ той же улицѣ, откуда отвезли въ арестантской повозкѣ въ префектуру; здѣсь я просидѣла подъ замкомъ до пятницы. Не стану описывать вамъ, г. редакторъ, всѣхъ униженій, которымъ я подверглась, и своихъ нравственныхъ мукъ при мысли о покинутыхъ дѣтяхъ. Я не имѣла никакихъ извѣстій о бѣдныхъ малюткахъ до вечера четверга. Надо быть матерью, чтобы представить себѣ мое ужасное душевное состояніе. Правда, что я живу съ сестрою, но она, къ несчастію, подвержена болѣзни сердца, такъ что малѣйшее волненіе причиняетъ ей жестокіе припадки и совершенно лишаетъ силъ. Оставаясь взаперти, я представляла себѣ ея смертельную тревогу по поводу моего необъяснимаго исчезновенія, и это удручало меня еще больше. Чѣмъ же я могла заслужить подобную кару? Могу засвидѣтельствовать, что мой образъ жизни вполнѣ безупреченъ. Я живу одна, какъ нельзя болѣе скромно, съ сестрой и двумя дѣтьми. Прошу васъ помѣстить въ вашей уважаемой газетѣ мой протестъ противъ безчеловѣчнаго обращенія полиціи, которому я незаслуженно подверглась. Я слабая женщина, и у меня нѣтъ инаго средства защиты, кромѣ огласки такого возмутительнаго факта путемъ печати. Надѣюсь, что вы благосклонно примете мои справедливыя жалобы. Въ заключеніе этого правдиваго разсказа, выражаю свою признательность судебному слѣдователю, разбиравшему мое дѣло. Благодаря его заступничеству, меня отпустили на свободу. *А. Эйбенъ. 81, улица Рошфуко*".

Насколько было вѣрно такое заявленіе? Когда вопросъ объ арестѣ г-жи Эйбенъ былъ поднятъ въ палатѣ депутатовъ, я представилъ въ защиту своихъ оклеветанныхъ подчиненныхъ собранныя мною справки. Прежде всего, я указалъ на то, какъ плохо было выбрано мѣсто, гдѣ г-жа Эйбенъ имѣла привычку дожидаться своихъ дочерей. Пассажъ Панорамъ пользуется самою плохою репутаціей, служа сборнымъ пунктомъ для проститутокъ; здѣсь производились многочисленные аресты, въ особенности въ улицѣ Панорамъ, гдѣ находился одинъ очень подозрительный отель. Уди-

Digitized by Google

вительно, что г-жа Эйбенъ, не имѣвшая въ то время опредѣленныхъ занятій, не ходила встрѣчать дѣтей до самой улицы Валуа.

Кромѣ того, я узналъ, что письмо отъ имени пострадавшей, напечатанное въ газетѣ *Mot d'Ordre*, было написано однимъ журналистомъ, который превзошелъ здѣсь самого себя, разливаясь чувствительными фразами. Въ слѣдующемъ нумерѣ той же газеты самъ Лепельтье говорилъ уже отъ своего имени:

„Благородное, сдержанное письмо г-жи Эйбенъ, написанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго позора, открываетъ далеко не все въ возмутительномъ дѣлѣ, которое должно наконецъ обратить вниманіе общества на дикій произволъ префекта и того отвратительнаго сборища людей, которое называется бригадой блюстителей нравственности". И Лепельтье прибавляетъ: „Нѣтъ, г-жа Эйбенъ не сказала всего. Мы знаемъ ее, какъ порядочную женщину и мать семейства. Она вдова одного почтеннаго человѣка, основавшаго масонскую ложу въ Анверѣ; эту особу намъ рекомендовало съ прекрасной стороны, во имя масонской солидарности, нѣсколько лицъ и, между прочимъ, одинъ начальникъ ложи".

Въ видахъ извлеченія возможной пользы изъ ареста г-жи Эйбенъ, въ Парижѣ организовалось нѣчто въ родѣ синдиката, гдѣ пресловутая „масонская солидарность" играла, однако, лишь второстепенную роль. Героиня изъ пассажа Панорамъ была представлена самымъ вліятельнымъ членамъ общества „уничтоженія регламентированной проституціи". Г-жа Эйбенъ присутствовала здѣсь даже на нѣсколькихъ собраніяхъ, гдѣ сдѣлалась предметомъ настоящихъ овацій. Наконецъ ей присовѣтовали подать просьбу президенту палаты депутатовъ, ходатайствуя о позволеніи начать искъ противъ депутата-префекта полиціи. Мнѣ было интересно проникнуть въ жилище г-жи Эйбенъ, и я послалъ къ ней журналиста, тайнаго агента полиціи. Она жила въ это время въ улицѣ Кондорсэ, занимая крошечную квартирку въ шестомъ этажѣ. Мой подчиненный явился къ этой особѣ въ качествѣ репортера радикальныхъ газетъ, и между ними произошелъ приблизительно слѣдующій разговоръ:

Журналистъ.—Вы драматическая актриса, сударыня?

Г-жа Э.—Да, но у меня пока нѣтъ еще ангажемента.

Журн.—Почему вы не обратитесь къ директору театра Фантазій? Онъ васъ навѣрно принялъ бы въ свою труппу съ платою за выходъ.

Г-жа Э.—Сегодня я именно отправляюсь къ нему для переговоровъ.

Журн.—Ваше амплуа?

Digitized by Google

Г-жа Э.—Первыя роли въ комедіи и драмѣ.

Журн.—Ну, это едва ли придется по вкусу г-ну Крюэ; однако, если взять во вниманіе, что о васъ такъ много толковалъ въ послѣднее время весь городъ...

Г-жа Э.—Да, обо мнѣ было уже слишкомъ много толковъ! Еслибы г-нъ Андріё захотѣлъ, то ему стоило вознаградить меня за непріятность, выгнать со службы виновнаго агента,—и тогда все дѣло было бы замято.

Журн.—Въ такомъ случаѣ, здѣсь отчасти замѣшанъ денежный вопросъ?

Г-жа Э. (съ негодованіемъ).—Что касается меня лично, милостивый государь, то, конечно, нѣтъ! Будь я, однако, свободна, то отомстила бы за свой позоръ, застрѣливъ своего противника; но у меня дѣти, у которыхъ нѣтъ отца, и я обязана ихъ обезпечить.

Журн.—У васъ нѣтъ состоянія, сударыня?

Г-жа Э.—Я живу работой. Задѣвъ мою честь, мнѣ испортили артистическое будущее, и потому я вправѣ требовать денежнаго вознагражденія за то, что̀ у меня отняли. Какъ вы думаете?

Журн.—Конечно, сударыня. Кромѣ того, Делятръ окажетъ вамъ поддержку. Вы его знаете; ваша просьба президенту палаты была написана имъ.

Г-жа Э.—Я предпочла бы мировую сдѣлку, безъ всякаго шума; однако это оказалось невозможнымъ, да и теперь еще неизвѣстно, удастся ли мнѣ чего нибудь достичь...

Журн.—Вы, кажется, посѣщаете конторы газетъ и, можетъ быть, тоже занимаетесь репортерствомъ?

Г-жа Э.—Нѣтъ. Но я очень обязана газетѣ *Petit Parisien* и хочу отблагодарить ее также, какъ отблагодарила *Intransigeant*, *Vérité*, *Lanterne* и *Electeur*, однимъ словомъ, всѣ почтенные органы печати, заступившіеся за меня.

„Послѣ того,—прибавилъ журналистъ въ адресованномъ мнѣ отчетѣ,—нашъ разговоръ перешелъ на театръ. На прощанье г-жа Эйбенъ просила меня познакомить ее съ Луизой Мишель и замолвить о ней словечко передъ директоромъ театра Фантазій. Я обѣщалъ. На слѣдующей недѣлѣ мнѣ предстоитъ обѣдать съ Луизой Мишель, съ г-жею Кадоль и другими революціонерами. Постараюсь, чтобы г-жа Эйбенъ также получила приглашеніе“.

Вѣроятно, послѣ этого обѣда въ интимномъ кружкѣ, Луиза Мишель помѣстила въ *Соціальной Революціи* слѣдующую замѣтку:

„Такъ какъ порядочнымъ женщинамъ нынче нельзя показаться на улицу, не рискуя попасть въ полицейское депо, то я совѣтую имъ брать съ собою револьверъ для защиты противъ аген-

Digitized by Google

товъ, позволяющихъ себѣ такое гнусное насиліе. Какимъ прекраснымъ *Интернаціоналомъ* пользуются тираны! Однако народный *Интернаціоналъ*, можетъ быть, очень скоро положитъ предѣлъ ихъ разнузданности!"

Просьба г-жи Эйбенъ, ходатайствовавшей о позволеніи привлечь меня къ судебной отвѣтственности, сдѣлалась предметомъ доклада въ благопріятномъ для меня смыслѣ. Принявъ участіе въ преніяхъ палаты, я поддержалъ заключительные пункты доклада и потребовалъ самъ перенесенія дѣла въ судъ. Большинство палаты высказалось противъ требованія г-жи Эйбенъ.

Между тѣмъ срокъ моего законодательнаго полномочія приходилъ къ концу, и потерпѣвшая могла бы этимъ воспользоваться. Ея сторонники громко протестовали противъ якобы неосновательныхъ препятствій, мѣшавшихъ признанію законныхъ правъ истицы; когда же всѣ помѣхи были устранены, и она могла заявить свои требованія, то г-жа Эйбенъ не сдѣлала къ тому ни малѣйшей попытки.

Ея осторожное отступленіе съ поля битвы, когда насталъ благопріятный моментъ напасть на врага, достаточно выясняетъ характеръ кампаніи, предпринятой противъ полицейскаго префекта.

Прошелъ годъ, но я напрасно ожидалъ визита повѣреннаго по дѣламъ г-жи Эйбенъ. Вмѣсто него, на сцену выступила Марія Коломбье. Эта симпатичная артистка, которую я зналъ только по театру, сдѣлалась покровительницей г-жи Эйбенъ послѣ Лепельтье; она устроила концертъ въ пользу этой особы. Г-жѣ Коломбье вздумалось, ради шутки, послать мнѣ нѣсколько билетовъ съ маленькой запиской, отъ которой вѣяло остроуміемъ и тончайшимъ ароматомъ. Въ ней была выражена просьба послать пособіе г-жѣ Эйбенъ.

Мнѣ оставалось только покориться наложенному на меня такими милыми ручками денежному взысканію, что̀ я и сдѣлалъ съ полной готовностью. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, г-жа Эйбенъ явилась ко мнѣ съ изъявленіями благодарности и съ предложеніемъ билетовъ на новый концертъ. Я узналъ отъ нея, что муниципальный совѣтъ Парижа въ нѣкоторой степени искупилъ вину полицейскаго префекта, назначивъ стипендію одной изъ дочерей потерпѣвшей. При этомъ я искренно пожалѣлъ, что не могу располагать доходами съ табачной торговли. Въ заключеніе, остается пожелать, чтобы заступничество Маріи Коломбье поставило г-жу Эйбенъ съ этихъ поръ внѣ всякихъ недоброжелательныхъ нареканій.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

НАШИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ЦЕНЗЫ.

Злобныя нападки на общественныя наши учрежденія слышатся чаще и чаще. Изъ разныхъ, дѣйствительно неприглядныхъ, фактовъ ихъ дѣятельности поспѣшно дѣлаются болѣе или менѣе страстные выводы о непригодности у насъ такихъ учрежденій, о неприменимости къ нашему государственному строю даже принциповъ самоуправленія; а дѣло извѣстное, что гдѣ затесалась страсть, тамъ не можетъ быть мѣста ни спокойному сужденію, ни правильнымъ заключеніямъ.

Не со вчерашняго дня сдѣлалось печатной аксіомой, что *теперешнія* общественныя учрежденія наши, выродившись въ олигархію не всегда чистоплотныхъ дѣльцовъ, преслѣдующихъ личныя цѣли, „не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ“. Но имѣли ли подъ собою почву самыя эти надежды, и все ли сдѣлано, чтобы онѣ могли оправдаться? Отвѣта на эти вопросы не слышно; а въ немъ-то вся сила, и никогда, быть можетъ, необходимость въ немъ не была такъ настоятельна, какъ въ настоящее время разныхъ поползновеній, не имѣющихъ корней ни въ исторіи, ни въ нравахъ, ни въ нуждахъ русскаго народа. Лучъ свѣта въ данномъ случаѣ будетъ тѣмъ болѣе не лишнимъ, что у насъ не рѣдкость встрѣтить и вполнѣ образованнаго человѣка, который, однако, очень мало знаетъ законы своей родины.

Каждый разъ, когда государство находитъ полезнымъ поступиться извѣстными функціями своей административной, судебной или законодательной власти въ пользу общества, оно естественно задается вопросомъ:— какому именно разряду людей въ средѣ этого общества надлежитъ вручить уступаемыя функціи, не рискуя подвергнуть опасности многоразличные интересы и общества, и государства? И столь же естественно оно разрѣшаетъ этотъ вопросъ, прежде всего, общими чертами—въ пользу „*лучшихъ людей*“, въ ряду которыхъ рѣшительное первенство отдаетъ *людямъ ума и нравственныхъ качествъ*. Въ нашемъ законодательствѣ имѣются на этотъ счетъ, если и не догматическія (поэтому часто забываемыя), то, во всякомъ случаѣ, очень не двусмысленныя указанія: во 1-хъ, въ формулѣ присяги, которая обязательно предшествуетъ выборамъ въ нашихъ дворянскихъ, городскихъ и земскихъ собраніяхъ и по которой

Digitized by Google

члены ихъ даютъ клятву, что „хотятъ и должны избирать изъ собратій своихъ такихъ, коихъ, *по качествамъ ума и совѣсти ихъ*, находятъ способнѣйшими и достойнѣйшими"; и, во 2-хъ, въ манифестѣ 6 декабря 1831 года (Полн. собр. зак. № 4989), при которомъ изданно обновленное положеніе о дворянскихъ собраніяхъ, гдѣ прямо разъяснено, что въ обладаніи достаточнымъ имуществомъ государство усматриваетъ не только „солидарность личныхъ выгодъ собственника съ общественными интересами. *но и средства надлежащаго образованія*". Мотивы такого рѣшенія государства очевидны: въ своихъ собственныхъ интересахъ оно не можетъ не желать, чтобы довѣренныя обществу дѣла находились въ доступномъ совершенствѣ; изъ многихъ своихъ и чужихъ опытовъ оно знаетъ, что въ рукахъ лучшихъ людей даже и плохо-поставленныя учрежденія (въ родѣ англійскихъ муниципальныхъ или нашихъ земскихъ) все же могутъ быть очень сносны и полезны; наконецъ, оно совершенно вѣрно предполагаетъ, что только лучшіе люди могутъ поставить и наилучшій контингентъ мѣстныхъ дѣятелей, при участіи которыхъ самыя учрежденія, оставаясь на высотѣ спеціальнаго своего призванія, не лишены будутъ и громаднаго воспитательнаго значенія. Но, какъ и при этомъ рѣшеніи понятіе „лучшаго человѣка" остается все таки слишкомъ относительнымъ, то государство поставляется въ необходимость опредѣлить съ возможною точностью—при какихъ именно признакахъ, положительныхъ или отрицательныхъ, членъ даннаго общества долженъ признаваться лучшимъ человѣкомъ? Совокупность этихъ-то признаковъ и называется *избирательнымъ цензомъ*.

Задача установленія такого ценза, по самому существу своему, очень нелегкая вездѣ, у насъ представляла еще особенныя затрудненія,—во 1-хъ, потому, что къ эпохѣ признанія нашего общества созрѣвшимъ для самоуправленія исторія не выработала ни практическихъ по этому предмету указаній, ни такихъ рѣзко проведенныхъ сословныхъ подраздѣленій, съ какими пришлось считаться въ западной Европѣ; во 2-хъ, потому, что у насъ мало-мальски тронутое наукой населеніе не составляло и 2%, тогда какъ нетронутое насчитывало свыше 98 процентовъ всего итога, и, въ 3-хъ, потому, что нигдѣ запасы предварительно собранныхъ точныхъ свѣдѣній о народѣ не были такъ скудны, какъ у насъ: не прошло и полугода послѣ достопамятнаго 19 февраля, какъ бывшій главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія вынужденъ былъ сознать, что сельское наше положеніе составлялось „при недостаткѣ свѣдѣній о потребностяхъ и бытѣ крестьянъ въ различныхъ мѣстностяхъ", подъ гнетомъ страха „впасть въ значительныя ошибки и написать правила, вовсе непонятныя для крестьянъ и на дѣлѣ непримѣнимыя" (Выс. утв. 27 іюля 1861 года мн. Гос. Сов.).

При такихъ условіяхъ, оставалось одно изъ двухъ: или идти къ на-

Digitized by Google

мѣченной цѣли ощупью и съ предвзятыми взглядами, или руководствоваться чужими опытами, которыми дознано: а) что выборныя общественныя учрежденія, будучи только мѣстными органами государства, не могутъ не находиться подъ непосредственнымъ и зоркимъ его контролемъ; б) что, при устройствѣ этихъ органовъ, надо держаться реальныхъ условій данной среды въ данное время, направляя всѣ заботы къ тому, чтобы найти въ ней лучшія силы и дать имъ соотвѣтственное назначеніе; в) что, такъ какъ единожды установленный цензъ не можетъ и не долженъ оставаться навѣки нерушимымъ, то во всѣхъ отношеніяхъ предпочтительнѣе установлять его съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ дальнѣйшее время было возможно скорѣе расширеніе, нежели ограниченіе избирательной правоспособности; г) что правоспособность эта, какъ личная прерогатива лучшаго человѣка, не можетъ быть передаваема; д) что прямые выборы безусловно лучше всякихъ посредствующихъ, такъ какъ они и мнѣніе даннаго общества выражаютъ отчетливѣе, и дешевле ему обходятся, и менѣе доступны разнымъ злоупотребленіямъ; е) что такимъ же образомъ мелкіе выборные участки лучше крупныхъ, такъ какъ даютъ возможность избирателямъ сознательнѣе относиться къ избираемымъ; ж) что, поскольку разжигать страсти—неизбѣжное свойство всякихъ выборовъ, необходимо, чтобы они оканчивались по возможности въ одинъ день и отнюдь не далѣе другаго, и з) что голосованіе избирателей должно производиться тайно и быть свободнымъ отъ всякихъ вліяній.

Какому изъ этихъ пріемовъ отдавалось у насъ въ разное время предпочтеніе—покажетъ самый обзоръ нашихъ цензовъ, излагаемый въ хронологическомъ порядкѣ.

I.

Въ силу 597-ой статьи IX т. св. зак., основанной на грамотѣ 1785 года, право голоса на выборахъ въ *городахъ стараго устройства* (т. е. управляемыхъ не по положенію 1870 года) даровано всѣмъ записаннымъ въ городовую обывательскую книгу купцамъ, мѣщанамъ и цеховымъ, не моложе 25 лѣтъ, имѣющимъ въ городѣ капиталъ, съ котораго проценты не ниже 15 рублей, причемъ въ городахъ, гдѣ нѣтъ такихъ капиталистовъ, дозволено участвовать въ выборахъ лицамъ, имѣющимъ и меньшій капиталъ. Теоретичность такого ценза невольно бросается въ глаза, если припомнить, что наши города прошлаго столѣтія далеко не были тѣми центрами промышленнаго и умственнаго развитія, съ весьма внушительнымъ „среднимъ сословіемъ“, какими они самостоятельно сдѣлались въ Европѣ; что, напротивъ, громадное большинство ихъ возведено было въ городской чинъ исключительно по административнымъ соображеніямъ, и что самые разряды городскихъ обывателей были сочинены только, такъ

Digitized by Google

сказать, для ранжира,—„*потому, что городамъ нужно имѣть одинакій законъ, который бы опредѣлилъ, что̀ есть городъ и кто составляетъ городское общество и какъ сдѣлаться городскимъ жителемъ можно*“ (Полн. собр. зак. 1767 г. № 12,949). Отсюда понятно, что и самыя требованія отъ городскихъ „капиталистовъ“ оказались больше, чѣмъ скромными, ибо, при узаконенномъ ростѣ по шести со ста въ годъ, проценты въ 15 р. соотвѣтствовали ничтожному и въ ту пору капиталу въ 250 рублей. Еслибы при этомъ подъ „капиталомъ“ и подъ „мѣщанами“ въ данномъ случаѣ разумѣлось то, что̀ разумѣется теперь, то городское избирающее собраніе оказалось бы въ сущности поголовнымъ вѣчемъ, такъ какъ, съ одной стороны, нельзя представить себѣ и бѣднѣйшаго цехового, который не заработалъ бы въ годъ 15 руб. и котораго промыселъ не представлялъ бы собою капитала въ 250 руб., а тѣмъ болѣе капитала меньшей величины; а съ другой—къ разряду мѣщанъ, по наказу 1767 года, отчислены были не одни только податные классы, но „всѣ, которые упражняются въ ремеслахъ, торговлѣ, мореплаваніи, художествахъ и наукахъ, дѣти приказныхъ людей и тѣ, кои, не бывъ дворянами, выходить будутъ изъ училищъ духовныхъ и свѣтскихъ, и воспитательныхъ домовъ“. Но, какъ подобнаго мѣщанства въ наличности не оказалось, а подъ капиталомъ сталъ разумѣться только объявленный—гильдейскій, то заправителями въ городахъ по приведенному цензу сдѣлались исключительно торговые люди, наименѣе подготовленные къ общественному служенію и наименѣе заслуживавшіе быть сопричисленными къ сонму „лучшихъ“—не потому только, что у насъ, какъ вездѣ, барышъ и нажива составляютъ ихъ спеціальную профессію, но именно по тѣмъ причинамъ, которыя привели ихъ къ своеобразной вѣрѣ: „не надуешь—не продашь“, и по которымъ, уже съ первыхъ торговыхъ сношеній съ Европой, начались безконечныя жалобы на наше купечество за всяческіе обманы, подмѣси, обмѣры и обвѣсы, вслѣдствіе чего законодательство прошлаго столѣтія переполнено строгими указами о разныхъ надзорахъ, браковкахъ, цѣновщикахъ, о тщательномъ клейменіи мѣръ и вѣсовъ и т. п. Даже китайцы, рѣшившіе, что европейскіе купцы слѣпы на оба глаза по части разныхъ продѣлокъ, не могли не признать нашихъ соотечественниковъ „одноглазыми“. Къ чести, впрочемъ, нашихъ торговыхъ людей, слѣдуетъ оговорить, что сами они постоянно и подъ всяческими предлогами старались избавиться отъ общественной службы, понимая, конечно, что она имъ не на руку и не подъ силу, какъ это видно изъ длиннаго перечня изъятій, установленныхъ по 604—610 ст. IX т. Какъ бы то ни было, въ настоящее время самое число городовъ прежняго устройства сократилось уже до такой ничтожной цифры, что и распространяться болѣе объ установленномъ для нихъ цензѣ нѣтъ необходимости.

Digitized by Google

II.

Иначе поставленъ избирательный цензъ въ нашемъ *сельскомъ обществѣ*, которое составители положенія 19 февраля не затруднились построить на узко-сословныхъ началахъ, скрѣпивъ брачными узами поземельную общину, какъ хозяйственную единицу, съ обществомъ, какъ единицей административной, и упустивъ изъ виду, что у насъ было и есть сословіе „сельскихъ обывателей", но нѣтъ и не было сословія крестьянъ. По 2191—2193 ст. II т. св. губ. учр., въ сельскомъ сходѣ, подъ первенствомъ старосты, участвуютъ всѣ принадлежащіе къ составу общества и не опороченные по суду крестьяне-домохозяева; въ такъ называемыхъ башкирскихъ земляхъ (Уфимской и Оренбургской губ.), сверхъ того, и всѣ принадлежащіе къ тому же составу дворяне и чиновники, а у бывшихъ колонистовъ—и безземельные поселяне, но только не поголовно, а въ лицѣ выборныхъ отъ опредѣленнаго числа „взрослыхъ работниковъ". Въ силу 1 п. 2196 ст., эти избиратели лично выбираютъ сельскихъ должностныхъ лицъ и назначаютъ посредствующихъ выборщиковъ, съ одной стороны, на волостной сходъ, изъ крестьянъ, пользующихся мірскою землею за повинности или владѣющихъ ею по праву собственности, а съ другой—на городской съѣздъ, для выбора сельскихъ засѣдателей въ полицейскія управленія, изъ поселянъ, имѣющихъ домъ съ землею (822 и 803—805 ст. IX т.). Такимъ образомъ, на этой общественной ступени цензъ сведенъ къ простѣйшему, ничѣмъ не опредѣленному типу „домохозяина", котораго 25 лѣтъ назадъ въ нашемъ селѣ и мыслить было невозможно безъ дома и клочка земли, такъ какъ пришлыхъ „обывателей" въ ту пору почти не существовало, да не было и такихъ крупныхъ поселеній, какія возникли съ развитіемъ паровыхъ сообщеній, послѣ освобожденія крѣпостныхъ и разрѣшенія устраивать различныя фабрики и заводы внѣ городовъ. Всѣ, безъ изъятія, голосованія сельскихъ сходовъ производятся у насъ поголовно; а такая форма голосованія, даже въ сельскомъ обществѣ средней только величины, сама собою исключаетъ возможность сознательныхъ и толковыхъ рѣшеній, просто въ силу присущаго многолюднымъ сборищамъ стаднаго свойства и вытекающаго отсюда фактическаго заправительства не тѣхъ, которые солиднѣе и честнѣе, а—наоборотъ—тѣхъ, которые бойчѣе и нахальнѣе, и которыхъ нашъ народъ очень метко окрестилъ названіями ловкачей, воротилъ, горлановъ, міроѣдовъ, кулаковъ и т. п. Цифры въ этомъ отношеніи крайне поучительны. Изъ офиціальныхъ данныхъ за 1880 годъ видно, что въ большей части нашихъ европейскихъ губерній средняя многолюдность каждаго сельскаго общества превышаетъ уже 520 душъ обоего пола, въ числѣ которыхъ мужчины-домохозяева составятъ толпу въ

Digitized by Google

200 человѣкъ. Это значитъ, другими словами, что сельскій сходъ такого средняго общества окажется болѣе многолюднымъ, нежели городская дума Москвы съ населеніемъ въ 759,000 душъ; что въ какой нибудь слободѣ въ 6000 душъ число участниковъ схода будетъ уже больше, чѣмъ узаконенное число губернскихъ земскихъ гласныхъ въ 35 губерніяхъ (т. е. больше 2,297), а въ поселеніи въ 20 тысячъ душъ—втрое больше даже противъ этой цифры! И напрасно спорщики для спора задались бы ехиднымъ вопросомъ:—„да много ли у насъ такихъ поселеній?“ ибо въ томъ же 1880 году однихъ поселеній, число душъ въ которыхъ извѣстно, насчитывалось уже: 92 съ населеніемъ отъ 3 до 6 тысячъ; 35 съ населеніемъ отъ 7 до 10 тысячъ; 28 съ населеніемъ отъ 10 до 23 тысячъ, и одно даже съ населеніемъ въ 33,000 душъ. Съ дальнѣйшимъ же развитіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, цифра крупныхъ поселеній только можетъ возрастать, но не уменьшаться, какъ растутъ уже наши крупные города насчетъ мелкихъ. Если, затѣмъ, не терять изъ виду, что даже въ многолюднѣйшихъ изъ нашихъ селъ нѣтъ ни такихъ манежей, въ которыхъ могли бы помѣститься столь громадные сходы, ни тѣхъ образованныхъ и дисциплинированныхъ силъ, при участіи которыхъ возможно было бы хоть наружное ихъ упорядоченіе; что, за исключеніемъ башкирскихъ земель (для которыхъ положеніе составлялось четырьмя годами позже 19 февраля), доступъ такимъ силамъ вездѣ накрѣпко запертъ сословными замками, и что, за временными отлучками домохозяевъ, далеко не всегда можно даже созвать сходъ *); если припомнить, что, даже при выборѣ должностныхъ лицъ, нашимъ крестьянамъ, въ рѣзкое отличіе отъ городскихъ, земскихъ и дворянскихъ избирателей, приходится голосовать открыто, а не тайно, безъ предварительной выборной присяги, безъ прочтенія законовъ, обезпечивающихъ правильность выборовъ, и на глазахъ старосты, вооруженнаго полицейскою и даже карательною властью надъ своими сообщественниками,—то сдѣлается понятнымъ фактъ, удостовѣряемый всѣми наблюдателями, что сельскіе наши сходы выродились въ шумную и, чаще всего, пьяную толпу, у которой все покупается цѣною выставленной водки; что завелись даже особыя должности „подносчиковъ“ этого напитка и особыя, такъ называемыя, „поганыя книжки“ для записи пропиваемыхъ общественныхъ суммъ; что трезвые и солидные домохозяева предпочитаютъ совсѣмъ не посѣщать такихъ сборищъ, и что мѣсто выборныхъ должностныхъ лицъ заступили въ нашемъ селѣ либо сами себя назначающіе, по сочиненнымъ приговорамъ, старосты и старшины, либо ни на что непригодные ставленники мѣстныхъ воротилъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что са-

*) Извѣстенъ случай, что въ селеніи въ 1,800 душъ схода нельзя было созвать въ теченіе *пятнадцати лѣтъ!*

Digitized by Google

мые доброжелательные мѣстные люди ничего съ подобными безобразіями подѣлать не могутъ, такъ какъ составители положенія допустили право жалобы не вообще на выборные безпорядки и злоупотребленія, а только „на незаконность избранія должностныхъ лицъ", да и такую жалобу вмѣнили въ обязанность уѣздному присутствію подвергать разсмотрѣнію лишь тогда, когда она подана *„не менѣе, какъ отъ пятой части всего числа домохозяевъ, составляющихъ волость или общество"* (2233 ст. II т.), а не тѣхъ только, которые были на сходѣ. Между тѣмъ, по другому закону (122 ст. уст. пред. и прес. прест.), „учинять прошеніе скопомъ" строго воспрещается—и засимъ очевидно, что прежде еще, чѣмъ пятая часть домохозяевъ собралась бы только подписывать свою жалобу, лично-отвѣтственный за порядокъ на сходѣ и полицейски-властный староста сочтетъ служебной обязанностью своею, въ силу 121 ст. того же устава, разогнать этотъ скопъ силою, чѣмъ и объясняется, что осуществить свое бумажное право крестьяне не могутъ, еслибы и хотѣли. Да и ѣхать въ уѣздный городъ не всегда сподручно, а иногда и не безопасно: по 2168 и 2217 ст. II т., и староста, и старшина имѣютъ право за маловажные проступки подвергать виновныхъ безъ суда или двухдневному аресту, или рублевому штрафу, или назначенію на общественныя работы до двухъ дней, повторяя эти взысканія, сколько вздумается, и усматривая „маловажный проступокъ" даже въ недостаткѣ подобострастія, въ неснятіи шапки и т. п.

Въ заключеніе, нельзя не отмѣтить, что въ другихъ государствахъ Европы поголовные сходы уцѣлѣли только въ самыхъ мелкихъ общинахъ —въ Пруссіи, гдѣ не болѣе 18 избирателей, въ Италіи, гдѣ ихъ менѣе 15; во всѣхъ остальныхъ дѣлами общины завѣдываютъ особые совѣты изъ разнаго числа членовъ,—напр., въ Швеціи отъ 3 до 11, въ Бельгіи отъ 7 до 31, во Франціи отъ 12 тамъ, гдѣ 500 жителей, и до 36, гдѣ ихъ болѣе 60,000; въ Австріи отъ 8, гдѣ менѣе 100 избирателей, до 30, гдѣ ихъ болѣе 1,000; въ Италіи изъ 15 членовъ въ общинахъ съ 30,000 жителей и до 80, гдѣ ихъ 250,000, и т. д.

III.

Съ замѣчательнымъ своеобразіемъ отнеслись къ избирательному цензу составители *земскаго положенія*. При полномъ сознаніи, что „чрезмѣрное разнообразіе цифръ избирательнаго ценза можетъ на дѣлѣ возбуждать недоразумѣнія, неудовольствія и даже жалобы, не лишенныя основанія" (докл. 10 янв. 1863 г., стр. 5); а съ другой стороны, въ виду категорическаго заявленія министра внутреннихъ дѣлъ государственному совѣту (26 мая того же года, стр. 22—23), что сословнаго антагонизма между

Digitized by Google

землевладѣльцами и крестьянами у насъ нѣтъ, что нельзя указать ни на одинъ общій фактъ, который бы доказывалъ его существованіе, и что всего менѣе можно ожидать этого въ дѣлѣ земскомъ, гдѣ землевладѣлецъ, промышленникъ и крестьянинъ совершенно одинаково заинтересованы, чтобы и обложеніе сборами было равномѣрно, и земскіе капиталы расходовались цѣлесообразно, и дороги содержались исправно и т. д.,—они, тѣмъ не менѣе, признали необходимымъ: во 1-хъ, раздѣлить уѣздъ, по прусскому образцу, на три сословно-избирательныя группы — землевладѣльцевъ (которыми въ ту пору все еще оставались почти исключительно дворяне), горожанъ и поселянъ; и, во 2-хъ, оставивъ для выборщиковъ отъ послѣдней группы тотъ же цензъ, какой назначенъ для выборщиковъ на волостной сходъ, установить для избирателей двухъ первыхъ всюду оставленный за непригодностью цифирно-опредѣленный и исключительно имущественный цензъ. Такимъ образомъ, въ землевладѣльческомъ съѣздѣ, по 1839 ст. II т., право голоса для выбора уѣздныхъ гласныхъ изъ своей же непремѣнно среды предоставлено лицамъ, владѣющимъ въ уѣздѣ на правѣ собственности землею, въ количествѣ (смотря по губерніямъ) отъ 200 до 800 десятинъ; собственникамъ другаго недвижимаго имущества цѣною не ниже 15,000 рублей и владѣльцамъ промышленныхъ или хозяйственныхъ заведеній либо той же капитальной стоимости, либо имѣющихъ годовой оборотъ производства не менѣе 6,000 рублей. Соотвѣтственно съ этимъ, въ съѣздѣ городскихъ избирателей, по 1844 ст. II т., право голоса даровано лицамъ, имѣющимъ купеческія свидѣтельства, владѣльцамъ на городской землѣ фабрикъ и другихъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній съ годовымъ оборотомъ производства не менѣе 6,000 руб., и лицамъ, владѣющимъ на городской же землѣ другимъ недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для взиманія налога въ 3,000, въ 1,000 и въ 500 рублей, смотря по тому, имѣютъ ли города болѣе 10,000 жителей, отъ 2 до 10 тысячъ и менѣе 2,000 жителей.

Установленіе столь изобильнаго цифрами ценза, при отсутствіи у насъ кадастра, ипотеки, подоходнаго налога, однообразныхъ и правильныхъ оцѣнокъ недвижимаго имущества, а мѣстами—даже и межевыхъ данныхъ; при неимѣніи вообще такихъ статистическихъ свѣдѣній, на которыя можно было бы положиться *), и въ такую притомъ пору, когда земельная

*) Не прошло и пяти лѣтъ послѣ изданія земскаго положенія, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, представляя государственному совѣту ходатайство новгородскаго земства о дозволеніи обращать денежныя повинности въ натуральныя, совершенно вѣрно замѣтилъ, что „въ Россіи ни недвижимая собственность, ни произведенія земли, ни личный трудъ не имѣютъ сколько нибудь установившейся цѣнности“. Зрячіе статистики наши не затруднились бы подтвердить это положеніе даже и теперь.

Digitized by Google

собственность достигла высшей степени неустойчивости, столько же вслѣдствіе надѣленія крестьянъ землею, сколько вслѣдствіе закрытія опекунскихъ совѣтовъ,—это установленіе создало массу неисчислимыхъ затрудненій и, прежде всего, для самихъ составителей земскаго положенія, поскольку имъ пришлось *задѣлывать* тѣ именно прорѣхи, отъ которыхъ сами они весьма основательно предусматривали и „недоразумѣнія, и неудовольствія, и жалобы". Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы эти задѣлки были удачны. Допустивъ цифирно-опредѣленный цензъ для извѣстнаго разряда избирателей, полагали, что нельзя не допустить и болѣе мелкаго „складочнаго" ценза для такихъ собственниковъ земельнаго имущества, которые самостоятельно подъ этотъ разрядъ не подходятъ. Такимъ образомъ, существенно извратилось самое значеніе ценза, какъ личнаго признака лучшаго человѣка: вмѣсто владѣющаго опредѣленнымъ имуществомъ *лица*, поставлено не только это опредѣленное *имущество*, но даже дроби его, откуда и вышло, что нѣсколько четвертушекъ или восьмушекъ „лучшаго человѣка", порознь представлявшихъ собою, по отношенію къ цензу, юридическіе нули, въ общемъ итогѣ сдѣлались равными не нулю, а единицѣ; забывалось, что имущество и промыселъ вовсе не единственные факторы, въ силу которыхъ человѣкъ осѣдаетъ въ данномъ мѣстѣ и, именно въ качествѣ „мѣстнаго", призывается къ завѣдыванію мѣстными дѣлами; широко открывались ворота стремленію къ наживѣ и всякимъ, въ погонѣ за нею, сдѣлкамъ съ совѣстью и закономъ. Затѣмъ, естественно уже пришлось составителямъ земскаго положенія сочинять цѣлыя росписи пространствъ, населенія, разныхъ видовъ землевладѣнія, различныхъ промышленныхъ заведеній и ихъ оборотовъ на основаніи такихъ цифръ, невѣрность которыхъ на первыхъ же порахъ и обнаружилась; пришлось опредѣлять взаимное соотвѣтствіе недвижимыхъ имуществъ на основаніи такихъ приблизительныхъ и среднихъ величинъ, которыя бываютъ цѣнны для научныхъ выводовъ, но мало приложимы къ живому организму. На основаніи столь же сомнительныхъ данныхъ пришлось опредѣлять узаконенный составъ земскихъ собраній, съ предвидимымъ рискомъ, что многіе не въ состояніи будутъ и собираться, по самымъ законнымъ и уважительнымъ причинамъ.

Но еще болѣе серьезное затрудненіе создалъ этотъ цензъ для самого земства. Безъ преувеличенія можно сказать, что истекшія двадцать лѣтъ были цѣлымъ рядомъ не прекращавшихся жалобъ на многоразличныя неудобства этого ценза и ходатайствъ — то объ уменьшеніи его, то объ измѣненіи по существу, то о совершенной отмѣнѣ. Пишущему эти строки извѣстны, за это время, до ста пятидесяти подобныхъ ходатайствъ отъ девяноста шести земскихъ собраній и городскихъ думъ, въ которыхъ разъяснено, что, опредѣленныя на основаніи земскаго ценза, цифры гласныхъ оказались несоотвѣтствующими ни числу избирателей, ни про-

Digitized by Google

странству и населенію, ни количеству сборовъ; что въ уѣздахъ съ 10—11 гласными достаточно заболѣть двумъ или тремъ, чтобы земскія собранія не могли состояться; что многія мѣстности или представлены въ земствѣ крайне неравномѣрно, или совсѣмъ даже не представлены; что во многихъ другихъ, вслѣдствіе раздробленія земельныхъ имѣній, стало невозможнымъ избраніе подходящихъ должностныхъ лицъ, а въ особенности мировыхъ судей; что, наконецъ, установленный цензъ, не обезпечивая за обладателемъ его ни ума, ни дѣловой опытности, ни нравственныхъ качествъ, устранилъ только отъ дѣла лучшихъ людей, заставивъ замѣнить ихъ худшими, и такимъ образомъ подорвалъ самое довѣріе къ земскимъ учрежденіямъ. Основательность нѣкоторыхъ изъ этихъ жалобъ не разъ была признана и центральною властью. Уже въ 1870 году министръ внутреннихъ дѣлъ нашелся вынужденнымъ признать, что „*размѣръ ценза не можетъ быть назначенъ на основаніи какихъ либо точныхъ, положительныхъ данныхъ, и что назначеніе его всегда болѣе или менѣе произвольно*“; въ исходѣ 1877 года, и министерство юстиціи пришло къ убѣжденію, что, въ видахъ улучшенія судебно-мироваго института, „*необходимо коренное измѣненіе условій избирательнаго ценза и установленіе болѣе современныхъ и справедливыхъ избирательныхъ началъ*“ (Мат. хоз. деп. т. I, стр. 259).

Тенденція, въ силу которой, при установленіи земскаго ценза, отдавалось столь рѣшительное предпочтеніе обладанію недвижимымъ имуществомъ, была двоякая: съ одной стороны, человѣкъ, связанный такимъ обладаніемъ, представлялся болѣе обезпеченнымъ въ своихъ средствахъ, а поэтому менѣе склоннымъ къ корысти и рискованнымъ увлеченіямъ, и болѣе, какъ говорилось, „консервативнымъ“; а съ другой—онъ казался ipso facto и болѣе образованнымъ, и болѣе дѣловитымъ, каковымъ и былъ у насъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда почти вся земельная собственность сосредоточивалась въ рукахъ искони служащаго и образованнѣйшаго изъ нашихъ сословій. Въ настоящее время, однако, обѣ эти тенденціи утратили уже значительную долю своего кредита, и—прежде всего—въ силу добытаго опытомъ убѣжденія, что въ высшей степени неумѣстно обезьянничать на тему о „консерватизмѣ“ и „либерализмѣ“, когда рѣчь идетъ о такихъ учрежденіяхъ, которымъ довѣрены главнымъ образомъ хозяйственныя заботы о народномъ продовольствіи, о врачебной помощи населенію, о народномъ образованіи, объ общественномъ призрѣніи, о развитіи промышленности и торговли, о средствахъ сообщеній и объ устройствѣ пожарной и строительной части. Затѣмъ, жизнью также дознано, что матеріальная обезпеченность далеко не всегда охраняетъ отъ хищническихъ поползновеній и вовсе еще не указываетъ на образованность и дѣловитость; что, съ переходомъ массы нѣкогда дворянскихъ имѣній въ недворянскія руки, появилось и въ средѣ землевладѣльцевъ

Digitized by Google

такое же множество „чумазыхъ", не имѣющихъ ничего общаго съ образованностью, какимъ преизобилуютъ темные классы нашего населенія; что точно также и сословность, сама по себѣ, не можетъ быть общимъ признакомъ ни лучшаго, ни худшаго человѣка; что многое хорошее, за что̀ русскій народъ всегда будетъ поминать добромъ наше молодое земство, сдѣлано дружными усиліями самыхъ разнородныхъ классовъ населенія; что хотя увлеченія увлеченіямъ рознь, но обладаніе недвижимымъ имуществомъ вовсе отъ нихъ не застраховываетъ, ибо если бывали примѣры, что крупные собственники, увлекаясь экономіей, отказывали населенію въ открытіи училищъ, а на борьбу со скотскою чумою посылали ничего не смыслящихъ повитухъ,—то бывали и такіе, что мелкота, напротивъ, не жалѣла кровныхъ грошей для всесторонняго изученія своихъ палестинъ. Наконецъ, если недвижимое имущество и обладаетъ способностью до извѣстной степени связывать владѣльца, то точно такое же свойство присуще и всякому прочному водворенію, вызвано ли оно промысломъ и имуществомъ, или просто семьей и занятіемъ. Если, поэтому, прямой задачей прогрессирующаго законодательства и у насъ, какъ вездѣ, должно быть устраненіе тѣхъ именно недостатковъ, которые обнаружены опытомъ прошедшаго времени, то перечисленныхъ указаній нашего опыта нельзя не признать крайне поучительными.

IV.

Во многихъ отношеніяхъ такими они и были при подготовкѣ *городоваго положенія 1870 года*, которому, какъ извѣстно, предшествовало въ высшей степени обстоятельное мѣстное изслѣдованіе. Избирательный цензъ по этому положенію поставленъ уже совершенно иначе: въ 1964 ст. II. т. св. губ. учр. установлено, что „всякій городской обыватель, къ какому бы состоянію онъ ни принадлежалъ, имѣетъ право голоса въ избраніи гласныхъ, при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если онъ русскій подданный, 2) если ему не менѣе 25 лѣтъ отъ рожденія, 3) если онъ владѣетъ въ городѣ на правѣ собственности недвижимымъ имуществомъ, подлежащимъ сбору въ пользу города, или содержитъ торговое или промышленное заведеніе по свидѣтельству купеческому, или же, проживъ въ городѣ въ теченіе двухъ лѣтъ сряду, хотя бы и съ временными отлучками, уплачиваетъ въ пользу города установленный сборъ со свидѣтельствъ: купеческаго или промысловаго на мелочной торгъ, или прикащичьяго перваго разряда, или съ билетовъ на содержаніе промышленныхъ заведеній, указанныхъ въ уставѣ о пошлинахъ, и 4) если на немъ не числится недоимокъ по городскимъ сборамъ.

Главное отличіе этого ценза отъ всѣхъ предъидущихъ заключается, очевидно, въ совершенномъ устраненіи какъ сословности избирателя, такъ

Digitized by Google

и цифирно-опредѣленной величины принадлежащаго ему имущества. Составители городоваго положенія думали, правда, по старой памяти, опредѣлить эту величину цифрою во сто рублей годоваго дохода; но, къ чести ихъ, съумѣли отказаться отъ этого предположенія, въ виду многочисленныхъ и очень вѣскихъ возраженій со стороны мѣстныхъ по губерніямъ комисій, изъ которыхъ солиднѣйшія высказались въ томъ направленіи, что „*умъ—тотъ же капиталъ, а часто и важнѣе*“, и что „*польза общественнаго управленія требуетъ, чтобы оно находилось въ рукахъ людей, отличающихся нравственными качествами*“ (Мат. хоз. деп. т. I, стр. 93, 94 и 115). Отсюда и самыя группы избирателей составлены уже не по сословнымъ кличкамъ, а по количеству платимыхъ въ пользу города налоговъ, такъ что къ первой отнесены тѣ изъ значащихся въ спискѣ избирателей, которые, внося высшіе размѣры налоговъ, уплачиваютъ вмѣстѣ треть общей суммы налоговъ, вносимыхъ всѣми избирателями; ко второй—слѣдующіе за ними по списку, уплачивающіе вмѣстѣ другую треть названныхъ налоговъ, и къ третьей—всѣ остальные (1971 ст. II т.).

Къ существеннымъ недостаткамъ этого ценза слѣдуетъ отнести, съ одной стороны, рѣзкое увлеченіе такими традиціями, которыя не находили себѣ опоры ни въ измѣнившихся съ теченіемъ времени понятіяхъ, ни въ условіяхъ быта; а съ другой—не менѣе рѣзкое уклоненіе даже отъ принятыхъ, повидимому, основныхъ началъ.

Дѣйствительно, составители городоваго положенія не только не отвергали того факта, что девять десятыхъ нашихъ городовъ и посадовъ оставались и къ 1870 году, по своему характеру, тѣми же селами, какими были до переименованія ихъ въ города и посады, но именно въ силу этого факта предполагали даже изъять ихъ изъ спеціальнаго вѣдѣнія того департамента, который завѣдываетъ городскими дѣлами. И, за всѣмъ тѣмъ, они не затруднились, по старой памяти, отдать рѣшительное по цензу предпочтеніе торгово-промышленному классу горожанъ предъ всѣми другими, фактомъ водворенія которыхъ въ предѣлахъ города сплошь и рядомъ обусловливается и самое торгово-промышленное его преуспѣяніе. Предпочтеніе это простерлось до того, что имѣющими цензъ оказались не только устроители какой нибудь красильни или какого нибудь кирпичнаго завода (хотя бы до того они вовсе не жили въ городѣ и не имѣли ни малѣйшаго понятія ни о дѣлахъ, ни о дѣятеляхъ его), но даже прикащики, которые, творя волю другихъ (какъ самое названіе указываетъ), не могутъ и быть самобытными выборщиками, или промышляющіе мелочнымъ торгомъ, голоса которыхъ покупаются обыкновенно дешевле, чѣмъ сколько стоитъ продаваемый ими товаръ. Традиціонно, такое же предпочтеніе отдано и домовладѣльцамъ предъ нанимающими помѣщенія въ чужихъ домахъ, не взирая на несомнѣнность той истины, что безъ послѣднихъ не могло бы быть

Digitized by Google

и большей половины настроенныхъ домовъ, и что владѣльца какой нибудь лачуги, оцѣниваемой сотнями рублей, ни съ какой точки зрѣнія невозможно ставить выше нанимателя, платящаго за свою квартиру цѣну нѣсколькихъ такихъ лачугъ. Оба эти предпочтенія явились, впрочемъ, логическимъ послѣдствіемъ того воззрѣнія, господствовавшаго въ эпоху всяческихъ концессій, по которому „заинтересованнымъ“ городскими дѣлами признавался только непосредственный плательщикъ налоговъ, въ городскую кассу и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ крупнѣе сумма такихъ налоговъ. Глубокая ошибочность этого воззрѣнія теперь уже очевидна: во 1-хъ, городское общественное управленіе никоимъ образомъ не можетъ быть отожествляемо съ акціонерной компаніей, гдѣ степень заправительства естественно обусловливается величиной вложеннаго въ предпріятіе капитала;—разъ это управленіе есть призванный къ завѣдыванію мѣстными дѣлами органъ государства, отъ послѣдняго только и зависитъ указать, кого оно признаётъ лучшимъ человѣкомъ, и засимъ право быть таковымъ не можетъ признаваться у насъ ни прирожденнымъ, ни покупаемымъ цѣною однихъ денежныхъ жертвъ. Во 2-хъ, если вполнѣ безспорна та истина, что бо́льшая часть вносимыхъ въ городскую кассу налоговъ фактически уплачивается не одними вносящими ихъ лицами, но всѣми жителями (нанимателями помѣщеній, потребителями разнаго товара и т. д.), то нѣтъ и разумнаго основанія отдавать предпочтеніе получателю квитанціи предъ фактическимъ плательщикомъ, тѣмъ болѣе, что, въ 3-хъ, при нашей, далеко не установившейся податной системѣ, при которой не рѣдкость, что и казна субсидируетъ города или земства и сама пользуется ихъ субсидіями, нельзя даже указать, гдѣ оканчивается общій и начинается мѣстный налогъ, не говоря уже о томъ, что горожане уплачиваютъ едва ли не бо́льшую часть разныхъ косвенныхъ налоговъ, и что въ народномъ нашемъ воззрѣніи, какъ бы ни называлась та или другая касса, собирающая налоги, всегда она признаётся только частицей общей „государевой казны“, и тѣмъ основательнѣе, что всякіе налоги установляются по уполномочію государственной власти, взыскиваются съ ея соизволенія и расходуются на ею же предуказанныя потребности. Съ этой точки зрѣнія, было бы уже гораздо основательнѣе признать за цензъ уплату *всякаго рода налоговъ по мѣстной раскладкѣ*; а засимъ и самыя группы избирателей въ данномъ избирательномъ участкѣ размѣстить такимъ образомъ, чтобы: вторую составляли уплачивающіе *средніе* размѣры такихъ налоговъ, первую—уплачивающіе *высшіе* (на 10—15 процентовъ) противъ среднихъ, и третью — уплачивающіе *низшіе* (на 10—15 процентовъ), противъ среднихъ, размѣры. Такая постановка ценза имѣла бы два существенныхъ преимущества: во 1-хъ, она устранила бы самую необходимость цифирно-опредѣленнаго имущества, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавила бы государство и отъ необходимости вводить въ законъ цифры,

Digitized by Google

всегда болѣе или менѣе произвольныя; а, во 2-хъ, она не устранила бы отъ общественныхъ дѣлъ имущіе классы, такъ какъ всѣ наши налоги замѣтно стремятся стать подоходными, а въ этой формѣ дѣлаются болѣе и болѣе соотвѣтствующими не только количеству, но и *качествамъ* имущества, которыя земское и городовое положеніе совсѣмъ игнорировали.

Но составители городоваго положенія еще рѣзче разошлись съ самими собою. Мы видѣли уже, что цензированнымъ избирателемъ они признали „всякаго" городскаго обывателя, которому отъ роду „не менѣе 25 лѣтъ". Выраженіе: *всякаго* прямо указываетъ на полное безразличіе обоихъ половъ, а *25-лѣтній возрастъ* не менѣе прямо исключаетъ всѣхъ тѣхъ, которые его не достигли. Между тѣмъ, въ 1967 ст. II т. установлено, что за *женщинъ* и за *мужчинъ отъ 21 до 25-лѣтняго возраста*, равно какъ и за *отсутствующихъ*, подходящихъ къ цензу лицъ, могутъ являться избирателями ихъ повѣренные, а за *несовершеннолѣтнихъ* и *малолѣтнихъ*—ихъ опекуны и попечители, откуда и вышло, что не только передавалась вообще личная прерогатива лучшаго человѣка, но что, по довѣренности и по представительству, можно передавать даже и такое право, котораго сами передающіе не имѣютъ! Этотъ очевидный nonsens обязанъ своимъ существованіемъ компромиссу, давно уже осужденному самою жизнью и утратившему всякій raison d'être.

Что касается до *женщинъ*, то воспрещеніе имъ лично участвовать въ избирательномъ собраніи цѣликомъ заимствовано въ прошломъ столѣтіи у Европы,—гдѣ, вопреки наличному факту блистательнаго царствованія нашей императрицы, держались еще того предразсудка, что активное участіе женщины въ публичныхъ дѣлахъ разрушаетъ будто бы семью,—и впервые примѣнено у насъ къ сословно-дворянскимъ учрежденіямъ, не имѣвшимъ ничего общаго ни съ западными политическими, ни съ нашими общественными учрежденіями, а оттуда цѣликомъ же перенесено какъ въ земское, такъ и въ городовое положеніе 1870 года, подъ тѣмъ предлогомъ, что къ такому изъятію изъ общаго правила образовался уже навыкъ, и что будто бы изъятіе это обратилось въ обычай, съ которымъ нельзя не считаться. Дѣланность этого мотива бросается въ глаза: изъ того факта, что большинство нашихъ городовъ, съ Москвою во главѣ, привыкли къ невообразимой грязи, отнюдь, кажется, не вытекаетъ, чтобы на вѣки вѣчные нужно было отложить попеченія о чистотѣ; а въ данномъ случаѣ очистка тѣмъ настоятельнѣе необходима, что именно выборнымъ довѣренностямъ „санъ-галліотовъ" общественныя наши учрежденія обязаны такой подтасовкой выборовъ, какая безъ этихъ довѣренностей никогда не могла бы имѣть мѣста. Ссылка на обычай точно также не выдерживаетъ критики, такъ какъ именно въ той нашей средѣ, въ которой выборные распорядки и по закону нормируются обычнымъ правомъ, подобнаго обычая не только не наблюдается, но въ обычаѣ, напротивъ, что женщина является совершенно

Digitized by Google

равноправнымъ съ мужчиною членомъ сельскаго схода, а нерѣдко и должностнымъ лицомъ:—въ своемъ изслѣдованіи „Община и подать", знатокъ нашего сельскаго быта г. Трироговъ не разъ указываетъ даже поименные тому примѣры (стр. 44, 305, 316 и 327—330). Кромѣ того, нельзя терять изъ виду, что и во многихъ европейскихъ государствахъ произошелъ по этому вопросу весьма крутой поворотъ отъ воззрѣній прошлаго столѣтія: даже въ Англіи, замѣчательно скупой на реформы, женщина получила уже право избирательства и избираемости въ мѣстный училищный совѣтъ и право участія въ городскихъ выборахъ; а Италія пошла въ этомъ направленіи еще дальше, дозволивъ женщинѣ лично участвовать и въ выборѣ депутатовъ. Наконецъ, въ нашей же Финляндіи женщина и по закону пользуется правомъ голоса не только въ общинахъ, но и въ собраніяхъ ратушъ, и никакихъ неудобствъ отъ этого не замѣчается; а отсюда прямо вытекаетъ, что нѣтъ вѣскихъ основаній устранять русскую женщину отъ избирательства и даже отъ избираемости на нѣкоторыя должности въ наши общественныя учрежденія. Въ этомъ смыслѣ нѣкоторыя изъ мѣстныхъ по губерніямъ комисій высказывались еще при обсужденіи проэктовъ городоваго положенія (Мат. хоз. деп. I, стр. 97 и 248); а за истекшіе съ того времени годы выяснилось даже и практикой, что на многихъ поприщахъ женщина можетъ быть даже болѣе полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ, нежели мужчина.

Обращаясь затѣмъ къ *повѣренничеству* въ избирательныхъ собраніяхъ за безправныхъ по цензу и отсутствующихъ цензированныхъ мужчинъ, нельзя не замѣтить, что всегда оно объяснялось у насъ стремленіемъ „не оставить беззащитными ничьихъ интересовъ", причемъ, однако, въ самомъ этомъ объясненіи заключается уже и осужденіе: если подъ „интересами" разумѣть исключительно только *общественные*, которыхъ государство не можетъ не охранять, такъ какъ они въ то же время и его собственные, то названное стремленіе окажется по меньшей мѣрѣ ненужнымъ, ибо,—какъ совершенно вѣрно замѣтилъ министръ внутреннихъ дѣлъ,—въ подобнаго рода интересахъ всѣ классы и члены общества вполнѣ солидарны, будутъ ли они недоросли, или старики, присутствующіе или отсутствующіе. Если же подъ „интересами" разумѣть и *чисто-личные*, то совсѣмъ не дѣло общественныхъ учрежденій на нихъ останавливаться, такъ какъ подобные интересы либо достаточно охраняются судомъ, если они не противообщественны, либо вовсе не заслуживаютъ охраны, если противообщественны: не разводить же, напр., заразныхъ болѣзней потому только, что въ своихъ личныхъ интересахъ могильщики и гробовщики не могутъ не желать увеличенія смертности! Нельзя также не замѣтить, что наше законодательство недостаточно анализировало самыя свойства эгоизма и не подмѣтило той отличительной его черты, въ силу которой *эгоистъ на міру* далеко не тожественъ съ *эгоистомъ въ кабинетѣ*. Поясникъ нашу мысль при-

Digitized by Google

мѣромъ. Цензированный въ Мамадышскомъ уѣздѣ собственникъ сдаетъ имѣніе въ аренду и доходы свои безмятежно проживаетъ въ Москвѣ, Дрезденѣ, Ниццѣ; понятно, что не въ личныхъ его интересахъ давать что нибудь на содержаніе Мамадышской больницы, въ которой никогда онъ лѣчиться не будетъ, или на шоссировку мѣстныхъ дорогъ, по которымъ онъ никогда не ѣздитъ и т. п. Но *лично* высказываться въ Мамадышскомъ собраніи въ такомъ смыслѣ или за людей такихъ же воззрѣній—не всегда рѣшится самый откровенный эгоистъ, тогда какъ для *повѣреннаго* нѣтъ и причинъ стѣсняться, не говоря уже о томъ, что съ довѣренностью въ рукахъ ему открыта легальная возможность подтасовывать выборы въ пользу разныхъ ловкачей.

V.

Изложенный обзоръ нашихъ цензовъ въ значительной степени разъясняетъ уже, чего *не слѣдуетъ* допускать, для того чтобы, съ одной стороны, устранить извѣданные недостатки прошлаго, а съ другой—добиться наконецъ, чтобы къ избирательству въ наши общественныя учрежденія привлечены были по преимуществу люди ума и нравственныхъ качествъ, или, по крайней мѣрѣ, чтобы такіе люди не уклонялись отъ этой обязанности, какъ уклоняются теперь, не желая пачкаться съ интриганами.

Въ этомъ направленіи, поскольку цензомъ установляются общіе признаки лучшаго человѣка, прежде всего нѣтъ никакой надобности установлять для разныхъ избирателей различные цензы, такъ какъ лучшій, по указанію государства, человѣкъ въ селѣ не можетъ не оставаться таковымъ же и въ городѣ, и въ земствѣ, или наоборотъ.

Засимъ многолѣтній опытъ всѣхъ другихъ государствъ, ранѣе насъ созрѣвшихъ для самоуправленія, указываетъ, что опредѣлить избирательный цензъ *однимъ* какимъ нибудь признакомъ физически невозможно, такъ какъ самое понятіе лучшаго человѣка слагается изъ *многихъ* и разныхъ качествъ. Отсюда вся задача государства—выбрать изъ этихъ качествъ именно такія, которыя легко распознаются и сами собою удостовѣряютъ наличность другихъ, не поддающихся взвѣшиванію или измѣренію. Такими качествами только и могли бы быть у насъ, въ настоящее время, нижеслѣдующія: 1) опредѣленный возрастъ; 2) прочное, по семейному положенію, занятіямъ, имуществу или промыслу, водвореніе; 3) самостоятельное распоряженіе собою и своею собственностью; 4) независимость отъ хозяйской власти другаго лица, и 5) уплата разныхъ налоговъ по мѣстной раскладкѣ.

Въ общей ихъ совокупности, качества эти таковы, что не обладающій извѣстной степенью ума и нравственныхъ качествъ не можетъ и подойти подъ нихъ; а каждое въ отдѣльности не составило бы даже особаго нов-

Digitized by Google

шества въ нашемъ законодательствѣ. Дѣйствительно, что касается до логики закона, опредѣляющаго *возрастъ избирателя*, то она ясно указывается существомъ той обязанности, которую возложило на него государство и удачное исполненіе которой немыслимо безъ того, чтобы избиратель зналъ мѣстныя дѣла и окружающихъ его людей, умѣлъ относиться къ этимъ послѣднимъ безпристрастно и распознать въ ихъ средѣ наиболѣе пригодныхъ для выборной службы. Въ число внѣшнихъ признаковъ такого знанія и умѣнія всѣ безъ изъятія законодательства ставятъ опредѣленный возрастъ, какъ удостовѣреніе, что достигшій его освободился до извѣстной степени отъ юношескихъ увлеченій, обладаетъ извѣстной долей солидности и имѣетъ нѣкоторый запасъ житейской или дѣловой опытности. Въ нашемъ законодательствѣ избирательный возрастъ установленъ только въ видѣ минимума, лишь для городскихъ и земскихъ избирателей, которые не должны быть моложе 25 лѣтъ. По отношенію же къ сельскимъ избирателямъ, законъ не далъ опредѣлительныхъ указаній не только на возрастъ „домохозяевъ“, но и на возрастъ безземельныхъ „взрослыхъ работниковъ“. Единственное исключеніе допущено только для тѣхъ выборщиковъ, которымъ поручалось избраніе сельскихъ засѣдателей въ полицейскія управленія: по 805 ст. IX т., такой выборщикъ долженъ имѣть не менѣе 30 лѣтъ отъ рожденія, и требованіе это объяснялось тѣмъ, что сословный засѣдатель могъ призываться къ исправленію должности уѣзднаго исправника, а съ нею—и къ временному начальствованію надъ волостными старшинами, которые, въ свою очередь, не могутъ быть моложе 25 лѣтъ (2226 ст. II т.); поэтому онъ долженъ былъ и избираться болѣе осмотрительными выборщиками (цирк. мин. вн. д. 1872 г. № 49). Очевидно, что по этой логикѣ было бы въ высшей степени послѣдовательно увеличить и возрастъ избирателей при выборѣ предводителей дворянства, которымъ отведено еще болѣе почетное мѣсто въ нашей губернской и уѣздной администраціи. Однако, этого не только не сдѣлано, а остался, напротивъ, неисправленнымъ старинный законъ, по которому право голоса въ дворянскомъ собраніи удержано за лицами, едва достигшими гражданскаго совершеннолѣтія въ 21 годъ (96 ст. IX т.), т. е. такого возраста, въ который въ настоящее время трудно даже окончить курсъ высшаго образованія, наиболѣе, конечно, соотвѣтственный представителю образованнѣйшаго изъ нашихъ сословій. Поправка этого закона находила бы себѣ полное оправданіе въ разумно понимаемыхъ интересахъ самого сословія, такъ какъ ежедневный опытъ удостовѣряетъ, что неопытный юноша неизбѣжно становится ширмою разныхъ искусившихся дѣльцовъ, а послѣдніе не имѣютъ никакихъ причинъ охранять высоту призванія должностныхъ лицъ, которымъ служатъ изъ личныхъ интересовъ. Въ виду изложенныхъ соображеній, представлялось бы необходимымъ установить, что во *всѣхъ* избирающихъ собраніяхъ, какъ сословныхъ, такъ

Digitized by Google

и общественныхъ, право голоса принадлежитъ лицамъ, имѣющимъ отъ рожденія не менѣе 25 лѣтъ.

Точно также высокую для государства цѣнность представляетъ и цензъ *водворенія*, какъ потому, что только осѣдло-живущему въ данной мѣстности домохозяину доступно подробное до мелочей знаніе и мѣстныхъ нуждъ, и мѣстныхъ дѣлъ, и самихъ дѣятелей, такъ и потому, что подобный домохозяинъ *вынужденъ* интересоваться преуспѣяніемъ всего того, что̀ входитъ въ понятіе благоустройства и благочинія, ибо это преуспѣяніе будетъ *выгодно* если не лично ему, то его промыслу или имуществу, а большею частью—всѣмъ этимъ факторамъ водворенія вмѣстѣ. Этимъ и объясняется, что во всѣхъ другихъ государствахъ водвореніе ставится обыкновенно во главѣ условій, предъявляемыхъ къ мѣстному избирателю. Наше законодательство, въ свою очередь, давно и хорошо знаетъ цѣну домовитаго хозяина: даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ обвиняется въ преступленіи, оно относится къ нему гораздо мягче и снисходительнѣе, нежели къ человѣку, не имѣющему опредѣленнаго мѣста жительства, промысла или занятія (257, 389 и 420 ст. уст. угол. судопр.); да и самое водвореніе оно опредѣляетъ именно, какъ „*постоянное мѣсто жительства тамъ, гдѣ кто по своимъ занятіямъ, промысламъ, или по своему имуществу, либо по службѣ военной или гражданской* (которая, впрочемъ, сама собою входитъ въ составъ общаго понятія о „занятіяхъ“) *имѣетъ осѣдлость или домашнее обзаведеніе*“ (204 ст. уст. гражд. судопр.). Очевидно, впрочемъ, что для полученія отъ водвореннаго домохозяина всего того, что̀ въ данномъ случаѣ онъ можетъ и долженъ дать государству, необходимы два условія: во 1-хъ, чтобы самое водвореніе было прочно, и, во 2-хъ, чтобы его начало и непрерывность могли быть доказаны. Первое изъ этихъ условій достигается обыкновенно установленіемъ въ самомъ законѣ извѣстной продолжительности водворенія, второе—обязательной записью въ мѣстную подворную книгу.

Нормы продолжительности водвореній представляются чрезвычайно разнообразными въ разныхъ государствахъ. Такъ, въ Швеціи, въ австрійскихъ общинахъ по сю сторону Лейты и въ швейцарскихъ кантонахъ Гларисѣ, Цугѣ и Золотурнѣ за такую норму признаётся просто фактъ осѣдлости, изъ котораго и выводится, что если человѣкъ, имѣя право и возможность жить гдѣ угодно, осѣлъ и обзавелся домашнимъ хозяйствомъ именно въ данной общинѣ, то, конечно, потому, что въ ней заключается узелъ его интересовъ, ради которыхъ онъ не преминетъ и ознакомиться съ этой общиной возможно ближе и обстоятельнѣе. Напротивъ, въ другихъ странахъ признавалось необходимымъ опредѣлить продолжительность водворенія указанною въ законѣ цифрой, которая обыкновенно тѣмъ выше, чѣмъ многолюднѣе община, чѣмъ сложнѣе и разнороднѣе ея интересы, и наоборотъ. Такимъ образомъ, въ кантонахъ Ваадтѣ и Люцернѣ считается

Digitized by Google

достаточнымъ только трехмѣсячное водвореніе, тогда какъ въ Италіи требуется шестимѣсячное; въ Нидерландахъ, Венгріи, Галиціи, Градцѣ и Далмаціи, равно какъ въ кантонахъ Женевскомъ и Тессинскомъ—свыше года; во Франціи и Бернѣ—двухлѣтнее, а въ полу-кантонѣ Верхній-Унтервальденъ—даже четырехлѣтнее, но только, впрочемъ, для участія въ болѣе важныхъ общинныхъ выборахъ. У насъ срочность водворенія впервые была установлена для избирателей обѣихъ столицъ въ формѣ „записи въ обывательскую книгу не менѣе двухъ лѣтъ". Затѣмъ, при разработкѣ проэкта городоваго положенія 1870 года, нѣкоторыя изъ мѣстныхъ по губерніямъ комисій высказывались за необходимость установить срокъ водворенія въ 3 года, въ 5 и даже въ 6 лѣтъ; другія, напротивъ, признавали достаточнымъ годовое только водвореніе (Мат. хоз. деп. I, стр. 21 и 247). Но какъ пожеланія эти не были достаточно мотивированы, то министерство внутреннихъ дѣлъ, а за нимъ и государственный совѣтъ склонились въ пользу однообразнаго для всѣхъ городовъ двухлѣтняго водворенія, и притомъ для тѣхъ только избирателей, которые не имѣютъ недвижимаго имущества или не содержатъ промышленнаго заведенія по купеческому свидѣтельству. Слабая сторона такого законоположенія очевидна: разъ только есть у насъ города, не превышающіе, по своему значенію, самой ничтожной деревушки, съ бюджетами въ 250—500 рублей, и есть другіе, съ десятками и сотнями тысячъ жителей, при милліонныхъ бюджетахъ,—то нѣтъ вѣскихъ основаній требовать, чтобы и тамъ, и здѣсь водворившійся домохозяинъ жилъ одинаковое время, прежде чѣмъ сдѣлается правоспособнымъ избирателемъ. Справедливо, что у насъ знаніе мѣстныхъ дѣлъ, какъ и всякое знаніе вообще, достается труднѣе, чѣмъ гдѣ либо, потому что и гласности, и грамотности несравненно меньше; но, съ другой стороны, не менѣе справедливо, что самыя формы нашего быта гораздо проще, однообразнѣе и, стало быть, доступнѣе для распознанія, тѣмъ болѣе, что въ прирожденной смѣтливости русскій человѣкъ не ощущаетъ недостатка. Если, поэтому, представляется крайне сомнительнымъ: полезно ли удлинять срокъ водворенія до 5 и 6 лѣтъ, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что одинаковый срокъ не можетъ почитаться равно пригоднымъ для всѣхъ поселеній, а въ особенности для большинства сельскихъ, для которыхъ законъ не установилъ никакого срока. По этимъ основаніямъ, было бы цѣлесообразно допустить подраздѣленіе всѣхъ нашихъ поселеній, безъ различія городскихъ отъ сельскихъ, на имѣющихъ менѣе 10,000 душъ обоего пола, на имѣющихъ отъ 10 до 50 тысячъ и на имѣющихъ свыше 50,000 душъ, и установить, что право сдѣлаться мѣстнымъ избирателемъ наступаетъ для водворившагося въ низшемъ разрядѣ поселеній не ранѣе, какъ по истеченіи одного года со дня водворенія, въ среднемъ разрядѣ—не ранѣе двухъ лѣтъ и въ высшемъ—не ранѣе трехъ лѣтъ, хотя бы и съ временными за эти сроки отлучками.

Digitized by Google

Подобный законъ имѣлъ бы въ свою пользу слѣдующіе доводы: А) относительно многолюдности поселеній—во 1-хъ, что, при такомъ распредѣленіи, въ низшій разрядъ 439 городовъ не попалъ бы ни одинъ губернскій, тогда какъ въ высшемъ оказалось бы только 20 городовъ (обѣ столицы, Одесса, Кіевъ, Казань, Саратовъ, Кишиневъ, Харьковъ, Рига, Вильна, Николаевъ, Орелъ, Динабургъ, Ростовъ-на-Дону, Самара, Тула. Астрахань, Нижній-Новгородъ, Житоміръ и Бердичевъ), причемъ въ 186-ти городахъ средняго разряда остался бы неизмѣннымъ существующій уже двухлѣтній срокъ; во 2-хъ—вслѣдствіе быстраго увеличенія числа крупныхъ городовъ насчетъ мелкихъ (сравненіе офиціальныхъ цифръ 1880 года съ таковыми же за 1876-й показываетъ, что въ этотъ промежутокъ времени число городовъ низшаго разряда уменьшилось на 22 процента, тогда какъ число средняго увеличилось на 65, а высшаго—на 150 процентовъ), естественнымъ результатомъ такого быстраго роста должно быть и нѣкоторое увеличеніе срока, который, при меньшей населенности, считался достаточнымъ даже для столицъ; и Б) относительно *продолжительности водворенія* —что если для такихъ крупныхъ центровъ населенія, какъ столицы, двухлѣтній срокъ признавался достаточнымъ, то для мелкихъ, какъ отнесенные къ низшему разряду, уже потому нельзя не сократить его на цѣлую половину, безъ различія города отъ села, что въ городѣ съ 6,000 душъ населенія будетъ вообще меньше правоспособныхъ избирателей, нежели въ селѣ съ такою же цифрою населенія, ибо сосредоточенныя въ городахъ войска и военныя учрежденія, учебныя заведенія, тюрьмы, отчасти чиновный персоналъ, наемные рабочіе и прислуга, которыхъ въ селѣ почти не существуетъ, не могутъ имѣть, въ дѣлѣ устройства выборной службы, никакого значенія. Въ строгомъ смыслѣ, представлялось бы послѣдовательнымъ, по отношенію къ мелкимъ поселеніямъ, остановиться лишь на фактѣ осѣдлости и домашняго обзаведенія, какъ на простѣйшемъ признакѣ водворенія; но подобная мѣра встрѣтила бы у насъ существенныя преграды, отчасти въ томъ обстоятельствѣ, что, послѣ упраздненія крѣпостныхъ отношеній, населеніе наше вообще не осѣло еще такъ прочно, какъ въ странахъ, гдѣ подобныя мѣры практикуются; а отчасти и въ томъ, что, при сравнительной нашей бѣдности, самое понятіе „домашняго обзаведенія“ сводится большею частью къ такой ничтожной цѣнности, что видѣть въ немъ закончившееся водвореніе было бы рискованно: фактъ гуртовыхъ и весьма быстрыхъ переселеній служитъ неоспоримымъ тому доказательствомъ.

Переходя засимъ къ *подворной книгѣ*, нельзя не замѣтить, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ она признаётся безусловно обязательною для каждой общины, городской и сельской, не только въ видѣ единственно возможнаго инвентаря всѣхъ наличныхъ силъ, но и въ качествѣ очень цѣннаго матеріала для полиціи и офиціальной статистики. Столь

Digitized by Google

многостороннее и важное значеніе подворной книги вызвало особыя мѣры, которыя побуждаютъ общины вести свои книги съ самой изысканной исправностью, а домохозяевъ—не только не уклоняться отъ записи въ мѣстную подворную книгу, но всячески заботиться о томъ, чтобы не быть въ ней пропущеннымъ. Для достиженія первой цѣли, общинѣ предоставлено право облагать въ пользу своей кассы каждаго водворившагося въ промежуткѣ времени отъ послѣдней раскладки налоговъ до новой, извѣстнымъ процентомъ (обыкновенно не свыше 10%) съ того средняго размѣра налоговъ, какой приходится по мѣстной раскладкѣ на долю каждаго домохозяина *), и получать, сверхъ того, опредѣленную плату (большею частью не свыше одного франка) за каждое, выданное на основаніи подворной книги, легитимаціонное или метрическое свидѣтельство, за которыми самъ законъ призналъ характеръ единственныхъ документовъ, удостовѣряющихъ какъ самоличность предъявителя, такъ и факты рожденія, брака и смерти. Вторая, затѣмъ, цѣль достигается уже, такъ сказать, сама собою, ибо никто въ повседневной жизни не можетъ обойтись безъ легитимаціоннаго вида или метрическаго свидѣтельства, а между тѣмъ полученіе столь важныхъ документовъ вполнѣ сподручно и обходится неизмѣримо дешевле, нежели, напр., добываніе у насъ паспортовъ и консисторскихъ свидѣтельствъ. Въ нашемъ законодательствѣ нѣчто похожее на подворную книгу появилось впервые въ эпоху сословнаго размежеванія русскаго народа на разныя группы, въ царствованіе Екатерины II, когда, въ соотвѣтствіе съ родословными дворянскими въ губерніяхъ, были установлены и городскія обывательскія книги. По мысли императрицы, книги эти должны были служить для городскихъ обывателей и ихъ семействъ актомъ состоянія и обусловливать за ними всѣ права: въ 56 ст. городоваго положенія 1785 года прямо сказано:—„буде кто не вписанъ въ городовую обывательскую книгу, тотъ не только не принадлежитъ къ гражданству города, но да не пользуется и мѣщанской выгодой онаго“. Но какъ самыя „права“ эти и „выгоды“ были слишкомъ призрачны, то городовая обывательская книга не могла и получить предполагавшагося значенія: по буквѣ 3 п. 596 ст. IX т., въ такія книги должны были записываться купцы, мѣщане и цеховые, имѣвшіе право только „*находиться*“ въ общемъ собраніи городскаго общества, причемъ это бумажное право не совпадало даже съ правомъ голоса въ собраніи и не только не влекло за собою никакой пользы для записавшихся, но еще сопряжено было и съ потерей времени, и съ расходами до 30 рублей съ семьи (580 ст. IX т.). Понятно, что въ бо̀ль

*) На основаніи данныхъ г. Трирогова о народномъ кадастрѣ въ Саратовской губерніи (стр. 17), подобное обложеніе составило бы въ ней отъ 2 р. 40 к. до 3 р. 17 к. въ годъ.

Digitized by Google

шей части городовъ обывательскія книги велись тѣмъ небрежнѣе, что наши горожане вовсе не дорожили правомъ участія въ мѣстныхъ дѣлахъ и, напротивъ, всячески отъ нихъ уклонялись. Составители городоваго положенія 1870 года, остановившись на убѣжденіи, что званіе „городоваго обывателя“ не есть и не должно быть сословнымъ терминомъ, вывели отсюда, что и обывательская книга, въ значеніи акта состоянія, должна быть отмѣнена (Мат. хоз. деп. I, стр. 204). Послѣдствія однако не замедлили обнаружить, что перемѣна значенія обывательской книги не только не приводила сама по себѣ къ необходимости ея отмѣны, но прямо указывала на необходимость дать ей то же полезное предназначеніе, какое она имѣетъ въ другихъ странахъ. Привлекши къ участію въ общественномъ дѣлѣ такъ называемое „коренное“ населеніе города, установивъ обязательность избирательныхъ списковъ и предоставивъ городу право обложенія разныхъ имуществъ и промысловъ, нетрудно было предусмотрѣть, что безъ подворной книги дѣло не обойдется, но что значеніе ея сведется къ инвентарю, безъ котораго немыслимо никакое благоустроенное хозяйство. На практикѣ такъ и вышло, но помимо закона и въ такой разнообразной формѣ, при которой цѣнность подворныхъ книгъ для офиціальной статистики значительно уменьшается, такъ какъ становятся почти невозможными ни сравнительные выводы, ни основанныя на нихъ осмысленныя мѣропріятія. Что касается до нашего села, то, хотя закономъ подворная книга для него не установлена, но на самомъ дѣлѣ она тѣмъ легче можетъ быть введена, что списки дворохозяевъ повсемѣстно ведутся, отчасти съ полицейскими, но, главнымъ образомъ, съ фискальными цѣлями. Нѣкоторыми изъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, какъ напр., Моршанскимъ, выработана даже однообразная форма подворной книги, въ которой обязательно должны заключаться свѣдѣнія о семейномъ положеніи, возрастѣ, прибыли и убыли населенія, объ имуществѣ разнаго рода и о перемѣнахъ, съ нимъ происходящихъ. Понятно, что предписанныя закономъ для всѣхъ городскихъ и сельскихъ обществъ и обязательно къ концу года провѣряемыя, подобныя подворныя книги могли бы упразднить и необходимость нашихъ періодическихъ ревизій, и все еще практикуемый обычай считаться съ „ревизскими душами“, а не съ живымъ населеніемъ. Если къ этому присовокупить, что и земскія управы, силою вещей, были вынуждены обзавестись подробными списками тѣхъ плательщиковъ по земской раскладкѣ, которые не принадлежатъ къ составу городскихъ и сельскихъ обществъ, то въ конечномъ выводѣ получится, что къ узаконенію подворной книги нигдѣ у насъ не встрѣтится препятствій, и такая мѣра была бы истиннымъ благодѣяніемъ для народа, еслибы, одновременно съ этимъ, передана была общественнымъ учрежденіямъ выдача какъ основанныхъ на подворной книгѣ, удостовѣряющихъ самоличность видовъ, такъ и свидѣтельствъ о фактахъ рожденія, брака и смерти, безъ

Digitized by Google

различія исповѣданій и за возможно-дешевую плату. При этомъ, сама собою упразднилась бы наша тягостная паспортная система; духовенство и полиція сами избавились бы отъ непосильной для нихъ обязанности вести метрическія записи и избавили бы нашу статистику о движеніи населенія отъ совершенно фантастическихъ цифръ; больше, чѣмъ вѣроятно, что и казна не осталась бы въ убыткѣ, такъ какъ потеря паспортнаго сбора (около 3.250,000 р. въ годъ) съ избыткомъ окупилась бы, съ одной стороны, увеличеніемъ гербоваго сбора, а съ другой — упраздненіемъ ревизскихъ отдѣленій при казенныхъ палатахъ.

Въ одинаковой степени съ водвореніемъ, *личная самобытность и хозяйственная независимость* повсемѣстно признаются весьма цѣннымъ условіемъ, предъявляемымъ къ избирателю, такъ какъ понятно, что человѣкъ, работающій отъ себя и для себя, неизмѣримо менѣе доступенъ подкупу и давленію, нежели тотъ, чьи средства къ жизни находятся въ зависимости отъ чужой воли. Поэтому, напр., въ законодательствахъ Швеціи, Бельгіи, Венгріи и нѣкоторыхъ кантоновъ Швейцаріи не только состоящіе подъ конкурсомъ, но даже и фактическіе неплательщики предъявленныхъ взысканій исключаются временно изъ числа избирателей, какъ недостаточно надежные. Параллельно съ этимъ, и въ Финляндіи ландбауэры, арендаторы и половники тогда только и пользуются правомъ голоса въ мѣстномъ собраніи, когда самъ собственникъ земли не живетъ на ней; въ противномъ случаѣ, ихъ голосъ переходитъ къ нему. На этомъ же основаніи, нигдѣ въ Европѣ не признаются правоспособными избирателями люди, промышляющіе личными услугами, получающіе отъ общества содержаніе или пособіе, снискивающіе свой хлѣбъ поденной работой или милостыней. Наше законодательство, какъ мы видѣли, совсѣмъ не установило этого ценза, хотя нельзя сказать, чтобы не знало его цѣны: такъ, по 734 ст. IX т., рабочіе не по договорамъ, поденщики и люди, работающіе безъ опредѣленныхъ сроковъ, не участвуютъ въ избраніи членовъ въ попечительные горнозаводскіе приказы; точно также, по силѣ 547 ст. того же тома, даже почетный гражданинъ, вступившій въ услуженіе для домашнихъ работъ, лишается нѣкоторыхъ преимуществъ своего званія „и на письмѣ именуется не гражданиномъ, а цеховымъ мастеромъ (?) или просто жителемъ такого-то города“.

Что касается, наконецъ, до *платежа мѣстныхъ налоговъ*, какъ условія, предъявляемаго къ избирателю въ западныхъ государствахъ, то оно вполнѣ оправдывается какъ общепризнанной истиной, что „умирать и платить налоги долженъ каждый“, такъ и въ частности характеромъ тѣхъ учрежденій, въ которыя онъ призванъ избирать служилыхъ людей: разъ эти учрежденія предназначены для завѣдыванія *мѣстными дѣлами* и содержатся на *мѣстныя же средства*, возникаетъ большая вѣроятность, что тотъ только и будетъ относиться къ дѣлу съ должною заботливостью,

Digitized by Google

кто участвуетъ въ самомъ созиданіи мѣстныхъ средствъ собственнымъ карманомъ. Отсюда во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ право быть мѣстнымъ избирателемъ обусловлено платежемъ цифирно-опредѣленнаго минимума мѣстныхъ налоговъ, и требованіе это такъ настойчиво, что неплательщикъ, какъ и недоимщикъ въ платежѣ за указанный срокъ, прямо *исключаются* изъ числа избирателей. У насъ подобное требованіе впервые поставлено городовымъ положеніемъ 1870 года, и притомъ не въ видѣ опредѣленнаго минимума налоговъ, а въ робкой и отрицательной формѣ, въ силу которой право голоса принадлежитъ избирателю лишь при условіи, „*если на немъ не числится недоимокъ по городскимъ сборамъ*“. Засимъ, хотя такое требованіе не предъявлено ни къ сельскому, ни къ земскому избирателю, но совсѣмъ не потому, чтобы, на основаніи предварительнаго и сравнительнаго изученія платежныхъ силъ, его нельзя было предъявить; а просто потому, что городовое положеніе редактировалось нѣсколькими годами позже, при болѣе обильномъ запасѣ кодификаціонной опытности, и что комисія, которой поручено было это дѣло, не считала себя вправѣ затрогивать вопросы, ей не подвѣдомые. Между тѣмъ ближайшее изученіе нашихъ финансовыхъ, контрольныхъ и земскихъ отчетовъ несомнѣнно удостовѣряетъ, что, въ сравненіи съ другими, наши *сельскіе классы* оказываются наиболѣе исправными плательщиками разныхъ сборовъ, и разрядъ недоимщиковъ между ними исключительно пополняется въ случаѣ какихъ нибудь особенныхъ бѣдствій, при которыхъ само правительство приходитъ обыкновенно на помощь, разсрочивая или совсѣмъ слагая накопившуюся недоимку. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ, въ виду тѣхъ общеизвѣстныхъ мѣръ, какими „выбиваются“ у насъ разные сборы. Что же касается до *земскихъ* избирателей, то сомнѣваться въ ихъ платежной способности еще менѣе возможно, такъ какъ и въ избиратели-то они попали только по имущественному цензу, и если при всемъ томъ оказываются наименѣе исправными плательщиками даже земскихъ сборовъ, то единственно по слабости органовъ, наблюдающихъ за своевременнымъ и безнедоимочнымъ ихъ поступленіемъ, и по чрезмѣрной снисходительности законовъ, обезпечивающихъ такое поступленіе. Лучшимъ доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что многія земскія собранія сами не разъ ходатайствовали о лишеніи недоимщиковъ земскаго сбора права быть избирателями, и что по поводу одного изъ подобныхъ ходатайствъ комитетъ министровъ, по положенію 7 августа 1879 года, призналъ его уважительнымъ, почему и предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ извѣстить, кого слѣдуетъ, что оно будетъ принято въ соображеніе при пересмотрѣ земскаго положенія. Въ виду этихъ данныхъ, вопросъ о возможности требовать отъ всѣхъ нашихъ избирателей исправнаго платежа установленныхъ сборовъ не допускаетъ другаго рѣшенія, какъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Совсѣмъ иной вопросъ—какіе именно сборы должны быть приняты во

Digitized by Google

вниманіе при постановкѣ этого требованія? Теоретически вопросъ этотъ надлежало бы рѣшить въ пользу спеціальныхъ мѣстныхъ сборовъ, какъ и рѣшили составители городоваго положенія. Но не такъ отнеслась къ нему жизнь: въ виду неустроенности нашей податной системы, въ виду наградъ за успѣшное взысканіе казенныхъ сборовъ и воспрещенія всякихъ наградъ за взысканіе городскихъ и земскихъ, въ виду личной заинтересованности сельскихъ властей, чтобы мірскіе сборы поступали сполна; наконецъ, въ виду повсемѣстно наблюдаемаго обычая, что вносимыя въ казначейство суммы произвольно записываются не въ тѣ графы, въ которыя предназначались, практика рѣшила, что всего проще не обращать вниманія на названіе налоговъ и ихъ предназначеніе, а производить раскладку ихъ въ совокупности и одновременно. Отсюда въ нашемъ селѣ выжидаются обыкновенно окладные листы казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ по волости, къ нимъ присоединяется бюджетъ мѣстныхъ общественныхъ расходовъ, и затѣмъ *общій итогъ всѣхъ четырехъ разрядовъ разверстывается* или по количеству земли и скота, при подворномъ владѣніи, или по платежной способности каждаго домохозяина, при общинномъ пользованіи землею. Точно также и городская управа снабжаетъ каждаго плательщика въ городѣ однимъ общимъ окладнымъ листомъ, въ которомъ хотя и показаны раздѣльно казенные, земскіе и мѣстные сборы, въ видахъ правильной отчетности, но „недоимщикомъ по городскимъ сборамъ“ признаётся, вопреки буквѣ закона, не тотъ, кто не уплатилъ мѣстныхъ только сборовъ, а тотъ, кто не внесъ всего показаннаго въ окладномъ листѣ итога. При этомъ, весьма знаменательно, что жалобъ на подобное обезразличеніе налоговъ совсѣмъ не слышно; а это лучшій признакъ, что заинтересованныя стороны сжились съ нимъ, и вмѣстѣ—лучшее доказательство, что проводить законодательно различіе мѣстныхъ сборовъ отъ не мѣстныхъ было бы, по меньшей мѣрѣ, безцѣльно. Какъ бы ни были правильны законы въ теоріи, они просто не будутъ исполняться, если пойдутъ въ разрѣзъ съ народнымъ міровоззрѣніемъ, какъ это доказывается даннымъ случаемъ и какъ это предсказывалъ главноуправляющій II Отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи еще при разсмотрѣніи проэктовъ земскаго положенія (стр. 34). При такихъ обстоятельствахъ, единственно осторожный и удобный выходъ долженъ бы заключаться въ узаконеніи совершившагося факта или, точнѣе, въ признаніи, что не тотъ только долженъ пользоваться правомъ голоса въ мѣстномъ избирающемъ собраніи, кто *обложенъ мѣстнымъ налогомъ*, а тотъ, кто *исправно уплачиваетъ всякаго наименованія сборы по мѣстной раскладкѣ*. Очевидно, что такой законъ не можетъ вызвать практическихъ затрудненій, а между тѣмъ, во 1-хъ, онъ не потребуетъ никакихъ поправокъ и измѣненій, сколько бы ни передѣлывалась наша податная система; во 2-хъ, значительно упроститъ самую группировку избирателей на разряды, безъ ко-

Digitized by Google

торыхъ нельзя достигнуть ни того, чтобы избирающее собраніе было точнымъ олицетвореніемъ даннаго общества, ни того, чтобы въ немъ самомъ интересы каждаго разряда не расходились хоть настолько, насколько уравновѣшиваетъ и миритъ ихъ сама жизнь.

Останавливаясь затѣмъ на вопросѣ—при какихъ размѣрахъ и какой именно недоимкѣ избиратель долженъ утрачивать право голоса въ избирающемъ собраніи, нельзя не принять во вниманіе двухъ обстоятельствъ: во 1-хъ, что, по существующимъ правиламъ, всѣ окладные наши сборы должны быть вносимы въ полугодовые сроки, причемъ крайній срокъ для втораго полугодія истекаетъ лишь въ половинѣ января слѣдующаго года, тогда какъ бо́льшая часть избирающихъ собраній призываются къ производству выборовъ мѣсяцемъ раньше; и во 2-хъ, что въ финансовомъ счетоводствѣ нашемъ „недоимки прежнихъ лѣтъ“ отличаются отъ „окладовъ текущаго года“, но вовсе не отличаются фактическія недоплаты окладовъ отъ смѣтныхъ недоборовъ, вслѣдствіе чего не рѣдкость, что послѣ продолжительной переписки обнаруживается, что числившаяся недоимка даже и не была „недоимкой“ въ тѣсномъ смыслѣ слова, такъ какъ явилась только послѣдствіемъ преувеличенныхъ смѣтныхъ ожиданій. При такихъ обстоятельствахъ, минимумъ недоимки, которая временно лишила бы избирателей права голоса, самъ собою опредѣляется въ размѣрѣ *недоплаты полугодовыхъ сборовъ*, вошедшихъ въ мѣстную раскладку, и правильность такого вывода едва ли можетъ быть оспариваема.

А.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

На охотѣ.

Сентябрьскій день манитъ, привѣтливо взглянувъ,
Компанію друзей развлечься—на охоту,
И, обувь длинную на ноги натянувъ,
Съ Діаной вмѣстѣ я гуляю по болоту.

Ружье въ рукахъ моихъ, кругомъ просторъ и гладь;
Діана носится, межъ кочками мелькая;
Ея волнистый хвостъ, колеблясь, далъ мнѣ знать,
Что ужь въ травѣ близка добыча дорогая;

И вотъ она стоитъ,—картинно замерла:
Недвижимъ пышный хвостъ и вытянута морда;
Лишь изрѣдка, какъ снѣгъ, на зелени бѣла,—
Зоветъ меня къ себѣ, посматривая гордо.

Я близко подошелъ,—и дупель изъ-подъ ногъ
Взлетаетъ у меня: прикладъ къ щекѣ ложится,
Глазъ лѣвый щурится, спускается курокъ,—
И птица за дымкомъ отъ выстрѣла валится.

Ее услужливо Діана мнѣ несетъ,
А я вожусь опять, патронъ въ ружье вставляя.
Какъ воздухъ свѣжъ и чистъ, какъ ясенъ неба сводъ,
Какъ зеленью ярка отава молодая!....

Иду я далѣе, полнѣетъ мой якташъ;
А вечеромъ вхожу съ добычею богатой
Въ избу, гдѣ ночевать кружокъ собрался нашъ,
И на столѣ кипитъ другъ—самоваръ пузатый.

Картинно вкругъ него охотники сидятъ,
Собаки подлѣ нихъ покоятся въ растяжку,
Веселый льется смѣхъ и шуточки летятъ;
Хозяюшка на столъ съ сотами ставитъ чашку...

И. Можайскій.

Digitized by Google

ПОСМЕРТНАЯ ИСПОВѢДЬ.

Разсказъ **Гюи де-Мопассана**.

Весь городъ Везье-ле-Ретель провожалъ на кладбище Бадона-Лерменсэ, почтеннаго адвоката, и послѣднія слова надгробной рѣчи, произнесенной выборнымъ отъ префектуры, запечатлѣлись въ памяти присутствующихъ: „Вотъ еще однимъ честнымъ человѣкомъ стало меньше!“ Дѣйствительно, покойный отличался безукоризненною честностью во всю свою жизнь и могъ служить образцомъ порядочности какъ въ своихъ поступкахъ, такъ и въ рѣчахъ. Эта порядочность простиралась, между прочимъ, на его привычки, манеры, даже на способъ подстригать себѣ бороду и на фасонъ его шляпъ. Никогда онъ не сказалъ ни одного слова, въ которомъ не заключалось бы поученія, никогда не подалъ милостыни, не сопровождая ее совѣтомъ, никогда не протянулъ руки иначе, какъ съ пріятной благосклонностью.

Онъ оставилъ послѣ себя двоихъ дѣтей: сына и дочь. Его сынъ былъ генеральнымъ совѣтникомъ, а дочь пользовалась въ Везье всеобщимъ почетомъ, сдѣлавшись женою нотаріуса Пуареля-де-ля-Вутъ. Дѣти искренно оплакивали отца, котораго горячо любили.

Вернувшись съ похоронъ въ родительскій домъ, трое наслѣдниковъ заперлись въ комнатѣ покойнаго для вскрытія духовной; имъ слѣдовало распечатать ее безъ постороннихъ свидѣтелей, сейчасъ послѣ погребенія; эта воля покойнаго была выражена особой припиской на конвертѣ, содержавшемъ завѣщаніе. Пуарель-де-ля-Вутъ привычнымъ жестомъ разорвалъ пакетъ и, надѣвъ очки, принялся читать съ пунктуальностью, приличною его званію:

„Дѣти мои, мои дорогія дѣти! Я не нашелъ бы спокой-

Digitized by Google

ствія въ могилѣ, еслибы не написалъ настоящей исповѣди и не сознался въ тяжкомъ преступленіи, отравившемъ всю мою жизнь. Да, въ молодости, я дѣйствительно совершилъ безчеловѣчное злодѣйство. Въ то время мнѣ было всего двадцать шесть лѣтъ. Я пріѣхалъ въ Парижъ заниматься адвокатурой и жилъ въ громадной столицѣ, какъ всѣ пріѣзжіе провинціалы, безъ родныхъ, безъ друзей и знакомыхъ. У меня вскорѣ завелась любовница. Это, пожалуй, покажется вамъ предосудительнымъ, но, къ несчастію, есть люди, буквально неспособные жить одни. Я также принадлежу къ ихъ числу. Одиночество для меня невыносимо, особенно по вечерамъ, передъ отходомъ ко сну. Въ такія минуты мнѣ кажется, что я одинъ въ цѣломъ мірѣ, что со всѣхъ сторонъ мнѣ угрожаютъ невѣдомыя опасности и ужасы. Перегородка, отдѣляющая мою квартиру отъ незнакомыхъ сосѣдей, представляется мнѣ неодолимымъ препятствіемъ, точно эти живыя существа удалены отъ меня на такое же недосягаемое разстояніе, какъ ночныя звѣзды, мерцающія за окномъ. Тогда я начинаю испытывать что-то въ родѣ лихорадки нетерпѣнія и страха; молчаливыя стѣны внушаютъ мнѣ ужасъ, потому что въ комнатахъ, гдѣ живешь одинъ, постоянно господствуетъ глубокая, могильная тишина. Она парализуетъ не только тѣло, но и душу. Всякій неопредѣленный звукъ, всякій шорохъ, трескъ пола или мебели заставляетъ васъ содрогаться съ головы до ногъ, отзываясь непріятнымъ ощущеніемъ въ сердцѣ. Мнѣ случалось доходить до сильнѣйшаго нервнаго разстройства среди этой подавляющей неподвижности, и я принимался наконецъ говорить самъ съ собою, произносить слова безъ связи и смысла, чтобы только нарушить молчаніе. Но тогда собственный голосъ казался мнѣ чужимъ и пугалъ меня. Собственная рѣчь, среди безмолвія пустаго дома, представляется какъ бы отзвукомъ невещественнаго міра, загадочной области человѣческаго мышленія. Чтобы положить конецъ непріятному одиночеству, я сошелся съ молодою дѣвушкою, которая возбудила мою симпатію при случайной встрѣчѣ. Она не отличалась ничѣмъ отъ другихъ представительницъ столичнаго пролетаріата, добывающихъ себѣ скудный заработокъ неблагодарнымъ трудомъ, но эта женщина была добра и непритязательна. Ея родители жили въ Пуасси, и она изрѣдка

Digitized by Google

ѣздила къ нимъ на нѣсколько дней. Я прожилъ съ нею довольно спокойно цѣлый годъ, намѣреваясь порвать нашу связь, какъ только мнѣ найдется подходящая невѣста. Конечно, я имѣлъ въ виду обезпечить мою содержанку небольшой рентой при разлукѣ. Въ нашемъ обществѣ принято расплачиваться за любовь деньгами, если женщина бѣдна, и подарками, если она богата.

„Между тѣмъ я никакъ не предвидѣлъ самыхъ естественныхъ послѣдствій нашего сближенія и былъ совершенно уничтоженъ, узнавъ въ одно прекрасное утро, что у меня скоро будетъ ребенокъ. Это безвозвратно портило всю мою жизнь, и я хорошо сознавалъ предстоящее мнѣ горе. Женитьба на другой не могла освободить меня отъ нравственныхъ обязательствъ по отношенію къ любовницѣ, съ которой я былъ теперь связанъ до могилы. Мнѣ предстояло воспитывать незаконнаго ребенка, заботиться о немъ, устраивать его карьеру, тщательно скрывая наши кровныя узы и отъ него самого, и отъ свѣта. Такая неожиданная новость была для меня жестокимъ ударомъ, и въ моей душѣ зародилось смутное желаніе избавить себя отъ ненавистной цѣпи. Хоть я не рѣшался ясно формулировать свою мысль, но инстинктивно чувствовалъ, какъ она созрѣвала въ моемъ умѣ. „Какъ было бы хорошо,—думалось мнѣ,—еслибы рожденію ребенка помѣшала какая нибудь роковая случайность! Эти маленькія существа нерѣдко умираютъ раньше, чѣмъ увидятъ свѣтъ“. Конечно, я не желалъ смерти его матери, потому что любилъ свою кроткую, преданную подругу, но все таки мнѣ смутно хотѣлось избавиться отъ обузы, въ видѣ новорожденнаго малютки. Однако онъ родился вполнѣ благополучно, внеся ужасный безпорядокъ въ мою холостую жизнь. Мой сынъ походилъ на всѣхъ прочихъ дѣтей, и я вовсе не любилъ его. Отеческая любовь развивается постепенно. Природа, повидимому, не надѣлила мужчину глубокой инстинктивной нѣжностью, свойственною матерямъ. Ихъ чувство созрѣваетъ мало по малу, по мѣрѣ развитія духовной связи между отцомъ и дѣтьми.

„Прошелъ еще годъ. Я избѣгалъ своего дома, гдѣ теперь на каждомъ шагу валялись пеленки, свивальники, крошечные чулочки и другія принадлежности дѣтскаго туалета, разбросанныя по мебели, развѣшанныя по разнымъ угламъ. Но бо-

Digitized by Google

лѣе всего меня раздражалъ неистовый плачъ ребенка. Онъ кричалъ ежеминутно, безъ всякой видимой причины; эта музыка обязательно поднималась при его укладываніи спать, при пробужденіи, купаньѣ, кормленіи, такъ что мнѣ буквально не было ни минуты покоя. Тѣмъ временемъ, я успѣлъ завести кое-какія знакомства и встрѣтилъ, наконецъ, ту несравненную женщину, которой предстояло впослѣдствіи сдѣлаться моей женой и вашей матерью, мои дорогія дѣти. Я полюбилъ ее горячо, беззавѣтно; мнѣ посчастливилось понравиться ей въ свою очередь, и родители вскорѣ дали согласіе на нашъ бракъ. Здѣсь наступила для меня настоящая пытка, потому что я не зналъ, на что рѣшиться. Пойти подъ вѣнецъ съ любимой дѣвушкой, скрывъ отъ нея свое прошлое, или признаться ей безъ утайки во всемъ—было одинаково рискованно. За подобную откровенность я могъ поплатиться счастіемъ цѣлой жизни, такъ какъ родители моей невѣсты, люди строгихъ правилъ, взяли бы назадъ свое слово, узнавъ, что у меня есть незаконный сынъ. Такъ я провелъ цѣлый мѣсяцъ, среди жестокихъ нравственныхъ мученій. Недобрыя мысли осаждали мой возбужденный мозгъ, и моя ненависть къ ребенку возрастала съ каждой минутой. Да, я ненавидѣлъ этотъ живой, крикливый кусокъ мяса, который стоялъ на моей дорогѣ, портилъ мнѣ будущность, отнималъ у меня тѣ неопредѣленныя, но сладкія надежды, которыя однѣ придаютъ цѣну нашей молодости.

„Черезъ нѣсколько времени, моя любовница поѣхала въ Пуасси навѣстить свою больную мать, и такимъ образомъ мальчикъ остался на моемъ попеченіи. Стояли страшные декабрьскіе холода. Пообѣдавъ одинъ въ своей крошечной столовой, я ушелъ въ спальню и опустился въ кресло передъ ярко пылавшимъ каминомъ. Порывистый вѣтеръ потрясалъ оконныя рамы, а звѣзды на небѣ свѣтились тѣмъ особеннымъ фосфорическимъ блескомъ, какой придаетъ имъ сухой морозный воздухъ.

„Тутъ меня снова осадили зловѣщіе призраки. Мрачная тоска закралась мнѣ въ душу, овладѣла мной, точила сердце, какъ точитъ больной мозгъ маньяка неотвязная мысль, на которой онъ помѣшался. У меня тоже была своя неотвязная дума; она отравляла всю мою кровь, разжигая преступ-

Digitized by Google

ныя страсти; она грызла меня, подвергая нечеловѣческимъ мукамъ. Я долго боролся со своимъ отчаяніемъ, стараясь дать иное направленіе мыслямъ, стараясь освѣжить свою душу надеждой, какъ мы освѣжаемъ поутру чистымъ воздухомъ испорченную атмосферу нашихъ жилищъ. Однако всѣ мои усилія не привели ни къ чему; я не могъ ни на одну минуту позабыть горькой дѣйствительности. Эти нравственныя страданія превосходили всякое вѣроятіе, отзываясь въ организмѣ глухой физической болью. Моя жизнь была испорчена въ конецъ. Какимъ образомъ выйти изъ неразрѣшимаго затрудненія? Какъ добровольно отказаться отъ руки невѣсты и какъ разсказать ей о своей винѣ? А между тѣмъ ваша мать была мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Я страстно любилъ ее, и мое чувство разгоралось еще сильнѣе при одной мысли о неодолимомъ препятствіи къ нашему браку.

„Во мнѣ закипала неукротимая злоба, близкая къ безумію, и дѣйствительно я потерялъ разсудокъ въ эту несчастную ночь. Непонятная сила толкала меня къ колыбели спящаго сына. Вотъ онъ, эта ничтожная личинка, это безсмысленное существо, обрекавшее меня на вѣчную каторгу! Ребенокъ спалъ съ полуоткрытымъ ртомъ, завернутый въ нѣсколько одѣялъ. Заботливая мать подвинула его кроватку къ моей постели, на которой, уже цѣлый мѣсяцъ, я испытывалъ мучительную безсонницу. Какъ могъ я рѣшиться на то, что было сдѣлано мною, минуту спустя? Какое роковое вліяніе заставило меня совершить безчеловѣчный поступокъ? Искушеніе овладѣло мною внезапно, отуманило разумъ, парализовало волю... Я помню только одно: мое сердце стучало такъ сильно, что его глухіе удары отдавались у меня въ ушахъ. Все остальное стушевалось въ моей памяти; въ головѣ стоялъ страшный хаосъ. Я былъ не въ состояніи опомниться, призвать на помощь хладнокровіе, собрать свои растерянныя мысли. Со мною какъ будто сдѣлались галлюцинаціи; по крайней мѣрѣ, я дѣйствовалъ, точно въ бреду.

„Моя рука потянулась къ колыбели. Я осторожно снялъ съ ребенка одѣяло, обнаживъ его пухленькое тѣльце; потомъ неслышно подкрался къ окну и отворилъ настежъ обѣ рамы. Струя холоднаго вѣтра ворвалась въ нашу спальню, заставивъ меня невольно отшатнуться назадъ и всколыхнувъ пламя свѣчъ, го-

Digitized by Google

рѣвшихъ на каминѣ. Малютка-сынъ не просыпался. Я, точно окаменѣлый, стоялъ у окна, не смѣя повернуть головы, чтобы не видѣть своей жертвы. Мой пылающій лобъ ежеминутно обдавало потоками рѣзкаго морознаго воздуха, который свободно гулялъ по всей комнатѣ. Такъ прошло довольно времени. Я ни о чемъ не думалъ, ничего не соображалъ. Наконецъ, за моей спиной послышался слабый кашель ребенка. Это заставило меня вздрогнуть съ головы до ногъ. Леденящій ужасъ, испытанный мною въ ту минуту, даже теперь отзывается мучительною болью въ моемъ сердцѣ. Не помня себя, я бросился къ окну, захлопнулъ раму и подбѣжалъ къ колыбели. Обнаженный ребенокъ безмятежно спалъ съ открытымъ ртомъ. Его ножки окоченѣли отъ холода, и я поспѣшилъ закутать ихъ одѣяломъ. Тутъ со мной произошла неожиданная реакція. Я вдругъ почувствовалъ глубокую жалость къ невинному существу, которое хотѣлъ убить, и, въ порывѣ любви и тревожной нѣжности, началъ отогрѣвать его своими ласками, прижимаясь губами къ шелковистымъ кудрямъ малютки. Послѣ того, я снова присѣлъ къ огню, съ недоумѣніемъ и ужасомъ думая о своемъ поступкѣ, спрашивая себя, откуда происходятъ душевныя бури, туманящія разсудокъ человѣка, отнимающія у него самообладаніе. Въ такомъ безумномъ возбужденіи всякій изъ насъ способенъ сдѣлаться преступникомъ, потому что мы не въ силахъ обуздать себя и слѣпо отдаемся произволу страстей, какъ отдается прихоти волнъ корабль, застигнутый ураганомъ.

„Ребенокъ кашлянулъ еще разъ. Меня опять кольнуло въ сердце. Вдругъ онъ умретъ? въ отчаяніи спрашивалъ я себя. Боже мой, Господи, что будетъ тогда со мною? Я всталъ, чтобы взглянуть на сына, взялъ свѣчу и наклонился надъ его колыбелью. Дыханіе ребенка было совершенно спокойно; это меня обрадовало, но онъ опять принялся кашлять, въ третій разъ. Свѣча выпала изъ моихъ рукъ. Поднимая ее съ полу, я почувствовалъ на вискахъ холодный потъ. Онъ обыкновенно является вслѣдствіе сильныхъ нравственныхъ потрясеній, проникая сквозь кости и кожу нашего черепа, точно продуктъ невыразимой душевной муки, жгучей, какъ огонь, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обдающей васъ холодомъ смерти. Я не спалъ цѣлую ночь, склонившись надъ кроваткой сына, успо-

Digitized by Google

коиваясь, когда онъ погружался въ дремоту, и терзаясь при его слабомъ кашлѣ.

„Утромъ ребенокъ проснулся невеселый, съ красными глазами и охрипшимъ голосомъ. Я немедленно послалъ за врачемъ свою квартирную хозяйку. Докторъ пришелъ черезъ часъ и, осмотрѣвъ малютку, тотчасъ спросилъ:

„— Не простудился ли онъ у васъ?

„Я затрясся, какъ дряхлый старикъ, при этомъ вопросѣ и въ смущеніи пробормоталъ:

„— Конечно, нѣтъ. Гдѣ-жъ ему было простудиться? Скажите однако, не опасна ли его болѣзнь? прибавилъ я, нѣсколько овладѣвъ собою.

„— Теперь нельзя еще ничего опредѣлить. Я побываю у васъ сегодня вечеромъ, отвѣчалъ врачъ.

„Онъ дѣйствительно пришелъ опять. Ребенокъ цѣлый день находился въ забытьѣ, по временамъ принимаясь кашлять.

„Ночью у него обнаружилось воспаленіе легкихъ.

„Онъ хворалъ десять дней и умеръ въ ужасныхъ мученіяхъ. Не могу передать, что я выстрадалъ въ продолженіе его болѣзни.

„Съ тѣхъ поръ.... съ тѣхъ поръ я не знаю покоя! У меня не было послѣ того не только дня, но даже часа, когда бы я могъ забыть свое преступленіе. Безпрестанные упреки совѣсти отравили мнѣ жизнь и вѣчно гложутъ сердце.

„О, еслибъ я могъ сойти съ ума!...“

. . . . . .

Дочитавъ до конца посмертную исповѣдь тестя, Пуарель-де-ля-Вутъ поднялъ очки, и трое наслѣдниковъ покойнаго переглянулись между собою, блѣдные и взволнованные.

— Этотъ документъ надо уничтожить, замѣтилъ нотаріусъ.

Дѣти адвоката Лерменсэ кивнули ему въ знакъ согласія. Акуратный Пуарель тщательно отдѣлилъ страницы съ роковымъ признаніемъ отъ остальной духовной, зажегъ ихъ у свѣчи и бросилъ въ каминъ. Присутствующіе задумчиво слѣдили глазами за синеватымъ огонькомъ, который быстро пожиралъ обличительные листки. Скоро отъ нихъ осталась одна кучка сѣраго пепла. Замѣтивъ однако, что нѣкоторыя буквы можно разобрать на испепелившейся бумагѣ, жена

Digitized by Google

нотаріуса раздавила остатки сгорѣвшей рукописи концомъ своей ботинки, смѣшавъ ихъ съ каминной золой.

Но и послѣ того дѣти покойнаго еще не сразу отдѣлались отъ тяжелаго впечатлѣнія, продолжая смотрѣть въ потухшій каминъ и какъ будто опасаясь, что роковая тайна ихъ семьи рано или поздно будетъ обнаружена.

Digitized by Google

НИЛЬСКІЙ КРОКОДИЛЪ.

ПОВѢСТЬ.

VII.

Вотъ его романъ, совершенно не похожій на современные романы изъ современной жизни.

„Я уже говорилъ вамъ, помнится, о моей встрѣчѣ на южномъ склонѣ Елеонской горы. Да, помню,—говорилъ. Моя новая знакомая такъ обрадовалась встрѣчѣ съ русскимъ, что тотчасъ же пригласила меня къ себѣ. Они жили въ верхней части Патріаршей улицы, въ отелѣ, находившемся недалеко отъ того древняго водоёма, который называется купелью пророка Іезекіиля и откуда—можно сказать—начинается Голгоѳа, нынѣ, къ сожалѣнію, вся скрытая подъ зданіями и церквями. Солнце спускалось къ горизонту за Сіономъ. Дневной жаръ спадалъ, и мы вышли на террасу, а оттуда поднялись на плоскую крышу отеля. Длинныя тѣни ярко вырѣзывались на нижнихъ кровляхъ, и тѣни отъ южныхъ стѣнъ города и отъ мечети Омара, перекинувшись черезъ Кедронскій потокъ, достигали подножія Елеонской горы. Передъ нами была грустная картина. Бѣлыя кровли зданій—точно гробы повапленные. Кое-гдѣ изъ-за кровельныхъ куполовъ торчала жалкая пальма. Слышались жалобные крики верблюдовъ и монотонныя позвякиванья колокольчиковъ: это въ Яффскія ворота вступалъ караванъ верблюдовъ, сдавшій въ Яффѣ на корабли грузы хлопка и кофе и возвращавшійся теперь, чрезъ Іерусалимъ и Іорданъ, въ Аравію.

„— Не правда ли, грустная и умилительная картина! заговорила г-жа Негропуло.—Конечно, не картина эта трогаетъ меня, хотя на всемъ этомъ лежитъ колоритъ какой-то грусти. Я видѣла болѣе грустные и пустынные ландшафты въ Месопотаміи; но все это не то—не такъ хватаетъ за душу. А здѣсь что-то умилительно-грустное, до слезъ грустное. Я понимаю, что умиленіе это ношу въ себѣ; я воспитала его въ дѣтствѣ, я поила его—это умиленіе—моими слезами въ Смольномъ...

Digitized by Google

„— Какъ въ Смольномъ? невольно перебилъ я ее.

„— Да, въ Смольномъ!—вѣдь я смолянка... Тамъ, бывало, въ дортуарѣ, послѣ стояній, когда нашъ институтскій батюшка читалъ „страсти"—я плачу-плачу объ Немъ, вотъ о томъ, который сходилъ съ этой горы, и солнце играло Его каштановыми волосами и палило бронзовыя щеки, бронзовыя до черноты... Все это было вотъ тутъ, вотъ тамъ, гдѣ мы съ вами встрѣтились... И какъ наши художники,—да и не наши, а всѣ европейскія знаменитости,—не умѣютъ рисовать Его и все, что при Немъ было—ни эту природу, ни эти тѣни отъ маслинъ, ни эти камни!

„— Не говорите, возразилъ я:—есть одинъ русскій художникъ, который геніально передалъ и эту природу, и ея краски, и Его самого, того, о комъ вы теперь думаете.

„— Кто же это? спросила она съ любопытствомъ.

„— Ивановъ, художникъ. Я видѣлъ его картину въ Римѣ—Христосъ сходитъ къ Іордану, гдѣ Іоаннъ Предтеча креститъ народъ.

„— А вы были у Іордана?" спросила она.

„— Нѣтъ еще, да и не желаю туда ѣхать".

„Мой отвѣтъ поразилъ мою собесѣдницу. Она съ удивленіемъ посмотрѣла на меня.

„— Вы не хотите видѣть Іордана, Мертваго моря?!

„— Что-жъ тамъ интереснаго?

„— Боже мой! да это варварство—быть здѣсь и не быть тамъ! Какъ хотите, а мы съ мужемъ завтра же потащимъ васъ туда. Я сама не была еще дальше Виѳаніи.

„На другой день мы дѣйствительно собрались ѣхать къ Іордану и къ Мертвому морю. Я не могъ не согласиться съ доводами моей новой знакомой. Она съ такою сердечностью, съ такимъ поэтическимъ воодушевленіемъ рисовала передо мною перспективу нашего путешествія въ пустыню Іордана,—въ ту мрачную пустыню, которую я видѣлъ когда-то на картинѣ. На выжженныхъ солнцемъ камняхъ, въ глубокомъ уединеніи, гдѣ не видно ни деревца, ни травки и гдѣ повсюду взоръ теряется въ мрачной горной пустынѣ,—на камняхъ сидитъ изможденный, почернѣвшій отъ зноя и голода человѣкъ. Въ лицѣ Его кротость, но и глубокое страданіе. Взоръ такой печальный, напрасно блуждаетъ по пустынѣ, какъ бы ища въ комъ-то поддержки; но Онъ ничего не видитъ, кромѣ этихъ камней... А голодъ пожираетъ Его...

„— Я хочу видѣть эти камни, эту пустыню! говорила моя восторженная собесѣдница.—Это тѣ камни, которые и Онъ видѣлъ,

Digitized by Google

тѣ самые! Если здѣсь, въ Іерусалимѣ, не осталось ничего отъ прежняго—камня на камнѣ не оставлено, Голгоѳа срыта, слѣды Его ногъ затерты тысячелѣтіемъ, все святотатственно уничтожено, опошлено ханжами, поддѣлано,—то тамъ, въ пустынѣ, ни одинъ изъ камешковъ не тронутъ: надъ ними прошли тысячелѣтія, не коснувшись ихъ.

„Утро только что занималось, когда нашъ небольшой караванъ, при неистовомъ крикѣ ословъ, которые постоянно считаютъ себя (и весьма справедливо) обиженными и постоянно протестуютъ своими дѣйствительно дурацкими голосами, подъ звонъ бубенчиковъ и при дикихъ крикахъ нашихъ проводниковъ-бедуиновъ—двинулся внизъ по узкой и крутой Патріаршей улицѣ, мимо дома Захаріи. Я взмостился на верблюда, желая испытать ѣзду на этомъ животномъ, а г-жа Негропуло ѣхала на небольшомъ, но необыкновенно выносливомъ ослѣ, котораго длинноухую, хотя умную голову проводникъ-сиріецъ украсилъ двумя пальмовыми вѣтками, торчавшими на подобіе крыльевъ гигантской зеленой птицы Въ руку г-жи Негропуло сиріецъ также вложилъ пальмовую вѣтку, которою она должна была и погонять своего мудраго, но лѣниваго ослика, и отгонять отъ него мухъ и другихъ насѣкомыхъ, которыя въ Святой землѣ еще болѣе навязчивы, чѣмъ въ нашихъ грѣшныхъ странахъ. Самъ г. Негропуло красовался на прекрасномъ бѣломъ арабскомъ конѣ, который былъ любезно предложенъ ему іерусалимскимъ муселимомъ, или губернаторомъ, въ силу тѣхъ соображеній, что Негропуло отправлялся въ Египетъ въ качествѣ консула ко двору тамошняго вице-короля, непосредственнаго повелителя іерусалимскаго муселима. Онъ же прибавилъ къ нашему каравану, для охраненія насъ отъ іорданскихъ и здѣшнихъ бедуиновъ-разбойниковъ, нѣсколько вооруженныхъ конныхъ кавасовъ.

„Наше паломничество захотѣлъ раздѣлить съ нами и іеромонахъ Мисаилъ, бывшій войсковой старшина донскаго войска, давно поселившійся въ Іерусалимѣ и постригшійся въ монахи. Это былъ необыкновенно симпатичный человѣкъ и замѣчательный знатокъ Святой земли и всѣхъ ея библейскихъ и евангельскихъ достопримѣчательностей — незамѣнимый гидъ для странствующихъ по Палестинѣ. Не смотря на свое званіе и иноческое одѣяніе, онъ ѣхалъ на ослѣ—„на хребяти осли (какъ онъ выражался)—въ подражаніе Господу нашему Іисусу Христу“. Мой Трофимычъ ни за что не соглашался ѣхать на ослѣ, говоря, что на ослахъ могутъ ѣздить только бабы и монахи,—и я вынужденъ былъ нанять подъ него лошадь. Нѣсколько муловъ навьючено

Digitized by Google

было провизіею, водой и фуражемъ для нашего каравана. Солнце золотило уже круторогій полумѣсяцъ мечети на вершинѣ Елеонской горы, когда караванъ нашъ шумно двинулся въ путь. Затѣмъ мы поворотили влѣво, въ узкую и мрачную базарную улічку, на концѣ которой, при выходѣ на страстной путь, на via dolorosa, какъ разъ на площадкѣ, на которую выходитъ полуразрушенный домъ „богатаго Лазаря", весь проросшій, по щелямъ камней и по неровностямъ стѣнъ, жалкою зеленью развалинъ,— мы нагнали другую партію паломниковъ. Это былъ небольшой караванъ всесвѣтныхъ бродягъ-англичанъ, которые, въ своихъ бѣлыхъ индійскихъ шишакахъ, съ длинными бѣлыми покрывалами на затылкахъ, тоже отправлялись къ Іордану. Мрачны и жалки эти улички, по которымъ мы проѣзжали. Полуобрушившіяся стѣны, проросшія травою и плющемъ, черныя, закоптѣлыя щели вмѣсто оконъ и дверей, кое-гдѣ торчавшія жидкія пальмы—все это наводило тоску, ѣдкую горечь воспоминаній о такой глубокой старинѣ и, въ то же время, до того намъ близкой, что, казалось, вотъ-вотъ изъ какой нибудь щели выползутъ десять прокаженныхъ и закричатъ: „Іисусе, сыне Давидовъ, помилуй насъ!" И, какъ бы въ довершеніе иллюзіи, какъ разъ противъ дома „богатаго Лазаря" сидитъ на голыхъ камняхъ полуголый слѣпой нищій и что-то жалобно поетъ.

„— Смотрите! смотрите! кричитъ мнѣ, оборачиваясь на своемъ широкомъ сѣдлѣ, г-жа Негропуло:—видите этого слѣпаго?—Слышите, какъ онъ кричитъ: „Іисусе; сыне Давидовъ, помилуй мя!" Но Его нѣтъ—некому возвратить зрѣніе слѣпцу; некому утѣшить бѣднаго!

„Какъ она угадала мою мысль? Отецъ Мисаилъ, ѣхавшій около нея, съ глубокимъ сочувствіемъ поглядѣлъ на молодую женщину и набожно перекрестился.

„— Нѣтъ, Онъ съ нами, убѣжденно замѣтилъ онъ: — я слышу Его.

„Г-жа Негропуло сошла со своего ослика и положила въ чашечку слѣпца серебряную монету.

„— Въ Крыму, у подножія мыса Фіолента, когда я, послѣ института, въ первый разъ попала туда, я слышала голосъ Ифигеніи и плачъ несчастнаго ея брата Ореста, преслѣдуемаго фуріями,—сказала она, оборачиваясь ко мнѣ.

„ Лицо ея дышало искренностью, и слова объ Ифигеніи глубоко запали мнѣ въ душу. И какъ я въ ту минуту понималъ ее! Я и самъ теперь, вотъ здѣсь, въ тихомъ прибоѣ волнъ, слышу иногда голосъ Ифигеніи... Едва караванъ нашъ вступилъ на

Digitized by Google

„страстной путь", какъ отецъ Мисаилъ сошелъ со своего ослика, говоря, что тамъ, гдѣ Христосъ влачилъ на себѣ тяжелый крестъ, онъ никогда не осмѣлится проѣзжать. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ останавливался и цѣловалъ землю.

„— Что это, отецъ Мисаилъ? спрашивала его г-жа Негропуло.

„— На этомъ мѣстѣ Христосъ упалъ подъ тяжестью креста, отвѣчалъ старикъ.

„— А это что?"—Мисаилъ опять цѣловалъ камни мостовой.

„— Здѣсь встрѣтилъ Спасителя Симонъ Киринейскій и помогъ ему нести крестъ,—былъ отвѣтъ.

„— А здѣсь что было?

„— Здѣсь встрѣтила его Матерь ..

„— Боже! что она должна была чувствовать! — Мать такого сына!

„— А тамъ, видите, вверху, въ аркѣ, окошечко?

„— Вижу... Что это?

„— Съ этой арки Пилатъ показывалъ его народу и говорилъ: „се человѣкъ!"

„Я видѣлъ, какъ по лицу молодой женщины текли слезы. Нѣсколько далѣе, ближе къ Овчей купели и къ Овчимъ вратамъ, вправо, въ уличной стѣнѣ, виднѣется бѣлый уступъ у самой мостовой.

„— Это нижняя ступень каменнаго крыльца, по которому входилъ Іисусъ къ Пилату и по которому спускался потомъ, когда его вели на распятіе,—пояснилъ монахъ, цѣлуя камень выступа.— А все остальное крыльцо, всѣ двадцать восемь ступеней, крестоносцы увезли когда-то въ Римъ.

„Удивительно!—Все это было такъ давно — почти тридцать лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ все это такъ живо осталось въ моей памяти: всякая мелочь, этотъ сѣрый цвѣтъ стѣнъ, эта яма вправо, которая была когда-то Овчею купелью и въ которой купали овецъ, пригоняемыхъ на закланіе въ храмъ Соломона; бѣлая вуаль, откинутая на широкія поля шляпы плачущей молодой женщины, и пальмовая вѣтка въ ея рукѣ,—все это до того ярко живетъ въ моей душѣ, какъ ни одно изъ воспоминаній моей жизни. Надъ нами рѣяли въ воздухѣ ласточки; куполообразныя вершины домовъ отражали отъ себя яркіе лучи солнца, всходившаго гдѣ-то за Елеонскою горою; впереди, въ самыхъ воротахъ, бѣлѣлись индійскіе шишаки англичанъ и чадры, закрывавшія ихъ затылки и шеи. Г. Негропуло оборачивалъ иногда голову къ плачущей женѣ, но ничего не говорилъ. Я чувствовалъ, что начинаю испытывать что-то новое, небывалое въ моей жизни. Я хочу

Digitized by Google

увѣрить себя, что ничего, рѣшительно таки ничего не осталось отъ того, что̀ когда-то здѣсь было; что нѣсколько разъ разрушенный, размётанный въ прахъ, сожженный и распаханный Іерусалимъ,—тотъ Іерусалимъ, гдѣ все это было, надъ чѣмъ теперь плачетъ эта женщина,—исчезъ, какъ сонъ; что не осталось отъ него даже обломка прежнихъ стѣнъ, даже камешка съ мостовой, какъ остались вѣчные камни на римскомъ форумѣ; что подвергался онъ бо̀льшему разрушенію и уничтоженію, чѣмъ Троя, чѣмъ Вавилонъ и Пальмира; что отъ тѣхъ городовъ хоть что нибудь сохранилось, хоть обломки стѣнъ, камни отъ фундаментовъ, слѣды огня, пожиравшаго ихъ когда-то; я сознавалъ, что безумно было бы и искать остатковъ того города на мѣстѣ, распаханномъ и посыпанномъ солью; что видѣть эти остатки въ какой-то аркѣ съ окошечкомъ, въ этомъ выступѣ стѣны, въ этой ямѣ, называемой Овчею купелью—бредъ воображенія, хуже того—наглый обманъ; что не могли эти маслинки, что̀ показываютъ въ Геѳсиманскомъ саду—сохраняться двѣ тысячи лѣтъ... Повторяю, я хотѣлъ заставить мою мысль отказаться отъ этихъ жгучихъ попытокъ разбить въ моемъ воображеніи картины и образы, навѣваемые видомъ всего того, надъ чѣмъ скользилъ и останавливался мой взоръ,—и не могъ!—Но я невольно подчинялся могучему очарованію, охватившему мою душу. Да! это тѣ маслины, подъ которыми спали апостолы, „отягченные сномъ“—онѣ это! Это тѣ самые камни—вонъ вправо отъ дорожки за Овчими вратами,—камни, которыми побили первомученика Стефана. Но тѣмъ съ бо̀льшимъ негодованіемъ я вспомнилъ о тѣхъ постыдныхъ искаженіяхъ и фальсификаціяхъ, къ которымъ прибѣгали маскирующіеся благочестіемъ негодяи, подвергая святотатственнымъ фокусамъ самыя дорогія реликвіи этого дивнаго мѣста... Я не вижу больше ни бѣлой вуали плачущей женщины, ни чернаго клобука отца Мисаила, снова возсѣдающаго на своемъ осликѣ, ни статной посадки красиваго грека на бѣломъ арабскомъ конѣ, ни индійскихъ шишаковъ англичанъ. Я вижу только голову моего верблюда, а дальше—старыя скорчившіяся маслинки. Я узнаю ихъ—это маслинки Геѳсиманскаго сада... Копыта моего верблюда звонко стучатъ по каменному мостику: это я переѣзжаю Кедронскій потокъ. И потокъ весь высохъ—хоть бы капля воды. Зато могильныхъ плитъ кругомъ—тысячи и милліоны. Бѣдные люди! бѣдные мертвецы!—это они снесли свои кости сюда, въ Іосафатову долину... Зачѣмъ?—Въ ожиданіи чего-то далекаго, далекаго безъ конца...

„— Вотъ тутъ Богородица ризочки Спасителевы стирала, когда

Digitized by Google

онъ былъ еще маленькимъ, послышался за мною чей-то незнакомый голосъ.

„Я невольно оглянулся. Это говорилъ мой Трофимычъ, только не своимъ голосомъ: въ Іерусалимѣ онъ напустилъ на себя святость и даже сталъ говорить въ носъ, съ растяжкой, нараспѣвъ. Я сразу не понялъ, что̀ онъ говоритъ.

„— Какія ризочки? спросилъ я.

„— А какъ же, сударь,—пеленочки Христосиковы, когда онъ былъ махонькимъ; а теперь тутъ и водицы нѣтъ.

„— Не говори, пожалуйста, вздору! невольно сорвалось у меня съ языка.

„— Это не вздоръ, сударь! обиженно отвѣчалъ онъ:—это намъ сказывалъ отецъ Трифонтъ.

„ Голова каравана, прослѣдовавъ мимо Геѳсиманскаго садика и поворотивъ по правой каменистой тропѣ, поднималась на гору Соблазна. Издали я видѣлъ, какъ англичане сошли съ своихъ лошадей и что-то разсматривали въ сторонѣ отъ каменистой дорожки. Г. Негропуло что-то кричалъ издали своей женѣ, показывая хлыстомъ на бѣлые шишаки сыновъ Альбіона, и смѣялся. Онъ говорилъ по гречески. Молодая женщина, которая уже не плакала, также засмѣялась и обратилась ко мнѣ:

„— Мужъ говоритъ, что эти джентльмены ищутъ пенёкъ той осины, на которой Іуда удавился. Имъ во всемъ надо удостовѣриться лично.

„— Да, да, подтвердилъ серьезно отецъ Мисаилъ:—на томъ мѣстѣ дѣйствительно удавился Іуда-предатель, и тамъ же показываютъ мѣсто, гдѣ Соломонъ воздвигнулъ капища Астартѣ и Молоху. Оттого эта гора и именуется горою Соблазна.

„— Оттого, сказываютъ, и листъ на осинѣ всегда трясется, что на ней Іуда удавился, и оттого ее называютъ горькою осиной, вмѣшался Трофимычъ.

„— Ты опять со своимъ вздоромъ! осадилъ я его.

„— Помилуйте-съ!—какой вздоръ!—самъ отецъ Трифонтъ объ осинѣ сказывалъ.

„— Дуракъ! осина здѣсь никогда не росла.

„Тщетно проискавъ пень этой осины, англичане направили свои бинокли на разстилавшуюся передъ ними картину. А картина дѣйствительно стоила вниманія: такъ много было въ ней безотрадно-грустнаго и угрюмаго; весь Іерусалимъ раскинулся по взлобьямъ и бокамъ горъ: Моріи, Сіона и Голгоѳы, которыя, казалось, тяготились этими насѣвшими на нихъ куполообразными зданіями, стѣнами, башнями, минаретами, особенно же Голгоѳа,

Digitized by Google

словно придавленная тяжестью того, что когда-то на ней совершилось, а теперь давило ее въ образѣ массивнаго храма. Зато гордо высился на первомъ планѣ картины массивный, яйцеобразный куполъ Омаровой мечети съ ея многочисленными башнями, кіосками, колоннадами. Виднѣлись даже какія-то фигуры, двигавшіяся по обширному двору бывшаго нѣкогда храма Соломонова... „Разрушу его, и въ три дня созижду“... Куда!—вотъ уже болѣе 60,000 дней онъ ждетъ *того* архитектора... На вершинѣ горы Соблазна, при поворотѣ къ Виѳаніи, мы остановились, чтобы оглянуться на разстилавшуюся за нами угрюмую и величавую картину, фономъ которой служило синее палестинское небо. Мы стояли въ глубокомъ молчаніи, какъ это бываетъ около покойника. Какъ ни былъ я раньше скептически настроенъ ко всему, что уже видѣлъ и что предстояло еще увидѣть, однако я не могъ не чувствовать, что съ каждымъ часомъ мною овладѣвало какое-то новое чувство—чувство тоски, смѣшанной съ чѣмъ-то другимъ, съ чѣмъ-то въ родѣ сожалѣнія—о комъ? о чемъ?—я этого не сознавалъ, но сознавалъ только одно, что готовъ былъ самъ превратиться въ Трофимыча.

„— Боже мой!—одна смерть и смерть кругомъ! прервала общее молчаніе г-жа Негропуло:—въ цѣломъ мірѣ нѣтъ такого кладбища, какъ это.

„Меня начинали раздражать ея слова, можетъ быть, потому, что я чувствовалъ ихъ силу надъ собою.

„— Нѣтъ, почему же?—старался я не поддаваться невольному очарованію:—всякій клокъ земли—такое же кладбище. Только здѣсь, за тысячи лѣтъ до насъ, тлѣли кости Авраама, Іакова, Лота, Ревекки и Рахили, о которыхъ намъ твердили въ школѣ, а тамъ, гдѣ нибудь у Конотопа, столько же тысячелѣтій тлѣли кости дикарей, нашихъ сѣверныхъ прародителей,—но намъ объ нихъ въ школѣ никто не повѣдалъ.

„— Ахъ, не говорите! горячо возразила молодая женщина:—развѣ, глядя на вашъ Конотопъ, вы можете говорить такъ, какъ я говорю здѣсь и вся дрожу отъ волненія; вотъ съ этого мѣста тотъ, кто перестроилъ весь міръ своимъ словомъ, кому воздвигнуты милліоны храмовъ по всему лицу земли, а именемъ Его побѣждены всѣ царства міра...

„— Не всѣ! съ безсмысленнымъ упрямствомъ противорѣчилъ я.

„— Положимъ...Но я не понимаю васъ, тихо замѣтила молодая женщина:—вспомните, вѣдь отсюда, отъ этого мѣста, гдѣ мы стоимъ, Онъ при крикахъ народа—„Осанна“—вступалъ вонъ въ тѣ ворота, что теперь заложены. Развѣ есть въ мірѣ другія такія

Digitized by Google

воспоминанія, какія можетъ дать только это мѣсто, только вершины вонъ той горы, на которой когда-то высились три креста при тихомъ мерцаніи звѣздъ?

„Но я имѣлъ еще въ себѣ настолько глупаго упрямства, что продолжалъ спорить, доказывая, едва ли логично, что и Аѳины, и Римъ, а въ особенности Египетъ, даютъ намъ не менѣе великія, подавляющія воспоминанія.

„— Вѣдь передъ міровой исторіей воспоминанія этого мѣста, на которое мы теперь смотримъ—очень и очень маленькія, совсѣмъ ничтожныя, какъ ничтоженъ былъ и самый народецъ, создавшій событія, перешедшія для насъ въ воспоминанія. Что̀ еврейское царство и еврейскій народъ передъ Египтомъ, передъ Римомъ!— Это пигмей!—Вотъ вы видите отсюда этотъ Кедронскій поточекъ безъ воды, эти мелкія могилы—да еще правда ли, что это могилы Захаріи, Іакова, Іосафата, Авессалома, того Авессалома, котораго вы помните потому, конечно, что у него были прекрасные волосы, и эти волосы погубили его вонъ на томъ мѣстѣ, гдѣ растетъ старая маслина, за которую онъ зацѣпился своими нестриженными волосами... Согласитесь, что въ васъ еще сидитъ институтка, и вы глазами и сердцемъ институтки смотрите на все то, изъ чего вы недавно сдавали экзаменъ вашему институтскому батюшкѣ...

„Отецъ Мисаилъ слушалъ меня и тихо, съ грустью, качалъ головой...

„— А вотъ это-то самое, другъ мой, побѣдило міръ, сказалъ онъ съ тою же тихою грустью.

„— Правда! правда, отецъ Мисаилъ! радостно воскликнула г-жа Негропуло.—Не Римъ побѣдилъ міръ, не Египетъ—не они до сихъ поръ держатъ наши души, наше сердце, наше воображеніе въ своей власти, а вотъ это маленькое, жалкое,—этотъ „сынъ человѣческій“, который не имѣлъ, гдѣ голову приклонить, эти Ревекки, Рахили, которыя сами за водой ходили.

„— Да, Ревекки... А Ифигеніи и Антигоны, а Гекубы и Андромахи? настаивалъ я въ своемъ упрямствѣ.

„— Да, да!—Ифигеніи и Гекубы тоже владѣютъ человѣческимъ воображеніемъ, владѣютъ міромъ,—съ тою же радостною улыбкою перебила меня молодая гречанка:—міромъ владѣетъ всегда не сила, не могущество, не богатство, а идеи, созданія духа человѣческаго.

„Я чувствовалъ, что она была права, и замолчалъ.

„— Видите вы эту мечеть Омара, продолжала она, когда мы уже двинулись далѣе въ путь, къ Виѳаніи:—видите этотъ храмъ

Digitized by Google

на мѣстѣ храма Соломонова?—Это тоже безсмертное созданіе духа человѣческаго, хоть, можетъ быть, завтра же огонь или землетрясеніе разрушитъ его; не храмъ безсмертенъ, а его идея. Вспомните: пали цѣлыя царства, и царства могущественныя, передъ которыми трепеталъ весь міръ—царство сельджукидовъ, могучее царство халифовъ багдадскихъ, халифатъ испанскій, передъ которымъ дрожала вся Европа; теперь падаетъ послѣдній халифатъ —константинопольскій. А что давало имъ силу когда-то? Вы думаете—войско, пушки, богатство?—нѣтъ, идея!—идея, которую бросилъ въ міръ одинъ человѣкъ, прозванный безумцемъ, фанатикомъ:—онъ звалъ къ себѣ гору, и гора не пошла къ нему. Но зато пошло за нимъ полъ-міра. И вотъ его идея владѣетъ душою и мыслью половины міра, тогда какъ другою половиною владѣетъ идея, брошенная въ міръ вонъ тѣмъ, который ходилъ здѣсь, по этой самой тропинкѣ, по которой ступаютъ теперь мой осликъ и вашъ верблюдъ,—ходилъ, можетъ быть, босикомъ, потрескавшимися отъ зноя ногами, что изъ жалости и любви хотѣла обмыть одна добрая женщина и вытереть своими волосами,—тотъ, который всего разъ въ жизни проѣхалъ на осликѣ, и то на чужомъ, но покрытомъ одеждами своихъ учениковъ, проѣхалъ по этой самой тропинкѣ, устланной пальмовыми вѣтками,—онъ, сынъ этого маленькаго народца, и тогда, при немъ еще, жалкаго и ничтожнаго, а теперь разсѣяннаго по лицу земли. Какъ я понимаю великую душу Байрона, который объ этомъ самомъ народѣ сказалъ: „Несчастный народъ! сирота-народъ! Куда бѣжитъ онъ? —гдѣ онъ отдыхаетъ? У дикаго голубя есть гнѣздо, у лисицы—нора, у человѣка—родина... А онъ—и могилы не имѣетъ!“

„— Да вы не еврейка ли? рѣзко перебилъ я ее.

„— Жалѣю, что не еврейка! съ силой сказала она:—хоть я и считаю себя дочерью тоже великаго народа—праправнучкой Ифигеніи, Антигоны...

„— Браво!“ продолжалъ я школьничать:—а еслибы вы были еврейкой, то вамъ прадѣдушкой былъ бы, можетъ быть, Іуда, повѣсившійся на осинѣ вонъ тамъ, или Анна и Каіафа, или тотъ рабъ, который билъ Христа по щекамъ.

„Г. Негропуло, не понимая, изъ-за чего волнуется и сердится его жена, заговорилъ было съ нею по гречески, но она только махнула рукой. Тогда онъ обратился ко мнѣ по французски и, узнавъ о причинѣ нашей размолвки, замѣтилъ съ улыбкою снисхожденія:

„— Она у меня такая институтка!—смолянка все еще сидитъ въ ней—tenez vous droite.

Digitized by Google

„— А въ васъ, любезный супругъ, сидитъ Аяксъ, но не тотъ, что̀ у Гомера, а тотъ, что̀ у Шекспира,—отрѣзала супруга и надула губки.

„Съ тѣхъ поръ она уже не обращалась ко мнѣ, а больше все держалась около отца Мисаила и съ нимъ дѣлилась своими впечатлѣніями. Это, повидимому, льстило старику, и онъ разсыпа̀лъ передъ нею бисеръ своихъ познаній о всякой мелочи, какая попадалась намъ на дорогѣ.

„— Я еще помню, какъ Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ былъ здѣсь, и мы съ нимъ ѣздили и въ Виѳанію, и въ Іерихонъ, и въ Веѳиль, говорилъ онъ.—Онъ и книгу мнѣ свою прислалъ—„Путешествіе по Святой землѣ“. Безподобная книга! И скажу я вамъ, матушка Зоя Алкивіадовна,—что̀ за человѣкъ былъ этотъ Авраамъ Сергѣевичъ! чего онъ не видѣлъ на своемъ вѣку! гдѣ не былъ!—даже въ Египтѣ былъ, и проѣхалъ оттуда тѣмъ путемъ, какимъ евреи уходили отъ работы египетской. А священное писаніе зналъ не меньше самого патріарха, коли не обстоятельнѣе.

„— А давно онъ здѣсь былъ? полюбопытствовала она.

„— Въ 35-мъ году, матушка,—въ годъ моего постриженія.

Д. Мордовцевъ.

(*Продолженіе будетъ*)

Digitized by Google

ДВОРЯНИНЪ-РАБОЧІЙ.

(Ishmael).

Романъ мистрисъ **Бреддонъ.**

XIV.

Когда леди Констанція Данетри говорила, что была чѣмъ нибудь заинтересована, она не выказывала притворнаго возбужденія, какъ тѣ, кто старается оживить пустой разговоръ и дѣлается эхомъ праздной, приторной болтовни. Она говорила только правду. Въ жизни своей, отъ самой колыбели, она видѣла все, что только желала, и, при своемъ независимомъ положеніи, окружала себя обществомъ по собственному своему выбору, путешествовала и видѣла все, что желала видѣть въ цивилизованной Европѣ. Что же касается далекихъ странъ, горъ, великихъ рѣкъ, океановъ, то она предпочитала читать описанія ихъ, переносясь къ нимъ мысленно въ минуты мечтаній. Она много читала, знала четыре языка и, не дожидаясь переводовъ новыхъ сочиненій на англійскій языкъ, могла пользоваться ими изъ ихъ источника. Богатая, не связанная родственными узами, жизнь ея не походила на жизнь другихъ женщинъ ея общества. Ей не надо было выжидать благопріятнаго времени для выполненія какого нибудь желанія. Она не спѣшила жить, такъ какъ никогда ни къ чему особенно не стремилась, имѣя всегда возможность дѣлать, что хотѣла. Ей стоило отдать приказанія своему домоправителю, опытному ганноверцу:

— Штейнмаркъ, помните, что я хочу быть перваго ноября въ Римѣ.

Штейнмаркъ слушалъ, помнилъ и повиновался. Онъ уѣзжалъ за три дня до отъѣзда своей госпожи, съ частью ея

Digitized by Google

багажа, встрѣчалъ ее на станціи желѣзныхъ дорогъ и провожалъ въ нанятыя для нея квартиры въ городѣ, гдѣ она находила свои книги, фотографіи, рабочую корзинку и всѣ принадлежности гостинной. Жизнь ея протекала золотыми днями, а вдовство дѣлало еще болѣе интересною эту женщину. Знакомые обожали ее—кто изъ собственныхъ выгодъ, кто для нея самой, потому что она была очаровательна. Поклонниковъ у нея въ Парижѣ былъ легіонъ. Прелестная, утонченно воспитанная англичанка знатнаго происхожденія, живущая въ прекрасномъ домѣ и гостепріимная, всегда бываетъ популярна. Многіе добивались и интриговали, чтобы получить приглашеніе на ея вечеръ или обѣдъ. Бывать у нея считалось хорошимъ тономъ. Жарзе трудилась и подкапывалась въ продолженіе года, прежде чѣмъ она и ея дочери получили позволеніе переступить порогъ изящной виллы леди Констанціи. Инымъ стоило шестимѣсячныхъ выпрашиваній, чтобы попасть къ ней на обѣдъ,—обѣдъ, который значительно уменьшилъ бы мѣсячный окладъ г. Жарзе. А теперь Жарзе и ея дочери, благодаря своей вкрадчивости и любезности, доходившей до назойливости, могли наконецъ называться немногими избранными среди многочисленныхъ знакомыхъ леди Констанціи.

Давъ обѣщаніе Жарзе быть у нея вечеромъ, вдова оставила часомъ ранѣе одинъ изъ пріятнѣйшихъ домовъ, гдѣ она обѣдала. Но обѣщаніе священно, и она знала, какъ дорожили ея посѣщеніями на вечерахъ Жарзе.

Домъ, гдѣ они жили, былъ совершенно новый—большое великолѣпное зданіе, нижній этажъ котораго занималъ маркизъ, антресоль—актриса, первый этажъ—богатый жидъ, а второй—Жарзе, платившій половинную плату противъ той, какую берутъ за такія квартиры. Ближе къ карнизу со скульптурными орнаментами, общественныя ступени жильцовъ понижались: тамъ жили слуги, два клерка со своими семействами и типографскій наборщикъ. Гостинная Жарзе имѣла видъ чопорнаго щегольства, бросавшаго въ холодъ вновь вступавшаго въ нее: бѣлыя съ позолотой стѣны, малиновая съ золотомъ мебель во вкусѣ Людовика XIV; нѣсколько севрскихъ чашекъ, флаконовъ, бомбоньерокъ было разставлено на каминѣ и на столахъ, на которыхъ красовались также альбомы съ фотографическими карточками—все это придавало

Digitized by Google

комнатѣ видъ, сверкающій золотомъ. Но малиновыя драпри были узки, стулья и диваны—жостки, а комнаты—проходныя. Великолѣпное фортепіано было главнымъ украшеніемъ маленькой дальней гостинной.

— Подарокъ императрицы моимъ дочерямъ, говорила Жарзе, показывая на этотъ инструментъ;—„взятка съ мастера, которому нужно было добраться до двора", шептали короткіе знакомые.

Сегодня, когда единственный слуга для пріема гостей, съ видомъ, который сдѣлалъ бы честь мажордому, доложилъ о пріѣздѣ леди Констанціи Данетри, комнаты были полны, многіе даже стояли за недостаткомъ стульевъ, чѣмъ хозяйка была очень довольна, такъ какъ это давало понятіе о многочисленности ея гостей. Знаменитый скрипачъ доигрывалъ что-то изъ Вебера. Леди Констанція молча подала руку хозяйкѣ.

— Какъ поздно! но я знала, что вы исполните ваше обѣщаніе, ворковала Жарзе.—Онъ здѣсь, проронила она еще тише.

— Онъ? Кто?

За обѣдомъ у знаменитаго живописца, отъ котораго пріѣхала леди Констанція, говорили о столькихъ интересныхъ предметахъ, что она совсѣмъ забыла о милліонерахъ и спекуляціяхъ.

— Кто? Измаилъ. Онъ слушаетъ Синори въ маленькой гостинной.

Леди Констанція взглянула на эту гостинную, которая, какъ картина или сцена, была обрамлена аркою съ поднятой портьерой. Тамъ были только трое. Синори, стройный итальянецъ, среднихъ лѣтъ съ красивой головой національнаго типа, стоялъ, ярко освѣщенный, упираясь подбородкомъ на скрипку и смотря на нее, какъ на что-то чувствующее и любимое имъ. Амалія Жарзе сидѣла за фортепіано и не спускала глазъ съ высокаго черноволосаго господина, стоявшаго по другую сторону инструмента и, казалось, всецѣло поглощеннаго игрою артиста.

Этотъ высокій брюнетъ былъ Измаилъ—подрядчикъ, спекуляторъ и милліонеръ, одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ людей въ Парижѣ. Вотъ до чего достигъ своимъ неутомимымъ

Digitized by Google

трудомъ сынъ графа Раймонда Карадека. Перемѣнился ли онъ въ это время?

Перемѣна была, конечно. Годы, а съ ними и отвѣтственность прибавили достоинства его горделивому профилю съ рѣзко очерченными бровями надъ большими проницательными глазами. Во всей его осанкѣ чувствовалось какое-то превосходство надъ окружающими. Онъ имѣлъ право презирать людей, послѣ того какъ его обманули жена и другъ. Такое горе ожесточаетъ человѣка. Онъ невольно сравнивалъ свою правоту съ коварствомъ другихъ. Въ него кинули грязью, но онъ отряхнулъ ее съ себя. Съ минуты побѣга его жены, фортуна улыбалась ему: его маленькій наслѣдственный капиталъ, употребленный съ умѣньемъ и толкомъ, умножился во сто разъ.

— Счастливѣйшій человѣкъ въ Парижѣ! говорили о немъ и несли къ нему свои проэкты, деньги, цѣнности, въ полной увѣренности, что капиталы удвоятся въ его рукахъ. Многіе годы онъ былъ первымъ между людьми его спеціальности. Это безсознательное первенство придало проницательность его взгляду, самоувѣренность—тону и обращенію, что-то такое, что̀ видно въ людяхъ, вышедшихъ побѣдителями изъ жизненной борьбы. Измаилъ, стоя однажды на набережной и наблюдая за постройкой моста для желѣзной дороги, нашелъ, что устройство этого моста недостаточно прочно, хотя постройка и подходила къ концу.

— Ну, мои друзья, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ своимъ рабочимъ:—намъ надо начинать опять все сначала!

На слѣдующій же день, счастливый выигрышъ на биржѣ помогъ ему перестроить мостъ.

Такой человѣкъ казался не на своемъ мѣстѣ въ кружкѣ Жарзе, какъ левъ въ птичникѣ, но онъ имѣлъ все таки непринужденный видъ и продолжалъ слушать скрипача.

— Превосходно! промолвилъ онъ, когда pianissimo замерло въ тишинѣ.—Какъ вы должны наслаждаться вашей игрой, мосьё Синори!

Итальянецъ улыбнулся, довольный этимъ комплиментомъ.

— Веберъ и мой Страдиваріусъ понимаютъ другъ друга, спокойно отвѣчалъ онъ, укладывая въ футляръ свою скрипку.

Пальцы Амаліи бѣгали по клавишамъ и кончили мело-

Digitized by Google

дѣй изъ „Герцогини Герольштейнской“:—„Скажите ему“, нѣжно сыгранной съ чарующимъ застѣнчивымъ взглядомъ голубыхъ глазъ на милліонера.

Но красивый взглядъ и томная мелодія пропали даромъ: Измаилу хотя и нравились дѣтски-наивныя манеры Амаліи, но свѣтски-воспитанная дочь второй имперіи не могла быть такъ простодушна, какъ Пакерета, когда та жила на Сомбрёйльской улицѣ; а если въ дѣвицѣ Жарзе и была дѣтская грація, это только напоминало милліонеру о самомъ тяжкомъ горѣ въ его жизни.

— Какъ Шнейдеръ хорошо поетъ этотъ романсъ, холодно сказалъ онъ, удаляясь отъ фортепіано.

— Мнѣ нужно представить васъ леди Констанціи Данетри, сказала въ эту минуту, подошедшая къ нему, хозяйка дома.

На небольшомъ пространствѣ среди гостинной встрѣтились эти замѣчательныя личности, на которыхъ было обращено общее вниманіе. Онъ былъ самый высокій изъ мужчинъ въ гостинной, — она тоже прекраснаго роста и съ величественной осанкой. Богатое темное бархатное платье на стройной фигурѣ леди Констанціи казалось еще изящнѣе отъ простоты отдѣлки; только узенькое валансьенское кружево, стянутое золотой ниткой, обрамляло ея бѣлыя, какъ мраморъ плечи и руки. На шеѣ ея сверкала нитка чистѣйшихъ бразильскихъ брилліантовъ. Это ожерелье было единственною драгоцѣнностью на ея мрачномъ костюмѣ.

— Какъ она странно нарядилась! Никогда эти англичанки не умѣютъ одѣться къ лицу,—проворчала Гортензія за своимъ вѣеромъ, сидѣвшему подлѣ нея, автору „Моихъ вздоховъ“.

— Я надѣюсь, что вы исключите леди Констанцію изъ вашего приговора, томно промолвилъ виконтъ.—Темный бархатъ прелестно выдѣляетъ роскошныя линіи ея плечъ. Такая женщина должна бы всегда одѣваться въ темный бархатъ, который такъ мягко округляетъ ея руки и плечи. Для эѳирныхъ созданій,—и при этомъ поэтъ взглянулъ на худыя руки Гортензіи, сквозившія сквозь облако тюля,—легкія матеріи, конечно, болѣе къ лицу. Но правильная скульптурная красота требуетъ солидной одежды.

Digitized by Google

— Я ненавижу солидность! возразила Гортензія.—По моему, грацію составляетъ округлость не формъ, а движеній.

— Вы—воплощенная грація—имѣете право критиковать, отвѣтилъ виконтъ съ ласковой улыбкой.

Онъ иногда награждалъ свою рабу подобными фразами, хотя вообще тонъ его съ нею былъ любезностью въ родѣ сухаря, который бросаютъ постоянно ласкающейся собакѣ.

Милліонеръ и англичанка обмѣнялись нѣсколькими банальными фразами. Разговоръ двухъ только что представленныхъ другъ другу людей не можетъ быть интересенъ: каждый изъ нихъ еще не знаетъ, способенъ ли другой поддержать разговоръ.

Ничто не показывало въ леди Констанціи, что она была менѣе холодна и спокойна въ эти минуты. Въ дѣйствительности же она была удивлена при самомъ входѣ въ эту комнату и заинтересована болѣе, чѣмъ когда нибудь.

Измаилъ былъ совершенно не похожъ на того человѣка, какимъ она представляла его себѣ. Она, со своими аристократическими предразсудками, смотрѣла свысока на всѣхъ, кто былъ ниже ея по общественному положенію, и не терпѣла выскочекъ. Она замѣчала въ нихъ нестерпимое чванство, стремленіе властвовать, благодаря нажитому ими богатству. Она слышала похвалы Измаилу, какъ знаменитому строителю, человѣку, которому парижскіе рабочіе обязаны были своимъ новымъ бульваромъ, своими удобными жилищами, выстроенными съ цѣлью сохранить ихъ здоровье. Благодаря Измаилу, даже четвероногія животныя съ меньшими мученіями убивались на бойняхъ. Онъ передѣлалъ почти всѣ больницы во Франціи и сдѣлалъ для пользы человѣчества болѣе, чѣмъ кто либо изъ богачей второй имперіи. Констанція слышала обо всемъ этомъ, вѣрила, потому что была слишкомъ равнодушна, чтобы сомнѣваться, и рисовала въ своемъ воображеніи личность милліонера по собственной фантазіи:—онъ, вѣроятно, невысокъ ростомъ, грубо сложенъ,—подрядчики всегда плотно сколочены,—съ косматыми бровями, хитрымъ взглядомъ, большимъ чувственнымъ ртомъ, носитъ массивныя дорогія вещи, тратитъ, конечно, болѣе для себя, чѣмъ для своихъ ближнихъ, невѣжественъ и едва понимаетъ что нибудь внѣ своей спеціальности, эпикуреецъ низшаго разбора, изображающій изъ себя гастронома, увѣряющій, что въ Парижѣ только три че-

Digitized by Google

ловѣка умѣютъ хорошо жарить дичь,—человѣкъ съ неизгладимымъ отпечаткомъ своего мастерства и низкаго происхожденія.

И вдругъ, вмѣсто такой личности, она увидала передъ собою джентльмена, ростомъ въ шесть футовъ, съ прекрасно очерченными бровями, съ блестящимъ взглядомъ, съ чертами и осанкой римскаго легіонера, моложаваго, не смотря на близившійся сорокалѣтній возрастъ.

Она оглядѣла его съ головы до ногъ, покуда церемонно съ нимъ разговаривала, и сердце у нея учащенно забилось, къ собственному ея удивленію. Первый разъ въ жизни она почувствовала всю нелѣпость своихъ предубѣжденій. Если этотъ человѣкъ—подрядчикъ, то въ чемъ же можно было упрекать его собратій по профессіи?

„У женщинъ нѣтъ здраваго смысла!“ подумала она, сваливая собственную вину на весь свой полъ.—„Мы всегда торопимся въ нашихъ сужденіяхъ, и оттого наши фантазіи опровергаются фактами“.

Она украдкой взглянула на его правую руку—большой палецъ былъ слишкомъ развитъ для аристократической руки. Потомъ взглядъ ея скользнулъ на Поншартріана, тонкія пальцы котораго выдѣлялись на малиновомъ атласѣ ручки его кресла; на лысую голову виконта и на всю его тщедушную фигуру.

„Какимъ ничтожествомъ кажется онъ въ сравненіи съ этимъ подрядчикомъ!“ продолжала леди свои наблюденія.—„А онъ тоже презираетъ бывшаго каменщика!“

Она мысленно представляла себѣ человѣка, съ которымъ разговаривала, одѣтымъ въ блузу, работающимъ наравнѣ съ другими рабочими,—и во всѣхъ этихъ воображаемыхъ картинахъ онъ казался ей вельможей, хотя она и не знала о его знатномъ происхожденіи. Въ большомъ свѣтѣ извѣстно было только, что онъ самъ нажилъ свое огромное состояніе.

Между тѣмъ двери столовой отворились, и гости направились къ буфету, гдѣ чай à l'anglaise, сандвичи, печенье, ликеры, слабое бордо элегантно подавались на заграничный ладъ, безъ большихъ издержекъ.

Измаилъ, стоя за леди Констанціей, выпилъ чашку слабаго чаю. Амалія порхала, предлагая корзинку съ засахарен-

Digitized by Google

ными фруктами; Гортензія угощала своего поэта сиропомъ красной смородины, сладкими пирожками, и умоляла его осчастливить общество однимъ изъ „вздоховъ“.

— Въ гостинной не нуждаются въ поэзіи, отговаривался онъ, хотя ему очень хотѣлось наградить всѣхъ своими стихами.—Собравшіеся здѣсь охотно прослушаютъ часъ скобленье струнъ, но не захотятъ внимать воплю сердца.

— Вы ошибаетесь. Игра Синори пробуждаетъ поэтическія чувства. Эта чудная мелодія Вебера, такая грустная, захватывающая сердце.....

Поншартріанъ утомленно посмотрѣлъ на свою собесѣдницу.

— Мнѣ жаль, что вы еще не открыли разницы между скрипачемъ и поэтомъ,—сказалъ онъ, съ мрачнымъ взглядомъ на итальянца, который попивалъ шербетъ на другомъ концѣ стола, улыбаясь и нимало не подозрѣвая строгой критики виконта.

— Еслибы вы прочли „Молитву связки хвороста“... дайте вспомнить, какъ это начинается... „Уничтожь меня, о мой Боже!“...

— Вамъ нравятся эти стихи? спросилъ виконтъ, смягчившись и поднимая свои тусклые глаза на Гортензію.—Да, я думаю, что „Молитва каторжника“ будетъ повыше вашихъ арій, духовныхъ мелодій, лепета ангеловъ! И, нахмурившись, онъ сурово произнесъ сквозь стиснутые зубы свои собственные стихи:

„Ты ненависть къ себѣ мнѣ въ сердце самъ вливаешь!
И что мнѣ, что ты благъ и всѣ грѣхи прощаешь?
Пощады не прошу! Рази меня, карай!
Я самъ въ себѣ найду свой адъ и рай!“

— Вы продекламируете намъ эти чудныя строфы? да? упрашивала Гортензія.

Виконтъ пожалъ плечами и поднялъ брови съ видомъ человѣка, уступающаго легкомыслію окружающихъ.

— Если мои стихи заинтересуютъ кого нибудь, пробормоталъ онъ со взглядомъ превосходства надъ обществомъ.

— Это всѣмъ намъ доставитъ наслажденіе. Мосьё де-Поншартріанъ продекламируетъ намъ что нибудь, когда мы возвратимся въ гостинную, во всеуслышаніе сказала Гортензія.

Гости изъявили удовольствіе, такъ какъ по части яствъ и

Digitized by Google

питей на столѣ ничего уже почти не оставалось, и бо́льшая часть гостей прошла въ гостинную, чтобы занять свои привилегированныя мѣста. Остальные предпочли закурить въ столовой сигары, вмѣстѣ съ безобиднымъ Жарзе, который не проявлялъ собственной воли съ тѣхъ поръ, какъ женился. Столовая затворилась за вышедшими гостями, и виконтъ выступилъ на средину гостинной къ позолоченному столику, на которомъ предусмотрительная Гортензія поставила стаканъ съ водою.

Поншартріанъ раза два прокашлялся, засунулъ пальцы правой руки за бортъ своего фрака и, перебирая лѣвой часовую цѣпочку, потупилъ взоръ на свои лакированные сапоги, потомъ возвелъ его къ потолку и началъ нѣсколько гнусавымъ басомъ декламировать своего „Тулонскаго каторжника“, работающаго подъ раскаленнымъ небомъ, презираемаго, ненавидимаго людьми и забытаго Богомъ.

Нѣтъ нужды говорить, что „Молитва“ эта была долгимъ богохульствомъ отверженника, обвинявшаго своего Творца въ каждой строфѣ. Вся поэма дышала безумнымъ атеизмомъ и была совершенно во вкусѣ новѣйшей французской школы—этого страннаго смѣшенія воровскаго языка съ возвышеннымъ лиризмомъ, паѳоса съ надутостью.

Виконтъ, съ устремленными въ потолокъ глазами, басомъ, переходившимъ въ какое-то ворчанье, декламировалъ стихи съ напускной торжественностью, глубоко увѣренный въ потрясающемъ дѣйствіи своихъ строфъ на слушателей. Когда послѣдніе ослабѣвающіе звуки его голоса замерли при всеобщемъ безмолвіи, онъ окинулъ общество торжествующимъ взглядомъ и позволилъ всѣмъ перевести духъ.

Было много шопота, въ которомъ болѣе всего слышалась благодарность за то, что поэтъ наконецъ замолчалъ.

— Нравится вамъ этотъ родъ поэзіи? спросилъ леди Констанцію Измаилъ, стоявшій за ея стуломъ.

— Нѣтъ, признаюсь вамъ, отвѣчала она.— Но это во вкусѣ нынѣшней литературы. Это такая же мода, какъ и на платья, шляпы и на всѣ несносныя новости дня. Это боделэровская школа—его „Цвѣты зла“.

— И такой человѣкъ хочетъ замѣнить Мюссе! замѣтилъ Измаилъ.

Digitized by Google

— Вы любите Мюссе? спросила Констанція, удивленная, что любовь къ поэзіи могла забраться въ голову строителя мостовъ и больницъ.

— Да, не правда ли, это чудный поэтъ? Онъ часто развлекалъ меня въ часы грусти.

— Развлекалъ васъ? Вы, при вашей дѣятельной жизни, находите время заниматься поэзіей?

— Почему же нѣтъ? Человѣку, который физически много трудится, необходимо отдохнуть въ мірѣ фантазіи, этомъ оазисѣ, свободномъ отъ горькой дѣйствительности.

Было поздно, и число гостей въ салонѣ Жарзе начало уменьшаться. Леди Констанція пріѣхала къ ней на полчаса— чтобы только сдержать данное слово, а пробыла два часа, не замѣтивъ времени.

Измаилъ проводилъ ее по широкой каменной лѣстницѣ съ золочеными перилами, покрытой великолѣпнымъ ковромъ отъ большихъ дверей, украшенныхъ скульптурными амурами и цвѣточными гирляндами, школы Жана Гужона. Дверь актрисы на антресоль стояла настежъ; слышны были мужскіе голоса и чоканье стакановъ, когда леди проходила мимо со своимъ кавалеромъ.

Актриса принадлежала къ высшему артистическому кругу; иначе ее не допустили бы занимать квартиру въ такомъ почтенномъ домѣ. Но самая уважаемая изъ актрисъ имѣетъ право ужинать съ друзьями, послѣ представленія, и сыграть партію въ баккара, не въ обиду обществу.

Измаилъ помогъ леди сѣсть въ карету. Въ то время, когда она, не спѣша, сходила съ лѣстницы, онъ не воспользовался случаемъ попросить позволенія пріѣхать къ ней. Она бывала осаждена подобными просьбами и, какъ мученица, покорялась знакомству съ людьми, нимало ее не интересующими; а Измаилъ, сдѣлавшій на нее впечатлѣніе, исключительный человѣкъ, какъ говорила Жарзе, совсѣмъ не добивался счастія быть у леди Констанціи. Она даже намекнула, въ какой мѣстности находится ея вилла, надѣясь, что онъ пожелаетъ продолжать знакомство. Но онъ не воспользовался этою милостью.

— Вы живете въ этой сторонѣ Парижа? спросила она.

Digitized by Google

— Нѣтъ, я живу въ старомъ домѣ на Королевской площади.

— Какъ странно. Вы поселились въ старомъ домѣ, тогда какъ строите столько новыхъ?

— Можетъ быть, по этой-то причинѣ я и предпочитаю старый. Иногда прискучиваютъ нынѣшніе новые парижскіе дома—бѣлые, холодные, блестящіе; они малы для дворца и слишкомъ велики для семейной жизни. Мое старое помѣщеніе гораздо пріятнѣе своею уютностью.

— Стало быть, у васъ небольшія комнаты?

— Не слишкомъ, для моихъ книгъ.

— У васъ библіотека? нѣсколько надменно спросила леди. Она не могла не удивиться видимой утонченности человѣка, начавшаго свою карьеру поденщикомъ, простымъ каменщикомъ.

— Я собиралъ книги въ эти послѣднія восемь лѣтъ; онѣ—мои лучшіе друзья, онѣ напоминаютъ мнѣ каждый прожитый мною годъ. Вы не можете себѣ представить, какъ иногда бываютъ краснорѣчивы самые переплеты любимыхъ авторовъ.

—Какъ пріятно такимъ образомъ собирать коллекцію—понемногу, годъ за годъ, вмѣсто того, чтобы покупать сразу цѣлую библіотеку,—промолвила Констанція. Она думала, что библіотека милліонера должна имѣть видъ высокой, обширной комнаты съ классическими бюстами, съ рѣзными шкафами для книгъ, великолѣпно переплетенныхъ. Измаилъ же собиралъ книги постепенно, знакомясь со всѣмъ, что выходило лучшаго.

„Онъ большой чудакъ“, подумала леди и прибавила вслухъ:

—Доброй ночи.

Они пожали другъ другу руки, какъ старые друзья.

Экипажъ покатился, при блѣдномъ свѣтѣ мартовской луны, къ Тріумфальной аркѣ, скульптурныя украшенія которой напоминали прошлыя побѣды; слава ихъ не затмѣвалась даже блестящими годами начала второй имперіи, хотя императорскій орелъ все ниже и ниже склонялъ свою голову. Уже и тогда французы, пытаясь основать новую имперію между двумя Америками, потерпѣли постыдное пораженіе. Не предупреждали ли Францію Соединенные Штаты, что все должно было кончиться именно такимъ позорнымъ образомъ? А между

Digitized by Google

тѣмъ Вильгельмъ и Бисмаркъ дурачили ее, сама же она была ложнымъ другомъ Италіи.

Леди Констанція откинулась на подушку кареты и вздохнула—не о потухавшей славѣ имперіи, а отъ неопредѣленнаго чувства недовольства. Она видѣла милліонера, о которомъ ей прожужжали уши въ послѣдніе мѣсяцы. Жарзе увѣряла ее, что онъ жаждетъ быть ей представленнымъ. Они встрѣтились и—ни слова о слѣдующей встрѣчѣ. Случалось ли что нибудь подобное съ леди Констанціей Данетри? Возможно ли, чтобы она не произвела пріятнаго впечатлѣнія на мужчину, кто бы онъ ни былъ? Первый разъ въ жизни испытала она такую неудачу. Она привыкла къ оиміаму всеобщихъ похвалъ до того, что даже презирала поклоняющихся ей. И вдругъ этотъ человѣкъ не слѣдуетъ общему примѣру. А, со всѣмъ тѣмъ, глаза ихъ встрѣтились при первомъ знакомствѣ.—„Какъ? Это вы?“ говорилъ, казалось, его взглядъ. И что-то смутило ее при первомъ взглядѣ этого человѣка. А онъ допустилъ ее уѣхать, не попросивъ позволенія явиться къ ней. Была ли это застѣнчивость, неумѣлость отъ полнаго незнанія условій свѣтской жизни? Однако обращеніе его было спокойно и непринужденно. Онъ былъ серьезенъ, но не молчаливъ; говоря съ нею, онъ не смущался ея высокимъ общественнымъ положеніемъ, но не сдѣлалъ шагу къ продолженію знакомства, вѣроятно, потому, что не спѣшилъ снова увидѣться съ нею. Конечно, онъ былъ бы доволенъ, еслибы его привезла къ ней Жарзе. Но зачѣмъ ему прибѣгать къ другимъ, когда онъ, видя любезность леди, могъ прямо обратиться къ ней самой?

— Я думаю, онъ такъ поглощенъ своими мостами и водопроводами, что не любитъ женскаго общества, проговорила леди, плотно закутываясь въ мѣховой плащъ. Карета остановилась у ея двери. Констанція не любила вообще праздно проводить время. Но теперь, отпустивъ горничную, она усѣлась передъ каминомъ въ своей уборной и промечтала почти всю ночь, смотря на горѣвшія полѣнья. Она знала, что не стоило ложиться—сонъ былъ немыслимъ при ея разгоряченной головѣ. Она положила ноги на рѣшетку камина и сидѣла такъ, покуда проходили ночные часы. Шолковый индійскій пеньюаръ плотно облегалъ ея стройную фигуру; расплетенные волосы свернуты

Digitized by Google

были узломъ на затылкѣ; блѣдная, серьезная, она, какъ Сивилла, читала будущее въ пылающемъ огнѣ и падающемъ горячемъ пеплѣ. Что значитъ это волненіе? Она никогда ничего подобнаго не испытывала. Что значитъ эта напряженная дума объ одномъ и томъ же, этотъ неотвязный образъ въ ея мысляхъ, это смѣлое строгое лицо съ пламеннымъ взглядомъ, съ серьезнымъ красивымъ ртомъ, оттѣненнымъ, но не скрытымъ густыми усами? Какъ могъ вдругъ такъ овладѣть ея мыслями образъ человѣка, видѣннаго ею въ этотъ вечеръ? Шесть часовъ назадъ, она прошла бы мимо него на улицѣ и не замѣтила его. А теперь, потому только, что они встрѣтились, посмотрѣли другъ на друга, поговорили немного,—она уже не можетъ изгнать его изъ своихъ мыслей. Онъ завладѣлъ ею, наполнилъ собою все ея существо. Онъ съ нею и здѣсь, передъ этимъ огнемъ; присутствіе его чувствуется ея горячей фантазіей такъ ощутительно, какъ будто онъ дѣйствительно былъ передъ нею... Воображеніе Констанціи рисовало ей другую встрѣчу съ нимъ, разнообразило картины этой сцены. Будетъ ли это при солнечномъ или при лунномъ свѣтѣ—она говорила за себя и за него, краснорѣчиво, остроумно, страстно, съ затаеннымъ признаніемъ въ любви,—и все это дѣлалось для человѣка, котораго она увидѣла первый разъ въ этотъ вечеръ!

Что это значитъ? Не объ этомъ ли она читала въ новеллахъ, улыбаясь этому безумію, невозможности? Не любовь ли это съ перваго взгляда—нежданная, непрошенная, къ человѣку, который былъ когда-то каменщикомъ? Одна мысль объ этомъ невыносима!

Мгновенное презрѣніе, движеніе досады на собственное сумасбродство, гордо поднявшаяся голова.....

— Я не буду больше объ немъ думать. И въ слѣдующую же минуту гордая головка опять поникла, круглый подбородокъ опустился на высокую грудь, и задумчивые глаза уставились опять на огонь.

— Я воображала еще въ дѣвичествѣ, что никогда не узнаю любви, подумала леди.—Не она ли пришла, наконецъ?

Пауза и внезапный блескъ въ прелестныхъ глазахъ.

— Да, она пришла, она здѣсь—къ добру ли, къ худу ли?—но я рада этой гостьѣ!

Digitized by Google

XV.

Громадное полукруглое зданіе на Марсовомъ полѣ было открыто въ назначенное первое апрѣля, и удивительный волшебный дворецъ, о которомъ столько говорили въ продолженіе зимы, въ первый разъ обнаружилъ передъ обществомъ почти хаотическое смѣшеніе: досокъ, парусины, подмостковъ и рабочихъ. Мавританскій дворецъ, китайскій павильонъ, рестораны, кофейни, магазины простирались далеко за полукругъ зданія. Они впослѣдствіи сдѣлались болѣе извѣстны и популярны, чѣмъ всѣ чудеса искусствъ и художествъ выставки, во время которой они еще мало занимали воображеніе офиціальныхъ репортеровъ, спѣшившихъ осмотрѣть вещи, видѣнныя ими прежде только на рисункахъ. Среди рѣзкаго вѣянья восточнаго вѣтра, стука молотовъ и суеты рабочихъ, появилось семейство Наполеона: императоръ, императрица и принцъ. Выставка была объявлена открытой и безъ императорской рѣчи.

Люксембургскій вопросъ безпокоилъ дипломатовъ въ этотъ періодъ. Политическій горизонтъ былъ омраченъ тучей, нависшей надъ вулканической почвой Мексики. Время было слишкомъ неудобно для императорскаго краснорѣчія, и всемірная выставка открылась при скромномъ молчаніи.

Леди Данетри, имѣвшая мало интересовъ въ жизни, была, конечно, между первыми посѣтителями только что открытой выставки. Она не приходила въ восторгъ отъ выставокъ, потому что видѣла ихъ нѣсколько разъ, и признавалась, что была утомлена выставкой 1862 года, которая казалась ей несравненно хуже того хрустальнаго дворца, который она видѣла въ своемъ дѣтствѣ въ Гайд-паркѣ. Это было что-то волшебное, съ развѣвающимися флагами, деревьями, сверкающими фонтанами, подъ прозрачнымъ потолкомъ. Въ то время она была еще ребенкомъ, способнымъ восторгаться, молодой женщиной, недавно обвѣнчанной и подъ руку со своимъ мужемъ. Теперь же, въ 1867-мъ году, она называла себя старухой и говорила, что ее не могутъ уже интересовать никакія чудеса всѣхъ четырехъ концовъ свѣта. Но, живя въ Парижѣ, она находила, что должна соображаться со вкусомъ другихъ. Поѣхать на выставку было менѣе скучно, чѣмъ отъ нея отказываться.

Digitized by Google

Дамы Жарзе, старавшіяся казаться ея короткими пріятельницами, упросили ее ѣхать въ первый день выставки, и она согласилась, болѣе изъ угожденія имъ, чѣмъ по собственному желанію. Была также и слабая надежда—тайная мысль, которая дѣлала этотъ ранній выѣздъ нѣсколько пріятнѣе. Не будетъ ли тамъ Измаилъ—онъ болѣе другихъ долженъ быть заинтересованъ всѣми механическими чудесами. Но встрѣтиться съ нимъ въ такомъ огромномъ помѣщеніи и сборищѣ всѣхъ диковинныхъ вещей было мало надежды, а впрочемъ—можетъ быть. Одно это предположеніе пріятно оживило Констанцію. Она просила Жарзе пріѣхать къ ней завтракать перваго апрѣля и была очень весела въ продолженіе завтрака, сервированнаго съ идеальной элегантностью и приготовленнаго идеальнымъ поваромъ—естественный результатъ большихъ средствъ и щедраго гостепріимства.

— Меня удивитъ, если вашъ другъ, мосьё Измаилъ, не будетъ сегодня на выставкѣ,—небрежно проговорила леди, когда она и ея гостьи отъѣхали отъ подъѣзда. Дулъ восточный вѣтеръ, небо было пасмурно, но надежда дѣлала погоду для молодой женщины ясною и пріятною. Амалія съ минуту смотрѣла на нее проницательнымъ взглядомъ, какого нельзя было ожидать отъ наивной физіономіи златокудрой дѣвицы.

— Мосьё Измаила я не надѣюсь встрѣтить на выставкѣ, сказала она,—потому что это мѣсто, я думаю, давно уже ему надоѣло. Онъ—привилегированное лицо и могъ все видѣть такъ часто, какъ желалъ. Притомъ же, онъ самъ, вѣроятно, участвовалъ въ планахъ и постройкѣ. Зданіе воздвигалось на его глазахъ съ самаго начала.

Жарзе одобрительно улыбнулась своей меньшой дочери.

— Мосьё Измаилъ и моя Амалія большіе друзья, сказала она.—Удивительно, какъ это милое дитя интересуется механическими работами! Недавно я застала ее напрягающею свой бѣдный мозгъ надъ громадной книгой о каналахъ.

— Бываетъ время, что устаешь думать только о тряпкахъ, сантиментально отвѣтила молодая дѣвушка.

— Съ которыхъ это поръ? съ презрѣніемъ спросила Гортензія.

— Съ тѣхъ поръ какъ портнихи отказались шить тебѣ платья, и какъ ты перестала привлекать кавалеровъ на балу.

Digitized by Google

— У Амаліи нѣтъ никогда недостатка въ кавалерахъ,—замѣтила Жарзе. Она и ея младшая дочь держали, такъ сказать, вооруженный нейтралитетъ противъ старшей дочери. Было время, когда Гортензія блистала вездѣ, разряженная, расхваливаемая, окруженная попеченіями, какъ старшая дочь, которая можетъ составить блестящую партію и этимъ возвысить фамилію Жарзе. Но годъ проходилъ за годомъ, и Гортензія похудѣла; щеки ея впали, а мать разочаровалась въ своихъ надеждахъ и сосредоточила все свое вниманіе на второй дочери.

Гортензія была когда-то очень хороша, считалась красавицей въ семействѣ, и Амалія была на заднемъ планѣ. У Гортензіи были темные глаза, классическій профиль, тогда какъ курносенькая Амалія, съ большимъ ртомъ, сѣрыми глазами и безцвѣтными волосами, отличалась пошлою мѣщанскою физіономіею. Но цвѣтъ лица Гортензіи увядалъ, классическій профиль дѣлался угловатымъ, начали входить въ моду пошлыя физіономіи,—маленькія смятыя личики, кинг-чарльсскія рожицы,—и тогда вниманіе обратилось на Амалію; а Гортензія, напоминавшая своей осанкой госпожу Роланъ, входящую на эшафотъ, была, въ свою очередь, отодвинута на задній планъ.

Амалія усердно изучала манеру и грацію тѣхъ дамъ, которыхъ ежедневно встрѣчала въ Булонскомъ лѣсу, въ оперѣ и въ театрахъ. Она изобрѣла для себя своеобразную красоту: ея безцвѣтные волосы сдѣлались, благодаря окраскѣ, золотистыми; подчерненныя брови и рѣсницы и, алѣвшія карминомъ, довольно толстыя губы придавали пикантность ея лицу; плотный станъ былъ затянутъ въ корсетъ и округленъ, какъ требовала мода. Амалія подражала Корѣ Пирль, насколько дозволяли приличія, и плохо видѣвшій сановникъ, ея отецъ, только пялилъ глаза и удивлялся на свою дочь. Онъ спрашивалъ у жены: прилично ли держать себя и одѣваться такъ, какъ это дѣлаетъ меньшая ихъ дочь? Но на слѣдующемъ же придворномъ балу, императрица любезно замѣтила ему, что дѣвица Амалія привлекательнѣе своей старшей сестры—подозрѣваемой сторонницы Орлеанскихъ принцевъ, и что у меньшой дочери очень много шику.

— „О! подумалъ Жарзе:—такъ это шикъ! Я очень радъ, что узналъ его значеніе“.

Digitized by Google

Леди Констанція откинулась назадъ съ усталымъ видомъ. Для нея пропалъ весь интересъ выставки. Все превратилось въ скуку—эти Жарзе съ ихъ идіотскими претензіями и худо скрываемою завистью, эта немилосердно раскрасившая себѣ волосы, брови и губы Амалія, злоязычная Гортензія—настоящая пара злыхъ сестеръ въ народной сказкѣ! И быть знакомой съ такими личностями? не имѣть силы воли захлопнуть свою дверь передъ ихъ носомъ? Но таковы условія высшаго круга!

Погруженная въ подобныя мысли, леди переѣхала мостъ и приблизилась къ выставкѣ, среди окружающихъ построекъ, тюковъ, распланировщиковъ будущихъ садовъ, среди галдѣнья рабочихъ, тащившихъ чаны для будущихъ аквaріумовъ. Все было въ зародышѣ, какъ первая репетиція большой фееріи. Леди Констанція и ея пріятельницы съ любопытствомъ смотрѣли на все, ничего не видя. Вся эта суета казалась несносной и безполезной женщинѣ, избалованной непрерывнымъ довольствомъ и жаждавшей сильныхъ ощущеній. Три недѣли назадъ, одно изъ этихъ ощущеній неожиданно охватило ее вдругъ, какъ гальваническій токъ, и съ тѣхъ поръ она жила этимъ чувствомъ, презирая себя за странную слабость своей натуры, никогда не поддававшейся подобному безумству. Она, Констанція Данетри, окруженная поклонниками и лестью, допустила вдругъ затронуть свое сердце человѣку, о которомъ только и знала, что онъ началъ свою карьеру простымъ работникомъ, и онъ, неизвѣстный, нежеланный, занялъ ея мысли, мечты, похитилъ миръ души у дочери надменнаго ирландскаго маркиза! Что это?—колдовство? безуміе? или слѣдствіе пустой, разсѣянной жизни, безъ высшей цѣли, безъ пользы? Она смиренно признавалась себѣ, что это навожденіе было наказаніемъ за праздную жизнь, какую она вела послѣ смерти своего мужа,—жизнь въ угожденіе себѣ, дни и ночи, проведенные въ модныхъ развлеченіяхъ; безцѣльное скитанье туда и сюда по лицу земли, слушанье похвалъ, лжи и лести, произносимыхъ праздными людьми; жизнь искусственная, созданная цивилизаціей, въ мірѣ, клонящемся къ паденію.

Но какъ она ни философствовала, фактъ оставался тотъ же—сердце ея стремилось къ Измаилу также сильно, какъ сердце Джульеты къ Ромео.—„А я всегда презирала Джульету“,

Digitized by Google

думала она.—„Ни ея молодость, ни итальянскій темпераментъ не извиняли ее въ моихъ глазахъ. А теперь, десятью годами старше Джульеты, я такая же романтичная и впечатлительная".

Три недѣли назадъ, она нашла бы извиненіе своему безумію; ей казалось, что это внезапное пробужденіе чувства было взаимно. Инстинктъ подсказывалъ ей, что сердце Измаила не спокойнѣе ея собственнаго. Они разговоривали, какъ недавніе знакомые, но бросали другъ на друга взгляды, не передаваемые словами. Не обманулась ли она въ его чувствахъ? До сихъ поръ она была проницательна, почти какъ ясновидящая; теперь же, въ самомъ важномъ случаѣ ея жизни, самыя глубокія чувства ея были взволнованы. Проницательность, самообладаніе — все ее оставило. Она влюбилась, какъ пансіонерка.

Прошло три недѣли съ того мартовскаго вечера, какъ они встрѣтились, но объ Измаилѣ ничего не было слышно. А ему было такъ легко устроить вторую встрѣчу! Человѣкъ съ его положеніемъ, превозносимый за богатство, вездѣ—господинъ своихъ поступковъ. Ему стоитъ намекнуть о какомъ нибудь желаніи, для того чтобы оно тотчасъ же осуществилось. Въ наше время милліонъ—аладинова лампа, аллегорію которой осуществляютъ денежные цари, изобрѣтатели, прожектёры, создатели грандіозныхъ предпріятій.

— Онъ не заботится о второй встрѣчѣ, потому что не желаетъ этого,—думала леди, расхаживая съ подавленной зѣвотой по выставкѣ и слушая жалобы Жарзе, что это зданіе не имѣетъ перспективы. „Огромное, изумительное, но безъ перспективы!" И въ слѣдующую же минуту мягкій баритонъ спросилъ у леди Констанціи, что она думаетъ о выставкѣ? а ея обтянутая перчаткой рука очутилась въ рукѣ бывшаго каменщика. Мгновенно все преобразилось, какъ при перемѣнѣ декорацій: всѣ эти паровыя машины, поршни, блоки, модели кораблей, локомотивы, машины—все, къ чему леди только что выразила свое равнодушіе, сдѣлалось вдругъ полно занимательности.

— Не покажете ли вы намъ модели мостовъ и не объясните ли ихъ? спросила Амалія съ видомъ умнаго десятилѣтняго ребенка.—Я недавно читала о мостахъ и каналахъ.

Digitized by Google

— Какъ, вы читали о такихъ вещахъ! воскликнулъ Измаилъ.—Я думалъ, что васъ занимаютъ только балы, театры, скачки и всякаго рода удовольствія.

— Бываетъ время, что всѣ удовольствія надоѣдаютъ, возразила со вздохомъ Амалія.

— А! и для васъ оно настало? Очень радъ быть вашимъ чичероне по части моделей. Это моя спеціальность. Видѣли вы у входа мѣдныхъ воиновъ?—это хорошія модели для мостовъ, но теперь все еще въ безпорядкѣ.

Онъ продолжалъ объяснять такимъ образомъ все, мимо чего они проходили—американскіе „мониторы“, корабельныя башни, пловучіе снаряды для перевозки пятисотъ лошадей. Иногда онъ останавливался у какой нибудь машины, истолковывалъ ея многосложные атрибуты—гигантскій локомотивъ съ десятью колесами, устройство котораго, казавшееся такимъ однообразнымъ, пріобрѣтало, благодаря объясненію, значеніе и занимательность. Онъ говорилъ о молотѣ Насмита, который леди представляла себѣ небольшимъ молоткомъ, не тяжелымъ для пальцевъ; показывалъ имъ пушки разныхъ снарядовъ, объясняя тайны мрачныхъ отверстій, изрыгающихъ смерть на полѣ битвы. Леди слушала въ молчаніи, упиваясь звуками мелодическаго голоса, тонъ котораго показывалъ хорошее воспитаніе. Гдѣ научился милліонеръ хорошо говорить? Происхожденіе его было неизвѣстно, но Конде и Грамонъ не могли бы выражаться изящнѣе. Пріятно было слушать сухія подробности о подъемныхъ мостахъ, объясняемыя такимъ голосомъ. Леди наслаждалась, слушая объ устройствѣ Фрейбургскаго моста въ Швейцаріи и другихъ замѣчательныхъ мостовъ, по которымъ она такъ часто проѣзжала въ вагонѣ, не обращая никакого вниманія на то, какъ они были построены. Она и Измаилъ ушли впередъ отъ остальнаго общества. Онъ воспользовался встрѣчею Жарзе съ другими знакомыми и увлекъ далѣе леди, продолжая объяснять ей чудеса механики. Но Амалія поспѣшно догнала ихъ, запыхавшись, какъ пансіонерка, „желающая научиться“, и ребячески высказывая это желаніе:—она надѣялась своею напускной наивностью очаровать дѣловаго человѣка.

Но Измаилу она видимо надоѣла. Онъ исключительно обращался къ леди, такъ что Амалія должна была утѣшиться

Digitized by Google

плохенькими экземплярами золотой молодежи, которая шаталась по выставкѣ, ища буфета, чтобы выпить абсента, и была въ отчаяніи, что не находила подобныхъ оазисовъ въ этой пустынѣ. Франты по временамъ подходили къ Амаліи.

— Въ газетахъ писали, что на выставкѣ можно все найти, а здѣсь ничего нѣтъ! жаловался одинъ изъ шалопаевъ, блѣдный, тщедушный, почти плѣшивый и съ признаками чахотки.

— Гдѣ тутъ, ради самого неба, Спиръ и Фондсъ? кричалъ другой.—Намъ обѣщали райскія наслажденія у Спира и Фондса.

— Кажется, ихъ еще нѣтъ, замѣтила Жарзе,—еще многаго нѣтъ: кіоски, павильоны, мечети, акваріумы—все, о чемъ мы слышали, еще не привезено. Не стоитъ смотрѣть на выставку до іюня.

Въ сопровожденіи Измаила, леди Констанція обошла вокругъ всей выставки и осмотрѣла всѣ внутренніе отдѣлы. Все было знакомо Измаилу: онъ былъ свой человѣкъ между строителями и экспонентами, пріѣзжавшими изъ дальнихъ странъ, между янки, калифорнійцами, перуанцами, норвежцами, исландцами и обитателями южнаго индійскаго архипелага. Онъ зналъ наизустъ всякій отдѣлъ и приходилъ въ восторгъ отъ понятливости леди Констанціи въ практическихъ элементахъ жизни, хотя, безъ его толкованій, многое могло бы ускользнуть отъ ея вниманія.

Она вспомнила, какъ въ 1862 году, въ южномъ Кенсингтонѣ, равнодушно расхаживала съ мужемъ по выставкѣ, смотря на статуи, фонтаны изъ духовъ, на драгоцѣнныя вещи, матеріи, слушая швейцарскихъ птичекъ, избѣгая машинъ, какъ чумы, интересуясь картинной галлереей, а еще болѣе—встрѣчами со знакомыми. Тогда она смѣялась, болтая и не извлекая никакой опредѣленной идеи о художественныхъ вещахъ, бывшихъ передъ ея глазами. Мужъ леди интересовался только тѣмъ, что ходило на четырехъ ногахъ, и о чемъ бы ни начиналъ говорить, сводилъ непремѣнно къ конюшнѣ или псарнѣ.

Смеркалось; теряя изъ виду раза четыре свое общество, леди Констанція нашла его близъ тѣхъ дверей, въ которыя она сначала вошла.

Digitized by Google

— Я во всю жизнь такъ не уставала, жаловалась Жарзе, утомленная ходьбой по выставкѣ, и также маленькимъ непріятнымъ семейнымъ разговоромъ.

— Странно! воскликнула леди:—а я, которой вообще смертельно надоѣдаютъ выставки, заинтересовалась этой въ высшей степени.

Передъ тѣмъ какъ садиться въ коляску, она съ дружеской горячностью пожала руку Измаилу, смотря на него счастливымъ взглядомъ. Она чуть не пригласила его вмѣстѣ съ Жарзе, но не смѣла исполнить своего намѣренія, какъ застѣнчивая дѣвушка. „Онъ придетъ по собственному побужденію", мелькнула у нея мысль, также быстро, какъ учащалось біеніе ея сердца.—„Я знаю, что онъ любитъ меня". Она улыбнулась ему, сѣвъ въ коляску; глаза ея сіяли, какъ солнечный лучъ, когда Измаилъ стоялъ съ непокрытой головой, провожая взоромъ ея коляску.

Сѣрыя лошади леди бѣжали скорой рысью по набережной, черезъ Альмскій мостъ, къ широкой аллеѣ Елисейскихъ полей. Жарзе зябко куталась въ свою бархатную мантилью. Гортензія и Амалія жались другъ къ другу подъ мѣховымъ пледомъ. Въ насъ самихъ заключается то, что̀ насъ холодитъ или согрѣваетъ... Для леди Констанціи атмосфера казалась тропической.

— Удивляюсь, какъ вы можете ѣздить въ открытомъ экипажѣ въ такую погоду? жалобно промолвила Жарзе. Это была неблагодарность съ ея стороны, потому что экипажъ леди позволялъ ей не тратиться на наемную коляску, которую она брала на два часа по понедѣльникамъ и четвергамъ.

— Я люблю свѣжій воздухъ, возразила леди съ горделивымъ видомъ существа, никогда не чувствовавшаго холода, въ жилахъ котораго переливается не простая кровь обыкновенныхъ смертныхъ.

— Я не воображала, чтобы вы могли такъ восторгаться машинами, сказала Амалія, поблѣднѣвшая отъ злости, ревности, ненависти—почти всѣхъ семи смертныхъ грѣховъ съ прибавленіемъ маленькихъ. Ея накрашенныя губы кривились, и фальшивый цвѣтъ ихъ дѣлалъ ея блѣдность мертвенною.

— Не воображала и я до нынѣшняго раза, отвѣчала леди.—

Digitized by Google

Но самый сухой предметъ дѣлается занимательнымъ, когда о немъ говоритъ умный человѣкъ.

— Особенно, если онъ не сѣдовласый ученый въ синихъ очкахъ и съ краснымъ носовымъ платкомъ, а человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ, красивый, привлекательный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исключительный, продолжала Амалія.

— Тогда, конечно, это еще пріятнѣе, возразила леди. Она отлично поняла намекъ и видѣла соперницу въ этой дѣвицѣ съ ребяческими манерами и съ золотистыми волосами. Но это ее не огорчало и какъ женщинѣ, сознающей свое превосходство, придавало новую силу.

— Надѣюсь, что вы посѣтите насъ въ слѣдующій четвергъ? спросила Жарзе, когда коляска остановилась передъ величественнымъ фронтономъ, поддерживаемымъ каріатидами.

— Пожалуйста, пріѣзжайте. У насъ будетъ мосьё Измаилъ. Онъ еще прочтетъ вамъ лекцію о подъемныхъ мостахъ, прибавила Амалія.

Леди Констанція не вдругъ отвѣтила. Неужели она пропуститъ этотъ случай видѣть Измаила? Тогда она, въ продолженіе слѣдующихъ десяти дней, не будетъ его видѣть. Но она болѣе не сомнѣвалась. Онъ любитъ ее. Она видѣла это въ его взглядѣ, когда они стояли у пушки,—она прочла это въ его черныхъ серьезныхъ глазахъ. А если это такъ, то онъ самъ долженъ искать ее, а она ни за что въ мірѣ не станетъ устраивать съ нимъ встрѣчи. Чувство собственнаго достоинства не допуститъ ее до этого.

— Вы очень добры, сказала она наконецъ.—Но у меня столько приглашеній на четвергъ—я боюсь, что у насъ будетъ очень веселый сезонъ.

Амалія вздохнула съ завистью.—„Увы!“ думала она,—„что значитъ родиться богатой!“ Обѣды, балы, на которые приглашали леди Констанцію и на которые дочери Жарзе никогда не надѣялись попасть! Даже тѣ собранія, куда онѣ имѣли доступъ, — сколько это стоило хлопотъ о туалетѣ! сколько сомнѣній! Будутъ ли ихъ платья вполнѣ приличны? годятся ли цвѣты, каждый лепестокъ которыхъ былъ расправленъ ихъ собственными руками, не покажутся ли они поношенными и увядшими въ сравненіи со свѣжими гирляндами, только что видѣнными у модистокъ? Страсть къ роскоши

Digitized by Google

и дорогимъ платьямъ начала сильно развиваться при второй имперіи и была причиной разрыва сердца у многихъ небогатыхъ женщинъ. Жоны и дочери этой эпохи подбивали мужчинъ на биржевыя спекуляціи, толкали ихъ со связанными руками въ бездну рискованныхъ предпріятій. Дочери этого времени только и мечтали о блескѣ и роскоши, хотя бы видѣли ихъ только разъ, еще подъ материнскимъ крылышкомъ. Умъ ихъ занятъ былъ дорогими платьями, ихъ прельщали великолѣпные дома, изящные обѣды, бросанье денегъ на экипажи, цвѣты, уборы и на всѣ элегантныя мелочи—трата денегъ, неизвѣстно откуда добываемыхъ, точно падающихъ съ неба. И никто ничего не оставлялъ на черный день. Такая дѣвушка, какъ Амалія, живя на Елисейскихъ поляхъ, ежедневно видѣла вереницы экипажей, катящихся къ Булонскому лѣсу въ апрѣльскій полдень; видѣла сидѣвшихъ въ нихъ знатныхъ дамъ, актрисъ, кокотокъ—и не могла устоять противъ страстнаго желанія быть въ свою очередь также модной дамой,—все равно, герцогиней или кокоткой,—и привлекать къ себѣ общее вниманіе. Напрасно было бы напоминать ей, что отецъ ея—офиціальное лицо, занимающее хотя и высокое положеніе, но только съ пятьюдесятью тысячами франковъ жалованья; что ея мать принесла въ приданое только сорокъ тысячъ; и что половина этого маленькаго капитала уже истрачена на воспитаніе двухъ дочерей въ модномъ пансіонѣ и на обстановку щегольской квартиры въ новомъ домѣ. Исчисленіе всѣхъ этихъ фактовъ не остановило бы дѣвушку, вздыхавшую о красивыхъ платьяхъ и экипажахъ, какъ у ея сосѣдей.

Актриса, жившая на антресолѣ, была острымъ шипомъ въ жизни Амаліи, подмѣчавшей ея наряды, ея гостей и праздничные обѣды. Дѣвица Арну не имѣла назначенныхъ вечеровъ для своихъ знакомыхъ. У нея были маленькіе пріемы послѣ полудня: артисты, офицеры, щеголи, финансисты, журналисты бѣжали толпой къ модному божеству. У нея подавался чай въ пять часовъ, съ шербетомъ, ягодами изъ теплицъ, виномъ, содой и съ разными сластями въ изящныхъ серебряныхъ корзинкахъ; чай наливался въ тонкія, какъ яичныя скорлупки, чашечки. Поклонники Арну расхваливали угощеніе. „Что за прелесть этотъ чай въ пять часовъ!“ восклицалъ капитанъ

Digitized by Google

шести футовъ ростомъ—Саулъ между маленькими креве,—обожавшій прелестную Арну, которая была нѣсколькими годами старше его матери.

Окна гостинной съ низкимъ потолкомъ были открыты. Голоса и смѣхъ доносились до открытыхъ оконъ втораго этажа, гдѣ Амалія прислушивалась и подглядывала, какъ входили и выходили изящныя парочки, поднимаясь по лѣстницѣ наверхъ или спускаясь внизъ, на подъѣздъ и на улицу.

Отчего она не актриса? Отчего у нея нѣтъ ни дорогихъ платьевъ, ни тепличныхъ цвѣтовъ, ни тонкихъ обѣдовъ? А больше всего: почему за нею не ухаживаютъ, какъ тамъ, на антресолѣ? Но если нельзя быть актрисой, то можно выйти замужъ за человѣка, который дастъ всего въ волю, окружитъ роскошью—единственною сносною вещью, по ея мнѣнію, для которой стоитъ жить въ этомъ блестящемъ Парижѣ.

Такой человѣкъ наконецъ встрѣтился съ нею. Милліонеровъ было много въ Парижѣ, но ихъ трудно было заманить на четверги Жарзе. Измаилъ оказался добродушнѣе другихъ. Жарзе имѣлъ счастливый случай оказать ему небольшую услугу, благодаря своему официальному положенію, и Измаилъ не отказался посѣщать четверги г-жи Жарзе. Онъ въ новый годъ послалъ ей великолѣпную жардиньерку съ цвѣтущими тюльпанами и гіацинтами—дорогой и красивый подарокъ, на которомъ Амалія и основала всѣ свои надежды. Она считала себя хорошенькой, на вкусъ того времени, который, нѣсколько лѣтъ спустя, назывался ужаснымъ. Но тогда—она имѣла шикъ; чего же болѣе можно требовать отъ жены милліонера, предположивъ, что ему нужна жена? Еслибы Измаилъ и не имѣлъ никакихъ матримоніальныхъ видовъ, то, какъ она думала, онъ невольно могъ увлечься ею при частыхъ свиданіяхъ, такъ какъ Амалія считалась очень привлекательною въ своемъ кружкѣ. А такая дѣвушка, рано или поздно, съумѣетъ достигнуть своей цѣли. Какъ кошка, стерегущая мышь, Амалія замѣчала обращеніе Измаила съ другими женщинами. Онъ казался холоднымъ, какъ ледъ, до пагубнаго четверга, въ который былъ представленъ леди Данетри. Даже проницательный глазъ ревности ничего не могъ замѣтить въ прежнее время. Милліонеръ разговаривалъ съ женщинами

Digitized by Google

красивыми, умными, но не было и тѣни, чтобы которая нибудь изъ нихъ затронула его сердце. Но какъ скоро онъ увидѣлъ Констанцію, то совершенно былъ поглощенъ какимъ-то новымъ чувствомъ, и Амалія болѣе для него не существовала. Время, проведенное на выставкѣ, было для нея пыткою, потому что Измаилъ, явно занятый только Констанціей, не скрывалъ, что Амалія наскучила ему. Горесть ея въ этотъ же вечеръ, когда она сидѣла въ ложѣ второстепеннаго театра, вмѣстѣ съ матерью и сестрой, была искренна до величія; въ ней не было мелочности разочарованія, сожалѣнія объ ускользнувшей добычѣ; дѣйствительная страсть и безкорыстное чувство приводили ее въ отчаяніе.

Надменная, нечувствительная годъ назадъ, Амалія открыла въ этотъ день, что и у нея есть сердце. Любовь закралась въ него безъ ея вѣдома. Дѣвушка полюбила свою жертву, начавъ съ пошлаго притворства, съ пламеннаго желанія имѣть роскошный домъ и блистать при французскомъ дворѣ, быть царицей надъ своими соперницами, изъ которыхъ многія сдѣлали блестящія партіи, заранѣе для нихъ приготовленныя богатыми или вліятельными родственниками. Онѣ, выйдя изъ монастыря, разлетѣлись, какъ птички, въ устроенныя для нихъ золотыя клѣтки, прежде чѣмъ пороки свѣта могли коснуться ихъ чистыхъ крылышекъ. Отъ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ подругъ Амалія переносила уколы и шпильки, но продолжала съ ними знакомство изъ тщеславія, стараясь извлекать для себя пользу изъ товарищескихъ отношеній. Эти дамы присылали ей пригласительные билеты на вечера, на которыхъ Жарзе краснѣла за свои четверги. Онѣ пріѣзжали на Елисейскія поля въ прелестныхъ маленькихъ купэ, въ самыхъ модныхъ викторіяхъ. Платья на нихъ были отъ Ворта, знаменитаго дамскаго портнаго, и онѣ не понимали возможности быть одѣтыми другимъ, не понимали также и необходимости жить во второмъ этажѣ огромнаго дома, гдѣ были другіе жильцы, и находили сносными только итальянскія виллы, огражденныя восьмифутовыми стѣнами и скрытыя въ тѣни акацій и сирени, куда не достигалъ стукъ экипажей, проѣзжающихъ арку Звѣзды. У этихъ дамъ были свои замки. Онѣ уѣзжали изъ Парижа въ Аркашонъ, Біаррицъ, Виши или По, тотчасъ же по окончаніи сезона. Эти счастливицы оказы-

Digitized by Google

вали покровительство Амаліи съ такимъ видомъ, что у нея поднималась вся жолчь; за это вознагражденіемъ ей было только то, что она могла хвастать ихъ дружбой въ разговорахъ со своими менѣе знатными знакомыми.

Въ этотъ вечеръ Амалія тоже была обязана одной изъ своихъ прежнихъ подругъ удовольствіемъ слушать одну изъ лучшихъ оперъ-буффъ. Графиня де-Шарльруа имѣла ложу два раза въ недѣлю, но часто не ѣздила въ театръ по какой нибудь фантазіи. Но для сердца, удрученнаго тоской, офенбаховскія мелодіи—плохое утѣшеніе.

— Какая противная эта музыка! и какъ можетъ публика глазѣть каждый вечеръ на эту женщину, которая носитъ бриллианты вмѣсто платья? сказала нетерпѣливо Амалія во время представленія „Герцогини Герольштейнской“. Она осмотрѣла въ бинокль весь театръ, питая слабую надежду увидѣть Измаила между зрителями.

— Ты не должна бы, мама, возить насъ на такія представленія. Это можетъ намъ повредить, если насъ будутъ здѣсь видѣть, сказала она, откидываясь на спинку кресла.

— Интересно знать, что̀ бы ты сказала, еслибы я оставила тебя дома? возразила мать, стянутая лиловымъ шолковымъ платьемъ, добытымъ изъ распродажи въ Луврѣ, перешитымъ дешевой портнихой и украшеннымъ кружевами, принадлежавшими матери Жарзе. Эти кружева, работы фламандскихъ монахинь, штопались такъ часто, что въ нихъ не было непочиненнаго мѣстечка. — Всѣ берутъ сюда своихъ дочерей, и если тебя не будутъ видѣть въ модныхъ театрахъ, то ты рискуешь не обратить на себя вниманія ни одного богатаго человѣка въ Парижѣ.

Амалія пожала плечами и съ нетерпѣливымъ вздохомъ отвернулась отъ сцены. Тотъ, чье вниманіе она желала бы привлечь, не былъ въ этомъ театрѣ. А безъ него для нея весь свѣтъ казался пустыней.

Digitized by Google

Часть третья.

I.

Не часто Парижъ былъ театромъ такихъ сценъ и такого великолѣпія, какими онъ славился въ началѣ лѣта 1867 года.

Можетъ быть, на дальнемъ востокѣ какой нибудь индійскій городъ, древній Бенаресъ или многобашенный Дели болѣе блистали золотомъ, драгоцѣнностями и великолѣпными процессіями, на которыхъ удивляли всѣхъ роскошные восточные паланкины, слоны въ богатыхъ попонахъ, троны, украшенные павлиньими перьями, тюрбаны, горящіе рубинами и брилліантами—всѣ эти зрѣлища слишкомъ ничтожны въ историческомъ значеніи и въ сравненіи со съѣздомъ западныхъ государей, вельможъ, военачальниковъ, финансистовъ и политиковъ. Это было великое собраніе коронованныхъ особъ, владыкъ цивилизованнаго міра, собравшихся, повидимому, для удовольствія, и изъ которыхъ каждый искалъ только случая воспользоваться благопріятными обстоятельствами и не забывалъ собственной выгоды въ политическомъ отношеніи.

Русскій императоръ пріѣхалъ первый, въ сопровожденіи двухъ великихъ князей; за нимъ—Вильгельмъ прусскій, покрытый славою побѣды, о держанной пока надъ французской дипломатіей въ переговорахъ о люксембургскомъ вопросѣ. Подлѣ короля-воина, въѣхавшаго въ Парижъ въ открытой коляскѣ, сидѣли два представителя прусскаго королевства—генералъ Мольтке и канцлеръ Бисмаркъ. Кто могъ угадать замыслы политическаго дѣятеля въ его большихъ, на выкатѣ, сѣроголубыхъ глазахъ, блестѣвшихъ умомъ,—замыслы, скрываемые подъ простодушной улыбкой?

Востокъ тоже прислалъ своихъ представителей для увеличенія царственнаго собранія. Широкое, степенное лицо съ серьезными глазами выдавалось среди державныхъ особъ. Египетскій вице-король пріѣхалъ посмотрѣть, что за народъ французы. Даже далекая Японія имѣла здѣсь своего представителя въ лицѣ брата ея свѣтскаго владыки. Пріѣхали и иностранные принцы взглянуть на выставку и повеселиться въ этотъ сезонъ, казавшійся долгимъ пиромъ. Прибыли англій-

Digitized by Google

скій наслѣдный принцъ, молодой, красивый, любимецъ высшей аристократіи, популярный между народомъ; молодые прусскіе принцы, которые, три года позднѣе, явились во Францію врагами, оставляя за собою смерть, пожары и развалины; наслѣдный принцъ Оранскій, принцъ бельгійскій и множество владѣтельныхъ герцоговъ и принцессъ.

Никогда городъ не видалъ такого собранія земнаго величія, такого безпрерывнаго праздника. Могущество императора, милліоны, сыпавшіеся изъ рукъ префекта Гаусмана, сдѣлали Парижъ городомъ дворцовъ, мѣстомъ, гдѣ даже памятники и статуи прошлаго времени были реставрированы, чтобы быть подстать новымъ бульварамъ. Парижъ былъ перестроенъ и распланированъ для удовольствія и роскоши. Онъ удивлялъ блестящею линіею бульваровъ, величественными зданіями отъ Бастиліи до Елисейскихъ Полей, двойнымъ рядомъ монументальныхъ построекъ, театровъ, ресторановъ всякаго рода и достоинства... Шумъ голосовъ, взрывы хохота, музыка, чоканье стакановъ слышались вездѣ отъ утра до полуночи; яркая иллюминація по вечерамъ заливала городъ. Чужестранцы были ослѣплены этимъ великолѣпіемъ, но подъ нимъ скрывалось что-то роковое; грозная туча нависла надъ императорскимъ дворцомъ: гибли тысячи людей и милліоны въ Мексикѣ—безславіе, нравственный упадокъ страны обнаруживались съ каждымъ днемъ. Иностранцы видѣли тучи при ясномъ небѣ, думали о предстоящемъ паденіи побѣжденнаго Парижа, предугадывали, что даже по улицамъ этого города потечетъ кровь, что эти бѣлые камни будутъ вырваны и скучены для возведенія баррикадъ, на которыхъ братъ будетъ биться противъ брата, въ пылу междоусобной войны. Но теперь виденъ былъ только блескъ міроваго карнавала, слышались звуки музыки на международномъ праздникѣ.

Однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ зрѣлищъ этого блистательнаго сезона былъ парадъ императорской гвардіи въ Булонскомъ лѣсу. Шестьдесятъ тысячъ человѣкъ подъ командой маршала Канробера собрались на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Вильгельмъ прусскій, присутствовавшій теперь, какъ гость и союзникъ, три года спустя, дѣлалъ смотръ своимъ собственнымъ полкамъ, при мрачномъ отчаяніи сдавшейся столицы.

Digitized by Google

Въ густой толпѣ, покрывающей поле, ландо леди Констанціи было стиснуто экипажами, недалеко отъ императорскаго кружка. На передней скамейкѣ, противъ леди, съ большимъ букетомъ дижонскихъ розъ, сидѣла Амалія въ прелестномъ, почти дѣтскомъ костюмѣ, съ розовыми бутонами на шляпкѣ сливочнаго цвѣта. Она очутилась здѣсь, благодаря маленькимъ случайностямъ, которыя дѣвушки этой эпохи умѣли устраивать заранѣе, но никакъ не по собственному желанію владѣтельницы ландо.

Бѣдная госпожа Жарзе и Гортензія сидѣли въ извощичьей викторіи, довольно приличной, какъ и всѣ извощичьи экипажи, которые въ праздничные дни переполнены семействами мѣщанъ или особами, только что вступившими на арену полусвѣта. Амалія, среди цвѣтовъ и въ прекрасномъ экипажѣ, любезно улыбалась женщинѣ, которую ненавидѣла болѣе всего на свѣтѣ.

Она поставила леди Констанцію въ такое положеніе, что та была вынуждена пригласить ее, и Амалія торжествовала: цѣль оправдываетъ средства. Что же касается до Констанціи, то, разъ допустивъ упросить себя, она больше не думала объ этомъ. Амалія была элегантна, какъ принцесса австрійскаго дома, бывшая въ то время свѣтиломъ парижскаго общества и о которой Тереза, звѣзда Альказара, сказала: „эта княгиня—такая же каналья, какъ и я“.

— Бѣдная мама! вздохнула Амалія, поднявшись и смотря въ лорнетъ. Она разглядѣла ее за пестрой толпой.—Я боюсь, что она и Гортензія ничего не увидятъ за облаками пыли и за этимъ противнымъ народомъ.

„Противный народъ“ составляли дамы, платья которыхъ, шляпки и обращеніе служили моделью для Амаліи.

— Какой величественный видъ у царя! продолжала она, повертывая голову къ императорской группѣ.

Леди Констанцію не занималъ державный кружокъ. Она искала въ толпѣ только одного человѣка, котораго видѣла нѣсколько разъ съ перваго апрѣля. Поступки его показывали, что онъ совершенно къ ней равнодушенъ. Но она думала иначе. Чуткія сердцемъ женщины понимаютъ чувства мужчины. Леди была увѣрена въ любви Измаила. Она дорожила бы имъ менѣе, еслибы онъ былъ явнымъ ея поклонникомъ.

Digitized by Google

Онъ могъ имѣть причины, отдаляться отъ нея, могъ раздумывать о неравенствѣ ихъ общественнаго положенія, сомнѣваться въ ней, какъ въ свѣтской женщинѣ, можетъ быть—кокеткѣ, и, чтобы увѣриться въ ней, выжидалъ болѣе благопріятнаго времени.

Это было не къ спѣху, тѣмъ болѣе, что она не выдала себя ни однимъ взглядомъ. Даже ревнивые глаза Амаліи ничего не могли открыть подъ маской самообладанія и непринужденнымъ обращеніемъ утонченно-воспитанной женщины. Измаилъ былъ однако недалеко. Онъ пробрался между экипажами къ ландо леди Констанціи. Амалія удержала его своей болтовней, покуда начался парадъ, и ему уже было трудно, за общимъ движеніемъ, возвратиться на свое прежнее мѣсто.

Онъ продолжалъ стоять подлѣ леди Констанціи, кланяясь время отъ времени съ проходившими и проѣзжавшими знакомыми, въ числѣ которыхъ были очень важные сановники.

— Вы никогда не служили въ арміи? спросила у него Констанція.

— Я не имѣлъ этой чести при началѣ моей карьеры, когда военная служба могла быть помѣхой на моемъ жизненномъ пути.

— Такъ вы не во всемъ были счастливы?

— Нѣтъ, леди Констанція, не во всемъ.

— А между тѣмъ васъ считаютъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ Парижѣ.

— Здѣсь счастіемъ называютъ богатство—все остальное, какъ неважныя подробности, мало безпокоитъ парижанъ. Мы—нація прогресса. Правленіе Луи-Филиппа имѣло правиломъ наживать деньги; императоръ идетъ еще дальше по этому пути: наживать деньги—какими бы то ни было средствами.

Эта тирада удивила Констанцію. Въ какой же періодъ своей жизни былъ несчастливъ этотъ великій подрядчикъ? Ея женское сердце отвѣчало, что, вѣроятно, причиною этого была любовь. Онъ полюбилъ неблагоразумно, несчастно—или смерть похитила ту, кого онъ любилъ, и рана его сердца еще не зажила подъ новымъ впечатлѣніемъ.

Великолѣпное зрѣлище въ продолженіе немногихъ часовъ кончилось при яркихъ лучахъ іюньскаго полуденнаго соли-

Digitized by Google

ца. Императорскіе экипажи тихо двинулись въ обратный путь. Кучеръ леди Констанціи приготовился слѣдовать за ними.

— Не подвезти ли васъ до Парижа? предложила леди Измаилу. Тотъ принялъ приглашеніе. Въ первый разъ пришлось ему сидѣть въ этомъ спокойномъ ландо, на тонувшемъ въ цвѣтахъ мѣстѣ Амаліи, которая помѣстилась подлѣ леди Констанціи.

Погода была великолѣпная. Лѣсъ, наполненный экипажами, нарядной толпой, блестящими люльми и шарлатанами, плутами и ихъ жертвами, спекуляторами, игроками, искателями приключеній всякаго рода, казался чѣмъ-то волшебнымъ— прикрытымъ внѣшнимъ лоскомъ.

Вдругъ, среди мѣрнаго шага лошадей, шума голосовъ, смѣха, плеска недалекаго каскада, со стороны императорскаго поѣзда донесся звукъ пистолетнаго выстрѣла. Всеобщій ужасъ и смятеніе овладѣли толпою.

„Что это такое?“ слышалось со всѣхъ сторонъ.—Покушеніе на жизнь вѣнценосца.

Толпа растерзала бы стрѣлявшаго Березовскаго на мѣстѣ, но полиція прикрыла и спасла преступника, нарушившаго спокойствіе страны, пріютившей его.

Въ смятеніи скакали во всѣ стороны офицеры, жандармы, полицейскіе, блистая золотомъ и перьями на каскахъ. Прошло довольно времени, прежде чѣмъ императорскій поѣздъ двинулся снова впередъ. Извѣстія, долетавшія до слуха Констанціи, были различны. Ея англійскій грумъ донесъ, что императоръ французовъ опасно раненъ. Одинъ изъ мимо проходящихъ сказалъ, что императрица Евгенія заслонила собою высокаго гостя, и пуля поразила ее прямо въ грудь; еще кто-то увѣрялъ, что молодому принцу прострѣлили голову. Измаилъ вышелъ изъ ландо, чтобы узнать обо всемъ на мѣстѣ происшествія, и возвратился съ извѣстіемъ, что пуля попала въ лошадь и слегка ранила одну даму, бывшую по другую сторону дороги.

Между тѣмъ экипажи могли теперь свободно проѣхать. Всѣ были живы и здоровы, и находились уже въ Елисейскомъ дворцѣ. Солнце склонялось къ западу.

— Я думаю, что могу предложить вамъ чашку чаю послѣ всей этой катастрофы? спросила Констанція, улыбаясь

Digitized by Google

Измаилу, пока ея ландо катилось между изгородей изъ акацій и магнолій и остановилось у подъѣзда ея дома. Но вы, можетъ быть, не любите чаю и желаете лучше отправиться на бульваръ выпить вашу порцію абсента?

— Я никогда не пью абсента и большой охотникъ до англійскаго чая.

— А у меня именно такой.

Измаилъ видалъ во многихъ знатныхъ парижскихъ домахъ картины, статуи, мраморный полъ, бархатъ, парчу, дорогія ткани изъ Персіи, Японіи и Китая; но гостинная леди Данетри съ будуаромъ, виднымъ въ широкую арку съ небрежно откинутой бархатной портьерой, показалась ему превосходящей все, что онъ когда нибудь видѣлъ. Это были изящныя комнаты, съ великолѣпнымъ піанино, съ низкими роскошными стульями съ книгами, портфелями рисунковъ и фотографій. Все было совсѣмъ не такое, какъ въ другихъ домахъ —цвѣты, письменный и рабочій столики, уголки въ тѣни, каминъ съ дорогими вазами—во всемъ видны слѣды женскаго вкуса, и при этомъ, какъ домашніе друзья, три собаки, лежащія на огромной шкурѣ полярнаго медвѣдя передъ широко открытымъ окномъ. Два высокихъ важныхъ лакея внесли столъ съ чайнымъ приборомъ—чайникъ въ видѣ урны стиля королевы Анны, старинныя англійскія чашки. Амалія граціозно раскинулась на низенькомъ стулѣ у ногъ леди Констанціи.

— Я нахожу, что англійское обыкновеніе пить чай въ пять часовъ—положительно прелестно! сказала она:—это самый пріятный часъ дня. Но я никакъ не ожидала, чтобы дѣловой человѣкъ, какъ мосьё Измаилъ, тратилъ свое драгоцѣнное время за чаемъ съ двумя дамами.

— Это первый разъ въ моей жизни, отвѣчалъ Измаилъ съ серьезной улыбкой, отъ которой его выразительныя черты просвѣтлѣли. — Но долженъ же быть оазисъ во всякой пустынѣ!

— Вы называете оазисомъ въ жизни это чаепитіе въ гостинной леди Констанціи? Вы, у котораго ключъ отъ всѣхъ самыхъ блестящихъ гостинныхъ?

— У меня нѣтъ такого ключа.

— О, у васъ золотой ключъ, отпирающій всѣ двери выс-

Digitized by Google

шаго круга. Вы и Ротшильдъ можете бывать вездѣ, дѣлать и говорить, что хотите. О, еслибы мой отецъ былъ такой же финансовый крезъ, а не вельможа съ небольшимъ жалованьемъ...

Она остановилась, чувствуя, что зашла слишкомъ далеко.

— Со всѣмъ тѣмъ, деньги—ничтожная вещь, продолжала она съ легкимъ вздохомъ:—на нихъ не купишь счастія. Я знаю нѣкоторыхъ изъ моихъ школьныхъ подругъ, которыя вышли за богачей, а несчастны. Избави Богъ отъ подобной участи!

— Но не всѣ ли теперь браки заключаются по разсчету? Я изучалъ этотъ вопросъ издали, какъ безпристрастный наблюдатель. Теперешніе браки, при второй имперіи, означаютъ только соединеніе двухъ доходовъ, а не двухъ сердецъ.

— Какъ вы можете видѣть подобныя вещи и не ужасаться? воскликнула Амалія.

Леди Констанція гладила одной рукой волнистую шерсть померанской собачки, а другой поддерживала свою головку, серьезная, спокойная—живое олицетвореніе женскаго безстрастія.

— До меня это не касается, возразилъ Измаилъ.—Я смотрю на это, какъ на ставку игроковъ—сердце или бриліанты? Самъ же я никогда не женюсь.

Ни малѣйшая тѣнь не пробѣжала по чертамъ леди; рука ея, ласкавшая собачку, продолжала гладить мягкую шерсть; въ глазахъ не выразилось никакого волненія. Лицо ея ничего не выдало. Но подъ этимъ самообладаніемъ и безстрастной наружностью, сердце этой женщины было поражено громовымъ ударомъ—рушились всѣ ея воздушные замки, исчезли надежды; казалось, она была поражена въ самое сердце.

Амалія получила не менѣе сильный ударъ, но не умѣла такъ хорошо скрыть свое чувство, по неопытности и по мелочности своей натуры.

— Это предвзятое рѣшеніе! вскричала она съ полуистерическимъ смѣхомъ.—Моя опытность хотя и не велика, но я слышала отъ многихъ мужчинъ и женщинъ, что они никогда не женятся или не выйдутъ замужъ. Печальные вдовцы и вдовы часто клянутся, что сердце ихъ похоронено вмѣстѣ съ

Digitized by Google

дорогими покойниками. А между тѣмъ тѣ, кто болѣе клянется, скорѣе другихъ вступаютъ въ новые браки.

— Есть люди, которые клянутся въ любви для того только, чтобы произносить клятвы. Но въ моей прошлой жизни были такія обстоятельства, что горькія послѣдствія ихъ дѣлаютъ для меня бракъ невозможнымъ. Вы можете быть увѣрены, что хоть разъ въ жизни мужчина сказалъ вамъ правду и что онъ сдержитъ свой обѣтъ.

Онъ взялъ шляпу и пожалъ руку Констанціи, которая привстала съ видомъ усталости, подавъ ему свою бѣлую, холодную руку. Молодая женщина замѣтила, что и его рука была холодна, какъ ледъ.

— Простите, если я васъ утомилъ моей эгоистичной бесѣдой, сказалъ онъ.

— Вы не утомили меня. Я всегда сочувствую моимъ добрымъ знакомымъ.

— Но вы блѣдны и кажетесь такой усталой.

— Да, солнце, пыль и шумъ немного утомили меня. Вотъ и все. Прощайте.

Прощайте, любовь, надежда, счастливая жизнь вдвоемъ! Все это заключалось въ одномъ словѣ, сказанномъ съ улыбкою.

— Она нисколько не была имъ занята, подумала Амалія, наблюдая за соперницей.

— Дорогая Амалія, если вамъ пора домой, то лошади ждутъ, чтобы васъ отвезти, сказала леди.—Имъ сегодня предстоитъ еще много ѣзды. Я должна обѣдать у англійскаго посланника, а потомъ пробыть нѣсколько времени на балу въ ратушѣ.

— Какъ вы добры, что заставили для меня стоять вашихъ лошадей! Я поѣду сейчасъ же, затараторила Амалія.— Вы говорите о балѣ, какъ о тяжеломъ бремени? А я слышала, что это будетъ самый блестящій балъ, какой только видѣли въ Парижѣ, и ничто не можетъ сравниться также съ тѣмъ баломъ, который завтра будетъ въ Тюльери. Папа говорилъ, что ему много будетъ хлопотъ съ устройствомъ этого праздника. Въ садахъ будетъ пять тысячъ водометовъ съ газовымъ освѣщеніемъ, бенгальскіе огни—однимъ словомъ, волшебное зрѣлище.

Digitized by Google

— Опытъ научилъ меня, что, пріѣзжая на такіе балы, сидишь часа три въ каретѣ, слушая перебранку кучеровъ, крики жандармовъ, отдающихъ невозможныя приказанія, прежде чѣмъ въ совершенномъ изнеможеніи доберешься наконецъ до бальной залы, устало проговорила леди.—Но, не смотря на все это, я думаю, что поѣду.

II.

Измаилъ повернулъ назадъ отъ императорскаго лѣса съ его виллами, садами и широкими аллеями.

Тріумфальная арка сіяла всѣмъ своимъ блескомъ при лучахъ заходящаго солнца. Луга, цвѣты, древесные листья и фонтаны были залиты золотистымъ свѣтомъ. Экипажи за экипажами катились на востокъ и на западъ, одни къ городу, другіе къ лѣсу, унося праздныхъ людей обѣдать въ рестораны подлѣ каскада. Грумы тѣснились въ толпѣ пѣшеходовъ, которая также, какъ и игрушечныя лавки, кондитерскія, Альказаръ, Павильонъ, была озарена блескомъ заката. Изо всѣхъ увеселительныхъ заведеній слышались пѣніе и музыка. Дѣти шумѣли, цвѣты благоухали, облака свѣтлой пыли клубились въ воздухѣ. Воздѣ было общее ликованье. Измаилъ скорыми шагами прошелъ сквозь толпу. Онъ не смотрѣлъ по сторонамъ и почти не замѣчалъ окружающаго веселья. Глаза его пристально глядѣли впередъ, ничего не видя. Онъ былъ очень блѣденъ, и въ сдвинутыхъ бровяхъ видна была твердая рѣшимость. Да, наконецъ онъ сказалъ гордой, прелестной и изящнѣйшей изъ женщинъ, что не можетъ искать ея руки,—сказалъ это для того, чтобы отдалиться отъ любимой женщины, хотя бы она была расположена снизойти до него и отвѣчать ему любовью. Судьба его была рѣшена: одиночество и самопожертвованіе.

Что же другое могу я сдѣлать? спрашивалъ онъ себя, пробираясь сквозь толпу къ широкому пространству, гдѣ были видны фонтаны, статуи и аллегорическое изображеніе Страсбурга въ видѣ мраморной дѣвушки въ коронѣ изъ башенныхъ зубцовъ, которые черезъ три года вѣнчала траурными гирляндами толпа, приносившая клятву сражаться за освобож-

Digitized by Google

деніе этого города отъ власти пруссаковъ, бывшихъ теперь гостями Парижа. Далѣе виднѣлись каштановые гроты, куда дѣти, играя, закидывали свои мячики; сіяющія окна, позолоченныя рѣшетки; а тамъ, за рѣкой, блисталъ золотой куполъ военнаго госпиталя, откуда слышался бой барабана, сзывающій солдатъ на покой. Измаилъ ничего не видѣлъ и шелъ еще быстрѣе по улицѣ Риволи, подъ тѣнью Лувра.... Развѣ онъ могъ не сказать, что никогда не женится? Онъ, бѣжавшая жена котораго могла быть жива и заявить на него свои права въ самый день свадьбы, еслибы онъ былъ настолько малодушенъ, чтобы вступить во второй бракъ, не удостовѣрившись въ ея смерти...

Не смотря на всѣ свои розыски, онъ однако ничего не могъ узнать о Пакеретѣ съ тѣхъ поръ, какъ она его покинула. Неизвѣстно, умерла она или жила въ нищетѣ, хотя въ этомъ послѣднемъ случаѣ она, вѣроятно, обратилась бы къ нему за помощью. Еслибы она жила въ роскоши, ее скорѣе можно было бы отъискать. Онъ такъ старался объ этомъ, но постоянно безъ успѣха.

Все это проносилось въ его мысляхъ—вездѣ былъ мракъ, и онъ сказалъ себѣ, что, при такихъ обстоятельствахъ, честный человѣкъ не можетъ вторично вступить въ бракъ. Онъ все еще мужъ Пакереты. Могъ ли онъ предложить руку леди Констанціи Данетри? Нѣтъ, онъ не сдѣлаетъ этого! Лучше страдать и отказаться отъ нея, лучше одиноко нести свое бремя до конца.

Миновавъ Палерояль, онъ прошелъ многолюдную, съ ярко освѣщенными магазинами, улицу Сент-Онорэ и продолжалъ идти по этому суетливому парижскому кварталу, который простирается вокругъ большихъ хрустальныхъ павильоновъ центральнаго рынка и старинной исторической церкви св. Евстафія. Тамъ когда-то земля на кладбищѣ des Innocents, пропитанная гнилью труповъ, послала заразу живымъ. Тамъ скученные въ огромномъ числѣ гробы развалились, трупныя испаренія проникли сквозь насыпи могилъ и заразили воздухъ, который проникалъ въ близь лежащія жилища, наполняя ихъ запахомъ мертвыхъ тѣлъ. На углу Пируэтской улицы, Измаилъ вошелъ въ нищенскій кабачокъ, гдѣ съ полдюжины блузниковъ пили и курили, при тускломъ освѣщеніи.

Digitized by Google

Онъ кивнулъ женщинѣ за прилавкомъ, прошелъ комнату и поднялся по винтовой лѣстницѣ. На верху его встрѣтилъ человѣкъ и спросилъ:

— Надеженъ ли ты?

— До Іерусалимской улицы,—отвѣчалъ Измаилъ, и вошелъ въ обширную комнату перваго этажа, откуда слышался шумъ голосовъ и несся ѣдкій табачный запахъ.

Эта комната была наполнена людьми всякаго возраста, вида и профессіи. Количество блузниковъ, съ загорѣлыми лицами и загрубѣлыми руками, преобладало надъ личностями въ потертыхъ сюртукахъ, но эти послѣдніе имѣли болѣе вліянія. Это были ораторы, энтузіасты, вѣрящіе, что клубъ Пролò, основанный еще въ 1831 году подъ другимъ названіемъ, можетъ измѣнить общественный порядокъ, уравнять состоянія, учредить народное правленіе, о которомъ французскіе рабочіе мечтаютъ, какъ только начинаетъ работать ихъ мозгъ.

Тринадцать лѣтъ назадъ, Измаилъ имѣлъ нѣкоторую власть въ тайномъ обществѣ, называемомъ „Отрепье“, изъ котораго сформировался клубъ Пролò. Измаилъ былъ на сторонѣ умѣренности и осторожности, а также и бережливости—добродѣтелей, дѣлающихъ рабочаго силою. Онъ пріобрѣлъ популярность, какъ рабочій, принадлежащій къ большинству блузниковъ, одѣтый только поопрятнѣе своихъ товарищей. Но пришло время, когда онъ сталъ носить сюртукъ, сдѣлался извѣстенъ, какъ богатый человѣкъ, и для него уже трудились рабочіе. Съ этого времени популярность его стала исчезать. Умѣренность его называли жестокосердіемъ, честность—отсталостью, на здравый смыслъ во всякомъ дѣлѣ смотрѣли, какъ на мѣщанскую хитрость, отъ которой разживаются и толстѣютъ на счетъ труда другихъ. Онъ спокойно переносилъ непріязнь своихъ бывшихъ товарищей, дразнилъ льва соціализма въ его берлогѣ—доказывалъ неправоту тѣхъ, кто требовалъ отъ государства болѣе, чѣмъ отъ своихъ хозяевъ. Дошло до того, что его встрѣчали бранью и свистками, бросали ему въ лицо его успѣхи, скромность и называли почти нечестнымъ. Онъ смѣло возсталъ противъ своихъ обвинителей, вызывалъ ихъ доказать какое нибудь несправедливое его дѣло, разбилъ ихъ доводы, но все таки пересталъ посѣщать этотъ клубъ. Сегодня, послѣ многихъ лѣтъ,

Digitized by Google

онъ опять въ него возвратился, вызванный письмомъ отъ лица всѣхъ членовъ Пролѝ, которые приглашали его разсмотрѣть основанія союза, предлагаемаго интернаціональнымъ обществомъ, основаннымъ въ 1862 году, одобряемымъ самимъ императоромъ и уже сдѣлавшимся силою въ цивилизованной Европѣ.

Собраніе было бурно. Нѣкоторые изъ членовъ чувствовали колебаніе своей извѣстности, ослабленіе своего вліянія. Соединеніе съ международнымъ обществомъ, которое имѣло трехъ начальниковъ и было вызвано водоворотомъ европейской демократіи, лишало значенія маленькій клубъ парижскихъ ораторовъ. У однихъ страдало самолюбіе, другіе уклонялись отъ соединенія ради принциповъ, возмущаемые желѣзной дисциплиной соціалистической теоріи Карла Маркса. Къ послѣднимъ принадлежалъ и Измаилъ.

Переступивъ послѣ семи лѣтъ порогъ этой комнаты, онъ пришелъ протестовать противъ предполагаемаго соединенія и сталъ въ группѣ у дверей, никѣмъ незамѣчаемый, покуда ораторъ кончилъ свою рѣчь. Тогда онъ спокойно пробрался сквозь толпу и взошелъ на трибуну. Онъ снялъ шляпу и посмотрѣлъ на собраніе. Онъ былъ выше на полголовы большей части присутствующихъ. Въ сюртукѣ его изъ тонкаго сукна, сшитомъ по послѣдней модѣ, была въ петлицѣ гарденія, въ воспоминаніе о леди Констанціи, носившей всегда на груди такой же цвѣтокъ при всякой ихъ встрѣчѣ. Одѣтый просто, но изящно, Измаилъ скорѣе былъ похожъ на сановника, чѣмъ на щеголя; мужественный видъ его внушалъ уваженіе даже крайнимъ демократамъ. Это былъ капиталистъ, буржуа, хозяинъ, ненавидимый пролетаріями, разбогатѣвшій трудомъ своихъ ближнихъ. Сердитое ворчанье пронеслось по комнатѣ, какъ отголосокъ отдаленнаго грома, потомъ пронзительный звукъ свистка раздался въ воздухѣ.

— Я не боюсь вашихъ свистковъ, друзья мои, сказалъ Измаилъ.—Но мнѣ грустно, что у васъ не достаетъ здраваго смысла. Я пришелъ не оправдывать капиталъ передъ трудомъ, права хозяевъ передъ правами ихъ рабочихъ:—это старый вопросъ. Я здѣсь—для протеста противъ сліянія этого маленькаго, но честнаго кружка съ самой испорченной и

Digitized by Google

гибельной ассоціаціей, которая когда либо угрожала цивилизованной Европѣ.

Это была смѣлая аттака, потому что въ 1867 году международный клубъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи. Къ нему принадлежали рабочіе всѣхъ націй. Онъ былъ на сторонѣ всеобщаго мира, обѣщалъ всѣмъ работу, открывалъ обширное поле для труда, предлагалъ блестящія перспективы равенства,—уничтоженіе стѣснительныхъ условій при устройствѣ кооперацій, изъятіе женщинъ отъ необходимости работать, свободное воспитаніе и всемірное просвѣщеніе. Интернаціоналка открывала Францію для нѣмецкихъ рабочихъ, давала субсидіи для странствованія по всей Европѣ,—для сообщенія съ другими націями. Интернаціональный союзъ такъ далеко простиралъ свои заботы, что занимающимся металлической работой обѣщалъ спеціальную помощь въ ихъ тяжеломъ трудѣ. Каждая фирма, уволившая члена международнаго клуба, записывалась въ черную книгу. Это и привело къ первому бунту рабочихъ въ Рубе, когда они уничтожили машины и сожгли фабрику.

Ассоціація давала большія льготы, повидимому, для общей пользы, но Измаилъ смотрѣлъ на это другими глазами и жалѣлъ увлекающагося химерами рабочаго. Онъ видѣлъ цѣль соціальнаго нѣмецкаго деспотизма и протестовалъ противъ него. Обличая Карла Маркса и его теоріи, онъ указалъ на заключавшуюся въ нихъ опасность, на ихъ ложь и непримѣнимость къ дѣлу. Большинство слушателей не имѣли понятія о Марксѣ и его системѣ, но многіе были предубѣждены противъ Измаила, ихъ бывшаго товарища, а теперь разбогатѣвшаго буржуа, врага рабочихъ. Его рѣчь вызвала бурю свистковъ и оскорбительныхъ возгласовъ. Но его густой, звучный голосъ покрывалъ каждое возраженіе. Твердо и неустрашимо стоялъ онъ передъ ними до конца. Потомъ полудружески, полупрезрительно кивнулъ тѣмъ, среди которыхъ очень немногіе были согласны съ нимъ, надѣлъ шляпу и оставилъ комнату.

Былъ десятый часъ, когда онъ входилъ въ перепутанныя старыя улицы Парижа. Освѣщенные часы св. Евстафія тускло выдѣлялись въ лѣтнихъ сумеркахъ. Это было чудное вре-

Digitized by Google

мя, когда ночь почти прозрачна. Старыя парижскія улицы приняли сѣрый оттѣнокъ, но не были мрачны.

Прошло минутъ десять, какъ Измаилъ оставилъ клубъ, когда слѣдившій за нимъ человѣкъ произнесъ тихимъ голосомъ, догнавъ его:

— Развѣ господинъ Измаилъ забылъ стараго члена клуба Пролò? Когда-то онъ давалъ ему деликатныя порученія.

Измаилъ быстро обернулся и увидѣлъ человѣка, котораго, тринадцать лѣтъ назадъ, зналъ за члена полупрофессіональнаго братства, занимающагося разъисканіемъ семейныхъ тайнъ—частнаго полицейскаго агента, помогавшаго ему разъискивать Пакерету. Этотъ человѣкъ странствовалъ по Франціи долгое время, дорого стоилъ Измаилу и возвратился безъ успѣшнаго результата. Онъ, повидимому, напалъ на слѣды, присылалъ обнадеживающія извѣстія, но кончилъ ничѣмъ. Измаилъ, заплативъ значительную сумму, не поручалъ ему ничего болѣе, считая его обманщикомъ. А теперь тотъ же человѣкъ, котораго онъ не видалъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ и о которомъ, по странной случайности, думалъ въ послѣдніе два часа, стоялъ передъ нимъ въ іюньскомъ сумракѣ, съ запахомъ абсента и нищенски одѣтый. Измаилу показалось, что онъ выпрыгнулъ изъ-подъ камней мостовой, чтобы отвѣтить на его мысль—выскочилъ изъ-подъ земли по его призыву, какъ злой духъ, вызванный жезломъ чародѣя.

Измаилъ презиралъ этого человѣка за его распущенность въ прошлые годы, но признавалъ въ немъ умъ и прозорливость, почему и обращался съ нимъ по товарищески, какъ бываетъ между людьми одинакихъ мнѣній, преданныхъ одному и тому же дѣлу. Со всѣмъ тѣмъ, пропасть между ними расширилась съ того времени. Измаилъ сталъ посѣщать общество, занялъ въ немъ мѣсто, приличное его богатству и способностямъ. Въ то время, когда онъ высоко поднялся на общественной лѣстницѣ, Дюмонъ,—такъ звали его бывшаго агента,—спустился до послѣдней ея ступени, до положенія бездомныхъ бродягъ, подонковъ Парижа, которые спятъ у дверей и подъ мостами, питаются, чѣмъ попало, и жизнь которыхъ проходитъ въ вѣчной игрѣ въ прятки съ полиціей.

Странный человѣкъ былъ этотъ Дюмонъ—странный потому, что, не смотря на истрепанный сюртукъ, грязную шляпу,

Digitized by Google

отсутствіе бѣлья и засаленный галстукъ, не смотря на слѣды пьянства и разврата, положившіе свою печать на его увядшее лицо, воспаленные глаза и багровыя губы,—видно было, что въ отдаленный періодъ своей жизни онъ былъ джентльменомъ. Интонація его голоса была приличная, нога съ высокимъ подъемомъ, черты лица тонки, руки дворянина. Онъ былъ такъ жалокъ, когда стоялъ въ этомъ сумрачномъ полусвѣтѣ, что его можно было принять за человѣка, недавно умершаго и оживленнаго какимъ нибудь чародѣйскимъ зельемъ.

— Что вы знаете о клубѣ Пролѣ? съ презрѣніемъ промолвилъ Измаилъ.

— Что знаю? я тридцать шесть лѣтъ былъ его членомъ и путеводнымъ свѣтиломъ — при основаніи общества, когда парижскіе рабочіе начали понимать, что іюльская революція не означала торжества соціализма, что имъ было не хуже подъ правленіемъ французскаго короля, чѣмъ въ то время, когда большой человѣческій резервуаръ въ предмѣстьѣ св. Антонія началъ волноваться. Въ тѣ дни была небольшая кучка людей, которая, разъ въ недѣлю, собиралась въ питейномъ домѣ на улицѣ св. Маргариты и называла себя клубомъ „Отрепья“ (La Loque). Я тогда былъ ораторомъ, г. Измаилъ, да, какъ передъ Богомъ! Я такой же былъ краснорѣчивый ораторъ, какимъ были вы сегодня. Я всегда вѣренъ былъ своимъ убѣжденіямъ, вѣренъ имъ и теперь. Это вы измѣнились, г. Измаилъ; вы разбогатѣли подъ правленіемъ деспота и отбросили заботу объ освобожденіи народа.

— Здѣсь не мѣсто говорить о политикѣ. Приходите ко мнѣ, въ мой домъ на Королевской площади, часа черезъ два. Тамъ мы поговоримъ, сколько вамъ угодно. Вы, однако, не въ блестящихъ обстоятельствахъ, Дюмонъ.

— Было бы очень странно, еслибы они были блестящи.

— Хорошо, я, можетъ быть, доставлю вамъ какое нибудь выгодное дѣло. А пока вы можете пообѣдать или поужинать.

— Это будетъ, по крайней мѣрѣ, новое ощущеніе, отвѣчалъ Дюмонъ, принимая наполеондоръ.

Черезъ два часа, онъ входилъ къ Измаилу въ большую комнату, обставленную тяжелыми дубовыми шкафами, наполненными книгами. Это была библіотека Измаила, мебли-

Digitized by Google

ровка которой состояла изъ прочныхъ дубовыхъ стульевъ и громаднаго стола, покрытаго бумагами, планами и рисунками. Двѣ большія лампы подъ абажурами освѣщали комнату.

— Садитесь, сказалъ Измаилъ, показывая на кресло у камина.—Два часа назадъ, вы сказали, что я не былъ вѣренъ моимъ собратамъ-рабочимъ? А я скажу вамъ, что я также имъ вѣренъ, сдѣлавшись богатымъ, какъ и въ то время, когда былъ бѣденъ. Но я не одобряю воззрѣній Карла Маркса и его интернаціоналки.

— И хорошо дѣлаете, отвѣчалъ гость:—они идутъ впередъ, уничтожая все на своемъ пути.

— Я не агитаторъ.

— Нѣтъ, вы богатый человѣкъ, капиталистъ; вы вѣрите въ ваше божественное право пользоваться трудомъ другихъ людей и накоплять колоссальное богатство съ помощью пота и мускуловъ вашихъ рабочихъ.

— Я не щадилъ ни собственнаго труда, ни головы, ни рукъ моихъ. Ни одна изъ работъ, которыя производятся другими въ моихъ предпріятіяхъ, не имѣла бы такого успѣха, еслибы не моя рука дала ей толчокъ.

— Да, но вы нажили милліоны, которые въ вашихъ рукахъ увеличивались, какъ комъ снѣга. Вотъ что Карлъ Марксъ и его общество имѣютъ въ виду прекратить—накопленіе барышей въ карманѣ одного человѣка. Почему основной камень свода будетъ брилліантомъ, когда другіе камни остаются простыми булыжниками?

— Можетъ быть, потому, что безъ этого главнаго камня арка распалась бы на части.

— Но мы будетъ устраивать арки на лучшихъ началахъ. Всякое большое предпріятіе будетъ дѣломъ цѣлаго общества, всякій будетъ участвовать своею работой и своимъ заработкомъ, для того чтобы получать барыши наравнѣ съ прочими. Каждая фабрика будетъ управляться такими же операціями. Богатство будетъ раздѣлено между всѣми равномѣрно.

— Это одна фантазія! перебилъ Измаилъ.—Даже вселенная образована изъ ядра, и всему должно быть основаніе, всеуправляющій умъ:—сегодня вы уравняете состоянія, а завтра же у того, кто поумнѣе, будетъ больше. Всегда будутъ богатые и бѣдные, при имперіи или при рес-

Digitized by Google

публикѣ. Сравняйте людей при восходѣ солнца — при закатѣ появятся уже различія. Что же касается до накопленія капиталовъ, на которое жалуются соціалисты, то капиталъ тоже служитъ связью и союзомъ. Въ операціяхъ труда частные риски недостаточны для окончанія предпріятія. Капиталистъ тоже рискуетъ тѣмъ, что скопилъ своимъ трудомъ, такъ какъ капиталъ—результатъ накопленнаго труда, и его рискъ тяжелѣе труда рабочихъ. Если ему будетъ угрожать разореніе, онъ одинъ долженъ бороться съ опасностью, побѣждать ее. Трудъ ему не поможетъ въ этомъ случаѣ. Можетъ ли толпа не распасться при раздѣлѣ барышей? Толпа, не гарантированная даже въ удовлетвореніи насущныхъ потребностей, не можетъ работать усиленно и стоять дружно другъ за друга. Но оставимъ разсужденія о политической экономіи. Вамъ нужно будетъ опять для меня поработать, какъ вы это дѣлали нѣсколько лѣтъ назадъ.

— Начать охотиться за вашей женою?

— Да. Мнѣ нужно знать, что сдѣлалось съ нею, жива ли она? А если умерла, то достаньте мнѣ удостовѣреніе въ ея смерти.

— Трудненько. Когда я, въ Марсели, напалъ на ея слѣдъ, какъ пѣвицы въ кафэ-ресторанѣ, близь набережной, то она три раза перемѣняла имя—дебютировала въ оперѣ въ Брюсселѣ, какъ дѣвица Калонь, играла со странствующей труппой, какъ мадамъ Севри, въ Марсели же явилась Бонитой. Она была звѣздой маленькаго общества въ кафэ-ресторанѣ, любимицей публики, состоявшей преимущественно изъ моряковъ всѣхъ націй и всѣхъ цвѣтовъ. Отвратительная трущоба! Ваша жена оставила Марсель, когда я открылъ ея тожество съ Бонитой—открытіе вы должны помнить: я сдѣлалъ его, разъискивая Гектора де-Вальнуа. Нелегкое дѣло! теперь онъ упалъ очень низко—эта отрасль благородной фамиліи, прибавилъ Дюмонъ съ безпредѣльнымъ презрѣніемъ.

— И за недѣлю прежде, чѣмъ вы пріѣхали въ Марсель, они оставили этотъ городъ на пароходѣ, отплывавшемъ въ Вальпарайзо. Вы послали агента вслѣдъ за ними, и ничего изъ этого не вышло, прервалъ нетерпѣливо Измаилъ. — Не собираетесь ли вы приняться опять за старое, съ такимъ же успѣхомъ?

Digitized by Google

— Я собираю по порядку нити, чтобы начать новые поиски, отвѣчалъ Дюмонъ.—Дайте мнѣ сообразить, г. Измаилъ. Прошло шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я слышалъ о вашей женѣ въ Марсели. Вальнуа былъ ей вѣренъ въ то время—въ горѣ и въ счастіи. Вы видите, было что-то искреннее въ ихъ страсти. Она пережила пустоту кармановъ, трудныя путешествія и невзгоды цыганской жизни. Онъ добывалъ деньги перомъ, она—своимъ хорошенькимъ голоскомъ. Иногда кто нибудь изъ нихъ былъ боленъ, часто оба были безъ копѣйки. Ихъ путь не былъ усыпанъ розами, но они были другъ другу вѣрны въ тѣ дни!

— Я пригласилъ васъ не для прославленія ихъ вѣрности. Вы слышали, что моя жена собиралась въ Вальпарайзо, и ничего не узнали съ тѣхъ поръ, какъ она отправилась туда. Надо начать розыски съ того времени, какъ исчезъ ея слѣдъ.

— Послѣ семи лѣтъ это будетъ не легко! Странно, что вы оставались такъ равнодушны къ исчезновенію вашей жены во всѣ эти годы, а теперь въ васъ вдругъ проявилось желаніе отыскать ее. Извините мою откровенность. Я говорю съ членомъ того же клуба, къ которому принадлежу.

— Жизнь полна странностей. Но вамъ незачѣмъ доискиваться причины моего желанія. Найдите мою жену или принесите мнѣ удостовѣреніе въ ея смерти, и я дамъ вамъ пять тысячъ франковъ сверхъ той суммы, которую вы получите за ваши труды и затраты.

— Мои затраты будутъ не маленькія. Я ничего другаго не вижу, какъ ѣхать въ Вальпарайзо. Гдѣ мѣстная полиція ничего не нашла, тамъ человѣкъ, воспитанный въ Парижѣ, можетъ имѣть успѣхъ. Мнѣ слѣдовало отправиться туда семь лѣтъ назадъ, но тогда вы какъ-то охладѣли къ этому предмету.

— Я былъ утомленъ неуспѣхомъ и понадѣялся на случай, думая, что если она останется безъ средствъ, то обратится ко мнѣ за помощью—также какъ и ея несчастная мать, которая пришла умереть домой на Сомбрёйльскую улицу.

Онъ проговорилъ тихо эти послѣднія слова, —скорѣе самому себѣ, чѣмъ Дюмону.

Отставной полицейскій вопросительно и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него.

Digitized by Google

— На Сомбрёйльской улицѣ? переспросилъ онъ.—Развѣ мать вашей жены жила на Сомбрёйльской улицѣ?

— Она родилась тамъ и умерла во цвѣтѣ лѣтъ. Я никогда не говорилъ, что жена моя была хорошаго происхожденія, а только увѣрялъ васъ, что она была невинна и простодушна, покуда мой другъ не соблазнилъ ея. Она была дочь народа, родилась отъ гризетки, убѣжавшей съ какимъ-то безъименнымъ негодяемъ. Дѣдъ моей жены былъ рабочій Лемуанъ, — пьяница, пропивавшій все, что зарабатывалъ. Удивительно, что такой нѣжный цвѣтокъ выросъ отъ такого дряннаго корня. Моя жена имѣла наружность и инстинкты знатной дамы. И говорятъ еще, что подобныя качества наслѣдственны!

— Она могла имѣть хорошую кровь со стороны отца, задумчиво произнесъ Дюмонъ.—Знаете вы что нибудь о немъ?

— Только то, что онъ подлецъ. Но довольно говорить о прошломъ. Мнѣ тяжело вспоминать объ этомъ. Найдите мою жену, если можете. Вамъ извѣстна награда.

— Она будетъ такая же и за удостовѣреніе о смерти вашей жены? съ легкой насмѣшкой спросилъ Дюмонъ.—Награда будетъ одинакова и за хорошія, и за дурныя вѣсти?

— За тѣ и за другія. Но я заплачу только за достовѣрныя свѣдѣнія.

III.

Многія молодыя дѣвицы, охотясь за мужьями, отказались бы отъ этой охоты послѣ сказаннаго Измаиломъ въ серьезномъ тонѣ, что онъ проживетъ и умретъ холостякомъ. Но чутье Амаліи, какъ хорошей гончей, не такъ скоро отвернулось отъ слѣдовъ желанной добычи.

Ее раздражали ревность и злоба на леди Констанцію, но она не отчаивалась и завела объ этомъ разговоръ съ Гортензіей, въ одну изъ откровенныхъ бесѣдъ—очень рѣдкихъ въ ихъ родственномъ соперничествѣ.

— Что нибудь да было въ его прошлой жизни, разсуждала Амалія, разсказавъ о маленькомъ эпизодѣ за чаемъ у леди Констанціи.—Какая нибудь низкая интрига, а, можетъ быть, и бракъ. Онъ былъ такой печальный, когда говорилъ, что никогда не женится,—точно человѣкъ, не смѣющій этого сдѣлать,

Digitized by Google

а не то, чтобы не желающій. Тутъ есть тайна, я увѣрена. Какъ странно, что всѣ такъ мало знаютъ о его прошломъ! Я спрашивала, у кого только могла, но получала всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ:—бывшій рабочій, трудившійся вмѣстѣ съ другими рабочими въ Бельвилѣ; вдругъ, семь лѣтъ назадъ, онъ явился съ капиталомъ. Ему были поручены перестройки въ Аньерѣ. Императоръ далъ ему орденъ по окончаніи большаго моста гдѣ-то на желѣзной дорогѣ въ Оверни. Всѣ признали его за великаго инженера своего вѣка; онъ страшно разбогатѣлъ и отъ другихъ предпріятій, къ нему стали съѣзжаться на обѣды. О частной его жизни, какъ видно, мало знаютъ.

— Что же знать объ ней? надменно промолвила Гортензія.—Какая можетъ быть частная жизнь рабочаго? завтракъ, обѣдъ, отдыхъ по субботамъ.

— Мнѣ нужно знать, былъ ли онъ женатъ въ то время?

— Парижскіе рабочіе рѣдко женятся, замѣтила Гортензія.

Напрасно молодая Жарзе дѣлала разныя предположенія и доискивалась узнать подробности отъ Измаила. Она была далека отъ истины. Но она рѣшилась начать снова охоту за нимъ, на томъ основаніи, что слова, хотя искреннія, могли и ничего не означать, быть простой эгоистической фразой, сказанной для того, чтобы придать себѣ интересъ.

— Онъ воображаетъ, полагаю, что мы всѣ умираемъ отъ любви къ нему, сказала она себѣ.

Въ слѣдующую среду, она написала ему маленькую записочку на самой модной бумагѣ съ нарисованными листочками на уголкахъ, написала щегольскимъ англійскимъ почеркомъ, напоминая о четвергахъ въ домѣ Жарзе, о которыхъ онъ забывалъ такъ долго. Постскриптумъ увѣдомлялъ, что леди Констанція Данетри обѣщала пріѣхать пораньше, такъ какъ будетъ пѣть дѣвица Бетти, которая произвела фуроръ въ кафэ-концертѣ въ Тампльскомъ предмѣстьѣ. Она пропоетъ знаменитую свою пѣсенку: „Отстегните мнѣ это“, которую она недавно имѣла честь пропѣть въ Тюльери предъ небольшимъ императорскимъ кружкомъ и была награждена за это дорогимъ браслетомъ, застегнутымъ на ея рукѣ державной особой.

Даже это искушеніе не привлекло Измаила. Онъ отвѣтилъ дѣвицѣ Жарзе вѣжливымъ письмомъ, въ которомъ объ-

Digitized by Google

яснилъ, что многочисленныя публичныя работы занимаютъ все его время и не позволяютъ пользоваться общественными удовольствіями. Тонъ письма былъ рѣшителенъ и заставилъ Амалію потерять всякую надежду.

— Что нибудь кроется въ основаніи всего этого, думала она.—Этотъ человѣкъ не можетъ жениться. А такъ какъ я ему видимо не нравлюсь, то, по крайней мѣрѣ, онъ не женится и на Констанціи.

Амалія, не смотря на свою досаду и разочарованіе, не была изъ того сорта женщинъ, которыя обрѣзываютъ волосы и одѣваются во вретище, когда имъ что нибудь не удается. Она была неспособна на такой поступокъ, особенно въ годъ международной выставки, когда Парижъ, столица удовольствій всего міра, былъ во всемъ блескѣ.

Потерпѣвъ неудачу съ Измаиломъ, она стала размышлять, не можетъ ли кто ее утѣшить изъ тѣхъ, которые за нею ухаживали? Самый усердный поклонникъ ея былъ Арманъ де-Кератри, молодой человѣкъ, занимавшій, по ея мнѣнію, почетное мѣсто въ литературѣ своимъ первымъ водевилемъ, имѣвшимъ большой успѣхъ въ „Палероялѣ“. Съ этого времени онъ только и дѣлалъ, что сочинялъ водевили. Наяву и во снѣ умъ его работалъ, придумывалъ комическія сцены изъ семейной жизни — ревность мужей, кокетство женъ, забавные обманы друзей.

Ему нравилась Амалія собственно потому, что она олицетворяла одинъ изъ палероялскихъ типовъ. Эта свѣтская дѣвушка могла служить моделью для молодыхъ женъ и легкомысленныхъ дѣвицъ. Онъ воспроизводилъ ея дерзость, напыщенность, сознаваемую или безсознательную, придавая всему этому только болѣе рѣзкія краски для сцены. Онъ любилъ ея общество и рѣдко пропускалъ четверги Жарзе, хотя другіе денди, ему подобные, и оказывали къ нимъ пренебреженіе. Онъ и Амалія часто шептались и хохотали въ уголкахъ, на что маменька Жарзе не обращала вниманія, такъ какъ Кератри не былъ изъ числа выгодныхъ жениховъ для ея дочерей.

— Они такъ давно знаютъ другъ друга, глупыя дѣти, восклицала она.—Они все равно, что братъ съ сестрой.

Пользуясь привилегіей драматическаго писателя, Кератри могъ бывать иногда даромъ въ театрѣ, когда зала не была пере-

Digitized by Google

полнена публикой, и въ подобныхъ случаяхъ молодой человѣкъ доставлялъ и семейству Жарзе это удовольствіе.

Амалія скоро пріобрѣла опытность въ оцѣнкѣ водевилей и помогала своему поклоннику своими замѣчаніями. Польщенный ея вниманіемъ, онъ принесъ новый водевиль, явившись къ жидкому чаю ея матери, и прочелъ молодой дѣвушкѣ послѣднюю сцену. Они уединились въ амбразурѣ открытаго окна, смѣялись и шутили, какъ хорошіе товарищи. Кератри обращался съ Амаліей, какъ съ молодымъ человѣкомъ, и не стѣснялся читать ей нѣсколько скабрезныя вещи. Нахохотавшись надъ послѣдней сценой, она съ петерпѣніемъ желала знать, когда пойдетъ эта пьеса.

— Не такъ-то скоро, отвѣчалъ Кератри.—Она должна прежде отправиться къ „красильщику“ для поправки. Этотъ человѣкъ глубоко изучилъ сценическій эффектъ, чего, кажется, я никогда не достигну. Это инстинктивное пониманіе—результатъ долгаго опыта въ театральномъ дѣлѣ. Онъ разобьетъ всѣ эти сцены, выкинетъ сотни моихъ удачнѣйшихъ строкъ, вставитъ полдюжину площадныхъ положеній и сдѣлаетъ все годнымъ для театра. Это немножко непріятно для моего самолюбія, но зато онъ отвѣчалъ за успѣхъ моего перваго водевиля; надѣюсь, что и этотъ будетъ имѣть ту же участь.

— Я не вѣрю, чтобы кто нибудь въ Парижѣ понималъ лучше васъ комическіе эффекты, сказала Амалія, широко раскрывъ свои голубые глаза и бросая на Армана одинъ изъ дѣтски-простодушныхъ взглядовъ, которые до тѣхъ поръ берегла только для Измаила.—Какъ бы я желала видѣть этого „красильщика“! прибавила она.—Очень любопытно посмотрѣть на такого субъекта.

— Очень. А также не менѣе интересно видѣть его жилище и костюмъ:—это нѣчто эксцентричное, но такова эксцентричность крайней бѣдности.

— Ахъ! вздохнула Амалія:—бѣдность не новость даже и на Елисейскихъ Поляхъ! только мы сохраняемъ наружный блескъ. А мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы видѣть этого бѣднаго „красильщика“!

— Немпорта?—это имя онъ самъ себѣ изобрѣлъ. Онъ когда-то написалъ „Мои бѣлыя ночи“, и я слышалъ, что его

Digitized by Google

настоящее—имя Гекторъ де-Вальнуа, хорошая провинціальная фамилія. Онъ никогда не говоритъ о своей прошлой жизни, куритъ, какъ дымовая труба, и, какъ мнѣ кажется, размягчаетъ свой мозгъ излишнимъ употребленіемъ абсента. Я отъ души жалѣю этого человѣка, который принадлежалъ къ хорошему обществу!

— Приведите его сюда когда нибудь.

— Привести невозможно! Онъ рѣдко выходитъ до сумерекъ:—у него нѣтъ приличнаго платья, а если ему предложить помощь, онъ вытолкнетъ всякаго на лѣстницу. Такъ онъ выбросилъ новую пару сапогъ, поставленную благотворительностью у его двери. Вы ничего не можете сдѣлать для падшаго ангела, подобнаго Жану Немпортъ.

— Чѣмъ больше вы о немъ разсказываете, тѣмъ сильнѣе я желаю его видѣть! воскликнула Амалія.

— Ничего нѣтъ легче, если вы добрый товарищъ. Я возьму васъ къ нему съ собою.

— Я всегда вашъ добрый товарищъ.

—Такъ я васъ завтра же представлю моему „красильщику". Скажите вашей мамашѣ что вы проведете утро съ леди Данетри. Васъ отпустятъ одну на такое близкое разстояніе, а то можете велѣть проводить себя вашей нянѣ. Вы отправите ее назадъ у подъѣзда леди Данетри, а сами подождете меня гдѣ нибудь по близости. Я буду караулить васъ и тотчасъ покажусь, какъ скоро вы останетесь однѣ. Я найду карету, увезу васъ въ Латинскій кварталъ, гдѣ вы увидите многолюбопытнаго. Потомъ мы вмѣстѣ позавтракаемъ въ студенческомъ ресторанѣ на Буль-Мишѣ.

— Буль-Мишъ?

— То есть бульваръ св. Михаила, прозванный такъ народомъ, вотъ и все. Послѣ завтрака мы пойдемъ къ Жану Немпортъ.

— Но это будетъ ужасно—идти одной съ вами.

— Съ другомъ-то? котораго вы знаете съ дѣтства?

— Завтракать съ вами въ ресторанѣ!

— Всякій долженъ ѣсть, когда голоденъ. Приходите, Амалія, вѣдь вы довѣряете мнѣ?

— Отъ всего сердца. Но въ свѣтѣ что скажутъ, если увидятъ насъ вмѣстѣ?

Digitized by Google

— Только то, что вы имѣете смѣлость поступать согласно съ убѣжденіями, какъ нью-йоркскія дѣвушки, невинныя, но самыя смѣлыя.

— Я приду, радостно улыбнулась Амалія.—Я закроюсь вуалью и буду имѣть смѣлость своихъ убѣжденій; я совершенно вамъ довѣряюсь.

Кератри былъ восхищенъ этой дѣвической откровенностью и, какъ всякій мужчина, польщенъ такимъ довѣріемъ.

Амалія объявила дома съ восьми часовъ, что она намѣрена провести день съ леди Данетри—онѣ уговорились объ этомъ, встрѣтившись на раутѣ. Немного поспорили о томъ, можетъ ли молодая дѣвушка идти безъ провожатаго по другую сторону Арки; но Жарзе отправился на службу, а няня была нужна дома, почему и рѣшили, что Амалія можетъ идти одна. Она одѣлась съ изящной простотой, что было ей больше къ лицу, чѣмъ самые блестящіе наряды:—платье изъ голландскаго полотна, прекрасно сшитое и свѣжее, два банта изъ пунцовыхъ лентъ для оживленія костюма, маленькая шляпка изъ темной соломки, украшенная красными ягодками, голландскій зонтикъ и длинныя шведскія перчатки, какія носили знатныя дамы того времени.

— Вы просто прелестны! вскричалъ Кератри, встрѣтивъ ее за Аркой, на большомъ, свѣтломъ пространствѣ, откуда начинаются аллеи Булонскаго лѣса.

— Но, надѣюсь, вы не находите, что я нарядилась мѣщанкой или гризеткой?

— Я никогда не видалъ васъ такъ изящно одѣтой.

Онъ нанялъ карету, помогъ сѣсть въ нее свой спутницѣ, немножко трусившей, не смотря на всю свою смѣлость. Она чувствовала, что многимъ рисковала въ случаѣ, еслибы кто нибудь ее узналъ. Поэтому она опустила вуаль и, подъ прикрытіемъ широкаго зонтика, старалась успокоиться. Карета шибко проѣхала по Альмской аллеѣ, переѣхала мостъ того же названія, Марсово поле, площадь Инвалидовъ и длинную, тихую Гренельскую улицу. Отсюда, незнакомыми ей улицами, Амалія доѣхала до сквэра передъ церковью св. Сюльпиція и потомъ поѣхала лабиринтомъ узенькихъ улицъ, которыя казались новымъ міромъ любознательной искательницѣ приключеній.

Digitized by Google

— Я не повезу васъ завтракать на Буль-Мишъ, сказалъ Арманъ.—Тамъ слишкомъ много народа, а лучше покажу вамъ самый старинный ресторанъ—парижскую древность, которая извѣстна лѣтъ пятьдесятъ и прославилась во время реставраціи—это „Пантагрюэль".

— Какое странное названіе! промолвила Амалія.

Карета остановилась передъ потемнѣвшимъ домомъ, и дѣвица Жарзе, первый разъ въ жизни, вошла въ популярный ресторанъ, посѣщаемый студентами и пролетаріями.

„Пантагрюэль" страшно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ, при Луи-Филиппѣ, Лемуанъ приходилъ туда узнавать о своей пропавшей дочери. Это было старое и довольно неизящное помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ обширныхъ, съ низкими потолками, комнатъ, заставленное множествомъ столиковъ, съ отдѣльнымъ прилавкомъ, покрытымъ листовымъ оловомъ. За нимъ сидѣла хозяйка дома весь день и большую часть ночи, между разноцвѣтными бутылками и стаканами, составляя центральный свѣтлый пунктъ среди окружающей ее темноты. Цолъ ресторана былъ вровень съ улицей, и входили въ него, переступивъ черезъ каменный порогъ. Внѣшній видъ „Пантагрюэля" теперь, какъ и прежде, былъ непривлекателенъ, но зато какая перемѣна внутри! „Пантагрюэль" сообразовался современемъ. Страсть къ роскоши и декоративности—эта общая манія второй имперіи—вкралась и въ студенческій ресторанъ. Онъ погрузился въ средневѣковый романтизмъ, въ теоріи Виктора Гюго, и сдѣлался страницей книги того добраго времени, когда самъ Вильонъ напивался здѣсь и угощалъ своихъ поклонниковъ, которые, каждый со своей кружкой вина, весело акомпанировали припѣву поэта.

Вотъ до какой степени „учености" достигъ „Пантагрюэль"! Теперь стѣны его были покрыты богатыми старинными коврами и украшены мѣдными канделябрами и руанскими издѣліями изъ глины. Готическіе фонари висѣли съ тяжелаго выпуклаго потолка; въ углу, за мѣдными скобами, стояли копья и мечи, какъ будто оставленные средневѣковымъ рыцаремъ, одѣтымъ въ сталь съ головы до ногъ. Нестройно звучащей нотой въ этой средневѣковой обстановкѣ казались столы краснаго дерева и фортепіано, стоявшее у стѣны, противъ прилавка; но этотъ анахронизмъ былъ извиняемъ ради комфорта. Сюда

Digitized by Google

собиралась богема литературы и художествъ—критиковать и предавать анаѳемѣ тѣхъ изъ своихъ бывшихъ собратовъ, которые сдѣлали карьеру. Эти непризнанные геніи являлись въ „Пантагрюэль“ въ изношенныхъ сюртукахъ и помятыхъ шляпахъ—цѣлый оборванный полкъ образованія и ума, люди, которые удачнѣе пробили бы себѣ дорогу въ свѣтѣ, еслибъ не были геніями. Эти мрачныя, въ рембрантовскомъ вкусѣ, комнаты, со слабымъ свѣтомъ, проникавшимъ сквозь разрисованныя оконныя стекла, удивляли Амалію. Она ожидала видѣть бѣдность, почти нищету,—и вдругъ передъ нею зала, достойная посѣщенія благороднѣйшихъ принцевъ. Только въ Луврѣ и въ отелѣ Клюньи видала она подобную обстановку.

Къ счастію, въ этотъ часъ бо́льшая часть студентовъ была въ университетѣ или въ госпиталяхъ, и здѣсь обрѣталось только немного гулякъ, такъ что Кератри и его спутница очутились почти одни въ залѣ. Онъ выбралъ столикъ въ амбразурѣ расписаннаго окна, посадилъ Амалію спиной ко входу въ залу, такъ что, еслибы комната и была наполнена посѣтителями, то имъ не видно было бы лица молодой дѣвушки,—развѣ только при ея выходѣ изъ залы.

Арманъ приказалъ подать бутылку шампанскаго къ завтраку, который былъ скоро и хорошо сервированъ, и Амалія заявила, что не завтракала лучше въ „Мезонъ-д'Оръ“ и въ „Кафе-Ришъ“, гдѣ ей случалось бывать передъ оперой на банкетахъ, даваемыхъ богатыми друзьями ея отца;—эти добрые друзья, казалось, для того и были рождены, чтобы угощать чиновниковъ обѣдами по два наполеондора съ персоны.

Она протестовала противъ шампанскаго, говоря, что ничего не будетъ пить, кромѣ кофе; но розоватая холодная пѣна вина въ хрустальномъ фламандскомъ стаканѣ прельстила ее, и она призналась, что это очень вкусно и очаровательно холодно.

— Вы должны помочь мнѣ выпить эту бутылку, сказалъ Арманъ:—иначе я напьюсь до того, что упаду подъ столъ, и вамъ придется заплатить по счету.

— Это невозможно, отвѣтила Амалія, кошелекъ которой былъ постоянно пустъ.—Я не взяла съ собою денегъ и останусь здѣсь въ залогъ.

— Но это очень опасно, и потому лучше исполните мою просьбу.

Digitized by Google

Амалія исполнила ее и выпила полный стаканъ блѣднаго душистаго напитка. Было жарко въ концѣ іюня, и холодное шампанское пріятно прохлаждало.

Арманъ безъ труда кончилъ бутылку. Молодая парочка, не спѣша, лакомилась клубникой и пила кофе. Арманъ заплатилъ по счету, который свѣтская барышня нашла чрезвычайно малымъ, и они вышли изъ „Пантагрюэля“. Карета была отослана, и они пошли пѣшкомъ.

— Какое пріятное мѣсто этотъ „Пантагрюэль“, замѣтила Амалія.

— Очень. Знаете ли вы, что въ 1832-мъ году этотъ тихій, старый ресторанъ былъ мѣстомъ сборища соціалистовъ. Возмущеніе въ томъ году было на половину подготовлено здѣсь.

Но Амалію не интересовала исторія. Она знала, что была революція, что много головъ отрублено въ 1793-мъ году. Эти факты были хорошо ей извѣстны, благодаря романамъ и драмамъ. Она знала, что была смута, называемая правительственнымъ переворотомъ, и что происходило въ Парижѣ нѣчто непріятное, когда она была еще ребенкомъ. Но тѣмъ и оканчивались ея историческія свѣдѣнія.

Они прошли узкую улицу за Люксембургомъ—улицу съ зловонными испареніями отъ канавъ и съ плохенькими домишками, у которыхъ ни одно окно, ни одна крыша не были похожи на другія. Строенія эти явились совершеннымъ антиподомъ высокихъ однообразныхъ зданій перестроеннаго Парижа, который былъ такъ хорошо знакомъ Амаліи. На этой улицѣ встрѣчались кабаки, лавочки, бѣдныя молочныя, и въ этой же улицѣ съ испорченнымъ воздухомъ жилъ и „красильщикъ“.

Кератри остановился со своей спутницей у низкой двери. Потомъ они вошли въ узкій коридоръ, пропитанный запахомъ табаку и капусты. Постоянно кипящій котелокъ съ супомъ переходитъ отъ отца къ сыну, также какъ и вестъ-индская шаль иногда бываетъ наслѣдіемъ нѣсколькихъ поколѣній.

— Что за ужасный вертепъ! вскричала Амалія, пряча носъ въ свой надушенный платокъ.

Лѣстницы были еще хуже и казались безконечными. Жанъ Немпортъ жилъ въ пятомъ этажѣ, но Амаліи показалось, что надо было взбираться, по крайней мѣрѣ, въ двадцатый этажъ, какъ на вавилонскую башню. Въ отворенныя на площадкахъ

Digitized by Google

двери слышались простонародныя фразы, напоминавшія смѣшеніе языковъ.

— Что за ужасное мѣсто! повторила она, усталая и запыхавшаяся, взойдя наконецъ на площадку пятаго этажа съ почернѣвшимъ потолкомъ и крошечнымъ тусклымъ окошкомъ. Я не могу себѣ представить ничего болѣе отвратительнаго.

— Меблированныя комнаты,—холодно отвѣтилъ ея спутникъ.—Я вижу, это новость для васъ. Но вы не можете и вообразить себѣ, какія еще бываютъ дешевыя помѣщенія у парижанъ.

— Чудовищнѣе этого ничего не можетъ быть,—съ увѣренностью проговорила свѣтская барышня.

— Еслибы вы видѣли, какъ живутъ подонки общества! Это еще сносныя квартиры, жилище честнаго труда. Здѣсь нѣтъ удобствъ, но все, въ нѣкоторомъ родѣ, прилично.

— Не запахъ только, протестовала Амалія, защищая платкомъ свой носъ.—Атмосфера этихъ лѣстницъ положительно убійственна. И вы дѣйствительно приходите часто къ этому человѣку?

— Такъ часто, какъ только имѣю въ немъ нужду. Онъ гордъ, какъ Люциферъ, и не пойдетъ ко мнѣ, отвѣчалъ Кератри, подходя къ двери „красильщика“. На голосъ: „войдите“, онъ повернулъ дверную ручку и вошелъ. Амалія замѣшкалась, боясь за нимъ слѣдовать.

— Доброе утро, другъ. Я привелъ съ собою мою кузину—надѣюсь, вамъ это не будетъ непріятно? ласково началъ Кератри.

— Если пора, въ которой я живу, не противна барышнѣ, то и она мнѣ не мѣшаетъ, отвѣчалъ литераторъ.

Голосъ его былъ хриплый, какъ у человѣка, легкія котораго попорчены виномъ и табакомъ, но тонъ его былъ благороденъ. Онъ всталъ, съ пѣнковой трубкой въ рукѣ, и поклонился гостямъ. Онъ былъ страшно худъ, съ остатками бѣлокурыхъ съ просѣдью волосъ, со всклоченной рѣдкой бородой, съ мертвеннымъ цвѣтомъ лица, съ краснымъ оттѣнкомъ во впалыхъ глазахъ. Когда-то онъ былъ если не красавецъ, то изященъ и интересенъ. Теперь на нѣсколько сгорбленной костлявой фигурѣ его былъ надѣтъ широкій сюртукъ, когда-то щегольской, но отъ долгаго употребленія

Digitized by Google

вылинявшій до цвѣта орѣховаго листа, долго лежавшаго въ помойной ямѣ. Руки его лучше сохранились, хотя прозрачная блѣдность ихъ напоминала мертвеца. Амалія, привыкшая съ дѣтства видѣть вокругъ себя здоровыя физіономіи, невольно отшатнулась отъ этой человѣческой развалины.

— Я принесъ вамъ послѣднюю сцену, сказалъ Кератри.— Не затрудняйтесь высказать ваше мнѣніе при этой дѣвицѣ. Она знаетъ, чѣмъ я обязанъ вашему сотрудничеству, хотя мнѣ и не слѣдовало бы такъ говорить.

— Отчего же? возразилъ человѣкъ, называвшій себя Jean-N'importe.—Если ваша пьеса заслужитъ лавры, я не попрошу у васъ ни одного листка изъ нихъ. Мнѣ нужно только жить— у меня нѣтъ собственныхъ идей въ продолженіе послѣднихъ семи лѣтъ, но я могу передѣлать мысль другаго и передать ее, какъ слѣдуетъ. Я не могу самъ пользоваться цвѣтами фантазіи, и хотя забылъ, какъ улыбаются, но еще могу составить фразу такъ, что весь театръ расхохочется... Не хотите ли стаканъ абсента? — показалъ онъ на бутылку съ сѣроватой жидкостью и, когда Кератри отказался, налилъ этого напитка въ стаканъ и дополнилъ его водой.

— Теперь еще рано для абсента, замѣтилъ гость.

— Не рано для жизни, а я не могу жить безъ этого,— отвѣчалъ Жанъ Немпортъ. Онъ развернулъ рукопись, окунулъ въ чернильницу кончикъ пера и началъ читать.

Его пониманье и замѣчанія были удивительно метки, хотя рука, державшая перо, дрожала, какъ осиновый листъ. Онъ подчеркивалъ, зачеркивалъ, прибавлялъ фразу здѣсь, слово тамъ, перечеркнулъ своимъ безжалостнымъ перомъ цѣлую страницу разговоровъ, вставлялъ остроты также легко, какъ другой—пустыя фразы. Амалія смотрѣла съ полуоткрытымъ ртомъ, удивлялась и нѣсколько негодовала, что съ сочиненіемъ ея друга обращаются такъ безцеремонно. Но, со всѣмъ тѣмъ, она была поражена этимъ геніемъ съ дрожащими руками и съ измятой бородой. Почти съ часъ, Немпортъ работалъ надъ заключительной сценой новаго водевиля. Нахмуренный лобъ его ни разу не прояснился. Онъ почти все измѣнилъ—мужа посадилъ въ шкафъ, откуда тотъ услышалъ объясненіе любовника, субретку спряталъ за портьеру въ

Digitized by Google

критическую минуту, пустилъ въ ходъ любовное письмо, прихватилъ старинной драматической постановки на сценѣ „Палерояля".

— Я думаю, что это хорошо, сказалъ онъ, заканчивая.—Я долженъ спѣшить, потому что въ два часа у меня свиданіе съ однимъ господиномъ Фридрихомъ, для котораго я долженъ разъиграть роль Вольтера.

— Съ поэтомъ, стихи котораго вы поправляете?

— Поправляю, да—а часто и совсѣмъ передѣлываю изъ любви къ музамъ. Онъ платитъ болѣе, чѣмъ вы, но зато и работать для него труднѣе. Я самъ былъ поэтъ когда-то, и божественное пламя ярко вспыхивало въ тѣ дни. Но теперь сухая работа вызываетъ искры изъ золы только по заказу. А прежде я никогда не могъ писать по заказу и былъ бы богатымъ человѣкомъ, еслибы мой Пегасъ захотѣлъ еще послужить мнѣ.

Онъ выпустилъ большой клубъ табачнаго дыма, и сидѣлъ съ минуту неподвижно, положивъ руку на тетрадь. Глубокая задумчивость была въ его глазахъ: онъ думалъ о развалинахъ своей прежней блестящей жизни, которая могла покрыться славой, но была легкомысленно растрачена,—была усыпана цвѣтами, но теперь поросла крапивой.

— Вы ожидаете гостя въ два часа? спросила съ безпокойствомъ Амалія.—Что же вы объ этомъ прежде не сказали? прибавила она, обращаясь къ Кератри и беря свой зонтикъ.—Мы можемъ встрѣтить кого нибудь изъ нашихъ знакомыхъ на этой ужасной лѣстницѣ.

— Не бойтесь, никто изъ Латинскаго квартала не знаетъ васъ, спокойно возразилъ Арманъ.

— А если знакомый и узнаетъ, что же изъ этого? спросилъ Жанъ Немпортъ, насмѣшливо улыбаясь.—Посѣтить литературнаго отшельника въ его кельѣ не преступленіе—и еще съ вашимъ двоюроднымъ братомъ.

— Прошу васъ, пойдемте,—умоляла Амалія, смѣлость которой совершенно испарилась. Для нея было довольно скучно сидѣть, играя ручкой зонтика, и любоваться на плохую обстановку поэта—красный кирпичный полъ, истертую софу, которая не могла служить мѣстомъ отдохновенія, потому что на ней была навалена куча книгъ, бумаги, платья, всякой рухляди оди-

Digitized by Google

нокаго, неопрятнаго хозяина. Окно, выходящее на крышу, на которомъ не было ни цвѣтка, ни зелени; закоптѣлая стѣна съ начерченными углемъ эскизами; паутина на потолкѣ—все представляло не слишкомъ заманчивый видъ для дѣвушки, привыкшей къ позолоченнымъ карнизамъ, окнамъ со штофными драпри и къ видамъ на открытое пространство, на зелень, цвѣты и фонтаны.

Новость приключенія возбудила ея нервы, какъ шампанское въ „Пантагрюэлѣ“, но она имѣла время раскаяться и подумать о послѣдствіяхъ своей шалости. Собственно дурнаго тутъ ничего не было, но въ парижскомъ обществѣ не принято, чтобы дѣвушки пользовались такою же свободою, какъ въ Нью-Йоркѣ, и объ ея похожденіяхъ могли толковать дней десять.

Перо „красильщика“ забѣгало опять, поправляя послѣдніе куплеты, а Арманъ былъ поглощенъ созерцаніемъ этого пера, уничтожавшаго его стихи. Амалія нетерпѣливо дотронулась до его плеча своимъ зонтикомъ.

— Пожалуйста, проводите меня домой, умоляла она. — Намъ нельзя ждать прихода гостя. Я не желаю ни за что на свѣтѣ, чтобы меня увидѣли.

Слишкомъ поздно! Въ неплотно притворенную дверь постучались, и томный голосъ протянулъ:

— Атмосфера на вашей лѣстницѣ, мой другъ, заразительнѣе, чѣмъ во всемъ Парижѣ. Удивляюсь, какъ вы не заболѣете горячкой?

— Боже! задыхаясь, прошептала Амалія, узнавъ протяжное произношеніе съ оттѣнкомъ напыщенности.—Это Понпартріанъ! Онъ не долженъ меня видѣть, а то разскажетъ все мамѣ и Гортензіи. Спрячьте меня, ради Бога!

Она дико озиралась на занавѣски, шкафъ и на внутреннюю комнатку,—гардеробную литератора. Тамъ хранились изношенный сюртукъ, старое пальто—остатки того времени, когда существовали гандены, и Жанъ Немпортъ былъ однимъ изъ нихъ.

Но этотъ уголокъ не былъ ничѣмъ прикрытъ, только въ углу комнаты была лѣсенка, ведущая на верхъ. Жанъ Немпортъ показалъ, усмѣхаясь, на эту лѣсенку.

Амалія бросилась къ ней и взобралась на нее также

Digitized by Google

быстро, какъ клоунъ въ волшебныхъ пьесахъ, играемыхъ въ Шатлэ. Она не знала, куда вела эта головоломная лѣсенка, но готова была пробраться на крышу, среди трубъ, только бы скрыться отъ Поншартріана. Арманъ послѣдовалъ за нею по скрыпучимъ ступенькамъ, и они спрятались, когда Жанъ Немпортъ непринужденно перешелъ комнату.

— Минутку, другъ, и я къ вашимъ услугамъ,—произнесъ онъ, зѣвая, какъ человѣкъ только что проснувшійся.

— Вы спали? рѣзко спросилъ виконтъ, входя въ комнату.—Но я вижу абсентъ въ два часа! Знаете ли, что вы размягчаете вашъ мозгъ каждымъ глоткомъ этой вредной смѣси?

— Что-жъ изъ этого? когда дѣло разрушенія окончится, я перестану страдать. Зачѣмъ человѣку удерживать свою способность мыслить, если память напоминаетъ ему одни страданія и дѣлается складомъ несчастнаго прошлаго, когда воображеніе не находитъ никакого просвѣта въ будущемъ?

— Это дурная мысль человѣка, погрязшаго въ абсентѣ, съ предвзятымъ намѣреніемъ потопить въ немъ свой разумъ, проговорилъ съ пафосомъ маленькій поэтъ.—Вы ужасный циникъ, де-Вальнуа, но у васъ великолѣпныя идеи. Подумали ли вы обо мнѣ въ послѣднее время?

— Да, я написалъ нѣсколько стиховъ, между полуночью и утромъ—плохихъ, конечно, но которые годятся для васъ, съ пренебреженіемъ отвѣтилъ циникъ.

Виконтъ сѣлъ на стулъ, снялъ перчатки и облокотился съ дѣловымъ видомъ, нимало не подозрѣвая, что пара коварныхъ голубыхъ глазъ слѣдила за нимъ въ щель потолка.

— Хорошо. Теперь посмотримъ ихъ вмѣстѣ, сказалъ виконтъ.—А поправили вы тѣ стихи, что я вамъ намедни принесъ? Они немножко рѣзки, можетъ быть, но полны сильныхъ идей.

— Нѣтъ. Я много трудился надъ ними, но ваши опыты, право, очень плохи—версификація невозможная, а что до идей—я нашелъ только двѣ: одну, взятую изъ Гейне, а другую—изъ Боделэра. Мнѣ очень жаль, мой милый виконтъ, но вашъ собственный талантъ никуда не годится. Парижская публика и пресса уважаютъ, конечно, свѣтскаго человѣка и дворянина, но подобное риѳмоплетство имъ не нужно.

Digitized by Google

— Вы откровенны, по крайней мѣрѣ, замѣтилъ глубоко оскорбленный виконтъ.—Еслибы вы сами написали эти стихи, то были бы о нихъ лучшаго мнѣнія.

— Можетъ быть. Нѣтъ урода, котораго не любила бы его мать.

— Эти строфы вылились изъ моего сердца.

— Такъ не изливайте ничего изъ вашего сердца. Займитесь дѣломъ, виконтъ. Я старался что нибудь сдѣлать изъ вашихъ стиховъ, провести одну или двѣ мысли въ этомъ хаосѣ словъ, но безуспѣшно. Если вы нуждаетесь въ поэзіи, то довольствуйтесь готовой, какъ та, изъ которой вы сдѣлали идиллію о мертвой собакѣ на берегу, доставившую вамъ, по вашимъ словамъ, такой успѣхъ. Съ васъ довольно балладъ и пѣсенъ, любовныхъ, богохульныхъ, отчаянныхъ, коммунистическихъ—идеи въ нихъ ничего не стоютъ, но стихъ плавный и мелодичный, и онѣ отлично сойдутъ—какъ сочиненіе виконта де-Поншартріана.

— Я лучше бы желалъ, чтобы вы мнѣ помогли въ моемъ собственномъ произведеніи.

— Дорогой мой, ваши произведенія не стоютъ выдѣлки. Я говорю вамъ, что много часовъ трудился, чтобы сдѣлать что нибудь изъ вашего риѳмоплетства. Больше я и не взгляну на него. Вамъ непремѣнно нужно наполнить вашъ новый томъ?

— „Гробы и кости мертвыхъ“, сказалъ виконтъ.—Мой издатель проситъ дополненія къ моей рукописи въ концѣ этой недѣли. Сезонъ поэзіи почти оканчивается.

— Если вы хотите издавать, то возьмите эти подонки моего вдохновенія. Они все же не хуже тѣхъ стиховъ, какіе мнѣ попадались въ журналахъ.

Онъ открылъ старую истертую тетрадь въ переплетѣ изъ русской кожи, съ золотымъ оттискомъ герба и съ монограммой. Изъ этой тетради Немпортъ взялъ съ десятокъ невклеенныхъ листовъ и подалъ ихъ черезъ столъ де-Поншартріану. Тотъ медленно прочелъ ихъ, дѣлая замѣчанія съ видомъ человѣка, твердо рѣшившагося найти ошибки. Онъ то спрашивалъ объясненія нѣкоторыхъ выраженій, находя ихъ темными, то вдругъ начиналъ считать по пальцамъ стопы какого нибудь стиха.

Digitized by Google

— У васъ невѣрна цезура,—это оскорбляетъ ухо! замѣтилъ онъ тономъ знатока.

— Мое ухо было вѣрно въ прежнее время, спокойно отвѣчалъ Немпортъ. — Вы сами ошиблись.

И ошибка была доказана виконту.

Чердакъ, куда скрылась Амалія со своимъ спутникомъ, былъ заваленъ старою мебелью, гнилой соломой, пустыми ящиками, сломанными птичьими клѣтками и всякой рухлядью дешевыхъ меблированныхъ квартиръ. Среди этого хлама было три или четыре большихъ, старыхъ ящика съ книгами, памфлетами, журналами, комедіями, а пространство до крыши —не болѣе четырехъ футовъ.

Подслушивавшіе согнулись надъ своимъ пунктомъ наблюденія, и головы ихъ упирались о тяжелый брусъ. Амалія знала, что она пачкала свое хорошенькое полотняное платье, раздавила ягодки, украшавшія ея шляпку; знала, что перчатки ея, заплаченныя девять франковъ, никуда больше не годятся, но, со всѣмъ тѣмъ, едва удерживалась, чтобы не расхохотаться, слушая, какъ маленькій франтикъ, выдающій себя за генія выше Мюссе и Боделэра, въ котораго Гортензія вѣрила, какъ въ божество, покупалъ стихи, выторговывалъ баллады, оды, серенады, фантазіи, штуку за штукой, скупясь заплатить нѣсколько франковъ за то или другое; онъ торговался съ музами, какъ жидъ. Амалія находила это забавнѣе всякой оперетки, даже „Герцогини Герольштейнской", въ которой отличалась знаменитая Шнейдеръ, игравшая предъ императорами и королями.

Молодая Жарзе вспомнила благородное негодованіе виконта въ гостинной леди Данетри, когда зашелъ разговоръ о литературномъ красильщикѣ, вспомнила его величественное: „это невозможно!" его гнѣвъ и шарканье лакированными сапогами по комнатѣ.—„Это невозможно!" повторялъ онъ съ геройскимъ презрѣніемъ. А самыя лучшія стихотворенія, сдѣлавшія его львомъ чайныхъ столовъ и любимцемъ немолодыхъ дѣвицъ, были имъ куплены у этого бѣдняка въ истасканномъ сюртукѣ.

Арманъ и она смѣялись среди паутины и моли на этомъ ужасномъ чердакѣ, боясь шевельнуться, чтобы не стукнуться

Digitized by Google

о балку, и прислушиваясь къ визгливому голосу виконта, непріятному, какъ прокислое красное вино.

Когда торгъ былъ наконецъ заключенъ, и виконтъ, расплатившись и спрятавъ свое сокровище въ карманъ, вышелъ изъ комнаты, громкій смѣхъ подслушивавшихъ смѣшался съ громкимъ хохотомъ поэта.

— Мы не должны медлить ни минуты, сказала Амалія, сбѣжавъ съ лѣстницы на чердакъ.—Но что это была за комедія! я ни за какія блага въ мірѣ не отказалась бы отъ нея.

— Хорошо, что этотъ чердакъ служитъ мнѣ библіотекой, а то къ нему не было бы лѣстницы, замѣтилъ Жанъ Немпортъ.—Да, любопытно видѣть такой сортъ литератора, покупающаго свои стихи, какъ сапоги,—а виконтъ торгуется со мною еще больше, чѣмъ съ своимъ сапожникомъ.

— Зато онъ платитъ чистыми деньгами, засмѣялся Кератри.— А сапожнику своему онъ долженъ. Это составляетъ разницу.

— Сегодня я буду обѣдать, продолжалъ Немпортъ, кладя деньги въ карманъ.—Прощайте, я радъ, что этотъ торгъ позабавилъ васъ.

— А я желаю вамъ получать дороже за ваши стихи, отвѣтила Амалія.—Вашего ума достанетъ на дюжину модныхъ поэтовъ.

— Я только изучилъ и знаю свое дѣло, вотъ и все.

Онъ вышелъ на площадку вмѣстѣ со своими гостями и раскланялся съ ними съ граціей Лозена или Ришельё.

— Онъ совершенный вельможа, не смотря на его одежду и жилище, которыя все таки ужасны, сказала Амалія, проворно сходя съ лѣстницы.—А теперь, ради Бога, наймите мнѣ какой нибудь экипажъ, только поскорѣе, и велите кучеру вести меня прямо къ леди Данетри, чтобы мама и Гортензія нашли меня тамъ, когда пріѣдутъ къ чаю. Я разскажу леди Констанціи о моихъ утреннихъ приключеніяхъ и о виконтѣ. Какъ она будетъ смѣяться! А бѣдная Гортензія вѣритъ въ своего поэта... Еслибы я выдала его тайну, онъ сегодня же сдѣлалъ бы ей предложеніе.

— Вы поступили бы по родственному, сдѣлавъ такой опытъ, поддакнулъ Кератри, когда они приближались къ церкви св. Сульпиція, ища извощика.

Digitized by Google

— Я подумаю объ этомъ, продолжала Амалія.—Гортензія не очень привлекательная особа, но она мнѣ сестра, и этого достаточно, чтобы я о ней позаботилась.

IV.

Jean-N'importe, иначе Гекторъ де-Вальнуа, усѣлся опять въ старое кресло, проводивши своихъ гостей. Онъ набилъ трубку табакомъ, налилъ стаканъ сѣроватой жидкостью, утѣшеніемъ его горькой жизни. Абсентъ и табакъ помогали ему переносить эту жизнь; онъ давно забылъ, что онъ потомокъ хорошей фамиліи и когда-то мечталъ о славѣ и академіи.

Онъ откинулся на спинку кресла, смотря на солнечныхъ зайчиковъ, скользящихъ по комнатѣ, и улыбнулся циническою улыбкой надъ недавней сценой; потомъ, вынувъ изъ кармана деньги виконта, пересчиталъ ихъ въ своей исхудалой рукѣ— пять наполеондоровъ и горсть франковъ, слабое вознагражденіе за произведенія и менѣе талантливыя. Но эти стихотворенія хорошо сойдутъ съ рукъ подъ именемъ де-Поншартріана, тогда какъ ихъ не напечаталъ бы ни одинъ издатель съ именемъ Гектора де-Вальнуа, для музы котораго давно были закрыты карманы всѣхъ журналистовъ.

— Милый другъ, лучше вамъ перейти въ потомство авторомъ: „Мои бѣлыя ночи", сказалъ ему Мишель Леви, новый книгопродавецъ, посѣщаемый умнѣйшими людьми Парижа.—Вы ничего хорошаго больше не напишете.

Съ тѣхъ поръ поэзія перестала доставлять средства существованія бѣдному Вальнуа. Бывали долгіе безсонные часы въ тишинѣ ночи, когда онъ находилъ утѣшеніе въ своей музѣ— когда неудачникъ возставалъ противъ судьбы въ своемъ одиночествѣ. Онъ то раскаивался въ безумно-растраченной жизни, то богохульствовалъ, вызывалъ въ опьяненномъ воображеніи странныя видѣнія, невозможный рай, и тратилъ вдохновеніе на стихи, годные только для продажи Поншартріану. Этотъ бредъ поэта, при болѣе усидчивомъ трудѣ, могъ бы поставить его много выше аристократическаго риѳмоплета.

— Сегодня я буду обѣдать, повторилъ онъ, смотря на деньги. —Уплачу за треть года за эту нору и не буду бояться нѣсколько мѣсяцевъ, что меня выгонятъ на улицу. Еслибы Паке-

Digitized by Google

рета была здѣсь, я купилъ бы ей новое платье—бѣдная Пакерета! зачѣмъ я былъ такъ грубъ съ нею, когда абсентъ доводилъ меня до сумашествія, и голова моя трещала отъ боли! Въ такіе часы человѣкъ не выбираетъ своихъ выраженій. Я выгналъ ее моими жестокими словами... А, можетъ быть, она и сама не захотѣла продолжать голодать со мною. Кто знаетъ! такія связи, какъ наша, всегда подобнымъ образомъ оканчиваются.

И онъ курилъ и пилъ, размышляя и наполняя свой стаканъ. Для него было еще рано показываться на улицу даже въ этомъ свободномъ, безшабашномъ студенческомъ кварталѣ, гдѣ порядочный костюмъ не считался необходимостью. Но черный сюртукъ Вальнуа сдѣлался зеленовато-сѣрымъ, а физіономія—еще менѣе представительной. Нѣтъ, онъ подождетъ милыхъ сумерекъ и тогда пойдетъ въ ресторанъ Лаперуза на Сент-Августинской набережной, гдѣ прекрасно пообѣдаетъ за умѣренную плату, въ залѣ окнами на рѣку. Онъ усталъ, два раза принимая гостей, и задремалъ ненадолго подъ отдаленные городскіе звуки и вечерній благовѣстъ церкви св. Сульпиція. Ночи Вальнуа были безсонныя и лихорадочныя, и онъ крѣпко засыпалъ только послѣ умственной усталости.

Стемнѣло, когда постучались къ нему въ дверь, что̀ заставило его вдругъ проснуться.

Прежде чѣмъ онъ отвѣтилъ, дверная ручка повернулась, и гость вошелъ.

Въ открытое окно проходило достаточно свѣта, чтобы разсмотрѣть лицо стоявшаго у двери человѣка. Это былъ тотъ же самый субъектъ, который остановилъ Измаила, возвращавшагося изъ клуба Пролò—человѣкъ, называвшійся Дюмономъ. Вальнуа вскочилъ.

— Вы! вскричалъ онъ.—Я цѣлый вѣкъ не встрѣчалъ васъ и началъ думать, что вы умерли.

— Вы такъ думаете?—былъ холодный отвѣтъ.—Зачѣмъ мнѣ было къ вамъ приходить? что̀ сообщать? Я былъ несчастнѣе, чѣмъ вы.

— А теперь, кажется, поправили свои обстоятельства? спросилъ Вальнуа, оглядывая гостя съ головы до ногъ.—Я не помню, когда васъ видѣлъ въ такомъ чистомъ сюртукѣ

Digitized by Google

и въ хорошихъ сапогахъ. Могу я освѣдомиться, въ какой парижской канавѣ нашли вы все это?

— Я нашелъ золотую розсыпь въ лицѣ моего богатаго патрона.

— Въ самомъ дѣлѣ? возразилъ съ презрѣніемъ Вальнуа.—А что это за человѣкъ, и за какое дѣло покровительствуетъ онъ Теодору Вальнуа—Дюмону тожъ?

— Я думаю, за то только, что богатый имѣетъ нужду въ бѣдномъ, отвѣчалъ Дюмонъ.—А этого покровительствующаго богача я нашелъ въ вашемъ старомъ другѣ.

— Другѣ? у меня нѣтъ друзей!

— Нѣтъ теперь. Но у васъ былъ другъ, которому вы спасли жизнь въ ужасное четвертое декабря. Я думаю, онъ поблагодарилъ васъ за это послѣ.

— Безъ глупостей, кузенъ. Вы, вѣроятно, считаете себя остроумнымъ за одну какую-то оригинальную идею, которую мнѣ удалось открыть у васъ. Итакъ, вы поживились отъ мужа Пакереты, это ваша золотая розсыпь?

— Я ему полезенъ, вотъ и все.

— Нашли вы Пакерету? съ оживленіемъ вскричалъ Гекторъ.

— Нѣтъ. Я ищу ее или доказательствъ объ ея смерти, получаю скромную сумму на мои теперешнія издержки и раздумываю: какъ узнать, жива ли она? До тѣхъ поръ я не рѣшусь разомъ убить курицу, которая несетъ мнѣ золотыя яйца.

— Вы говорите загадками.

— Неслишкомъ мудреными, милый кузенъ. Измаилу нужно знать, жива или умерла его жена. Если я принесу ему свидѣтельство объ ея смерти, онъ дастъ мнѣ небольшую сумму—очень небольшую, хотя и достаточную для человѣка въ моемъ положеніи. Что же можетъ помѣшать мнѣ достать свидѣтельство о ея смерти?

— Ничто, исключая простаго факта, что Пакерета еще не умирала. По крайней мѣрѣ, я надѣюсь на это. А ложь въ официальныхъ документахъ называется подлогомъ, и весьма важнымъ въ этомъ случаѣ, такимъ, за который приговариваютъ къ пожизненному заключенію.

— Объ этомъ я не спорю. Но человѣкъ, проживши шестьдесятъ шесть лѣтъ на свѣтѣ, терпѣвшій полъ-столѣтія

Digitized by Google

неудачи, опасности, столкновенія, можетъ преодолѣть самыя трудныя препятствія. Такая карьера можетъ научить ловкости. Бывали и фальшивыя свидѣтельства о смерти и будутъ до тѣхъ поръ, покуда существуетъ возможность поддѣлки документовъ.

— Трудно и опасно, замѣтилъ Вальнуа.

— Трудность и опасность—атмосфера, которою я дышу съ двадцатилѣтняго возраста.

— Вы сами избирали себѣ дорогу, хотя она не всегда приводила васъ въ хорошія мѣста. Я не мѣшаюсь въ ваши планы. Я не дѣлаю подлоговъ и не думаю вытягивать деньги отъ мужа Пакереты.

Дюмонъ подошелъ къ открытому окну и облокотился на подоконникъ, смотря на перспективу трубъ, крышъ и на позолоченный куполъ Дома Инвалидовъ, отражающій послѣдніе лучи заходившаго солнца.

— Бѣдная малютка Пакерета! сказалъ онъ съ нѣжностью. — Пакерета, съ ея нѣжнымъ личикомъ и выразительными глазами! Я всегда любилъ ее; для нея всегда было мѣстечко въ моемъ старомъ сердцѣ. Я жалѣлъ о ней, потому что судьба ея была печальна, да и вы тоже не были къ ней ласковы.

Гекторъ встрепенулся и бросилъ трубку дрожащей отъ гнѣва рукой.

— Какъ вы смѣете такъ говорить? вскричалъ онъ. — Я любилъ ее, былъ ей вѣренъ. Нашъ путь не былъ усыпанъ розами, но если на немъ попадались тернія, то мы проходили его рука съ рукой. И для чего вы привязались къ Пакеретѣ? Вы, вѣрно, видѣли ее въ послѣднее время? открыли что нибудь?

— Я не видѣлъ ея съ тѣхъ поръ, какъ она, три мѣсяца назадъ, была въ этой комнатѣ, отвѣчалъ старикъ, отвернувшись отъ окна и смотря съ серьезнымъ видомъ на Гектора. — Но я открылъ нѣчто.

— Что же?

— Я узналъ, кто была Пакерета.

— Кто она была, бѣдное дитя! воскликнулъ Гекторъ.—Въ этомъ нѣтъ никакой тайны. Она—дитя бѣдности и невольница пьяныхъ дѣда и бабки. Что же еще можно о ней открыть?

Digitized by Google

— При всемъ ея униженіи, у нея все таки былъ отецъ, сказалъ Дюмонъ.

— И вы объ этомъ отцѣ навели справки?

— Да.

— Интересна должна быть ея аристократическая тайна! цинично усмѣхнулся Вальнуа, беря опять трубку.

— Интересна для меня, важно отвѣчалъ Дюмонъ.—Пакерета—моя дочь.

— Ваша дочь? Вы никогда не говорили мнѣ, что у васъ есть дочь.

— Есть много эпизодовъ въ моей жизни, о которыхъ я вамъ не говорилъ. А этотъ—можетъ быть, единственный, котораго я не стыжусь, хоть въ другихъ случаяхъ бывалъ не безупреченъ. Пакерета—моя дочь, дитя моей единственной любви, моей жены.

— Вашей жены? Еще открытіе!

— Вы слышали, какъ я пріѣхалъ въ Парижъ изучать права, покрытый академическими лаврами, но бѣдный деньгами. Вашъ отецъ, двоюродный братъ моего отца, смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на младшую вѣтвь своего рода. Онъ былъ землевладѣльцемъ, хотя и не изъ важныхъ, а мой отецъ—докторъ въ небольшомъ городкѣ. Вы тоже, вѣроятно, слышали, что я не слишкомъ усердно занимался предметомъ моего изученія, не былъ допущенъ къ экзаменамъ и сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ провинціальнаго пролетарія. Но до васъ не могли дойти слухи о томъ, что я былъ великимъ человѣкомъ, главою красныхъ, самыхъ ярыхъ соціалистовъ того времени. Я былъ ораторомъ этихъ людей—жилъ кое-какъ, игралъ настолько счастливо, что выигрывалъ достаточно для моихъ насущныхъ нуждъ. Я испилъ до дна чашу студенческихъ удовольствій: нѣтъ кабака или кафэ-ресторана въ этомъ кварталѣ, да и во всемъ Парижѣ, гдѣ бы я не проводилъ ночей; нѣтъ бильярдной, въ которой бы я не былъ. Я имѣлъ въ то время много интрижекъ съ хорошенькими гризетками, но не зналъ любви, покуда не встрѣтилъ однажды въ сумракѣ прелестное блѣдное личико. Я сталъ слѣдить за граціозной фигурой въ старенькомъ сѣромъ платьѣ. Какъ ни плохо одѣта была эта дѣвушка, но она была чудное созданіе.

— Это мать Пакереты?

Digitized by Google

— Да. Она ходила работать въ прачешную, недалеко отъ этой улицы; скромная, простодушная, невинная, она краснѣла и дрожала, разговаривая со мною. Но прошло нѣсколько недѣль, я пріобрѣлъ ея довѣріе—и одинъ Богъ знаетъ, сколько подлыхъ плановъ гнѣздилось въ моей головѣ. Но невинность, дѣвическое простодушіе этого милаго существа, полное ее довѣріе обезоружили меня, и я сдѣлался ея рабомъ Какъ красный изъ красныхъ, я вѣрилъ въ совершенное равенство людей и кастъ, а съ такими убѣжденіями могъ ли я отказаться отъ брака съ прелестной дѣвушкой изъ-за того только, что ея родители принадлежали къ рабочему классу? Что терялъ я черезъ этотъ неравный бракъ? Какія я могъ имѣть надежды на болѣе блестящую партію—я, негодяй безъ денегъ? На какой случай могъ я разсчитывать, чтобы посредствомъ женитьбы пріобрѣсти состояніе? Сообразивъ все это, я нашелъ, что не дѣлаю никакой жертвы, женясь на неравной себѣ, и въ одно прекрасное утро бракъ мой съ нею былъ заключенъ въ мэріи. Конечно, съ нѣкоторымъ обманомъ:— бѣдняжка воображала, что я сынъ владѣльца замка, а не бѣднаго домишка на окраинѣ нашего города.

— Вы женились на ней? Это было честно, по крайней мѣрѣ.

— Да, у меня оставалось еще немного чести въ тѣ дни. Я женился по любви, въ прекрасное майское утро; но у меня не было пристанища, кромѣ чердака. Мнѣ некуда было принять мою жену; я оставилъ ее работать въ прачешной и жить въ родной трущобѣ. Я хлопоталъ чѣмъ бы то ни было поддерживать ее и себя, наслаждался украдкой счастливыми часами, танцами на Каталанскомъ лугу, поѣздками въ окрестности Парижа. Это было лучшимъ временемъ моей жизни. Я не желалъ называть тестемъ и тещей Лемуана и его жену, думалъ оставить Парижъ, какъ только добуду немного денегъ, поселиться въ Ліонѣ, и пріѣхать опять въ Парижъ, только когда найду возможность не встрѣчаться съ Лемуаномъ. Еслибы вы знали воззрѣнія сельскаго дворянства, вы не удивились бы, что всѣ были противъ меня, отъявленнаго республиканца. А когда мы были еще въ Парижѣ, то, мѣсяца черезъ три послѣ нашей свадьбы, на мою бѣдную Жанету посыпались разныя непріятности. Ее видѣли со мною

Digitized by Google

на Каталанскомъ лугу, на ярмаркѣ въ Сен-Клу, на прогулкахъ вечеромъ, и скандалёзные слухи начали позорить ея доброе имя. Пошлые намеки и насмѣшки мучили ее до того, что въ одинъ вечеръ, идя съ нею отъ Палероляя, я сказалъ ей, чтобы рано утромъ она была готова бѣжать со мною. Мы странствовали въ прекрасные осенніе дни—блаженное время! Мы предвкушали райскія радости, которыя всегда были такъ далеки отъ меня. Это были счастливѣйшіе дни моей жизни! Но дѣла мои шли все хуже. Я былъ праздный лѣнтяй, избѣгалъ грубой работы, ораторствовалъ въ клубахъ, писалъ статьи въ республиканскихъ газетахъ и зарабатывалъ кое-какія деньги. Но мнѣ не доставало терпѣнія. Я родился безпечнымъ и упускалъ случай поправить свои обстоятельства. Наконецъ, черезъ годъ, когда у меня родилась дочь, мои легкомысленныя выходки завели меня—куда, вы знаете.

— На тулонскія галеры? Непріятное мѣсто для дворянина!..

— Жена моя боролась съ нищетой, покуда я былъ въ этомъ земномъ аду. Она трудилась для себя и для нашего ребенка, терпѣла тяжкую нужду, но навѣщала меня такъ часто, какъ позволяли дьявольскіе порядки моего ада. Такъ продолжалось съ годъ, и насталъ день, когда я, въ первый разъ, не встрѣтилъ мою дорогую въ условленный часъ. Она пришла бы ко мнѣ, больная ли, здоровая ли, и въ какую бы то ни было погоду. Сердце мое замерло, когда пришло назначенное для свиданія время, а ея не было. Жизнь показалась мнѣ еще ужаснѣе, чѣмъ въ тотъ день, когда я въ первый разъ вступилъ въ это проклятое мѣсто.

— Она умерла, вѣроятно?

— Нѣтъ, она была жива. Это страшная исторія! Слишкомъ долго разсказывать подробности. Довольно того, что я узналъ факты отъ священника, единственнаго человѣка, приносившаго мнѣ лучъ утѣшенія въ моихъ страданіяхъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что жена моя, въ паническомъ страхѣ, убѣжала изъ Тулона, потому что хозяинъ дома, въ которомъ она жила, сталъ преслѣдовать ее своими подлыми предложеніями. Она, конечно, съ презрѣніемъ отвергла ихъ, а онъ, сговорясь съ другими мошенниками, обвинилъ ее въ воровствѣ.

Digitized by Google

Заговоръ не имѣлъ успѣха, невиновность ея была доказана, но жена моя, въ своей безпомощности и неопытности,—одинокая, больная, безъ копѣйки денегъ,—поспѣшила оставить Тулонъ, боясь быть заключенной въ тюрьму, о которой она имѣла понятіе изъ моихъ разсказовъ и изъ того, что меня окружало. Она ушла пѣшкомъ изъ Тулона, вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ. Это все, что я узналъ о ней черезъ шесть лѣтъ, когда сдѣлался свободенъ—свободенъ, какъ человѣкъ съ клеймомъ на плечѣ, съ именемъ отбывшаго свой срокъ каторжника, съ паспортомъ, позорившимъ меня въ каждомъ городѣ, куда я входилъ. Бездѣльникъ, оклеветавшій Жанету, умеръ нехорошею смертью, и я не имѣлъ удовольствія отмстить ему. Я оставилъ Тулонъ, ожесточенный семью годами, въ продолженіе которыхъ носилъ цѣпи—ожесточенный смертью единственной женщины, любимой мною честно и глубоко. Я никогда не могъ найти даже ея могилы; впрочемъ, можетъ быть, и нашелъ бы, еслибы поискалъ тщательнѣе. Знавшіе мою жену разсказывали, что она ушла уже съ отпечаткомъ смерти на лицѣ и едва ли прожила еще недѣлю.

— А ваша дочь? Вы никогда не освѣдомлялись объ ея участи?

— Зачѣмъ мнѣ было ее искать?—плохая находка! Я не имѣлъ ни пристанища, ни честнаго имени. Если общественная благотворительность пріютила ее, тѣмъ лучше! Я не могъ прійти къ ней на помощь. Да и эта дѣвочка не была мнѣ такъ дорога, какъ ея мать. Женщина, которую я любилъ, умерла, и я желалъ, чтобы наше дитя послѣдовало за нею. Еслибы я ее нашелъ, это было бы для меня новой горестью, это напоминало бы мнѣ о моей утратѣ. Оставляя Тулонъ, я отбросилъ всѣ человѣческія чувства. Я направился къ Парижу, надѣясь затеряться въ немъ и жить со своими собратами жизнью хищнаго звѣря съ другими хищными звѣрями.

— Вы, однако, странное существо, кузенъ!

— Я то, чѣмъ меня сдѣлала жизнь. Родись я богатымъ, я былъ бы, можетъ быть, честнымъ человѣкомъ.

— И вы говорите, что Пакерета ваша дочь?

— Я увѣренъ въ этомъ. Въ первый разъ, какъ я ее увидѣлъ съ вами на ступеняхъ крыльца Тортони, я подумалъ, что вижу привидѣніе. Это была моя Жанета, привидѣніе изъ

Digitized by Google

другаго міра. Позднѣе, когда она измѣнилась, утомленная своей артистической карьерой, она была похожа на свою мать, когда та жила въ Тулонѣ. Я думалъ, что это случайное сходство, и не обратилъ вниманія, когда вы или другой кто-то напомнилъ мнѣ о Сомбрёйльской улицѣ; а что Пакерета была сирота и когда-то жила тамъ,—навело меня на нѣкоторыя сомнѣнія; но, со всѣмъ тѣмъ, мужу Пакереты суждено было открыть мнѣ мое родство съ нею.

— И вы искали ее съ того времени?

— Вездѣ. Я сказалъ Измаилу, что не могъ прослѣдить ее съ тѣхъ поръ, какъ она отправилась въ Вальпарайзо, и что ее надо тамъ искать. Но незачѣмъ говорить, что я не ѣздилъ въ Южную Америку искать женщину, которую не слишкомъ давно видѣлъ въ этой комнатѣ. Я выманилъ все таки кругленькую сумму на проѣздъ туда и оттуда и на необходимыя издержки для поисковъ, а между тѣмъ буду втихомолку жить въ Парижѣ и разъискивать слѣды моей пропавшей дочери. Я и теперь еще въ Вальпарайзо, и не вернусь оттуда, пока не выправлю свидѣтельства объ ея смерти отъ властей этого города.

— Плутъ и обманщикъ до конца!

— Можетъ ли леопардъ измѣнить пятна на своей шкурѣ или эѳіопъ—перемѣнить цвѣтъ своей кожи?

— Но вы могли бы постараться найти какое нибудь честное занятіе, чтобы не мошенничествомъ зарабатывать кусокъ хлѣба.

— Нѣтъ, кузенъ, есть глубокое значеніе въ томъ, что у каждаго изъ насъ въ жизни двѣ дороги, и кто разъ пойдетъ по дурному пути, тотъ уже никогда не выберется на хорошій. Нѣтъ тропинки, которая соединяла бы эти двѣ дороги,— и кто уклоняется отъ праваго пути, тотъ съ каждымъ днемъ уходитъ отъ него все дальше.

— Вы думаете, что Пакерета еще жива? печально спросилъ Гекторъ. — Здоровье ея было плохо въ прошедшую зиму. Я много ночей не спалъ, думая, какъ она, безпомощная, одинокая, можетъ быть, умираетъ отъ продолжительной болѣзни.

— Кто знаетъ! Парижъ—это большой лѣсъ. Она можетъ жить и недалеко отсюда, и никто объ этомъ не узнаетъ. Я напечаталъ съ полдюжины объявленій въ осторожныхъ выраже-

Digitized by Google

ніяхъ, но они, вѣрно, не попадались ей на глаза. Я посылалъ агента наводить о ней справки. Онъ прослѣживалъ людей въ самыхъ тайныхъ притонахъ, но до сихъ поръ не напалъ на ея слѣдъ. Между тѣмъ, очень печально не имѣть возможности получить, что̀ слѣдуетъ, за свидѣтельство объ ея смерти. Она не умретъ отъ того, что ее похоронятъ на бумагѣ, а потомъ воскресятъ и скажутъ, что документъ былъ фальшивый.

— Обманывай Измаила, сколько хочешь, кузенъ, но не приноси сюда твоей подлой наживы. Ты портишь воздухъ моей комнаты,—отвѣчалъ съ раздраженіемъ Гекторъ. Имя Измаила всегда непріятно на него дѣйствовало. Оно напоминало ему прошлое время, когда онъ спасъ Измаила. Тогда Гекторъ считалъ себя выше его, будущность улыбалась ему, и въ жизни было много хорошаго. А теперь, когда имя Измаила гремитъ въ Парижѣ, и бывшій пріятель Гектора наслаждается богатствомъ и общественнымъ уваженіемъ, авторъ „Бѣлыхъ ночей“, стоящій выше Измаила по воспитанію и поэтическому дарованію, еще въ зрѣломъ возрастѣ долженъ былъ скрыться, какъ падучая звѣзда. Мракъ окружаетъ его на пути, который долженъ кончиться смертью и забвеніемъ.

V.

Міръ постарѣлъ на недѣлю съ памятнаго шестаго іюня. Интересъ выставки ослабѣлъ, оттого что парижане вволю насмотрѣлись на нее, имѣя возможность ежедневно быть на Марсовомъ полѣ. Тамъ видѣли государей разныхъ націй, и этотъ историческій съѣздъ, увѣнчавшій новую имперію, кружилъ головы жителямъ Парижа. Это былъ тріумфъ мирнаго процвѣтанія искусствъ, произведенія которыхъ достигли высокаго совершенства—какъ это доказывала блестящая выставка. Важнѣйшую часть выставки составлялъ отдѣлъ орудій, наносящихъ смерть, улучшенныхъ и вновь изобрѣтенныхъ. Это было царство мира—безусловнаго, по мнѣнію многихъ. Франція сохраняла нейтралитетъ и утратила ореолъ прежняго величія. Она считалась союзницей Италіи,—но союзницей обманчивой, неблагодарной, сомнительной; ея границамъ угрожала могущественная германская конфедерація.

Digitized by Google

Смѣлый государственный умъ Бисмарка, побѣда при Садовой превратили скромное прусское королевство въ многоголовое чудовище, гордившееся своимъ побѣдоноснымъ войскомъ.

Взору чужестранца представлялась блестящая столица съ обширными бульварами, множествомъ театровъ и кафэ-ресторановъ, мостовъ, рынковъ, какими не могъ похвалиться другой европейскій городъ. Судя по наружному великолѣпію, вторая имперія достигла апогея внѣшняго блеска. Но дипломаты, посѣтившіе выставку, вникали въ глубину вещей и не были ослѣплены мишурнымъ блескомъ. Они знали, что слава имперіи износилась, какъ старое платье, и что блескъ ея скоро совершенно затмится.

Трагическій конецъ императорской Мексики, неудача люксембургскихъ переговоровъ, недружелюбный тонъ Италіи, сомнительные поступки Пруссіи—все это безпокоило императора, состарившагося отъ хронической болѣзни, старавшагося улыбаться и своимъ подданнымъ, и чужестранцамъ.

Странна была судьба этого человѣка съ вѣчно наклоненной головой, вѣчно омраченнаго тайными, печальными размышленіями. Дѣтство его было проведено въ тоскѣ изгнанія, молодость—въ честолюбивыхъ замыслахъ, въ усиліяхъ возвратить престолъ изгнанной династіи. А впереди его ждала постыдная неудача, тяжелый плѣнъ и смерть въ изгнаніи. И теперь уже весь блескъ царствованія, вся слава успѣховъ исчезали, и тѣни сгущались вокругъ озабоченнаго авантюриста. Тѣмъ, кто его мало зналъ, онъ казался только посѣдѣвшимъ и постарѣвшимъ. Но приближенные замѣчали, какъ онъ все болѣе впадалъ въ меланхолію, какъ часто оставался неподвижнымъ среди голубоватаго дыма своей сигаретки.

Насталъ день, когда раздавались преміи во Дворцѣ Искусствъ—церемонія, на которой предсѣдательствовалъ императоръ, получившій самъ премію за планы по устройству помѣщеній для рабочаго класса.

Никогда эта эфемерная имперія не была окружена столькими принцами и владѣтельными особами древнихъ династій. Представителемъ Англіи былъ ласковый молодой принцъ, наслѣдникъ короны, къ которой когда-то Франція простирала руку. Здѣсь были и султанъ, въ блестящей бѣлой одеждѣ,

Digitized by Google

не подозрѣвавшій, что онъ кончитъ жизнь подъ ножемъ убійцы, принцъ Оранскій, герцогъ Кембриджскій, кронпринцъ прусскій, Гумбертъ, наслѣдникъ итальянскій, Мехмедъ-эфенди, Абдулъ-Гамидъ, принцы и принцессы, князья и княгини, и среди нихъ сіяла, какъ звѣзда, императрица Евгенія. Никогда не видѣли такого собранія коронъ, гербовъ, орденовъ, лентъ. Музыка, торжественные гимны Россини оглашали воздухъ въ честь высокихъ посѣтителей. Императорская рѣчь была полна изысканныхъ выраженій, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Онъ поздравлялъ себя и Парижъ съ прибытіемъ владыкъ цивилизованнаго міра и иноземныхъ гостей. Онъ говорилъ, что его подданные должны гордиться, имѣя случай показать иностранцамъ Францію въ зенитѣ ея величія, процвѣтанія и свободы. Иностранныя націи должны были оцѣнить великую страну, еще недавно взволнованную, теперь спокойную, трудолюбивую, полную высокихъ идей, богатую, гордую матеріальнымъ благосостояніемъ. Не смотря на то, что обогащеніе невольно увлекаетъ цивилизованнаго человѣка къ удовольствіямъ и роскоши, національный духъ всегда готовъ воспрянуть, національное сердце всегда отзовется на призывъ чести. Но это воинственное настроеніе благородныхъ душъ не должно нарушать мира. Франція не будетъ безпокоить своими завоеваніями другія государства, тревожить націи. Гости не были обмануты императорской риторикой, знали, что дурная минута была выбрана для прославленія Франціи и ея учрежденій, когда имперія была на краю погибели. Благосостояніе страны губили расточительность и упадокъ нравственности; общество блистало мишурою, нація жила выше средствъ и увлекала другія націи къ подобному же безумію; семейная жизнь разрушалась, религія была только модной формулой, покровительствуемой женами и дочерьми и неизвѣстной мужьямъ и отцамъ.

Пока звуки торжественнаго гимна раздавались подъ сводомъ Дворца Искусствъ, сіявшимъ золотыми звѣздами, пока при барабанномъ боѣ шла торжественная процессія, не представлялся ли императору образъ болѣе печальный, чѣмъ всѣ эти флаги, блестящіе мундиры, роскошные наряды аристократическойтолпы,—чѣмъ трофеи, пальмы, цвѣты? не приближался ли къ нему образъ его собрата-императора, отпрыска

Digitized by Google

древней императорской фамиліи, молодаго человѣка въ окровавленномъ гробу, жертвы честолюбія и гибельной ошибки мечтателя?

Извѣстіе о смерти Максимиліана было еще свѣжо въ памяти Луи-Наполеона. Онъ получилъ въ этомъ зданіи, передъ своею рѣчью, депешу съ вѣстью объ участи того, кому онъ помогалъ въ его безумной попыткѣ и кого, потомъ, такъ позорно покинулъ.

Да, передъ нимъ былъ кровавый образъ жертвы, увлеченной его обѣщаніями. Эфемерный императоръ Максимиліанъ съ горстью войска, безпомощный, въ осажденномъ городѣ, терпѣвшемъ голодъ, пробовалъ бѣжать на зарѣ лѣтняго утра; но когда бѣгство оказалось невозможнымъ, онъ выставилъ бѣлый флагъ, взывая къ состраданію побѣдителя.

— Отпустите меня подъ конвоемъ до какой нибудь гавани, откуда я могъ бы отплыть въ Европу. Клянусь честью, что никогда моя нога не будетъ въ Мексикѣ, говорилъ онъ.

Но несчастный отпрыскъ Габсбургскаго дома не могъ вырваться изъ страны, куда завела его жажда власти. На этой вулканической почвѣ было сдѣлано много зла его именемъ, хотя и руками французовъ. Враги Максимиліана были безпощадны въ своемъ торжествѣ. Не спасли его ни просьбы друзей, ни геройское заступничество консула, ни представленія другихъ республиканцевъ Америки. Онъ храбро принялъ безвременную смерть въ блѣдное лѣтнее утро, когда въ далекомъ Парижѣ, послашемъ его на смерть, развѣвались флаги и устраивались праздники. Базенъ, покинувшій Максимиліана въ минуту опасности, спокойно оставался въ Нанси, хотя, повидимому, въ опалѣ. Но гнѣвъ императора вскорѣ же смягчился. Государь и подданный стоили другъ друга: одинъ отдался въ плѣнъ со своею арміею въ Седанѣ, по крайней мѣрѣ, послѣ битвы; другой сдалъ непріятелю стотысячную армію въ Мецѣ, даже не пытаясь пробиться....

Леди Констанція Данетри постоянно была въ избранномъ обществѣ, составлявшемъ императорскій кружокъ. Даже тотъ, кто не интересуется подобнымъ обществомъ, не можетъ иногда не участвовать въ его удовольствіяхъ, потому что общество

Digitized by Google

спроситъ: „отчего?“ а объяснять это бываетъ затруднительнѣе, чѣмъ принести жертву, требуемую свѣтскими условіями.

Леди Констанція была въ послѣднее время всюду: въ ложѣ французскаго театра, въ оперѣ, въ маленькихъ театрахъ, на скачкахъ. Она, казалось, искала развлеченій.

— Я думала, что вы мало заботитесь о свѣтскихъ удовольствіяхъ? спросила у нея однажды въ оперѣ пріятельница, леди Валентина.—Вы имѣли привычку смѣяться надъ моей страстью къ забавамъ и удивлялись, что я, старѣе васъ двадцатью годами, люблю общество до такой степени. Я говорила, что и вы его полюбите, когда постарѣете. Но время это еще не настало.

— Всѣ идутъ за толпою, небрежно отвѣтила леди Констанція.

— Но вы жили всегда своимъ умомъ, доказывала леди Валентина.—Въ этомъ ваша особенность. Вы не боялись поступать по собственному побужденію, и я увѣрена, что эта лихорадочная жизнь не по васъ. Вы блѣдны, утомлены; вы утратите вашу красоту, если не обратите на это вниманія.

— Я не намѣрена много хлопотать о томъ, что̀ вы называете моей красотой, улыбнулась леди Констанція.—Надо жить веселѣе.

— Но вы вовсе не похожи на веселящуюся особу.

Леди Валентина пользовалась привилегіей стараго друга и потому позволяла себѣ говорить правду. Другіе, менѣе знакомые съ характеромъ леди Констанціи, находили ее лучезарнымъ созданіемъ, веселой и пріятной для общества, въ этотъ шумный мѣсяцъ баловъ, театровъ, оперъ, скачекъ, концертовъ, обѣдовъ и послѣобѣденныхъ съѣздовъ всякаго рода. Гдѣ бы ни находился избранный кружокъ высшаго общества, среди его была и Констанція. Но она нигдѣ не встрѣчала великаго подрядчика, строителя мостовъ и роскошныхъ зданій. Ни разу не видала она его послѣ втораго іюня, даже не слышала его имени, потому что Измаилъ, хотя и былъ извѣстенъ въ Парижѣ своими успѣхами и богатствомъ, но не былъ настолько свѣтскимъ человѣкомъ, чтобы сообразоваться съ требованіями высшаго общества. Онъ вращался въ дѣловомъ кругу Парижа и имѣлъ мало короткихъ знакомыхъ, не покупалъ ни статуй, ни картинъ, не собиралъ рѣдкихъ

Digitized by Google

книгъ или стариннаго фарфора, не охотился за медвѣдями, не имѣлъ ни сельскаго замка, ни чистокровныхъ рысаковъ, страсть къ которымъ считалась тогда вполнѣ аристократической. Многіе, смотря на его частную жизнь, считали его скрягой, для котораго пріятнѣе было любоваться мѣшками съ деньгами, чѣмъ слѣдовать за потокомъ общественныхъ развлеченій. Но короткіе друзья его знали, что онъ былъ одинъ изъ самыхъ благотворительныхъ людей во Франціи. Кошелекъ его и умъ принесли пользу многимъ бѣднякамъ. Онъ никогда не отказывался помогать истинно нуждающимся, но его часто обманывали шарлатаны, дѣлающіе выгодный гешефтъ изъ шутовской филантропіи. Онъ основалъ большое благотворительное заведеніе, которое содержалъ на собственный счетъ, управляя имъ лично и по своей системѣ. Это былъ пріютъ для бѣдныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, по плану школъ, основанныхъ Бонжаномъ и аббатомъ Русселемъ только для мальчиковъ. Домъ этотъ былъ въ деревнѣ, за Марли, и туда-то агенты Измаила собирали покинутыхъ дѣтей, для того чтобы они укрѣпились и развились среди полей, лѣсовъ и быстро текущей рѣки.

Милліонеръ считалъ самыми счастливыми часами только тѣ, которые онъ проводилъ съ этими дѣтьми. Онъ любовался ихъ играми въ старинномъ саду и слѣдилъ за ихъ занятіями въ домѣ, гдѣ помѣщался монастырь до революціи. Это зданіе было куплено по дешевой цѣнѣ, потому что было далеко отъ желѣзной дороги и находилось въ запустѣніи. Въ дѣтскомъ домѣ Измаилъ былъ извѣстенъ подъ именемъ г. Шоза, и только лучшіе друзья его знали, что онъ былъ основателемъ этого благодѣтельнаго заведенія. Его участіе и труды въ обширномъ пріютѣ занимали все его свободное время въ это лѣто, и онъ отказывался отъ всѣхъ приглашеній, являясь въ Парижъ, только когда требовалось его присутствіе въ совѣтѣ по постройкамъ. Онъ былъ два или три раза на выставкѣ только для того, чтобы помочь осмотрѣть ее какому нибудь знаменитому иностранцу, своему собрату по профессіи—Насмиту или Канару.

Прошелъ весь іюнь, а Измаилъ не встрѣчался съ леди Констанціей, которая, стараясь забыть объ немъ, бросилась въ пучину свѣтскаго круговорота. Она презирала слабость

Digitized by Google

своего сердца, дѣлавшаго это забвеніе невозможнымъ. Она топила воспоминаніе объ немъ—въ упоеніи удовольствій, но упоеніе не прогоняло мысли объ Измаилѣ, и воспоминаніе оставалось неизмѣннымъ.

Вечеромъ втораго іюля, былъ большой балъ въ старинномъ знатномъ домѣ, въ Сен-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Еще прежде, недѣли за три, много говорили объ этомъ балѣ. Его давала баронесса Клаварошъ, мужъ которой, еще годъ назадъ, считался ярымъ легитимистомъ, но послѣ смерти своей матери—старой дамы, религіозной и глубоко презиравшей Бонапартовъ—вдругъ удивилъ все парижское общество, принявъ важную должность при императорскомъ дворѣ, и, подобно всѣмъ ренегатамъ, сдѣлался самымъ усерднымъ послѣдователемъ своей новой вѣры—восхищался своимъ императоромъ, довѣрялъ его славѣ, страстно защищалъ императорскую политику и былъ преданнѣйшимъ партизаномъ второй имперіи. Баронесса Клаварошъ была пятнадцатью годами моложе мужа, любила удовольствія и роскошь, и считала своею обязанностью давать балы въ честь имперіи.

Она разослала пригласительные билеты, и въ обществѣ заговорили, что ея балъ затмитъ всѣ балы этого блестящаго сезона. Всѣ богатыя и знатныя лица изъ ея знакомыхъ получили приглашенія. Баронесса Клаварошъ и леди Констанція встрѣтились въ блестящей толпѣ во Дворцѣ Искусствъ. Баронесса сіяла отъ удовольствія и увѣренности, что ея балъ будетъ великолѣпенъ. Тѣ балы, о которыхъ не говорятъ прежде времени, считаются неудачными.

— Всѣ будутъ, хвасталась баронесса.—Я могу пересчитать по пальцамъ тѣхъ, кто боленъ или не можетъ пріѣхать.

— А не будетъ ли и г. Измаилъ между вашими знаменитыми гостями? Онъ получилъ отъ императора первую премію за постройку домовъ для рабочихъ,—спросила леди Констанція небрежнымъ тономъ.

— Я приглашала и г. Измаила, онъ очень извѣстенъ,—такой серьезный, оригинальный человѣкъ, совершенный контрастъ съ нашими модниками. Конечно, я не забыла о немъ, но, къ сожалѣнію, онъ—изъ небольшаго числа тѣхъ, которые отказались быть у меня.

— Отчего? Развѣ онъ боленъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ, но онъ мнѣ сказалъ, что куда-то уѣзжаетъ. У него важное дѣло — проведеніе желѣзной дороги между Нимомъ и Пиринеями. Онъ слишкомъ занятъ, чтобы ѣздить по баламъ. Но и безъ него будетъ много знаменитыхъ особъ— сіамскіе принцы, татарскій ханъ, братъ тайкуна. Я слышала, что этотъ японецъ очень интересенъ — не красавецъ, по нашимъ европейскимъ понятіямъ, но чрезвычайно замѣчательный типъ. Надѣюсь, вы пріѣдете пораньше?

— Если могу. Но я не останусь долго, отвѣчала Констанція:—я нахожу, что начинаю старѣть. Музыка и яркое освѣщеніе меня утомляютъ.

— Это все пустяки. Вы должны пріѣхать изъ первыхъ и уѣхать послѣднею. Мнѣ нужно, чтобы красота оживляла мой балъ. Къ чему украшать комнаты цвѣтами, а садъ—бенгальскими огнями, если на этомъ фонѣ будутъ одни некрасивыя лица? Скажите мнѣ, какой на васъ будетъ костюмъ и кто его дѣлаетъ?

— Спросите лучше у того, кто его шьетъ. Можетъ быть, мой костюмъ еще и не кроили. Вы знаете, каковъ этотъ народъ. Я заказала новому дамскому портному, который дѣлалъ костюмы для послѣдняго представленія въ Тюльери.

— Вы поступили очень благоразумно. У него много вкуса. Слава Ворта уже въ упадкѣ, его пѣсенка спѣта. Пунцовый атласъ съ серебромъ, на платьѣ Шнейдеръ, во второмъ актѣ „Герцогини Герольштейнской“, былъ восхитителенъ. А эта великолѣпная идея ввести опять въ моду двуличневыя шолковыя матеріи! Я тоже буду въ атласѣ сегодня вечеромъ,—съ важностью прибавила баронесса.

Она была дородная блондинка съ вьющимися волосами, всегда разряженная. Многія парижанки, не смотря на всѣми признанный парижскій вкусъ, любятъ отягчать свои наряды излишними украшеніями.

— Если вы желаете знать, что вы должны носить и чего нѣтъ, сказалъ Вортъ, великій дамскій портной, своей заказчицѣ, удостоившейся его довѣрія:—то взгляните на баронессу Клаварошъ.

— Но вѣдь вы же дѣлаете ей платья, возразила та.—Я слышала это отъ нея самой.

— Я дѣлаю ей платья, но не дѣлаю ей фигуры. Вы, ко-

Digitized by Google

нечно, не считаете меня способнымъ тратить искусство на женщину, у которой столько же граціи, какъ и у подушки. Баронесса Клаварошъ пріѣзжаетъ сюда, я продаю ей самыя дорогія матеріи, а ученики мои дѣлаютъ изъ нихъ платья, украшаютъ дорогими отдѣлками, и результатъ всего этого — баронесса Клаварошъ. Я въ сторонѣ, какъ видите, и не дотронусь пальцемъ до такой работы.

— Итакъ, если не имѣешь хорошенькой таліи и немножко граціи, то незачѣмъ къ вамъ и пріѣзжать? промолвила заказчица, преисполненная уваженія къ великому человѣку. — Лучше не тратить понапрасну денегъ.

— Это маркиза Баръ-ле-Дюкъ уговорила меня не отказываться отъ баронессы, и, чтобы доставить удовольствіе прелестной маркизѣ, покровительствовавшей этой особѣ, которая осталась бы въ тѣни, я далъ свое согласіе. Но еслибы баронесса была благоразумна и слушалась добрыхъ совѣтовъ, то я принялъ бы въ ней участіе и могъ бы даже одѣть ее къ лицу. А такъ какъ она воображаетъ себя особой, имѣющей своеобразныя идеи, то я и позволяю ей одѣваться, какъ нравится. Она платитъ мнѣ сорокъ тысячъ франковъ въ годъ, и въ результатѣ остается все таки—баронессою Клаварошъ.

Однако, не смотря на приговоръ этого высшаго моднаго авторитета, баронесса была представительницею моды въ Парижѣ. Въ то время грація и красота не были необходимы—немножко ума и смѣлости были нужнѣе для этой важной роли. Не сказалъ ли самый изящный придворный той эпохи о привлекательнѣйшей дамѣ двора, что въ ней было двѣ трети лоретки и одна треть знатной дамы? Если подобныя вещи говорились въ высшемъ кругу, то, конечно, всѣ остальные кружки слѣдовали тому же примѣру.

Домъ барона Клавароша былъ изъ самыхъ старинныхъ въ Сен-Жерменскомъ предмѣстьѣ, на спокойной старой улицѣ, за великолѣпными новыми зданіями набережныхъ,—офиціальной резиденціи министровъ и посланниковъ,—за виллами богатыхъ евреевъ и новой аристократіи. Видъ этого дома, отъ карниза снаружи и до камина внутри, напоминалъ прошлое время. Болѣе полутораста лѣтъ въ немъ блистало оригинальное великолѣпіе эпохи Людовика XIV, превратившееся въ стиль рококо при Людовикѣ XV. Въ продолженіе первой импе-

Digitized by Google

ріи и царствованія Луи-Филиппа, Клавароши вели замкнутую жизнь среди столичнаго шума, принимали только короткихъ знакомыхъ—легитимистовъ исключительно, набожныхъ до ханжества,—и жизнь ихъ, хотя благочестивая, была монотонна и отличалась узкими воззрѣніями, не позволявшими имъ видѣть добрыя качества короля-гражданина и украсить дворъ его своимъ присутствіемъ. Клавароши выростали и старились въ своемъ старомъ домѣ, среди полинявшихъ ковровъ и драпировокъ, потемнѣвшей позолоты и остатковъ прошлаго величія, которые, по мнѣнію Клаварошей, служили доказательствомъ знатности ихъ рода. Въ ихъ салонѣ были занавѣсы, прикрывавшіе ихъ прабабушекъ; кресла, въ которыхъ сиживали принцы, кардиналы и короли; зеркала, когда-то отражавшія красоту Лавальеръ и Монтеспанъ.

Послѣдній баронъ Клаварошъ прожилъ до сорока лѣтъ подъ крыломъ своей матери, раздѣлялъ ея убѣжденія и цѣловалъ руку, здороваясь съ нею по утрамъ. Но, вскорѣ послѣ своего сороковаго дня рожденія, когда онъ, года три назадъ, былъ вмѣстѣ со своей болѣзненной матерью въ маленькомъ городкѣ Виши, ему посчастливилось понравиться дочери финансоваго туза, молодой особѣ современнаго воспитанія и горячей бонапартисткѣ. Бракъ этотъ поправилъ денежныя обстоятельства Клаварошей, которыя хотя и позволяли имъ жить прилично, но, со всѣмъ тѣмъ, часто озабочивали старую баронессу. Властвуя надъ умомъ и поступками своего сына въ продолженіе сорока лѣтъ, она должна была не безъ горести лишиться этой власти, которую вырвала у нея изъ рукъ молодая невѣстка, воспитанная по американскимъ принципамъ, избалованная снисходительнымъ отцомъ, позволявшимъ ей тратить деньги безъ счета, привыкшая къ лести искателей ея богатства и считавшая себя очаровательницей. Можетъ быть, главная причина, по которой дѣвица Борлей замѣтила достоинства барона, состояла въ томъ, что онъ одинъ, среди ея знакомыхъ, обращался съ нею, какъ съ простой смертной, и никогда ей не льстилъ. Древняя, знатная фамилія Клаварошъ имѣла также свое обаяніе, и Элиза Борлей, послѣ трехнедѣльнаго знакомства съ Теодоромъ Клаварошемъ, объявила своему отцу, что она наконецъ встрѣтила человѣка, за котораго охотно выдетъ замужъ.

Digitized by Google

— Женихи, которыми вы мнѣ надоѣдали, всѣ несносны. говорила она.—Но баронъ Клаварошъ, по крайней мѣрѣ, дворянинъ. Онъ не глупъ и будетъ для меня очень удобнымъ мужемъ, потому что я намѣрена быть хозяйкой въ своемъ домѣ.

Бракъ этотъ скоро устроился, потому что невѣста была одною изъ богатѣйшихъ наслѣдницъ въ Парижѣ, а женихъ смотрѣлъ на бракъ, какъ на выходъ изъ своей скучной жизни.

За недѣлю до парижскаго сезона, баронъ Клаварошъ и дѣвица Борлей были обвѣнчаны въ церкви св. Магдалины. Церемонія совершалась вечеромъ, со всевозможнымъ великолѣпіемъ, въ присутствіи избраннѣйшаго парижскаго общества. Вдовствующая баронесса была уже очень стара, и съ этого брака здоровье ея окончательно разстроилось. Но она скрывала свое горе, имѣла свой маленькій кружокъ знакомыхъ; голосъ ея былъ по прежнему громокъ и повелителенъ, и она еще болѣе возненавидѣла новые порядки, императора, а въ особенности императрицу. Со всѣмъ тѣмъ, она, послѣ женитьбы сына, стала склоняться, какъ башня, поколебленная въ своемъ основаніи и близкая къ паденію. Наканунѣ свадьбы сына, она заставила его поклясться, что онъ до ея смерти сохранитъ вѣрность старшей вѣтви Бурбоновъ.

— Когда я буду въ могилѣ, ты воленъ дѣлать, что̀ хочешь,„ говорила она.—Я не буду знать о твоей измѣнѣ, потому что въ чистилищѣ мнѣ надо будетъ думать о своихъ грѣхахъ.

Новая баронесса надѣялась измѣнить всѣ старые порядки въ домѣ, съ перваго дня своей замужней жизни, изгнать старую мебель, полинявшіе ковры и потемнѣвшую позолоту. Напрасно ей доказывали, что эти вещи—цѣнное произведеніе искусства. Она возражала, что императрица не терпитъ ничего стариннаго въ своей домашней обстановкѣ, кромѣ вещей, принадлежавшихъ Маріи-Антуанетѣ. А эти тяжелые орнаменты, гигантскіе диваны, кресла семнадцатаго столѣтія—все это никуда не годится; эти мраморныя плиты и бронзовыя арабески казались молодой хозяйкѣ совершенной безвкусицей.

Digitized by Google

— Ты оставь домъ въ покоѣ, покуда моя мать живетъ въ немъ, просилъ баронъ.—Она недолго будетъ мѣшать тебѣ.

Элиза поворчала немножко. Нельзя было знать, сколько еще проживетъ вдовствующая баронесса; но она продолжала все таки поступать по своему и принимать легитимистовъ, вздыхавшихъ о прежнихъ короляхъ. Она сочла бы святотатствомъ отослать на аукціонъ грандіозную старинную обстановку или помѣстить ее въ нежилыхъ комнатахъ—напримѣръ, столъ, на которомъ герцогъ Ришельё игралъ въ ландскнехтъ съ кардиналами и принцами королевской крови.

Молодая баронесса желала подновить старое историческое жилище, оживить звуками флейтъ и скрипокъ и танцами фей имперіи эти величественныя залы, видѣвшія блескъ прежней династіи. Ее тяготила мрачная атмосфера прошлаго, которую хотѣлось разогнать весельемъ настоящаго, объявшимъ весь Парижъ.

— Ужь ты лучше запряталъ бы меня въ могилу, упрекала она мужа.—Право, гораздо веселѣе въ гробницѣ великаго императора,—указывала она на домъ Инвалидовъ.—Тамъ все таки приходятъ и уходятъ люди, а здѣсь нѣтъ никого. Мрачно, какъ въ домѣ, запертомъ навсегда.

Баронъ Клаварошъ соглашался, что его домъ не изъ веселыхъ, но скука присуща аристократическому жилищу, и онъ находилъ, что пріятно среди шумнаго Парижа жить уединенно, какъ въ замкѣ Нормандіи.

— Я терпѣть не могу нормандскихъ, да и никакихъ замковъ, горячилась Элиза:—и охотнѣе жила бы въ отелѣ на Елисейскихъ Поляхъ или въ предмѣстьѣ Сент-Оноре, чѣмъ въ твоемъ домѣ, который утратилъ свое значеніе; въ немъ надо бы ходить въ кармелитской шерстяной рясѣ, вставать въ три часа при звукѣ колокола и читать молитвы.

— Ничего не будетъ измѣнено, покуда моя мать жива, важно заключилъ баронъ.

Онъ далъ обѣщаніе и долженъ былъ сдержать его, какъ бы это ни было неудобно для него самого. Молодая, богатая баронесса наряжалась за своей тюремной рѣшеткой, хотя и говорила, что не стоитъ хорошо одѣваться, когда некому оцѣнить это, и, со всѣмъ тѣмъ, всегда щегольски одѣтая, продолжала сидѣть, какъ попугай въ золоченой клѣткѣ.

Digitized by Google

Но, однако, настало время, когда она одѣлась наконецъ въ траурное платье изъ черной тяжелой матеріи, которая дѣлаетъ французскія похороны такими торжественными. Послѣдній звукъ похороннаго колокола замеръ, и тѣло старой баронессы подъ бархатнымъ балдахиномъ фіолетоваго цвѣта, Украшеннымъ серебряными гербами, было препровождено подъ низкій сводъ фамильнаго склепа,—въ могилу изъ сѣраго гранита, на краю холма, среди липъ и орѣшника, на кладбищѣ отца Лашеза. Молодая баронесса сдѣлалась властной хозяйкой въ домѣ, но еще годъ нужно было носить трауръ, такъ какъ мужъ строго настаивалъ на исполненіи этой священной обязанности къ памяти матери.

Но, тотчасъ же по истеченіи года траура, старое предмѣстье было разбужено шумомъ и суетой. Толпа рабочихъ наполнила домъ баронессы Клаварошъ, которая заранѣе уговорилась съ архитекторомъ о томъ, какъ и что слѣдовало измѣнить и улучшить, и передѣлка изъ стараго на новое началась съ ударомъ послѣдняго часа, заключившаго годъ траура.

Баронъ своими вѣрноподданническими заявленіями снискалъ расположеніе императора, и, какъ скоро домъ баронессы былъ готовъ, двери его широко распахнулись передъ смѣшаннымъ обществомъ второй имперіи, въ которомъ было много красивыхъ, блестящихъ, умныхъ, храбрыхъ, но весьма небольшое количество честныхъ людей. Немало здѣсь было пройдохъ, авантюристовъ и шарлатановъ, выдвинувшихся смѣло впередъ, какъ въ правленіе регента Филиппа Орлеанскаго, изобрѣвшаго слово „roué“ для своихъ интимныхъ друзей.—„Они большею частью достойны колесованія“ (bon à rouer), говорилъ о нихъ принцъ Орлеанскій. Тоже могъ повторить и Луи-Наполеонъ о своихъ приближенныхъ, хотя они и увѣряли, что почетное прозвище „roué“ означаетъ ихъ преданность и готовность допустить себя колесовать ради приверженности къ своему царственному другу.

Баронъ былъ не геній и не считался большимъ политикомъ въ императорскомъ кругу, но его имя пользовалось вѣсомъ. Онъ подавалъ голосъ за то, на что ему указывали, говорилъ то, что ему внушали говорить въ засѣданіяхъ сената, когда рѣчи и споры сенаторовъ заглушали преданностью и восторженностью шумныя пренія республиканскихъ демагоговъ.

Digitized by Google

Въ честь процвѣтанія имперіи, молодая баронесса Клаварошъ открыла свои двери всему модному Парижу. Теперь она давала балъ-маскарадъ, въ родѣ тѣхъ, какіе слѣдовали за свадьбой императора. Въ то время балы министровъ и императорскихъ любимцевъ были великолѣпны—костюмы историческіе, національные пастухи съ пастушками по картинамъ Ватто, созвѣздія, времена года и другіе образы поэтической фантазіи. Лучезарныя звѣзды сіяли въ эти ночи на горизонтѣ моды и роскоши. Графиня Кастильоне, блестящая красотой, въ костюмѣ королевы сердецъ, презирая общественнымъ мнѣніемъ, шла ему наперекоръ, увѣренная въ чарахъ своихъ прелестей; Гревиль, Валевская,— каждая совершенство въ своемъ родѣ,—затмѣвали своихъ соперницъ.

Императоръ и императрица любили присутствовать на этихъ балахъ. Они входили и уходили незамѣтно, три или четыре раза въ вечеръ перемѣняя костюмъ. Но медленная походка императора, волочившаго правую ногу, привычка его крутить кончики усовъ выдавали его во всѣхъ переодѣваньяхъ.

Важные сенаторы, знаменитые законовѣды принимали участіе въ этихъ увеселеніяхъ и являлись въ венеціанскихъ плащахъ, едва прикрывавшихъ бальный костюмъ. Но въ эпоху выставки страсть къ маскарадамъ ослабѣла, и едва ли въ два или три года давался балъ-маскарадъ.

Баронесса Клаварошъ взяла на себя трудъ оживить эту моду. Ея балъ былъ фантастическій маскарадъ съ домино и мистификаціями; гости могли не снимать масокъ до ужина. Великолѣпный банкетъ приготовлялся во временномъ павильонѣ на концѣ сада, при электрическомъ освѣщеніи; за столомъ могло помѣститься пятьсотъ гостей. Говорили, что это стоило двадцать тысячъ франковъ—все было устроено на одинъ вечеръ, а на утро всѣ слѣды роскошнаго бала должны были исчезнуть также быстро, какъ смѣняются волшебныя сцены въ фееріи. Баронесса Клаварошъ занялась въ особенности танцовальной залой—ея балъ былъ сборищемъ фантастическихъ и историческихъ костюмовъ. Она воспроизвела изящную версальскую зеркальную залу, удивлявшую парижское общество въ 1855 году, когда въ ней былъ данъ балъ въ честь англійской королевы. Розовыя гирлянды вились отъ потолка,

Digitized by Google

перевивались и перекрещивались въ фантастическомъ изобиліи; среди нихъ блестѣли хрустальные канделябры. Зеркала тоже были обрамлены розами. Оркестръ помѣщался въ четырехъ позолоченныхъ клѣткахъ по угламъ залы, почти скрытыхъ гирляндами розъ. Все имѣло видъ сада изъ розъ, и югъ едва могъ доставить такую чудовищную массу этихъ цвѣтовъ.

VI.

Втораго іюля, когда парижское общество и чужестранные искатели удовольствій толпились во Дворцѣ Искусствъ, гдѣ двадцать тысячъ зрителей сидѣли вокругъ императорскаго трона подъ высокимъ балдахиномъ изъ пунцоваго бархата съ вышитыми по немъ золотыми пчелами, среди цвѣтовъ, зелени и гигантскихъ трофеевъ искусства,—Измаилъ наслаждался долгимъ спокойнымъ утромъ въ садахъ, окружающихъ старый монастырь за Марли и наполненныхъ благоуханіемъ розъ въ разбитыхъ клумбахъ и цвѣтникахъ. Магноліи клонились подъ тяжестью своихъ восковыхъ цвѣтовъ, благоухали массы освѣщенной солнцемъ зелени, сквозь которую виднѣлась рѣка.

Мѣстность эта была скорѣе пріютомъ поэта, чѣмъ дѣловаго человѣка, спекулятора и милліонера. Но, не смотря на ежедневныя сухія, вовсе не поэтическія занятія, этотъ человѣкъ любилъ деревню болѣе, чѣмъ иной поэтъ. Онъ отдыхалъ отъ своей дѣловой жизни, ходя по садамъ и гротамъ стараго бенедиктинскаго монастыря. Послѣ каждой поѣздки сюда, ему казалось, что онъ пріобрѣталъ новыя силы для своихъ дѣловыхъ занятій. Здѣсь проходили пріятные для него часы, хотя и не безъ нѣкоторой грусти. Онъ смотрѣлъ на игры дѣтей, которыхъ пріютилъ, прогуливался съ ними по деревнѣ и по полямъ. Всѣ эти дѣти родились въ захолустьяхъ Парижа, въ лачугахъ Менильмонтана, Вильеты, Клиши и Монмартра, откуда ихъ и собрали. Здѣсь—среди зелени, цвѣтовъ, пѣнія птицъ, подъ голубымъ небомъ, среди обширныхъ дортуаровъ съ бѣлыми постелями, среди игръ, развивающихъ умъ и укрѣпляющихъ тѣло,—если и случалось кому изъ дѣтей вспоминать о своемъ младенчествѣ, то оно казалось имъ тяжелымъ сномъ въ сравненіи съ пріятной дѣйствительностью.

Digitized by Google

Былъ полдень. Измаилъ прохаживался съ книгой по сочной травѣ лужайки, окруженной испанскими орѣшниками, липами, а кое-гдѣ—и дубомъ, посаженнымъ при королѣ Дагоберѣ. Книга читалась въ глубокой тишинѣ, слышно было только жужжанье насѣкомыхъ и чирканье птичекъ.

Семейство изъ сотни дѣтей не безпокоило Измаила. Прохаживаясь по лужайкѣ, онъ дошелъ до конца длинной аллеи и приблизился къ сѣрому готическому зданію съ открытыми окнами. Оттуда доносился шумъ, какъ отъ далекихъ волнъ или отъ жужжанья безчисленныхъ жуковъ. Это былъ отзвукъ дѣтскихъ голосовъ за обѣдомъ, сопровождаемый стукомъ ножей, вилокъ и тарелокъ. Во французскихъ школахъ дѣти обѣдаютъ обыкновенно въ торжественномъ молчаніи и за нарушеніе тишины наказываются, но питомцамъ Измаила было позволено говорить, сколько имъ хотѣлось, и обѣдать подъ шумъ разговоровъ. Онъ замѣтилъ, что дѣтямъ пріятно болтать и смѣяться за обѣдомъ, а потому безмолвіе было изгнано изъ его столовой. Для него были всего важнѣе здоровье и свобода маленькихъ созданій. Только съ полнымъ ртомъ запрещалось имъ говорить, и за этимъ наблюдали служившія за столомъ женщины, одѣтыя въ сѣрыя платья. Дѣти были счастливы и свободны. Они охотно повиновались наставникамъ и не прибѣгали къ лжи и увертками, какія господствуютъ въ приходскихъ школахъ.

Послѣ обѣда, дѣвочки съ радостными криками выбѣжали на зеленую лужайку, подъ лучи солнца. Онѣ были одѣты въ розовыя ситцевыя платья, какое было на Пакеретѣ въ ея венсенскую прогулку, когда она въ первый разъ встрѣтилась съ Измаиломъ. Видъ толпы дѣвочекъ, раздѣлившихся на группы, которыя разсыпались по всѣмъ направленіямъ, былъ очень красивъ. Смѣхъ и веселые дѣтскіе голоса радовали Измаила. Сотни дѣвочекъ бѣгали по саду послѣ утреннихъ занятій и хорошаго обѣда. Многія ли наслаждались такимъ счастіемъ въ дѣтствѣ? Многіе ли не знали горя въ этомъ возрастѣ и проводили дни съ сотнею подругъ, среди цвѣтовъ, зелени и деревьевъ, безъ контроля сердитыхъ надзирателей, безъ тягостной дисциплины и сухихъ наставленій, превращающихъ рай въ тюрьму? Все это было сдѣлано Измаиломъ въ память дѣтства его жены, покинувшей его и разбившей его жизнь.

Digitized by Google

Онъ основалъ пріютъ прежде для однихъ мальчиковъ, замѣтивъ, что французская благотворительность болѣе оказываетъ помощь слабому полу; но, пріобрѣтя обширное монастырское зданіе съ садами и со всѣми удобствами, онъ устроилъ и женскую школу, которую воспитанницы оставляли, только когда были въ состояніи сами зарабатывать себѣ хлѣбъ и были приготовлены къ труду хорошимъ воспитаніемъ, благодаря результату разумныхъ попеченій объ нихъ. Помня несчастное дѣтство Пакереты, Измаилъ составилъ оригинальный планъ этого заведенія.

Не вызываютъ ли состраданія богатыхъ въ густомъ населеніи большаго города блѣдныя личики бѣдныхъ дѣвочекъ и тѣ истощенныя созданія, которыя бродятъ по улицамъ въ рождественскіе праздники, какъ бы упрекая богачей, одѣтыхъ въ мѣха и бархатъ и обѣдающихъ въ богатыхъ ресторанахъ? Не хорошей ли пищею поддерживаются силы и пріятное настроеніе?

Измаилъ не могъ забыть подвальную квартиру, окнами на дворъ, наполненный зловонными испареніями. А такихъ дворовъ много въ Парижѣ, и, при усилившемся пьянствѣ въ послѣднее время, сотни дѣтей страдали также, какъ внучка Лемуана въ своемъ печальномъ дѣтствѣ. Такихъ-то дѣтей и набирали агенты Измаила. Собственно для этихъ малютокъ устроенъ былъ марлійскій пріютъ—это былъ ихъ домашній очагъ; другаго они не знали.

Бѣгавшія дѣвочки остановились на минуту; ихъ розовыя платья, свѣтлые и темные волосы смѣшались; съ розовыхъ губокъ слетали восклицанія радостнѣе прежнихъ—дѣвочки увидѣли высокую фигуру съ красивымъ лицомъ въ густой аллеѣ. Это былъ ихъ другъ и покровитель. Всей толпой бросились онѣ встрѣчать его, хватали за руки и кричали изо всей силы: „мосьё Шозъ!“ Въ этой части сада его видѣли рѣдко. Онъ обыкновенно проводилъ утро съ мальчиками, уча ихъ механикѣ, прогуливаясь съ ними по лѣсу и толкуя имъ естественную исторію, причемъ въ одинъ часъ научалъ болѣе, чѣмъ иной учитель въ мѣсяцъ. Онъ былъ другомъ своихъ воспитанниковъ, и присутствіе его считалось счастливымъ событіемъ. Что же касалось дѣвочекъ, онъ не затруднялъ ихъ учеными объясненіями, и если которая нибудь изъ нихъ не считала римскихъ героевъ

Digitized by Google

выше обыкновенныхъ смертныхъ, то онъ не находилъ въ этомъ преступленія.

— Хорошо, малютки, ласково сказалъ онъ, взявъ на руки маленькую бѣлокурую дѣвочку и улыбаясь прочимъ личикамъ, сіявшимъ радостью.—Вы рады, что видите меня?

Веселые крики не прекращались. Это было краснорѣчіе дѣтей, и Измаилъ отлично понималъ его.

— Не хотите ли дѣти, чтобъ я сдѣлалъ для васъ что нибудь? спросилъ онъ у тѣснившихся около него дѣвочекъ.

На минуту онѣ задумались, потомъ изъявили желаніе поиграть съ нимъ въ одну изъ ихъ игръ—въ жмурки, напримѣръ. Послѣдовало опять затишье, точно всѣ дѣтскіе умы были движимы одною мыслью, какъ вдругъ тоненькій голосокъ сидѣвшей у Измаила на колѣняхъ маленькой дѣвочки проговорилъ:

— Разскажите намъ сказку, мосьё Шозъ!

— Сказку! сказку! закричали всѣ. Сандрильона, Бѣлая Кошка—каждый изъ героевъ сказокъ Перро и д'Ольне былъ любимцемъ которой нибудь изъ дѣвочекъ.

Измаилъ иногда забавлялъ ихъ этими сказками, и онѣ помнили ихъ. Онъ посмотрѣлъ на свои часы.

— Но знаете ли, дѣти, что мнѣ надо возвратиться въ Парижъ съ раннимъ поѣздомъ? сказалъ онъ.

Дѣвочки не знали и не хотѣли знать этого.

— Пожалуйста, разскажите намъ сказочку, кричали онѣ. — Зачѣмъ вамъ въ Парижъ? Пожалуйста, Бѣлую Кошечку или Красную Шапочку,—только и слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Не могу отказать вамъ, мои крошки, сказалъ онъ, переходя лужайку и садясь подъ старымъ кедромъ.

Трехлѣтняя бѣлокурая дѣвочка вскарабкалась на скамейку подлѣ Измаила и усѣлась на его сюртукъ. Она не имѣла никакого уваженія къ старшимъ,—эта крошка изъ коммунистическаго парижскаго квартала.

Измаилъ разсказалъ имъ, какъ Красная Шапочка была чуть не съѣдена волкомъ, выразилъ ужасъ къ ея критическому положенію, но измѣнилъ конецъ сказки, для того чтобы не смущать своихъ слушательницъ. Эта сказка сильно озабочиваетъ любящихъ матерей и бабушекъ; она служитъ причиной

Digitized by Google

дурнаго сна дѣтей. Не полезнѣе ли разсказывать о Сандрильонѣ со счастливой поэтической развязкой, о Спящей Красавицѣ, Бѣлой Кошкѣ, или забавлять дѣтей другими веселыми разсказами, чѣмъ говорить имъ о страшныхъ кошмарахъ—о Синей Бородѣ и волкѣ Красной Шапочки?

Измаилъ однако вспомнилъ, что онъ уже давно у дѣтей. Ему надо было спѣшить, чтобы дойти до станціи къ шести часамъ. Онъ утромъ также пришелъ оттуда пѣшкомъ, а здѣсь не было ни кареты, ни верховой лошади,—имѣлась только пара сильныхъ рабочихъ коней,чтобы ѣздить за провизіей въ Версаль или Марли. Было семь часовъ, когда онъ доѣхалъ до Парижа, и восемь, когда былъ на Королевской площади, тишина которой не нарушалась суетой на противоположномъ концѣ Парижа. Видъ этой площади и окружавшихъ ее домовъ ни въ чемъ не измѣнился со временъ Людовика XIII, когда Парижъ былъ тихъ, какъ монастырь въ лѣтній вечеръ. Липы и орѣшины бросали тѣнь на площадь, по которой рѣдко кто прогуливался. Здѣсь, не въ дальнемъ разстояніи отъ кладбища, жилъ Ришельё въ домѣ, когда-то обитаемомъ Маріоной де-Лормъ. Одинъ изъ этихъ красивыхъ красныхъ домовъ принадлежалъ Виктору Гюго, въ другомъ жила Рашель. Она, въ іудейскомъ кварталѣ на кладбищѣ отца Лашеза, покоится недалеко отъ своего бывшаго жилища.

Человѣкъ, который съ полчаса переходилъ съ утомленнымъ видомъ отъ одного фонтана къ другому, завидѣвъ Измаила, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу. Это былъ Теодоръ Вальнуа, иначе Дюмонъ.

— У меня есть для васъ новости, сказалъ онъ.

— Какъ! Вы уже вернулись изъ Вальпарайзо?

— Какой вопросъ! пробормоталъ Дюмонъ.—Развѣ я вамъ оттуда не писалъ?

— Я получалъ письма со штемпелемъ Вальпарайзо, холодно отвѣчалъ Измаилъ:—но такъ какъ вы просили высылать вамъ деньги черезъ вашего пріятеля, живущаго на бульварѣ Сен-Мишель, потому что такимъ образомъ онѣ скорѣе до васъ дойдутъ, то я, признаюсь, сомнѣвался въ дѣйствительности вашего путешествія въ Чили.

— Несчастная привычка богатыхъ дурно думать о своихъ бѣдныхъ ближнихъ! сказалъ Дюмонъ со зловѣщимъ бле-

Digitized by Google

скомъ въ полузакрытыхъ глазахъ.—Къ счастію для меня, г. Измаилъ, моя честность не требуетъ подтвержденія. Я имѣю доказательство въ лицѣ матроса съ палубы корабля, привезшаго меня во Францію, и отъ этого-то человѣка я узналъ то, за чѣмъ ѣздилъ въ Вальпарайзо и за что вы мнѣ предложили очень умѣренное вознагражденіе.

Измаилъ поблѣднѣлъ и, прерывисто дыша, впился глазами въ лицо говорившаго.

— Вы узнали что нибудь опредѣленное о моей женѣ? спросилъ онъ упавшимъ голосомъ, не смотря на всѣ усилія не выказывать своего волненія. Его судьба, вся его будущность зависятъ отъ извѣстія, которое онъ услышитъ отъ этого человѣка.

— Да, произнесъ Дюмонъ.

— Жива она—или умерла?

— Умерла.

— У васъ есть доказательства ея смерти? Документъ?

— Нѣтъ. Но я имѣю живое доказательство въ лицѣ испанскаго матроса, бывшаго на томъ кораблѣ, на которомъ умерла госпожа Измаилъ. Этотъ матросъ видѣлъ, какъ опускали ея тѣло въ море.

— Она умерла на кораблѣ?

— Да.

— И одна?

— Одна.

— Такъ онъ бросилъ ее, этотъ подлецъ! вскричалъ Измаилъ.—Негодяй, который воспользовался ея дѣтскимъ простодушіемъ, осудилъ на позоръ существо, душа котораго была неспособна къ низости...

Они шли тихо подъ аркадой, близъ дома Измаила. Некому было ни подсматривать за ними, ни подслушивать ихъ разговоръ, и въ тонѣ ихъ голоса не было ничего такого, что могло бы возбудить вниманіе случайнаго прохожаго.

— Какъ вы узнали объ этомъ? спросилъ Измаилъ.

— Начинаются опять сомнѣнія богатаго человѣка! Не обманываетъ ли онъ меня? говорите вы про себя. Онъ—олицетворенная нищета и старый плутъ. Онъ такъ легко можетъ надуть меня, и хотя я нахожу удобнымъ давать ему

Digitized by Google

порученія, но все же считаю его способнымъ на всякій обманъ. Вотъ что вы обо мнѣ думаете.

— Что нибудь въ этомъ родѣ—очень можетъ быть. Но я хочу видѣть вашего матроса. Это не затруднитъ васъ?

— Ничуть. Вы сами его увидите, разспрòсите и сдѣлаете изъ его словъ вашъ собственный выводъ.

— Будьте увѣрены, что я такъ и сдѣлаю! Но, сколько я понялъ, вы ничего не открыли въ Вальпарайзо и узнали объ всемъ отъ испанскаго матроса, на обратномъ пути?

— Почти что такъ. Я видѣлся съ хозяиномъ кафе-ресторана, гдѣ пѣла ваша жена. Онъ помнитъ ее, хотя и не подъ настоящимъ ея именемъ—она называлась Бонитой. Онъ хвалилъ ея красоту, шикъ и голосъ, какъ у птички; разсказывалъ, что здоровье ея разстроилось отъ тропическаго климата, и что, пробывъ тамъ мѣсяца четыре, она должна была перестать пѣть. Она оставила городъ и отправилась на кораблѣ, названіе котораго хозяинъ кафэ-ресторана запомнилъ, потому что это былъ самый плохой изъ чилійскихъ кораблей и очень рѣдко перевозилъ иностранцевъ, о чемъ хозяинъ ресторана и предупреждалъ дѣвицу Бониту. Но бѣдняжка съ лихорадочной поспѣшностью торопилась во Францію. Она была совершенно одинока, почти безъ денегъ, и искала случая отплыть подешевле. Она заплатила капитану этого купеческаго корабля треть противъ того, что̀ берутъ за проѣздъ на хорошихъ пароходахъ.

— И *онъ* покинулъ ее одну въ чужомъ городѣ! Вы не справлялись о немъ?

— Нѣтъ. Тамъ о немъ мало знали. Ради ея, я не дѣлалъ лишнихъ вопросовъ.

— Благоразумно. Но я обязанъ все таки отыскать его. Если онъ умеръ, то, вѣроятно, уже получилъ должное возмездіе, а если еще живъ, то не уйдетъ отъ меня. Продолжайте вашъ разсказъ.

— Чилійскій корабль или, скорѣе, барка, нагруженная бочками, называлась „Лоро“ и направлялась въ Гавръ. Я пріѣхалъ въ Гавръ на пароходѣ, надѣясь найти въ этомъ городѣ потерянный слѣдъ вашей жены. Она была совсѣмъ больна, оставляя Вальпарайзо, и въ Гаврѣ должны были помнить хорошенькую молодую женщину, больную и одинокую,

Digitized by Google

между двумя или тремя пассажирами „Лоро". Я узналъ все объ ея участи, слушая болтовню матросовъ, собравшихся вокругъ одного изъ своихъ товарищей. Я услыхалъ, что онъ говорилъ о кораблѣ „Лоро". Этого было довольно, чтобы я распросилъ матроса о вашей женѣ. Я узналъ, что она умерла и погребена въ морѣ. Больше мнѣ вамъ нечего сказать. Вы услышите подробности отъ того же матроса, котораго я привезъ въ Парижъ. Онъ очень боленъ, и ему остается жить немного. Лучше вамъ видѣться съ нимъ безъ замедленія. Вы узнаете отъ него обо всемъ.

— Да, это самое лучшее. Я долженъ видѣться съ нимъ сегодня же.

— Сейчасъ, если вы пойдете со мною.

— Мнѣ надо прежде пообѣдать. Я приду къ вамъ попозднѣе. Гдѣ живетъ этотъ человѣкъ?

— Не въ очень пріятномъ мѣстѣ. Но ваше дѣло слишкомъ важно, чтобы обращать на это вниманіе. Когда я пріѣхалъ въ Парижъ, то думалъ помѣстить его въ больницу, но онъ непремѣнно захотѣлъ вернуться въ свою нору. Онъ живетъ близъ Итальянской заставы. Но вы не найдете его квартиры безъ проводника, и вамъ надо идти со мною. Я подожду васъ въ трактирѣ „Бѣлая кошка". Оттуда до предмѣстья Жанны д'Аркъ полчаса ходьбы.

Измаилъ посмотрѣлъ на часы и отвѣчалъ:

— Я буду въ половинѣ девятаго.

— Вамъ остается немного времени для обѣда.

— Я недолго сижу за столомъ. До свиданья.

Онъ кивнулъ Дюмону и пошелъ къ своей двери. Но тотъ имѣлъ еще кое-что ему сказать. Онъ дошелъ за нимъ до двери и дотронулся до его рукава.

— Если я докажу вамъ словами испанскаго матроса, что жена ваша умерла, вы дадите мнѣ обѣщанную вами награду? спросилъ онъ.

— Развѣ я изъ тѣхъ людей, которые не держатъ своего слова? съ презрѣніемъ повернулся къ нему Измаилъ.

— Нѣтъ, конечно, пробормоталъ тотъ.—Вы можете сдержать его. Честность—роскошь богатыхъ людей, и они не должны измѣнять самимъ себѣ.

Измаилъ затворилъ за собою дверь, а Дюмонъ сталъ про-

Digitized by Google

хаживаться по улицѣ св. Антонія, задумчивый, озабоченный, хотя все, казалось, шло хорошо для него.

— Это трудно было устроить, говорилъ онъ себѣ:—и нелегко довести до конца, потому что этотъ Измаилъ не глупъ. Но такъ безопаснѣе, чѣмъ доставлять свидѣтельство объ ея смерти. Мой кузенъ правъ. Непріятно возвратиться опять на каторгу. Довольно съ меня и перваго опыта. Онъ укрѣпилъ мои мускулы, но завелъ червя въ моемъ сердцѣ—неумытнаго червя, до послѣдняго біенія этого сердца—неутолимую ненависть къ моимъ ближнимъ.

Измаилъ кончилъ обѣдъ въ одну минуту. Онъ былъ слишкомъ разстроенъ, чтобы долго сидѣть за столомъ. На этотъ разъ онъ удовольствовался кускомъ мяса и стаканомъ вина. Онъ отсрочилъ свой визитъ къ испанскому матросу собственно для того, чтобы взять съ собою револьверъ, отправляясь въ захолустье, которое онъ зналъ лучше, чѣмъ Дюмонъ, потому что бывалъ тамъ въ то время, когда строилъ дома для рабочихъ. Онъ тогда осматривалъ всѣ мѣстности за укрѣпленіями, населенныя рабочими, и кварталъ Жанны д'Аркъ былъ постояннымъ позоромъ цивилизованной страны—бѣднѣе и грязнѣе самой дрянной африканской деревушки. Измаилъ писалъ въ газетахъ объ ужасномъ состояніи этой мѣстности, предлагалъ осушить ее, перестроить дома и сдѣлать ихъ удобными для людскаго житья, обращался къ высокимъ лицамъ, прося оказать состраданіе человѣчеству; но у Парижа—также какъ и у Лондона—есть свой разсчетъ не обращать вниманія на сотни лачугъ, обитаемыхъ бѣдняками.

Измаилъ, зная, что истинно храбрый человѣкъ не бросается безъ нужды въ опасность, вооружился револьверомъ, надѣлъ грубые сапоги и старую шляпу. Онъ прикрѣпилъ къ револьверу ремень, который намоталъ на руку и спряталъ его въ рукавъ, чтобы, въ минуту опасности, имѣть наготовѣ. Войдя въ улицу, пропитанную запахомъ кожевенныхъ дворовъ, онъ остановился у подозрительнаго трактира, на мостовой противъ котораго было множество маленькихъ желѣзныхъ столиковъ. Дюмонъ сидѣлъ за однимъ изъ нихъ съ графиномъ водки. Увидѣвъ Измаила, онъ поспѣшно расплатился и пошелъ за нимъ.

Digitized by Google

Лѣтнія сумерки сгущались, небо алѣло за вызолоченнымъ куполомъ большой арки, за фонтанами и статуями. Лампы слабо свѣтились въ кофейняхъ и ближнихъ лавкахъ, когда Измаилъ и его спутникъ проходили по обширному пространству, мимо скученныхъ домовъ, которые дѣлались все хуже по мѣрѣ приближенія къ кварталу Жанны д'Аркъ.

— Вамъ, кажется, знакома дорога? спросилъ Дюмонъ.

— Мало захолустьевъ въ Парижѣ, которыя не были бы мнѣ извѣстны, отвѣчалъ Измаилъ.

— А, припоминаю. Вы осматривали здѣсь жилища рабочихъ, заботясь объ этомъ народѣ и объ его чистоплотности. Боюсь, что задача была трудновата!

— Я нашелъ ее очень трудной. Главное затрудненіе, къ несчастію, происходитъ отъ самого рабочаго. Большею частью онъ имѣетъ наслѣдственное пристрастіе къ грязи, позволяетъ обманывать себя плуту-домохозяину, который изъ поколѣнія въ поколѣніе заставляетъ его жить въ грязи, покуда эта грязь сдѣлается естественнымъ элементомъ бѣднаго жильца. Другая ошибка рабочаго—это закоренѣлая склонность ничего не дѣлать для улучшенія своего жилища. Онъ вобьетъ гвоздь, смететъ паутину и—только. Во всемъ этомъ онъ подражаетъ домохозяину, тоже ничего не поправляющему, и результатъ—подобное мѣсто.

Они вошли въ кварталъ Жанны д'Аркъ и съ минуту стояли въ нерѣшимости на концѣ мелкаго грязнаго канала, когда-то вымощеннаго; теперь камни были вытасканы, и каналъ сдѣлался резервуаромъ всякихъ нечистотъ, выливаемыхъ изъ тазовъ и лаханокъ. По другую сторону этой отвратительной канавы стояла масса сѣрыхъ домовъ, похожихъ на тюрьмы—этажи громоздились на этажи, безцвѣтные, низкіе, однообразные до самой крыши, съ выбитыми стеклами оконъ, заклеенныхъ газетною бумагой и заткнутыхъ соломой. Измаилъ и его проводникъ перешли черезъ грязь и тину канавы и направились къ полурастворенной двери на концѣ переулка. Они вошли въ нее и поднялись на лѣстницу, придерживаясь за веревку, замѣнявшую перила. Въ каждомъ этажѣ былъ узкій коридоръ, темный и безъ вентиляціи, ведущій въ разныя комнаты, обитаемыя семействами скромныхъ бѣдняковъ. Двери едва затворялись отъ гнилости; оконныя рамы

Digitized by Google

были безъ стеколъ, иныя совсѣмъ расшатались. Здоровье, опрятность и благоприличіе — невозможны въ подобномъ домѣ. Этотъ громадный ковчегъ съ самаго начала былъ пріютомъ порока и преступленія, разсадникомъ мятежей и революцій.

Двое посѣтителей осторожно взобрались по худой лѣстницѣ до четвертаго этажа; тамъ, пройдя узкій коридоръ, Дюмонъ безъ церемоніи отворилъ послѣднюю дверь.

Окно съ шатающейся рамой было отворено; послѣдніе лучи заходящаго солнца озаряли комнату красноватымъ свѣтомъ, и Измаилъ вздохнулъ свѣжимъ воздухомъ въ первый разъ съ той минуты, какъ вошелъ въ эти трущобы.

У стѣны стояла желѣзная кровать, на которой лежалъ человѣкъ въ рубашкѣ и панталонахъ, съ босыми ногами, прикрытыми чѣмъ-то въ родѣ мѣшка, и въ матросскомъ колпакѣ на черныхъ волосахъ, обличавшихъ его южное происхожденіе. По крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи Дюмонъ сказалъ правду. Подлѣ кровати сидѣлъ еще человѣкъ, играя одинъ въ карты, при свѣтѣ огарка, вставленнаго въ бутылку. Онъ тоже, повидимому, былъ испанскій матросъ.

— Что, не хуже ему? спросилъ Дюмонъ.

— Все въ томъ же положеніи, слабъ, какъ ребенокъ, и постоянно дремлетъ; tiene sueno, tiene muchissimo sueno!

— Я попробую приподнять его на короткое время, сказалъ Дюмонъ.—А вы, amigo, можете выкурить сигару въ коридорѣ, покуда этотъ господинъ поговоритъ съ вашимъ товарищемъ. Это не будетъ продолжительно.

Онъ предложилъ испанцу свою сигарочницу, изъ которой тотъ жадно схватилъ пару сигаръ. Ему не часто приходилось такъ роскошничать, и онъ вышелъ совершенно довольный.

— Фернандо, проснись! потрясъ спящаго за плечо Дюмонъ.

— Нѣтъ ли опасности будить умирающаго? замѣтилъ Измаилъ, пристально смотря на неподвижное лицо матроса.

— Онъ успѣетъ выспаться въ гробу, и давно бы умеръ, еслибы мы его иногда не приподымали и не пропускали ему въ ротъ нѣсколько ложекъ супу и рому, отвѣчалъ Дюмонъ. —Ему ничто не поможетъ, онъ проживетъ недолго, и тогда тайна вашей жены умретъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Какимъ образомъ?

Digitized by Google

— Потому что онъ остался одинъ въ живыхъ изо всего экипажа корабля, на которомъ умерла ваша жена.

— Развѣ корабль „Лоро“ погибъ?

— Да, и спасся только этотъ человѣкъ. Богъ знаетъ, что съ нимъ! упадокъ силъ, говорилъ докторъ, покачалъ головой и ушелъ. Видно, ничѣмъ нельзя помочь.

Говоря это, Дюмонъ приподнялъ матроса. Тотъ открылъ отяжелѣвшія вѣки и посмотрѣлъ на склонившихся къ нему двухъ гостей. На его лицѣ, покрытомъ мертвенной блѣдностью, казалось, былъ виденъ близкій конецъ.

— Это мужъ молодой женщины, которая умерла на кораблѣ „Лоро“, сказалъ Дюмонъ.—Мнѣ нужно, чтобы вы ему подробно разсказали о ея смерти, и что было потомъ.

Испанецъ уставился на него, внимательно слѣдя за тѣмъ, что тотъ говорилъ.

— Подождите, сказалъ Измаилъ.—Прежде чѣмъ вы будете его разспрашивать, я желалъ бы имѣть другаго свидѣтеля. Нѣтъ ли въ этомъ домѣ кого нибудь, заслуживающаго большаго довѣрія, чѣмъ тотъ, котораго вы отсюда выслали?

— Въ этомъ птичникѣ однѣ только хищныя птицы, отвѣчалъ Дюмонъ.

— А эти матросы понимаютъ оба французскій языкъ?

— Оба.

— Такъ лучше позовите опять сюда его пріятеля. Онъ засвидѣтельствуетъ подпись испанца.

— Хорошо! Педро, вы здѣсь нужны, позвалъ Дюмонъ, отворивъ дверь, и Педро вошелъ съ выкуренной до половины сигарой.

— Если не обезпокою господина? промолвилъ онъ, не переставая курить и качнувъ головой въ знакъ согласія, когда Дюмонъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

Много стоило труда заставить говорить больнаго, безпрестанно впадавшаго въ дремоту. Ему повторяли нѣсколько разъ слова: кораблекрушеніе, Лоро, Вальпарайзо, и Дюмону удалось наконецъ расшевелить его память; онъ показалъ нѣкоторые признаки сознанія и посинѣлыми губами проговорилъ:

— На кораблѣ „Лоро“... да, тамъ была молодая женщина... одна... очень печальная... сидѣла въ углу на палубѣ весь день, часто плакала, когда думала, что никто этого не видитъ...

Digitized by Google

плаваніе было бурное...сильные противные вѣтры... черезъ три недѣли у нея сдѣлалась горячка... на кораблѣ не было другой женщины... жена капитана...страдала морской болѣзнью, боялась и слишкомъ была слаба, чтобы присмотрѣть за больной, которую нашли мертвой на ея койкѣ, на другое утро... Ее звали пѣвицей Бонитой... На закатѣ она была опущена въ море у мыса Горна... Черезъ три дня, нашъ корабль разбился о Фальклавдскую скалу; корабль, капитанъ и все пошло ко дну, я и жена капитана, съ ея больнымъ девятилѣтнимъ сыномъ, успѣли сѣсть въ лодку. Четверо сутокъ носили насъ волны; потомъ французскій пароходъ, плывшій въ Буэносъ-Айресъ, принялъ насъ. Жена капитана умерла, не доѣхавъ до гавани, а сынъ ея скончался въ больницѣ.

Этотъ разсказъ—медленный, прерывистый, непослѣдовательный—былъ внимательно выслушанъ Измаиломъ, который однако не могъ подавить сомнѣній. Разсказать такую исторію было нетрудно—могла умереть женщина на кораблѣ „Лоро", и могъ также остаться въ живыхъ только этотъ матросъ. Но какую увѣренность могъ имѣть Измаилъ, что умершая была Пакерета? У Дюмона былъ свой интересъ сочинить подобную исторію, чтобы получить обѣщанное вознагражденіе.

— Убѣждены ли вы? спросилъ Дюмонъ, смотря на листъ бумаги, на которомъ Измаилъ записалъ все сказанное матросомъ.

— Несовсѣмъ. Положимъ, что разсказъ вѣренъ; но какъ я могу знать также вѣрно, что умершая на кораблѣ женщина была моя жена?

— Фернандо былъ очень заинтересованъ положеніемъ этой женщины, и ему, можетъ быть, удастся убѣдить васъ. У него были кое-какія вещицы, оставшіяся послѣ нея, и въ томъ числѣ пакетъ съ письмами. Все это было у него за пазухой во время кораблекрушенія. Вещи онъ продалъ потомъ въ Буэносъ-Айресѣ, а письма у него подъ изголовьемъ. Хотите взглянуть на нихъ?

— Да.

Дюмонъ, съ согласія больнаго, взялъ изъ-подъ подушки небольшой пакетъ съ письмами, видимо бывшій когда-то въ водѣ. Бумага была испачкана, слова стерлись, но Измаилъ узналъ тонкій, мелкій почеркъ и вытисненный золотомъ гербъ. Угрюмо

Digitized by Google

посмотрѣлъ онъ на письма; на нихъ стояли числа того несчастнаго года его жизни, въ который убѣжала Пакерета и умерли его братья—года, лишившаго его семьи и жены. Это были письма соблазнителя къ своей жертвѣ.

Измаилъ спряталъ письма въ карманъ и, вынувъ горсть золота, высыпалъ его въ руку испанца, вѣки котораго опять сомкнулись, а дыханіе стало еще тяжелѣе.

— Это будетъ справедливо, если я убью его, сказалъ мужъ Пакереты, думая о соблазнителѣ.

Дюмонъ прочиталъ свидѣтельство за подписью испанца и Педро и, получивъ отъ Измаила обѣщанное вознагражденіе, сталъ пересчитывать банковые билеты.

— Довольны вы теперь? спросилъ онъ Измаила.

— Да, отвѣчалъ тотъ:—я удовлетворенъ. Это странно, но вѣроятно, такъ какъ бѣдняжка была покинута всѣми.

Онъ взялъ шляпу и хотѣлъ уходить.

— Если этотъ человѣкъ умираетъ, сказалъ онъ:—и докторъ ничего не можетъ для него сдѣлать, то я пришлю знакомаго мнѣ добраго священника. Онъ поговоритъ съ нимъ.

— Я боюсь, что вы и вашъ священникъ напрасно будете безпокоиться, небрежно промолвилъ Дюмонъ. — Мой другъ Фернандо несговорчивъ, и трудно его растрогать. Но вы можете сдѣлать, какъ желаете. Идти мнѣ съ вами?

— Зачѣмъ же? Я и одинъ найду дорогу.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

Ошибки русской политики въ Болгаріи

(въ періодъ 1877—1879 годовъ).

I.

Нѣтъ сомнѣнія, что восточная политика Россіи переживаетъ кризисъ. Къ прежнимъ условіямъ и дѣйствующимъ силамъ, игравшимъ роль въ судьбахъ Востока и направлявшимъ развитіе восточнаго вопроса въ ту или другую сторону, привзошли со времени крымской войны и парижскаго мира новые элементы, новыя силы, которыя прежде или вовсе не существовали, или играли второстепенную, пассивную роль.

Нами освобожденные народы, румынскій, сербскій и болгарскій—почти насильно, нашими же стараніями, выдвинутые на путь самостоятельной политической и культурной жизни,—вотъ тѣ новые элементы, которые явились въ юго-восточномъ углу Европы, на Дунаѣ и въ Балканахъ естественными, но какъ будто неожиданными для насъ наслѣдниками прежней туречины, царившей въ былыя времена отъ Босфора и Эгейскаго моря вплоть до береговъ Прута, Дуная и границы Венгріи.

Масса неопровержимыхъ историческихъ фактовъ и дипломатическихъ документовъ свидѣтельствуютъ, что наша система освобожденія турецкихъ христіанъ отъ мусульманскаго ига была искони проникнута крайнимъ, возвышеннѣйшимъ идеализмомъ при полномъ почти отсутствіи опредѣленныхъ цѣлей и намѣреній въ смыслѣ *политическомъ*. Наша политика какъ будто исключительно вдохновлялась религіозно-философскими убѣжденіями и вѣрованіями, человѣколюбивыми порывами и безкорыстно-освободительными соображеніями, будучи при этомъ въ существѣ своемъ,—если можно такъ выразиться,—совершенно *неполитичной*, какъ бы лишенной всякой существенной связи съ нашими собственными реальными интересами. Когда мы громили Турцію и шагъ за шагомъ съуживали предѣлы мусульманскаго владычества, мы, какъ кажется, ограничивали нашу задачу исключительно дѣломъ *разрушенія* турецкаго господства и освобожденія турецкихъ христіанъ, оставляя открытымъ вопросъ о томъ, что же именно будетъ *создано* на мѣстѣ разрушеннаго? Разрушая туречину *своими руками*, мы какъ будто считали дѣломъ второстепеннымъ вопросъ о томъ: *чьими* же руками и подъ чьимъ руководствомъ будетъ производиться возрожденіе и устройство жизни освобож-

Digitized by Google

денныхъ христіанскихъ народностей? Увлекаясь своей „освободительной миссіей", въ которой, естественно, у насъ и не могло быть соперниковъ,—потому что всякая освободительная задача неразлучна съ большими жертвами,—мы будто не предугадывали вовсе, что во вновь образовавшихся юныхъ государствахъ мы, наоборотъ, неминуемо должны будемъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ многочисленными и сильными конкурентами, вооруженными всѣмъ аппаратомъ цивилизаціи. Для нихъ, конечно, весьма выгодно было присутствовать пассивно при нашей *черной работѣ* вооруженной борьбы съ мусульманствомъ, чтобы всѣдъ затѣмъ являться на театръ нашихъ военныхъ дѣйствій для мирнаго культурнаго завоеванія территорій, обагренныхъ нашею кровью и населенныхъ народностями, нами исторгнутыми изъ варварства.

Но, спрашивается, было ли прилично и позволительно для насъ мириться съ ролью по истинѣ донкихотской—безсмѣнныхъ, какъ бы прирожденныхъ благодѣтелей нашихъ собственныхъ враговъ?

Въ такомъ вопросѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ ни преувеличенія, ни извращенія дѣйствительности. Нашею кровью, нашимъ государственнымъ и народнымъ достояніемъ, всѣми ужасами кровопролитныхъ войнъ и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ мы расплачивались во внутренней нашей жизни за эти подвиги—всѣмъ этимъ мы въ сущности жертвовали *гораздо болѣе* на пользу западно-европейскихъ нашихъ враговъ и враговъ славянства, нежели на пользу свою и славянскихъ народностей Турціи. Мы совершенно справедливо признавали положеніе народовъ, подчиненныхъ турецкому господству — ненормальнымъ, несовмѣстнымъ съ требованіями христіанства и гуманности, позорнымъ для современной высокообразованной Европы. Видя однако, что эта Европа упорно бездѣйствуетъ, допуская на своихъ глазахъ грубое попираніе мусульманскимъ варварствомъ Порты всѣхъ божескихъ и человѣческихъ правъ по отношенію къ христіанскимъ ея подданнымъ славянской и не-славянской расы, — мы точно также совершенно основательно нашли, что племенное и религіозное родство, а также наши силы, какъ первенствующей славянской державы, налагаютъ на насъ обязанность предпринять задачу возрожденія христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова, нѣкогда независимыхъ, но подпавшихъ подъ турецкое иго.

Что же могло быть цѣлью политическаго предпріятія такой важности и міроваго значенія?

Наша рѣшимость выступить на борьбу съ мусульманствомъ не только на собственной русской почвѣ, но и въ Европѣ и Азіи, при всей неразработанности общаго практическаго плана этой борьбы съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, все таки не могла же обусловливаться однимъ отвлеченнымъ, идейнымъ отношеніемъ къ дѣлу, одними принципіальными мотивами, чуждыми заботъ о своихъ русскихъ государственныхъ и народныхъ интересахъ? Задавшись многотрудной задачей, сопряженной съ колоссальными жертвами, и рѣшившись, очевидно, посвятить на нее не десятки, а цѣлыя сотни лѣтъ нашей народной жизни, мы, при всей воз-

Digitized by Google

вышенности своей политики, были, конечно, далеки отъ того, чтобы такую задачу преслѣдовать совершенно безсмысленно и безцѣльно для самихъ себя.

Мы *вѣрили* въ то, что наши жертвы даромъ не пропадутъ! Мы *надѣялись* на то, что „облагодѣтельствованныя" нами народности пойдутъ за нами въ своемъ политическомъ развитіи рука объ руку и образуютъ на юго-востокѣ Европы группу преданныхъ союзныхъ государствъ, способныхъ, съ теченіемъ времени, замѣнить для насъ въ международной жизни нѣкоторыхъ двусмысленныхъ, а часто и лукавыхъ союзниковъ, отъ которыхъ въ прошлой нашей жизни мы всегда видѣли болѣе зла, нежели добра. Мы *смутно сознавали*, что на Востокѣ и на Балканахъ мы можемъ найти почву для упроченія нашего международнаго положенія, для обезпеченія нашего будущаго экономическаго развитія, для созданія благопріятнаго намъ противовѣса, въ виду все яснѣе сплачивавшейся вокругъ насъ коалиціи соединенныхъ западно-европейскихъ государствъ, враждебныхъ столько же нашему государственному росту и преуспѣянію вообще, сколько, въ частности, и нашимъ успѣхамъ на Востокѣ, въ Балканахъ и въ Царьградѣ.

Но далѣе этой вѣры, этой надежды и этого смутнаго сожанія — планы восточной нашей политики, кажется, не доходили. Мы даже не задавались въ былыя времена вопросомъ: должны ли мы разъ навсегда ограничивать нашу задачу на Востокѣ дѣломъ разрушенія туречины—или мы призваны озабочиваться также и устройствомъ жизни и судьбы освобождаемыхъ народовъ? Во второмъ случаѣ мы должны были довершить нашу освободительную миссію установленіемъ зрѣло обдуманной практической *системы покровительства* надъ освобожденными народами, для обезпеченія ихъ, и самихъ себя отъ всѣхъ превратностей, которыя неизбѣжно должны были угрожать имъ на первыхъ порахъ свободной, но никѣмъ и ничѣмъ не огражденной политической карьеры. Если мы считали себя непризванными или, быть можетъ, даже неспособными снабжать ихъ плодами нашей гражданственности, нашего духовнаго развитія и просвѣщенія, каковы они есть—мы должны были открыто провозгласить освобождаемымъ народамъ такое наше рѣшеніе, съ тѣмъ чтобы, предоставивъ ихъ на произволъ судьбы, уже не предъявлять къ нимъ болѣе никакихъ требованій, не обольщать себя никакими ожиданіями, не смущаться, если они начнутъ пользоваться своей свободой по своему, не стѣсняясь соображеніями нашихъ интересовъ и опрометчиво жертвуя собственной очевидной пользой. Наоборотъ, если мы этого не допускали тогда, то вмѣсто того, чтобы, послѣ заключенія мирныхъ трактатовъ съ Турціей, всякій разъ *сходить со сцены*—мы должны были обращать свое вниманіе и силы на регулированіе жизни и установленіе прочнаго нашего вліянія среди созданныхъ нами государствъ, открыто провозглашая и передъ ними, и передъ Европой наши намѣренія и *права*. Въ дѣйствительности же, какъ выше сказано, мы даже не останавливались серьезно надъ уясненіемъ себѣ этихъ вопросовъ и

Digitized by Google

надъ ихъ опредѣленнымъ разрѣшеніемъ въ томъ или другомъ смыслѣ, но оставляли ихъ открытыми какъ для себя, такъ и для народовъ Балканскаго полуострова. На практикѣ это приводило къ какой-то *двойственности* нашей восточной политики, а также и къ двойственности нашего поведенія относительно этихъ народовъ. Съ одной стороны, мы какъ будто отказывались отъ всякой дѣятельной и самостоятельной роли въ политическомъ и культурномъ воспитаніи освобожденныхъ народовъ; — съ другой же стороны, мы какъ будто претендовали на то, чтобы эта роль была предоставляема именно намъ. Въ нашей офиціально-дипломатической дѣятельности и въ международныхъ актахъ мы постоянно стушевывались и сами усердствовали въ лишеніи себя всякихъ открытыхъ правъ и преимуществъ на Балканскомъ полуостровѣ. Что же изъ этого выходило? Когда Европа и сами славяне, основываясь на нашемъ собственномъ поведеніи, начинали намъ показывать, что такую добровольную скромность они намѣрены совершенно серьезно принимать къ свѣдѣнію и руководству, ожидая, что мы отъ этой скромности никогда не отступимся и будемъ послѣдовательны въ осуществленіи до конца нашей возвышенно-безкорыстной программы — мы всѣмъ этимъ начинали возмущаться и взирали обыкновенно на такое толкованіе нами же провозглашаемой программы, какъ бы на нарушеніе нашихъ нравственныхъ правъ, о которыхъ мы однако сами не заявляли, вѣруя, что пользованіе этими правами придетъ къ намъ *само собою*, что оно будетъ свободно *предложено* изъ чувства благодарности тѣми, кого мы облагодѣтельствовали.

Въ этомъ обстоятельствѣ,—въ томъ, что мы легкомысленно пренебрегали выяснить себѣ самимъ и другимъ *наши права и обязанности* на Востокѣ—и лежитъ общій корень всѣхъ нашихъ ошибокъ въ восточной политикѣ и зародышъ всѣхъ неблагопріятно слагавшихся обстоятельствъ, въ которыхъ мы постоянно оказывались застигнутыми врасплохъ и часто, слишкомъ часто, обреченными испытывать дипломатическія и нравственныя пораженія.

Все то, что происходило въ Болгаріи со времени вступленія русскихъ войскъ въ эту страну въ 1877 году и что разъигралось въ этой странѣ въ послѣднее время, послѣ румелійскаго переворота, наглядно подтверждаетъ вышесказанное. Разсматривая эти событія не подъ впечатлѣніемъ минуты, но безпристрастно и объективно, слѣдуетъ признать, что въ Болгаріи, по сю и по ту сторону Балканъ, происходило за послѣднее время то же, что прежде происходило въ Дунайскихъ княжествахъ, а затѣмъ въ Сербіи. Подобно тому какъ оба эти государства съ ихъ населеніями, обязанныя своей политической независимостью прежде всего нашимъ жертвамъ, отвернулись отъ насъ въ извѣстный моментъ и принялись опрометчиво пользоваться своей свободой, не справляясь съ нашими интересами и своими нравственными къ намъ обязанностями,—такъ и въ Болгаріи, со времени водворенія въ ней Батенберга, болгары попытались преслѣдовать свою узкоэгоистическую политику, въ видахъ исключительно своей болгар-

Digitized by Google

ской пользы (какъ они ее понимаютъ), отрѣшившись отъ всякихъ нравственныхъ обязательствъ и соображеній высшей всеславянской политики. Но къ теперешнимъ событіямъ, происходящимъ въ Софіи и вообще въ болгарской землѣ, мы однако относимся гораздо менѣе равнодушно, нежели къ тѣмъ, которыя въ свое время имъ предшествовали въ Румыніи и Сербіи. Прежде мы положительно, сложа руки, присутствовали при враждебной намъ эмансипаціи этихъ государствъ, при оскорбительномъ для національнаго самолюбія паденіи нашего политическаго авторитета.

Эта перемѣна отношеній объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что мы теперь гораздо болѣе—хотя все таки недостаточно—*прозрѣли* въ славянскомъ вопросѣ и болѣе, чѣмъ прежде, постигли его жизненное значеніе. Теперь о славянахъ и о нашихъ интересахъ, съ ними связанныхъ, трактуютъ уже не одни ученые слависты, не одни спеціально-славянофильскіе публицисты,—но вся печать и все общество, безъ различія партій. Это одно. Затѣмъ, мы не должны забывать, что въ ту эпоху, когда Дунайскія княжества изъ Молдавіи и Валахіи превращались въ Румынію и княземъ этой Румыніи провозглашался гогенцоллернскій принцъ Карлъ — мы всецѣло были поглощены вопросами внутренней русской жизни, выдвинутыми на первый планъ реформами Александра II. Теперь не то. Послѣ преобразовательной эпохи и смутнаго времени, вслѣдъ затѣмъ наступившаго и тянувшагося вплоть до 1 марта 1881 года, — мы очутились въ періодѣ внутренняго затишья... Лихорадочная реформаторская дѣятельность, нуждавшаяся въ напряженіи всѣхъ общественныхъ силъ, смѣнилась теперь безсрочнымъ отдыхомъ. Благодаря этому, общественное вниманіе именно теперь не можетъ не сосредоточиваться преимущественно на вопросахъ внѣшней политики и, тѣмъ болѣе, на дальнѣйшемъ ходѣ животрепещущаго и жизненнаго для насъ восточнаго вопроса. Къ тому же, впечатлѣнія отъ послѣдней войны еще слишкомъ свѣжи. Мы еще не оправились отъ послѣдствій этой войны и только теперь начинаемъ расплачиваться за пожертвованные нами въ пользу болгаръ милліарды. Теперь только начинаемъ мы понимать, что относительное благополучіе трехмилліоннаго слишкомъ чисто-болгарскаго населенія княжества и Румеліи куплено было нами едва ли не слишкомъ дорогою цѣною экономическаго оскудѣнія и государственнаго разстройства стомилліоннаго народа русскаго!...

Такіе результаты вызываютъ естественное вниманіе къ послѣдствіямъ нашихъ жертвъ и подвиговъ. Къ тому же, наши русскіе люди, въ числѣ многихъ сотенъ тысячъ исходившіе изъ конца въ конецъ Болгарію, узнавшіе болгаръ и ихъ страну не изъ книжныхъ и славянофильскихъ источниковъ, а изъ жизни и опыта—еще едва успѣли залѣчить свои раны и, конечно, не забыли всего ими видѣннаго за Дунаемъ.

Но если даже личныя жертвы и страданія, за кого либо понесенныя, не забываются, а связываютъ насъ душою съ тѣми, ради которыхъ мы жертвовали и страдали—то жертвы національныя, приведшія къ международному униженію, еще менѣе мо-

Digitized by Google

гутъ предаваться забвенію въ народахъ и обществахъ, живучихъ и обезпеченныхъ въ своей политической будущности. Такія униженія всегда возбуждаютъ стремленіе къ отпору и возмездію посредствомъ возстановленія своего обаянія и авторитета на той именно аренѣ, на которой они подверглись умаленію и оскорбленію. Россія въ послѣдній разъ громила Турцію на *болгарской территоріи*; на ней она предначертывала возрожденіе болгарской народности; въ ней она разсчитывала создать себѣ новую точку опоры для благопріятнаго русскимъ интересамъ разрѣшенія восточнаго вопроса. А берлинскій конгрессъ, какъ бы для вящаго поруганія достоинства Россіи и ея правъ, только что купленныхъ кровопролитной и побѣдоносной войной, сосредоточилъ всю нашу энергію на задачѣ *разрушенія* или, по крайней мѣрѣ, *искаженія* всего, что̀ нами было совершено и, Сан-Стефанскимъ договоромъ, пріобрѣтено *для Болгаріи*. Въ самомъ дѣлѣ, расчлененіе Болгаріи на вассальное княжество и на губернію Румелійскую; оставленіе Македоніи подъ мусульманскимъ игомъ; прирѣзка къ Румыніи — въ придачу къ части Добруджи, нами уже уступавшейся въ обмѣнъ на Бессарабію—еще немаловажной полосы земли вплоть до Силистріи на Дунаѣ и до Маталіи на Черномъ морѣ, наконецъ сокращеніе періода русской военной оккупаціи и управленія краемъ съ двухъ лѣтъ на восемь мѣсяцевъ—развѣ все это не убивало въ корнѣ нашихъ разсчетовъ и плановъ, не вырывало изъ нашихъ рукъ главнѣйшихъ результатовъ побѣды?

Нельзя допустить и мысли, чтобы такой ударъ, нанесенный нашему національному самолюбію, могъ быть забытъ или прощенъ. Отъ мала до велика, русскіе люди хорошо сознаютъ, что противоестественный результатъ, выразившійся въ берлинскомъ трактатѣ и умалившій плоды нашихъ послѣднихъ побѣдъ, отнюдь не является чѣмъ-то безповоротнымъ, непоправимымъ. Наоборотъ, именно сознаніе противоестественности этихъ результатовъ, ихъ случайности, благодаря тогдашней группировкѣ правительствъ, приводитъ насъ къ несомнѣнному, хотя еще недостаточно окрѣпшему убѣжденію, что все, нами испытанное въ 1878 году на берлинскомъ конгрессѣ, въ сущности поправимо, конечно, при одномъ непремѣнномъ условіи: *при твердой рѣшимости русскихъ людей отстоять свои священныя права и въками пріобрѣтавшіеся результаты!* Съ этой рѣшимостью мы можемъ и теперь, какъ восемь лѣтъ тому назадъ, почувствовать себя дома на болгарской почвѣ и получить увѣренность, что болгарская земля не пропадетъ ни для нашихъ русскихъ интересовъ, ни для пользы всеславянскаго единства.

Но дѣло вотъ въ чемъ. Мы должны, прежде всего, поспѣшить разобраться въ томъ хаосѣ, какой теперь представляютъ изъ себя русско-болгарскія отношенія. Мы должны распознать: въ чемъ именно виновны мы, и въ чемъ болгары? Мы должны со всѣмъ безпристрастіемъ и строгостью отнестись къ самимъ себѣ и своей дѣятельности въ Болгаріи, къ погрѣшностямъ нашей политики

Digitized by Google

въ болгарскомъ вопросѣ, въ которомъ все еще такъ молодо, свѣжо и такъ доступно поправленіямъ и усовершенствованію...

Въ такихъ видахъ и предпринято авторомъ этихъ строкъ изложеніе главнѣйшихъ фактовъ и чертъ изъ эпохи организаціи Болгаріи до водворенія перваго, нынѣ уже сошедшаго со сцены, князя. Личное пребываніе въ этой странѣ въ эпоху послѣдней войны, начиная отъ перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, и личное участіе въ гражданскомъ управленіи краемъ до конца русской оккупаціи — значительно облегчаютъ такую задачу, служа обильнымъ источникомъ воспоминаній и наблюденій, дающихъ достаточный матеріалъ для нѣкоторыхъ выводовъ, взятыхъ прямо изъ жизни и опыта.

Всякія, хотя бы частныя, но живыя, непосредственныя наблюденія надъ славянами вообще, и въ особенности надъ болгарами,— еслибы только можно было ихъ собрать воедино отъ всѣхъ очевидцевъ, побывавшихъ въ эпоху 1876—1879 годовъ на Балканскомъ полуостровѣ—могли бы принести русско-славянскому дѣлу неисчислимыя услуги. Освѣщая дѣйствительность, какова она есть, а не какою ее рисуютъ часто люди несвѣдущіе или недобросовѣстные, такія наблюденія при ихъ популяризаціи могли бы предотвращать множество недоразумѣній, которыя неожиданно сказались въ нашихъ отношеніяхъ къ народамъ, съ которыми у насъ не должно было бы существовать ничего другаго, кромѣ мира, согласія и полнаго единенія мыслей и чувствъ. Выставляя безбоязненно *правду* съ ея свѣтлыми и темными сторонами—они могли бы способствовать установленію между нами и славянами той справедливости во взаимной оцѣнкѣ другъ друга, безъ которой немыслимы не только дружба и союзъ, но и простое мирное сожительство, проникнутое взаимнымъ доброжелательствомъ. Знаніе людей и вещей въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ мы похоронили столько нашихъ костей—предохранило бы всю нашу политику и всѣ наши предпріятія въ предѣлахъ славянства отъ тѣхъ сантиментально-мечтательныхъ порывовъ и тѣхъ сердечныхъ увлеченій и разочарованій, которыя такъ пагубны въ національныхъ и политическихъ вопросахъ, гдѣ сердце и чувства всегда должны сообразоваться съ разсужденіемъ и разсчетомъ.

Съ этой именно точки зрѣнія и послѣдуетъ разсмотрѣніе нашей дѣятельности въ Болгаріи при князѣ Черкасскомъ и, затѣмъ, въ періодъ управленія краемъ русскаго императорскаго комисара.

II.

Прежде всего, надо постараться выяснить, что же именно имѣлось нами въ виду, когда мы объявляли войну Турціи и готовились съ нашей арміей вступить въ Болгарію? Обстоятельный и рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ, конечно, въ свое время исторія. Но, не задаваясь задачей историческихъ изслѣдованій на эту тему, можно, тѣмъ не менѣе, постараться выяснить съ достаточной вѣроятностью общія предположенія и желанія, ко-

Digitized by Google

торыя руководили нами относительно Болгаріи, насколько они выступаютъ въ официально обнародованныхъ актахъ, документахъ и распоряженіяхъ, касавшихся Болгаріи и нашего въ ней управленія.

Для общей же характеристики положенія, въ которомъ оказывались даже тѣ, кто былъ призванъ спеціально вѣдать болгарскими дѣлами—слѣдуетъ обратить вниманіе на всеобщее, господствовавшее тогда, незнакомство всѣхъ, отъ высшихъ до низшихъ, съ Болгаріей,—съ ея современнымъ политическимъ, этнографическимъ и экономическимъ положеніемъ. Этотъ фактъ отразился на всей нашей дѣятельности въ Болгаріи и оставилъ по себѣ глубокій, почти неизгладимый слѣдъ. Задаваясь задачей возрожденія Болгаріи и ея устройства на новыхъ европейскихъ началахъ —мы оказывались въ положеніи весьма затруднительномъ. Намъ приходилось, прежде всего, самимъ просвѣщаться насчетъ страны, которую мы собирались организовать и облагодѣтельствовать.

Не входя въ разсмотрѣніе причинъ этого явленія, можно удостовѣриться, что наше положеніе въ концѣ 1876 года, когда война уже оказывалась неизбѣжною, было дѣйствительно таково. Въ предисловіи къ „Матеріаламъ для изученія Болгаріи", изданнымъ въ 1877 году въ Бухарестѣ, мы читаемъ: „Въ виду предстоящаго вступленія нашихъ войскъ въ Болгарію, Е. И. В. главнокомандующій дѣйствующей арміей изволилъ повелѣть собрать о Болгаріи тѣ матеріалы и статистическія свѣдѣнія, знакомство съ которыми *необходимо* при первыхъ дѣйствіяхъ русскаго управленія въ задунайскомъ краѣ. Во исполненіе этого повелѣнія, завѣдывающій гражданскими дѣлами при Его Высочествѣ князь Черкасскій 30 апрѣля командировалъ изъ г. Кишинева въ г. Бухарестъ особую комисію, вручивъ ей для руководства подробную программу работъ. Комисія приступила къ трудамъ своимъ 3 мая". Далѣе, въ томъ же предисловіи говорилось, что „хотя относительно Европейской Турціи имѣется значительное число иностранныхъ сочиненій и прекрасный трудъ ген. шт. ген.-м. Н. Н. Обручева, но такъ какъ пользованіе иностранными источниками не всегда удобно и не всѣмъ доступно, военно-статистическій же Сборникъ 1868 г. составляетъ нынѣ библіографическую рѣдкость, а равно и потому, что со времени изданія лучшихъ трудовъ о Турціи произошли на Балканскомъ полуостровѣ значительныя перемѣны по многимъ отраслямъ государственнаго и общественнаго устройствъ, — было признано необходимымъ составить о Болгаріи особый сборникъ въ видѣ справочнаго руководства". Эти строки были помѣчены 21 мая 1877 года, при появленіи 1-го выпуска проэктированнаго сборника. Второй выпускъ явился лишь 19 іюня, значитъ, послѣ перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, причемъ весьма любопытно, что въ немъ только еще возвѣщалось о томъ, что къ третьему выпуску „*будетъ приложена* отлитографированная этнографическая карта Болгаріи, *предъявленная въ 1876 г.* константинопольской конференціи".

Итакъ, одновременно съ переходомъ черезъ Дунай на болгарскую землю, начали только редактироваться краткія и недостаточ-

Digitized by Google

ныя свѣдѣнія о Болгаріи. Но тутъ невольно рождаются вопросы: почему многочисленныя иностранныя сочиненія о Турціи не были у насъ своевременно переведены и изданы? почему „прекрасный" трудъ ген. Обручева не былъ вновь напечатанъ на казенный счетъ? почему этнографическая карта Турціи, уже существовавшая въ 1876 г., не была распространена ранѣе іюня мѣсяца 1877 года?

Въ результатѣ же вышло, что у насъ не оказалось людей, серьезно подготовленныхъ для успѣшнаго выполненія предстоявшей задачи. Но возвратимся къ вопросу объ общемъ планѣ возрожденія Болгаріи. Если подъ такимъ планомъ разумѣть обстоятельно разработанную программу политики, которой мы намѣревались бы держаться относительно Болгаріи не только въ ближайшемъ, но и въ болѣе отдаленномъ будущемъ—то можно смѣло утверждать, что такого плана вовсе и не было. Мы, очевидно, удовольствовались на первый разъ проэктомъ устройства болгарской земли на основаніи болѣе или менѣе полной, не только лишь административной, но и политической автономіи при вассальной зависимости отъ Турціи. Иначе говоря, мы какъ будто вознамѣрились въ Болгаріи начать съ того, чѣмъ въ свое время кончили въ Румыніи и Сербіи Такое предположеніе находитъ себѣ оправданіе въ пунктахъ Сан-Стефанскаго договора, касающихся Болгаріи. Но, спрашивается, возможно ли въ этомъ видѣть планъ самаго процесса возрожденія страны? Возможно ли было исчерпать по достиженіи политической автономіи этой турецкой области всю задачу, намъ предстоявшую,—задачу созданія изъ Болгаріи опорной точки для нашего будущаго поступательнаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ и для обезпеченія намъ, при помощи этой опорной точки, разрѣшенія восточнаго вопроса въ смыслѣ, соотвѣтствующемъ интересамъ Россіи и славянства? Конечно, нѣтъ. Иное дѣло было — намѣтить дипломатическій способъ обособленія Болгаріи отъ Турціи и подведенія этой страны подъ уровень съ другими, нѣкогда турецкими же областями, находившимися когда-то въ аналогическомъ положеніи; иное дѣло было—выработать для Болгаріи ad hoc такую нарочито-придуманную систему организаціи страны, ея отношеній къ сюзеренному правительству, къ западнымъ державамъ и къ Россіи, при которой Болгарія, являясь, по формѣ, поставленною въ тѣ же международныя условія, какъ и Румынія и Сербія, въ дѣйствительности же оказалась бы фактически включенной въ сферу непосредственнаго вліянія и руководства со стороны Россіи. Опытъ, пройденный нами въ Дунайскихъ княжествахъ и въ Сербіи, не только могъ оправдывать даже въ глазахъ Европы такую мѣру предосторожности, но и долженъ былъ мотивировать наше категорическое, въ этомъ отношеніи, требованіе.

Всѣ акты и документы того времени, о которыхъ будетъ рѣчь впереди, съ Сан-Стефанскимъ договоромъ включительно, свидѣтельствуютъ, что сознаніе этой потребности и, въ то же время, этой истины было намъ вполнѣ чуждо. Такъ съ чѣмъ же, въ сущности, начали мы войну за болгарское освобожденіе? Ужели

Digitized by Google

съ пустыми руками и однимъ лишь освободительнымъ порывомъ? Нѣтъ. Имѣлась, какъ мы знаемъ, „Инструкція завѣдывающему гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующей арміею", высочайше утвержденная еще 16 ноября 1876 года. Она осталась и остается до сихъ поръ неоглашенной, слѣдовательно, судить о ней въ ея совокупности — невозможно. Но въ послѣднихъ актахъ, изданныхъ и опубликованныхъ уже во время войны и касавшихся первоначальной организаціи края, не разъ упоминается объ этой инструкціи даже со ссылками на ея пункты. Такимъ образомъ, является возможность составить себѣ нѣкоторое понятіе хотя бы объ общемъ ея духѣ и главнѣйшихъ положеніяхъ. Точно также не можетъ быть никакого сомнѣнія, что всѣ вообще проэктированныя, а также и утвержденныя кн. Черкасскимъ правила и положенія, даже и безъ ссылки на инструкцію, должны были съ нею согласоваться. Далѣе, мы не должны упускать изъ виду еще другой весьма важный документъ того времени, который въ политическомъ и дипломатическомъ отношеніи не могъ не имѣть важнаго значенія—это прокламацію Александра II къ болгарамъ, помѣченную 10 іюня 1877 года и оглашенную вмѣстѣ со вступленіемъ нашихъ войскъ и нашего управленія на болгарскую почву. Очевидно, что и этотъ торжественный и всенародный актъ, предназначавшійся именно для руководства всего населенія Болгаріи, не могъ существенно отступать отъ проэктированной и тою же властью утвержденной инструкціи кн. Черкасскому, на основаніи которой онъ долженъ былъ управлять тѣмъ же населеніемъ Болгаріи. Такъ какъ высочайшей прокламаціей начинается рядъ обнародованныхъ въ то время документовъ—то мы и начнемъ съ ея разсмотрѣнія.

Всего важнѣе и интереснѣе то, что прокламація ни однимъ словомъ не упоминаетъ о славянскомъ значеніи войны и о славянскомъ происхожденіи болгарскаго народа. Прокламація въ началѣ остается на той почвѣ, на которой Россія вела войны въ прежнее время, когда рѣчь шла лишь о христіанахъ. „Время и обстоятельства—говорится въ прокламаціи—не измѣнили того сочувствія, которое Россія питала *къ единовѣрцамъ* своимъ на Востокѣ. И нынѣ она съ равнымъ благоволеніемъ и любовью относится ко всѣмъ многочисленнымъ членамъ обширной *христіанской семьи* на Балканскомъ полуостровѣ". Далѣе, правда, прокламація мимоходомъ упоминаетъ, что на русскую армію и ея главнокомандующаго „возложено оградить навѣки" болгарскую *народность*. Но, вслѣдъ затѣмъ, изъ той же прокламаціи мы узнаемъ что имѣлось въ виду устроить благополучіе также и всего смѣшаннаго населенія Болгаріи, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій. Вотъ что говорилось въ прокламаціи *жителямъ* болгарскаго края вообще: „Задача Россіи создавать, а не разрушать. Она Всевышнимъ промысломъ призвана согласить и умиротворить всѣ народности и всѣ исповѣданія въ тѣхъ частяхъ Болгаріи, гдѣ совмѣстно живутъ люди разнаго происхожденія и разной вѣры. Отселѣ русское оружіе оградитъ отъ всякаго насилія каждаго христіанина: ни одинъ волосъ не спадетъ безнаказанно

Digitized by Google

съ его головы; ни одна крупица его имущества не будетъ, безъ немедленнаго возмездія, похищена у него мусульманиномъ или кѣмъ другимъ. За каждое преступленіе послѣдуетъ безпощадное наказаніе. Одинаково будутъ обезпечены жизнь, свобода, честь, имущество *каждаго христіанина, къ какой бы церкви онъ ни принадлежалъ*. Но не месть будетъ руководить нами, а сознаніе строгой справедливости, стремленіе создать постепенно право и порядокъ тамъ, гдѣ доселѣ господствовалъ лишь дикій произволъ". Это мѣсто въ прокламаціи особенно должно было прійтись по душѣ румынамъ и грекамъ, населяющимъ нѣкоторыя мѣстности Болгаріи. Особенно греки, исконные злѣйшіе враги болгаръ, вмѣстѣ съ турками изощрявшіеся въ угнетеніи болгарской народности, должны были при этихъ словахъ вздохнуть свободнѣе и сказать себѣ, что имъ не изъ-за чего покидать Болгарію.

Но этого мало. Послѣдующее мѣсто въ прокламаціи относится до турецкой части населенія Болгаріи, и оно еще болѣе интересно и знаменательно: „Къ вамъ,—говоритъ прокламація,—обращаюсь я, мусульмане Болгаріи, со словомъ спасительнаго для васъ самихъ предостереженія. Съ горестью вспоминаю я о недавнихъ жестокостяхъ и преступленіяхъ, совершонныхъ многими изъ васъ надъ беззащитнымъ христіанскимъ населеніемъ Балканскаго полуострова. Міръ не можетъ позабыть этихъ ужасовъ; но русская власть не станетъ вымещать на всѣхъ васъ совершонныя вашими единовѣрцами преступленія. Справедливому, правильному и безпристрастному суду подвергнутся лишь тѣ немногіе злодѣи, имена которыхъ извѣстны были и вашему правительству, оставившему ихъ безъ должнаго наказанія. А вы—признайте чистосердечно судъ Божій, надъ вами безповоротно совершающійся. Смиренно покоритесь его священному предопредѣленію. Подчинитесь безусловно законному требованію тѣхъ властей, которыя съ появленіемъ войска моего будутъ установлены. Исполняйте ихъ приказанія безпрекословно. Сдѣлайтесь мирными гражданами общества, *готоваго даровать и вамъ всѣ блага правильно устроенной гражданской жизни*. Ваша вѣра останется *неприкосновенною*; ваша жизнь и достояніе, жизнь и честь вашихъ семействъ будутъ *свято охраняемы*". Такимъ образомъ, согласно этому мѣсту прокламаціи, имѣлось въ виду облагодѣтельствованіе уже не одного христіанскаго населенія Болгаріи, хотя бы и различныхъ вѣроисповѣданій, но и всѣхъ мусульманъ, которымъ мы готовы были даровать „всѣ блага" и которыхъ жизнь, достояніе и честь мы собирались даже „свято охранять". Отъ кого? Очевидно, отъ болгаръ...

Въ такой программѣ замѣчается уже значительное отступленіе отъ программы не только славянской, но и программы покровительства общехристіанскому населенію Турціи, которую мы проводили въ былыя времена въ нашей восточной политикѣ. Прежде, ведя войну съ Турціей, мы преслѣдовали, между прочимъ, и задачу изгнанія турокъ изъ Европы. Ради этой конечной цѣли, когда мы воевали съ Турціей и заключали съ нею договоры, мы начинали съ того, что ограждали права христіанскихъ населеній; потомъ постепенно ограничивали, шагъ за шагомъ, права насе-

Digitized by Google

ленія мусульманскаго, и затѣмъ вытѣсняли это населеніе изъ предѣловъ освобожденныхъ областей. Такъ было въ Дунайскихъ княжествахъ и въ Сербіи. Мы при этомъ руководствовались, очевидно, слѣдующими соображеніями.

Мы полагали, что сожительство вчерашнихъ угнетателей-мусульманъ съ населеніемъ, пропитаннымъ традиціонной къ нимъ злобой, усложнитъ напрасно задачу правительственной организаціи въ средѣ самого христіанскаго населенія; мы были убѣждены въ полной неспособности турецкаго элемента къ цивилизаціи и участію въ гражданскомъ строѣ, основанномъ на европейско-христіанскихъ началахъ; мы, наконецъ, помнили также, что весь бытъ, все достояніе мусульманскаго населенія покоились искони на варварскомъ угнетеніи населенія христіанскаго, что турки явились завоевателями въ страну, никогда имъ не принадлежавшую, и что жертвы матеріальныя и нравственныя, уже понесенныя во время ихъ четырехсотлѣтняго господства, достаточно оправдываютъ стремленіе кореннаго христіанскаго населенія видѣть свою землю навсегда очищенной отъ туречины.

Ошибались ли мы во всемъ этомъ, или, наоборотъ, не учинили ли мы ошибки, отказавшись (какъ видно изъ прокламаціи) отъ такой точки зрѣнія? Мы задавались задачей не одного лишь освобожденія Болгаріи,—но хотѣли создать изъ нея космополитическое государство съ пестрымъ населеніемъ всевозможныхъ племенъ и народностей, проникнутыхъ другъ къ другу чувствомъ всечеловѣческаго братства. Обращаясь къ *христіанамъ* Болгаріи, прокламація говорила: „Вы переживаете нынѣ дни для васъ присно-памятные. Пробилъ часъ освобожденія вашего отъ мусульманскаго безправнаго гнета. Явите же воочію міру высокій примѣръ взаимной христіанской любви. Забудьте старыя домашнія распри; строго уважая законныя права *каждой* народности, какъ *братья по вѣрѣ* (это, очевидно, относилось къ греко-болгарскимъ отношеніямъ), соединитесь въ общемъ единодушномъ чувствѣ дружества и согласія, безъ котораго ничего прочнаго не создается". Болѣе возвышенную моральную проповѣдь едва ли могъ бы произнести любой отецъ церкви или проповѣдникъ.

Но что могли думать и чувствовать вчерашнія жертвы баши-бузуковъ, тѣ, которые потеряли или своихъ отцовъ и матерей, или супруговъ и братьевъ? Могли ли такія слова быть ими поняты и оцѣнены? Не могли ли они, напротивъ, явиться соблазномъ для болгаръ, мечтавшихъ о возстановленіи попранной мусульманами справедливости, о вознагражденіи себя за вѣками претерпѣвавшіяся мученія?

Несомнѣнно одно, что такія слова по рукамъ связывали русскія власти въ краѣ и навязывали имъ и всему населенію новую задачу: совмѣстить съ возрожденіемъ болгарской народности и, избавленіемъ ея отъ мусульманскаго ига задачу покровительства среди той же болгарской народности, мусульманскому и греческому населенію. искони мучившему болгаръ. Далѣе мы ,увидимъ, какую массу времени поглотила у насъ эта задача, исказивъ при-

Digitized by Google

томъ славянскую программу, которую мы все же преслѣдовали, идя въ Болгарію.

Далѣе въ той же прокламаціи мы встрѣчаемъ еще одно серьезное указаніе. Въ ней говорилось въ заключеніе: „По мѣрѣ того какъ русскія войска будутъ подвигаться во внутрь страны, турецкія власти будутъ замѣняемы правильнымъ управленіемъ. Къ дѣятельному участію въ немъ будутъ немедленно призваны мѣстные жители подъ высшимъ руководствомъ установленной для сего власти; а новыя болгарскія дружины послужатъ ядромъ мѣстной болгарской силы, предназначенной къ охраненію всеобщаго порядка и безопасности". Что̀ означало „немедленное призваніе къ управленію *мѣстныхъ жителей*" края? Въ этихъ немногихъ и, повидимому, не особенно важныхъ словахъ скрывалась уже цѣлая программа. Въ этой фразѣ мы уже предрѣшали вопросъ о зрѣлости болгаръ для независимаго самоуправленія. Вся послѣдующая дѣятельность наша при князѣ Черкасскомъ и при императорскомъ комисарѣ служила иллюстраціей къ такому нашему убѣжденію и оказывалась послѣдовательно къ нему приноровленной.

Вникая ближе въ сущность этого убѣжденія о мнимой зрѣлости болгаръ къ политическому самоуправленію, нелегко будетъ объяснить себѣ: чѣмъ именно провозглашеніе это могло быть вызвано и, еще менѣе, чѣмъ могло быть оправдано передъ судомъ исторіи? Между тѣмъ, его ошибочность бросается въ глаза. Одно изъ двухъ: или четырехсотлѣтнее турецкое иго и весь турецкій строй жизни дѣйствительно были варварскіе, несовмѣстные съ элементарными требованіями цивилизаціи, способными исказить жизнь и духовное развитіе угнетенныхъ народностей,—или все это было лишь клеветой на турокъ. Въ первомъ случаѣ ни о какой зрѣлости болгаръ не только для политической независимости, но даже и для административной автономіи не должно быть и рѣчи.

Могли ли мы не вѣдать той историко-психологической аксіомы, что вчерашніе рабы не въ силахъ сегодня сдѣлаться зрѣлыми и нравственно состоятельными гражданами свободнаго государства? Мы даже забыли, что всякій деспотизмъ, особенно же деспотизмъ азіатскій, антихристіанскій, неминуемо развращаетъ все то, къ чему онъ прикасается. Кромѣ того, мы всегда питали непоколебимую вѣру въ воспитательную силу и всемогущество законовъ и учрежденій вообще, и въ совершенствованіи ихъ видѣли если не единственное, то главнѣйшее средство прогресса. Въ виду этого, болѣе чѣмъ непонятно, какъ могли мы позабыть о той школѣ, которую весь болгарскій народъ, отъ мала до велика, особенно же такъ называемая его интеллигенція, прошли въ теченіе турецкаго господства. Если же, наоборотъ, турецкіе законы, обычаи и нравы могли успѣшно воспитывать христіанское населеніе Турціи и готовить его къ политическому самоуправленію, — то въ чемъ же заключался тогда смыслъ нашей борьбы съ Турціей а еще болѣе смыслъ нашей освободительной миссіи въ Болгаріи? Отъ чего же мы принимались ихъ освобождать? Отъ привязанности ли къ хорошимъ учителямъ и хорошей школѣ? Къ чему

Digitized by Google

же было тогда и воевать съ турками? Ужели за то, что они потрудились въ своей школѣ образцовымъ образомъ воспитать цѣлый славянскій народъ и приготовить его къ самостоятельной политической жизни? Съ такими воспитателями не воюютъ, — но ихъ всепокорнѣйше благодарятъ.

Мы видимъ, въ какое внутреннее противорѣчіе мы впали, порѣшивъ немедленно призвать мѣстныхъ жителей къ дѣятельному— не скажемъ: управленію, но хотя бы къ сотрудничеству съ русскими властями въ ихъ задачѣ создать на мѣстѣ Болгаріи турецкой—Болгарію славянскую. Далѣе мы увидимъ, насколько мы были послѣдовательны въ проведеніи этого противорѣчія со всѣми его послѣдствіями до конца.

Итакъ, вотъ уже нашлись два главнѣйшихъ пункта искомой нами программы возрожденія Болгаріи. По первому изъ нихъ мы порѣшили распространить на мусульманское населеніе края благодѣянія свободнаго христіанскаго режима, о которомъ болгары, пока мы готовились къ войнѣ, мечтали исключительно для себя. По второму же пункту мы вообразили себѣ, что въ болгарахъ мы имѣемъ матеріалъ, вполнѣ пригодный для созданія самостоятельнаго полукосмополитическаго европейскаго государства.

О нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ нашей программы мы найдемъ указанія въ ссылкахъ, встрѣчающихся въ позднѣйшихъ актахъ, на инструкцію, данную князю Черкасскому 16 ноября 1876 года. Такъ напримѣръ, имѣется „проэктъ утвержденной великимъ княземъ главнокомандующимъ инструкціи чинамъ консульскаго корпуса, командируемымъ, по соглашенію съ начальникомъ полеваго штаба, въ распоряженіе корпусныхъ командировъ". Здѣсь мы читаемъ: „На основаніи высочайше утвержденной въ 16 день ноября 1876 г. „Инструкціи завѣдывающему гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующей арміею", на меня, между прочимъ, параграфами 3, 4 и 7, возложено: § 3. Наблюденіе за возможно правильнымъ теченіемъ гражданской мѣстной администраціи въ тылу арміи и дѣятельное содѣйствіе военному начальству къ охраненію мѣстнаго населенія отъ всякаго рода притѣсненія. § 4. Пріисканіе изъ числа мѣстныхъ жителей, при помощи свѣдѣній, доставляемыхъ отъ разныхъ военныхъ начальниковъ, лицъ вполнѣ благонадежныхъ, которыя, по своему вліянію, опытности въ условіяхъ мѣстной жизни и преданности русскому правительству, могли бы съ пользою быть употребляемы въ дѣлѣ устройства мѣстнаго управленія. § 7. Постепенное, по мѣрѣ возможности, введеніе улучшеннаго порядка распредѣленія и взиманія податей и налоговъ, а равно наблюденіе за возможно успѣшнымъ поступленіемъ оныхъ". Далѣе кн. Черкасскій, какъ онъ выразился, „приступая къ исполненію" вышеприведенныхъ указаній, командировалъ въ распоряженіе корпусныхъ командировъ чиновъ консульскаго корпуса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагалъ послѣднимъ „къ руководству" слѣдующія соображенія:

„Знакомство ваше съ мѣстными языками и условіями жизни, безъ сомнѣнія, дастъ возможность военному начальству обращаться къ вашему содѣйствію по дѣлу наблюденія за туземными переводчика-

Digitized by Google

ми, и я надѣюсь, что въ этомъ отношеніи вы, дѣятельно наблюдая за этими лицами, въ случаяхъ, когда это будетъ вамъ поручено военнымъ начальствомъ, облегчите заботы военныхъ властей и доставите имъ самыя точныя и правильныя свѣдѣнія. При этомъ не лишне обратить вниманіе на тѣхъ изъ членовъ такъ называемой „*Болгарской омладины*“, которые могутъ встрѣтиться между лицами мѣстнаго происхожденія, состоящими при войскахъ, немедленно докладывая о таковыхъ военному начальству для предупрежденія со стороны означенныхъ переводчиковъ какихъ либо недоразумѣній, къ которымъ люди молодые и малоопытные могли бы подать—быть можетъ, и невольно и, подчасъ, съ лучшими намѣреніями—поводъ вслѣдствіе нечуждаго имъ увлеченія“. При войскахъ въ то время положено было имѣть переводчиковъ какъ для допроса плѣнныхъ, лазутчиковъ и т. д., такъ и для облегченія командировъ частей въ ихъ сношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ для продовольствія и расквартированія войска, а также и для собиранія свѣдѣній о путяхъ сообщенія и обо всемъ, потребномъ для войны. Такими переводчиками должны явиться прежде всего болгары, какъ оно и оказалось. Но что̀ собственно разумѣлъ кн. Черкасскій подъ „Болгарской омладиной“, которой онъ, очевидно, опасался—это неясно. Слово „омладина“—сербское. Такъ назывался союзъ членовъ, принадлежавшихъ въ 60-хъ годахъ къ партіи такъ называемой—„Молодой Сербіи“, партіи національно-демократической, имѣвшей свои развѣтвленія во всѣхъ сербскихъ областяхъ и мѣстностяхъ, даже принадлежавшихъ къ составу Австріи. Знаменитый д-ръ Милетичъ въ Новомъ-Садѣ съ плеядой своихъ сподвижниковъ, группировавшихся въ то время вокругъ редакціи газеты „Застава“—былъ членомъ этой „Омладины“. Отдѣленія этого союза были повсюду—и въ Герцеговинѣ, и въ Босніи, гдѣ его представителемъ и самоотверженнымъ бойцомъ за сербское дѣло явился въ 1868 году молодой Пелагичъ, впослѣдствіи принявшій священство и много поработавшій тамъ въ эпоху герцеговинско-боснійскаго возстанія. Съ 1866 года начались собранія „Омладинской скупштины“, органа союзниковъ общесербскаго возрожденія. Въ самой Сербіи, въ Бѣлградѣ, когда я, въ 1867 году, лично присутствовалъ на происходившихъ тамъ засѣданіяхъ второй по счету „Омладинской скупштины“, я засталъ такихъ личностей, какъ митрополитъ Михаилъ, бывшій министръ Ефремъ Груичъ и иныхъ высокопоставленныхъ сербовъ, между которыми числился и бывшій тогда въ Константинополѣ сербскимъ агентомъ Ристичъ. Тогда уже въ немъ, этомъ союзѣ, наряду со стремленіями дѣйствительно національными и патріотическими, стали обнаруживаться и признаки революціонные, которые и выразились весною 1868 года убіеніемъ достойнаго сербскаго князя Михаила. Вотъ чѣмъ была „Омладина“ сербская.

Но могла ли существовать и была ли въ дѣйствительности „Болгарская омладина“, озабочивавшая князя Черкасскаго? Ея вовсе не было! Тутъ вышло недоразумѣніе или, вѣрнѣе говоря, интрига болгарской „аристократіи“ противъ болгарской молодежи —и болѣе ничего. Поводомъ же къ этой интригѣ послужили слѣ-

Digitized by Google

дующія обстоятельства. Давно уже существовало болгарское благотворительное общество, извѣстное подъ названіемъ „Одесскаго болгарскаго настоятельства", которое имѣло свой уставъ и свою программу дѣятельности. Иниціаторами и заправилами этого „настоятельства" были крупные болгарскіе торговцы, поселившіеся на югѣ Россіи, кое-кто изъ духовенства, наконецъ нѣсколько человѣкъ изъ интеллигентныхъ и даже ученыхъ болгаръ, какъ напр., Палаузовъ и др. Это „настоятельство" собирало пожертвованія для своихъ цѣлей какъ въ Болгаріи, такъ и въ Россіи, содержало воспитанниковъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и, между прочимъ, въ существовавшемъ тогда юго-славянскомъ пансіонѣ г. Минкова, а отчасти обращало свои средства на поддержку въ самой Болгаріи учрежденій и лицъ, служившихъ дѣлу народнаго развитія и возрожденія. У „настоятельства", существовавшаго многіе годы, завелись, какъ говорятъ, значительныя суммы, которыя однако расходовались имъ весьма бережно и даже скупо. Такъ продолжалось дѣло до послѣдняго славянскаго движенія, вызваннаго боснійско-герцеговинскимъ возстаніемъ въ 1875 году. Извѣстно, какой отголосокъ имѣло это движеніе на всемъ Балканскомъ полуостровѣ и какое въ немъ участіе приняли подъ конецъ и болгары, отчасти въ лицѣ добровольцевъ, явившихся въ Сербію для участія въ войнѣ 1876 года, отчасти въ лицѣ агитаторовъ и патріотовъ, способствовавшихъ пробужденію въ болгарскомъ народѣ стремленія къ свободѣ, посредствомъ организаціи въ Бухарестѣ особаго комитета съ развѣтвленіями въ разныхъ мѣстностяхъ Румыніи и Болгаріи. Этотъ комитетъ въ сущности имѣлъ ту же задачу, какъ и „Болгарское настоятельство", только съ видоизмѣненной программой, сообразно потребностямъ минуты. Программа же этого болгарскаго комитета, преимущественно руководимаго болгарской образованной молодежью, весьма близко подходила къ тогдашней программѣ нашихъ собственныхъ славянскихъ комитетовъ, съ которыми болгарскій комитетъ и былъ въ сношеніяхъ, способствуя съ своей стороны побѣгамъ болгаръ, компрометированныхъ въ Турціи своимъ патріотизмомъ, въ Россію, Румынію и Сербію, снабжая ихъ нужными средствами, организуя изъ нихъ добровольческія четы и вообще популяризуя въ болгарскомъ народѣ идею возрожденія народности.

Теперь спрашивается, могъ ли кн. Черкасскій, еслибы только онъ зналъ дѣйствительность, относиться къ такому комитету иначе, какъ сочувственно—онъ, самъ принадлежавшій къ членамъ-руководителямъ славянскаго комитета въ Москвѣ, произносившій рѣчи передъ славянами на московскомъ съѣздѣ 1867 года, наконецъ самъ посвятившій себя дѣлу возрожденія Болгаріи? На болгарскіе комитеты, какъ на что-то опасное и революціонное, могли взирать одни лишь турки, греки,—пожалуй, англичане и вообще всѣ тѣ, которые готовы были проповѣдывать въ то время о необходимости для турецкихъ славянъ оставаться навѣки вѣрноподданными султана. Но до этой точки зрѣнія не было никакого дѣла кн. Черкасскому, такъ какъ самое его появленіе въ Болгаріи уже явилось нарушеніемъ верховныхъ правъ султана, и русскія власти,

Digitized by Google

взявъ несчастный болгарскій народъ подъ свое покровительство, имѣли задачей не упроченіе его вѣрноподданническихъ отношеній къ турецкому правительству. а, напротивъ, устраненіе этого правительства отъ управленія болгарскимъ народомъ. Вотъ тутъ-то и заключалась интрига, жертвою которой сдѣлался кн. Черкасскій, благодаря своему малому знакомству съ болгарами. Члены и руководители „Болгарскаго настоятельства" и вообще,—если можно такъ выразиться, — болгарскіе патриціи поспѣшили, еще до появленія кн.Черкасскаго въ Румыніи, вселить въ немъ представленіе о комитетѣ, существовавшемъ въ Бухарестѣ, и о всѣхъ его участникахъ, какъ о чемъ-то весьма опасномъ и неблагонадежномъ съ точки зрѣнія русскихъ цѣлей. Такая интрига вызывалась зародившимся уже тогда антагонизмомъ между болгарской молодежью, и вообще людьми новой Болгаріи, и представителями старо-болгарской программы.

Наши интересы, также какъ и интересы самихъ болгаръ, требовали именно—не допускать образованія въ ихъ средѣ партій, для которыхъ не было никакой почвы. Выработавъ съ своей стороны обстоятельную и ясную программу для болгарской народности,-мы должны были привлечь къ равному въ ней участію, на основѣ обоюднаго довѣрія, всѣ элементы болгарскаго общества, которые по своему образованію, патріотизму и добросовѣстности заслуживали этого, не взирая ни на какія кружковыя или партійныя соображенія, а главное—на интриги и наговоры самихъ болгаръ другъ противъ друга. Между тѣмъ кн. Черкасскій неосторожно ввѣрился нѣкоторымъ болгарамъ стараго закала, воспитаннымъ въ старо-турецкихъ и фанаріотскихъ преданіяхъ, и съ ихъ словъ—какъ мнѣ лично разсказывалъ очевидецъ—на пріемѣ представлявшихся ему въ Бухарестѣ членовъ комитета, обрушился на нихъ съ порицаніями и угрозами, которыя на всю болгарскую молодежь произвели тогда самое скандализирующее и тягостное впечатлѣніе. Это было первой, весьма крупной тактической ошибкою, съ которой кн. Черкасскій дебютировалъ въ своей дѣятельности. Болѣе того. Онъ не ограничился одними угрозами, но даже дошелъ до рѣшимости арестовать нѣкоторыхъ изъ дѣятелей комитета, какъ напр., Икономова. Объ этомъ много говорилось тогда въ средѣ болгаръ.

Это прискорбное недоразумѣніе, само по себѣ не особенно важное, возъимѣло однако послѣдствія, едва ли до сихъ поръ не отражающіяся на болгарской жизни. Относясь съ чрезмѣрнымъ довѣріемъ къ одной группѣ „мѣстныхъ жителей" и подозрительно — къ другой, кн.Черкасскій лишилъ и себя, и своихъ сотрудниковъ удобства пользоваться въ достаточной мѣрѣ услугами и содѣйствіемъ именно той части болгарской интеллигенціи,которая была наименѣе испорче турецкимъ режимомъ и наиболѣе расположена подчиняться нашему руководству. Избравъ на выдающіяся должности, въ мѣстномъ управленіи людей старо-турецкаго закала и фанаріотской школы, онъ сослужилъ плохую службу и намъ самимъ, и болгарамъ. Онъ не подозрѣвалъ даже, насколько нѣкоторыя изъ избранныхъ имъ личностей, облеченныхъ и властью, и почетомъ,

Digitized by Google

скомпрометированы были въ глазахъ народа въ смыслѣ антипатріотическомъ. Выдвинувъ ихъ искусственно на сцену и отодвинувъ молодыя, болѣе безкорыстныя и честныя силы — онъ обнаружилъ передъ болгарами воочію и свое незнаніе края, и свое пренебреженіе къ голосу общественнаго мнѣнія. Если старо-турецкая партія изъ болгаръ (съ помощью которой туркамъ удавалось въ теченіе столѣтій управлять болгарской райей) тогда же, вмѣсто того, чтобы исчезнуть вмѣстѣ съ турками, подняла голову и забрала силу, а впослѣдствіи, при выработкѣ органическаго устава, доставила немало хлопотъ русской администраціи и много смутъ причинила въ странѣ, то этимъ мы обязаны кн. Черкасскому,— его легкомысленному благоволенію къ болгарскимъ „чорбаджіямъ“ давно уже и справедливо стяжавшимъ народную ненависть.

Такъ вотъ, для огражденія русскихъ военачальниковъ отъ зловреднаго соприкосновенія съ членами такъ называемой „Болгарской омладины“,—кн. Черкасскій возлагалъ особыя надежды на чиновъ консульскаго корпуса, которымъ онъ, въ послѣдующихъ семи пунктахъ вышеупомянутой инструкціи, подробно излагалъ ихъ обязанности и свойства услугъ, которыя отъ нихъ ожидались. Всѣ эти пункты инструкціи сводились къ тому, что чины консульства, прикомандированные состоять при корпусныхъ командирахъ, облекались при нихъ обязанностями чиновниковъ по особымъ порученіямъ для сношеній съ мѣстнымъ населеніемъ и для облегченія военнымъ чинамъ возможности оріентироваться въ незнакомой имъ странѣ. Я не войду въ разсмотрѣніе того, насколько эти „чины“ могли считаться подготовленными для роли совѣтниковъ и экспертовъ по сношеніямъ съ болгарами, но замѣчу лишь, что самый районъ, въ которомъ они могли бы быть полезны, былъ весьма ограниченъ, такъ какъ, вслѣдъ за очищеніемъ того или другаго округа или части его, въ этой мѣстности вводилось гражданское управленіе, завѣдывавшееся губернаторами и уже не состоявшее въ вѣдѣніи корпусныхъ командировъ. У этихъ же послѣднихъ болгарскіе округа, по завоеваніи ихъ или мирномъ занятіи, оставались лишь весьма короткое время и притомъ на незначительномъ протяженіи.

Нельзя не обратить вниманія на одинъ пунктъ этой инструкціи, именно тотъ, въ которомъ консульскимъ чинамъ предлагалось „содѣйствовать наблюденію за отобраніемъ отъ жителей оружія и собранію свѣдѣній о томъ—гдѣ и въ какомъ количествѣ оно можетъ безопасно храниться по отобраніи, и какія могутъ быть приняты матеріальныя мѣры къ обезпеченію неуклоннаго исполненія распоряженія о неношеніи впредь оружія“. Этотъ вопросъ объ оружіи былъ изъ немаловажныхъ, и казалось бы, что на немъ-то и слѣдовало намъ сосредоточить особую свою энергію и вниманіе, такъ какъ беззащитность болгарскаго населенія и жестокости, которымъ подвергались болгары, главнымъ образомъ произошли именно потому, что турецкое варварское населеніе было всегда вооружено, а болгарское—безоружно. Далѣе я укажу, во что этотъ проэктъ обезоруженія мусульманскаго населенія обратился на практикѣ. Что же касается до времени кн.

Digitized by Google

Черкасскаго, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ готовъ былъ осуществлять этотъ проэктъ со всею энергіей. Но дѣло въ томъ, что въ его время сами обстоятельства такъ сложились, что ему не отъ кого было это оружіе отбирать. По мѣрѣ того какъ войска наши вытѣсняли турецкую армію и занимали тѣ или другія мѣстности, мусульманское населеніе убѣгало отъ насъ со всѣмъ своимъ имуществомъ, оставляя на мѣстѣ своихъ обиталищъ однѣ лишь пустыя стѣны. Оружіе свое мусульмане естественно уносили съ собою, такъ что во все время управленіе кн. Черкасскаго намъ некого было обезоруживать и консульскіе чины въ этомъ случаѣ не могли намъ оказывать никакихъ услугъ. Особаго практическаго значенія обезоруженіе тогда имѣть не могло. Но вотъ что характерно и заслуживаетъ нашего вниманія: въ инструкціи рѣчь шла объ отобраніи „отъ жителей“ оружія и объ исполненіи распоряженія „о неношеніи впредь оружія“—вообще, безъ оговорки, чтобы такое распоряженіе касалось однихъ мусульманъ. Положено было, такимъ образомъ, приравнять въ этомъ отношеніи населеніе болгарское съ мусульманскимъ, что̀ едва ли было справедливо и тактично. Кромѣ того, оно было, относительно болгаръ, и неосторожно.

Извѣстно, что̀ произошло за Балканами послѣ внезапнаго нашего отступленія: произошла во многихъ мѣстностяхъ рѣзня беззащитныхъ болгаръ. Невозможно было ручаться, чтобы нѣчто подобное же не могло произойти и въ придунайской Болгаріи, и эпизодъ въ Систовѣ въ іюлѣ 1877 года, послѣ перваго отбитія турками нашего нападенія на Плевну, доказалъ, какъ было бы полезно, разоруживъ турокъ,—вооружить болгаръ. Если для всѣхъ въ то время была очевидною основательность нашего рѣшенія не оставлять оружія въ рукахъ дикихъ фанатиковъ, — то какое же могло быть справедливое основаніе лишать оружія мирное, долготерпѣливое, исторически доказавшее свою кротость, населеніе болгарское? Наше неосновательное недовѣріе къ болгарамъ возбудило въ то время,—какъ мнѣ лично извѣстно,—и недоумѣніе, и огорченіе. Нельзя не упомянуть и о томъ, что во всемъ мало-мальски достаточномъ и патріотически настроенномъ населеніи замѣтно было въ то время стремленіе принять дѣятельное участіе въ войнѣ за освобожденіе отечества, въ видѣ партизанскихъ отрядовъ, навербованныхъ изъ добровольцевъ, которые могли бы состоять даже подъ высшимъ командованіемъ русскихъ начальниковъ. Польза же отъ такихъ отрядовъ могла быть двоякой. Населеніе побраталось бы съ нами на поляхъ сраженій; оно ближе сдѣлалось бы свидѣтелемъ нашихъ подвиговъ, и этотъ нравственный результатъ пригодился бы намъ впослѣдствіи. Кромѣ того, оно могло наконецъ, при лучшемъ знакомствѣ съ краемъ, помочь и нашимъ развѣдкамъ о непріятелѣ, безпокоить тамъ и сямъ его обозы, предупреждать иной разъ его движенія и т. д. Кто знаетъ, не была ли бы предотвращена и самая осада Плевны, еслибы такой отрядъ оказался у насъ подъ рукою въ первый день вступленія нашего авангарда? А наше распоряженье о неношеніи оружія, которое, къ тому же, на первое время могло быть примѣ-

Digitized by Google

нено къ *однимъ* лишь болгарамъ—сразу охладило болгарскій патріотизмъ и то увлеченіе, съ которымъ они, въ ожиданіи нашего прихода, готовились вмѣстѣ съ нами бороться противъ общаго исконнаго врага. Наша подозрительная осторожность въ этомъ случаѣ заставила болгаръ впервые призадуматься и... разочароваться. Мы учинили мѣру непопулярную и, къ тому же, не оправдывавшуюся никакими практическими соображеніями.

По всему видно, мы готовились къ тому, что наше появленіе въ краѣ вызоветъ междоусобицу между мусульманскимъ и болгарскимъ населеніемъ. Поэтому, въ той же инструкціи консульскимъ чинамъ, кн. Черкасскій поручалъ имъ: „сообщать и докладывать корпусному командиру свѣдѣнія о случаяхъ *нарушеня свободы вѣры жителей, въ томъ числѣ мусульманъ, отъ проявленій мѣстнаго фанатизма*". Нарушенія—съ чьей же стороны? Ужели со стороны болгаръ, которыхъ скорѣе можно было упрекать въ чрезмѣрной выносливости и слабости патріотическаго чувства, а отнюдь не въ фанатизмѣ?—Что мы не на шутку опасались за мусульманъ, поселенныхъ въ краѣ, и внимательно озабочивались обезпеченіемъ ихъ отъ всякихъ непріятностей, видно также изъ „инструкціи для учрежденія первоначальнаго военно-полицейскаго управленія въ занимаемомъ войсками краѣ". Въ пунктѣ 3-емъ этой инструкціи говорится, что „главныя обязанности военно-полицейскихъ начальниковъ санджаковъ (губерній) и казъ (округовъ) заключаются въ строгомъ охраненіи спокойствія и порядка въ населеніи, въ предупрежденіи и пресѣченіи распрей, могущихъ возникнуть *между жителями разныхъ вѣроисповѣданій*, въ огражденіи свободы вѣры *всѣхъ* вѣроисповѣданій, *не исключая мусульманскаго*". Не иначе, какъ совершеннымъ незнаніемъ характера болгарскаго населенія, съ присущимъ ему религіознымъ индиферентизмомъ, можно объяснить себѣ подобныя опасенія. Надо было знать, что гнетъ фанаріотско-греческаго духовенства давно уже успѣлъ убить въ болгарахъ религіозность, какъ турецкіе чиновники — патріотизмъ. Какого же можно было опасаться отъ нихъ религіознаго или инаго фанатизма? Таковы слѣды той поверхностной программы, съ которою мы принялись освобождать болгаръ,—слѣды, сохранившіеся въ вышеназванныхъ офиціальныхъ актахъ, въ то время обнародованныхъ. Въ остальномъ, всѣ проэкты, положенія, инструкціи, правила и циркуляры кн. Черкасскаго относились исключительно до организаціи управленія краемъ въ отношеніи административно-полицейскомъ, а также по дѣламъ гражданскимъ, финансовымъ, судебнымъ, по мѣстному земско-хозяйственному управленію, по организаціи городскихъ и сельскихъ—административныхъ и общественныхъ—учрежденій. Ничего особенно интереснаго, новаго и зиждительнаго всѣ эти законоположенія не представляютъ.

Къ числу замѣтныхъ нововведеній, нами предпринятыхъ, слѣдуетъ, однако, отнести быстрое и мало обдуманное уничтоженіе десятиннаго налога натурою и замѣну его налогомъ денежнымъ. Мы не находимъ въ тогдашнихъ актахъ какихъ либо указаній на то, чѣмъ мотивировалось такое рѣшеніе; несомнѣнно однако,

Digitized by Google

что имѣлось въ виду облегченіе болгарскаго населенія и прекращеніе злоупотребленій, существовавшихъ при взиманіи этого налога турецкимъ правительствомъ черезъ откупщиковъ. Въ инструкціи „о взиманіи десятиннаго налога съ хлѣбныхъ полей и луговъ въ 1877 году" мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „Упомянутая въ предшедшей статьѣ сумма налога (въ деньгахъ, піастрахъ) опредѣляется начальникомъ округа (казы) на основаніи подробнаго изслѣдованія о суммахъ десятиннаго налога, за которыя были отданы десятины селеній на откупъ въ 1872, 1873, 1874, 1875 и 1876 годахъ. Но такъ какъ, *вслѣдствіе разныхъ случайныхъ распоряженій, десятина, отдававшаяся въ теченіе сихъ послѣднихъ годовъ турецкимъ правительствомъ на откупъ, составляла не 10% съ урожая, но 12½% или восьмую часть*, то за опредѣленіемъ, указаннымъ въ настоящей и предшедшей статьяхъ порядкомъ, средняго налога за послѣднія пять лѣтъ, слѣдуетъ еще полученную цифру убавить на 20%, то есть на одну пятую часть". Въ этомъ указаніи, можно предполагать, и заключалась побудительная причина замѣнить уплату десятиннаго налога натурою—денежнымъ налогомъ.

Сомнительно, однако, могло ли это рѣшеніе считаться удачнымъ и своевременнымъ.

Извѣстно, насколько всякое населеніе неохотно мѣняетъ привычный способъ уплаты всякаго налога на новый; преимущественно же это можетъ относиться къ налогамъ, взимаемымъ натурою. Лишь въ благоустроенномъ, цивилизованномъ государствѣ, съ хорошо устроенными путями сообщеній и сбыта, населеніе можетъ во всякое время съ удобствомъ реализовать свои продукты на выгодныхъ условіяхъ. Болгарія же, особенно во время военныхъ дѣйствій, при недоступности сбыта произведеній, представляла въ этомъ отношеніи самыя неблагопріятныя условія. И можно рѣшительно утверждать, что и эта мѣра, — нами предпринятая, конечно, съ лучшими намѣреніями,—въ результатѣ своемъ породила для населенія немало затрудненій и убытковъ, а также и немало хлопотъ для нашей администраціи, вслѣдствіе трудности опредѣлить цифры суммъ, платившихся въ прежнее время откупщиками. Несвоевременность этой реформы сдѣлала ее для населенія непопулярной, для интересовъ болгарской казны—непрактичной. Если имѣлось въ виду облегчить въ то время для населенія, уже выносившаго всѣ тягости военнаго времени, бремя десятиннаго налога, то не представлялось, кажется, особой трудности сократить этотъ налогъ на 1, 2, 3 и болѣе процента, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, такъ чтобы вмѣсто $^1/_{10}$ части урожаевъ взималось $^1/_{11}$, $^1/_{12}$, $^1/_{13}$ и т. д. Такая мѣра, при своей простотѣ и практичности, встрѣтила бы всеобщее сочувствіе. Вообще о дѣятельности кн. Черкасскаго можно сказать, что она сводилась, во-первыхъ, къ удовлетворенію потребностей военнаго времени, къ устройству на скорую руку какого нибудь управленія, которое бы вновь заставило дѣйствовать прежнія турецкія учрежденія и власти, безслѣдно исчезнувшія съ нашимъ появленіемъ. Князю Черкасскому не суждено было править болгарскимъ краемъ послѣ

Digitized by Google

его освобожденія и умиротворенія. Одновременно съ заключеніемъ Сан-Стефанскаго договора, и онъ, сраженный „разъѣдавшимъ его" недугомъ, скончался. Наступило переходное время подъ управленіемъ генералъ-лейтенанта Анучина, длившееся до появленія въ Болгаріи, въ роли русскаго императорскаго комисара, кн. А. М. Дондукова-Корсакова.

III.

Война окончилась. Болгарія оказалась освобожденной, мы изложили всѣ наши требованія и pia desideria въ прелиминарномъ мирномъ договорѣ, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемые, въ качествѣ побѣдителей, передъ вратами побѣжденнаго врага, передъ тѣми самыми вратами, на которыя еще древне-русскій великій князь съумѣлъ прибить свой щитъ. Санъ-Стефанскій договоръ интересенъ особенно потому, что по этому договору мы можемъ теперь документально судить о томъ, *чего мы сами себѣ желали* въ качествѣ побѣдителей. Еслибы мы желали бо̀льшаго—ничто намъ не мѣшало это выразить; если же мы ограничились тѣмъ, что̀ формулировано было въ 29 пунктахъ договора, многими признаваемаго образцовымъ, — то, значитъ, мы считали бы себя вполнѣ счастливыми и обезпеченными, еслибы эти 29 пунктовъ удостоились затѣмъ санкціи Европы. Эти соображенія, вытекающія логически изъ нашего поведенія при заключеніи Сан-Стефанскаго договора, вынуждаютъ прежде всего остановиться на вопросѣ о томъ, что̀ же именно пріобрѣтали мы, русскіе, Сан-Стефанскимъ договоромъ? въ чемъ находили мы утѣшеніе и вознагражденіе за потоки пролитой нами крови, за разореніе нашей русской земли и общее разстройство нашихъ русскихъ дѣлъ? Какого рода хотя бы косвенное обезпеченіе пріобрѣтала Россія въ *свободной* Болгаріи для интересовъ своей будущей восточной политики? Отвѣтъ на эти вопросы будетъ короткій: мы создавали на мѣсто турецкихъ вилайетовъ, населенныхъ смѣшаннымъ населеніемъ изъ болгаръ, турокъ и грековъ—одну автономную, вассальную и *„цьлокупную"* Болгарію съ такимъ же смѣшаннымъ населеніемъ, въ границахъ этнографическаго разселенія болгарскаго племени. Къ этому сводился существенный результатъ войны для болгаръ. А *для себя*? Мы выговаривали себѣ, въ VII пунктѣ Сан-Стефанскаго договора, слѣдующее: „Собраніе именитыхъ людей Болгаріи, созванное въ Филиппополѣ (Пловдивѣ) или въ Трновѣ, выработаетъ до избранія князя, подъ наблюденіемъ россійскаго императорскаго комисара и въ присутствіи комисара оттоманскаго, уставъ будущаго управленія, по примѣру того, какъ было сдѣлано въ 1830 году, послѣ Адріанопольскаго мира, въ Придунайскихъ княжествахъ"... Далѣе въ той же статьѣ говорилось: „Введеніе новаго образа управленія въ Болгаріи и наблюденіе за его примѣненіемъ будутъ поручены, въ теченіе двухъ лѣтъ, россійскому императорскому комисару. По прошествіи перваго года со времени введенія новаго порядка, европейскіе кабинеты—въ случаѣ, если это будетъ признано нужнымъ и если по

Digitized by Google

сему предмету послѣдуетъ соглашеніе между ними, Россіею и Блистательною Портою,—могутъ присоединить особыхъ уполномоченныхъ къ россійскому императорскому комисару". Въ статьѣ же VIII, между прочимъ, мы требовали собственно для себя слѣдующаго *права*: „... до полнаго образованія земскаго войска, достаточнаго для охраны порядка, безопасности и спокойствія,—и численность коего будетъ впослѣдствіи опредѣлена соглашеніемъ между оттоманскимъ правительствомъ и россійскимъ императорскимъ кабинетомъ,—русскія войска будутъ занимать страну и, въ случаѣ надобности, оказывать содѣйствіе комисару. Военное занятіе Болгаріи будетъ одинаково ограничено приблизительнымъ срокомъ въ два года".

Неужели *только*,—спроситъ себя всякій,—не скажемъ славянофилъ, но русскій человѣкъ?! Да, только и *болѣе ничего*! Въ этомъ заключались *наши трофеи* и *гарантіи* для дальнѣйшаго разрѣшенія восточнаго вопроса. Вѣдь не считать же въ числѣ трофеевъ десятка два бѣдныхъ бессарабскихъ поселеній, возвращавшихся къ намъ обратно, не считать же ими округа Ардагана, Карса, Батума и Баязета, — изъ-за которыхъ вести войну мы никогда бы не стали и которые нами приняты лишь въ возмѣщеніе убытковъ отъ войны, или тѣхъ мечтательныхъ трехсотъ милліоновъ рублей, которыхъ увидать въ своемъ казначействѣ намъ никогда не придется? Впрочемъ, я чуть было не забылъ еще одной капитальной гарантіи:—это личности Александра фонъ-Батенберга, котораго мы еще ранѣе, въ самый разгаръ войны, уже преднамѣтили въ будущіе избранники болгаръ, управлять которыми онъ сталъ впослѣдствіи „*Божіею милостью и волею народа*"!

И вотъ, съ цѣлью облегчить задачу управленія для этого офицера германской службы, готовившагося уже сдѣлаться государемъ, — какъ онъ выражался потомъ, — „возлюбленнаго" имъ болгарскаго народа, Россія торжественно командировала въ Болгарію своего императорскаго комисара, который, съ цѣлымъ штатомъ своего управленія, долженъ былъ довершить дѣло, начатое войной и осуществить нашъ конечный планъ относительно Болгаріи. Если въ прежнее время, до Сан-Стефанскаго договора, русскіе люди, а, слѣдовательно, и самъ кн. Черкасскій со своими сотрудниками, могли недостаточно ясно представлять себѣ, въ чемъ этотъ конечный планъ могъ заключаться или насколько онъ могъ видоизмѣняться, смотря по ходу военныхъ и политическихъ событій,—то теперь, послѣ 19 февраля 1878 года, все объяснилось и опредѣлилось. Всѣ мечтанія нашихъ славянофиловъ, всѣ ожиданія русскихъ патріотовъ, всѣ надежды воиновъ, умиравшихъ за Россію—свелись къ искусственному созданію изъ первобытнаго, лишеннаго цивилизаціи и гражданскаго благоустройства, края болгарскаго—наилиберальнѣйшаго, полукосмополитическаго, полуреспубликанскаго государства, съ монархической конституціей, фиктивной вассальной зависимостью отъ Турціи и полнѣйшей обособленностью, во всѣхъ отношеніяхъ, *даже отъ самой Россіи*! Это можетъ казаться просто невѣроятнымъ. Но нѣкоторые факты и

Digitized by Google

черты дѣятельности русскаго управленія въ Болгаріи всего лучше докажутъ справедливость этого грустнаго вывода.

Какъ должны мы были поставить себя и свое управленіе въ Болгаріи относительно Турціи и иностранныхъ государствъ? Надъ этимъ вопросомъ, какъ видно, мы немного думали, хотя онъ былъ изъ серьезныхъ и важныхъ, и по своему существу, и по своимъ послѣдствіямъ. Для отвѣта на этотъ вопросъ, я начну съ нѣкотораго необходимаго разъясненія. Издавна, съ половины прошедшаго столѣтія, каждая изъ европейскихъ державъ, заключавшихъ съ Турціей политическіе и торговые договоры и конвенціи, не исключая Россіи, озабочивалась включеніемъ въ эти дипломатическіе акты такихъ условій, которыя сколько нибудь обезпечивали бы отъ турецкаго фанатизма и варварства администрацію дипломатическихъ представителей и консуловъ этихъ державъ съ ихъ семьями, домочадцами и прислугой, а также и торгующихъ людей, путешественниковъ и вообще подданныхъ. Исходной точкой этихъ оговорокъ и правъ, имѣвшихъ для иностранцевъ въ Турціи значеніе привилегіи, было всеобщее сознаніе цивилизованныхъ правительствъ, что нѣтъ другаго средства—сколько нибудь обезпечивать жизнь и имущество христіанскихъ колонизаторовъ въ Турціи, а также ограждать достоинство того или другаго государства въ этомъ мусульманскомъ мірѣ отъ злоупотребленій и безпорядковъ мѣстнаго турецкаго режима, въ которомъ, съ европейской точки зрѣнія, должны были изнывать и пребывать одни лишь коренные славянскіе обитатели края и, вообще, вѣрноподданные султана. Такимъ образомъ возникли такъ называемыя „капитуляціи“, формулированныя въ различныхъ пунктахъ и оговоркахъ, разсыпанныхъ по различнымъ договорамъ и трактатамъ тѣхъ или другихъ державъ. Въ общемъ, всѣ эти пункты мало въ чемъ разнились въ трактатахъ, такъ какъ основаніе ихъ происхожденія и цѣль, которая ими преслѣдовалась—были тожественны. Выходцы всѣхъ государствъ съ ихъ дипломатическими представителями въ равной мѣрѣ считали для себя немыслимымъ подвергаться произволу турецкихъ заптіевъ и гайдуковъ, или насиліямъ турецкой жандармеріи и безсовѣстности турецкихъ судовъ. Благодаря „капитуляціямъ“, право экстерриторіальности,—принадлежавшее, по общимъ международнымъ актамъ и обычаямъ, однимъ лишь дипломатическимъ представителямъ при дворахъ и правительствахъ, у которыхъ они были акредитованы,—было распространено отчасти и на подданныхъ того же государства, которые пріобрѣтали такимъ образомъ право неприкосновенности личной и имущественной, и право пользованія своей національной юрисдикціей при помощи консульскихъ представителей и ихъ судовъ. Христіанско-европейскія правительства какъ бы заявляли такимъ образомъ султану, что они считаютъ себя вправѣ не довѣрять мусульманскимъ властямъ и судамъ, и признаютъ себя обязанными покровительствовать своимъ христіанскимъ подданнымъ, распространяя на нихъ даже въ предѣлахъ турецкой имперіи силу и дѣйствіе своихъ христіанскихъ законовъ. Порта же, скрѣпляя такую точку зрѣнія своимъ

Digitized by Google

утвержденіемъ, какъ бы подтверждала сама основательность требованій европейскихъ державъ.

Какъ же мы должны были поставить себя, свое русское управленіе краемъ въ этомъ отношеніи, до окончательнаго устройства изъ Болгаріи вассальнаго княжества? Ужели *на степень управленія турецкаго*, съ распространеніемъ и на себя обязанности соблюдать означенныя „капитуляціи"?.. Мы именно такъ и поступили, конечно, невполнѣ сознательно и не формулируя этого документально, но допустивъ de facto иностранныхъ консуловъ пребывать въ Болгаріи рядомъ съ нами и дозволивъ имъ начать съ самой весны 1878 года свою покровительственную дѣятельность относительно своихъ подданныхъ, уже со времени войны наводнившихъ въ громадномъ числѣ Болгарію ради соображеній наживы на счетъ русской казны и ради эксплуатаціи болгарской страны, которую они принялись „цивилизовать". Поступивши такъ небрежно и недальновидно въ этомъ вопросѣ, — мы сдѣлали двойную ошибку: уронили собственное достоинство и поставили подъ офиціальное покровительство иностранной дипломатіи иноземную эксплуатацію, ненавистную болгарамъ и вредную для ихъ развитія. И, какъ всегда, когда мы учиняли ошибки, мы затѣмъ принимались ихъ доканчивать съ изумительной послѣдовательностью и щепетильной добросовѣстностью. Такъ, при учрежденіи „отдѣловъ" управленія россійскаго комисара, мы пріобщили къ канцеляріи общихъ дѣлъ и завѣдываніе дѣлами „дипломатическими", въ число которыхъ включили не только сношенія съ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ или съ нашимъ посольствомъ въ Константинополѣ по дѣламъ, касавшимся нашихъ *русскихъ* интересовъ или интересовъ болгаръ, нами покровительствуемыхъ,—но и „всѣ сношенія съ иностранными консулами по дѣламъ *иностранцевъ, проживающихъ въ Болгаріи*", и еще „переписку о *правахъ иностранныхъ подданныхъ* и о всемъ, *что относится до консульской юрисдикціи*".

Всего интереснѣе, что это вовсе не требовалось не только Сан-Стефанскимъ договоромъ, но и самимъ Берлинскимъ трактатомъ. Какъ я выше сказалъ, мы сами возложили на себя эту обязанность, даже не обсудивъ ее предварительно: — какъ-то нечаянно, сама собою, она очутилась на нашихъ плечахъ со всѣми ея вредными послѣдствіями. Въ томъ, что сами европейскія правительства даже *не ожидали* подобной любезности съ нашей стороны, а, напротивъ, по заключеніи Сан-Стефанскаго договора, сами готовились къ тому, что мы силы „капитуляцій" и правъ консульской юрисдикціи не признаемъ,— я имѣлъ случай лично убѣдиться въ Рущукѣ въ 1878 году, въ самомъ началѣ дѣятельности русскаго управленія послѣ очищенія рущукскаго санджака отъ турецкихъ войскъ и властей. Однажды тамошній австрійскій консулъ de Montlong, во все время осады Рущука не покидавшій этого города, въ откровенной бесѣдѣ признался мнѣ, что, по водвореніи въ санджакѣ русскихъ гражданскихъ властей, онъ собирался было уѣзжать, думая, что мы консульскихъ правъ и юрисдикціи не допустимъ. „Но когда я увидалъ, что вы вступили

Digitized by Google

со мной въ сношенія, вѣжливо отвѣтивъ на мой вопросъ по одному дѣлу—я остался, и вотъ, благодаря этому, — прибавилъ онъ, шутя, — я лишился удовольствія уѣхать и отдохнуть послѣ не особенно веселаго времени осады, которую я выдержалъ". Его примѣру послѣдовали и другіе консулы. Потомъ мы увидали, насколько энергичной и назойливой сдѣлалась тогдашняя дѣятельность сихъ иностранныхъ представителей, не на шутку принявшихся спасать своихъ подданныхъ-выходцевъ, да кстати ужь и такъ называемыхъ на Востокѣ „protégés" отъ „варварства" нашей русской администраціи и нами руководимыхъ болгарскихъ учрежденій. Эта дѣятельность отвлекала у насъ много времени и вниманія совершенно непроизводительно. Но что всего хуже—она мотивировала для иностранныхъ правительствъ содержаніе въ различныхъ мѣстностяхъ Болгаріи своихъ агентовъ, а этимъ агентамъ—давала, подъ видомъ „защиты интересовъ" ихъ подданныхъ, благовидный предлогъ сближаться съ населеніемъ, оказывать на него давленіе при помощи своихъ драгомановъ въ судахъ, дискредитировать въ его глазахъ авторитетъ русскихъ властей и импонировать болгарамъ своей ролью въ предѣлахъ территоріи, на которой развѣвалось русское знамя, въ которой дѣйствовала даже относительно мѣстныхъ уроженцевъ юрисдикція русскихъ военно-уголовныхъ судовъ, сила русскихъ законовъ, которая была завоевана русской арміей, управлялась русскимъ комисаромъ не во имя султана, связаннаго „капитуляціями", а во имя русскаго Царя. Послѣдствія подобнаго противорѣчія и попустительства съ нашей стороны не замедлили сказаться очень скоро, и я еще скажу о нихъ въ своемъ мѣстѣ.

Обращаясь къ дѣятельности русскаго управленія въ Болгаріи съ апрѣля мѣсяца 1878 года, необходимо прежде всего напомнить о томъ фактѣ, что эта дѣятельность началась вскорѣ послѣ Сан-Стефанскаго договора, когда еще не предвидѣлось послѣдствій предстоявшаго берлинскаго конгресса. Значитъ, въ пріемахъ тогдашняго нашего управленія и въ первоначальныхъ распоряженіяхъ, предпринятыхъ при полной съ нашей стороны свободѣ дѣйствій, должны были уже выказываться слѣды того, какъ мы сами понимали тогдашнюю нашу задачу. Былъ ли нашъ комисаръ связанъ какой либо спеціальной, собственно для него выработанной инструкціей? Это остается неизвѣстнымъ. Возможно, что ему было предоставлено лишь развить и докончить программу, начертанную для кн. Черкасскаго въ инструкціи 16 ноября 1876 г. Главнѣйшія черты дѣятельности русскаго управленія при комисарѣ какъ бы оправдываютъ это предположеніе. Не задаваясь намѣреніемъ, въ настоящее время неосуществимымъ, представить хотя бы неполное изложеніе исторіи управленія Болгаріей въ эту эпоху, я ограничусь лишь напоминаніемъ о нѣкоторыхъ выдающихся мѣропріятіяхъ и фактахъ изъ официальной общеизвѣстной дѣятельности тогдашняго русскаго управленія, необходимыхъ для уясненія вопроса о свойствѣ тѣхъ ошибокъ нашей тогдашней политики, которыя впослѣдствіи привели къ извѣстнымъ событіямъ въ Болгаріи. Для большей убѣдительности и во избѣжаніе

Digitized by Google

всякихъ, съ чьей бы то ни было стороны, ложныхъ толкованій, достаточно будетъ руководствоваться въ изложеніи какъ самыхъ фактовъ, такъ и выводовъ изъ нихъ—свѣдѣніями, изложенными въ „Запискѣ о дѣятельности временнаго русскаго управленія въ Болгаріи," составленной по указаніямъ самого кн. А. М. Дондукова-Корсакова. Эта записка, по порученію его, была прочитана въ учредительномъ болгарскомъ народномъ собраніи 14 марта 1879 г. Очевидно, что свѣдѣнія, въ ней заключающіяся, несомнѣнно достовѣрны, что освѣщеніе фактовъ и коментаріи къ нимъ должны быть чужды всякой тенденціи, неблагопріятной для тогдашняго русскаго управленія. И вотъ почему въ своемъ изложеніи я нашелъ наиболѣе осторожнымъ и справедливымъ—придерживаться преимущественно содержанія этой „Записки", въ которой нашъ комисаръ представлялъ „болгарскимъ депутатамъ" какъ бы отчетъ о томъ, что Россія сдѣлала для Болгаріи.

„Русское правительство,—читаемъ мы въ этой „Запискѣ",—назначило своего комисара въ Болгарію, возложивъ на него введеніе въ этой странѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ, *полнаго гражданскаго устройства*. При императорскомъ комисарѣ учрежденъ совѣтъ, состоящій изъ шести членовъ; изъ нихъ одинъ завѣдуетъ канцеляріею комисара и дипломатическою частью, а остальные управляютъ каждый особымъ отдѣломъ; такихъ отдѣловъ открыто пять, именно: военный, внутреннихъ дѣлъ, судебный, финансовый, народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Организованное такимъ образомъ центральное управленіе императорскаго комисара въ Болгаріи, открывъ свои дѣйствія въ концѣ мая прошлаго года въ Пловдивѣ, приступило немедленно къ составленію общаго плана предстоящихъ реформъ въ Болгаріи. Въ то время, согласно этому плану, положено было, избѣгая излишней торопливости, вести всѣ преобразовательныя работы въ извѣстной послѣдовательности и, при составленіи главнѣйшихъ положеній, руководствоваться указаніями современной науки и истинными нуждами и потребностями страны. Для выполненія только что указанной программы, прежде всего предстояло озаботиться скорѣйшимъ и повсемѣстнымъ водвореніемъ въ занятыхъ уже русскими войсками частяхъ Болгаріи внѣшняго порядка и благоустроенной гражданской администраціи, и въ то же время приступить къ призыву новобранцевъ во вновь формируемыя дружины болгарскаго земскаго войска. Одновременно съ этимъ, имѣлось въ виду собрать возможно полныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ по различнымъ отраслямъ управленія въ краѣ. Свѣдѣнія эти должны были послужить матеріаломъ для составленія въ центральномъ управленіи различныхъ положеній, хотя временныхъ, но могущихъ придать необходимое въ дѣйствіяхъ однообразіе всѣмъ органамъ общественнаго и гражданскаго управленія въ Болгаріи. На осуществленіе всего вышеозначеннаго полагалось посвятить первый годъ русской оккупаціи и затѣмъ, давъ достаточно окрѣпнуть народному самосознанію и войти въ нравы населенія новымъ порядкамъ,—приступить къ постепенной замѣнѣ русскихъ чиновниковъ мѣстными уроженцами, съ тѣмъ чтобы ко времени выбо-

Digitized by Google

ра князя въ странѣ было уже готово вполнѣ національное управленіе, сосредоточенное въ рукахъ лучшихъ и способнѣйшихъ ея гражданъ".

Мы видимъ, значитъ, что и кн. Дондуковъ, подобно кн. Черкасскому, volens-nolens призванъ былъ хлопотать главнѣйшимъ образомъ о томъ, чтобы „ко времени выбора князя въ странѣ было уже *готово вполнѣ національное* управленіе", то есть управленіе изъ однихъ лишь „мѣстныхъ жителей", какъ ихъ называлъ кн. Черкасскій. Всего замѣчательнѣе то, что устраненіе русскихъ чиновниковъ и ихъ вліянія на ходъ дѣлъ предполагалось вслѣдъ за первымъ же годомъ русской оккупаціи, причемъ выражалось убѣжденіе, что такого срока можетъ быть „достаточно", чтобы „окрѣпнуть народному самосознанію и *войти въ нравы* населенія новымъ порядкамъ". Турецкіе порядки и права тяготѣли надъ населеніемъ ровно *четыреста лѣтъ* и въ концѣ концовъ едва не убили въ болгарахъ, вмѣстѣ съ гражданственностью и энергіей, самое воспоминаніе о ихъ національной самобытности. А мы вознамѣрились все это возстановить и дать „окрѣпнуть народному самосознанію" въ теченіе *одного года* нашей оккупаціи. Не было ли такое предположеніе увлеченіемъ и ошибкой?

Но и этому оптимистскому плану не суждено было осуществиться. „Слухи о берлинскомъ конгрессѣ,—говорится далѣе въ „Запискѣ",—заставили русскую власть оставаться на время въ выжидательномъ и неопредѣленномъ положеніи до конца іюля мѣсяца. Состоявшійся къ этому времени Берлинскій договоръ вынудилъ администрацію сосредоточить кругъ своей дѣятельности въ одной только сѣверной Болгаріи и, въ ожиданіи прибытія международной комисіи въ Пловдивъ, примѣнить къ Сливненской и Пловдивской губерніямъ временный, общій съ сѣверною Болгаріею, гражданскій строй и образовать земское болгарское войско въ составѣ девяти дружинъ и двухъ сотенъ кавалеріи. Наконецъ, вмѣсто двухлѣтняго срока, приходилось все переустройство страны окончить въ теченіе девяти мѣсяцевъ. Послѣднее обстоятельство, сдѣлавшее невозможнымъ полное осуществленіе первоначальной преобразовательной программы, заставило обратить вниманіе на приведеніе въ исполненіе только болѣе важныхъ реформъ. При такой постановкѣ дѣла, нѣкоторая поспѣшность въ распоряженіяхъ была неизбѣжна, отчего весьма естественно могли происходить недосмотръ и болѣе или менѣе значительныя неполноты. Все это имѣлось въ виду и вполнѣ сознавалось исполнителями, и потому, *дабы не стѣснять въ будущемъ свободнаго и болѣе широкаго развитія мѣстныхъ учрежденій* въ Болгаріи, принято было всѣмъ постановленіямъ, издаваемымъ центральнымъ управленіемъ, придать характеръ *временныхъ* правилъ и положеній, могущихъ *на первыхъ порахъ* удовлетворить лишь ближайшимъ нуждамъ и насущнымъ потребностямъ вновь созидаемаго княжества". Будущій историкъ этой эпохи и нашей дѣятельности въ Болгаріи съ изумленіемъ остановится на непонятномъ съ перваго раза явленіи,—почему сами русскіе администраторы въ краѣ такъ усердно изощрялись, чтобы всей своей дѣятельности придать proprio motu,

Digitized by Google

безъ чьего бы то ни было приказа или принужденія, характеръ чего-то случайнаго, эфемернаго. Могли ли вырабатывавшіяся нами законоположенія сколько нибудь способствовать „укрѣпленію народнаго самосознанія", когда мы сами дѣйствовали, какъ халифы на часъ, и открыто проповѣдывали самимъ болгарамъ, что отъ всей нашей работы они свободно могутъ не оставить камня на камнѣ? Было ли политично и логично въ такомъ случаѣ предпринимать изготовленіе всѣхъ многоразличныхъ „правилъ" и „положеній", къ тому же „временныхъ", когда всѣ они предназначались лишь служить для князя Батенберга и его чиновниковъ исходной точкой для сочиненія совсѣмъ другихъ регламентовъ? И населеніе, и чиновничество болгарское такъ и стали тогда смотрѣть на насъ и, естественно, не могли съ особеннымъ усердіемъ примѣнять все, что нами вырабатывалось. Мы оказывались въ роли тѣхъ канцелярскихъ чернорабочихъ, которые обыкновенно приготовляютъ матеріалы и разрабатываютъ сущность дѣлъ для того лишь, чтобы представить все это на благоусмотрѣніе своего начальства. Было ли съ нашей стороны прилично самихъ себя ставить въ роль чернорабочихъ, возводя на пьедесталъ вершителей— вчерашнихъ нашихъ стипендіатовъ или вчерашнихъ прислужниковъ турецкихъ губернаторовъ и пашей? Сознаніе всего этого вполнѣ отсутствовало у насъ, а болгары все это мотали себѣ на усъ и думали про себя: или Европа такъ приказала дѣлать русскимъ, или сами русскіе сознаютъ, что они на что нибудь прочное неспособны.

„Такимъ образомъ,—говорится далѣе въ томъ же документѣ,— въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ управленія императорскаго комисара удалось разработать и большею частью привести въ исполненіе главнѣйшія и существенныя положенія, относящіяся до устройства земскаго войска, администраціи и полиціи, суда, финансовъ и народнаго образованія". Для полноты характера тогдашняго нашего управленія, нельзя еще не обратить вниманія на нѣкоторыя мѣста той же „Записки", въ которой, по каждой отрасли нашей дѣятельности, мы встрѣчаемъ указанія на точку зрѣнія, руководившую нашими администраторами. Вотъ что встрѣчаемъ мы, напримѣръ, относительно организаціи войска: „Военное образованіе подвигается поразительно успѣшно, и можно разсчитывать, что болгары, при врожденной ихъ склонности ко всякаго рода труду и занятіямъ, въ скоромъ времени составятъ отличную боевую силу. Но, дабы сообщить войску полную самостоятельность и чисто національный духъ, необходимо стремиться къ тому, чтобы мѣста офицеровъ въ немъ возможно скорѣе заняли туземные уроженцы. Къ достиженію этого важнаго условія уже приняты надлежащія мѣры". Кто же это нарушалъ „самостоятельность" болгарскаго войска и „*чисто* національный" его духъ — ужь не *русскіе* ли офицеры, искусству, энергіи и тяжелымъ трудамъ которыхъ болгары обязаны были тѣмъ, что у нихъ создалось войско, хотя бы и не *чисто* національное? Подобныя рѣчи могли, конечно, *льстить* болгарскому самолюбію и кружить голову „свободномыслящей" болгарской партіи (что

Digitized by Google

и было)—но могли ли онѣ согласоваться съ правдой, а также и съ нашимъ достоинствомъ, могли ли такія рѣчи не оскорблять русскаго самолюбія, про которое въ то время какъ будто не полагалось и помнить? Благодаря господамъ Стамбуловымъ и Муткуровымъ, мы наконецъ вспомнили о своемъ достоинствѣ и о своихъ заслугахъ, забвеніемъ которыхъ мы въ то время *усердно щеголяли*. Если мы сами считали дальнѣйшее присутствіе въ войскѣ нашихъ офицеровъ-инструкторовъ *безполезнымъ*, а, пожалуй, и *вреднымъ*, то что же должны были думать наскоро приготовленные болгарскіе офицеры и фельдфебеля, а также и ихъ заграничные совѣтчики и вдохновители? Теперь посмотримъ, что говорилось въ „Запискѣ“ спеціально о внутреннемъ управленіи. „По отношенію къ гражданскому устройству края, съ открытіемъ дѣйствій центральнаго управленія Болгаріей, прежде всего были приняты мѣры ко введенію гражданской администраціи въ мѣстностяхъ, въ то время еще находившихся въ вѣдомствѣ военныхъ властей, а равно приступлено было къ выработкѣ новыхъ и къ видоизмѣненію и дополненію уже существовавшихъ положеній, дабы оныя могли вполнѣ соотвѣтствовать возникающимъ условіямъ общественной и государственной жизни. Въ виду этого, рѣшено было *руководствоваться началами децентрализаціи и широкаго самоуправленія* по административнымъ, судебнымъ, финансовымъ и земско-хозяйственнымъ учрежденіямъ. Въ силу этого, во всѣхъ изданныхъ доселѣ положеніяхъ ясно и опредѣленно *проведенъ начала общественнаго самоуправленія и народнаго представительства*. Выборному началу дано *самое широкое примѣненіе отъ низшихъ до высшихъ учрежденій*“.

Чтобы нѣсколько объяснить и оправдать такую точку зрѣнія, бросающуюся въ глаза своимъ противорѣчіемъ съ прежде выраженнымъ въ этой же „Запискѣ“ намѣреніемъ „руководствоваться *указаніями современной науки* и *истинными* нуждами и потребностями страны“,—необходимо упомянуть, что на всю дѣятельность русскаго управленія въ Болгаріи немало повліяло появленіе въ Филиппополѣ смѣшанной консульской комисіи, приступившей къ выработкѣ румелійскаго органическаго устава. Та комисія, очевидно, не усматривавшая ничего дѣйствительнаго въ фиктивномъ введеніи на бумагѣ системы широкой децентрализаціи и выборнаго начала, уже однимъ своимъ существованіемъ бокъ-о-бокъ съ нами, импонировала такую точку зрѣнія и нашимъ администраторамъ, для которыхъ казалось обязательнымъ *не отстать отъ Европы*. Но, какъ всегда водится въ такихъ случаяхъ, мы эту Европу даже перегнали, забывая, что ей-то не было никакого дѣла до Болгаріи, что она здѣсь не пожертвовала ничѣмъ, и что *чѣмъ хуже* шли болгарскія дѣла—*тѣмъ лучше* должно быть для Европы.

Въ томъ, что я говорю,—нѣтъ ни тенденціи, ни напраслины, а одна сущая правда, которую далѣе подтверждаетъ документально сама же „Записка“. Такъ, говоря о затрудненіяхъ, встрѣтившихся при попыткѣ введенія въ краѣ новаго уголовнаго судопроизводства, „Записка“ *признаётся чистосердечно*, что „въ судо-

Digitized by Google

производствѣ уголовномъ строгое проведеніе обвинительнаго начала представлялось крайне затруднительнымъ и *почти невозможнымъ по недостатку лицъ для занятія должностей прокуроровъ, а равно и по отсутствію хорошо подготовленныхъ и способныхъ защитниковъ*". Все это—истина съ перваго до послѣдняго слова. Но вотъ загадка: почему эти истины, наблюдавшіяся и сознававшіяся относительно прокуроровъ и уголовныхъ защитниковъ, игнорировались относительно судей въ различныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, отъ судовъ окружныхъ до *верховнаго* судилища „высшей инстанціи" въ Софіи, а также и судовъ административныхъ и губернскихъ? почему также этотъ фактъ, который для всякаго смышленаго человѣка былъ очевиденъ и по отношенію къ должностямъ во всѣхъ другихъ учрежденіяхъ,—въ „Запискѣ" вовсе не упоминался? почему паше управленіе въ краѣ игнорировало его, дѣлая видъ, будто оно окружено цѣлымъ сонмомъ отмѣнно образованныхъ, спеціально подготовленныхъ, проникнутыхъ безкорыстнымъ патріотизмомъ „именитыхъ" людей, „представителей" и кандидатовъ въ учрежденія, созданныя на началахъ самаго *широкаго* самоуправленія и децентрализаціи? Такое противорѣчіе—необъяснимо. Если турецкіе порядки и нравы, а также и мусульманская культура могли подготовить изъ болгаръ превосходныхъ министровъ, судей, законодателей и полководцевъ (при которыхъ исчезновеніе русскихъ офицеровъ считалось столь желательнымъ), то какимъ образомъ во владѣніяхъ падишаха, въ какихъ нибудь захолустьяхъ Фанара не могло найтись ни „прокуроровъ", ни „защитниковъ" изъ туземныхъ болгарскихъ уроженцевъ для пополненія устраивавшейся декораціи національнаго болгарскаго управленія? Затрудненіе подъискивать подходящій персоналъ для самостоятельнаго болгарскаго управленія обходилось въ то время весьма просто: всякій болгаринъ, носившій европейскій костюмъ и обладавшій хотя бы неполной грамотностью—превращался въ сановника болгарскаго государства (не безъ претензій такого кандидата хотя бы на министерскій портфель). Европа знала, что изо всего этого выйдетъ лишь грандіозный и скандальный пуфъ, котораго она вовсе и не боялась. А мы-то? Мы „ничто же сумняся" поддѣлывались подъ Европу, забывая, что ея цѣли и умыслы въ Болгаріи должны были діаметрально противорѣчить нашимъ. Не нужно было быть ни славянофиломъ, ни квасным патріотомъ, не нужно было вовсе отрекаться отъ справедливаго уваженія къ европейской цивилизаціи, чтобы уяснить себѣ и болгарамъ слѣдующія элементарныя истины: что насколько мы, русскіе, обязаны нашей образованностью Петру I и Европѣ,—настолько же теперь болгары обязаны намъ всѣмъ, что у нихъ оказывается и что будетъ впереди, обязаны жертвамъ русскаго народа и энергіи русскихъ дѣятелей;—что насколько мы, русскіе, отстали еще отъ Европы и стоимъ во многомъ (но далеко не во всемъ) *ниже* ея, настолько же болгары стоятъ *ниже насъ*;—что насколько мы, русскіе, *уважаемъ* европейскую культуру и *охотно ею пользуемся* для собственнаго преуспѣянія и развитія, настолько болгарамъ для собственной ихъ пользы *подобаетъ уважать насъ* и пользоваться *нашей русской культурой и*

Digitized by Google

нашимъ руководствомъ. Ужели такъ разсуждать и сообразовать съ такой точкой зрѣнія свою политику въ Болгаріи намъ помѣшалъ бы кто либо? неужели въ проведеніи такой программы намъ стоялъ поперегъ дороги Берлинскій трактатъ? На этотъ трактатъ теперь ссылаются всѣ, и всѣ имъ оправдываются. Нѣтъ, не онъ виновенъ въ томъ, что мы даже въ 70 годахъ недалеко ушли въ нашемъ русскомъ самосознаніи отъ временъ грибоѣдовскихъ, и что въ нашей политикѣ, особенно внѣшней, мы еще остаемся наивно преданными традиціямъ „эпохи конгрессовъ“ и „Вѣнскаго трактата“. Вотъ почему было бы несправедливо и непростительно навязывать также и представителямъ тогдашняго русскаго управленія въ Болгаріи личную солидарность съ подобными отсталыми традиціями и вредными для русскихъ интересовъ привычками. И личность, и репутація такого государственнаго дѣятеля, какъ кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, и его ближайшихъ сподвижниковъ въ Болгаріи, генераловъ М. А. Домонтовича, Золотарева, Грессера и гг. Тухолки и Лукьянова, устраняютъ всякое сомнѣніе въ томъ, чтобы они могли по доброй волѣ и собственному почину заниматься дѣломъ несерьезнымъ, дѣломъ искусственнаго и декоративнаго устройства страны на началахъ полной независимости отъ Россіи и во вредъ ей. Мы всѣ знаемъ хорошо, что такая программа имъ, несомнѣннымъ русскимъ патріотамъ, была въ то время навязана столько же духомъ времени, сколько и посторонними вліяніями, ничего общаго не имѣвшими ни съ чувствами русскихъ людей, ни съ интересами Россіи.

Между прочимъ, напримѣръ, имъ было навязано такого рода отношеніе къ мусульманамъ, что съ трудомъ можно было вѣрить, чтобы за годъ до того мы находились съ тѣми же мусульманами въ ожесточенной войнѣ, чтобы мы испытали отъ нихъ Плевну и, въ концѣ концовъ, явились въ Болгаріи ихъ истинными доброжелателями и покровителями. Выше я указалъ уже на то, что кн. Черкасскій предавался заботамъ объ огражденіи мусульманъ отъ болгарскаго фанатизма. Теперь мы пошли еще далѣе:—мы будто забыли о фанатизмѣ мусульманскомъ и не только не продолжали задачи полнаго разоруженія мусульманъ, но даже нашли полезнымъ *остановить* это разоруженіе въ тѣхъ санджакахъ, въ которыхъ оно еще не было окончено, какъ напр., въ Варнинскомъ и Шумлинскомъ. Такая политика исходила изъ Константинополя, то есть отъ тамошнихъ нашихъ представителей. Но была ли она опять ихъ собственнымъ измышленіемъ или продиктована откуда либо еще—остается неизвѣстнымъ. Да и то разоруженіе, которое мы думали произвесть, развѣ оно было серьезно и дѣйствительно? Мы получили отъ мусульманъ старый негодный хламъ, который они свалили намъ формальности ради, а настоящее оружіе они попрятали въ своихъ гаремахъ. А мы, *свято* соблюдая неприкосновенность гаремовъ и вообще мусульманскихъ нравовъ и обычаевъ,—сдѣлали видъ, будто мы объ этомъ не догадываемся, и такимъ образомъ позволили туркамъ надъ собою посмѣяться.... Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ Рущукской губерніи.

Digitized by Google

IV.

Вотъ съ какого рода пріемами и принципами взялись мы за дѣло возрожденія Болгаріи. Все послѣдующее—явилось естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ тѣхъ основныхъ понятій или, вѣрнѣе говоря, заблужденій, которыя насъ въ то время вдохновляли. Но увѣнчаніе фундамента, нами положеннаго, должно было произойти посредствомъ сочиненія органическаго устава и выбора князя. Изъ вышеизложеннаго можно было уже догадаться, какой проэктъ устава будетъ сочиненъ нами. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ хорошихъ и слабыхъ сторонъ выработаннаго нами проэкта устава и характера поправокъ, учиненныхъ въ немъ учредительнымъ собраніемъ,—я прежде всего остановлюсь на вопросѣ о томъ: слѣдовало ли намъ самимъ вырабатывать проэктъ органическаго устава (къ чему Берлинскій трактатъ насъ не обязывалъ)? Если же слѣдовало, то можно ли было предоставлять учредительному собранію искажать его и видоизмѣнять? Одно изъ двухъ:—коль скоро мы считали необходимымъ и желательнымъ провести ту или другую конституцію, при которой могли бы считать свои интересы болѣе обезпеченными—мы должны были и мы могли устроить дѣло такъ, чтобы нашъ проэктъ былъ принятъ въ 24 часа по его прочтеніи, безъ разсмотрѣнія по статьямъ par acclamation, — какъ это потомъ мы съумѣли же сдѣлать для избранія принца Батенберга. А нашъ комисаръ въ пространной рѣчи изощрялся въ увѣреніяхъ передъ трновскимъ собраніемъ „нотаблей“, что мы даже не осмѣливаемся имъ серьезно рекомендовать нашъ проэктъ, просмотрѣнный и одобренный русскими министрами и государственными людьми,—но что мы покорнѣйше просимъ ихъ отнестись къ этому проэкту безъ стѣсненій, какъ къ черной работѣ, нами учиненной единственно ради *удобства* гг. „нотаблей“ и „депутатовъ“. Если же мы считали себя призванными держаться „буквы“ Берлинскаго трактата, положившаго, что собраніе нотаблей въ Трновѣ выработаетъ органическій уставъ для княжества,—тогда намъ не нужно было и трудиться выступать съ собственнымъ проэктомъ, для того лишь, чтобы ронять свое достоинство, подвергаясь критикѣ и возраженіямъ несовершеннолѣтнихъ (въ родѣ Стамбулова) и полуграмотныхъ „нотаблей“.

И вотъ тутъ-то явилась на сцену иноземная интрига въ лицѣ иностранныхъ консуловъ и агентовъ, которая не дремала все время и—какъ я выше указалъ,—уже позаботилась пустить корни въ мѣстномъ населеніи и въ средѣ „нотаблей“ и „депутатовъ“. Началась *игра въ парламентаризмъ* по всѣмъ правиламъ искусства, причемъ со стороны иноземныхъ ея сообщниковъ изъ „нотаблей“ пускались въ ходъ всѣ уловки, всѣ средства, чтобы посѣять раздоры и смуту, чтобы дискредитировать наше управленіе, чтобы ясно дать понять народу, что мы—халифы на часъ, да еще и халифы-то смиренные, трусливые, въ самихъ себѣ не увѣренные, самихъ себя не уважающіе. Изъ числа 231 „нотабля“, съ трудомъ придуманныхъ въ то время и набранныхъ большею частью изъ

Digitized by Google

персонала администраціи (такъ какъ она завербовала къ себѣ уже почти весь наличный контингентъ болгарской интеллигенціи), едва ли имѣлось десятка два личностей, сколько нибудь серьезныхъ и надежныхъ. Около 90 депутатовъ, избранныхъ населеніемъ (остальные были назначены комисаромъ или явились въ качествѣ должностныхъ лицъ), принадлежали къ добрымъ болгарскимъ провинціаламъ и селянамъ, очевидно, имѣвшимъ о всякой конституціи весьма смутное понятіе. Главная роль принадлежала представителямъ якобы „цивилизаціи“ и „прогресса“, то есть вольнымъ и невольнымъ проводникамъ иноземныхъ интригъ.

Въ это время наше смиреніе и подобострастіе передъ спектромъ болгарскаго народа дошли до своего апогея и выражались подчасъ въ эпизодахъ, которыхъ скандалёзность можетъ сдѣлаться исторической. Въ средѣ коноводовъ анти-русской партіи зародилась мысль попробовать, нельзя ли при помощи народнаго собранія начать привлекать русскую администрацію къ слѣдствію и суду за все то, что̀ могло не нравиться той или другой личности, или являться нарушеніемъ „Берлинскаго трактата“, или „законовъ“ (это временныхъ-то положеній, нами же самими сочиненныхъ). И вотъ въ роли такого піонера выступаетъ г. Балабановъ и въ одномъ изъ засѣданій учиняетъ формальную *интерпеляцію* присутствовавшему на министерской скамьѣ сенатору Лукьянову, требуя объясненій о томъ, почему предсѣдатель одного изъ систовскихъ совѣтовъ оказался не включеннымъ въ число депутатовъ, согласно общему положенію. Г. Балабановъ (изъ мрака неизвѣстности выдвинутый въ вице-губернаторы еще кн. Черкасскимъ) усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніи правъ болгарскаго народа давленіе, насиліе, произволъ и т. д. Нашему представителю въ собраніи надлежало, кажется, ради охраненія собственнаго достоинства, да кстати ужь и престижа русскаго имени, дать понять г. Балабанову и всему собранію, что они, даже по Берлинскому трактату, призваны не для критики русской администраціи, не для препирательства съ нимъ, а для выработки устава. Вмѣсто этого, нашъ предсѣдатель смиренно спѣшитъ заявить, что немедленно будетъ учинено разслѣдованіе объ интересующемъ г. Балабанова вопросѣ, и что о результатахъ этого разслѣдованія ему будетъ немедленно доложено. Изъ Трнова снаряжается курьеръ въ Рущукъ съ запросомъ. Изъ Рущука администрація командируетъ совѣтника по казеннымъ дѣламъ съ объясненіемъ. Это объясненіе докладывается нашимъ представителемъ въ собраніи, и изъ него слѣдуетъ, что весь запросъ г. Балабанова — интрига, лишенная даже формальнаго основанія. Тогда г. Балабанова спрашиваютъ, не желаетъ ли онъ еще чего нибудь, но тотъ заявляетъ, что онъ вполнѣ удовлетворенъ. Парламентское слѣдствіе окончено; l'incident est clos! Г. Балабановъ e tutti quanti могли торжествовать, послѣ публичнаго униженія русской администраціи. А мы? Мы находили, что все идетъ великолѣпно въ лучшемъ изъ міровъ; мы любовались, какіе быстрые всходы давала та почва, на которой мы такъ усердно посѣвали сѣмена самой широкой „децентрализаціи“ и „самоуправленія“ вмѣстѣ съ началами „народнаго представительства“,

Digitized by Google

отъ благодѣяній котораго мы, не безъ вѣскихъ причинъ, отказывались у себя дома, опасаясь, съ одной стороны, ослабленія государственнаго единства, а съ другой — вторженія „чумазаго“ и „дѣльца“ въ нашу внутреннюю жизнь, въ качествѣ народныхъ опекуновъ и законодавцевъ. Можно представить себѣ, какое странное впечатлѣніе производила въ нашемъ отечествѣ эта странная игра въ парламентаризмъ на болгарской почвѣ...

Въ концѣ концовъ, изъ всей возни и „дебатовъ“ болгарскихъ нотаблей вышла пародія на нашъ проэктъ органическаго устава и почти сколокъ съ конституціи румынской, 30 іюня 1866 года, и сербской, 29 іюня 1869 года. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что мы сами взяли обѣ эти конституціи за исходную точку при составленіи собственнаго проэкта. Не было ли уже въ этомъ непонятнаго заблужденія? Можно ли было допустить, чтобы формы государственной жизни, введенныя въ Румыніи и Сербіи послѣ многихъ десятилѣтій самостоятельной жизни этихъ государствъ, могли быть своевременны и умѣстны въ только что народившемся болгарскомъ государствѣ, къ которому гораздо приличнѣе было, напримѣръ, примѣнить органическій уставъ, выработанный въ 30-хъ годахъ гр. Киселевымъ для Дунайскихъ княжествъ. Во имя какихъ же это „требованій“ и какой современной „науки“ сочли мы возможнымъ приравнять первобытную Болгарію къ Бельгіи и чуть ли не Швейцаріи?..

Какъ бы то ни было, но дѣло было сдѣлано: полуреспубликанскій уставъ сочиненъ и утвержденъ санкціей Европы. Болгарскій князь обращенъ въ англійскую королеву. Оставалось только приготовить страну къ сдачѣ ея избранному князю. Тутъ мы принялись съ энергіей составлять и вырабатывать послѣдніе, еще недостававшіе, „временные“ уставы и правила, нисколько не обращая вниманія на то, что̀ вокругъ насъ дѣлалось „Европой“ и ея агентами. Въ то время, какъ эта Европа начала интересоваться уже болгарской землей и дѣлать опыты (какъ напр., англійскій вице-консулъ въ Рущукѣ) съ арендованіемъ чифтликовъ (мызъ или фермъ)— мы сочиняли „Временное положеніе о гербовомъ сборѣ“, которое въ слѣдующемъ же народномъ собраніи могло быть уничтожено однимъ почеркомъ пера. Въ то время, какъ та же Европа начала заниматься Болгаріей въ качествѣ свѣжей почвы для своей религіозной пропаганды и отправлять туда миссіонеровъ отъ конгрегаціи „*De propaganda fide*“—мы разсылали, къ неукоснительному исполненію, въ пакетахъ съ надписью: „весьма нужное“—„Временныя правила объ оптовой и раздробительной торговлѣ питьями“ или описаніе формы одежды для чиновъ болгарской администраціи. Однимъ словомъ, Европа, не нуждаясь въ формахъ болгарскихъ учрежденій и въ писанныхъ регламентахъ, безпрепятственно начинала путешествовать по Болгаріи со своими капиталами, товарами, книгами, миссіонерами, культуртргерами и т. д., съ цѣлью мирнаго завоеванія страны, только что нами отвоеванной у турокъ, —а мы доканчивали приготовленіе страны къ водворенію князя и озабочивались преимущественно тѣмъ, что̀ этому князю могло понадобиться, начиная отъ милліоновъ рублей, оставленныхъ въ

Digitized by Google

болгарской кассѣ, до снабженія его дома инвентаремъ и домашней посудой включительно.

Пока самъ Александръ Батенбергъ еще въ Штутгардѣ уже начиналъ знакомиться съ представителями анти-русской партіи, которые откомандировали ему въ чичероне нѣкоторыхъ изъ своихъ единомышленниковъ—мы вспомнили, что для полноты государственной декораціи требовалось еще озаботиться устройствомъ „народной радости". Для этого были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія, израсходовано изъ городскихъ общественныхъ кассъ немалое количество піастровъ—и народная радость предстала ко дню въѣзда князя, начиная отъ Варны до Софіи, по всему пути его слѣдованія, въ видѣ тріумфальныхъ воротъ, флаговъ, встрѣчъ, рѣчей, пиршествъ, возгласовъ: „да живей" и т. п.

Послѣ всего этого, князь Александръ, принявъ присягу и издавъ указъ о производствѣ въ министры нашихъ вчерашнихъ интерпелянтовъ и враговъ въ родѣ г. Балабанова, — принялъ бразды правленія и сдѣлался въ Болгаріи всей нашей надеждой и *всей опорой* нашей восточной политики!..

Мы знаемъ, какъ онъ эту роль выполнилъ... Теперь намъ остается лишь спросить себя: какою должна быть отнынѣ наша роль въ Болгаріи? Угодно ли намъ продолжать въ ней ту же роль, какую мы играли и которая привела къ тому, что русская держава оказывается въ политическомъ единоборствѣ съ какимъ-то презрѣннымъ регентствомъ, издѣвающимся и надъ нами, и надъ самой Болгаріей?!

Отвѣчать на эти вопросы—не намъ.

Русскому же обществу, всѣмъ русскимъ патріотамъ и, просто, русскимъ людямъ, не чуждымъ политическаго смысла, остается почерпнуть въ урокѣ, испытываемомъ Россіею, назиданіе для будущаго. Этотъ урокъ намъ ясно говоритъ, что если мы хотимъ, чтобы насъ уважали другіе,—намъ необходимо прежде всего уважать самихъ себя и ни передъ кѣмъ на свѣтѣ, даже передъ лучшимъ другомъ и братомъ, не смиренствовать до самоуничиженія. Еще онъ говоритъ намъ, что всякая политическая миссія, хотя бы и освободительная, есть прежде всего предпріятіе, нуждающееся въ сообразныхъ средствахъ и въ рѣшимости послѣдовательно примѣнять эти средства *до конца*, пока миссія не окажется завершеной,—тогда какъ мы пренебрегли двумя главнѣйшими средствами, необходимыми для всякаго предпріятія: это - знаніемъ дѣла и твердой волей. Наконецъ, этотъ опытъ еще предупреждаетъ насъ, что если мы тотчасъ же не поднимемъ голову на Востокѣ, не будемъ высоко ее держать, не заставимъ этотъ Востокъ смириться и, въ то же время, не поспѣшимъ сами запастись и лучшимъ знаніемъ дѣла, и болѣе твердой волей—мы и въ Болгаріи, и на Балканскомъ полуостровѣ, и на всемъ Востокѣ исчезнемъ окончательно со сцены и никогда болѣе не войдемъ въ нашу роль,—роль первенствующей славянской державы во всеславянскомъ союзѣ государствъ и народовъ.

Гр. Петръ Кутузовъ.

Digitized by Google

КРЕСТЬЯНСКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ ЛИФЛЯНДІИ.

IV.

Трехлѣтній неурожай.—Появленіе голодающихъ въ Ригѣ.—Первая крестьянская партія у преосвященнаго Иринарха.—Тревога помѣщиковъ и пасторовъ.—Нѣмецко-лютеранскій планъ подавить движеніе къ православію.—Донесенія барона Палена.—Донесенія епископа Иринарха.—Исканіе и находка бунта.—Пребываніе въ Ригѣ двухъ флигель-адьютантовъ.—Увозъ преосвященнаго Иринарха.—Экзекуціи и полная побѣда помѣщиковъ и пасторовъ.

1838-й годъ былъ неурожайный почти для всей Лифляндской губерніи. Скудость въ хлѣбѣ и вообще въ съѣстныхъ припасахъ была большая почти во всѣхъ уѣздахъ *). Слѣдующій 1839-й годъ былъ опять неурожайный, съ тою разницею, что неурожай постигъ не одну Лифляндскую губернію, а охватилъ огромную полосу средней Россіи отъ Балтійскаго моря чуть ли не до Урала. Бѣда была большая повсюду; лифляндскіе крестьяне однако перебились и этотъ годъ, занимая хлѣбъ въ запасныхъ магазинахъ. Слѣдующій 1840 г. былъ не лучше: дожди и зной не во-время сдѣлали свое дѣло, и почти во всей губерніи обнаружился крайній недостатокъ продовольствія. Правда, голодъ не доходилъ до тѣхъ ужасающихъ размѣровъ, какъ въ 1601—1602 годахъ, когда люди остервенились, когда развилось людоѣдство, и сильный подстерегалъ слабаго, чтобы его убить и съѣсть, когда люди обгладывали свои собственныя руки **); но все таки бѣдствіе было большое. Хлѣбные запасы истощились, и съ осени крестьяне стали обращаться къ помѣщикамъ за помощью. Помощи однако не было: помѣщики, не обязанные, съ отмѣною крѣпостнаго права, помогать крестьянамъ, ничего не давали, потому

*) Впрочемъ, и въ урожайные годы крестьяне Лифляндской губерніи въ тѣ времена не знали достатка въ пищѣ: самаго дурнаго качества хлѣбъ, такъ называемая *путра*, да картофель—вотъ и все продовольствіе. Мясной пищи и не знали. Вотъ что пишетъ на этотъ счетъ Индрикъ Страумитъ (см. „Окраины“ Самарина II, 9): „Въ хлѣбѣ мука постепенно вытѣснялась мякиною. Стали питаться одною путрою, изъ негодной ржаной или ячменной муки или крупы, съ приправой: зимою —ложки мерзкой прогоркшей сыворотки, а лѣтомъ—съ подливкою козьяго молока, и тоже не безъ сыворотки. Привыкли люди къ кислой ѣдѣ. Да, впрочемъ, это была не ѣда, а питье, на вкусъ очень похожее на ту жижу, которую выливаетъ на дворъ русскій мужикъ, когда выполаскиваетъ квасную кадку“.

**) Ужасающія подробности этого голода записалъ Ніенштетъ въ своей лѣтописи. (См. Приб. Сб. IV, 112).

Digitized by Google

что у нихъ самихъ запасы оскудѣли вслѣдствіе неурожаевъ, и еще болѣе вслѣдствіе того, что они не уменьшали производства спирта въ своихъ винокурняхъ и перегнали на водку много хлѣба. Въ иныхъ мѣстахъ приходилось кормиться бардою. Такъ, маріенбургскій помѣщикъ Валкскаго уѣзда, баронъ Фитингофъ, давалъ крестьянамъ взамѣнъ муки барду, записывая на нихъ въ долговую книгу за пудъ барды полпуда муки (см. донесеніе министру внутреннихъ дѣлъ въ „Чтеніяхъ“ 1865, II, 94). Отъ недостатка продовольствія развились болѣзни. Медицинскія пособія были безполезны для больнаго, умиравшаго отъ голода. Одинъ русскій чиновникъ, командированный вскорѣ послѣ 1841 г. въ Лифляндію, писалъ (см. „Чтенія“ 1865, III, 119): „Мы не забудемъ разсказа одного молодаго медика, который возвратилъ къ жизни умиравшаго юношу. Родители, вмѣсто благодарности, осыпали врача горькими упреками, говоря, что лучше было сыну ихъ умереть сразу, чѣмъ остаться въ живыхъ, чтобы потомъ опять медленно умирать отъ голода“. Не получая помощи отъ помѣщиковъ, крестьяне начали просить у мѣстныхъ властей хлѣба, причемъ ихъ просьбы нерѣдко принимали видъ жалобъ на помѣщиковъ за недоставленіе имъ средствъ къ пропитанію,—жалобъ, конечно, съ формальной стороны неосновательныхъ, ибо крестьянское положеніе 1819 г. снимало съ помѣщиковъ всякую обязанность заботиться о крестьянахъ. Мѣстныя власти, не сдѣлавъ въ свое время надлежащихъ распоряженій о заготовленіи муки, или наотрѣзъ отказывали въ просьбахъ, или входили въ совершенно безполезную переписку съ мызными управленіями. Бѣдствіе росло съ каждымъ днемъ. Крестьяне, однако, кое-какъ обсѣялись.

Наступила весна 1841 г. и сразу уничтожила всѣ надежды землевладѣльцевъ. Пошли дожди, пахотныя поля вездѣ вымокли, всходы погибли еще въ апрѣлѣ, и наступалъ уже настоящій голодъ. Помѣщики не помогаютъ, начальство отказываетъ,—неужели всѣмъ поголовно умирать голодною смертью? Тутъ-то и пришло крестьянамъ на умъ осуществить мысль, давно уже бродившую въ ихъ средѣ—о выселеніи изъ Лифляндіи въ теплую Ейскую землю, рисовавшуюся въ народномъ воображеніи страною, исполненною заманчиваго довольства. Но развѣ можно переселиться, не имѣя ни куска хлѣба, ни копѣйки денегъ на дорогу,—ибо и хлѣбъ, и деньги—все уже проѣдено? Да, притомъ, надобно съ точностью знать, куда именно слѣдуетъ выселиться. Говорятъ люди, что есть такія мѣста, гдѣ раздаютъ даромъ земли, гдѣ-то далеко на югѣ, но про все это знаетъ только высшее начальство въ Ригѣ,—тамъ и можно все разузнать и устроить. Слѣдовательно, прежде всего надобно пробраться въ Ригу.

Въ началѣ мая 1841 г. маріенбургскіе крестьяне Валкскаго уѣзда, бывшіе нѣкогда крѣпостными барона Фитингофа и кормившіеся бардою, первые появились въ Ригѣ безъ всякихъ паспортовъ, безъ всякихъ разрѣшеній со стороны мызныхъ управленій,—появились, твердо зная, что никакія присутственныя мѣста не принимаютъ письменныхъ прошеній отъ крестьянъ, которые, по закону, должны были приносить жалобы не иначе, какъ лично.

Digitized by Google

Полуголодные, въ лохмотьяхъ, маріенбургскіе крестьяне пришли въ Ригу и здѣсь, питаясь подаяніемъ, расположились на улицахъ и площадяхъ. Вслѣдъ за ними подошли партіями въ Ригу и крестьяне изъ разныхъ другихъ мѣстностей Венденскаго и Валкскаго уѣздовъ, тоже безъ всякихъ паспортовъ. Эти новыя партіи также расположились, гдѣ попало, — на постоялыхъ дворахъ (у кого были деньги заплатить за ночлегъ), а больше всего—на улицахъ. Нѣкоторыя партіи расположились противъ самаго замка, гдѣ помѣщались губернскія присутственныя мѣста и квартира генералъ-губернатора. Сколько прибыло народа — никто не зналъ, да никто и не считалъ. Съ удивленіемъ смотрѣли рижскіе жители на этихъ пришельцевъ: зачѣмъ они пришли, что имъ нужно?

Скоро обнаружилось, зачѣмъ пришли эти массы истомленнаго голодомъ народа. Они начали наполнять переднія генералъ-губернатора, гражданскаго губернатора, губернскаго прокурора Гейкинга, жандармскаго штабъ-офицера Кирша, коменданта и разныхъ другихъ начальниковъ, и начали излагать свои просьбы. Общій смыслъ просьбъ былъ одинъ и тотъ же: „выселите насъ изъ Лифляндіи куда угодно, не дайте только умереть съ голоду!“ Одни изъ просителей жаловались на помѣщиковъ, другіе мололи всякій вздоръ, увѣряя, что имѣются уже правительственныя распоряженія о выселеніи лифляндскихъ крестьянъ, что-де не то въ киркахъ, не то въ судахъ уже читались и указы о даровой раздачѣ пустопорожнихъ мѣстъ на югѣ, въ теплой Ейской сторонѣ.

На просьбы о поголовномъ выселеніи изъ цѣлыхъ уѣздовъ губернское начальство не могло не отвѣчать полнымъ и рѣшительнымъ отказомъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ немыслимо было выселять всю губернію. Выслушавъ отказъ у одного начальника, крестьяне шли къ другому, обили всѣ пороги, перебывали рѣшительно у всѣхъ, и вездѣ слышали одно и то же: нельзя и нельзя. Крестьяне однако не слушались, не расходились по домамъ; напротивъ, число ихъ увеличивалось прибывающими новыми партіями. Тогда губернское правленіе, съ разрѣшенія высшаго губернскаго начальства, рѣшилось выпроваживать изъ Риги просителей силою: неимѣвшихъ паспортовъ,—а паспортовъ почти ни у кого не было,— начали наказывать палками, брить половину головы и прогонять домой.

Помѣщики первоначально не слишкомъ-то тревожились отлучками крестьянъ изъ деревень, потому что очень хорошо знали, что изъ просьбъ о выселеніи ничего не выдетъ; но и крестьяне съ своей стороны не унимались,—продолжали ходить въ Ригу со словесными, а нѣкоторые и съ письменными просьбами о выселеніи, не смущаясь тѣмъ, что изъ Риги ихъ выпроваживаютъ побоями.

Ни губернское правленіе, ни генералъ-губернаторъ не могли себѣ объяснить, откуда взялось у крестьянъ желаніе выселиться:— ужь не подговоръ ли какой, не продѣлки ли какихъ злоумышленниковъ? Кто же однако подговариваетъ мужиковъ являться въ

Digitized by Google

Ригу, кто пропагандируетъ выселеніе? Выяснить это никакъ не удавалось, потому и ограничились предположеніемъ, что, по всей вѣроятности, крестьяне провѣдали, что въ прошломъ 1840 г., по распоряженію правительства, изъ Курляндіи было выселено въ Бессарабію и Херсонскую губернію 2530 человѣкъ евреевъ, и потому они надѣются, что правительство выселитъ и ихъ.

Но вотъ, 9 іюня 1841 г., партія какихъ-то голодныхъ латышей, прибывшихъ неизвѣстно изъ какихъ мѣстъ Лифляндіи, таскаясь безплодно по переднимъ губернскихъ начальствъ, случайно забрела на архіерейское подворье къ преосвященному Иринарху и настоятельно потребовала, чтобы о нихъ доложили. Преосвященный вышелъ къ нимъ и черезъ переводчика спросилъ: что имъ нужно? Крестьяне начали ему излагать то же самое, что говорили начальству: а именно, что желаютъ выселиться, ибо терпятъ голодъ, что никто не желаетъ помочь ихъ выселенію, что правительство будто бы отводитъ пустопорожнія мѣста, что объ этомъ гдѣ-то уже объявлено и пр. и пр. Терпѣливо выслушалъ преосвященный безсвязный разсказъ латышей, не скрылъ своего состраданія къ ихъ бѣдственному положенію, роздалъ имъ по нѣсколько грошей и по куску хлѣба, но тутъ же объяснилъ имъ, что предметъ ихъ просьбы до него, архіерея, не касается; что православный архіерей поставленъ отнюдь не для того, чтобы пересылать крестьянъ изъ одной губерніи въ другую, а для управленія православными церковными дѣлами и присоединенія къ православію желающихъ принять его. Въ заключеніе, преосвященный Иринархъ совѣтовалъ латышамъ не таскаться по Ригѣ, а идти домой, приняться за работу и слушаться помѣщиковъ (гражданскій губернаторъ Фелькерзамъ впослѣдствіи свидѣтельствовалъ, что преосвященный именно это, а не что либо другое совѣтовалъ приходившимъ къ нему латышамъ).

Слухъ о томъ, что преосвященный не только не прогналъ явившихся къ нему латышей, но далъ имъ подаяніе, быстро распространился между другими латышами, прибывшими въ Ригу, и вскорѣ цѣлая толпа ихъ появилась у его дверей. Преосвященный никого не отгонялъ отъ себя, подавалъ просящимъ посильное подаяніе, но на всѣ ихъ просьбы помочь выселенію отвѣчалъ неизмѣнно одно и то же: что выселеніе составляетъ дѣло администраціи, а не духовенства, и что исключительное его призваніе— служить православной церкви. Слова преосвященнаго производили сильное впечатлѣніе на крестьянъ.

Нашелся и другой человѣкъ въ Ригѣ, который не прогналъ латышей. То былъ жандармскій полковникъ Киршъ. 18 іюня 1841 г., партія крестьянъ, человѣкъ въ 30, съ помѣщичьихъ мызъ Венденскаго уѣзда, пришла къ нему и заявила, что какой-то писарь Лукинъ читалъ имъ въ мірскомъ судѣ объявленіе, будто правительство предлагаетъ латышамъ переселиться въ другія губерніи, и что они, недовольные своими помѣщиками, голодные и обремененные барщиною, желаютъ переселиться. Киршъ переписалъ имена явившихся къ нему латышей и отпустилъ ихъ, сказавъ, что объ ихъ просьбѣ будетъ доложено государю императору.

Digitized by Google

Киршъ исполнилъ свое обѣщаніе и о желаніи крестьянъ донесъ, по обязанности своей, шефу жандармовъ графу Бенкендорфу, который, конечно, не оставилъ этого немаловажнаго дѣла безъ доклада государю. За этою партіею явились и другія. Однажды человѣкъ 80 латышей были выведены полиціею изъ Риги не безъ обычнаго наказанія за праздношатательство, но они нашли возможность пробраться назадъ въ другія ворота и потомъ разсказывали, что они были у „русскаго губернатора", у котораго солдаты въ голубыхъ мундирахъ, что были приняты имъ хорошо и получили обѣщаніе доложить о нихъ государю.

Въ поступкѣ Кирша не было ничего предосудительнаго, а если онъ и переписалъ имена являвшихся къ нему латышей, то, конечно, сдѣлалъ это для того, чтобы графъ Бенкендорфъ видѣлъ, что донесенія его подчиненнаго основаны не на какихъ либо темныхъ слухахъ, но могутъ быть провѣрены опросомъ записанныхъ людей. Генералъ-губернаторъ Паленъ нашелъ однако, что перепись латышей, сдѣланная Киршемъ, оказала на нихъ чрезвычайно вредное вліяніе, такъ какъ они утвердились въ своихъ прежнихъ мысляхъ о выселеніи. Тщетно Киршъ оправдывался тѣмъ, что онъ переписалъ имена людей, дабы они не избѣжали наказанія, если будутъ признаны виновными:—баронъ Паленъ въ отношеніи къ графу Бенкендорфу отозвался о Киршѣ неудовлетворительно, и его перевели куда-то изъ Риги.

Между тѣмъ посѣщенія архіерейскаго подворья латышами продолжались, причемъ нѣкоторые изъ нихъ начали заявлять преосвященному, что желаютъ не только выселиться изъ Лифляндіи, но и присоединиться къ православію *); нѣкоторые начали подавать и письменныя прошенія, въ которыхъ жалобы на помѣщиковъ и ходатайства о переселеніи составляли главный предметъ, а желанія присоединиться къ православію—придаточный. Первое такое прошеніе было подано 9 іюля 1841 г.; въ слѣдующіе дни число прошеній увеличилось; начали подавать прошенія коллективныя. Число посѣтителей архіерейскаго подворья не уменьшалось. Преосвященный не переставалъ повторять приходившимъ латышамъ, что ничего не можетъ сдѣлать для нихъ ни по отношенію къ помѣщикамъ, ни по части переселенія въ другія губерніи, и вправѣ распорядиться лишь по такимъ прошеніямъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о присоединеніи къ православію. Тогда многіе латыши начали подавать прошенія, въ которыхъ ничего не упоминалось о выселеніи или о помѣщикахъ, а выражалось единственно желаніе перейти въ православіе. Въ теченіе іюля мѣсяца было подано преосвященному до 30 прошеній отъ нѣ-

*) Съ этого времени латыши начали приходить къ богослуженію въ Алексѣевскую церковь. Очевидцы ихъ появленія въ церкви разсказывали, что по приходѣ туда они немедленно ложились на полъ въ церкви „крыжемъ" (смутное воспоминаніе католическаго обычая) и не поднимались во всю службу. Иные плакали. — „Что это за народъ? Откуда онъ появился?" съ изумленіемъ спрашивали другъ друга православные богомольцы. Никому и въ голову не приходило въ тѣ времена, что эти лежавшіе „крыжемъ" иновѣрные богомольцы въ Алексѣевской церкви начинаютъ собою новый періодъ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ.

Digitized by Google

сколькихъ тысячъ душъ латышей. Дѣло становилось уже весьма серьезнымъ.

Сношенія латышей съ преосвященнымъ Иринархомъ, начавшіяся съ 9 іюня 1841 г., ни для кого въ городѣ не были тайною: о нихъ знали всѣ, зналъ и генералъ-губернаторъ, и ландраты, но преосвященный и не таилъ сущности законнаго,—подаваемыхъ ему прошеній. Онъ не совершалъ ничего противонапротивъ, поступалъ такъ, какъ долгъ и санъ повелѣвали ему. Истомленные голодомъ люди, положимъ, посторонніе его паствѣ, пришли къ нему за подаяніемъ во имя Христа и за добрымъ совѣтомъ. Долженъ ли онъ былъ прогнать такихъ людей, не давать имъ ни куска хлѣба, запереть свои двери?! Православная церковь не терпитъ насилія, не допускаетъ, чтобы свѣтская власть разгоняла или загоняла народъ въ церковь, но ея двери широко открыты для всѣхъ желающихъ, добровольно и по убѣжденію, войти въ нее, и православный архіерей совершилъ бы по истинѣ тяжкое преступленіе передъ церковью и собственною совѣстью, еслибы самъ воспрепятствовалъ войти въ общеніе съ православіемъ иновѣрцу ли, язычнику ли,—все равно. Долженъ ли былъ преосвященный Иринархъ притвориться не слышащимъ просьбъ, отвѣчать на нихъ безусловнымъ отказомъ, когда эти просьбы такъ или иначе, прямо или косвенно, касались желанія просителей войти въ общеніе съ православною церковью? Онъ, конечно, могъ бы и не пускать къ себѣ никого, а на просьбы о присоединеніи къ православію отвѣчать безусловнымъ отказомъ, но тогда онъ пересталъ бы быть архіереемъ, тогда онъ являлся бы недостойнымъ носить свой высокій санъ и подлежалъ бы самъ отлученію отъ церкви, какъ врагъ ея. Преосвященный поступилъ именно такъ, какъ ему поступить слѣдовало: онъ выслушалъ просителей, принялъ отъ нихъ просьбы, переписалъ ихъ имена и далъ ходъ ихъ прошеніямъ. По мѣрѣ поступленія прошеній, онъ представлялъ ихъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода и донесъ о томъ архіепископу псковскому съ изъясненіемъ, отъ 6 августа 1841 г. за № 937, что такое представленіе сдѣлано имъ въ томъ разсчетѣ, что „сіи желанія крестьянъ, равно какъ и ихъ жалобы на помѣщиковъ, которыя мѣстное гражданское начальство, повидимому, старалось замять и скрыть отъ правительства, онъ, оберъ-прокуроръ, можетъ быть, найдетъ нужнымъ передать кому слѣдуетъ". Получаемыя прошенія оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ представлялъ государю и затѣмъ, по высочайшему повелѣнію, передавалъ министру внутреннихъ дѣлъ, ни единымъ словомъ не останавливая дѣйствій преосвященнаго, не выражая ему ни одобренія, ни неодобренія, какъ то и видно изъ его отношенія отъ 30 іюня 1841 г.за № 5080, которымъ преосвященный былъ извѣщенъ, куда именно поступили прошенія латышей. Отъ синода и архіепископа псковскаго преосвященный не получилъ никакого наставленія, какъ поступать съ просителями: присоединять ли латышей, ищущихъ православія, немедленно, или же отложить это до времени (положительный отказъ, по существу самаго дѣла, былъ немыслимъ и невозможенъ).

Digitized by Google

Между тѣмъ губернское начальство, пасторы, ландратская коллегія и все дворянство узнали о сношеніяхъ латышей съ преосвященнымъ Иринархомъ, — узнали, зачѣмъ именно латыши являются къ нему, и сильнѣйшимъ образомъ встревожились. Дворяне и мѣстное начальство, поголовно составленное изъ нѣмецкихъ колонистовъ края, отлично понимали, что, присоединись къ православію только одна тысяча крестьянъ, всѣ остальные непремѣнно послѣдуютъ ихъ примѣру, ибо „вѣра господъ“ имъ давно уже опостылѣла, и лучшіе люди изъ крестьянства давно уже ушли въ гернгутерство. Если же крестьяне сдѣлаются православными и тѣмъ самымъ порвутъ всѣ связи съ лютеранствомъ, то они неизбѣжно пристанутъ къ русскимъ,—и тогда конецъ всякой нѣмечинѣ въ краѣ, конецъ всякому отчужденію и особности этого края отъ Россіи. Но никого такъ не ужасалъ переходъ крестьянъ въ православіе, какъ гг. пасторовъ:—съ отпаденіемъ латышей и эстовъ, кто будетъ ихъ кормить? Помѣщики? Но не станутъ они давать Persellen и Kühlmite, не станутъ работать на пастора. На гернгутеровъ также плоха надежда,—они, рано или поздно, но непремѣнно пристанутъ къ православію же, ибо (какъ выразился пасторъ Гарнакъ въ своей книгѣ „Die Lutherische Kirche Livlands) гернгутерство—„эта на пескѣ выстроенная храмина—не выдержитъ напора вѣтровъ и дождей“. Итакъ, опасность для нѣмечины, для herrschende Landeskirche („господствующей земской церкви“, какъ называютъ пасторы лютеранство въ Ливоніи)—велика, и бездѣйствовать невозможно. Выселеніе ничуть не страшно, ибо поголовно выбраться изъ Лифляндіи всей массѣ крестьянства невозможно и немыслимо, но страшно православіе; потому и начальство, и ландраты, и пасторы, и дворяне рѣшились противодѣйствовать крестьянскимъ стремленіямъ къ православію и искоренить у крестьянства самую мысль о перемѣнѣ вѣры.

Прежде всего постановили: отнять у крестьянъ возможность посѣщать преосвященнаго Иринарха и кого бы то ни было изъ православныхъ священниковъ въ Ригѣ. Благодушный, но крайне слабый генералъ-губернаторъ видѣлъ въ крестьянскихъ стремленіяхъ къ выселеніямъ и къ православію одно желаніе выйти изъ повиновенія помѣщикамъ, и потому соглашался на все, что̀ втолковывали ему окружающіе, хотя, быть можетъ, по своему благодушію и честности, и не одобрялъ въ душѣ тѣхъ средствъ, которыя принимались отъ его имени и подъ прикрытіемъ его власти. Прежде всего, въ іюнѣ 1841 г., когда начались посѣщенія архіерея латышами, нѣмцы оцѣпили дома епископа и православныхъ священниковъ агентами полиціи, чтобы никого изъ латышей не пропускать туда *); затѣмъ всѣхъ крестьянъ, пробиравшихся къ преосвященному или возвращавшихся отъ него, хватали и отводили въ губернское правленіе (для порки и бритья головъ);

*) Одинъ русскій прикащикъ указалъ изъ своей лавки зашедшимъ туда латышамъ домъ архіерея; за это онъ былъ арестованъ и, конечно, высѣченъ, ибо его арестовали для внушенія, а въ тѣ времена и не понимали даже, какъ можно дѣлать „внушенія“ простому народу иначе, чѣмъ розгами.

Digitized by Google

поставили часовыхъ у крѣпостныхъ воротъ (въ то время Рига была крѣпостью и окружена валомъ), чтобы не пропускать въ городъ крестьянъ. Но и этого мало: начали посылать за городъ цѣлыя команды, которымъ вмѣнялось въ обязанность останавливать „подозрительнымъ образомъ приходившихъ крестьянъ, обращать ихъ назадъ, буде окажется, что они шли въ городъ для ходатайства о переселеніи, а упрямыхъ немедленно наказывать на мѣстѣ“ *). Какъ ни строги были эти мѣры, но крестьяне нимало не унимались: не смущаясь жестокими наказаніями и бритьемъ лбовъ, они ухитрялись пробираться въ городъ подъ видомъ городскихъ рабочихъ, ухитрялись попадать на архіерейское подворье и вручать прошенія. Начальство гражданское и военное (послѣднее въ лицѣ коменданта, лютеранина и нѣмца, вѣдавшаго караулами), начальство полицейское выходили изъ себя, строго взыскивали со своихъ подчиненныхъ, и все таки ничего не могли подѣлать съ упрямыми „мужиками“, вообще нелегко разстающимися съ тѣмъ, что разъ вбили имъ въ голову и на что они рѣшились.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ іюнѣ 1841 г., баронъ Паленъ учредилъ правительственную комисію (подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго депутата Гагемейстера, изъ орднунгсъ-рихтера и уѣзднаго фискала), которой и поручилъ объѣхать 14 имѣній Маріенбургскаго округа и 29 имѣній Венденскаго и Валкскаго уѣздовъ, откуда крестьяне приходили въ Ригу, и на мѣстѣ разузнать: имѣется ли въ дѣйствительности у крестьянъ желаніе перейти въ православіе. Одновременно съ учрежденіемъ комисіи, баронъ Паленъ писалъ къ преосвященному Иринарху, чтобы онъ распорядился не выслушивать крестьянъ, просящихъ о переселеніи, и не записывать ихъ именъ, дабы крестьяне не утвердились въ мысли, что послѣ записи правительство выселитъ ихъ изъ губерніи. Преосвященный тотчасъ же увѣдомилъ генералъ-губернатора, что у него въ домѣ никакихъ записей на переселеніе не производится, но что крестьяне дѣйствительно подавали и подаютъ прошенія о присоединеніи къ православію, каковыя прошенія онъ, преосвященный, препровождаетъ къ своему начальству (оберъ-прокурору).

Въ іюнѣ комисія кончила свой объѣздъ и донесла барону Палену, что никто въ посѣщенныхъ ею имѣніяхъ—желанія на перемѣну вѣры не изъявилъ, но однако же „*злой духъ упорства* распространился во всей странѣ, и дѣла дошли до того, что миролюбно устроить ихъ невозможно; съ тѣмъ вмѣстѣ, глухое смятеніе уже обнаруживается угрозами явнаго возмущенія, кровопролитія и опустошенія“ (эту своего рода образцовую фразу, лживую отъ перваго до послѣдняго слова, сочинилъ самъ предсѣдатель комисіи, уѣздный депутатъ Гагемейстеръ). По мнѣнію комисіи, необходимо положительно воспретить епископу Иринарху принимать крестьянъ, *даже и тѣхъ, которые ничего не требуютъ, кромѣ*

*) Обо всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ баронъ Паленъ донесъ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 10 августа 1841 г. за № 786.

Digitized by Google

одной перемѣны вѣры. Баронъ Паленъ былъ настолько довѣрчивъ и слабъ, что не замѣтилъ явнаго противорѣчія въ этомъ донесеніи: если никто не желаетъ перемѣнить вѣру, то какимъ образомъ являются къ епископу желающіе перемѣнить ее? Баронъ Паленъ не видѣлъ даже и того, что крестьяне были не такъ глупы, чтобы заявить въ комисіи желаніе перемѣнить вѣру, когда такое желаніе тотчасъ было бы отнесено къ намѣренію затѣять новую секту, а за таковое намѣреніе, по § 543 полицейскаго устава, виновный подлежалъ аресту и отсылкѣ въ орднунгсъ-герихтъ своего округа „для принятія, въ разсужденіи его, дальнѣйшихъ мѣръ".

Баронъ Паленъ увѣровалъ однако въ донесеніе комисіи, какъ въ нѣчто, не подлежащее оспариванію, и въ іюлѣ 1841 г. сообщилъ шефу жандармовъ графу Бенкендорфу, что на всѣхъ допросахъ, сдѣланныхъ крестьянамъ, они говорили только о желаніи переселиться, ни словомъ не упоминая о намѣреніи перемѣнить вѣру; а епископу Иринарху сообщилъ, сперва черезъ гражданскаго губернатора, а потомъ и прямо отъ себя, чтобы онъ *не принималъ къ себѣ крестьянъ, желавшихъ присоединиться*, и всѣхъ ихъ отсылалъ къ гражданскому начальству. На это преосвященный, отъ 27 іюля 1841 г., отвѣтилъ, что „запереть двери для крестьянъ онъ не можетъ, безъ особеннаго на то разрѣшенія начальства, ибо это значило бы отказаться произвольно и безъ видимой нужды отъ одной изъ главныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на него саномъ и мѣстомъ, а отсылать приходящихъ къ нему людей къ гражданскому начальству считаетъ излишнимъ, ибо *они являются къ нему, побывавъ уже у гражданскаго начальства, что̀ доказываютъ ихъ бритыя головы*, и что притомъ *окружающая домъ его полиція и безъ того беретъ ихъ всѣхъ къ допросамъ* въ губернское правленіе".

Около этого времени происходилъ съѣздъ пасторовъ въ Венденѣ, на которомъ былъ предложенъ вопросъ, какія надобно принять мѣры, чтобы отклонить стремленіе крестьянъ къ православной церкви. Судили, рядили долго, но ничего опредѣленнаго не придумали; да и трудно было что либо придумать людямъ, отлично сознававшимъ, что крестьяне ни въ чемъ имъ ни на волосъ не вѣрятъ; слѣдовательно, всякія убѣжденія и усовѣщиванія пасторовъ остались бы тщетными. Все упованіе и надежды они возложили на дворянъ и гражданское начальство, въ полномъ убѣжденіи, что оно постоитъ за себя и не дастъ упасть ни нѣмечинѣ, ни herrschende Landeskirche въ краѣ.

Твердый отказъ преосвященнаго запереть двери своего дома для латышей, желающихъ присоединенія, указалъ всѣмъ окружавшимъ барона Палена чиновникамъ и не-чиновникамъ, всей нѣмецко-лютеранской партіи, что надобно дѣйствовать иначе, чѣмъ дѣйствовали до сихъ поръ: надобно повести аттаку рѣшительно, и притомъ такъ, чтобы у латышей пропала всякая охота не только присоединяться, но даже и помышлять о присоединеніи къ православію. Для этого необходимо: во 1) удалить изъ края преосвященнаго Иринарха, какъ человѣка, явно посягающаго на

Digitized by Google

„господствующую церковь", и во 2)—что всего важнѣе—необходимо позаботиться, чтобы сами православные захлопнули двери своей церкви предъ желавшими войти въ нее лютеранскими крестьянами, и не только захлопнули, но „смертнымъ боемъ" (какъ писали въ старину) отбили у мужиковъ самую мысль, что они могутъ когда либо войти въ общеніе съ православіемъ.

Планъ—отважный, грандіозный по замыслу, повидимому, неисполнимый! Но онъ былъ поведенъ такъ искусно, такъ разсчитанно и смѣло, что увѣнчался полнымъ успѣхомъ, превзошедшимъ даже ожиданія и господъ дворянъ, и пасторовъ вмѣстѣ.

Е. Чешихинъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Неизбѣжность войны и невозможность коалиціи.—Причина всеобщаго озлобленія противъ Россіи.—Двоедушіе европейской политики.—Батенбергіада, принимающая трагическій характеръ.—Англія въ поискахъ за союзниками.—Конституціонная Болгарія, отсыпающая два съ половиною милліона своему Батенбергу.—Регентство, обратившееся въ дуумвиратъ.—Расшаркиванія дипломатіи передъ Стамбуловыми и Муткуровыми.—Генералъ Каульбарсъ и его ультиматумъ.—Историческая сцена на церковной площади въ Софіи. — Отказъ регентства исполнить требованія Россіи.—Западная печать, поддерживающая сопротивленіе болгарскаго правительства.—Прокламація по поводу отъѣзда русскаго уполномоченнаго.—Рѣчь Тиссы и Черчиля. — Что дѣлать съ Болгаріей?—Груевъ и Бендеревъ. — Выборы 10-го октября въ Болгаріи.— Протесты русскаго консула. — Есть ли у насъ дипломаты? — Маневры германскіе, французскіе и австрійскіе. — Положеніе славянства.—Англія, поднимающая весь свѣтъ противъ Россіи. — Республиканское возстаніе въ Испаніи.—Судъ надъ нѣмецкими соціалистами.

15 (3) октября.

Знаетъ ли Европа русскую поговорку о худомъ мирѣ, который лучше доброй ссоры? Ничѣмъ другимъ, какъ соблюденіемъ этой поговорки, нельзя объяснить нынѣшняго положенія политическихъ дѣлъ, хотя миръ, которымъ мы наслаждаемся въ настоящее время, до того худъ, что, право, иной разъ приходитъ на мысль: не лучше ли было бы, еслибы его смѣнила добрая потасовка. По крайней мѣрѣ, пороховой дымъ прочистилъ бы эту удушливую атмосферу, которая давитъ насъ, какъ тяжелымъ камнемъ. Конечно, надо имѣть слишкомъ „легкое сердце“, чтобы желать войны, этого страшнаго бѣдствія и величайшаго абсурда въ исторіи человѣчества; но вѣдь если война уже неизбѣжна и рѣшена одними державами, откладывающими ее только до того момента, когда имъ будетъ выгоднѣе начать ее—чего же ждать другимъ-то державамъ, чтобы ихъ „друзья“ выбрали удобное для себя время? Касательно боевой готовности всѣхъ европейскихъ державъ—не можетъ быть сомнѣнія. О причинахъ или предлогахъ къ войнѣ и говорить нечего: ихъ хоть отбавляй. Если до сихъ поръ цивилизованные народы не сцѣпились еще другъ съ другомъ, то потому, что одинъ на одинъ идти рискованно, а вдвоемъ или втроемъ

Digitized by Google

на одного—гораздо благороднѣе; но союзника-то, къ несчастію, не подъискивается. Онъ бы и нашелся, вѣроятно, да подумываетъ: начнемъ-то мы драться съ однимъ, ну, а какъ съ нимъ соединится противъ насъ и другой? И только одно это опасеніе удерживаетъ друзей отъ желанія обратиться во враговъ.

Ни для кого не тайна, что бо́льшая часть европейскихъ державъ враждебно настроена противъ „сѣвернаго колосса", завоевательныя стремленія котораго угрожаютъ будто бы всему міру. Не всѣ правительства вѣрятъ этому, но что общественное мнѣніе почти всѣхъ странъ, выражающееся въ періодической печати, сильно возбуждено противъ Россіи—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Сто́итъ развернуть любую европейскую газету, чтобы убѣдиться въ этомъ. Никогда въ иностранной печати не являлось противъ насъ столько, какъ теперь, клеветъ, грязныхъ выходокъ, инсинуацій, обвиненій, даже ругательствъ. Въ чемъ причина такого единодушнаго озлобленія? Россія въ настоящее время выразила намѣреніе дѣйствовать самостоятельно въ области политики, твердо и ясно высказала свою программу по отношенію къ славянскому вопросу и иноземнымъ державамъ. Ея дипломатія перестала расшаркиваться передъ европейскою. Можно ли допустить такую дерзость! И вотъ, въ то время, когда правители странъ всѣми силами поддерживаютъ между ними миръ, интеллигенція, ослѣпленная или подкупленная, взываетъ къ войнѣ съ Россіею. И все изъ-за чего? Освободивъ въ прежнее время кровью своихъ гражданъ Грецію, Румынію, Сербію, Россія, не разсчитывавшая на благодарность этихъ странъ, сдѣлавшихся теперь ея врагами, восемь лѣтъ тому назадъ не только освободила, но и создала Болгарію, истративъ на это милліардъ рублей и оставивъ на ея поляхъ сто тысячъ своихъ сыновъ. Въ эти же восемь лѣтъ прусскій поручикъ, сдѣланный Россіею княземъ новаго государства, довелъ его до такого печальнаго положенія, что самъ народъ прогналъ зазнавшагося проходимца, и Россіи пришлось опять водворять порядокъ въ странѣ и спасать ее отъ анархіи. И за это посыпались на нее всевозможныя клеветы, угрозы и обвиненія. Въ эти же восемь лѣтъ Австрія, не истратившая ни одного крейцера, не пожертвовавшая ни однимъ солдатомъ, окончательно захватила двѣ обширныхъ славянскихъ провинціи—для водворенія въ нихъ порядка. Англія успѣла—все съ тою же цѣлью—присвоить себѣ Египетъ, Франція—Тунисъ. Германія, обязавшаяся по договору возвратить Даніи отнятый у нея Сѣверный Шлезвигъ, и не заикается объ этомъ возвратѣ, даже обижается, когда ей напомнятъ. Все это естественно, въ порядкѣ вещей. Но когда Россія говоритъ о своемъ неотъемлемомъ законномъ правѣ—не допускать безпорядковъ въ Болгаріи, Европа называетъ это чудовищными притязаніями, кричитъ о ненасытномъ властолюбіи, о завоевательныхъ замыслахъ, составляетъ коалиціи противъ нарушителя всеобщаго мира. Это ли еще не двуличное политическое лицемѣріе,

Digitized by Google

у котораго двѣ мѣры и двое вѣсовъ для оцѣнки фактовъ одинаковаго значенія? Что разрѣшается всѣмъ другимъ державамъ — не позволяется одной. Гдѣ же во всемъ этомъ даже простая общечеловѣческая, не дипломатическая логика?...

Подъ вліяніемъ своекорыстныхъ замысловъ и разнузданныхъ страстей, комическая батенбергіада рискуетъ обратиться въ трагедію и нарушить миръ въ Европѣ. Англія, помѣшавшаяся на вторженіи русскихъ въ Индію; Германія, сама замышляющая вторженіе въ Курляндію и Ковенляндію; Австрія, боящаяся расторженія своихъ славянскихъ областей,—воспользовались анархіею въ Болгаріи, чтобы подчинить и эту страну своему вліянію, какъ подчинили всѣ другія балканскія государства. Періодическіе органы великихъ державъ открыто проповѣдуютъ крестовый походъ противъ Россіи, и только взаимное недовѣріе ихъ другъ къ другу мѣшаетъ имъ единодушно дѣйствовать противъ Россіи. Англія—самый ярый изъ нашихъ противниковъ—съ сожалѣніемъ объявляетъ, что она не можетъ переправить свой флотъ на Балканы, а, кромѣ флота, у нея нѣтъ другой силы, да и тотъ, по мнѣнію компетентныхъ лицъ, хоть и грозенъ количествомъ судовъ, но не качествомъ ихъ. Есть, правда, у нея еще сила—деньги, и она предлагаетъ ихъ—кому угодно, кто рѣшится помогать ей арміею. Особенно подбиваетъ она Австрію и Турцію, но и та, и другая боятся окончательно развалиться, если загорится война. Германія, можетъ быть, и не прочь была бы совершить „натискъ на востокъ", еслибы не боялась, что въ то же время на нее произведутъ натискъ съ запада. Стало быть, охота-то къ коаліціи есть, да не хватаетъ рѣшимости и единодушія, да и довѣрія нѣтъ никакого къ союзникамъ. А вдругъ какъ надуютъ?...

Любопытно, что смятеніе въ Европѣ готово вспыхнуть изъ-за народа, окоторомъ она восемь лѣтъ тому назадъ не имѣла почти никакого понятія. А что этотъ народъ не только не стоитъ тѣхъ жертвъ, которыя за него принесла Россія, но и вообще большаго участія народовъ цивилизованныхъ—это также несомнѣнно. Нѣсколько сотъ лѣтъ тяжелаго рабства и турецкаго ига наложили на него клеймо, которое изгладится только вѣками. Масса въ Болгаріи—апатична, лукава, лжива; стремленія ея низменны, инстинкты грубы; преклоняясь передъ всякою властью, она равнодушна ко всему, что не затрогиваетъ ея матеріальныхъ интересовъ, раболѣпно цѣлуетъ всякую руку, вооружённую палкой. Интеллигенція болгарская не имѣетъ никакихъ твердыхъ принциповъ, продажна и эгоистична. Страну думали возвать къ жизни, давъ ей широкія политическія права, когда она еще плохо понимала потребность имѣть права общечеловѣческія. Данная ей конституція была, конечно, лучше царившаго въ ней деспотическаго и безконтрольнаго самоуправства, но она не могла принести народу ни гражданскихъ доблестей, ни пониманія правъ и обязанностей свободнаго гражданина.

Digitized by Google

Въ одинъ и тотъ же день болгарское народное собраніе, подтасованное и подкупленное еще Батенбергомъ, заявляло о своей готовности слѣдовать совѣтамъ и указаніямъ Россіи, просило ея покровительства—и въ то же время, въ адресѣ регентству, называло постыднымъ и позорнымъ переворотъ 9-го августа, требовало примѣрнаго наказанія виновникамъ преступнаго переворота и выражало почтительное удивленіе самоотверженности „безпримѣрнаго патріотизма Батенберга, благородно отказавшагося отъ престола". И, вѣроятно, въ благодарность за этотъ отказъ собраніе приподнесло благородному патріоту своего отечества 2.500,000 франковъ подъемныхъ и прогонныхъ, въ видѣ вознагражденія за оставленные имъ въ Болгаріи дворцы, сады, бани, манежи, мызы, которыя онъ успѣлъ благопріобрѣсти въ семь лѣтъ своего княженія и не могъ, бѣдняга, захватить съ собою. Себѣ господа регенты назначили скромную сумму—24 тысячи франковъ въ годъ, и закрыли собраніе, положивъ созвать другое, для выбора князя, въ началѣ октября. Все это время, во всѣхъ постановленіяхъ и переговорахъ участвовали только два регента, Стамбуловъ и Муткуровъ—а третій, Каравеловъ, совсѣмъ стушевался, и объ немъ не упоминаютъ даже въ газетахъ. Отстранили ли его дуумвиры отъ управленія, или самъ онъ, видя, что они зарвались, не хочетъ участвовать въ ихъ продѣлкахъ и дѣлить съ ними власть, чтобы потомъ не отвѣчать за ихъ самоуправство? Зато два остальные батенберговца зарекомендовали себя въ это время такъ, что надо только удивляться долготерпѣнію лицъ, принужденныхъ входить съ ними въ сношенія. Муткуровъ съ ловкостью военнаго человѣка такъ обработалъ приверженцевъ Россіи тюремнымъ заключеніемъ и палочнымъ избіеніемъ, что теперь объ нихъ и вовсе не слышно. А господинъ Стамбуловъ, управляя гражданскою частью, прямо объявилъ, что онъ допускаетъ, будто Россія освободила болгаръ, но что она не должна вмѣшиваться въ вопросъ о болгарской независимости, иначе Болгарія можетъ оказаться для Россіи столько же опасною, какъ она была для Турціи. Не боясь однако, что и господинъ Стамбуловъ можетъ быть для насъ очень опасенъ, русскій консулъ въ Софіи, г. Неклюдовъ, въ ожиданіи прибытія русскаго комисара, отправилъ въ болгарскому правительству ноту съ требованіемъ не предавать суду офицеровъ, арестованныхъ за участіе въ революціи 9-го августа, до тѣхъ поръ, пока умы не придутъ въ болѣе спокойное состояніе. Явился наконецъ въ Софію и этотъ комисаръ подъ именемъ дипломатическаго агента, такъ какъ, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ „Московскими Вѣдомостями", Германія и Австрія протестовали противъ отправленія комисара. А между тѣмъ, по словамъ той же газеты, пользу въ Болгаріи могъ принести не дипломатическій агентъ при незаконномъ правительствѣ, а именно комисаръ съ диктаторскою властью, присланный года на два. „Безъ этого выборы въ великое народное собраніе будутъ не больше, какъ комедіей, а рѣшеніе депутатовъ, подобранныхъ по вкусу регентства—явной

Digitized by Google

ложью". Газета удивляется даже уступчивости нашей дипломатіи, еще лѣтомъ обращавшей офиціально вниманіе Порты на безобразія, производимыя клевретами Батенберга въ Болгаріи. „Какъ же теперь сама-то Россія, ставившая Портѣ въ упрекъ ея пассивное отношеніе къ неслыханнымъ насильственнымъ дѣйствіямъ княжескаго правительства и возлагавшая на Порту отвѣтственность за послѣдствія—теперь вступаетъ въ дипломатическія сношенія съ этой шайкой и видитъ въ сборищѣ ея клевретовъ—представительство болгарскаго народа?" По тѣмъ членамъ обыкновеннаго народнаго собранія, которое вотировало въ одинъ день адресъ — Россіи и Батенбергу, можно судить о томъ, какихъ представителей сгонятъ и въ великое собраніе.

25-го сентября пріѣхалъ наконецъ въ Софію дипломатическій агентъ, генералъ Каульбарсъ. Народъ принялъ его хорошо, хотя наше „Сѣверное телеграфное агентство" поспѣшило сообщить, что его встрѣтили только „сторонники Цанкова". Даже приверженцами Россіи не удостоило назвать болгарскій народъ—русское офиціальное учрежденіе. Это, впрочемъ, не можетъ удивлять, послѣ того какъ наша „St.-Petersburger Zeitung" обозвала всю русскую партію, выгнавшую Батенберга—разбойниками, злодѣями и измѣнниками. Первыми словами генерала Каульбарса было изъявленное имъ желаніе, чтобы въ странѣ возстановилось спокойствіе и партіи не угнетали одна другую... „Только когда эти условія будутъ соблюдены, Государь приметъ Болгарію подъ свое покровительство", прибавилъ генералъ. Затѣмъ онъ предъявилъ болгарскому правительству требованія Россіи: снятіе осаднаго положенія, отсрочку выборовъ въ народное собраніе и освобожденіе офицеровъ, арестованныхъ за переворотъ 9 августа. При этомъ онъ замѣтилъ: „болгары должны знать,—и это надо сказать разъ навсегда,—что вторичное избраніе Батенберга—дѣло совершенно невозможное, неосуществимое; что русское правительство ждетъ отъ болгаръ не словъ, а дѣлъ, что у нихъ не можетъ и не должно быть иной политики, кромѣ той, которую указываетъ имъ Россія, и что, уклоняясь отъ исполненія ея требованій, они ведутъ опасную игру". Этотъ категорическій и твердый тонъ не произвелъ однако никакого дѣйствія на регентовъ. Они скрыли отъ болгаръ циркуляръ г. Каульбарса, развивавшій эти положенія и разосланный имъ къ русскимъ консуламъ во всѣ города Болгаріи. Давъ обѣщаніе генералу снять осадное положеніе, они не обнародовали декрета объ этомъ цѣлую недѣлю; относительно освобожденія офицеровъ отвѣчали, что, по законамъ страны, судебная власть независима отъ административной, и они не имѣютъ права остановить слѣдствія надъ преступниками. Наконецъ, отстрочка выборовъ еще болѣе продлитъ волненіе въ странѣ, и безъ того страдающей отъ неопредѣленнаго положенія дѣлъ. Для подтвержденія этой отговорки, къ г. Каульбарсу явилась цѣлая депутація именитыхъ гражданъ Софіи, изъ такъ называемой

Digitized by Google

„палочной команды", получающей по франку въ день за избіеніе враговъ правительства, и просила не откладывать выборовъ. Въ видѣ уступки, шесть министровъ явились вслѣдъ затѣмъ къ нашему агенту и торжественно заявили, что они отказываются отъ предложенія въ собраніи кандидатуры Батенберга, но на ноту г. Каульбарса отвѣчали, что готовы послѣдовать совѣтамъ Россіи „только въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ позволяютъ законы страны". Во время свиданія съ министрами, нашъ агентъ еще разъ подробно разъяснилъ основанія, какими Россія мотивируетъ свои требованія, упоминалъ также о печальномъ впечатлѣніи, какое производитъ чудовищный фактъ сожженія знаменъ струмскаго полка и юнкерскаго училища. Знамя можетъ быть отнято у полка, если онъ недостоинъ его, но сожженіе—небывалый въ исторіи подрывъ основныхъ понятій о воинской чести. Если же со знаменами сожженъ и георгіевскій крестъ, ихъ украшавшій—это нарушеніе всѣхъ правилъ международнаго приличія. Говорилъ г. Каульбарсъ и о томъ, что болгарское правительство скрыло отъ народа отвѣтную телеграмму Государя на принесенное ему поздравленіе, когда обязано было распубликовать ее по всей странѣ. Но и съ циркуляромъ русскаго агента регентство распорядилось по своему: лица, служащія въ русскомъ консульствѣ и распространявшія циркуляръ, были жестоко избиты, и на протестъ г. Каульбарса министръ Начевичъ отвѣчалъ, что накажетъ виновныхъ, но что болгарское правительство не можетъ принять на себя отвѣтственности за подобные факты, такъ какъ „при теперешнихъ условіяхъ не слѣдовало распространять письменные документы, способствующіе возбужденію умовъ". Вскорѣ г. Каульбарсу пришлось лично убѣдиться, что палочныя доказательства—argumenta baculorum—служатъ регентамъ лучшимъ способомъ внушать довѣріе къ правительственнымъ мѣрамъ. 3-го октября, на церковную площадь Софіи согнали митингъ тысячи въ четыре, съ тѣмъ чтобы убѣдить русскаго агента, что народъ желаетъ скорѣйшаго избранія князя. Адвокатъ и депутатъ Вульчевъ произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ увѣренность, что Россія, узнавъ о настоящемъ положеніи дѣлъ, дастъ согласіе на скорѣйшее возстановленіе въ Болгаріи нормальныхъ отношеній. При этомъ ораторъ приглашалъ народъ отправиться къ министру-президенту и заявить, что „всѣ готовы единодушно поддерживать правительство, проявившее свой патріотизмъ въ трудныя минуты". Вульчеву хотѣлъ отвѣчать русскій подданный Ивановъ, но, съ первыхъ же словъ, толпа стащила его съ возвышенія и, поваливъ на землю, принялась бить. Съ большимъ трудомъ удалось жандармамъ вырвать несчастнаго изъ рукъ палочной команды и, окровавленнаго, унести съ площади. Эта возмутительная расправа побудила расходившагося адвоката продолжать свою рѣчь съ требованіями немедленнаго избранія князя. Вдругъ толпа заволновалась. На площадь въѣхалъ въ коляскѣ генералъ Каульбарсъ въ сопровожденіи консула Неклюдова. Генералъ вышелъ изъ

Digitized by Google

коляски, снялъ фуражку и, среди разступившейся толпы, привѣтствовавшей его криками, взошелъ на трибуну. „Господа, сказалъ онъ:—сейчасъ принесли въ русское агентство израненнаго русскаго подданнаго. На мой вопросъ о причинѣ нанесенія ему побоевъ, онъ отвѣтилъ, что поводомъ послужилъ его возгласъ: да здравствуетъ Россія!"—Неправда! закричали въ толпѣ, прерывая генерала:—онъ кричалъ: долой Болгарію! онъ хотѣлъ возмутить народъ, помѣшать митингу.—„Во всякомъ случаѣ, продолжалъ г. Каульбарсъ:—вы не имѣли права расправляться такимъ образомъ. Я пришелъ теперь сюда, чтобы сообщить вамъ волю Государя Императора (раздались крики: да живе царь!) Государь считаетъ необходимымъ, чтобы выборы въ великое народное собраніе были свободны и происходили безъ всякаго давленія (крики: вѣдь осадное положеніе снято!) Я знаю, что осадное положеніе снято третьяго дня, но такого короткаго промежутка времени недостаточно, чтобы каждый имѣлъ возможность основательно взвѣсить истинное положеніе дѣлъ (крики: довольно!) Прошу васъ не прерывать меня. Кому не угодно слушать—пусть уйдетъ (крики: всѣ слушаемъ!) Воля Государя заключается въ томъ, чтобы выборы были отложены до перваго ноября. Если, вслѣдствіе интригъ партій, выборы будутъ произведены раньше, то Россія признаетъ ихъ незаконными и возложитъ отвѣтственность за дальнѣйшія событія на болгарское правительство". Съ этими словами генералъ сошелъ съ трибуны и уѣхалъ. Послѣ него радикалъ Ризовъ произнесъ рѣчь о томъ, что Болгарія должна быть независима,—и толпа двинулась съ площади къ дому Радославова, которому устроила восторженную овацію. Министръ-президентъ, выйдя изъ дому, благодарилъ за выраженное ему довѣріе и заявилъ, что правительство ни въ какомъ случаѣ не уклонится отъ исполненія законныхъ желаній страны.

Мы разсказали подробно сцену, которая несомнѣнно будетъ имѣть вліяніе на судьбу Болгаріи и останется въ исторіи. Но изъ всего хода этой сцены видно, до какой наглости и лживости доходятъ батенберговцы. На выходки Вульчева противъ Россіи хочетъ отвѣчать русскій подданный, но его избиваютъ съ первыхъ словъ и увѣряютъ, что онъ кричалъ: долой Болгарію! Да вѣдь и помѣшанный не рѣшился бы оскорблять подобнымъ образомъ многотысячную толпу! Они избили на этомъ митингѣ еще шестерыхъ болгаръ. Что же, и они вѣрно кричали: долой самихъ себя! И потомъ—какая дикая дерзость кричать: „довольно" русскому посланцу, выражающему волю русскаго императора! Понятно, что послѣ этого генералу нечего было дѣлать больше въ Софіи, и онъ отправился въ другіе города Болгаріи, съ цѣлью узнать: весь ли народъ ея забылъ то, что для него сдѣлала Россія, или онъ терроризованъ и испорченъ только въ столицѣ, гдѣ правительство имѣетъ на него непосредственное вліяніе. Но и эта поѣздка не имѣла никакихъ полезныхъ послѣдствій. Въ нѣко-

Digitized by Google

торыхъ мѣстахъ генерала встрѣчали съ почетомъ, соглашались со справедливостью русскихъ требованій, но и регентство приняло свои мѣры, чтобы парализовать вліяніе нашего агента. Вездѣ ему предшествовалъ клеветъ правительства, убѣждавшій народъ не слушать генерала и не дѣлать ему овацій, а вслѣдъ за нимъ являлся Паница и сажалъ въ тюрьмы или приказывалъ избивать палками тѣхъ, кто приметъ сторону Россіи. Напрасно г. Каульбарсъ мѣнялъ маршрутъ — правительственные агенты вездѣ предупреждали его и мѣшали ему выяснить народу дѣйствительное положеніе вещей. Ясно, что батенберговцы не рѣшились бы дѣйствовать такъ смѣло, еслибы ихъ не поддерживали агенты другихъ государствъ, рѣчи иностранныхъ министровъ и печать англійская и нѣмецкая. Такъ, личный органъ королевы Викторіи „Сент-Джемская газета", для устраненія вліянія Россіи на Балканскій полуостровъ, совѣтуетъ образовать изъ всѣхъ государствъ его тѣсный оборонительный и наступательный союзъ или федерацію, чтобы обезпечить полную независимость каждаго союзника. Этимъ Европа была бы избавлена отъ постоянныхъ волненій и „отъ поглощенія молодыхъ народовъ старыми государствами". „Освобожденное отъ мусульманскаго деспотизма, населеніе было бы обезпечено отъ другаго деспотизма, который врядъ ли менѣе варварскій, чѣмъ прежній". Понятно, на какой деспотизмъ намекаетъ газета, забывая, что, напримѣръ, Сербія охотнѣе предпочла бы подвергнуться вліянію этого деспотизма, чѣмъ австрійскаго конституціонализма, который довелъ несчастныхъ сербовъ до отчаяннаго положенія. Органъ Бисмарка „Norddeutsche Zeitung", сначала стоявшій на сторонѣ Россіи, вдругъ перемѣнилъ тонъ и началъ обсуждать вопросъ: зачѣмъ Батенбергъ оставилъ Болгарію, что̀ побудило его отречься отъ престола? Заговоры? но „заговоры случались и въ другихъ странахъ, не вынуждая однако государей къ немедленному отреченію". Непріязнь Россіи? но Батенбергъ больше года, съ присоединенія Румеліи, не обращалъ вниманія на эту непріязнь. Доказывая, что другія державы неповинны въ его удаленіи, газета намекала, что онъ отрекся по безхарактерности или трусости. И послѣ этого Батенбергъ началъ присылать въ Болгарію телеграммы, что готовъ вернуться, если его вторично выберетъ великое народное собраніе. Офиціозный органъ австрійскаго правительства, вѣнская „Presse" возстаетъ противъ г. Каульбарса и подстрекаетъ регентство къ сопротивленію. „Генералъ,—говоритъ газета,—выступилъ въ роли агитатора и разсылаетъ циркуляры съ десяткомъ требованій (другія газеты называютъ эти требованія десятью заповѣдями). Ихъ слѣдуетъ признать чудовищными, то есть такими, какія можетъ позволить себѣ только представитель Россіи, притомъ только въ Болгаріи. Онъ критикуетъ дѣйствія иностраннаго правительства и парламента, какъ законный владѣтель Болгаріи. Къ сожалѣнію, образъ дѣйствія регентства напоминаетъ Батенберга,

Digitized by Google

когда онъ началъ сдаваться Каравелову и его товарищамъ; слѣдовало бы занять положеніе, которое регенты вполнѣ могутъ отстоять, находясь подъ покровительствомъ берлинскаго трактата и великихъ державъ". И регентство послушалось этихъ совѣтовъ. Это видно изъ его дѣйствій и изъ того, что оно обратилось къ державамъ съ просьбой избавить страну отъ „иностраннаго" вмѣшательства въ выборы народнаго собранія. Наконецъ появилась прокламація по поводу отъѣзда г. Каульбарса, въ которой говорится: „Братья! Каульбарсъ ѣздитъ по провинціямъ для агитаціонныхъ цѣлей, чтобы побудить васъ отречься отъ независимости и болгарской исторіи. Онъ старается вызвать возстаніе, чтобы сдѣлать возможной русскую оккупацію. Откройте глаза, если хотите, чтобы ваши потомки не прокляли васъ. Остерегайтесь генерала. Если мы не хотимъ оккупаціи, то намъ никто не можетъ навязать ее. Не подчиняйтесь генералу Каульбарсу. Сберегите честь Болгаріи, чтобы увѣковѣчилось ваше имя". Англійскій агентъ въ Софіи прямо заявилъ, что онъ несогласенъ на отсрочку выборовъ и англійскія газеты говорятъ, что такъ какъ Болгарія находится подъ покровительствомъ всѣхъ великихъ державъ, то Англія имѣетъ право не соглашаться на русскія требованія. „Kölnsiche Zeitung" даже прямо обвиняетъ г. Каульбарса въ подкупѣ болгарскихъ офицеровъ и въ намѣреніи поднять возстаніе противъ болгарскаго правительства. Съ этою цѣлью онъ будто бы призывалъ проживающаго въ Софіи воеводу македонцевъ Бабаджана и спрашивалъ, нельзя ли съ помощью его македонцевъ поднять народъ противъ регентства. Когда возстаніе удастся — русскіе придутъ въ Болгарію и освободятъ также Македонію. Бабаджанъ будто бы передалъ слова генерала своимъ землякамъ, но они не согласились и разсказали обо всемъ регентамъ. Попытки къ сопротивленію правительству были дѣйствительно въ гарнизонахъ Шумлы, Варны и Плевны, но были подавлены. Болгарскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Начевичъ, отправилъ представителямъ державъ въ Софіи циркуляръ, въ которомъ доказываетъ, что г. Каульбарсъ покушался на внутреннюю самостоятельность Болгаріи, признанную берлинскимъ трактатомъ. Циркуляръ заканчивается просьбой оказать нравственную поддержку законному правительству Болгаріи. Англійскія газеты говорятъ о необходимости сдѣлать коллективное представленіе Россіи. Высокооффиціозный вѣнскій „Fremden-Blatt" называетъ г. Каульбарса бунтовщикомъ, agent provocateur, издѣвается надъ нимъ, какъ надъ ораторомъ и дипломатомъ, говоритъ, что появляться на народной сходкѣ, вступать въ переговоры съ толпою, бесѣдовать съ чернью, разъѣзжая по странѣ—унизительно, противно международнымъ договорамъ. Все это повторяется и въ „National Zeitung", утверждающей, что уполномоченные бываютъ акредитованы передъ правительствами, а не передъ народными массами, и что „въ Петербургѣ высказываютъ сожалѣнія о

Digitized by Google

дѣйствіяхъ, могущихъ ослабить нравственное вліяніе Россіи и не соотвѣтствующихъ основному духу берлинскаго трактата".

Но все это — только газетныя выходки, хотя и пускаемыя въ ходъ свѣдома правительствъ, для возбужденія общественнаго мнѣнія, но за которыми нельзя признавать офиціальнаго значенія. Гораздо важнѣе парламентскіе запросы и рѣчи министровъ, въ которыхъ высказываются уже сужденія не частныхъ лицъ, а правительствъ. Такова рѣчь венгерскаго премьера Тиссы на запросы его соотечественниковъ о политикѣ Австріи въ восточномъ вопросѣ. Изо всѣхъ національностей, самыми непримиримыми врагами Россіи являются мадьяры. Они все еще не могутъ забыть 1849 года и Виллагоша, и относятся къ намъ съ нескрываемою ненавистью. Вожаки ихъ—Аппони, Ирани, Хорватъ и Чиллаги—требовали разъясненія отношеній Австро-Венгріи къ сосѣднимъ державамъ и балканскимъ событіямъ. Тисса отвѣчалъ, что правительство отвергаетъ всякія стремленія къ завоеваніямъ и округленіямъ, что оно стоитъ на почвѣ берлинскаго трактата и благопріятствуетъ независимости балканскихъ народностей, политическое положеніе которыхъ можетъ измѣниться не иначе, какъ съ согласія всѣхъ великихъ державъ; что Австрія не принимала никакого участія въ низверженіи Батенберга, и что союзъ съ Германіей нисколько не поколебленъ. Все это было высказано обычными запутанно-туманными дипломатическими фразами и ровно ничего не разъяснило. Гораздо откровеннѣе была рѣчь англійскаго министра Черчиля, полная лжи, хвастовства, незнанія исторіи и угрозъ по адресу Россіи. Рядомъ съ похвалами Австріи, стоящей на стражѣ въ Балканахъ, и Германіи, искренно желающей мира съ Россіей, высказывается сужденіе, что „выказываетъ прискорбное стремленіе къ притязательному послѣдняя и даже агрессивному образу дѣйствій". Рѣчь Черчиля расшевелила даже нашъ ультрадипломатическій „Journal de St-Pétersbourg", и онъ отвѣчалъ на нее, но въ шутливомъ тонѣ, тогда какъ заносчиваго англичанина слѣдовало осадить не ироніей, а твердымъ указаніемъ на неприличіе и грубую ложь его выходокъ. Такъ, Черчиль утверждалъ, что Европа обязана своей національной свободой Англіи, избавившей Германію и Голландію отъ деспотизма сперва Филиппа II, а затѣмъ Людовика XIV. „Лордъ Биконсфильдъ спасъ въ 1878 году юную свободу балканскихъ государствъ". Это раздѣливъ Болгарію на три части и оставивъ двѣ изъ нихъ подъ турецкимъ владычествомъ, а Боснію и Герцеговину отдавъ Австріи?.. „Сочувствіе къ свободѣ народовъ было всегда традиціонною политикою Англіи". Ну, а Ирландія, Индія, Египетъ?.. а усердное содѣйствіе Турціи удержать подъ своимъ игомъ тѣ же балканскіе народы, которые освободилъ Биконсфильдъ въ 1878 году?.. Рѣчь англійскаго министра оканчивалась горячимъ воззваніемъ къ Европѣ обуздать агрессивную политику Россіи—и, съ цѣлью составить коалицію, онъ отправился даже инкогнито, подъ чужимъ име-

Digitized by Google

немъ, въ Берлинъ и Вѣну. Удастся ли ему найти союзниковъ? дѣло очень возможное, не смотря на то и даже именно потому, что официозныя извѣстія увѣряютъ, будто союзъ между тремя имперіями сдѣлался еще тѣснѣе (les liens se sont resserés).

Что же, однако, мы будемъ дѣлать съ Болгаріей, гдѣ дѣло дошло до того, что нашъ консулъ въ Софіи, прервавшій всякія сношенія съ правительствомъ, долженъ былъ отстрѣливаться отъ толпы, силившейся захватить крестьянъ, избитыхъ палочной командой на выборахъ 10 го октября и спасшихся въ наше консульство?—Отказаться отъ вліянія на страну, стоившую намъ сколько жертвъ—несовмѣстно съ достоинствомъ Россіи, хотя этого мнѣнія держатся нѣкоторые изъ русскихъ періодическихъ органовъ. Отдать ее батенберговцамъ, англійскимъ и австрійскимъ интригамъ—нельзя. Отъ выбора князя, по газетнымъ слухамъ, мы отказываемся, такъ какъ наша кандидатура встрѣтитъ оппозицію великихъ державъ, да и кого ни сдѣлай княземъ—онъ будетъ держаться самостоятельной политики, а не русскихъ интересовъ. Турецкую оккупацію допустить немыслимо даже въ Румеліи, хоть одинъ изъ нашихъ журналовъ совѣтуетъ опять подчинить Румелію Портѣ. Но—это значило бы вернуться къ прежнему и уже окончательно сдѣлать всѣхъ болгаръ врагами Россіи. На русскую оккупацію не согласятся великія державы, да и это было бы только палліативной мѣрой. Когда нибудь надо будетъ уходить — и тогда въ странѣ начнется тотъ же кавардакъ, которымъ она и теперь наслаждается. Лучшимъ средствомъ было бы прямое присоединеніе Болгаріи къ Россіи, на правахъ личной уніи, но тогда не обойдется безъ войны, а принять на себя отвѣтственность за нее — тяжело. Да, положеніе, пожалуй, хуже губернаторскаго! Общественное мнѣніе всюду возбуждено, и для его успокоенія „Petersburger Zeitung“ даетъ намъ совѣтъ — слушаться Австріи и не возбуждать ея неудовольствія. Болѣе всего петербургско-нѣмецкая газета негодуетъ на нашу печать, позволяющую себѣ „имѣть свое сужденіе имѣть“, и свидѣтельствуетъ, что въ Австріи признаютъ необходимымъ еще болѣе обуздать ее (dass die russische Presse mehr gezügelt würde). Это, видите ли, нужно для того, чтобы облегчить Австріи ея задачу—успокоенія общественнаго мнѣнія, „что при конституціонныхъ учрежденіяхъ гораздо труднѣе, чѣмъ у насъ“, прибавляетъ наша газета, сильно сочувствующая этому обузданію и забывающая, что въ вѣнскихъ газетахъ являются такія возмутительныя выходки противъ Россіи, въ сравненіи съ которыми всѣ наши упреки Австріи — отзываются розовымъ масломъ. И все таки „Petersburger Zeitung“ угрожаетъ намъ, что въ руководящихъ кругахъ Австріи господствуетъ противъ насъ „серьезное неудовольствіе“ (ernstliche Verstimmung). Какая, подумаешь, заботливость о нѣмецкихъ... то бишь: о русскихъ интересахъ!

Спасшійся въ Россію болгарскій капитанъ Радко Дмитріевъ, одинъ

Digitized by Google

изъ офицеровъ, низвергнувшихъ Батенберга, обнародовалъ въ нашихъ газетахъ причины, побудившія его и товарищей захватить князя и вывезти его изъ Болгаріи. Причины очень просты: желаніе спасти отечество и избавить его отъ проходимца, положительно губившаго Болгарію изъ ненависти къ Россіи. Груевъ и Бендеревъ — лучшіе офицеры арміи, по сознанію самого Батенберга; перваго онъ хотѣлъ сдѣлать военнымъ министромъ, второй разбилъ сербовъ при Сливницѣ, въ то время, когда Батенбергъ бѣжалъ отъ страха въ Софію. Клевреты его распространили слухъ, что, при арестѣ этихъ офицеровъ, у нихъ нашли пятьсотъ тысячъ франковъ. Это такая же наглая ложь, какъ все, что сочиняютъ батенберговцы. Груевъ и Бендеревъ имѣли хорошія средства, блестящее положеніе, получали большое содержаніе—и пожертвовали всѣмъ, чтобы освободить страну отъ ненавистнаго ей нѣмца. Теперь въ народномъ собраніи хотятъ провести кандидатуру другаго нѣмецкаго племянника Викторіи, но русское представительство въ Софіи уже объявило, что признаетъ выборы 10 октября незаконными и не имѣющими никакого значенія. Трудно повѣрить, какое грубое насиліе, какіе наглые подлоги происходили на этихъ выборахъ. Оппозиція, то есть русская партія, вовсе не являлась къ урнамъ, а тѣхъ, кто не хотѣлъ подавать голоса за кандидатовъ правительства, отгоняли штыками или избивали палками. Въ Рущукѣ правительство запретило офицерамъ являться къ г. Каульбарсу. Въ Шумлѣ и Варнѣ депутаціи заявляли ему, что благодарны Россіи, но вѣрятъ своему правительству, которое австрійскія газеты восхваляютъ за его твердость и независимость. Въ Варнѣ уличная чернь даже встрѣтила представителя Россіи оскорбительными криками. А дипломатія наша постоянно посылаетъ въ болгарскія консульства внушенія „обходиться какъ можно мягче, чтобы не вызвать раздраженія“. Эти инструкціи заставили одну изъ нашихъ газетъ сказать прямо, что „у насъ нѣтъ дипломатовъ“, то есть такихъ, которые не расшаркивались бы передъ Европою. „Какая другая держава вынесла бы все это безъ всякаго реванша? прибавляетъ газета:—вѣдь Англія перевернула бы все кверху дномъ, покамѣстъ ей не заплатили бы за оскорбленіе, а у насъ приходится только утереться и расписаться въ полученіи, и гдѣ же? въ созданной нами Болгаріи“. Слова жосткія, но вызванныя невѣроятнымъ, непостижимымъ долготерпѣніемъ...

Приготовленія Франціи къ „реваншу“ до того безпокоятъ Германію, что императоръ Вильгельмъ рѣшился посѣтить свою новую имперскую область, съ цѣлью укрѣпленія въ ней вѣрноподданническихъ чувствъ. Пріѣздъ его въ Страсбургъ былъ прямою демонстраціею политическаго характера, а условія, какими было обставлено это путешествіе, доказываютъ, какое важное значеніе ему придавали. Не смотря на ослабѣвшее здоровье, не позволившее престарѣлому монарху принимать участіе во всѣхъ празднествахъ въ честь его, онъ все таки появлялся по временамъ на

Digitized by Google

страсбургскихъ банкетахъ, гдѣ шумныя овацiи, устраиваемыя ему горожанами, должны были напоминать Франціи о напрасныхъ надеждахъ ея на возвращеніе Эльзаса-Лотарингіи. Въ какой степени овацiи эти убѣдили французовъ, что эльзасцы обратились въ нѣмцевъ — это другой вопросъ, но что ихъ хотѣли убѣдить въ томъ — это несомнѣнно. И, однако, наслѣдный германскій принцъ, на банкетѣ, данномъ въ Страсбургѣ мѣстнымъ властямъ, которыхъ напрасно называютъ „народными представителями“, благодаря жителей за радушный пріемъ, не счелъ возможнымъ заявить о ихъ преданности Германіи, а говорилъ только о сознаніи народа, что германское управленіе имѣетъ въ виду лишь благо страны. Съ демонстративною же цѣлью устроены были близъ границы Франціи большіе маневры германской арміи, но Вильгельмъ I не могъ на нихъ присутствовать по нездоровью, какъ не могъ по той же причинѣ принять и профессоровъ страсбургскаго университета. Въ свою очередь, французы тоже устроили большіе маневры, на которыхъ опять выразилась боевая готовность страны. Маневрировали, какъ водится, осенью и австрійцы, сильно озабоченные, впрочемъ, открытіемъ какого-то динамитнаго заговора, цѣлью котораго было — обратить Вѣну въ развалины. Захвачено немало анархистовъ изъ сапожниковъ, столяровъ, портныхъ, но слѣдствіе еще не началось. Турція не маневрируетъ, но такъ усердно вооружается, что даже „Правительственный Вѣстникъ“ не разъ обращалъ вниманіе на сосредоточеніе ея войскъ въ Македоніи и на границахъ Румеліи. Въ Сербіи положеніе дѣлъ не лучше, чѣмъ въ Болгаріи, и Милану давно уже пророчатъ участь Батенберга, хотя, въ то же время, онъ также считается кандидатомъ на болгарскій престолъ, какъ и Карлъ румынскій. При такомъ множествѣ кандидатовъ, немудрено, что толкуютъ и объ учрежденіи болгарской республики. Чехи, въ болгарскомъ вопросѣ, заявляютъ свои симпатіи Россіи. Зато поляки не могутъ слышать имени русскихъ, — какъ и императоръ Францъ-Іосифъ, о недавнемъ путешествіи котораго за Карпатами „Варшавскій Дневникъ“ сообщаетъ слѣдующій характеристичный анекдотъ. Монарху представлялась депутація русскихъ, живущихъ въ Венгріи; во главѣ ихъ были священники, назвавшіе себя: russische Geistliche. Францъ-Іосифъ, говорившій съ ними, конечно, по нѣмецки, поправилъ ихъ такъ: Sie meinen—ruthenische? (Вы хотите сказать—рутенскіе?).—„Нѣтъ, русскіе!“ подтвердили они.—Какая странная боязнь общепринятаго слова! А какъ „обрутениваетъ“ Австрія несчастныхъ галичанъ, потерявъ надежду ополячить ихъ! Сердце сжимается при разсказахъ о томъ, какимъ гоненіямъ подвергаются жители Владиміровой Руси за то только, что они не перестаютъ считать себя русскими. „Дневникъ“ перечисляетъ нѣсколько такихъ жертвъ нѣмецкаго гнета: Владиміръ Ивановичъ Наумовичъ, подававшій большія надежды, получилъ въ тюрьмѣ чахотку и умеръ; Алексѣй Залусскій, послѣ девятимѣсячнаго тюремнаго за-

Digitized by Google

ключенія, боленъ неизлѣчимо; Василій Зазуля сошелъ съ ума, а его жена и дѣти умираютъ съ голоду, также какъ семья Исидора Трембицкаго, бывшаго учителя, потерявшаго мѣсто за приверженность къ Россіи. Этотъ мартирологъ можно бы продолжать безъ конца.

Дѣятельность Англіи, проявляющаяся вездѣ, гдѣ только можно и чѣмъ только можно вредить Россіи—просто изумительна. Въ Болгаріи англійскій консулъ даетъ совѣты болгарамъ не слушаться Россіи; въ Константинополѣ герцогъ Эдинбургскій, привезшій туда съ собою и племянника, будущаго короля Англіи, убѣждаетъ султана противодѣйствовать русскимъ замысламъ; лордъ Черчиль хлопочетъ у Бисмарка и въ Вѣнѣ о заключеніи союза противъ Россіи; въ Средней Азіи англичане натравляютъ афганскаго эмира на бадахшанскаго хана за то, что тотъ ищетъ покровительства Россіи; Египетъ они сбираются захватить окончательно, потому что Россія не хочетъ отказаться отъ Болгаріи, да еще, въ видѣ компенсаціи, подумываютъ о Критѣ и объ островахъ Архипелага, устроивъ уже на одномъ изъ нихъ, Тассосѣ, близь Дарданелъ, угольный складъ; такой же складъ стараются устроить и въ Балтійскомъ морѣ, ведя переговоры со Швеціею объ островѣ Готландѣ; въ Кореѣ, захвативъ портъ Гамильтонъ, низвергаютъ съ престола короля за его расположеніе къ русскимъ; китайцевъ подстрекаютъ отнять у насъ Амуръ. Даже въ Индіи, гдѣ начались кровавыя схватки между мусульманами и индусами, приписываютъ волненія русскимъ эмиссарамъ, благо въ Пенджабѣ, куда бѣжалъ изъ Англіи одинъ изъ раджей, лишенный владѣній, явились прокламаціи, призывающія народъ къ возстанію противъ англичанъ и къ встрѣчѣ русскихъ, которые идутъ освободить Индію. Удивительно еще, какъ не приписываютъ чуть не ежедневныхъ дракъ въ Бельфастѣ и вообще ирландскихъ волненій русскимъ проискамъ. А дѣла въ Ирландіи сильно озабочиваютъ англичанъ, даже и на тотъ конецъ, если произойдутъ внѣшнія замѣшательства. Вѣдь ими не преминутъ воспользоваться ирландцы. Въ Сѣверной Америкѣ уже состоялся ирландскій митингъ, принявшій слѣдующую резолюцію: въ случаѣ англо-русской войны, всѣ національные капиталы и патріотическіе сборы употребить на покупку крейсеровъ и, вооруживъ ихъ, предложить русскому правительству подъ команду русскихъ офицеровъ для борьбы съ Англіею. Для Россіи такая помощь не можетъ имѣть большаго значенія, но для Англіи она очень опасна: болѣе трети британскихъ войскъ состоятъ изъ ирландцевъ, которыхъ много и между морскими офицерами. Появленіе одного ирландскаго крейсера у береговъ Зеленаго Эрина можетъ имѣть важныя послѣдствія. Некоронованный ирландскій король, какъ называютъ Парнеля, обратился къ президенту національной лиги въ сѣверной Америкѣ со слѣдующимъ манифестомъ: „Непринятіе парламентомъ моего предложенія объ облегченіи тяжкаго положенія ирландскихъ фермеровъ, открытыя угрозы министра и возрастающее въ ужасной прогрессіи

Digitized by Google

число насильственныхъ выселеній фермеровъ доказываютъ, что началась истребительная война англійскаго правительства противъ Ирландіи. Настоящій кризисъ почти не имѣетъ прецедента въ исторіи Ирландіи, полной треволненій. Знаю, что благородные соплеменники мои въ свободной Америкѣ будутъ дѣлать все, что отъ нихъ зависитъ, чтобы уничтожить тѣхъ, кто стремится истребить нашъ народъ. Ирландцы Америки облегчатъ страданія многочисленныхъ жертвъ соціальной борьбы, поднятой богатымъ правительствомъ Англіи противъ бѣднаго народа Ирландіи. Они поощрятъ слабыхъ къ сопротивленію притѣснителямъ и облегчатъ отчаяніе насильственно изгоняемыхъ фермеровъ, вынужденныхъ прибѣгать къ кровавому воздѣйствію. Вы дадите намъ силу и возможность противиться гнету и питать надежду, что наконецъ наступитъ эра нашей политической независимости". Манифестъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе.

Въ Испаніи республиканская партія сдѣлала попытку къ возстанію въ самомъ Мадридѣ. Ночью на 20 сентября, два эскадрона кавалерійскаго полка и нѣсколько ротъ пѣхоты вышли изъ своихъ казармъ и пошли по улицамъ, съ криками: да здравствуетъ республика! Они пытались овладѣть арсеналомъ, но были отбиты и напрасно старались увлечь въ возстаніе другія части войскъ. Тогда они вышли за городъ и разсѣялись по окрестностямъ, возбуждая крестьянъ къ мятежу. Но и тутъ, послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ жандармами, были почти всѣ захвачены, и на другой же день все успокоилось. Бунтовщики, убившіе генерала Вилларде и одного полковника за то, что тѣ не хотѣли къ нимъ присоединиться, были отданы подъ судъ, приговорившій четырнадцать зачинщиковъ къ смертной казни, но королева помиловала ихъ. Главные виновники неудавшагося покушенія не попали однако, въ руки правосудія, и въ возстаніи принимала участіе только ничтожная часть мадридскаго гарнизона. Увѣряютъ впрочемъ, что заговоръ имѣлъ обширныя развѣтвленія и не удался потому, что вспыхнулъ преждевременно. Послѣдствіемъ его была только перемѣна министерства. Положеніе страны, все таки, внушаетъ опасенія. Въ сѣверныхъ провинціяхъ замѣтны слѣды и карлистскаго движенія. Генералъ Павіа запретилъ газетамъ сообщать какія либо извѣстія или разсужденія относительно суда надъ инсургентами и, заодно ужь, писать вообще обо всемъ, что касается военной дисциплины и охраненія общественнаго порядка. Вождями инсургентовъ были генералъ Виллакампа и капитанъ Гонсалесъ.

Имперскій германскій судъ отвергнулъ прошеніе соціалистовъ Бебеля, Фольмара и другихъ о пересмотрѣ приговора надъ ними фрейбергскаго суда, которымъ они были приговорены къ тюремному заключенію до девяти мѣсяцевъ. Процессъ девяти нѣмецкихъ соціалистовъ возобновлялся нѣсколько разъ съ 1880 года, но формальныя обвиненія могли быть установлены только въ послѣднее время. Послѣ изданія закона о соціалистахъ, вожаки ихъ собрались въ Видденѣ, въ Цюрихскомъ кантонѣ, чтобы организовать тай-

Digitized by Google

ную пропаганду вмѣсто явной. Германское правительство тогда же привлекло къ отвѣтственности нѣсколько лицъ, но не могло доказать участія ихъ на съѣздѣ, происходившемъ при закрытыхъ дверяхъ. Три года спустя, собрался въ Копенгагенѣ второй съѣздъ, на которомъ участвовали десять членовъ германскаго парламента и два—саксонской палаты, но и они не могли быть привлечены къ слѣдствію по тѣмъ же причинамъ. Только черезъ полтора года, собравъ всѣ улики, ихъ предали суду въ Хемницѣ, но тотъ оправдалъ всѣхъ. Верховный имперскій судъ кассировалъ приговоръ и передалъ дѣло фрейбергскому суду въ Саксоніи. На допросѣ Бебель показалъ, что никакой тайной организаціи между соціалистами не существуетъ, и если они собираются за границей, то потому, что это запрещено въ Германіи. Журналистъ Ауэръ доказывалъ, что газета „Socialdemocrat“ проповѣдуетъ свое ученіе словомъ, не призывая къ дѣйствію, какъ Мостъ (котораго Бебель назвалъ полупомѣшаннымъ) въ своемъ органѣ „Freiheit“. Судъ доказалъ однако, что у соціалистовъ былъ общій фондъ, составленный изъ добровольныхъ взносовъ, и доходы его простирались до 95,000 марокъ въ годъ, а расходы—до 92,000. Да и самъ Фольмаръ говорилъ въ парламентѣ: „вамъ не удалось разрушить нашей организаціи; она пріобрѣла, напротивъ, бо́льшую силу“. За это всѣ девять лицъ приговорены теперь къ тюремному заключенію.

НОВЫЯ КНИГИ.

Всеобщая исторія Георга Вебера. Томъ третій. Переводъ *Андреева*. Москва, 1886.

Переводъ этого классическаго сочиненія идетъ впередъ чрезвычайно быстро. Въ прошломъ году вышли два первыхъ тома, теперь является и третій въ 976 страницъ мелкой, убористой печати. Въ третьемъ томѣ изложена римская исторія до конца республики и исторія александрійско-греческаго міра. Томъ посвященъ памяти Карла Бернгарда Штарка, своими археологическими работами много содѣйствовавшаго основательному изученію источниковъ. Веберъ признаётъ, что онъ обязанъ осмотрительной критикѣ Штарка тѣмъ, что не увлекся сомнительными гипотезами, претендующими на достовѣрность. Изслѣдованія Нибура въ римской исторіи, проложивъ въ ней новую дорогу, опредѣлили основныя черты этой исторіи съ достовѣрностью и точностью, такъ что изысканія его послѣдователей могутъ касаться только подробностей. И Веберъ, тщательно изучивъ эти подробности, принимаетъ изъ нихъ только тѣ, которыя не подвержены

Digitized by Google

сомнѣнію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ ясно усвоенъ и выраженъ общій ходъ развитія человѣчества въ римскомъ мірѣ. Въ то время, когда особенностью греческаго народа было развитіе индивидуальности, дѣйствовавшей своими художественными созданіями на весь культурный міръ, римская національность создала великое космополитическое государство, гдѣ въ гражданинѣ исчезала личность, и онъ пріобрѣталъ значеніе, только какъ членъ народа. Когда же эллинизмъ присоединился къ романизму, и общечеловѣческое образованіе соединилось съ государственной и юридической мыслью, романизмъ получилъ ту многосторонность и ту всеодолѣвающую силу, благодаря которой онъ болѣе чѣмъ на тысячу лѣтъ опредѣлилъ характеръ жизни запада. Эта мысль, выраженная Веберомъ въ предисловіи къ своему труду, твердо и сознательно проведена въ вышедшемъ нынѣ томѣ его исторіи. Маленькая республика поселянъ, силою воли и политическою разсудительностью своихъ гражданъ превратившаяся въ огромное государство, представляетъ, по словамъ Вебера, „величественный предметъ во всемірной исторіи; воображеніе не можетъ создать ничего болѣе потрясающаго. Это—всемірно-историческая драма, вызывающая въ сердцѣ всѣ человѣческіе аффекты“. И даровитый историкъ развиваетъ эту драму въ стройныхъ картинахъ. Онъ говоритъ сначала объ Италіи, ея племенахъ и религіи, приводитъ сказанія о первыхъ царяхъ и Тарквиніяхъ, о характерѣ римскихъ учрежденій въ первыя времена республики, о владычествѣ патриціевъ и борьбѣ ихъ съ плебеями,—и, остановившись на утвержденіи власти Рима надъ всей Италіей, переходитъ къ исторіи Александра, эпохѣ діадоховъ, Селевкидовъ, Птоломеевъ, къ событіямъ въ Греціи, Іудеѣ, Карѳагенѣ, Сициліи. Закончивъ изображеніемъ культуры и литературы александрійскаго періода, историкъ представляетъ картину постепеннаго возрастанія могущества Рима: его внутреннее состояніе, государственную и общественную жизнь, образованность и литературу, періодъ соціальной и политической борьбы, пунническія войны, времена Маріи и Суллы, Помпея и Цезаря, наконецъ—послѣдніе годы республики. Въ заключеніе, авторъ бросаетъ общій взглядъ на исторію этой республики, полный вѣрныхъ мыслей и блестящихъ сопоставленій. Такъ, онъ метко опредѣляетъ, что исторія римлянъ была развитіемъ не ихъ свободы, а владычества надъ другими. Основными качествами римскаго характера были—мужество (virtus) и благоразуміе (prudentia). Высшею цѣлью дѣятельности римляне считали величіе отечества, къ которому гражданинъ долженъ имѣть сыновнее чувство (pietas). Важнѣйшею же формою жизни гражданина было владычество точнаго закона надъ всѣми. Не внѣшнимъ врагамъ, а разстройству внутренняго быта, распаденію общественныхъ связей и нравственныхъ силъ, Римъ былъ обязанъ своимъ порабощеніемъ во время имперіи. Три главныхъ фактора древней культуры образовали широкое основаніе римской имперіи: религіозныя понятія и обряды богослуженія, родившіеся на Востокѣ; искусство, литерату-

Digitized by Google

ра и философія Греціи, и выработанныя Римомъ государственныя и юридическія учрежденія. Но эти факторы скоро пережили время своего высшаго развитія, и міръ не болѣе трехъ вѣковъ управлялся императорами, изъ которыхъ большинство составляли распутные деспоты. Кромѣ общей мастерской характеристики различныхъ фазисовъ римской и александрійской эпохи, у Вебера замѣчательно очерчены отдѣльныя историческія личности и общественные дѣятели. Вообще книга эта составляетъ цѣнное пріобрѣтеніе въ нашей исторической литературѣ, небогатой оригинальными трудами по этой части.

Наташка. *Максима Бѣлинскаго.* Кіевъ. 1886. Второе дополненное изданіе.

Въ послѣдніе годы существованія „Отечественныхъ Записокъ", гдѣ начинали свое поприще многія интеллигентныя силы, которыми гордится наша литература, появился молодой писатель, обратившій на себя вниманіе публики и критики. По странному капризу, онъ взялъ псевдонимомъ имя, дорогое той и другой—и это обстоятельство непріятно удивило читателей. Если начинающій авторъ не рѣшался выйти въ свѣтъ со своимъ неизвѣстнымъ именемъ, то еще страннѣе было взять слишкомъ громкое имя, заявивъ этимъ какъ бы претензію быть наслѣдникомъ великаго критика, не оставившаго прямыхъ наслѣдниковъ. Бѣлинскій второй! отчего же не Гоголь, не Лермонтовъ?..Это напоминало провинціальныхъ актеровъ, присвоивающихъ себѣ фамиліи Самойлова, Мартынова, Щепкина. Не смотря на неловкую выходку молодаго автора, нельзя было не признать въ немъ сильнаго дарованія, высказавшагося въ первыхъ же произведеніяхъ. Лучшимъ изъ нихъ остается „Наташка", вышедшая въ нынѣшнемъ году отдѣльною книжкою и теперь появившаяся вторымъ изданіемъ вмѣстѣ съ тремя другими разсказами, о которыхъ ничего не говорится въ заглавіи книги. „Наташка"—художественный, симпатичный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ реальный типъ, выхваченный изъ грязи петербургской жизни. Это дѣвушка, которую бѣдность, среда, примѣры окружающихъ лицъ, совѣты матери—все побуждаетъ идти знакомымъ путемъ распутства, но которая все таки не хочетъ идти этой торной дорогой, потому что „у нея такой характеръ". И характеръ этотъ высказывается такими рѣзкими психическими чертами, не смотря на ихъ грубую оболочку, что онѣ производятъ сильное впечатлѣніе, въ то же время обличая въ авторѣ глубокій анализъ чувства и тонкую художественную отдѣлку деталей. Всѣ сцены героини разсказа: съ дворникомъ-ловеласомъ, съ больною матерью, жалующеюся, что дочка не хочетъ идти на Невскій, заработать денегъ на лѣкарство для маменьки; съ содержательницею „пансіона безъ древнихъ языковъ", съ купчикомъ, увозящимъ ее изъ Пассажа,—всѣ эти сцены до послѣдней, когда Наташка, доведенная до отчаянія, проситъ добраго барина, чтобы онъ взялъ ее, и потомъ замерзаетъ въ глухомъ переулкѣ—полны такой жизненной правды, такой страшной дѣйствительности, что

Digitized by Google

авторъ разсказа мастерскимъ изображеніемъ ихъ разомъ выдвинулся изъ ряды современныхъ беллетристовъ и завоевалъ себѣ между ними почетное мѣсто. Онъ не утратилъ его, когда появились послѣдующія произведенія, уступавшія „Наташкѣ“ въ глубинѣ основной мысли, но написанныя также хорошо и отличающіяся такою же блестящею и тонкою отдѣлкою характеровъ и подробностей обыденной жизни. Появившаяся тогда въ „Отечественныхъ Запискахъ“ повѣсть „Катря“ переносила читателя подъ теплое небо Украйны. Содержаніемъ повѣсть эта еще бѣднѣе „Наташки“. Молодая, капризная малороссіянка живетъ въ гражданскомъ бракѣ съ добрымъ, недальнимъ помѣщикомъ, который разоряется на нее, но любитъ ее страстно. Катря скучаетъ жизнью, въ которую понемногу вкрадываются недостатки и лишенія; ей начинаетъ нравиться богатый сосѣдъ, и она бросаетъ своего сожителя. Вотъ и все—даже поводы къ такой перемѣнѣ недостаточно развиты и мотивированы, и повѣсть, вообще, не отдѣлана и недодѣлана. Но сцены, подробности и картины южной природы—набросаны мастерски. Третій разсказъ „Терентій Иванычъ“ ведется отъ лица кіевскаго извощика, который восемнадцать лѣтъ былъ кучеромъ у чиновника палаты, стараго развратника, воспитывавшаго на подгородномъ хуторѣ сиротокъ, которыя потомъ дѣлались его жертвами, на оргіяхъ съ его пріятелями. Одна изъ такихъ сиротокъ, хотя и получившая образованіе, влюбляется въ извощика, который однако не хочетъ на ней жениться, если ему не дадутъ за это рублей триста. Не получивъ денегъ, онъ женится на другой сироткѣ, которая приноситъ ему въ приданое десятилѣтнюю дочку. Дочка потомъ выростаетъ, за нее сватается наборщикъ, также требующій новой мебели и фрака, чтобы жениться. Извощикъ не соглашается—и дочь отъ него убѣгаетъ. Этимъ кончается разсказъ, рельефно рисующій бытъ мелкаго рабочаго люда, но все таки это не болѣе, какъ мелкая жанровая картинка. Послѣдній очеркъ „Цвѣтникъ“ замѣчателенъ художественнымъ описаніемъ Днѣпра, украинской ночи и природы, но нѣсколько вычуренъ—по содержанію. Старый холостякъ подсматриваетъ нѣжную сцену, ночью на Днѣпрѣ, между молодою женщиною и студентомъ. Въ то же время, онъ находитъ записную книжку, оброненную этой женщиной, и, вернувшись домой, начинаетъ читать дневникъ, разсказывающій, какъ она вышла замужъ, какъ отдалась своему жениху наканунѣ свадьбы, какъ полюбила потомъ студента. Уставши, холостякъ выходитъ въ лѣсъ, гдѣ ему мерещатся разныя видѣнія: молодыя дѣвушки, хромой старикъ, „въ которомъ онъ увидѣлъ самого себя, прочиталъ свою судьбу, свое печальное будущее“. Старикъ гонится за холостякомъ, тотъ падаетъ—и просыпается. Оказывается, что все это былъ сонъ, что самъ онъ не былъ въ лѣсу, и что въ записной книжкѣ нѣтъ ничего, кромѣ бѣлыхъ страницъ. Все это достаточно неправдоподобно и недостаточно интересно.

Вотъ и все, что̀ авторъ собралъ въ отдѣльную книгу. Въ шесть лѣтъ

Digitized by Google

—немного, и публика вправѣ ждать отъ автора болѣе зрѣлаго и обдуманнаго, но произведенія. Легкими набросками и такими очерками, какъ эти три разсказа, нельзя еще составить себѣ прочной извѣстности. Авторъ самъ осмѣлъ въ своемъ болѣе серьезномъ произведеніи, знакомомъ читателямъ „Наблюдателя", типъ писателя, считающаго перломъ созданія каждую свою строку. „Иринархъ Плутарховъ" возбудилъ полемику въ петербургскахъ и южныхъ газетахъ, увидавшихъ чей-то портретъ въ этомъ общемъ типѣ невѣжественнаго самолюбиваго до одури фельетониста. Къ сожалѣнію, авторъ самъ принялъ участіе въ этой вздорной полемикѣ и даже, неловкимъ замѣчаніемъ о редакторскихъ „кавычкахъ", подалъ поводъ думать, что онъ и самъ не прочь подражать въ самомнѣніи своему Плутархову. Вообще современнымъ беллетристамъ, не смотря на неоспоримое дарованіе многихъ изъ нихъ, еще очень рано воздвигать себѣ нерукотворные памятники. Благоразумнѣе—предоставить это будущему времени, а въ настоящемъ—продолжать работать, неутомимо и тщательно отдѣлывая свои произведенія, безъ излишняго самомнѣнія и щепетильности.

Художественная энциклопедія. Иллюстрированный словарь искусствъ и художествъ. Составилъ *Ѳ. Булгаковъ*. Томъ первый. А—І. Съ 535-ю рисунками. Спб. Изданіе А. Суворина.

Русская литература небогата энциклопедіями вообще, а тѣмъ болѣе спеціальными. Изъ небольшихъ всеобщихъ словарей мы до сихъ поръ пробавляемся „Настольнымъ" Толля, и съ 70-хъ годовъ тщетно ждемъ его продолженія, начатаго В. Печаткинымъ. Изъ большихъ словарей, оконченный у насъ только одинъ—И. Н. Березина, въ 16 томахъ. Тотъ же профессоръ началъ издавать въ 1883 году другой, болѣе доступный словарь въ 8 томахъ, но остановился на второмъ томѣ и не считаетъ нужнымъ сообщить публикѣ: будетъ ли продолжать его, или это предпріятіе, какъ сотни другихъ, займетъ мѣсто въ ряду тѣхъ, которыя „отцвѣли, не успѣвши расцвѣсть". Изъ спеціальныхъ словарей искусствъ и художествъ, у насъ есть: два музыкальныхъ—очень плохіе,—одинъ, относящійся къ произведеніямъ живописи—особенно плохой—и 2—3 техническихъ, въ которыхъ пропусковъ и промаховъ больше, чѣмъ статей. Поэтому, нельзя не быть благодарнымъ г. Булгакову за намѣреніе составить словарь по отдѣлу искусствъ и художествъ, съ которыми большинство нашей публики знакомо еще меньше, чѣмъ съ литературою и наукою. Особенно техническая сторона искусства для массы—совершенно terra incognita, и на эту сторону г. Булгаковъ обратилъ особенное вниманіе, придавъ въ своемъ словарѣ широкое развитіе объясненію техническихъ терминовъ, относящихся къ области художества. Область эту составитель принимаетъ въ самомъ широкомъ ея значеніи, причисляя къ ней, кромѣ изящныхъ искусствъ: живописи, скульптуры и архитектуры—декоративное и графическое искусство (къ послѣднему у него отнесены и совершенно разнородныя искусства: гравированіе, тино-

Digitized by Google

графія, фотографія), медальерное дѣло, геральдика, керамика, ювелирное искусство, даже такіе мастерства, которыя имѣютъ какое либо отношеніе къ развитію художества, какъ столярное, токарное, переплетное и пр. Наконецъ, въ словарѣ много статей относятся къ археологіи, миѳологіи, географіи и топографіи искусствъ (указаніе на мѣстности, гдѣ находятся главнѣйшіе музеи, памятники и пр.), объясненіе аллегорій, символовъ, эмблемъ, теоріи и исторіи искусствъ и т. п. Изъ этого видно, какую широкую задачу поставилъ себѣ г. Булгаковъ и съ какимъ трудомъ соединено ея исполненіе. Ошибки и промахи въ такомъ новомъ у насъ дѣлѣ —неизбѣжны, но сначала надо имѣть хоть что нибудь, а потомъ уже требовать лучшаго. И словарь г. Булгакова даетъ столько полезнаго матеріала для насъ, что его недостатки не могутъ уменьшить его значенія. Въ книгѣ бросаются скорѣе въ глаза не пропуски въ статьяхъ, а слишкомъ широкіе размѣры тѣхъ изъ нихъ, которыя касаются иностраннаго искусства, сравнительно съ русскимъ. Европа, конечно, опередила насъ и на этомъ поприщѣ, какъ на всѣхъ другихъ, но намъ хотѣлось бы, чтобы въ русскомъ словарѣ Благовѣщенскому собору, напримѣръ, не посвящалось только 20 строкъ, тогда какъ вѣнскимъ зданіямъ въ 20 разъ больше, и еще съ изображеніемъ „обѣтованной церкви“, тогда какъ московскій соборъ, этотъ драгоцѣнный памятникъ XIV столѣтія, не удостоился воспроизведенія на страницахъ художественной энциклопедіи, гдѣ нашли мѣсто соборы Бове, Аміэна и др. Вообще въ выборѣ рисунковъ замѣтно отсутствіе системы и преобладаетъ случайность. Такъ, въ то время, когда архитектурные рисунки всѣ совершенно умѣстны и собраны очень тщательно, снимки съ картинъ помѣщены, какіе попались подъ руку. Къ чему, напримѣръ, является „Пляска между мечей“, Семирадскаго, въ которой нѣтъ ничего характеристичнаго? Но Семирадскій, по крайней мѣрѣ, славянскій живописецъ, а неужели для образца батальной живописи нельзя было найти ничего лучше картины „Буржэ“ малоизвѣстнаго Невиля? И хотьбы въ статьѣ было объяснено содержаніе картины. Но выборъ рисунковъ не падаетъ на г. Булгакова и относится къ обязанности издателя, а онъ сдѣлалъ на этомъ поприщѣ уже столько полезнаго и хорошаго, принеся столько жертвъ, что было бы грѣшно поставить ему въ упрекъ новое его изданіе, требовавшее немалыхъ издержекъ, которыя никогда не вознаградятся, такъ какъ спеціальный словарь, хотя и необходимый для массы, заинтересуетъ только спеціалистовъ. Мы нуждаемся больше во всеобщемъ русскомъ словарѣ, который заключалъ бы въ себѣ все, что относится собственно къ нашему отечеству, а такой словарь, хотя бы обширный, долженъ имѣть успѣхъ. Вѣдь разошелся же большой березинскій словарь, стоющій 60 р. Неужели у насъ ни одинъ издатель не рискнетъ на такое патріотическое и доброе дѣло?

Digitized by Google

Изъ странныхъ разсказовъ *Грентъ-Аллена*. Переводъ съ англійскаго *М. В. Ватсонъ*. Спб. 1886.

Въ послѣднее время, въ англійской и вообще европейской публикѣ обратилъ на себя вниманіе своеобразный талантъ Грентъ-Аллена. Извѣстность его началась съ естественно-историческихъ очерковъ, помѣщавшихся въ газетѣ „Pall-Mall“ и освѣщавшихъ современною научною мыслью и тонкимъ эстетическимъ чувствомъ самыя скромныя явленія окружающей насъ природы. Въ легкихъ картинахъ, въ общедоступномъ изложеніи авторъ передавалъ біологическія и космическія истины, со времени Дарвина и Герберта Спенсера измѣнившія весь складъ эволюціонной мысли. Очерки эти, подъ названіемъ „Виньетки съ натуры“, были изданы въ 1883 году И. И. Билибинымъ, познакомившимъ русскихъ читателей со столькими замѣчательными сочиненіями западныхъ натуралистовъ и философовъ. Какъ беллетристъ, Грентъ-Алленъ началъ появляться въ нашихъ журналахъ въ самое послѣднее время, не раньше 1884 года. Читатели „Наблюдателя“ могли ознакомиться съ оригинальнымъ дарованіемъ писателя по двумъ очеркамъ его, взятымъ „Изъ странныхъ разсказовъ“. Подъ тѣмъ же заглавіемъ являются теперь эти разсказы въ отдѣльномъ изданіи, съ прибавленіемъ къ нимъ двухъ новыхъ, фантастическаго содержанія. Первый изъ этихъ разсказовъ: „Паузодинъ, великое химическое открытіе“—фантастиченъ только по отношенію къ настоящему времени, но не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго при будущихъ успѣхахъ науки. Химикъ прошлаго столѣтія занимается опытами надъ углекислотой, которая тогда только что была открыта. Изъ смѣси ея въ извѣстной пропорціи съ экстрактомъ масла Achemilla vulgaris онъ добываетъ вещество, названное имъ паузодиномъ и имѣющее свойство пріостанавливать, въ теченіе многихъ часовъ, всякое сознаніе и жизнь въ людяхъ и животныхъ. Опыты химика надъ кошками и собаками, которыхъ онъ погружалъ въ сонъ и безчувствіе на нѣсколько дней, были очень удачны, и онъ вздумалъ произвести ихъ надъ людьми, но чернь, считавшая его приверженцемъ вивисекціи и колдуномъ,—разнесла его лабораторію въ Лондонѣ и уничтожила всѣ его аппараты. Чтобы продолжать свои изысканія, онъ устроилъ себѣ за городомъ въ погребѣ, въ саду одной дачи, подземную лабораторію, гдѣ работалъ тайкомъ и одинъ. Однажды онъ нечаянно разбилъ большую бутыль съ паузодиномъ, и ошелоиленный испареніями химикъ потерялъ сознаніе и пришелъ въ чувство только черезъ сто лѣтъ. Срокъ этотъ, конечно, великъ, но временная пріостановка жизненныхъ процессовъ на болѣе или менѣе продолжительное время и возможность возобновленія всѣхъ отправленій человѣческаго организма — не подвержены сомнѣнію не только въ наше время, когда постепенно открываются все болѣе сильныя анестетическія и наркотическія вещества, но извѣстны и въ Индіи, гдѣ неоднократно производились опыты зарыванія

Digitized by Google

живыхъ, но обмершихъ людей въ могилу и потомъ оживленія ихъ черезъ нѣсколько дней. Химика, воскресшаго въ 1881 году, послѣ того какъ онъ умеръ въ 1781-мъ, конечно, считаютъ помѣшаннымъ и обходятся съ нимъ такъ жестоко, что ученый XVIII вѣка бросается подъ колеса локомотива, чтобы избавиться отъ людей XIX вѣка, придумавшаго столько прекрасныхъ средствъ для истребленія людей гуртомъ и въ одиночку.

Во второмъ разсказѣ Грентъ-Аллена: „Въ гостяхъ у мумій", авторъ, случайно открывъ входъ въ одну, еще неизслѣдованную и, поэтому, не обобранную египетскую пирамиду, попадаетъ въ общество Тотмеса XXVIII, фараона восемнадцатой династіи, его дочери, придворныхъ и жрецовъ, просыпающихся одинъ разъ черезъ каждую тысячу лѣтъ, послѣ того какъ всѣ они были превращены въ муміи шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ. Оказывается, конечно, что авторъ видѣлъ во снѣ всю эту бесѣду съ муміями, но ея содержаніе, дающее понятіе о жизни древнихъ египтянъ и ихъ изобрѣтеніяхъ, изъ которыхъ многія въ нашъ вѣкъ пришлось изобрѣтать уже во второй разъ—очень интересно.

О поднятіи народнаго благосостоянія, сочиненіе *Якова Янкевича*. Кіевъ. 1886.

Г. Янкевичъ сочинилъ эту книгу для того, чтобы указать на средства, какъ поднять народное благосостояніе въ Россіи, упадокъ котораго въ наше время сознаётся всѣми. И пресса, и земство, и правительство горячо занимаются этимъ вопросомъ и, по словамъ автора: „бросаясь въ разныя стороны, никакъ не могутъ натолкнуться въ своихъ изысканіяхъ на ту роковую точку, которая служитъ главнѣйшею причиною этого упадка". Г. Янкевичъ думаетъ, что онъ нашелъ эту точку. Одинъ изъ важныхъ источниковъ этого богатства, по его мнѣнію—земледѣліе. Какіе есть другіе источники—онъ не сообщаетъ, хотя и обѣщаетъ поговорить объ нихъ мимоходомъ, а старается только „выяснить тѣ способы, посредствомъ которыхъ можно успѣшнѣе и правильнѣе удобрять землю". Эти слова служатъ мѣриломъ значенія всей книги. Поднятія благосостоянія отъ успѣшнаго удобренія ждетъ не одинъ г. Янкевичъ, хотя наука и опыты давно говорятъ, что Россіи пора перестать считать себя исключительно земледѣльческой державой, и что однимъ хлѣбомъ, при самомъ правильномъ удобреніи, ей жить нельзя, тѣмъ болѣе, что русскаго хлѣба Европа теперь покупаетъ очень мало, найдя другіе хлѣбные рынки. Но г. Янкевичъ настаиваетъ на удобреніи и очень подробно разбираетъ всѣ его суррогаты. „Мимоходомъ", какъ самъ сознаётся, говоритъ онъ и о необходимости надѣленія крестьянъ землею, всесословной кассы, запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, объ уменьшеніи пьянства и предупрежденіи пожаровъ, даже о контролированіи дѣйствій присяжныхъ повѣренныхъ. По всѣмъ этимъ предметамъ авторъ составляетъ „прожекты", какіе тысячами сочиняются разными патріотами своего отечества. Такъ, говоря о пожарахъ, онъ тутъ

Digitized by Google

же проэктируетъ правила для трубочистовъ; трактуя о вредѣ паспортовъ, предлагаетъ замѣнить ихъ „послужными книжками“ съ восемью графами. Онъ заботится и о поднятіи цеховъ „на высоту своихъ призваній“, утверждаетъ, что, съ увеличеніемъ народныхъ школъ, увеличилось число послѣдователей сектъ и ихъ толкованій, хлопочетъ о назначеніи священникамъ жалованья до 800 рублей, причемъ составляетъ примѣрную таксу требамъ мѣстечка въ 2,000 душъ (за 18 родовъ требъ получается до тысячи рублей). Все это очень благонамѣренно, очень патріотично, но нисколько не прогрессивно, а мѣстами даже и очень ретроградно. И—вдобавокъ—всѣ эти прожекты изложены неудобоваримымъ языкомъ. Кто смутно понимаетъ свои собственныя мысли, тотъ не можетъ ясно и излагать ихъ. Неугодно ли, напримѣръ, понять слѣдующую фразу: „Государство что̀ дѣлало собственнымъ русскимъ умомъ, безъ подражанія иностранцамъ, то̀ дало намъ то, что̀ мы имѣемъ“. И такихъ фразъ найдется немало.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

„Сахарный вопросъ“, вновь выдвинутый на сцену.—Междоусобная война сахарозаводчиковъ.—Неудавшійся проэктъ возвышенія вывозной преміи и обращенія ея въ безвозвратную.—„Нормировка“ производства.—Во имя чего производятся всѣ эти набѣги на казенный сундукъ?—Благосостояніе рабочаго класса на сахарныхъ заводахъ.—Мнѣніе академика В. П. Безобразова о сокращеніи фабрично-заводскаго производства.—Рѣшеніе комитета министровъ по вопросу о нормировкѣ и его ближайшія послѣдствія.—Отмѣна этого рѣшенія и новый пересмотръ дѣла.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, разсматривая во внутреннемъ обозрѣніи нашего журнала (№ 5) корыстныя претензіи сахарозаводчиковъ „спекулятивно-акціонерной“ группы и скромныя вожделѣнія группы „землевладѣльческой“, состоящей изъ собственниковъ своихъ заводовъ, мы позволяли себѣ надѣяться, что претенціозная наглость спекуляторовъ найдетъ рѣшительный отпоръ въ министерствѣ финансовъ, а справедливыя ходатайства землевладѣльцевъ, производящихъ сахаръ въ подспорье къ развитію сельскаго хозяйства—получатъ полное и возможно-скорое удовлетвореніе.

Ходатайства землевладѣльческой группы исчерпывались въ нижеслѣдующихъ четырехъ пунктахъ, о которыхъ мы напомнимъ нашимъ читателямъ: 1) Чтобы правительство *не приносило въ жертву ихъ интересовъ спекулятивнымъ цѣлямъ акціонерныхъ за-*

Digitized by Google

водчиковъ юго-западнаго и привислянскаго края, испрашивающихъ у него ограниченія сахаропроизводства, *чтобы поднять цѣну на вырабатываемый продуктъ*. 2) Чтобы правительство наглядно и ощутительно поддержало заводчиковъ центральной полосы Россіи, открывъ имъ возможность дешеваго кредита изъ отдѣленій и конторъ государственнаго банка подъ соло-векселя землевладѣльцевъ, съ полнымъ обезпеченіемъ казны въ уплатѣ кредитованной суммы. 3) Чтобы этимъ заводчикамъ, для наибольшаго поощренія отечественнаго земледѣлія и скотоводства, даны были нѣкоторыя льготы въ уплатѣ акциза въ тѣхъ случаяхъ, если заводы не отличаются крупными размѣрами и не могутъ перерабатывать свыше 1000 берковцевъ въ сутки. 4) Чтобы правительство *нормировало тахітит цѣны сахара на нашихъ внутреннихъ рынкахъ*, по превышеніи котораго могло бы *понижать ввозную пошлину на заграничный сахаръ*, для предупрежденія спекуляціи, одинаково вредной какъ для русскаго потребителя, такъ и для русскаго заводчика-землевладѣльца.

Въ то же время, спекулятивно-акціонерная группа, очевидно, заручившись какими-то сильными ходами въ петербургскихъ вліятельныхъ сферахъ, шла, что̀ называется, на проломъ, напѣвая себѣ подъ носъ романсъ: „лови, лови часы любви“. Не довольствуясь непомѣрно-высокимъ, чисто-запретительнымъ тарифомъ на заграничный сахаръ, устраняющимъ всякую возможность конкуренціи и обузданія алчности отечественныхъ производителей; проглотивъ благополучно изъ государственнаго казначейства свыше 10-ти милліоновъ такъ называемой „вывозной преміи“ (за чрезмѣрное, превышающее народныя потребности, производство сахарныхъ продуктовъ),—спекулянты-заводчики этой группы потребовали, во-первыхъ, увеличить вывозную премію *до 3 р. 13 к.* съ пуда сахара, т. е. утроить ее, обративши притомъ въ безвозвратную; а во-вторыхъ—„нормировать“ производство, съ цѣлью—какъ прямодушно выразились заводчики центральной Россіи—„поднять цѣну на вырабатываемый продуктъ“. Какимъ же образомъ устроить эту неслыханную у насъ доселѣ нормировку или насильственное ограниченіе производства, въ видахъ вздорожанія общераспространеннаго продукта? Спекуляторы сахарозаводства хотѣли было сначала косить своихъ соперниковъ прямо по ногамъ, а именно: опредѣлить максимальные посѣвы свекловицы, т. е., другими словами, лишить сельскохозяйственные заводы дешеваго матеріала для переработки на сахаръ. Но ихъ остановила трудность примѣненія этой мѣры: даже для однихъ заводскихъ посѣвовъ потребовался бы сложный контроль, но, за-

Digitized by Google

тѣмъ, какая масса „земскихъ ярыжекъ“ понадобилась бы для надзора за полями тѣхъ землевладѣльцевъ, въ особенности крестьянъ, которые сѣютъ свекловицу ради поставки на заводы?! Пришлось ограничить требованія мѣрою болѣе удобною—наложить *тройной акцизъ* (2 р. 55 к. съ пуда) на избытокъ производства, превышающій 19 милліоновъ пудовъ. Нетрудно было предвидѣть результаты такого великодушнаго предложенія. „Нормировка—по справедливому замѣчанію „Московскихъ Вѣдомостей“—*убьетъ хозяйственные заводы подъ видомъ лѣченія кризиса и тѣмъ очиститъ поле для спекуляціи*. При нормировкѣ, западные заводы, находясь близко отъ границы, могутъ гораздо удобнѣе центральныхъ вывозить свой сахаръ на иностранные рынки. Временные убытки ихъ легко будутъ покрыты пайщиками товариществъ, наживавшимися за предъидущіе годы, да найдутся и банковыя учрежденія, которыя не откажутъ имъ въ поддержкѣ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи окажутся при нормировкѣ заводы центральныхъ мѣстностей, обязанные четвертую часть своего производства отдать за пустяки иностраннымъ экспортерамъ, *которыми и выступятъ заднѣпровскіе гешефтмахеры*. Эта кинутая за безцѣнокъ четверть выработаннаго продукта, на производство которой затрачены заводчикомъ наличныя средства, и будетъ гибелью для сельскохозяйственныхъ производителей, терпящихъ недостатокъ въ денежныхъ средствахъ: они будутъ вынуждены прекратить дѣло, прежде чѣмъ дождутся повышенія цѣнъ на сахаръ. Недаромъ заводчики центральныхъ мѣстностей такъ долго противились нормировочной агитаціи“.

Но во имя чего предъявлялись министерству финансовъ такія безцеремонныя требованія, имѣющія характеръ громаднѣйшаго налога на все народонаселеніе, потому что съ употребленіемъ сахара знакомы уже нынѣ не только городскіе жители, но цѣлыя массы болѣе зажиточныхъ крестьянъ? Если заводчики-спекулянты страдаютъ отъ чрезмѣрнаго переполненія рынка своими продуктами, которыхъ дешевая цѣна уже не возмѣщаетъ издержекъ производства, то кто же мѣшалъ имъ нормировать по доброй волѣ размѣры этого производства и снять такимъ образомъ съ рынка весь дешевый избытокъ? Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, что и дешевая якобы цѣна сахара вовсе не такъ убыточна, чтобы при ней нельзя было вести дѣла съ умѣренною выгодою для производителя. Нѣмецкій сахарный песокъ въ 1884—5 годахъ стоилъ не выше 2 р. за пудъ, и все таки нѣмецкая свеклосахарная промышленность не погибла,—хотя производство ея достигло 69 милліоновъ пудовъ,—а толки объ ограниченіи производства за-

Digitized by Google

мерли въ воздухѣ. Вся бѣда въ томъ, что нашимъ спекулянтамъ-сахароварамъ, избалованнымъ 60 и 100 % дохода на затраченные капиталы, скромная прибыль, которою легко довольствуется правильно-поставленная европейская промышленность, кажется уже насмѣшкой надъ ихъ былымъ величіемъ, и они хлопочутъ въ сущности вовсе не о нормировкѣ производства, а о возвращеніи имъ, путемъ правительственной регламентаціи, прежнихъ жидовскихъ барышей. Тогда какъ нѣмецкіе сахаровары, съумѣвшіе сократить издержки производства, довольствуются вышеуказанною цѣною продукта, наши спекулянты кричатъ караулъ при 4 р. за пудъ и желаютъ во что бы то ни стало возвысить эту цифру до 10 рублей. „Но—возражаютъ спекулянты—высшія цѣны на сахаръ, давая возможность процвѣтанія для крупной отрасли промышленности, съ тѣмъ вмѣстѣ обогащаютъ народъ хорошими заработками на заводахъ".

Отвѣтъ на это лицемѣрное заявленіе—притомъ же отвѣтъ обстоятельный и фактическій—данъ уже теперь офиціальнымъ отчетомъ инспектора кіевскаго фабричнаго округа, откуда мы и почерпнемъ нѣсколько данныхъ, касающихся положенія рабочаго класса на заводахъ спекулянтовъ-благодѣтелей.

Большинство рабочихъ на сахарныхъ заводахъ Заднѣпровья всегда были пришлые и набирались преимущественно въ губерніяхъ Смоленской, Могилевской, сѣверныхъ уздахъ Черниговской и другихъ. Мѣстные рабочіе составляютъ незначительное меньшинство, да ихъ и стараются избѣгать по той причинѣ, что они всегда могутъ уйти съ завода, тогда какъ бѣлому негру, попавшему на заводъ за сотни верстъ отъ дома, не такъ-то легко разсчитаться съ нанимателемъ, и онъ вынужденъ работать до конца производства, лишь бы зашибить деньгу на обратный путь. И вотъ въ глухіе зимніе мѣсяцы—въ январѣ, февралѣ и т. д.—т. е. тогда, когда сельское населеніе наиболѣе нуждается въ средствахъ, въ намѣченныя заранѣе волости, *обремененныя большими недоимками*, отправляются агенты завода или особые подрядчики, занимающіеся спеціально—поставкою на сахарные заводы дальнихъ рабочихъ. Наемъ рабочихъ, преимущественно недоимщиковъ, какъ людей наиболѣе сговорчивыхъ, производится обыкновенно *при дѣятельномъ участіи должностныхъ лицъ волостнаго правленія*, которыя, ради „благодарности", ручаются за исправное выполненіе крестьянами условій найма, слѣдятъ за своевременнымъ выходомъ рабочихъ изъ дому и т. п. Наемъ производится обыкновенно съ выдачею большихъ задатковъ, которые тутъ же и зачисляются въ уплату повинностей. Передъ отправленіемъ осенью въ путь,

Digitized by Google

выдается еще нѣсколько рублей на человѣка, такъ называемыхъ, „проходныхъ денегъ“; но, по дальности расположенія заводовъ отъ мѣста найма, рабочіе въ большинствѣ случаевъ должны дѣлать весь путь пѣшкомъ или покупать на свой счетъ желѣзнодорожные билеты. Про обратный путь и говорить нечего: здѣсь рабочіе обыкновенно покидаются на произволъ судьбы. Являясь на заводы, рабочіе пользуются *днемъ отдыха*, и затѣмъ должны *безостановочно работать во время производства* (отъ 3 до 4-хъ мѣсяцевъ) *безъ всякихъ праздниковъ*. Пропускъ хотя бы одного дня считается „прогуломъ“ и карается обыкновенно значительнымъ штрафомъ. Работа идетъ въ двѣ смѣны—ночную и денную—*по 12-ти* часовъ каждая. Какими же благодѣяніями и заботами пользуются рабочіе за свой безустанный ежедневный трудъ? Средній мѣсячный заработокъ пришлаго рабочаго, по вычисленіямъ г. Новицкаго, равняется всего 5 р. 85 к., или $19^1/_2$ к. въ день. Полурабочимъ,—женщинамъ и молодымъ парнямъ,—платится дешевле. При наймѣ отъ подрядчика, заработокъ понижается иногда до $4^1/_2$ р. за мѣсяцъ. Мѣстные рабочіе, лучше поставленные, получаютъ до 7 р. Харчи рабочимъ выдаются по разсчету 30 рабочихъ дней въ мѣсяцъ. Но такъ какъ рѣдкій рабочій бываетъ въ состояніи проработать безъ отдыха всѣ тридцать дней, то, кромѣ штрафовъ за прогулъ, производятся еще и вычеты харчеваго пайка. Харчи, въ большинствѣ случаевъ, невысокаго качества и въ ограниченномъ размѣрѣ. Благодаря особымъ условіямъ найма, рабочіе вынуждены, до нѣкоторой степени добровольно, ограничивать еще болѣе размѣры своего продовольствія, и безъ того скуднаго.

Условія найма, по свидѣтельству фабричной инспекціи, составляются крайне односторонне. Наниматель можетъ удалить рабочаго во всякое время; онъ вправѣ наложить совершенно произвольный штрафъ, можетъ поставить рабочаго на работу, не соотвѣтствующую его силамъ, такъ какъ по условію послѣдній долженъ работать, гдѣ укажутъ и „что̀ укажутъ“. Заводской администраціи предоставляется право уменьшать рабочему даже договоренное жалованье, свести его на полурабочаго. „Обязывая рабочихъ—говоритъ отчетъ—рядомъ неустоекъ и штрафовъ, заводы съ своей стороны не даютъ никакихъ гарантій въ томъ, что они будутъ снабжать рабочаго доброкачественною пищею, удобнымъ помѣщеніемъ, и будутъ своевременно выплачивать заработанныя деньги“. Практика штрафовъ имѣетъ на сахарныхъ заводахъ такое же широкое примѣненіе, какъ и на знаменитой, со времени недавняго процесса, фабрикѣ Морозова. Штрафуютъ

Digitized by Google

за все: за прогулъ, *противорѣчіе*, грубость, „худое качество“ товара и пр. Многіе рабочіе, особенно при сокращеніи срока производства работъ, весьма часто не успѣваютъ отработать задатковъ. Тогда происходитъ операція перечисленія долга въ зачетъ будущаго производства, и попавшій въ такую кабалу рабочій становится неоплатнымъ должникомъ завода или подрядчика—поставщика „фабричнаго мяса“. Существованіе этихъ подрядчиковъ объясняется нѣкоторыми условіями самаго производства. Заводы обыкновенно спѣшатъ на перебой обработать имѣющуюся въ ихъ запасѣ свеклу. Работа идетъ безъ перерыва мѣсяца три, днемъ и ночью, въ будни и въ праздники; рабочія руки необходимы сразу въ большомъ количествѣ. Тутъ-то и являются всякіе подрядчики, преимущественно изъ „угнетеннаго“ израильскаго племени, наживающіеся, какъ водится, насчетъ той и другой стороны, но зато успѣвающіе доставить къ сроку требуемое число рукъ. Прибыль такихъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“ еврейчиковъ, по исчисленіямъ г. Новицкаго, доходитъ до 5 р. въ мѣсяцъ съ каждаго, поставленнаго на заводъ, рабочаго, а иногда и до 15-ти. Промыселъ этотъ успѣлъ даже сконцентрироваться въ загребистыхъ лапахъ нѣсколькихъ, до того уже разбогатѣвшихъ подрядчиковъ, что они завели массу своихъ особыхъ агентовъ.

Санитарная обстановка большинства заводовъ—по свѣдѣніямъ инспекціи—весьма неудовлетворительна. Рабочія казармы отличаются въ большинствѣ грязью, тѣснотой, дурной вентиляціей и отсутствіемъ всякихъ удобствъ. Не въ лучшемъ положеніи находятся и заводскія помѣщенія, гдѣ производятся работы. Большинство работъ на сахарныхъ заводахъ, по самому свойству ихъ, весьма тяжелы и дѣйствуютъ губительно на здоровье рабочихъ. Къ числу наиболѣе вредныхъ работъ на этихъ заводахъ слѣдуетъ отнести тѣ, которыя производятся при помощи извести. Мельчайшія части извести носятся въ воздухѣ, покрываютъ платье и тѣло рабочихъ, разрушая и то, и другое; портятъ глаза и проникаютъ въ легкія, вызывая разнаго рода легочныя страданія. Такими же свойствами отличаются работы въ костокольнѣ, на тержахъ, прессахъ и т. д. Изслѣдователь Сумскаго уѣзда (Харьковской губ.), собирая свѣдѣнія о сахарныхъ заводахъ еще въ 1882 г., пораженъ былъ рѣзкимъ измѣненіемъ вида рабочихъ *до* и *послѣ* окончанія заводскихъ работъ. „Въ началѣ производства—говоритъ онъ—вы видите свѣжихъ, бодрыхъ и здоровыхъ людей; большинство же уходящихъ съ работъ представляютъ собою истощенные и больные организмы. Бывали случаи, когда заводы чуть было не

Digitized by Google

пріостанавливали хода всего производства, вслѣдствіе несогласія рабочихъ подвергаться мученіямъ, вызываемымъ нѣкоторыми работами на сахарныхъ заводахъ".

Немудрено, что, въ виду всѣхъ этихъ экономическихъ и санитарныхъ условій, бѣгство рабочихъ съ сахарныхъ заводовъ составляетъ самый заурядный фактъ. Попадая въ такую тяжелую обстановку, значительная часть рабочихъ (отъ 5 до 12% общаго числа) забываютъ о всѣхъ своихъ потеряхъ, сопряженныхъ съ самовольнымъ уходомъ, и бѣгутъ отъ своихъ благодѣтелей, куда глаза глядятъ. А благодѣтели, предвидя эти естественные результаты чинимыхъ ими благодѣяній, стараются запасаться рабочими въ бо̀льшемъ размѣрѣ, чѣмъ сколько нужно. Если же бѣглецовъ, паче чаянія, окажется меньше, то излишнихъ рабочихъ хозяева безъ всякихъ церемоній прогоняютъ на всѣ четыре стороны, хотя бы они и явились изъ дальнихъ мѣстъ.

Такова безпристрастная картина народныхъ заработковъ у сахарныхъ крезовъ, которые, тѣмъ не менѣе, прикрываясь фарисейскими заботами о благосостояніи рабочаго люда, съумѣли сорвать съ этого народа, въ теченіе 10 лѣтъ, баснословную сумму *приплаты* за сахаръ *около 350 милліоновъ рублей*. (Этого же разсчета, сдѣланнаго нами въ майской книгѣ журнала, держатся приблизительно и „Русскія Вѣдомости" въ № 258-омъ). Понятно, что *упадокъ* такого производства, на который облыжно жалуются сахарозаводскіе плакальщики, есть только упадокъ ихъ личнаго благосостоянія и отнюдь не сопряженъ ни съ какими народными бѣдствіями.

Справедливо говоритъ почтенный академикъ В. П. Безобразовъ по общему вопросу о значеніи нынѣшняго промышленнаго кризиса въ ходѣ нашей народно-экономической жизни: „Что касается до вліянія промышленнаго или, лучше, фабричнаго кризиса на народное благосостояніе, то *оно всего менѣе печально*. Сокращеніе работы на фабрикахъ произошло пока преимущественно и почти исключительно насчетъ тѣхъ рабочихъ, которые не постоянно живутъ на фабрикахъ и еще несовсѣмъ разстались со своими землями и съ земледѣліемъ. *Они вернулись въ свои деревни и къ своей землѣ*. Это явленіе — теперь повсемѣстное въ московской области. Какое же въ этомъ бѣдствіе для народа? Какъ бы ни было неизбѣжно возрастаніе фабричной промышленности и крупныхъ промышленныхъ заведеній, какъ бы это возрастаніе,—впрочемъ, нормальное, а не искусственно ускоренное и упреждающее потребности рынковъ,—ни было даже нужно для успѣховъ культуры,—*все таки нельзя забыть вредоноснаго вліянія фабричнаго*

Digitized by Google

быта, въ нынѣшнихъ его формахъ, на хозяйство и на нравственность нашихъ рабочихъ массъ. Упадокъ крестьянскаго хозяйства и распаденіе семейной жизни въ деревняхъ московской области должны быть въ значительной степени приписаны вліянію крупныхъ фабричныхъ заведеній, собравшихъ около себя, для весьма шаткой, безпочвенной уличной жизни, толпы крестьянскаго народонаселенія".

Все сказанное г. Безобразовымъ вообще о крупной промышленности вполнѣ приложимо, въ частности, и къ сахарозаводскому дѣлу, съ тѣмъ еще усугубленіемъ, что производители московскихъ ситцевъ не получали до сихъ поръ никакихъ вывозныхъ премій и не покушались „нормировать" посѣвы льна или пеньки...

Итакъ, предъ министерствомъ финансовъ стояли въ выжидательной позѣ двѣ категоріи сахарозаводчиковъ, изъ которыхъ, казалось бы, всѣ симпатіи государства должны принадлежать второй категоріи—сельскихъ хозяевъ, обработывающихъ на своей землѣ свой собственный, а не покупной буракъ, и не спекулирующихъ на жидовской биржѣ продуктами своего производства. Но какой-то злой духъ точно овладѣлъ въ послѣднее время нашимъ финансовымъ управленіемъ, и оно дѣлаетъ ошибку за ошибкой. Требованіе „нормировки" сахарнаго производства 19-ю милліонами пудовъ (якобы удовлетворяющими народному потребленію) и наложенія тройнаго акциза за выработанное сверхъ нормы количество,—это требованіе нашло себѣ защиту въ министерствѣ финансовъ и внесено въ комитетъ министровъ, который пошелъ еще дальше въ своей благосклонности къ сахарнымъ заводчикамъ, убавивъ норму производства до 17-ти милліоновъ и продливъ срокъ ея дѣйствія съ одного года на два, причемъ изъ нормировки *исключались* заводы съ производительностью въ 50,000 пудовъ (министръ предлагалъ 30,000).

Льготное для спекулянтовъ постановленіе комитета министровъ было встрѣчено крайнимъ недоумѣніемъ со стороны всей *русской* прессы, безъ различія направленій (за исключеніемъ „Новаго Времени", которое, горячо нападая на вывозныя преміи, вдругъ перемѣнило фронтъ по вопросу о нормировкѣ). Зато возликовала кіевская „Заря"—органъ евреевъ-спекулянтовъ, которымъ не только нѣтъ никакого дѣла до интересовъ русскаго народа, но для которыхъ, пожалуй, *чѣмъ хуже, тѣмъ лучше*. Цѣны на сахаръ внезапно и быстро поднялись послѣ такого ликованія. Около 15-го сентября сахарный песокъ продавался на станціяхъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ отъ 3 р. 5 к. до 3 р. 20 к. за пудъ. Но лишь только распространился слухъ о мнѣніи ко-

Digitized by Google

митета министровъ по поводу нормировки, какъ сахарныя цѣны тотчасъ же (по свѣдѣніямъ „Вѣстника финансовъ, торговли и промышленности“) поднялись на юго-западныхъ дорогахъ до 3 р. 80 к. Повышеніе не остановилось на этомъ, дошло уже до 4 р. 80 к.; но „продавцы—по словамъ того же „Вѣстника“ (офиціальнаго органа министерства финансовъ)—воздерживаются, въ разсчетѣ, что скоро цѣна сахарнаго песка *должна будетъ подняться до 5 р. за пудъ*“. Такой азартъ проявила „игра на повышеніе“ вслѣдствіе однихъ слуховъ о нормировкѣ; что же было бы, еслибъ эти слухи перешли въ дѣйствительность, и какой оброкъ собрали бы съ русскаго народа спекулянты-заводчики?!

Къ счастію, не всякому слуху вѣрь. Мнѣніе комитета дѣйствительно состоялось, хотя при неполномъ составѣ министровъ, замѣненныхъ въ значительной долѣ ихъ товарищами, и—слѣдовательно—имѣло, такъ сказать, „товарищескій“ характеръ. Но надъ самимъ комитетомъ министровъ стоитъ верховная власть, которой не благоугодно было утвердить помянутое мнѣніе; а потому вопросъ о нормировкѣ снова возвращается въ нѣдра того же учрежденія, но уже при другомъ составѣ членовъ, подающемъ основательныя надежды на иное его разрѣшеніе, болѣе зрѣлое и соотвѣтственное съ потребностями Россіи.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖН. МАГАЗИНАХЪ

НОВАЯ КНИГА

ВЛ. МИХНЕВИЧА:

ЯЗВЫ ПЕТЕРБУРГА.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВВЕДЕНІЕ. I. Діагнозъ современной русской дѣйствительности. II. Задачи этой книги.

ЧАСТЬ 1-я. **Статистика нужды, недовольства и нравственной порчи:**—I. «Городъ пышный, городъ бѣдный».—II. Общая сумма «подати преступленію».—III. Бродяги, нищіе и безпаспортные.—IV. Виды Петербургскаго нищенства.—V. Жертвы общественнаго темперамента.—VI. Скорбныя цифры.

ЧАСТЬ 2-я. **Міръ преступленій:**—I. Уголовная статистика.—II. Убійства непреднамѣренныя.—III. Убійства по разсчету.—IV. Честные убійцы.—V. Воры.—VI. Грабители и карманники.—VII. Обманъ, мошенничество и растрата.—VIII. Нарушенія общественнаго порядка и личныя оскорбленія.—IX. Святотатства, поджоги, изнасилованія, поддѣлка денегъ.—X. Дѣти-преступники.

ЧАСТЬ 3-я. **Картины нравовъ:**—I. Семейный разбродъ.—II. Семейныя драмы.—III. Родители и дѣти.—IV. Внѣзаконная любовь.—V. Пьянство народное.—VI. Жертвы Вакху въ культурной средѣ.—VII. Легкая нажива.—VIII. Эксплуатація глупости и порока.—IX. Литературный шантажъ.—X. Самоубійства.

Спб. 1886 г. 600 стр. in 8⁰ Цѣна 3 руб.

Складъ изданія у автора: Покровская площадь, 52—96. Выписывающіе изъ склада за **пересылку не платятъ**; выписывающіе не менѣе пяти экземпл. пользуются уступкой 20%.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 10-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

I. Жемчужина Гвадарамы. Вас. И. Немировича-Данченко. 5
II. Изъ Сюлли Прюдома. Стихотворенія О. Чюминой 51
III. Научныя увлеченія уголовныхъ психіатровъ. М. Гребенщикова 53
IV. Парисъ. Историческій романъ. Вильгельма Валлота . . . 78
V. Сумашедшій. Стихотвореніе Л. И. Пальмина 111
VI. Исповѣдь ссыльнаго. Вадима Р—ова 113
VII. Воспоминанія префекта полиціи. Л. Андріё 149
VIII. Наши избирательные цензы. А. 185
IX. На охотѣ. Стихотвореніе И. П. Можайскаго 211
X. Посмертная исповѣдь. Гюи де-Мопассана 212
XI. Нильскій крокодилъ. Повѣсть Д. Л. Мордовцева 220
XII. Дворянинъ-рабочій. (Ishmael). Романъ мистрисъ Бреддонъ . . 231
XIII. Ошибки русской политики въ Болгаріи. Гр. П. А. Кутузова 329
XIV. Крестьянскія движенія въ Лифляндіи. Е. В. Чешихина . . . 365

Современное обозрѣніе.

XV. Политическая хроника. 1
XVI. Новыя книги. 16
XVII. Наши внутреннія дѣла 24

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ:

«НАРОДНАЯ ШКОЛА»

ВЪ 1887 ГОДУ.

(Девятнадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по **учрежденіямъ** Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства **Народнаго** Просвѣщенія и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ издаваться въ 1887-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательство по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія народнаго образованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ — кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій — систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою «**Разныхъ извѣстій**», любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ выходить въ 1887 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. За границу—**6 руб.** Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», Поварской переулокъ, д. № 5; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Моховая, противъ Университета, и въ конторѣ г-жи Печковской, Петровскія линіи. Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами, подписавшимися въ главной конторѣ.

Желая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала за 1878—79—82 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 13½ руб. за три года, **по 9 руб. съ пересылкою.** При подпискѣ же на 1887 годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 13 руб.

За 1880, 1881, 1883, 1884 и 1885 гг. журналъ выписывается по номинальной стоимости.

Подписка на текущій годъ продолжается.

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

въ 1887 году. (Годъ шестой).

Журналъ будетъ издаваться въ 1887 г. подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Съ первыхъ книгъ начнется печатаніе романа **Вас. Ив. Немировича-Данченко:** *Семья богатырей.*

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ и объемъ журнала увеличены до размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій. Подписная же цѣна остается прежнею: **12** р. за годъ безъ доставки; **13** р. съ доставкою въ С.-Петербургѣ; **14** р. съ перес.; **16** р. съ пересылкою за границу.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5); **въ Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета) и въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи; **въ Варшавѣ**—въ книжномъ магазинѣ Карбасникова; а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4-хъ часовъ пополудни, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи по четвергамъ, отъ часу до двухъ.

Подписка на текущій годъ продолжается.

Редакторъ-Издатель **А. П. Пятковскій.**

8546 11

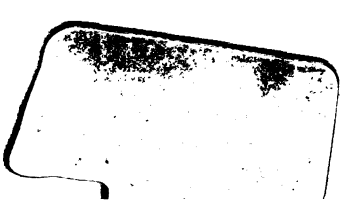
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google